

Бавжинец Попель-Махницки
Адам Плескачиньски
Констанция Плескачиньска

Неоткрытые путешествия

**Дневник экспедиции
Бронислава Громбчевского
1889–1890**

как свидетельство истории
и элемент культурного наследия

Неоткрытые путешествия

ДНЕВНИК ЭКСПЕДИЦИИ
Бронислава Громбчевского
1889–1890

как свидетельство истории
и элемент культурного наследия

Вавжинец Попель-Махницки
Адам Плескачиньски
Констанция Плескачиньска

Неоткрытые путешествия

**ДНЕВНИК ЭКСПЕДИЦИИ
Бронислава Громбчевского
1889–1890**

как свидетельство истории
и элемент культурного наследия

Poznań 2017

Recenzent
prof. zw. dr hab. Bogusław Polak

**Projekt został sfinansowany ze środków Narodowego Centrum Nauki
przyznanych na podstawie decyzji numer DEC-2013/11/B/HS2/02814**

© Wawrzyniec Popiel-Machnicki, Adam Pleskaczyński, Konstancja Pleskaczyńska 2017
This edition © Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu,
Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2017

Fotografia na okładce – ze zbiorów Archiwum Naukowego Rosyjskiego Towarzystwa Geograficznego
(*Альбом видов и типов снятых Брониславом Людвиговичем Громбчевским во время
путешествия в северо-западный Тибет по поручению Императорского Русского
Географического Общества*).

Projekt okładki
Konstancja Pleskaczyńska

Redakcja i korekta
Antoni Bortnowski

Tłumaczenie na język rosyjski
Antoni Bortnowski – s. VIII–LXV
Wawrzyniec Popiel-Machnicki – s. LXVI–LXVII, 574, 596, 597 oraz przypisy w *Dzienniku*

Opracowanie graficzne i łamanie komputerowe
Konstancja Pleskaczyńska

Korekta techniczna
Elżbieta Rygielska

ISBN 978-83-232-3197-4

WYDAWNICTWO NAUKOWE
UNIwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu
61-701 POZNAŃ, UL. A. FREDRY 10
www.press.amu.edu.pl
Sekretariat: tel. 61 829 46 46, faks 61 829 46 47, e-mail: wyd nauk@amu.edu.pl
Dział Promocji i Sprzedaży: tel. 61 829 46 40, e-mail: press@amu.edu.pl
Wydanie I. Ark. druk. 42 + 5 map
DRUK I OPRAWA: UNI-DRUK, LUBOŃ UL. PRZEMYSŁOWA 13

СОДЕРЖАНИЕ

Слова благодарности VI

Адам Плескачиньски

«Нигде нет следов тропинки».

Центральноазиатские странствия

Бронислава Громбчевского: 1876–1896 VIII

Вавжинец Попель-Махницки

Путевые записки, или литературные размышления

о среднеазиатской экспедиции

Бронислава Громбчевского XXXII

Констанция Плескачиньска

Дневник, написанный изображением.

Анализ фотографий Бронислава Громбчевского

снятых в ходе экспедиции 1889–1890 LI

Комментарий LXVI

Бронислав Громбчевский

Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем

и Северо-Западный Тибет 1889–1890 гг. 1

Адам Плескачиньски

Идентификация названий населенных пунктов

и физиографических объектов 574

Библиография 596

Список фотографий и таблиц 600

Об авторах 601

Уважаемые читатели,

мы отдаем в Ваши руки издание *Дневника экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет 1889–1890 гг.* выдающегося исследователя Центральной Азии, поляка на российской службе, Бронислава Громбчевского. Настоящая публикация содержит рукопись копии *Дневника*, которая хранится в Научном архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге (Фонд 45, опись 1, № 6), и три главы: исторический анализ, литературоведческий анализ и анализ, относящийся к лично сделанным Громбчевским во время экспедиции фотографиям. В книгу включен также список, идентифицирующий записанные путешественником названия населенных пунктов и физиографических объектов. Издание обогащено вышеупомянутыми фотографиями и путевой картой, представляющей центрально-азиатские путешествия Бронислава Громбчевского. Настоящая книга подготовлена в двух языковых версиях: польской и русской.

Мы надеемся, что представленные документы станут сокровищницей знаний для многих исследователей – представителей широкого спектра научных дисциплин. Дневник – это, без сомнения, отличный источник для дальнейших исследований, которые позволят подчеркнуть неоспоримое значение Громбчевского для польского культурного наследия, а также большой вклад, который этот выдающийся поляк внес в развитие мировой науки. Исследовательские работы финансированы польским Национальным центром науки в рамках гранта «Опус-6».

Эту книгу мы посвящаем **Профессору Веславу Ольшевскому**, выдающемуся историку, эксперту по культуре и цивилизации Азии, награжденному президентом Российской Федерации «Орденом Дружбы», преждевременно умершему члену нашей исследовательской группы.

Настоящая публикация не возникла бы в такой форме без помощи Русского географического общества и Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации и благожелательности, работающих в этих учреждениях людей.

Прежде всего, мы хотели бы выразить благодарность:

Артему Андраниковичу Манукяну
директору Русского географического общества в Москве

Марии Федоровне Матвеевой
заведующей Научным архивом Русского географического общества
в Санкт-Петербурге

Проф. Артему Юрьевичу Рудницкому
заместителю директора Историко-документального департамента
Министерства иностранных дел Российской Федерации в Москве.

Кроме того, особой благодарности заслуживают:

Сергей Вадимович Андреев

Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Польше

К. ф. н., доцент Любовь Романовна Скреминская

из Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина в Бишкеке

К. и. н., доктор Антонина Евдокимовна Захарова

из Национальной академии наук Кыргызской Республики в Оше

К. б. н., доктор Надежда Валентиновна Слепкова

из Зоологического института Российской академии наук в Санкт-Петербурге

Проф. д-р инж. Анджей Яйшчик

директор Национального центра науки в Кракове

Проф. д-р м. н. Збигнев Блоцки

директор Национального центра науки в Кракове

Проф. д-р ф. н. Хенрик Янковски

из Университета им. Адама Мицкевича в Познани

Проф. д-р Пиотр Волынски

из Университета изящных искусств в Познани

Проф. д-р и. н. Богуслав Поляк

из Кошалинской политехники

Д-р Артур Яздон

директор Университетской библиотеки в Познани

Проф. УАМ, д-р ю. н. Анджей Гульчински

директор Познаньского общества друзей науки

Семья Громбчевских

Марек, Гражина и Бартош Громбчевские из Варшавы
Ядвига-Инка Громбчевская-Дрегер и Витольд Дрегер из Торонто,
а также

Лада Евгеньевна Хасанова, директор *Osh Travel* в Оше

Халмухамат Кадыров, водитель в *Osh Travel* в Оше

Раимберды Кутбаев, путеводитель в долине Алая из Дороут-Кургана

Адам Плескачиньски

**«Нигде нет следов тропинки».
Центральноазиатские
странствия
Бронислава Громбчевского:
1876–1896**

В октябре 1890 года, после семнадцати месяцев богатого приключениями и опасностями путешествия, Бронислав Громбчевский завершил свою очередную центральноазиатскую экспедицию. Имя российского офицера (записываемое, кстати, различными и нередко самыми причудливыми способами) не покидало первых страниц газет всего мира, а о его подвигах писали самые авторитетные географические журналы. Особенно пристально наблюдали за ним англичане, потому что Громбчевский исследовал ключевые в политическом плане территории, где соприкасались имперские интересы Великобритании и России. В 1892 году в престижном журнале „The Asia Quarterly Review” был опубликован текст проживающего в Санкт-Петербурге британского корреспондента, который впечатляющим и характерным для тех времен путем охарактеризовал знаменитого путешественника: «Я обращаю внимание на полковника, до недавнего времени капитана Громбчевского, которого на сегодняшний день, после смерти Пржевальского, я считаю одним из наиболее стойких и неутомимых российских исследователей Центральной Азии. (...) Это идеальный тип спортсмена – кстати, он известен как спортсмен и исследователь – Громбчевский является человеком необычного телосложения, идеально пропорционального своему росту (шесть футов два дюйма). Его светлый и здоровый цвет лица, безусловно, отличается на фоне бледной кожи обычных горожан, встречаемых им в Санкт-Петербурге. Однако, когда я встретил его, он не выглядел здоровым. Были некоторые признаки того, насколько его великолепный организм был ослаблен холодом и серьезными трудностями, через которые ему пришлось пройти. Громбчевский привлекателен уже на первый взгляд, а при более близком знакомстве выигрывает еще больше. Лицо его необыкновенно, с приятным и доброжелательным выражением, а его манеры, полные легкого обаяния, раскрывают некую особенность – сочетание поведения твердого и простого солдата с шармом, которым славилась старая польская аристократия»¹.

¹ W. Barnes Steveni, *Colonel Grambcheffsky's Expeditions in Central Asia, and The Recent Events on The Pamirs* [в:] „The Asiatic Quarterly Review” 1892, t. 3, January–April, с. 17–18. Перевод В.П.-М.

Кем был этот человек, которого современники считали одним из величайших исследователей Центральной Азии? Какие тропы судьбы позволили происходящему из обедневшей дворянской семьи поляку пробиться в высшее общество Санкт-Петербурга и заручиться поддержкой представителей элит для своих смелых планов?

Бронислав Громбчевский происходил из старого шляхетского рода, живущего сотни лет в Мазовии, где родился его отец – Людвиг Анджей (1819–1881). Мы не знаем обстоятельств переезда Людвиг в Жмудь, но остается фактом, что он там стал управляющим поместьем Ужвенты, принадлежащим герцогу Друцкому-Любецкому, и в 1849 году в соседних Шавкинах женился на Эмилии Богуш герба Одынец. В 1851 году в Ужвентах родился у них самый старший сын, Людвиг, который, по всей вероятности, умер в детстве. В 1853 году в Кантанове родился Мечислав (ставший впоследствии президентом Калиша), а 15 января 1855 года – Бронислав. Год спустя в Любах родился Витольд, а в 1857 году последний из сыновей – Владимир. Наконец, в 1860 году в Жорах родилась у Громбчевских единственная дочь – София². Жизнь Громбчевских не отличалась в то время от жизни обыкновенных помещиков, со всеми ее радостями и горестями. Спустя долгие годы Громбчевский с почтением вспоминал свой дом, особенно любимого дядю, Северина Гросса. Это был колоритный человек, ярко выделяющийся на фоне других польских помещиков в Жмуди. Гросс проявлял страсть к орнитологии, работал с самым выдающимся исследователем птиц в Польше, Владиславом Тачановским, был полиглотом и харизматическим командиром восстания в 1863 году³. Без сомнения, дядя Северин импонировал мальчику, и, возможно, увлечение этим замечательным человеком повлияло на всю его дальнейшую жизнь.

Начало январского восстания 1863 года стало четким рубежом в жизни мальчика. Отец Бронислава, Людвиг, пользующийся значительным авторитетом среди помещиков, стал доверенным лицом лагеря «белых» и конспиративным начальником округа. Вскоре его арестовали и сослали в Чембар под Пензой⁴. Эти события раз и навсегда разрушили налаженный образ жизни Громбчевских в провинциальном мире литовских поместий. В 1866 году российские власти заставили Эмилию продать имение и вместе с шестью детьми, отец которых происходил ведь из Польского королевства, выслали ее из Литвы. Семья поселилась в Варшаве, и с того времени началось скромное существование за

² Подробные сведения о роде Громбчевских, вместе с генеалогическим древом Людвиг и Эмилии, были переданы потомками Мечислава Громбчевского (умершего в 1898 году в Калише старшего брата Бронислава).

³ Громбчевский посвятил Гроссу достаточно обширный фрагмент своих детских воспоминаний и достаточно точно описал драматические обстоятельства его гибели во время орнитологической экспедиции в Кейптаун. См.: В. Grąbczewski, *Na służbie rosyjskiej. Fragmenty wspomnień*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1925, с. 10–15 и P. Daszkiewicz, *L'expédition zoologique polonaise en Algérie d'après la correspondance de Władysław Taczanowski a Konstanty Jelski* [в:] „Organon” 2009, t. 41, с. 116–117.

⁴ W. Lasocki, *Wspomnienia z mojego życia*, t. 2, *Na Syberji*, nakł. Gminy Stoł. Król. Miasta Krakowa, Kraków 1934, с. 47.

счет средств, оставшихся от продажи имения, и небольшой помощи родственников. Сложно сказать, когда Людвиг вернулся из ссылки, но с 1870 года его указывает *Варшавский информационно-адресный справочник (Przewodnik warszawski informacyjno-adressowy)*. Несмотря на то, что Людвиг получил работу на железной дороге в Кутно, материальное положение Громбчевских оставалось тяжелым.

Тем временем Бронислав начал обучение в классической гимназии в Варшаве и после сдачи выпускных экзаменов в апреле 1873 года поступил вольноопределяющимся в армию⁵. Данное решение отразилось на всей его жизни, в связи с чем стоит задержаться на этом факте. Согласно семейному преданию одним из условий досрочного освобождения Людвиг от каторги было направление старших сыновей (Мечислава, Бронислава и Людвиг Якуба) на военную службу. Данную информацию тяжело проверить, так как сам Громбчевский никогда официально на эту тему не высказывался. В посмертно опубликованном собрании воспоминаний, которые должны были стать основой более крупной двухтомной работы, издатель во вступлении сообщил, что Громбчевский, прикованный к постели прогрессирующей болезнью, не успел записать или даже продиктовать воспоминаний «времен своей ранней молодости и объяснить причины, заставившие его вступить в российскую армию и покинуть на долгие годы родную страну»⁶. Можно, однако, полагать, что о вступлении в армию решили самые прозаические причины. Обучение в российских военно-учебных заведениях было неоднократно для детей из больших дворянских семей, которых после восстания коснулись репрессии, единственным шансом на получение надлежащего образования и работы, гарантирующей постоянные и достаточно высокие доходы⁷. И это, скорее всего, было основной причиной выбора такого, а не иного жизненного пути.

Громбчевский, как вольноопределяющийся, сам мог выбрать, в каком подразделении ему служить. В это время в Варшаве дислоцировались аж четыре престижных лейб-гвардейских полка. Молодой Громбчевский выбрал один из них – Лейб-гвардии Кексгольмский Императора Австрийского полк. После года службы, в течение которого Громбчевский показал себя хорошим солдатом, и по-

⁵ Информация, приведенная первым польским биографом Бронислава Громбчевского, Болеславом Ольшевичем, о том, что Громбчевский после выпускных экзаменов коротко учился в Горном институте в Санкт-Петербурге, не была проверена, и на сегодняшний день тяжело рассматривать ее как полностью достоверную. (см. B. Olszewicz, *General Bronisław Grąbczewski. Polski badacz Azji Środkowej (1855–1926)*, Gebethner i Wolf, Poznań 1927, с. 18).

⁶ B. Grąbczewski, *Na służbie rosyjskiej...*, ук. соч., с. 6.

⁷ Вопреки популярному в Польше, «романтическому» убеждению о нежелании польской шляхты служить в российской армии, это явление во второй половине XIX века было достаточно распространенным. Нередко на службу в чужой форме решались молодые люди, родители которых сражались в антироссийских восстаниях (1830–1831, 1863–1864). Случались даже ситуации, в которых российскими офицерами становились бывшие заговорщики. Шире на данную тему: M. Kulik, *Motywacje Polaków wstępujących do rosyjskich szkół wojskowych (1865–1914)* [в:] *Między irredentą a kolaboracją. Postawy społeczeństwa polskiego w latach niewoli – „W obcym mundurze”*, pod red. L. Michalskiej-Brachy i M. Korybut-Marciniak, Wyd. DiG, Warszawa 2013, с. 167–185.

вышения до чина старшего унтер-офицера, он поступил в 1874 году в двухлетнее пехотное юнкерское училище. Именно тогда впервые проявился интерес Громбчевского к далеким и экзотическим путешествиям. В то время в очередную среднеазиатскую экспедицию отправлялся Николай Пржевальский, живая легенда российского путешественничества. В октябре 1874 года он обратился к своему другу, И.Л. Фатееву, преподавателю варшавского юнкерского училища (в котором, кстати, ранее преподавал географию Пржевальский), с просьбой выбрать одного юнкера, который добровольцем и без меркантильного интереса мог бы принять участие в экспедиции. Желающих было много, но Фатеев посоветовал именно Громбчевского, который с большим энтузиазмом отреагировал на решение. В итоге, однако, Пржевальский выбрал кого-то другого⁸.

Первая попытка поехать в Центральную Азию закончилась неудачей, но вскоре перед Громбчевским возникла очередная возможность. В июле 1875 года наш двадцатилетний герой окончил училище и вернулся ненадолго в свой полк, а в марте следующего года был переведен в 14-й Туркестанский линейный батальон в Ташкенте. По словам Болеслава Ольшевича, который лично знал Громбчевского и сотрудничал с ним в Польском географическом обществе, это было его личное решение с целью избежать противостояния со своими соотечественниками в оккупированной русскими Польше. «Врожденное стремление к путешествиям (...), а также неприятные стороны службы в российской форме, от которой отворачивалось польское общество, подтолкнули Громбчевского к выезду на Восток. Когда только он стал офицером (1875), сразу начал хлопотать о перенесении в Азию, опасаясь быть направленным против своих соотечественников, что стало бы изменой клятве, данной отцу»⁹. Такого рода стремления среди российских офицеров польского происхождения, которые служили в Польском королевстве, не были редкостью¹⁰. Однако в случае с Громбчевским все указывает на то, что не менее важным стимулом его хлопот о переведении на далекие южные рубежи Империи было желание пережить приключения и попробовать настоящей экзотики. Так или иначе, Громбчевский добился своего и в итоге попал в Среднюю Азию, которая на следующие двадцать лет должна была стать его домом.

Дальнейшая судьба Громбчевского указывает на то, что он последовательно стремился к реализации намеченной цели, которой было участие в экзотическом путешествии. Когда весной 1876 года он добрался до Ташкента, почти с ходу был включен в состав российского дипломатического посольства, направляющегося в Кашгарию, управляемую в то время антикитайским сепаратистом Якуб-беком Бадаулетом. Учитывая характер молодого офицера, можно с большой вероятнос-

⁸ М.К. Басханов, А.А. Колесников, М.Ф. Матвеева, *Дервиш Гиндукуша. Путевые дневники Центральноазиатских экспедиций генерала Б.Л. Громбчевского*, Нестор-История, Санкт-Петербург 2015, с. 16–17. Пржевальский, по известным только ему самому причинам, выбрал для участия в походе молодого, всего лишь восемнадцатилетнего выпускника гимназии – Федора Леонтьевича Эклона.

⁹ В. Olszewicz, ук. соч., с. 19.

¹⁰ Шире на данную тему: W. Caban, *Stanowisko Polaków z carskiego korpusu oficerskiego wobec powstania styczniowego* [в:] *Między irredentą a kolaboracją...*, ук. соч., с. 52.

тью полагать, что участие в рискованной экспедиции стало его инициативой¹¹. Путешественники отправились из Ташкента в Ош, а оттуда в район крепости Гульча, который не полностью контролировался россиянами. «Вдруг послышалась пулеметная очередь. Пули начали свистеть со всех сторон» – вспоминал спустя долгие годы Громбчевский. «Посол, штабс-капитан Куропаткин, был ранен в левую руку выше локтя. Моя лошадь рухнула, словно сраженная молнией, так как пуля попала ей прямо в лоб. Нил Куропаткин и Сунаргулов вышли целыми. (...) Оказалось, что в 200-250 шагах от дороги, по которой мы, беседуя, ехали, была глубокая впадина сухого в это время года ручья; во впадине скрылось около 100 стрелков из банды кипчаков (самое воинственное племя киргизов) под командованием Муллы Худай Берды (данный Богом). Банда, конечно, было хорошо проинформирована о проезде посольства, так как скрывалась во впадине настолько хорошо, что ни мы, ни джигиты, идущие спереди в тумане пыли, не заметили засады»¹². После нескольких часов сражения, из Оша прибыла подмога, которая спасла жизнь членов посольства и эскорта. После возвращения из злополучной дипломатической миссии, Куропаткин должен был направиться на лечение и в октябре повторил путешествие, которое на этот раз благополучно добралось до Кашгара. В это время Громбчевский вернулся в подразделение, чтобы с июля по сентябрь принять участие в известной военной экспедиции в Алайскую долину, направленной против бунтующих киргизов под командованием легендарной Курманжан-датки. Он служил у подполковника Гаднера, командира т.н. гульчанской колонны, был денщиком полковника князя Витгенштейна, который командовал двумя сотнями уральских казаков, отрядом стрелков и ракет. Большие пространства, могучие горы и среднеазиатская природа сильно впечатлили молодого человека, жаждущего пережить приключения и узнать мир. Тогда он также столкнулся с алайской военно-научной экспедицией, в рамках которой работали геодезисты и топографы, составляющие карту тех территорий. Весьма вероятно, что Громбчевский наблюдал за их работой, и это повлияло на формирование его увлечения такого рода деятельностью.

Следующие три года – это для Громбчевского период рутинной военной службы, выполняемой в 14-м Туркестанском линейном батальоне (входящем

¹¹ Участие Громбчевского в дипломатической миссии в Кашгарию в 1876 году вызывает споры, так как не упоминает о нем в своей книге руководитель миссии, А.Н. Куропаткин. С другой стороны, точное описание событий этого короткого и неудачного мероприятия, представленное Громбчевским в воспоминаниях, вполне убеждает, что, действительно, он принимал участие в этом походе. Может быть, Куропаткин забыл написать о самом младшем офицере, участвующим в путешествии, тем более, что после первой неудачной экспедиции он организовал вторую, закончившуюся успехом. Собранные именно в ходе второго похода сведения стали основным материалом для его книги. Кроме того, в 1879 году, то есть на момент выхода книги, Громбчевский был еще совершенно неизвестной личностью. Тем временем Громбчевский в своей книге посвятил данному событию аж семь страниц очень подробного описания (ср. А.Н. Куропаткин, *Кашгария. Историко-Географический Очерк Страны, ея военныя силы, промышленность и торговля*, Издание ИРГО, С.-Петербург 1879, с. 2 и В. Grąbczewski, *Kaszgarja. Kraj i ludzie. Podróż do Azji Środkowej*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1924, с. 6–12).

¹² В. Grąbczewski, *Kaszgarja...*, ук. соч., с. 7–8. Перевод – А. Б.

в состав 3-го Оренбургского казачьего полка), сначала в качестве адъютанта батальона, а затем командира роты. В то время россияне налаживали в покоренном Туркестане военную администрацию, и молодого офицера явно увлекал такой вид карьеры. Как только прошел четырехлетний минимальный срок строевой службы, дающий возможность перейти в ряды администрации, Громбчевский обратился к начальству с просьбой перевести его на новое место работы. Уже в январе 1880 года – возможно, благодаря содействию соотечественника, полковника Виктора Мединского – он был назначен помощником начальника Исфаринского уезда. Прослужив там неполный месяц, Громбчевский был переведен на должность младшего помощника начальника Маргеланского уезда, упомянутого полковника Мединского, который, по всей вероятности, стал в тот период покровителем молодого офицера.

В биографии Бронислава это стало важным рубежом. Он вырвался из тесного корсета строевой службы и поступил на пост, который гарантировал ему прямо невероятную свободу. В качестве помощника начальника он занялся тем, что любил больше всего – бродил в одиночестве по доверенной ему территории, посещая местные деревни и аулы. «Только тогда я постепенно втянулся в охоту и полюбил этот спорт неповторимым чувством. Условия этому способствовали. Прежде всего, просто сказочное богатство и разнообразие животных; во-вторых – специфика службы, заставляющая меня целыми месяцами объезжать деревни для установления налоговых норм, решения споров и т.д. В течение этого времени я не встречал абсолютно никого, кроме местных тюрков и киргизов, и свободные минуты проводил на охоте. После занятия страны население было разоружено, а хранение огнестрельного оружия было запрещено и грозило строгой ответственностью. Богатые охотились с ястребами и соколами, бедные ставили ловушки для птиц, но, конечно, это не влияло на обилие живности. Русские сидели в городах, работая в своих учреждениях. Встречая животных на каждом шагу, я привык не расставаться с ружьем и постепенно приобрел навыки охотника»¹³. В это время Громбчевский познакомился также с известным русским охотником, укротителем туркестанских тигров, капитаном Гамовым, «появляющимся в романах Каразина», который в большой степени повлиял на формирование Громбчевского как путешественника. Одинокие многодневные походы не были лишены смысла. Громбчевский вырабатывал многие умения, которые вскоре должны были пригодиться и благодаря которым он смог увековечить свое имя в истории мирового путешественничества. Прежде всего, его восхитила страна, в которой ему пришлось жить, Громбчевский начал знакомиться с обычаями, культурой его жителей и воспользовался своим полиглотическим талантом, осваивая тюркские говоры и персидский язык. В это время Мединский, которого повысили до генерал-майора, попросил генерал-губернатора Туркестана направить молодого талантливого офицера на курсы восточных языков¹⁴, благодаря чему Громбчевский мог похвастаться свободным владением как тюркскими языками, так и персидским.

¹³ В. Grąbczewski, *Wspomnienia myśliwskie*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1925, с. 30. Перевод – А. Б.

¹⁴ Ошский областной государственный архив, ф. 50, оп. 1, д. 71.

20 августа 1882 года Громбчевский получил от ген. Мединского приказ прибыть в Ташкент. Это было очередное существенное изменение в жизни офицера, которое должно было совершенно изменить его судьбу. За полтора года до этого российские и китайские власти подписали соглашение, согласно которому была назначена комиссия для проведения делимитации между российскими Семиречьем с Ферганой и китайской Кашгарией. Мединского император назначил полномочным комиссаром по делам обозначения границы. Генерал же предложил Громбчевскому, чтобы тот стал его секретарем. Мединский нуждался в помощи такого человека, как Громбчевский, которому можно доверять, и который, одновременно, знает реалии и любит проходить сотни верст в самых отдаленных от цивилизации местах. Поляки отлично дополняли друг друга: Мединский не переносил, а даже боялся экспедиций, Громбчевский же с большим удовольствием выполнял такого рода задачи. При случае он развивал навыки дипломатического этикета, знакомился с работой с картами и ведением служебной переписки.

1885 год начался для Громбчевского благополучно. Сначала он получил пост старшего помощника при начальнике Ошского уезда, а неполных полтора месяца спустя стал, вызывая общую зависть местной бюрократии, старшим чиновником особых поручений при военном губернаторе Ферганской области. Наконец, 7 августа Громбчевский получил задание, которого ждал годами: ему надо было направиться в китайский Кашгар, а оттуда в сторону границы с Россией для проверки состояния пограничных столбов. Это еще был не исследовательский поход, а командировка, но, несмотря на это, Громбчевский принял поручение с большим энтузиазмом. Он согласился, хотя, судя по более поздним воспоминаниям, получил далеко не достаточные средства: «я решился все же выполнить это поручение. Меня за границу тянуло непреодолимое желание узнать страны, которые в то время были совершенно неизвестны»¹⁵. 10 августа Громбчевский отправился в путь в сопровождении пяти казаков 6-го Оренбургского казачьего полка и двух джигитов. По прибытии в российское консульство в Кашгаре, встретил там капитана А.С. Галкина, который собирал информацию о китайском военном потенциале в Кашгарии. У него не было, однако, сведений на тему обстановки в южной части провинции, которую до тех пор не посетил ни один русский. В такой ситуации Громбчевский решил организовать, несмотря на неприязнь китайских властей, быструю рекогносцировку Яркенда и Хотана и получить разведывательную информацию. Пользуясь разногласиями между конфликтующими гражданской и военной администрацией, он получил наконец согласие и 10 октября отправился в свою первую экспедицию¹⁶. В течение продолжающегося всего лишь две недели самовольного похода, повышенный рангом до штабс-капитана Громбчевский выполнил множество топографических измерений и составил обширные записки, становясь первым российским подданным, посещающим южную Кашгарию с ее оазисами и китайскими гарнизонами.

¹⁵ В. Grąbczewski, *Kaszgarja...*, ук. соч., с. 2.

¹⁶ Там же, с. 115–118.

В конце года (24 ноября) Громбчевский вернулся в Ош и сразу приступил к упорядочению собранных материалов. Вероятнее всего, он спешил, чтобы опередить капитана Галкина и консула Николая Петровского, которые также готовили работы о Кашгарии. В 1886 году в Фергане вышел первый труд Громбчевского. Это был изданный тиражом в 100 экземпляров *Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию*¹⁷. Публикация носила тайный характер и была разослана военным штабам и научным обществам. Накануне Рождества, по предложению Военно-научного комитета Главного штаба император именным указом поручил выплатить Громбчевскому «1000 рублей в качестве премии за *полезную работу в Кашгарии*. Премия была огромной, учитывая, что в то время, будучи поручиком, я получал оклад в 34 рубля в месяц!»¹⁸

В сентябре 1886 и в начале 1887 года Громбчевский опубликовал в официальном печатном органе Министерства войны „Русский инвалид” очередные статьи, созданные на основе материалов, собранных в Кашгарии¹⁹. Это не были особые новые сведения, но, поскольку ранее они не публиковались, а теперь оказались в престижном военном издательстве, авторитет Громбчевского как исследователя продолжал укрепляться. Подтверждает это также факт, что вскоре за *Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию* Географическое общество наградило его серебряной медалью²⁰.

Его известность как путешественника и знатока Туркестана постоянно росла. Еще в 1886 году он осуществил рекогносцировочные экспедиции в Александровские горы в Тянь-шане и к истокам Нарына. В начале 1887 года, по поручению ген. Николая Королькова, губернатора Ферганской области, известному французскому путешественнику Габриэлю Бонвало в помощники назначили «капитана Громбчевского, молодого и предприимчивого офицера, который летом осуществил экспедицию в северный Памир»²¹. Поляк помогал французскому собрату собрать информацию о долине Алая и перевале Талдык (Бонвало хотел стать первым европейцем, который преодолет его зимой), помогал ему также при подборе проводников и носильщиков. Громбчевский был с ним в Оше до начала марта, после чего вернулся в Маргелан²².

Самостоятельная экспедиция, статьи в престижных периодических изданиях, медаль авторитетного научного общества – все это составляло внушительный капитал, который, если его правильно инвестировать, мог принести честолюби-

¹⁷ Полное заглавие звучало: *Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 г. старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области поручика Б.Л. Громбчевского*, Новый Маргелан [без даты издания].

¹⁸ B. Grąbczewski, *Kaszgarja...*, ук. соч., с. 241.

¹⁹ Вскоре информация о данной публикации появилась на Западе (см. напр. *Geografischer Monatsbericht. Indien. Tibet* [в:] „Petermanns Geographische Mitteilungen” 1886, nr 32, с. 313–314). В 1887 году: Б.Л. Громбчевский, *Очерк китайских войск и укреплений в Восточном Туркестане* [в:] „Русский инвалид”, 1887, № 22–24, 32, 34.

²⁰ „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1888, т. XXIV, с. 433.

²¹ G. Bonvalot, *Przez Kaukaz i Pamir do Indii*, tłum. A. Kotalska, Wydawnictwo Łódzkie, Łódź 1986, с. 158.

²² Там же, с. 165–170. Перевод – А. Б.

вому офицеру весьма реальную выгоду. Однако неожиданно, в конце 1887 года его встретило большое разочарование. Громбчевского назначили директором тюремного отделения Ферганской области. С этого момента его обязанностью был надзор над пятью тюрьмами и семью следственными изоляторами, в которых содержались около 400 заключенных. Пост тюремного надзирателя была для Громбчевского почти унижительным, тем более, что с момента посещения Кашгарии он мечтал о большом походе в Канджунт (современная Хунза), находящийся «в неоспоримой сфере политического влияния Англии»²³.

В сложившейся обстановке Громбчевский должен был сыграть ва-банк. Он взял отпуск и уехал за свой счет в Петербург, чтобы пройти обучение в области астрономии и топографии, а главное, найти протекцию влиятельных лиц, которые поддержат его рискованный проект. В течение четырех месяцев он завершил надлежащие курсы на Физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета и прошел практику в Пулковской астрономической обсерватории.

Громбчевский действовал очень стремительно. Он знал, что в случае неудачи единственной альтернативой будет возвращение в глухую провинцию, на работу, которая не давала никакого удовлетворения. Сложно и сегодня понять, каким образом этому, в принципе неизвестному офицеру, удалось заручиться поддержкой для своих идей стольких влиятельных личностей Санкт-Петербурга. Громбчевский начал лоббирование с Географического общества, в котором проявил себя очень активным членом. Вскоре он получил поддержку влиятельного председателя Общества, великого князя Константина Николаевича, а также его заместителя, выдающегося путешественника Петра Семенова. Свою поддержку выразил ему также Николай Пржевальский. Министерство войны в принципе дало согласие на экспедицию, но с условием получения одобрения Министерства иностранных дел, которое, в свою очередь, панически боялось осложнений российско-британских отношений. В итоге, благодаря авторитету великого князя Константина Николаевича, министр иностранных дел выдал разрешение, хотя – как вспоминал позднее Громбчевский – «при условии, что я дам честное слово, что буду избегать всего, что могло бы вызвать недовольство Англии; дополнительно – на время путешествия я буду уволен с активной службы в запас»²⁴.

Первое из этих условий было невыполнимым. Уже появление россиян на территории, рассматриваемой Великобританией в качестве своей сферы влияния, было политической демонстрацией и открытой провокацией, а кроме того, путешественник должен был следовать в форме российского офицера в сопровождении эскорта казаков (также в форме). Мало того, самой экспедиции предстояло тайная диверсионная операция, направленная в пробританского эмира Афганистана, Абдур-Рахмана, в которой поляк сыграл ключевую роль. В конце мая Громбчевский уехал из Санкт-Петербурга в Самарканд, где встретился со сторонниками Махомеда-Исхак-Хана, наместника северного Афганис-

²³ B. Grąbczewski, *Przez Pamiry i Hindukusz do źródeł rzeki Indus*, Wyd. Gebethner i Wolf, Warszawa 1924, с. 10. Перевод – А. Б.

²⁴ Там же, с. 14.

тана, претендента на трон в Кабуле и планирующего поднять восстание против эмира. Согласно тайным инструкциям Громбчевский передал заговорщикам очень внушительную сумму денег, оружие и боеприпасы, а потом организовал оперативную переброску ценного груза в Афганистан. После выполнения миссии, в середине июня поехал в Маргелан, где занялся подготовкой своей экспедиции. 12 июля Громбчевский официально начал марш в сторону Канджута, а шесть дней спустя в северном Афганистане вспыхнуло восстание Махомед-Исхак-Хана²⁵.

Продолжающаяся четыре с половиной месяца экспедиция закончилась полным успехом. Громбчевский смог добраться до Канджута и провести политические переговоры с его правителем Сафдер Али Ханом. Путешественник, однако, превысил свои полномочия, упоминая в разговоре с ханом о возможности оказания Канджуту финансовой и военной поддержки при условии признания российской протекции. В своих обещаниях он зашел так далеко, что гарантировал канджутскому правителю скорый приезд офицеров-инструкторов, которые помогут обучить местных людей и сформировать из них профессиональный стрелковый батальон, а также поставят необходимое военное снаряжение²⁶. Появление российского офицера вблизи границ британской Индии вызвало раздражение у англичан, граничащее с истерикой. До сих пор малоизвестный Громбчевский вскоре попал на первые страницы самый авторитетных газет мира и вырос до роли символа великодержавных амбиций Российской империи в Центральной Азии²⁷.

Тем временем 4 октября 1888 года к находящемуся все еще на Памире Громбчевскому прибыло двое посланцев от правителя Бадахшана, Али-Мордан-Ша. Он приглашал российского путешественника посетить свое княжество, хотя ясно заявлял, что ситуация нестабильна, и имеются опасения, что в любой момент могут вернуться афганцы, а ему самому придется бежать. В связи с этим

²⁵ В своих воспоминаниях Громбчевский несколько иначе представил ход данных событий. Прежде всего, он написал, что в Самарканде встретился лично с Махомед-Исхак-Ханом, хотя это было невозможно, так как тот находился в то время в Афганистане. Скорее всего, антибританскую диверсию Громбчевский подготовил с Ахмет-Ханом, специальным посланником Махомед-Исхак-Хана, который именно с мая находился с тайной миссией в Самарканде, пытаясь убедить российские власти в необходимости помочь организовать восстание против эмира. (ср. В. Grąbczewski, *Na służbie...*, ук. соч., с. 30–44 и *The rising of Ishaq Khan in southern Turkestan (1888)* [в:] „Central Asian Review” 1958, t. 6, nr 5, с. 256–257). Что интересно, во втором томе воспоминаний, описывающем экспедицию 1888 года, Громбчевский умолчал об этих событиях и заменил их описанием аудиенции у эмира Бухары, Сеид-Абдул-Ахад-Хана, которая на самом деле прошла год спустя (см.: В. Grąbczewski, *Przez Pamiry...*, ук. соч., с. 21–26).

²⁶ Е.Ю. Сергеев, *Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*, Товарищество научных изданий КМК, Москва 2016, с. 192.

²⁷ В ноябре 1891 года британцы решили проблему укрепляющихся канджутско-российских отношений проверенным имперским способом: напали на Хунзу, прогнали хана, установили подчиненного им правителя и установили небольшой военный пост. На практике Хунза была включена в состав Британской Индии (См. Р. Нопкirk, *Wielka Gra. Sekretna wojna o Azję Środkową*, tłum. J. Skowroński, Zysk i S-ka, Poznań 2011, с. 631–639).

он попросил, чтобы Громбчевский повременил с путешествием в Вахан, пока ситуация не стабилизируется²⁸.

Громбчевский, пользуясь полосой удач, решил не ждать и организовал очередную экспедицию, на этот раз в Вахан и другие независимые высокогорные ханаты на пограничье Афганистана. «Кроме всего, в то время я лично интересовался не столько Ваханом, Шугнаном и Бадахшаном, сколько совершенно неизвестным Кафиристаном, или Страной неверных, как его называли соседи. (...) Никто из людей, с которыми у меня была возможность говорить о кафирах, сам не был в Кафиристане и не знал никого, кто эту страну посещал. В все, что рассказывали о кафирах, было передаваемой устно легендой, и это крайне обостряло мой интерес» – писал спустя долгие годы Громбчевский²⁹. Для поляка проблемой не был риск, связанный с посещением территорий, охваченных восстанием, а финансы. Единственным шансом было взять в долг 2000 рублей у консула Петровского в Кашгаре, но тот, оправдывая опасения путешественника, не дал согласия на продолжение путешествия в районы, находящиеся «в сфере английской политики»³⁰. В сложившейся ситуации Громбчевский должен был вернуться в Петербург, так как только там мог найти влиятельных союзников для поддержки очередной экспедиции, гарантирующей обострение российско-британских отношений.

В конце декабря озаренный славой Громбчевский явился в столицу и остался там аж до мая 1889 года, чтобы раздобыть средства на экспедицию в Кафиристан и обработать собранный в Канджуте и Раскеме исследовательский материал. Научные достижения похода были, несомненно, скромнее политической бури, которую вызвало путешествие, но они все равно впечатляли. Для россиян территории, исследуемые Громбчевским были настоящей *terra incognita*³¹. «Путешествие длилось четыре с половиной месяца, в течение которых верхом было пройдено 2808 верст; из них 2284 за границами России. Топографические фотографии в масштабе 5 верст в дюйме составлялись на расстоянии 1383 верст. Географические координаты 14 пунктов были определены астрономически, высота над уровнем моря 158 пунктов определена барометрически. Кроме того, в 81 точке (на перевалах и в других интересных местах) барометрические показания проверялись кипением воды; для этих целей экспедиция возила дистиллированную воду. Регулярно, три раза в день проводились метеорологические наблюдения»³².

Громбчевский снял также 125 уникальных фотографий, составляющих визуальную документацию пройденного пути, и, прежде всего, жизни людей, оби-

²⁸ Б.Л. Громбчевский, *Дневник экспедиции в Канджут и Раскем в 1888 г.* цит. по: Дервиши Гиндукуша. *Путевые дневники Центральноазиатских экспедиций генерала Б.Л. Громбчевского*, ук. соч., с. 158.

²⁹ В. Grąbczewski, *Przez Pamiry...*, ук. соч., с. 212–213.

³⁰ Там же, с. 216.

³¹ Маршрут экспедиции Громбчевского только частично совпадал с дорогой, пройденной в 1887 году братьями Грум-Гржимайло. См. *Карта Канджута, Раскема и Сарыкола* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1889, т. XXV, с. 524.

³² В. Grąbczewski, *Przez Pamiry...*, ук. соч., с. 223.

Бронислав Громбчевский в окружении своих подчиненных в российском консульстве в Кашгаре в 1888 году.

тающих в долине Хунзы. Он собрал также интересную и весьма богатую зоологическую коллекцию, которую в 1891 году Географическое общество целиком передало в Зоологический музей Петербурга. В ее состав входили: 22 препарированные шкуры млекопитающих вместе с черепами, 8 особей животных в банках со спиртом, 116 птичьих шкурок, собрание 42 пресмыкающихся и 15 рыб³³. Шесть лет спустя богатая этнографическая коллекция, охватывающая «120 предметов одежды, оружия и быта канджуртов», попала в известную Кунсткамеру, т.е. Санкт-петербургский Этнографический музей. Это были, в частности, сабли, ножи и щиты жителей верховьев Инда³⁴. Похожим образом сложилась судьба археологической коллекции, которую составляли предметы, добытые Громбчевским из могил в Сары-коле. Они были переданы в Императорское Русское археологическое общество³⁵. Не менее ценными были лингвистические записки, выполненные Громбчевским. Собрание 2000 слов, записанных на канджуртском и 200

³³ Заседание № 4 27 февраля 1891 г. Протоколы заседаний ФМО § 84 (копия источника получена благодаря поддержке Надежды Слепковой из Зоологического института Российской академии наук в Санкт-Петербурге).

³⁴ Е.И. Малоземова, *Холодное оружие и защитное вооружение иранцев в коллекции МАЭ РАН (Кунсткамера)* [в:] „Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена” 2008, № 55, с. 214, а также В. Grąbczewski, *Przez Pamiry...*, ук. соч., с. 223.

³⁵ *Журналъ заседания Совета Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 2 Октября 1889 г.* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1889, т. XXV, с. 100.

слов на ваханском языке были переданы выдающемуся ученому, Карлу Залеману, который пользовался ими в ходе новаторских для российской науки исследований языков Памира³⁶. Образцы нефрита и жадеита, в свою очередь, происходящие из речных долин Пиль и Тунг попали в руки выдающегося геолога проф. Ивана Мушкетова, который результаты своих исследований опубликовал в XXV томе „Известий Русского географического общества”. В том же номере появились еще четыре очередные статьи, подготовленные на основании данных, собранных Громбчевским. Касались они вопросов климатологии и картографии³⁷. К журналу прилагалось также новейшее российское издание карт Канджута, Раскема и Сарыкола, исправленных на основании измерений и сведений от Громбчевского. Карты сопровождался комментарием редакции, который, несомненно, удовлетворил путешественника: «Из вышеизложенного явствует, что картография Канджута и подступов к нему со стороны Памира, как Малого так и Дангнын-Баш, выяснилась только благодаря геройским усилиям Б.Л. Громбчевского, трудами которого всецело также выяснилась и картография пространства между реками Раскем-Дарьи на востоке, Дангнын-Баш на западе Яркенд-Дарьи на севере, а равно обнаружен новый горный колосс Чаркум, соперник величественного Муз-Таг-Ата»³⁸.

Сам Громбчевский не проявлял в этот период особого желания изложить в письменном виде свои переживания и поделиться наблюдениями. В упомянутый том „Известий Русского географического общества” подготовил единственно короткую статью с климатологическими заметками, сделанными в ходе экспедиции³⁹. В сложившейся ситуации 10 января 1889 года Совет Общества «в ожидании результатов обработки материалов» признал ему малую золотую медаль за само успешное проведение экспедиции в Канджут⁴⁰. Громбчевский, правда, ожидал большой золотой медали, но в то время был занят поисками влиятельных покровителей для осуществления своего нового путешествия.

В первую очередь Громбчевский позаботился о популярности в высших кругах петербургского общества. 1 февраля Руководство Географического общества организовало для него в самом большом и парадном Александровском зале в Санкт-Петербурге доклад об экспедиции в Канджут, совмещенный с презентацией снятых Громбчевским диапозитивов. «Я сомневался, опасаясь неудачи – писал он много лет спустя с излишней скромностью, – так как не был

³⁶ Н.М. Акрамов, *Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского*, ИРФОН, Душанбе 1974, с. 36. См. также: К. Г. Залеман. *Шугнанский словарь* Д.Л. Иванова [в:] „Восточные заметки”, Санкт Петербург, 1895, с. 69–320.

³⁷ К.В. Шарнгорст, *Астрономические определения капитана Б.Л. Громбчевского во время путешествия в Канджут и Раскем* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1889, т. XXV, с. 437–439, Д.Д. Геденов, *Барометрические определения капитана Б.Л. Громбчевского во время путешествия в Канджут и Раскем, там же*, с. 440–448, И.В. Мушкетов, *Заметка о нефрите и жадеите с восточного Памира, там же*, с. 454–467, *Карта Канджута, Раскема и Сарыкола, там же*, с. 523–524.

³⁸ *Карта Канджута, Раскема и Сарыкола, там же*, с. 524.

³⁹ *Заметки по климатологии капитана Б.Л. Громбчевского во время путешествия в Канджут и Раскем* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1889, т. XXV, с. 449–453.

⁴⁰ *Журнал заседания Совета Императорского Русского Географического Общества 2 Октября 1889 г.* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1889, т. XXV, с. 5.

известен петербургской публике. Тем временем успех превысил мои самые смелые ожидания: несмотря на высокую цену входных билетов, огромный зал был заполнен до отказа, а чистая прибыль стала весомым вкладом в кампанию по сбору средств на памятник Пржевальскому»⁴¹. Позже путешественник поехал покорять сердца московской публики. В старой столице он прочитал лекцию в Музее Румянцева для членов Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. По возвращении в Петербург его ожидали самые главные выступления. Путешественника пригласили в царскую резиденцию в Гатчине, где он провел аж 8 дней, рассказывая о своей экспедиции, в трех 40 – 45-минутных сессиях, самому императору Александру III и его семье. Громбчевский был принят очень тепло, а наследник престола, впоследствии император Николай II, выразил особое признание и предложил личную финансовую поддержку экспедиции в Кафиристан⁴².

Идею новой экспедиции, которая должна была стать очередной российской демонстрацией на границах Британской империи, поддерживали также влиятельный вице-председатель Географического общества Петр Семенов и близкий друг цесаревича, князь Эспер Ухтомский, который, кроме всего, был организатором встреч Громбчевского с наследником престола⁴³. Однако именно результатом поддержки последнего стали молниеносные темпы подготовки очередной экспедиции. В случае успеха, т.е. достижения Кафиристана, и благополучного возвращения на родину, путешествие должно было быть названо именем наследника престола, цесаревича Николая. Отлично оплаченная (Географическое общество выделило 5000 рублей, Кабинет Его Величества отпустил 100 полуимперялов 5-рублевого достоинства⁴⁴), прекрасно обеспеченная научными инструментами и оружием экспедиция восходящей звезды российского путешественничества отправилась в путешествие за Гиндукуш.

1 июня 1889 года Громбчевский официально начал свою очередную экспедицию. Информация, поступающая из Афганистана, не вселяла, однако, оптимизма, так как силы эмира уже полностью перехватили инициативу, и шансы проникновения российской группы в Кафиристан практически испарились. Путешественник, не обескураженный этими обстоятельствами, двинулся из Маргелана в Алайскую долину. Здесь его встретил первый неприятный сюрприз: оказалось, что перевалы в Заалайских горах засыпаны снегом, который делает невозможным их преодоление. Громбчевский изменил трассу, направляясь через слабо изученные бухарские территории: Каратегин и Дарваз на пограничной реке Пяндж. Оттуда он отправлял письма афганским властям с просьбой разрешить переход через территорию Афганистана, но – как можно было догадаться – получил отрицательный ответ. После исследования западных окраин Памира, путешественник вернулся через Дарваз и Каратегин в долину Алая. На этот раз

⁴¹ В. Grąbczewski, *W pustyniach Raskemu i Tybetu*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1925, с. 10. Перевод – А.Б.

⁴² Там же, с. 11.

⁴³ М.К. Басханов, А.А. Колесников, М.Ф. Матвеева, *Дервиш Гиндукуша...*, ук. соч., с. 30.

⁴⁴ *Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет. 1889–1890 гг.* [в:] Архив Русского географического общества в Петербурге (далее: АРГО), Ф. 45, Оп. 1, Д. 6, Л. 1.

он без особых усилий преодолел Заалайские горы и проник в Дангнын-Баш Памир, где продолжал начатое в ходе проведенной годом ранее экспедиции исследование местности⁴⁵. Это были заменяющие действия, и, безусловно, ему все время сопутствовало ощущение поражения. Громбчевский, однако, не сдавался и обдумывал очередные варианты экспедиции. Когда он узнал о двух британских офицерах, путешествующих через Дангнын-БашПамир, появилась новая возможность. 1 октября Громбчевский записал в своем дневнике любопытную информацию: «От англичанина Cumberland'a получил письмо, в котором он убедительно просит меня повидаться с ним и предлагает отправиться вместе в Индию»⁴⁶. Это было достаточно странное предложение, так как в то время британцы принципиально не пускали россиян на пограничные территории Британской Индии. Тем более они бы не сделали исключения для Громбчевского, который унизил их годом ранее, проникая в Канджут. Российский офицер решил, однако, рискнуть и использовать появившуюся на горизонте призрачную возможность. В результате по неизвестным причинам совместная российско-британская экспедиция не состоялась, но от концепции проникновения в северную Индию Громбчевский не отказался. Спустя неполные две недели Громбчевский встретился с известным британским путешественником, Фрэнсисом Янгхазбендом, которому признался, что хочет добраться в Пенджаб через Чатрар или Кафиристан. Кроме того, он заявил, что подготовил письмо британскому резиденту в Кашмире, полковнику Пэри Нисбету, с просьбой о разрешении пройти через Ладакх и Кашмир⁴⁷. Два месяца спустя Громбчевский получил, конечно же, отрицательный ответ, к тому же дружелюбный на первый взгляд Янгхазбэнд задумал интригу, которая чуть не закончилась для российского путешественника трагически. Британец убедил Громбчевского провести экспедицию по Тибетскому плоскогорью. В письме полковнику Нисбету Янгхазбэнд писал: «это дорога, лишенная какого-либо значения, ведет в никуда (...) проход по данному пути доставит [Громбчевскому] невероятные сложности, а его экспедицию приведет к потерям». С целью убедиться, что российский офицер не передумает, Янгхазбэнд убедил киргизов, чтобы те показали Громбчевскому маршрут, который должен был укоротить путь из Шахидулла-Ходжи в Полу⁴⁸. В конце декабря – начале января Громбчевский направился вглубь Тибета. В течение трех недель похода он потерял большую часть грузов, лошади погибли, и, в конце концов, ему пришлось вернуться. Когда летом в Яркенде Янгхазбэнд снова встретился с Громбчевским, оба путешественника поздоровались как закадычные старые друзья. Британец описал данное событие в эмоциональном фрагменте своей книги: «Эта новая встреча доставила мне настоящее удовольствие, так же как и рассказ мо-

⁴⁵ См. Письмо Громбчевского от 11.09.1889 года вице-председателю Географического общества П.П. Семенову: *Экспедиция капитана Б.Л. Громбчевского на Памиры* [в:] „Известия ИРГО“, Санкт-Петербург 1889, т. XXV, с. 426.

⁴⁶ Б. Громбчевский, *Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет 1889–1890 гг.*, запись от 1 октября 1889 г., Ф. 45, Оп. 1, Д. 6, Л. 387.

⁴⁷ F. Younghusband, *The Heart of a Continent*, John Murray, Londyn 1896, с. 268–269.

⁴⁸ P. French, *Younghusband. The Last Great Imperial Adventurer*, Harper Collins 1995, с. 76–77.

его гостя о его путешествии после нашего расставания на границе Хунзы почти годом ранее. Это был для него сложный период, наверняка причинивший много страдания, так как он отважился попробовать преодолеть перевал Каракорум в середине декабря, после чего направился на восток Тибетского плоскогорья в разгар зимы. Когда я вспоминаю, как плохо была снаряжена его экспедиция, и насколько спартанскими были условия, в которых он путешествовал, не могу воздержаться от восторга перед стойкостью, с которой этот российский первооткрыватель дерзнул реализовать столь сложное задание»⁴⁹.

После неудачной попытки пройти через Тибет, Громбчевский повел свою измученную экспедицию в Кашгарию. Благодаря финансовой помощи российского консульства, путешественник мог продолжить поход в направлении Полу. Затем экспедиция направилась через южную Кашгарию и Сары-кол назад в Аланскую долину. 15 октября 1890 года она добралась до Оша, откуда Громбчевский отправил директору Азиатского департамента, Ивану Зиновьеву, телеграмму о результатах экспедиционных работ⁵⁰.

№ 110. Письм. 15 Октября 1890 г.

ТЕЛЕГРАФЪ въ	Ср. Каш.	Принята съ аппарата
изъ	Ош	№ 4617 Со станции
Телеграмма №	42	15-го 1890 г.
ПБГ ИЗ ОША НР 42,50,15,4; ДН		Почта
ДОКЛАДЫВАЮ ВАШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ЭКСПЕДИЦІЯ СЕГОДНЯ		
БЛАГОПОЛУЧНО ПРИБЫЛА ОШЪ ПРОЙДЕНО СЪЕМКОЙ БОЛЬШЕ 7000 ВЕРСТЪ		
ОПРЕДЕЛЕНО 73 АСТРОНОМИЧЕСКИХЪ ПУНКТА 357 ВЪСОТЬ ЗА ВСЕ ВРЕМЯ		
ВЕЛИСЬ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ СОБРАНЪ ЗНАЧИТЕЛЬНЬЯ		
КОЛЛЕКЦІЯ БОГАТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЕТНОГРАФИЧЕСКІЙ		
МАТЕРІАЛЬ БОЛЬШЕ 200 ФОТОГРАФІЯ ЧЛЕНЪ ЭКСПЕДИЦІИ БОДРЪ ЗАОРОВЪ		
= КАПИТАНЪ ГРОМБЧЕВСКІЙ		

Телеграмма Громбчевского директору Азиатского департамента И.А. Зиновьеву с информацией о завершении и результатах работы экспедиции 1889–1890.

Два дня спустя вся группа прибыла в Маргелан, где Громбчевский несколько дней принимал всех у себя дома. «Казакі – вспоминал позднее путешественник, – получившие по 350 рублей из суммы, полагавшейся мне на их питание и корм

⁴⁹ F. Younghusband, ук. соч., с. 292–293. Перевод – А. Б.

⁵⁰ Телеграмма Б.Л.Громбчевского директору Азиатского департамента И.А.Зиновьеву о результатах работы его экспедиции и прибытии в Ош, 15/27 октября 1890 г., Архив внешней политики Российской империи, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1292, л. 31.

для лошадей, вернулись в свой полк; вьючных лошадей я продал, коллекции же, упакованные в ящики весом до 30 кг., ежедневно отправлял по почте в Управление Географического общества в Петербурге»⁵¹. В них находились этнографические и природоведческие собрания. Согласно отчету это были: три больших ящика с зоологическим собранием, коллекция яиц, коллекция пресмыкающихся и земноводных, небольшой гербарий, огромная энтомологическая коллекция, состоящая из 36 тысяч жуков, небольшая геологическая коллекция, «образцы всех известных в то время в Кашгарии залежей нефрита вместе с коллекцией инструментов для обработки этого минерала». Во время похода Громбчевский проводил также топографические измерения (на расстоянии 7200 км., в том числе «5000 километров в местности, в которой не был еще ни один европеец»), опиравшиеся на 73 астрономических пунктах, определил высоту над уровнем моря 350 пунктов, три раза в день составлял метеорологические заметки. Дополнительно снял 20 дюжин фотографий и вел дневник путешествия, записанный в четырех томах⁵².

Сложно однозначно оценить ценность привезенных Громбчевским природоведческих коллекций, тем более, что до нашего времени не удалось их локализовать и проанализировать. Наверняка впечатляет внушительное энтомологическое собрание, исследованное позднее Петром Семеновым и Александром Яковлевым. Среди привезенных образцов было обнаружено определенное количество неизвестных науке насекомых. Некоторые из них были названы фамилией Громбчевского⁵³. Ценной оказалась также информация этнографического характера. У Громбчевского, который владел тюркскими и персидским языками, знал обычаи и образ жизни людей, обитающих в Средней Азии, была возможность вести углубленные наблюдения. Он не только записывал ценные для этнографов сведения, но и, зная работы современных ему исследователей, описывающих Памир и прилегающие территории, часто уточнял и проверял содержащиеся в их трудах мнения. Особенно высокой познавательной ценностью отличались сведения с территорий Дарваза, Ванча и Язгулема⁵⁴. К сожалению, Громбчевский никогда не опубликовал подробного, научного отчета своего путешествия, и большая часть ценной информации, которая находилась в *Дневнике*

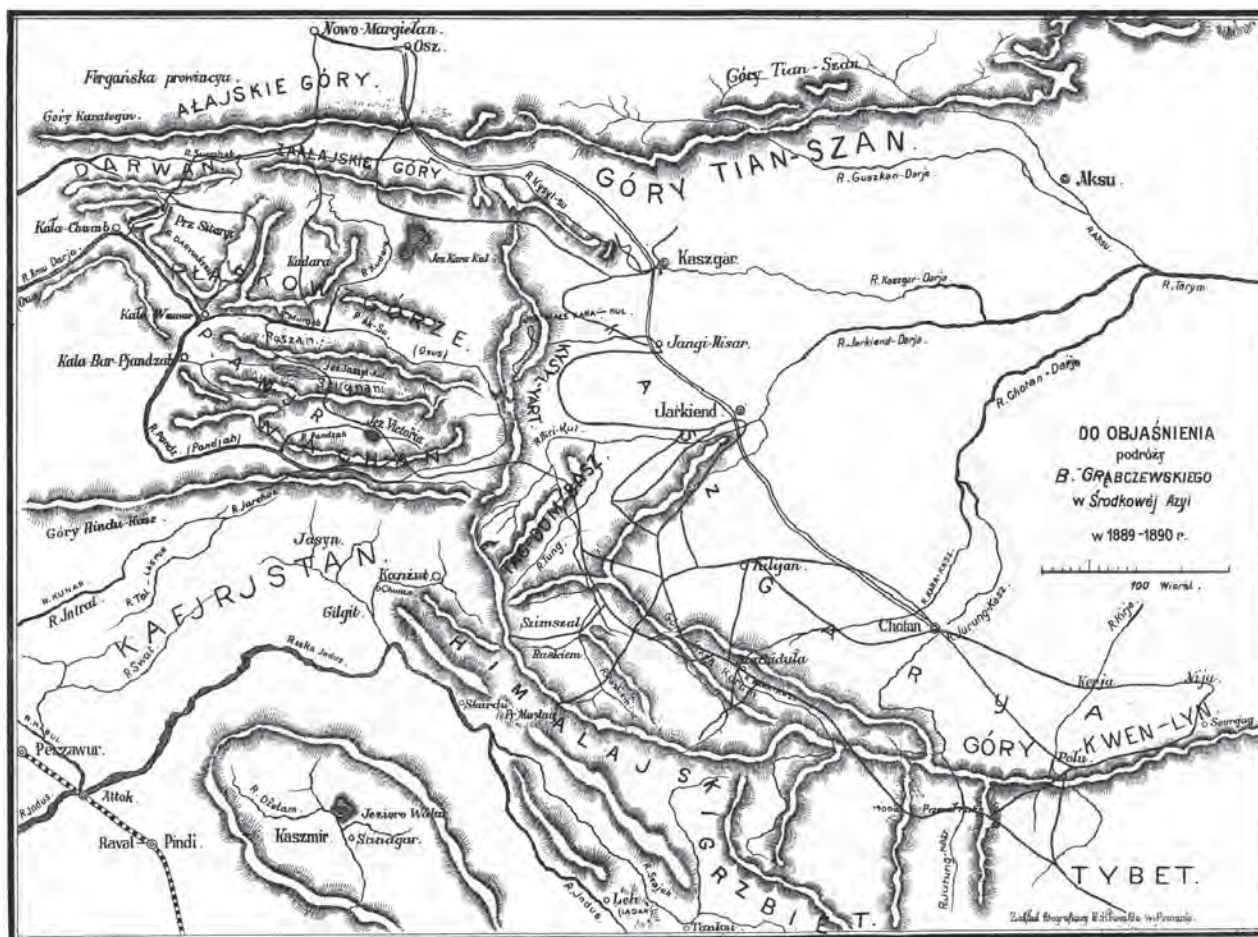
⁵¹ В. Grąbczewski, *W pustyniach...*, ук. соч., с. 228.

⁵² Там же, с. 230–233.

⁵³ Это были: *Allantus grombczewskii* (Jakowlew, 1891), *Apatopsis grombczewskii* (Semenov, 1891), *Carabus grombczewskii* (Semenov, 1891), *Cephus grombczewskii* (Jakowlew, 1891), *Cyphostetha grombczewskii* (Semenov, 1891), *Dolerus grombczewskii* (Jakowlew, 1891), *Emenadia grombczewskii* (Semenov, 1891), *Macrosiagon grombczewskii* (Semenov, 1891), *Nebria (Eunebria) grombczewskii* (Semenov, 1891), *Prosodes grombczewskii* (Semenov, 1894), *Tenthredo (Tenthredo) grombczewskii* (Jakowlew, 1892). См.: L. von Heyden, *Catalog der Coleopteren von Sibirien mit Einschluss derjenigen der Turanischen Laender, Turkestans und der chinesischen Grenzgebiete*, Deutschen Entomologischen Gesellschaft, Berlin 1880–1881 [?], с. 1, 8, 12, 71, 106, 108, 114, 119, 128, а также <http://insectoid.info/>.

⁵⁴ С.П. Сайнаков, *Вклад дореволюционных русских исследователей в изучение этнографии Горного Бадахшана (Памира)*, Диссертация на соискание учёной степени кандидата наук на правах рукописи, Душанбе 2015, с. 60–66, 78, 88, 166.

экспедиции, оставалась годами недоступной миру науки⁵⁵. Из научных трудов появились только три статьи, написанные другими исследователями на основании материалов, собранных Громбчевским, которые касались метеорологических и картографических вопросов⁵⁶. В более поздний период Туркестанский военно-топографический отдел выпустил также изысканно оформленную карту, состоящую из четырех диаграмм, на которых было помещено в общей сложности шесть тысяч названий и был обозначен маршрут походов Громбчевского 1885, 1888 и 1889–1890 годов⁵⁷.

Карта с маршрутом экспедиции Бронислава Громбчевского 1889–1890 гг., опубликованная в журнале „Rocznik Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk”, том XVII, 1891 год.

⁵⁵ На данный факт уже в 1917 году обратил внимание известный исследователь Азии, Свен Гедин. См.: S. Hedin, *Southern Tibet. Discoveries in former times compared with my own researches in 1906–1908*, Institute of the General Staff of the Swedish Army, Stockholm 1917, с. 356.

⁵⁶ А.А. Тилло, *Абсолютные высоты определенные Б.Л. Громбчевским во время путешествия на Памиры, в Раскем, Кашгарию и северо-западный Тибет в 1889 и 1890 годах* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1892, т. XXVIII, с. 89–100, О. Штудендорф, *Астрономические определения подполковника Б.Л. Громбчевским во время путешествия на Памир, в Раскем, Кашгарию и северо-западный Тибет в 1889 и 1890 годах* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1895, т. XXXI, с. 381–397, А. Воейков, *Экспедиция Б. Громбчевского в Центральную Азию* [в:] „Метеорологический Вестник” 1891, nr 3.

⁵⁷ М.К. Басханов, А.А. Колесников, М.Ф. Матвеева, *Дервиш Гиндукуша...*, ук. соч., с. 50.

В декабре 1890 года Громбчевский приехал в Санкт-Петербург, чтобы по традиции представить первым лицам страны достижения своей последней экспедиции. В первую очередь, в начале января 1891 года, встретился с министром войны, Петром Ванновским. 10 января он прочитал доклад на чрезвычайном собрании Императорского Русского географического общества, на которое прибыло свыше 800 человек, и наконец, 16 января был принят на аудиенции самим Александром III⁵⁸. Выступления Громбчевского пользовались большой популярностью и высоко оценивались начальством. В воспоминаниях он с гордостью перечислял все награды, полученные за проведенную экспедицию: «1/ Чин подполковника, что было особенной наградой, так как я только год был капитаном, согласно же закону в чине капитана надо было оставаться как минимум 4 года. Данное обстоятельство дало мне возможность «перепрыгнуть» 2874 капитанов, которые в этом чине были старше меня. 2/ Пожизненный оклад по 400 руб. в год. 3/ Шестимесячный заграничный отпуск с сохранением получаемого оклада и прибавкой в 3000 рублей в качестве пособия на путевку»⁵⁹. Не были забыты также остальные участники его экспедиции. Вахмистру Козьякаеву был присвоен чин юнкера и присужден орден Святой Анны IV степени, что обеспечило ему пожизненный оклад; остальных казаков повысили до вахмистров и вручили им по 250 рублей премии. Мирзу Фазыль Бека правительство наградило золотой медалью для ношения не шее и почетным халатом I степени, а Садыр Ходжу – серебряной медалью и почетным халатом II степени. Кроме того, Географическое общество наградило Козьякаева и Мирзу Фазыль Бека серебряными медалями, а остальных участников похода – бронзовыми⁶⁰.

Тем временем Громбчевский, пользуясь своим авторитетом, пробовал убедить военную власть в необходимости оперативного, военного решения вопроса о политической принадлежности территории Памира. 14 марта он провел в Николаевской академии Генерального штаба лекцию с многозначным названием: «Наши интересы в Памире». Это было радикальным и однозначным требованием противостоять британской экспансии в этой части Азии. Громбчевский допускал возможность военного столкновения с британцами, а даже указал три места, из которых мог бы выйти российский удар на Герат и Кабул в Афганистане, а также Кашгар в китайском Туркестане»⁶¹. С таким же энтузиазмом он высказывался об особенностях горных троп Памира, которые, по его мнению, годились для перемещения войск с тяжелой артиллерией и обозами. Кажется, что

⁵⁸ Доклад назывался: *Доклад Б.Л. Громбчевского о путешествии в 1889–1890 для изследованя горных долин Гиндукуша, восточных склонов Гималая и окраин Северо-западного Тибета, читанный на экстренном собрании Имп. Русск. Геогр. Общества 10 января 1891 г.* и был опубликован в ежегодном издании Географического общества с сокращенным названием. См.: Б.Л. Громбчевский, *Доклад о путешествии в г. 1889–1890* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1891, т. XXVII, с. 97–118 вместе с приложением в виде карты с обозначенной трассой экспедиции.

⁵⁹ В. Grąbczewski, *W pustyniach...*, ук. соч., с. 232–233.

⁶⁰ Там же, с. 233–234.

⁶¹ А.Ю. Рудницкий, *Этот грозный Громбчевский... Большая игра на границах империи*, Алетейя, Санкт-Петербург 2013, с. 178–180.

Громбчевский переоценивал их значение и потенциал, но вместе с тем отлично вписывался в настроения, царящие тогда в Министерстве войны⁶². 2 апреля он написал письмо российскому послу в Пекине, графу Артуру Кассини, в котором сообщал о переговорах Янгхазбенда с китайцами по вопросу принадлежности Памира и заключал, что эти территории согласно праву и истории должны войти во владения России⁶³.

Громбчевский во время встречи с китайской делегацией на границе с Кашгарией в 1892 году.

Летом 1891 года россияне решили продемонстрировать свои претензии на Памир и направили в этот район отряд полковника Михаила Ионова, сформированный из туркестанских линейных батальонов. Ионов прогнал встреченного там Янгхазбенда и четко дал понять, что с того момента Памир следует считать частью Российской империи. Громбчевский не принимал прямого участия в данной акции, так как был направлен в штаб туркестанского генерал-губернатора Александра Вревского, который руководил всей операцией, разместившись в Алайской долине. Осенью поляк вернулся в Ташкент, где в канцелярии генерал-губернатора занимался сбором этнографических и исторических материалов, касающихся населения Памира, которые должны были

⁶² М.К. Басханов, А.А. Колесников, М.Ф. Матвеева, *Дервиш Гиндукуша...*, ук. соч., с. 43.

⁶³ А.Ю. Рудницкий, ук. соч., с. 174–175.

с научной точки зрения доказать принадлежность Памира России⁶⁴. В это время в Маргелане вышли три публикации Громчевского на военно-политическую тему. Это были: *Наши интересы на Памире. Военно-политический очерк*, т.е. печатный вариант доклада, прочитанного ранее в Академии Генерального штаба, *Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром* и *На случай войны с Индей. Озеро Шива как стратегический пункт*. Две очередные позиции: *Пути через Памиры в Индию* и *Долина Большого Алая, как базис для снаряжения войск по политическим причинам* не были опубликованы⁶⁵.

В 1892 году россияне организовали вторую экспедицию в Памир. На этот раз Громбчевский был направлен непосредственно в отряд Ионова. В районе озера Яшиль-Куль россияне обнаружили афганский военный пост. Завязалось сражение, в ходе которого погибло 9 из 17 афганских солдат. Ранения получили также несколько казаков⁶⁶. Проинформированный об инциденте Александр III не скрывал удовлетворения, выраженного в симптоматичном комментарии на телеграмме от генерал-губернатора Вревского: «*изредка мерзавцев получить не мешает*»⁶⁷.

В следующем году Громбчевский был назначен начальником Ошского уезда с населением в почти 160 тысяч людей, находящегося в непосредственной близости от невралгической российско-китайско-афганской границы. В течение четырех месяцев он построил стратегически важную дорогу из Оша через перевал Талдык (3615 м.) в Алайскую долину. В это время российско-британское противостояние в Памире входило в решающую фазу, за которой ему приходилось наблюдать, как бы то ни было, с перспективы провинциального чиновника. Хотя в 1894 году он хлопотал о включении его в состав комиссии, проводящей разграничение спорных территорий, вследствие действий своих оппонентов, в том числе, вероятнее всего, консула Петровского, получил отказ. Может быть, был сделан вывод, что присутствие в российской делегации известного Громбчевского было бы плохо воспринято британцами⁶⁸.

11 марта 1895 года Россия и Великобритания подписали соглашение о разделе Памира, завершая тем самым многолетний конфликт в этой части мира. Для Громбчевского это было также время радикальных изменений. В апреле он покинул Ош и переехал в Ташкент, где занял пост младшего чиновника для особых поручений генерал-губернатора Александра Вревского. Одновременно, по просьбе жены покойного уже великого князя Константина, Громбчевский стал покровителем их старшего сына, не вполне вменяемого великого князя Николая Константиновича, сосланного в Ташкент за кражу родовых бриллиантов⁶⁹. Это,

⁶⁴ Там же, с. 175.

⁶⁵ М.К. Басханов, А.А. Колесников, М.Ф. Матвеева, *Дервиш Гиндукуша...*, ук. соч., с. 44.

⁶⁶ См.: А.Ю. Рудницкий, ук. соч., с. 208–210.

⁶⁷ В. Grąbczewski, *W pustyniach...*, ук. соч., с. 83, А.Ю. Рудницкий, ук. соч., с. 211.

⁶⁸ М.К. Басханов, А.А. Колесников, М.Ф. Матвеева, *Дервиш Гиндукуша...*, ук. соч., с. 48.

⁶⁹ Шире о личных отношениях Громбчевского и великого князя и о самом великом князе см.: В. Grąbczewski, *Na służbie rosyjskiej...*, ук. соч., с. 70–72.

однако, не продолжалось долго – в 1896 году Бронислав Громбчевский навсегда покинул Среднюю Азию, в которой прошло почти двадцать лет его жизни.

* * *

Более поздняя жизнь Бронислава Громбчевского была не менее захватывающей. Свою карьеру он связал со службой на Дальнем Востоке. В 1896 году стал пограничным комиссаром на Амуре. Он организовал тогда две пароходные экспедиции по Амуру и Сунгарю, а также поездку в Малый Хинган в Маньчжурии. В период 1899–1903, пребывая в Порт-Артуре, руководил гражданской администрацией Квантунской области. После произведения в генералы Громбчевский был в конце 1903 года назначен царем Николаем II на пост астраханского губернатора и атамана Астраханского казачьего войска. В 1906 году путешественник, произведенный в генерал-лейтенанты, уволился со службы и уехал в Маньчжурию, где занял должность управляющего Китайско-Восточной железной дорогой. Четыре года спустя он вернулся в Варшаву и начал подготовку к составлению воспоминаний времен пребывания в Средней Азии. После начала Первой мировой войны был эвакуирован в Россию, в которой пережил свержение монархии и большевистскую революцию. Наконец, добрался до Владивостока, откуда вернулся морским путем в уже независимую Польшу. Последние годы жизни Громбчевский проживал в Варшаве, занимаясь бурной писательской деятельностью. Он начал с публикации в газетах фрагментов своих азиатских воспоминаний, которые вскоре стали частью более крупных работ. При жизни автора вышли четыре книги, пятая была издана посмертно. Бронислав Громбчевский умер 27 февраля 1926 года и был похоронен на Повонзковском кладбище в Варшаве.

**Бронислав Громбчевский в качестве Астраханского губернатора
и Астраханского казачьего гетмана.**

В середине октября 1890 года Петр Семенов, вице-председатель Императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге, получил от капитана Бронислава Громбчевского телеграмму с сообщением, что после семнадцати месяцев, пройдя свыше 7000 верст, определив 73 астрономических пункта и 357 вершин, экспедиция в Дарваз, Памир и Раскем, а также в северо-западный Тибет завершила свой путь в Оше. Руководитель экспедиции сообщал также, что в течение всего путешествия проводились метеорологические измерения, собирались образцы фауны и флоры, составлялись богатые географические, политические и этнографические записки, сделано свыше 200 фотографий, и, самое главное, члены экспедиции завершили путешествие здоровыми и в хорошем самочувствии¹. Данные сведения были немедленно переданы царю Александру III через генерал-адъютанта Петра Ванновского, а уже в декабре Громбчевский приехал в Петербург, чтобы лично представить в Географическом обществе отчет о результатах экспедиции, а также передать самые главные материалы: топографические снимки, результаты астрономических наблюдений и вычислений, гипсометрические определения, метеорологический дневник, природные, этнографические и археологические образцы, попавшие затем в различные научные учреждения. Единственной документацией, оставшейся у Громбчевского, которую тот должен был отредактировать и официально подготовить в форме отчета, был его *Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет 1889–1890 гг.* Работа над окончательной редакцией, которой предшествовало несколько докладов Громбчевского о его среднеазиатском путешествии, первоначально была запланирована на год, но в итоге значительно продлилась. Об этом свидетельствует письмо, написанное Петру Семенову, в котором Громбчевский сообщает, что в 1895 году для помощи при подготовке *Дневника* нанял литературно одаренного Федора Криндача, рекомендованного ему известным ориенталистом, членом Императорского Русского географического общества – князем Эспером Ухтомс-

¹ Телеграмма капитана Громбчевского вице-председателю ИРГО [в.] Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА), Ф. 401. Оп. 4. Д. 46 (1889 г.). Л. 67.

ким². Криндач получил задачу выписать и составить обзор самых существенных фрагментов дневника. Свидетельством данного сотрудничества стала написанная от руки запись Криндача от 16 января 1896 года, содержащая следующие слова: «Я, нижеподписавшийся, состоящий в запасе армейской кавалерии корнет Федор Юрьевич Криндач, по обязанности частного секретаря получив в свое распоряжение материалы, собранные подполковником Б.Л. Громбчевским во время его путешествий, сим обязуюсь не пользоваться этими материалами для каких-либо статей или заметок в печати, а также не писать ничего о странах, посещенных подполковником Громбчевским, без письменного его разрешения. [...] Получил за обещанную работу вперед 50 /пятьдесят/ руб. 16-го января 1896 г. Ф. Криндач. 30 января получил 100 /сто/ руб. сереб. Ф. Криндач»³. Следует здесь отметить, что авторы вышедшей в 2015 году в Петербурге книги *Дервиш Гиндукуша* сочли работу Криндача ценным вкладом в итоговую редакцию *Дневника экспедиции*⁴, что противоречит как задаче, порученной корнету, так и оценке данной работы самим Громбчевским. В апреле 1896 года путешественник пребывал в Петербурге и хотел лично получить от Криндача подготовленную им редакцию, но не смог этого сделать, так как корнет вступил в отряд Красного Креста и уехал в Абиссинию. В письме Семенову Громбчевский заявил, что «представляемые обрывки работы едва ли имеют какую либо цену, тем более, что изложение во многом отступает от дневника»⁵. Из документации, содержащейся в Императорском Русском географическом обществе в Санкт-Петербурге, вытекает, что оригинал *Дневника экспедиции* автор отправил лично Семенову вместе с письмом из Ташкента от 12 августа 1896 года. На случай решения о публикации дневника, путешественник обратился к Совету Географического общества с просьбой о поручении редактирования секретарю Общества, Александру Григорьеву, так как он пользовался большим уважением и доверием Громбчевского, а также узнал в ходе личного общения подробные сведения, позволяющие лучше передать атмосферу пережитых во время путешествия приключений⁶. Просьба Громбчевского была удовлетворена, однако отсутствуют доказательства того, что Григорьев приступил к порученному ему заданию. Вместе с тем остается фактом, что хранящаяся в архиве Русского географического общества в Петербурге копия *Дневника экспедиции* Громбчевского 1889–1890 годов составлена копиистом старательно и выведена очень красивым, разборчивым почерком, ни чем не напоминающим почерка корнета Криндача. В такой ситуации следовало бы задать два ключевых вопроса: Кто на самом деле работал над копией, и что произошло с оригиналом дневни-

² Письмо д. члена Б.Л. Громбчевского от 12 августа 1896 г. из Ташкента [в:] „Известия Императорского Русского географического общества” (далее: „Известия ИРГО”), Санкт-Петербург 1896, т. XXXII, с. 534.

³ Письмо Корнета Криндача [в:] Архив Русского географического общества в Петербурге (далее: АРГО), Ф. 45. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

⁴ М.К. Басханов, А.А. Колесников, М.Ф. Матвеева, *Дервиш Гиндукуша. Путевые дневники Центральноазиатских экспедиций генерала Б.Л. Громбчевского*, Нестор-История, Санкт-Петербург 2015, с. 51.

⁵ Письмо д. члена Б.Л. Громбчевского от 12 августа 1896 г. из Ташкента, ук. соч., с. 534.

⁶ Там же.

ка? Мы знаем, что Бронислав Громбчевский только в 1911 году, во время очередного визита в Петербурге, посетил Географическое общество, с которым у него не было контакта с момента передачи в 1896 году всех материалов экспедиции. В связи с тем, что его дневники в дальнейшем оставались неопубликованными, путешественник обратился к Обществу с неожиданной просьбой о возвращении ему оригинала для редакционной обработки и подготовки к печати. Проблема заключалась в том, что Громбчевский ранее передал в пользу Русского географического общества все свои авторские права, а Общество прежде всего было заинтересовано своим преимуществом в вопросе каких-либо публикаций. Несмотря на сложную и деликатную ситуацию, 24 октября 1911 года в ходе заседания Совета Общества было принято решение о передаче Громбчевскому его дневников. В составленном от руки документе содержится следующая информация: „Удовлетворить просьбу Б.Л. Громбчевского и передать ему хранящиеся в Обществе материалы, а копии с них, если таковые окажутся, хранить в Обществе”⁷. Таким образом 29 октября 1911 года Бронислав Громбчевский своей подписью подтвердил получение⁸ оригиналов дневников экспедиций в Центральную Азию; двух папок с перепиской и другими документами, связанными с данной экспедицией; собственноручно составленное собрание лексического материала Канджута, а также собрание лексики язгулемского наречия. Авторы *Дервиша Гиндукуша* таким образом подчеркивают, что в архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге сохранились лишь копия записей экспедиции, проведенной в 1888 году в Канджут и Раскем (машинопись с ручной правкой Громбчевского) и составленная Криндачем копия более интересующего нас *Дневника* похода 1889–1890 гг., на основании которых в 2015 году было подготовлено петербургское издание дневников Громбчевского. Согласно российским исследователям, Громбчевский увез оригинальные документы в Варшаву, затем в 1914 году во время эвакуации из охваченного войной города они были утеряны, и в Польше до сих пор их следы не были обнаружены⁹.

Польские исследования, касающиеся деятельности Бронислава Громбчевского, ограничились лишь попыткой обнаружения документов, хранящихся в Петербурге. Такого рода поиски провел в 1962 году профессор Высшей экономической школы в Познани Мечислав Флешар, который каталогизировал касающийся Громбчевского архивный фонд, в состав которого входили вышеупомянутые копии двух дневников. В «Географическом обзоре» („Przegląd Geograficzny”) Флешар подчеркнул значимость хранящихся в тогдашнем Ленинграде материалов, взывая к необходимости их исследования, перевода на польский и публикации: «кажется, что получение данных дневников из архива, перевод на польский язык и публикация полного текста стали бы большим вкладом в польскую географию. Ведь в истории нашего путешественничества XIX века немного представителей масштаба Громбчевского, а еще меньше у нас документов вроде его дневников, так что мы не

⁷ Журнал заседания Совета Императорского Русского Географического Общества 24 Октября 1911 г. [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1911, т. XLVII.

⁸ Там же.

⁹ см.: *Дервиш Гиндукуша*, ук. соч., с. 75.

Физик Урбан Дедман, Кадаркош, Мухоморов, Никита
 Кадаркош, Мухоморов, Кадаркош: Филипп Саунов,
 Фадеев и Мамоев, Алексеев, Мартин Ко-
 Садир Кадра Иманшипов, Воронин; другие
 совершили Кош-васевоци. Садир Кадра Иманшипов
 Фадеев и Мамоев. Сиди Кадра Иманов, киринг Аман-
 чин. - екий реда импарт Кувонд Бай Дурини-
 Кувонд Бай и Аманшипов киринг реда

Ф Кадман - в свои Мелия Сафар Бай Турды-Бай. Е
 дини приедриет /
 Мухоморов Моев
 Таванович авто. 4го Январ. Воскресен.

Бурденный мина. 2. 3 Январ пришел в пригород встанов.
 из родива урдуя перепокават нас, в шауре в перепо-
 чловитомы Кошир-турт всеи криминомы и бурини есабам.
 еной разбайома ~~вот правды~~ в правду рифинном ерты -
 Сиди Кадра, - ~~Там~~ ~~мисейти~~ ~~вотна~~ ~~нашро~~ ~~асрановичи~~,
 Кадра. - аманда вперд 30-40 (и на евабид еур
 раз перепокават в перепокават все вур-
 том, а шауре прианат встан, рехини
 арками, мурин и. 2. Котри всегда на-
 дитса, пето мило и мурин. пето мурин
 вриур в город и окоритса мидера-
 томк какит мило мелочей, китории
 били урдуемн доур при саман
 ти уртин етчим и абду мачкин ека-
 рифини. - Мис сито аманов есабам
 есабам мило, там как шауре
 есабам чин - аман в урдуе, доурини
 били до уртуртана на арбом и
 аманда чур ~~наши~~ ~~далеки~~ ~~по~~ ~~мощи~~
 доур. - Из уртуртана, или вриур ч
 уртинша Мадар, в аманов Касим еса-
 бам мило. -

Сиди еман мило мило мило

рабства у брата и востанова Камурска,
по разбойника Сиди Нага, Таиди Нагара,
16 Июня. Воскресенье.

2 и 3 Июня проишо въ прилонитъ всю-
нова, перепакования шя, а также въ
пересмотрѣ всего купленного и вѣ-
таго съ собою. Отправившеся въ про-
должительное путешествіе въ пусты-
ню, вестна полегно останавливаться,
оттуда верста 30-40 отъ города и
на свободѣ еще разъ пересмотрѣть
и перебрать все бремя, а также
прикинуть вѣшки, ремни, аркань,
петли и т. д. Почти всегда най-
дется что-либо ненужное, что
можно вернуть въ городъ, и ока-
жется недостатокъ какиа-либо
мелочей, которыя были упущены
даже при самомъ тщательномъ
и обдуманномъ снаряженіи. Многъ
это оказалось особенно необходо-
мнѣе, такъ какъ тверести эже-
вица - около 80 пудовъ - доставлены
были до Уръ-Курмана на арбахъ
и отсюда уже пошли дальше
на лошадей. Уръ-Курмана,
или вѣрнее, уръ-урогинца Магарь,
я отправилъ Кошчевскому письма.
Сегодня сдѣлали нами первый
переходъ на вьюкахъ. Обычная жур-
вица, почти ненужная при
первоначальномъ выступленіи, пока
все не наладится и люди не

можем позволить себе оставить их в форме рукописи»¹⁰. Разделяя мнение Флешара, дополнительно следует обратить внимание на факт, что дневники Громбчевского – это ценный источник не только в области географических наук, но также для многих других научных дисциплин, в том числе истории и литературоведения. Мир науки и литературная критика, не имевшие доступа к экспедиционным документам генерала, могли оценивать и анализировать лишь те работы Громбчевского, которые были написаны им на польском языке в межвоенный период.

Только в 2014 году авторы предлагаемой публикации – члены интердисциплинарного исследовательского коллектива Университета им. Адама Мицкевича в Познани и Познаньского университета искусств – смогли предпринять исследование в рамках гранта Национального центра науки и получить в архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге доступ к неопубликованной к тому времени, насчитывающей свыше 900 рукописных страниц копии *Дневника экспедиции*, которую Громбчевский провел в 1889–1890 гг. Российская сторона впервые предоставила также 103 снимка экспедиции, а также связанные с ней карты путешествия, письма и другие документы.

Проведенные в Петербурге, а затем в Москве архивные и библиотечные поиски дали возможность сделать необыкновенно интересное открытие, на которое навела нас опубликованная издательством «Алетейя» в 2013 году в Петербурге книга Артема Рудницкого под заглавием *Этот грозный Громбчевский... Большая игра на границах империи*¹¹. Анализ данной позиции позволил сделать вывод, что автор цитирует фрагменты *Дневника экспедиции* Громбчевского 1889–1890 гг., указывая в примечаниях адрес архива Министерства иностранных дел в Москве. Налаженная связь с проф. Рудницким, а затем его личная поддержка и помощь позволили получить из архива министерства 374 отсканированные страницы написанного от руки документа, составляющие свыше 40 процентов всего дневника¹². Оказалось, что проанализированный материал отвечает содержанию копии *Дневника* Громбчевского, хранящегося в архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге. От петербургской копии он отличался единственно тем, что в тексте присутствовали многочисленные зачеркнутые фрагменты и исправления, нанесенные автором, поместившим также на полях некоторых страниц комментарии. Осталось единственно предпринять попытку проверить, получится ли определить, кто написал хранящиеся в Москве материалы и имеем ли мы дело с очередной копией дневника или же с оригиналом. Было принято решение направить на графологическую экспертизу сканы архивной рукописи из Москвы и написанного от руки письма Громбчевского, адресованного секретарю Русского географического общества, Андрею Достоевскому¹³. Целью

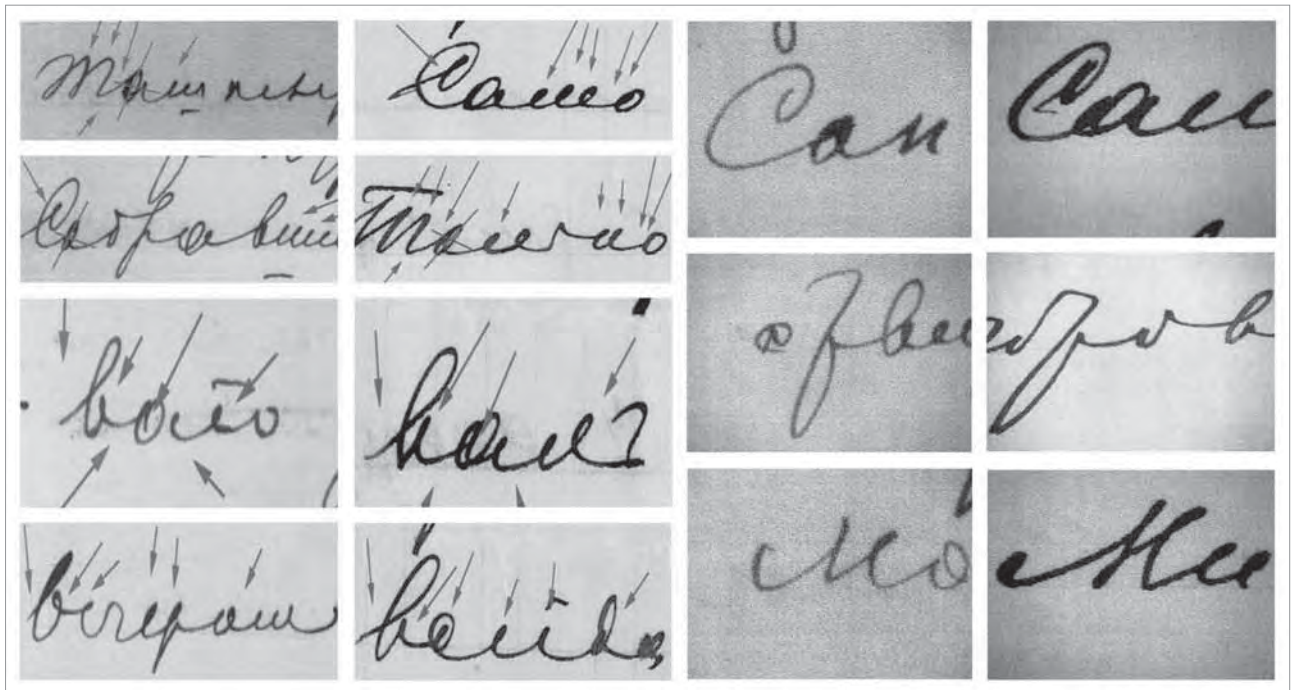
¹⁰ M. Fleszar, *Rękopisy Br. Grąbczewskiego w Towarzystwie Geograficznym ZSRR* [в:] „Przegląd Geograficzny” 1962, т. 34, с. 736. Перевод – А. Б.

¹¹ А. Рудницкий, *Этот грозный Громбчевский... Большая игра на границах империи*, Алетейя, Санкт-Петербург 2013, с. 248.

¹² *Дневник экспедиции капитана Громбчевского* [в:] Московский Главный Архив Министерства Иностранных Дел, (далее: МГАМИД), Ф. 147 (Среднеазиатский стол) Оп. 485. Д. 900. Л. 127-312.

¹³ *Письмо Б.Л. Громбчевского к А. Достоевскому* [в:] АРГО: Ф. 1-1894. Оп. 1. Д. 9. Л. 55-56.

исследования было определение, выполнило ли обе записи одно и то же лицо. В октябре 2016 года были проведены исследования, в ходе которых использовался «сравнительно-графический метод, основанный на утверждении, что графизм является зафиксированным психокинетическим следом». Анализ, выполненный всесторонним образом «с учетом как графических особенностей в отдельных идентификационных слоях, так и синтетических, моторных, топографических, измеряемых и структурных», позволил экспертам из Центра графологических экспертиз в городе Живец сделать вывод, что направленный на проверку материал «был написан одним и тем же лицом»¹⁴. Проведенная экспертиза однозначно доказывает, что считавшийся пропавшим оригинальный *Дневник* Громбчевского, написанный в ходе проведенной в 1889–1890 гг. экспедиции, хранится в архиве Министерства иностранных дел в Москве. В данном месте можно привести процитированные авторами *Дервиша Гиндукуша* слова из *Мастера и Маргариты* Булгакова о том, что рукописи действительно не горят¹⁵.

Примеры графологического экспертиза

Сравнивая оригинал *Дневника* Громбчевского со старательно выведенной копией, хранящейся в Петербурге, следует с уважением отнестись к работе копииста, который должен был столкнуться с нелегкой задачей прочтения почерка путешественника. Мы должны понять, что Громбчевский неоднократно был вынужден составлять свои отчеты в очень сложных условиях (об этом, кстати, читатель узнает из содержания *Дневника*), которые с трудом выдерживал его организм – многие описания частых простуд, высокой температуры и пронизывающего все тело озноба хорошо иллюстрируют сложности, с которыми приходи-

¹⁴ Выписка из «Криминалистической экспертизы документов», проведенной 18 октября 2016 по заказу Университета им. Адама Мицкевича в Познани Центром графологических экспертиз в городе Живец.

¹⁵ см.: *Дервиш Гиндукуша*, ук. соч., с. 75.

лось сталкиваться экспедиции. Если бы атмосферных условий не подтверждали тщательно производимые путешественником метеорологические измерения, то одно из описаний, перечисляющих слои одежды, надетые героем для защиты от невообразимого холода, можно было бы рассматривать как гиперболизацию. В палатке, треплемой высокогорными ветрами, при крепчайшем морозе, во время которого спиртовой примус не был в состоянии предохранить чернила от замерзания, почти ежедневное документирование всех важных фактов на отдельных этапах пройденного пути не могло быть легким заданием. Несмотря на это, уже первое знакомство с *Дневником* Бронислава Громбчевского позволяет с полной ответственностью заявить, что он не только представляет собой большую научную ценность, но и характеризуется бросающимися в глаза литературными достоинствами, сопоставимыми с высоко оцененными критикой публикациями, которые путешественник издал перед смертью в Польше. Оценивая дневники многочисленных путешествий поляков, которые часто были результатом единственно возможных в условиях постраздельной польской реальности XIX века решений, Казимеж Карольчак заявляет, что большинство авторов «в календарях, тетрадах, на отдельных листах [...] писали для себя, не предусматривая предоставления кому-либо своих записок или тем более их публикации. Исключением были лица с литературными амбициями»¹⁶. Можно смело утверждать, что у Громбчевского такого рода амбиции были, и точно он являлся человеком с литературным талантом, что подтвердил в последние годы жизни, когда содержал себя главным образом писательской деятельностью.

В 1924 году на книжном рынке появилась первая из трех самых известных книг, написанных Громбчевским. Это была опубликованная издательством «Гебетнер и Вольф» *Кашгария. Страна и люди. Путешествие в Среднюю Азию* («Gebethner i Wolff», *Kaszgarja. Kraj i ludzie. Podróż do Azji Środkowej*)¹⁷. Иллюстрированная оригинальными фотографиями, с портретом автора и дополненная картой книга оказалась издательской сенсацией, с энтузиазмом принятой любителями приключений и далеких путешествий. Владислав Массальски, автор рецензии на данную книгу, написал, что «увлечение экзотикой не раз являлось могучим стимулом к различным действиям, в которых возрожденная Польша нуждается и которых требует больше чем какая-либо другая страна. Мы верим, что книги в роде *Кашгарии* ген. Громбчевского станут таким стимулом и будут способствовать образованию гнезда орлят, которые, жаждая знаний, впечатлений, а также славы Родине и себе, опишут, словно орлы, круги широкие над обветшалым, но всегда прекрасным Востоком»¹⁸. Приведенные слова доказывают, что уже тогда деятельность Громбчевского рассматривалась как весомый вклад в польское культурное наследие.

¹⁶ K. Karolczak, *Dzienniki z podróży ziemian polskich* [в:] *Pamiętniki, dzienniki i relacje jako źródła do badań historycznych (XVIII–XX wiek)*, под научной редакцией Его же, Kraków 2011, с. 126.

¹⁷ B. Grąbczewski, *Kaszgarja. Kraj i ludzie. Podróż do Azji Środkowej*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1924, с. 246.

¹⁸ W. Massalski, *W czeluściach Azji. (Z powodu książki gen. Grąbczewskiego pt. „Kaszgaria”; nakł. Gebethnera i Wolffa)*, перевод – А. Б., [в:] „Tygodnik Ilustrowany” 1924, nr 17, с. 267-268.

Пример поп-культурной популярности Бронислава Громбчевского в Польше. (Комикс: Прямо в пасть дракона. О Брониславе Громбчевском) *Prosto w paszczę smoka. O Bronisławie Grąbczewskim*, tekst Stefan Wejnfeld, opracowanie graficzne Marek Szyszko, Wydawnictwo Sport i Turystyka, Warszawa 1987.

В 1925 году Громбчевский издал два очередных тома *Путешествий в Среднюю Азию*. В первом из них, озаглавленном *Через Памиры и Гиндукуш к истокам реки Индус (Przez Pamiry i Hindukusz do źródeł rzeki Indus)*¹⁹, описал путешествие в Канджурт в 1888 году, а во втором – *В пустынях Раскема и Тибета (W pustyniach Raskemu i Tybetu)*²⁰ – представил экспедицию 1889–1890 гг. Последней книгой, вышедшей при жизни автора, стали *Воспоминания охотника (Wspomnienia myśliwskie)*²¹, в которых путешественник красочно описал свои охотничьи приключения и природу Средней Азии. Из оставленных и неизданных фрагментов воспоминаний Громбчевского в 1926 году (уже после его смерти) издательству «Гебетнер и Вольф» удалось опубликовать очередную книгу, названную *На службе России (Na służbie rosyjskiej)*²². Безусловно, она вызывала самые большие эмоции среди польских читателей, так как описывала службу поляка в являвшейся завоевателем их родины стране.

Интерес к личности Громбчевского и восхищение им в Польше достигли в то время зенита, доказательством чего являются необыкновенно положительные отзывы о его литературном творчестве. Критики писали, что книги Гром-

¹⁹ B. Grąbczewski, *Przez Pamiry i Hindukusz do źródeł rzeki Indus*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1925, с. 226

²⁰ B. Grąbczewski, *W pustyniach Raskemu i Tybetu*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1925, с. 240.

²¹ B. Grąbczewski, *Wspomnienia myśliwskie*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1925, с. 104.

²² B. Grąbczewski, *Na służbie rosyjskiej. Fragmenty wspomnień*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1925, с. 272.

бчевского свидетельствуют о том, что их автор является настоящим знатоком Средней Азии, а его воспоминания – это очень подробно подготовленный и лишенный преувеличений реалистичный краеведческий материал²³. Юлиан Эйсмонд на страницах „Литературных новостей» („Wiadomości Literackie”) подчеркнул в своей рецензии, что Громбчевский «рассказывает нам скромно и просто, без сгущения красок и фальшивой литературной орнаментики, внося весомый вклад в польскую научную письменность и одновременно входя в польскую литературу как замечательный прозаик и самый выдающийся писатель-путешественник последних лет»²⁴.

Этот врожденный талант в прозе был замечен также в ходе азиатских путешествий, когда он на русском списывал все свои наблюдения, не только подчеркивая фактографическую информацию, но и обращая внимание на эстетическую сторону высказывания. *Дневник* экспедиции Громбчевского 1889–1890 гг. – это документальный материал, который в контексте литературоведческого анализа требует жанрового определения. Как справедливо отметила Божена Витош, описания и разного рода путевые заметки можно отнести к внежанровым текстам, так как «исследователи путевой письменности относят ее [путевую литературу – В. П.-М.] к разным точкам стратификационной системы: к уровню выше жанрового [...] или к основному уровню – в качестве закрепленного в культуре жанра путевых заметок с размытой структурой, выработавшего множество разновидностей. [...] Другие исследователи интересующую нас форму классифицируют в плоскости ниже основной – на уровне тематических вариантов таких жанров, как: воспоминание (путевое воспоминание), дневник (путевой дневник), эссе (путевое эссе), мемуары (путевые мемуары)»²⁵.

Путевые заметки – это жанр, который может находиться между художественной литературой и географическими, историческими или этнографическими текстами, т.е. ставящими перед собой цель указать прагматические сведения. Опубликованные главным образом на польском языке произведения Громбчевского показывают черты промежуточных жанров, т.е. эссеистики, фельетона, хроники и репортажа, но не следует забывать, что их образцом, в какой-то степени документальным и воспоминательным материалом, были находящиеся в российских архивах путевые дневники, которым свойственен хронологический порядок повествования. Словарь литературных терминов, определяя путевой дневник, подчеркивает, что это: «путевые записки как отдельное целое, списываемые изо дня в день, но скорее как литературное высказывание, а не отчет строго документирующего характера; описаниям посещаемых мест и познаваемых обычаев сопутствуют обычно более общие рассуждения различного характера [...]. Путевой дневник появлялся уже в старопольской литературе, однако стал характерным жанром для литературы Просвещения и Романтизма; явля-

²³ S. Błachowski, *Instynkt czy inteligencja* [в:] „Kurjer Poznański”, 29.VII.1926, № 344, с. 2-3.

²⁴ J. Ejsmond, *Odyseja nieznanego Wschodu*, перевод – А. Б., [в:] „Wiadomości Literackie” 1925, № 4, с. 3.

²⁵ B. Witosz, *Gatunki podróżnicze w typologicznym ujęciu genologii lingwistycznej*, перевод – А. Б., [в:] *Wokół reportażu podróżniczego*, pod red. D. Rotta, Katowice 2007, т. 2, с. 16-17.

ется одной из разновидностей путешествия»²⁶. Если речь идет о жанре путешествия, то этот же словарь дает следующее толкование: «сфера письменности, охватывающая отчеты разного рода путешествий: экспедиций, скитаний, походов, паломничеств, экскурсий и т.п. На одном конце данного широкого пространства находятся фотографические отчеты полностью документирующего характера, на другом – рассказы о вымышленных путешествиях [...]. Между указанными полюсами находятся различные жанры путешествия, в которых элементы документальной записи мешаются с элементами фикции в разных пропорциях и комбинациях»²⁷. Принимая во внимание, что экспедиции Громбчевского не были мероприятиями частного характера, и путешественник с офицерским званием царской армии должен был выполнить порученные ему задания, следует предполагать, что тщательно составляемые отчеты, содержащие существенную информацию о географической среде, топографии, атмосферных условиях, т.е. необыкновенно ценные замечания с точки зрения военного дела, имеют характер путевого дневника. В плане жанра он приближается у Громбчевского к публицистике, которая в данном случае насыщена художественными средствами литературной прозы. Автор, опираясь на фактографический материал, в принципе избегал литературной фикции, стараясь, однако, действительные события формировать по образцу эпического сюжета, организованного в продуманное и последовательное действие. Стилистика Громбчевского насыщена литературными описаниями, появляющиеся герои подробно характеризуются, и все это нередко дополнено анекдотическими элементами с примесью иронии или гиперболизацией. С целью придать дневнику своего рода индивидуальный оттенок, часто к описанию случайно посещаемого места Громбчевский добавляет, например, информацию о проходящем как раз торжестве. Следует, однако, подчеркнуть, что все это опирается на факты социального, бытового, культурного или политического свойства, а автор входит в роль непосредственного свидетеля имевшей место ситуации в определенном географическо-политическом пространстве, не забывая, однако, о том, что его субъект не является лишь комментатором, заботящимся о сборе прагматической информации, что, несомненно, имело бы влияние на формирование нелитературной формы высказывания. Более типичной для него является «позиция интроспекции и излияния чувств, характерная для интимной литературы»²⁸, то есть для жанра путевого дневника. Высказывание путешественника следует рассматривать как дневниковое повествование, которое, учитывая краткие записки автора о специфике маршрута, продолжительности и сложности пройденного отрезка, т.е. информацию, предшествующую подробному описанию каждого этапа пути, можно было бы отнести также к известному в старопольской литературе жанру диариуша. Громбчевский не использовал, однако, характерного для диариуша структурного принципа записи по дням, разделяющего «крупные комплексы событий

²⁶ Статья: *Dziennik podróży* [в:] *Słownik terminów literackich*, pod red. J. Sławińskiego, перевод – А. Б., Wrocław-Warszawa-Kraków 1988, с. 118.

²⁷ Статья: *Podróż*, перевод – А. Б., там же, с. 394.

²⁸ ср.: В. Witosz, ук. соч., с. 20.

на отдельные звенья, замкнутые рамками одного дня»²⁹, в связи с чем следует здесь также подчеркнуть, что его азиатский отчет удачно вписывается также в упомянутый популярный жанр «путешествия». Несмотря на распространенность путевой литературы уже в древности, термин «путешествие» оформился только в XIX веке, примером чего являются известные произведения того времени, в частности И. Березина, А. Бестужева-Марлинского, Г. Фильдинга, И.В. Гете, И. Гончарова, С. Гоцинского, А. Одынца, Ю. Словацкого и многих других писателей, в творчестве которых можно найти описания воспоминаний пережитых путешествий. Авторы данного издания надеются, что читатели после анализа экспедиционного *Дневника* Громбчевского смогут дать собственную оценку, позволяющую определить, в какой степени его описания путешествия в Среднюю Азию вписываются в русло путевой литературы.

В процессе анализа содержащихся в архивах России материалов может помочь исследовательская методология, позволяющая учесть специфику общественно-политической и исторической ситуации, в которой пришлось жить и работать Брониславу Громбчевскому – поляку, которому не были чужды опыты борьбы за независимость родины. Речь идет о «постколониализме» – научной позиции, ставшей популярной в 80-е и 90-е гг. XX века. Цитируя Михала Павла Марковского, констатируем, что «постколониальные исследования – которые могут рассматриваться как субдисциплина культурных исследований – занимают анализом воображений мира, формируемых с имперской (то есть культурно и политически доминирующей) точки зрения»³⁰. Громбчевский работал для Российской империи и потому существенным является ответ на вопрос: Использует ли его литературный субъект господствующую историографию, заключающуюся в представлении описываемой в ходе путешествия страны с перспективы колонизаторов? Постколониальные исследования в оценке наследия Громбчевского позволяют проследить идеологическое и политическое влияние России на культуру стран и народов, которые стали целью экспедиций под руководством этого поляка. Сквозь призму данной методологии можно определить, насколько Громбчевский отразил реалии, а насколько должен был создать конструкцию описания, отвечающую определенной идеологии; насколько, опираясь на собственное мировоззрение, спроектировал представленную действительность. Наконец, в контексте семейного опыта борьбы за независимость постколониальная методология может помочь ответить на вопрос, позволил ли себе путешественник, будучи представителем покоренного, разделенного и несуществующего в геополитических реалиях польского государства, в творческих рассуждениях оправдывать тезисы о превосходстве России в ее колонизаторских стремлениях и о доминирующей роли русской культуры по отношению к Средней Азии. Уже поверхностное прочтение работы Громбчевского дает читателю возможность заметить, что литературный субъект отрицательно оценивал китайскую доминацию и британские амбиции в регионе.

²⁹ Статья: *Diariusz* [в:] *Słownik literatury staropolskiej. Średniowiecze – Renesans – Barok*, pod red. T. Michałowskiej, перевод – А. Б., Wrocław 1998, с. 164.

³⁰ А. Burzyńska, M.P. Markowski, *Teorie literatury XX wieku*, перевод – А. Б., Kraków 2006, с. 549–560.

С точки зрения автобиографических сведений, *Дневник* экспедиции 1889–1890 гг. указывает нам Громбчевского как человека, полностью преданного официально порученной ему Императорским Русским географическим обществом миссии. Автор ясно подчеркивает свою роль, примером чего является богатая информация этнографического, географического и природоведческого характера. На страницах дневника подробно описан характер жителей, образ их жизни, способ празднования свадеб, оплаты приданого, сказано, как разводятся, сколько стоит подготовка похорон. Описания домов, одежды, распространения болезней часто получают форму эссе, подчеркивающую литературное мастерство высказываний автора. Ценными этнографическими сведениями являются, несомненно, многочисленные и подробно собранные у туземцев легенды, сказки, пословицы, тексты услышанных песен или стихотворных поэм, которые цитируются в оригинальном звучании (Громбчевский знал тюркские языки, а также персидский язык). В *Дневнике* собрана информация о возделывании типичных для данных территорий пшеницы, ячменя, хлопка или табака. Субъект подчеркивает большое значение растущих абрикосовых деревьев, слив, яблонь, шелковицы, плоды которых были дополнением бедной диеты местных жителей. О высокой чувствительности генерала свидетельствует его характерное и в каком-то смысле своеобразное (в контексте увлечения охотой) отношение к животному миру. На страницах *Дневника* он неоднократно высказывается с заботой, сожалением как о тяжелой судьбе вьючных животных, особенно лошадей, так и о незавидной жизни собак, которые в местной культуре считались нечистыми животными. Члены экспедиции охотились в пути, но не только ради пополнения походного рациона, но и для зоологических сборов. Внимание путешественника привлекали также места, богатые различными минералами, которых образцы он бережно копил. Описывается также добыча железной руды и способы выплавки железа. Вся эта информация, рассматриваемая с точки зрения личного опыта и собственных оценок, указывает на интерес автора, который рос в помещичьей семье, а затем был, в частности, студентом Горного института в Санкт-Петербурге. Однако собираемые в *Дневнике* сведения должны были, прежде всего, подчеркивать научный характер его экспедиции.

Дневник преимущественно ведется от первого лица, а его содержание лишено каких-либо сведений о польском происхождении и семье автора. Всего несколько раз Громбчевский крайне лаконично упоминает свою старую мать или жалуется на отсутствие писем от близких, не сообщая читателю, кого он имеет в виду. Интересным примером такого отбора информации о себе является сообщение о отправке письма матери, которая называется «Э.Г. Громбч.». О том же, что сам он является поляком, путешественник упоминает лишь один раз. В ходе запечатленной на совместной фотографии встречи двух экспедиций: руководимой им – русской и возглавляемой Фрэнсисом Янгхазбендом – британской, Громбчевский в комментарии подчеркнул, имея в виду себя, что один из ее участников – поляк. Также во время встречи с Каролом Богдановичем, поляком, который был участником экспедиции, возглавляемой Михаилом Певцовым, Громбчевский отмечает единственно, что встретился с соотечественником, не упоминая ни о национальности Богдановича, ни даже о том, разговаривали ли

они на польском. Следует помнить, что российский консул в Кашгаре, Николай Петровский, в официальных депешах в Петербург писал о Громбчевском как о поляке. Это, однако, не меняет факта, что читатель намного чаще встретит в *Дневнике* фрагменты, в которых путешественник говорит о себе как о россияине – это имеет место, например, во время попытки провести переговоры с афганскими властями относительно получения согласия на проход экспедиции по дороге из Дарваза в Шугнан, блокируемой афганской армией. Такую позицию следует понимать с точки зрения должности, доверенной ему российским руководством, и потому, осознавая это доверие, Громбчевский старается в своем *Дневнике* подчеркивать русскость руководимой им экспедиции и лояльность российскому государству.

Интересным аспектом в попытке дать характеристику личности Громбчевского является его отношение к религии. И речь здесь не идет о часто встречаемых в *Дневнике* выражениях типа: «дай Бог» или «Бог знает», которые абсолютно ничего не говорят о набожности путешественника. Из биографической справки о Громбчевском вытекает, что он никогда не отказался от католицизма, хотя ему предлагали переход в православие – это, вероятно, облегчило бы продвижение по ступеням профессиональной карьеры. Путешественник, однако, отдавал себе отчет в том, что католическая религия была, скорее всего, последним «якорем», который связывал его с корнями предков, хотя одновременно Громбчевский подчеркивал, что никогда не был глубоко верующим человеком. В обсуждаемом *Дневнике* можно выделить две «религиозные» позиции путешественника: первая показывает Громбчевского как командующего экспедицией, который, отвечая за моральный дух своих подчиненных, следит за соблюдением обязательного ритуала отмечать молитвой важные даты, связанные с жизнью царской семьи, то есть протекторов и меценатов его похода. Несколько описаний совместных торжеств особенно выделяются в *Дневнике*, подчеркивая факт вручения щедрых подарков местным жителям по случаю такого рода праздника, что должно было показать великодушие и хорошее расположение экспедиции, играющей роль представительства российского государства. Вторая позиция касается уже обыкновенного человека, который в сложные моменты, ощущая собственную слабость, перед лицом грозной природы ищет утешения в молитве Богу, обращается к религии, вспоминает фрагменты Библии. Характерным в данном контексте становится признание, в котором литературный герой осознает тяжесть несомой на собственных плечах ответственности за подчиненных ему людей. Опасения за их безопасность во время проходов экспедиции через покрытые снегом и льдом перевалы побуждают его к молитве о заступничестве Богородицы. Громбчевский, который, будучи солдатом и исследователем диких и опасных территорий Центральной Азии, неоднократно должен был сталкиваться лицом к лицу со смертью, не опасался за себя. Путешественник молился только за жизнь тех, кто безгранично доверял его опыту и предусмотрительности, следуя за ним без лишних вопросов и выполняя одновременно его приказы. Все это доказывает, что мы имеем дело со смелым человеком, жаждущим приключений, целеустремленным, но вместе с тем ответственным за своих людей.

Громбчевский часто принимал рискованные решения, осознавая, что в случае успеха они могут принести ему известность. Другими русскими путешественниками он оценивался в таких случаях критически. Не оспаривалась его смелость (кстати, даже британцы указывали на его мужество), а подчеркивался карьеризм как главный стимул такого рода действий³¹. Самого Громбчевского такие мнения не расстраивали – он понимал, что, будучи поляком, только мужеством и целеустремленностью можно было добиться в России профессионального признания. Текст *Дневника* показывает, что путешественнику не было чуждо ощущение собственной известности, сопутствующей ему не протяжении всей дороги. Туземцы передавали друг другу сведения о нем, напоминающие полные гиперболизации легенды и басни. Информация о том, что еще в Маргелане путешественника прозвали «Узун-Аяк-тюря» (длинноногий дворянин), привела к тому, что о нем и руководимой им экспедиции в Фергане, Кашгарии, Бухаре, а также на Сары-Кие громко говорили как и о большом событии. Путешественник с дозой автоиронии приводит услышанные от местных жителей слухи, сравнивающие его с великаном, которого в состоянии поднять только две связанные вместе лошади. Данный пример, хотя субъект ясно подчеркивает бурную фантазию туземцев, однозначно свидетельствует о том, что Громбчевский, несмотря на все, был доволен популярностью своей личности.

Читая *Дневник*, в некоторых случаях сложно однозначно определить, какие сведения имеют более личный характер, а какие относятся исключительно к заданию, порученному Громбчевскому. Упоминания о здоровье и самочувствии путешественников на значительной высоте людей – это ценная информация для военных, так как говорит о возможностях вести боевые действия на столь неблагоприятной территории. Несомненно, информация о пастбищах для лошадей, которые могут обеспечить большой отряд, данные о возможности охотиться, доступе к воде, отношении туземцев к чужим, заснеженности перевалов позволяют дать оценку о пригодности с военной точки зрения тех или иных дорог и троп. Субъект обращает внимание на состояние мостов, переброшенных над горными потоками, которые в период весеннего половодья или во время сильных осадков в любой момент могут превратиться в бурные реки, и задумывается над возможностью быстрого восстановления переправ в случае их уничтожения внезапно поднявшейся водой. Информация данного типа не имеет ярко выраженного разведывательного характера, хотя, конечно, и такая в *Дневнике* случается. Громбчевский с точностью описывает проходимые деревни и городки, встреченные крепости, боевую ценность их команд. Примером в данном случае может стать подробная запись о бекствах Вахии, в которой точно указаны: количество домов и хозяйств, численность жителей, способы осуществления власти и налоговая система. Заметки об армии, устаревшем вооружении, наспех организованных караулах, целью которых было впечатлить российского офицера, часто сопровождаются тонкой иронией. Описание такого «театрального» караула бухарских войск в городке Кала-и-Хум с особым вниманием к старой, протертой, но цветной

³¹ В.Г. Бухерт, *Вступительная статья: Туркестанские письма Н.Ф. Петровского*, Рос. Архив, Москва 2003, т. 12, с. 491.

солдатской форме напоминает образы военных из рассказов Александра Куприна. Не следует, однако, преждевременно делать вывод, что литературный герой Громбчевского уменьшает значение проблемы. Будучи искусным наблюдателем и знатоком вопросов военного дела, он констатирует, что на сложном для прохода скальном карнизе десятков таких солдат, вооруженных скорострельным оружием, смог бы остановить целую армию.

Не менее важными наблюдениями с точки зрения возможной военной экспансии являются собранные сведения об отношении туземцев к России, Великобритании, Афганистану и местной китайской администрации. Здесь также можно отметить очень характерные и частые описания действий местных властей, в отношении которых автор *Дневника* высказывается с неприкрытой неприязнью. Субъект, оценивая политические структуры, способ осуществления власти, раздутые налоговые системы, подчеркивает их феодальный или даже грабительский характер, направленный против проживающего в Центральной Азии бедного гражданского населения. Афганская и китайская экспансия приводила к злоупотреблениям властью среди местных чиновников, бандитская деятельность которых (нередко описываемая в *Дневнике*) дополняла целостную картину всеобщей нищеты жителей, к которой субъект чаще всего относится с большой дозой сочувствия. Стоит здесь указать на личные опасения Громбчевского, которому не дает покоя вопрос, не будет ли проезд его экспедиции через обнищавшую местность слишком тяжелым для туземцев. Смягчить данные опасения должны были более или менее существенные подарки, которые путешественник раздавал на каждом шагу.

Частая эмоциональная авторская критика окружающей действительности дает возможность оценить личность российского путешественника и позволяет, несомненно, видеть в нем смелого и сильного человека, но одновременно чуткого и справедливого. Командуя группой закаленных вызовами экспедиции крепких мужчин, путешественник не мог в отношениях с ними проявлять никакой слабости и в случае каких-либо признаков недисциплинированности пользовался нередко радикальными методами, включая порку. Если телесное наказание не было возможным, в *Дневнике* читатель находит острые выражения, часто насыщенные сарказмом, адресованные подчиненным, которые проявили несубординацию. Примером таких словесных выговоров были замечания в адрес немца, энтомолога и препаратора экспедиции, Леопольда Конрада, отсутствие профессионализма которого часто выводило Громбчевского из равновесия. Литературный субъект позволяет себе в таких случаях словесные излияния, которые иногда получают даже комический оттенок. Путешественник так же решительно вел себя в отношении к местному населению, если возникали подозрения, что оно являлась реальной угрозой для успеха его миссии. Описание взятия в заложники местных старшин для обеспечения доставки обещанного экспедиции продовольствия может свидетельствовать об отчаянии Громбчевского, который не избегал решения проблем с употреблением силы. Такую оценку его поведения смягчают, однако, сведения о том, что путешественник награждал своих людей за смелость и примерно выполненные приказы; что всегда за все честно и щедро платил, не причиняя никому существенного вреда. Очень часто также, замечая продиктованное

жадностью недружелюбное поведение жителей или их нескрываемое желание быстрого обогащения за счет экспедиции, Громбчевский уступает и не нажимает на них. Свою горечь проявляет только в *Дневнике*, с сарказмом описывая имевшие место ситуации.

Обстоятельствам и историческим реалиям, в которые вписывается деятельность Громбчевского, часто свойственны были грубость и жестокость. Это не значит, что литературный герой *Дневника* – это человек, который в таких условиях был лишен чувствительности. Особенно ему жаль людей, которые страдали из-за войн и непрекращающихся набегов различных местных банд. Встречаемых по дороге уходящих от афганских военных беженцев литературный герой сравнивает с описанными в Библии судьбами евреев во время исхода из Египта. В другом месте *Дневника* оборванные нищие странники напоминают ему отступающую из Москвы армию Наполеона. Перед лицом войны люди от страха напоминают животных в ловушке, а в их поведении проявляется рабский менталитет. Несмотря на то, что сам автор является солдатом, его оценка разворачивающихся военных конфликтов всегда негативна. Особенно он сочувствует детям, которые всегда в таких ситуациях остаются беззащитными. Их портреты наполняют не только страницы *Дневника*, но также становятся темой фотографий путешественника. Нищие, истощенные, грязные ребята являются объектом переживаний героя, который, зная, что не может изменить их судьбы, старается на каждом шагу хоть немного развеселить детишек подарками в виде конфет или других мелочей.

Литературный герой обращает внимание на низкую позицию женщин. Интересным примером является описание трех молодых рабынь-чатрарок, запечатленных также на фотографии, которых путешественник мог выкупить у встреченного по пути работаровца, но не сделал этого, объясняя свое решение высшей необходимостью. Громбчевский был уверен, что обеспечение девушкам безопасности среди стольких мужчин было бы сложным и могло бы отрицательно отразиться на успехе экспедиции. Единственным его действием был приказ торговцам лучше относиться к женщинам. Эта история указывает проблему усиливающейся со временем тоски по противоположному полу. Повествователь многократно описывает портреты встреченных женщин, оценивает их внешний вид, привлекательность или, наоборот, безобразие. Недвусмысленной в этическом контексте является информация о том, что путешественник использовал предназначенную для определения географической широты подзорную трубу для подглядывания жизни в домах туземцев. Свои поступки он старается, однако, оправдать, подчеркивая, что, благодаря такого рода наблюдениям, сможет рассказать об интимной жизни местных жителей. Дополнением таких описаний становятся тщательно собираемые сведения и легенды, касающиеся сексуальных вопросов. Нигде, однако, не была затронута тема попыток наладить личные отношения с женщинами. Этим автобиографическим вопросом путешественник также не посчитал нужным поделиться с читателем, стараясь подчеркнуть свое уважение по отношению к людям, воспитанным в другой культуре и вере. Это вытекает также в какой-то степени из социального происхождения Громбчевского, обязывающего его определенным образом описывать свое поведение.

Субъект неоднократно акцентировал в *Дневнике* свой дворянский и офицерский статус с целью сопоставления своих действий с деятельностью других путешественников, исследующих в те времена Центральную Азию. Упомянув о своей встрече в феврале 1890 года с экспедицией Михаила Певцова и осмотре ее снаряжения или оценивая после визита обеспеченность лагеря британской экспедиции под руководством Фрэнсиса Янгхазбенда, Громбчевский желал подчеркнуть сугубо спартанский характер своей экспедиции. С одной стороны, Громбчевского впечатляло участие в межимперской политической игре, с другой же – он осознавал, вероятно, свое происхождение. Как у представителя завоеванного, колонизированного народа, у него была другая перспектива, которая, несомненно, могла оставить след в литературной конструкции представляемого мира, созданного с другой, не доминирующей политически и культурно перспективы, отличающейся от имперской точки зрения.

Приведенные факты однозначно опровергают довольно прочно утвердившееся в Польше мнение о Громбчевском как о ренегате. Предоставленный *Дневник* доказывает, что Бронислав Громбчевский был действительно лояльным подданным Империи Романовых, но при этом не утратил польской национальной идентичности. Следует также в данном контексте обратить внимание на интересный факт, что, составляя свой *Дневник* на русском языке, путешественник не всегда был в состоянии избавиться от закрепленных в юности языковых схем, типичных для польского языка. Можно даже констатировать, что его литературный субъект «думает» иногда по-польски, что заметно было в ходе работы над переводом. Возвращение памяти об этом человеке, а также более пристальный взгляд на все еще неизученную часть его творческого наследия станут весомым вкладом в обогащение польской культуры.

Фотография Бронислава
Громбчевского, сделанная в Варшаве
в 1925 году.

Констанция Плескачиньска

**Дневник, написанный
изображением.
Анализ фотографий
Бронислава Громбчевского
снятых в ходе экспедиции
1889–1890**

Экспедиция Бронислава Громбчевского, отчет о котором в форме *Дневника экспедиции* предлагает данная публикация, началось в 1889 году, ровно полвека после появления фотографии. К тому времени новое изобретение уже успело пройти своего рода метаморфозу от своеобразного гаджета, который в один момент мог запечатлеть больше подробностей и сделать это более точно, чем самый искусный художник, к серьезной роли все более незаменимого способа документирования, как в науке, журналистике, так и в других сферах. Совершенно естественной стала традиция привозить фотографии путешествий – ее соблюдали как исследователи – из далеких, неизвестных стран, так и простые путешественники-любители, запечатлевающие свои поездки. Значение этих, казалось бы, несущественных записей путешествий оценил уже в середине XIX века Джон Рёскин, замечая, что если съемка красивых пейзажей – это просто приятное развлечение, то подробно запечатленные на снимке примеры старинной архитектуры становятся серьезным свидетельством, позволяющим сохранить культурное наследие для будущих поколений. Немаловажно, что Рёскин поощрял к очень скрупулезному изображению всех возможных деталей, даже если это нарушало бы композицию снимка или правильность параллельных линий¹. И здесь мы сталкиваемся с интересным аспектом фотографии – столкновением ее познавательной и художественной ценностей. Уже тогда возникла дискуссия о том, может ли фотография быть видом искусства.

Документирование, увековечивание мимолетного, возможность показать более широкому кругу зрителей, как выглядят самые отдаленные, до сих пор неизвестные или окутанные легендой уголки мира, стали огромным прорывом на пути к распространению знаний множества дисциплин – истории, географии, ботаники, зоологии, этнографии, архитектуры и многих других. Попутным эффектом фотографии неоднократно бывало разрушение разнообразных фантастических воображений о далеких странах и лишение мифичности мест, известных ранее только благодаря идеалистическим художественным представлениям. Распространение

¹ J. Ruskin, *The Seven Lamps of Architecture*, Smith, Elder and Corporation, London 1855, предисловие к изданию II, с. XIV.

фотографии имело огромную образовательно-познавательную ценность, – показывая настоящую жизнь других культур, она поощряла к их исследованию, развивала интерес к миру. Значение фотографии признавали и путешественники, о чем свидетельствует большая целеустремленность, с которой они первоначально возили громоздкое оборудование ради того, чтобы подтвердить свои открытия, увековечить то, что появилось перед их глазами и – конечно же – показать это другим.

Подобными намерениями (которые можно еще дополнить желанием запечатлеть объекты военного значения) руководствовался Бронислав Громбчевский. Первая экспедиция, во время которой в снаряжении Громбчевского оказался фотоаппарат, состоялась в 1888 году. Из продолжающейся четыре с половиной месяца поездки путешественник привез 125 снимков². Во время следующей, на этот раз уже семнадцатимесячной экспедиции (начавшейся 4 июня 1889 года) Громбчевским было снято «более 20 дюжин фотографий»³. Они были выполнены на стеклянных пластинках, что в сопоставлении с применяемыми ранее фотографическими техниками было весьма удобным решением, предоставляющим возможность проявить снимки даже спустя длительное время. Как вспоминал спустя долгие годы Громбчевский, осознавая развитие фотографии, задача была все равно непростой: «Во время моих поездок ручных Кодаков не было, не были известны также дорожные камеры, где любой человек может сразу же проявить свои снимки. Мой фотоаппарат, на треножном штативе, возил казак, а для снимков я применял стеклянные пластинки Илфорда, которые выдерживали 40 градусов жары или мороза, и которые были проявлены только к концу второго года и послужили в данный момент иллюстрацией моих путешествий»⁴. Кроме коллекции фотографий, Громбчевский собрал также огромную зоологическую, ботаническую и геологическую коллекции, привез или переслал в ходе путешествия много этнографических материалов. Они и сегодня пополняют музейные выставки, однако не представляют собой цельной коллекции, функционируя отдельно, анонимно. Поэтому именно фотографии, снятые Громбчевским, являются самым целостным дополнением *Дневника*, они непосредственно связаны с ним, наиболее подробно иллюстрируют это путешествие, являются изображением того, чего не получилось описать, или же записью того, что Громбчевский обязательно хотел показать другим.

Экспедиция Громбчевского отразилась широким эхом не только среди ученых, но также среди обыкновенных людей. Отчеты путешествий в места, где еще не ступала нога ни одного европейца, вызывали большие эмоции и огромный интерес. В первую очередь доклад о путешествии был представлен 10 января 1891 года на экстренном собрании Императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге. Интерес к результатам экспедиции Громбчевского был столь велик, что для их презентации арендовали один из самых больших залов в городе – в здании Санкт-Петербургского городского кредитного общества (сегодня это офис банка «Санкт-Петербург» на площади Островского): «На засе-

² B. Grąbczewski, *Przez Pamiry i Hindukusz do źródeł rzeki Indus*, Wyd. Gebethner i Wolf, Warszawa 1924, с. 222.

³ Его же, *W pustyniach Raskemu i Tybetu*, Wyd. Gebethner i Wolf, Warszawa 1925, с. 231. Перевод – А. Б.

⁴ Там же, с. 229. Перевод – А. Б.

дание прибыли великие князья, а среди них президент Академии наук, великий князь Константин Константинович, министры, почетные члены Географического общества, а также свыше 800 действительных членов, корреспондентов и приглашенных ими гостей»⁵. Доклад Громбчевского иллюстрировали диапозитивы, выполненные Василием Ивановичем Классеном, официальным фотографом двора Его Императорского Величества, Александра III. Об этом упоминает также сам Громбчевский: «Когда я вышел на трибуну, меня приняли бурными аплодисментами. Я представил подробный отчет путешествия, иллюстрируя более интересные моменты показом соответствующих диапозитивов»⁶.

Фотографии в изданиях

Снимки экспедиции были достаточно быстро, уже в 1891 году, оформлены в виде альбома, предназначенного для узкого круга самых главных получателей. Сборник был назван *Альбом видов и типов снятых Брониславом Людвиговичем Громбчевским во время путешествия в северо-западный Тибет по поручению Императорского Русского Географического Общества*. Альбом не предназначался для широкого распространения, точное количество его экземпляров неизвестно. Фактом остается только то, что эксклюзивные издания в кожаном переплете с золотым тиснением Громбчевский лично подарил членам царской семьи во время описывающих поход в Среднюю Азию личных докладов, представляемых в их резиденции. Альбом был также у Совета Императорского Русского географического общества, министра войны и, вероятно, генерал-губернатора Туркестана (хотя он должен был получить альбом, посвященный первой экспедиции). У самого Громбчевского также были альбомы. Сегодня известны только два экземпляра, хранящиеся в научном архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге⁷.

Фотографии с похода публиковались также в вышедших в 20-е годы XX века воспоминаниях Громбчевского, собранных в трех томах – *Каишгария (Kaszgarja)*, *Через Памиры и Гиндукуш к истокам реки Индус (Przez Pamiry i Hindukusz do źródeł rzeki Indus)*, *В пустынях Раскема и Тибета (W pustyniach Raskemu i Tybetu)* – под общим заглавием *Путешествия ген. Бр. Громбчевского (Podróże gen. Br. Grąbczewskiego)*, а также в *Воспоминаниях охотника (Wspomnienia myśliwskie)*, опубликованных в Варшаве в 1925 году. Однако именно Альбом, содержащий 103 фотографии, является самым полным до сих пор собранием снимков экспедиции 1889–1890 гг. Третья часть воспоминаний, описывающая этот поход, была иллюстрирована 83 фотографиями, однако уже даже поверхностный просмотр подтверждает, что, кроме определенного числа снимков из Альбома, в ней содержатся также и другие фотографии. Сравнение всех трех томов показало, что снимки, которые однозначно относятся к третьему походу, появляются в принципе в каждом

⁵ Там же, с. 230. Перевод – А. Б.

⁶ Там же, с. 230. Перевод – А. Б. Подробный отчет [в:] *Доклад капитана Б.Л. Громбчевского о путешествии в 1889–1890 гг.* [в:] „Известия Императорского Русского Географического общества”, Санкт-Петербург 1891, т. XXVII, с. 136–137.

⁷ Информация, полученная благодаря Марии Федоровне Матвеевой, заведующей архивом Русского географического общества в Санкт-Петербурге.

из томов. Возможно ли в таком случае в книгах Громбчевского обнаружить фотографии экспедиции 1889–1890 годов, неопубликованные ранее в *Альбоме*? Можно ли, на основании анализа изображений, запечатленных на фотографиях и после их сопоставления с текстом *Дневника* и воспоминаний, расширить это собрание?

Заглавная страница *Альбома*

Фотографии в *Альбоме*

Альбом содержит нескрепленные страницы – на каждой из них находится одно изображение, окруженное графическим орнаментом. Внизу помещена подпись, состоящая из краткого описания фотографии, номера снимка и записи «Путешествие Б.Л. Громбчевского». Подавляющее большинство содержащихся в *Альбоме* фотографий имеет заметный на самом снимке номер. Номер был нанесен на негатив после его проявления – скорее всего, черной краской или специальным красным красителем для ретуши негативов – кокцином, но это можно было бы определить только на основании анализа негативов, которые, к сожалению, пропали. Вероятнее всего, после фотографирования стеклянные пластинки помещались в пронумерованные кассеты, а после их проявления соответствующий номер приписывался негативу. Последняя фотография в *Альбоме* обозначена номером 261 – можно затем определить общее число фотографий экспедиции. Существуют, однако, пропуски между номерами в упорядоченных последовательно фотографиях – как известно из третьего тома воспоминаний, не все снимки сохранились: «Естественно, очень много интересных фотографических снимков пропало вследствие неосторожного обращения с фотопластинками, их повреждения или вследствие неправильных фотографий, о чем я не знал, так как проявленные пластинки увидел только в Петербурге»⁸. Также в *Дневнике экспедиции* можно найти записи, сообщающие о безвозвратной потере снимков: «Мирза перепортил

⁸ B. Grąbczewski, *W pustyniach...*, ук. соч., с. 229. Перевод – А.Б.

и перепутал кассеты с пластинками»⁹, «Снимал фотографию видов долины Мургаба. Шквалом опрокинуло аппарат и разбилось матовое стекло, а также раскололась коробка»¹⁰. Очень существенным кажется вопрос определения, помещены ли снимки в *Альбоме* согласно хронологии, отвечающей записям *Дневника экспедиции*. *Альбом* открывает – облагороженный техникой сепии – портрет Бронислава Громбчевского, созданный, несомненно, в фотоателье. Как уже упоминалось выше, страницы альбома не были скреплены никаким образом, однако они помещены в определенном порядке – неизвестно, отвечает ли он замыслу Громбчевского или нет. Презентацию сделанных во время экспедиции снимков начинают две лишние номера фотографии. Если очередность страниц в *Альбоме* не была изменена, Громбчевский, вероятно, посчитал эти фотографии самыми значащими и поместил их в начале, хотя они относятся к намного более позднему времени (ноябрю 1889 года). Первая из них – это большой панорамный снимок (вероятно кадрированный), на котором запечатлена необычная встреча двух экспедиций – капитана Бронислава Громбчевского и офицера британской армии, Фрэнсиса Эдуарда Янгхазбенда, представляющих две великие державы, которые соперничали за влияние в этой части мира. Данная фотография изображает несколько десятков участников обеих экспедиций, а следующий снимок – это совместное представление казаков из эскорта Громбчевского и гуркхов Янгхазбенда. Ряд обозначенных числами снимков открывает фотография с седьмым номером. Далее изображения упорядочены уже согласно нумерации. Встречаются, однако, несоответствия принятому принципу. Одно из них – явная ошибка, заключающаяся в обозначении двух фотографий одним и тем же числом (№ 62). Скорее всего, произошла здесь ошибка, совершенная при нумерации негативов. Фотография с подписью «Жительница селения Килянг» точно была сделана примерно 6-12 февраля 1890 года, так как только тогда Громбчевский добрался до этого места в Кашгарии (возможно, данный снимок должен быть обозначен номером 162, а не 62). Соседние же фотографии в *Альбоме* (№ 50 и № 62) были сделаны в июле 1889 года в Дарвазе. Очередная загадка – это размещение в *Альбоме* между фотографиями с номерами 215 и 218 снимка без номера и описания. Это необозначенное изображение можно найти также в воспоминаниях, где оно дополнено подписью: «Жена китайца, начальника таможенного поста в Упале»¹¹. Если бы данный снимок действительно был сделан в указанном месте, он относился бы к октябрю 1890 года (т.е. согласно хронологии должен находиться в районе фотографий № 243 и 244, сделанных в то же время именно в Упале). Однако, в ситуации отсутствия полной уверенности насчет достоверности данной подписи (позже было доказано, что у Громбчевского случались в воспоминаниях отдельные случаи, в которых подписи не отвечали действительности), в предлагаемом издании эта фотография останется на прежнем месте. Существуют также случаи отсутствия номера на снимке (93, 178, 260), скорее всего, по причине использования белой

⁹ Его же, *Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет 1889–1890 гг.*, запись от 15 июня 1889 г.

¹⁰ Там же, запись от 19 августа 1889 г.

¹¹ В. Grąbczewski, *W pustyniach...*, ук. соч., с. 231. Перевод – А.Б.

виньетки (выполняемой при копировании фотографий), которая просто закрыла фигурирующий на негативе номер. Эти фотографии получили номер в подписи и после сопоставления с *Дневником* следует подтвердить, что их место в *Альбоме* соответствует хронологии экспедиции. Кроме приведенных исключений, на основании анализа текста *Дневника*, дополненного более поздними записями воспоминаний Громбчевского, следует констатировать, что пронумерованные фотографии расположены в *Альбоме* согласно действительному ходу экспедиции.

Фотографии в воспоминаниях

Следует обратить внимание, что все томы *Путешествия ген. Бр. Громбчевского* иллюстрированы фотографиями экспедиции – даже первый том, докладывающий ведь о командировке в Кашгарию, во время которой у Громбчевского вообще не было с собой фотоаппарата.

В третьем томе, описывающем поход 1889–1890 годов, находятся, как уже упоминалось, 83 фотографии (из которого непосредственно к путешествию относится 81: две первые – это портрет Громбчевского и его дом в Маргелане). 49 из этих снимков были опубликованы в изданном ранее *Альбоме*. Какова в таком случае история остальных 32 фотографий? Были ли они также сделаны в ходе третьей экспедиции? Содержат ли подписи под ними указания, позволяющие включить их в собрание снимков, сделанных во время интересующего нас путешествия? Оказывается, что, действительно, преимущественно подписи под фотографиями более развернуты, чем те, которые содержатся в *Альбоме*, и, как правило, дают достаточно точную информацию касательно мест, фамилий, должностей или обстоятельств, в которых был сделан снимок¹². Такого рода сведения, сопоставленные с данными *Дневника экспедиции* и воспоминаний, позволяют определить с большой дозой вероятности, в ходе которой экспедиции была сделана конкретная фотография.

В познавательном плане подписи являются необыкновенно ценными, хотя случаются ситуации, в которых к их содержанию следует отнестись скептически. Наиболее ярким примером сознательного искажения правды является фотография, которая в *Альбоме* определена номером 67 и должна представлять «Заалайский хребет». Подобным образом, хотя более распространено, тот же снимок был подписан во втором томе воспоминаний Громбчевского: «Долина реки Чум-Агын, вытекающей со склонов пика Кауфмана». В действительности пик Кауфмана, сегодня называемый пиком Ленина или пиком имени Абу али ибн Сино, находится южнее Алайской долины, а эти горы назывались «Заалайскими». Интересно, что

¹² Например фотография № 20 в *Альбоме* подписана лапидарно: «Каратегенский таджик», в то время как в воспоминаниях подпись развивается до следующего содержания: «Таджик из восточного Каратегина, занимающийся скотоводством. На ногах "чорыки", т.е. ботинки без твердой подошвы для хождения в горы» (В. Grąbczewski, *W pustyniach...*, ук. соч., с. 32. Перевод – В. П.-М.). В свою очередь снимок № 62 из *Альбома* подписан: «Переход экспедиции через пер.[евал] Сытарги в Дарвазском хребте 26-го июля 1890 г.». Та же фотография в воспоминаниях описана следующим образом: «Перевал Акба-и-Сытарги (4627 м н.у.м.). Самый трудный перевал до сих пор. Одиннадцать километров через ледник. Несмотря на то, что мы переходили Акба-и-Сатырги 26 июля, перевал был завален снегом» (Его же, *W pustyniach...*, ук. соч., с. 111. Перевод – В. П.-М.).

в остальных двух случаях Громбчевский воспользовался манипуляцией, утверждая, что снимок представляет вершину Чогори (K2). В первом томе подпись звучит: „Вид с Дангнын-Баш Памира на узел, где соединяются Гималаи и Гиндукуш, а также на пик Цесаревича Николая около 26 000 ф. (8400 м н.у.м.),”, в третьем же томе: «Вид на узел, где соединяются Гималаи и Гиндукуш, а также на пик Цесаревича Николая (х). Его высоту я определил в 28 000 футов (8400 метров) н.у.м. Данная вершина на английских картах называется K2 и определяется триангуляцией в 28 278 футов». Обозначением «х» Громбчевский определил даже на снимке предполагаемую вершину K2¹³. Номер фотографии, однако, не оставляет сомнений: на ней представлен пик Кауфмана, сфотографированный между 9 и 12 июня 1889 года, когда Громбчевский направился на разведку вдоль долины Алая.

Другой, не менее интересный случай «манипулирования» снимками связан с фотографиями двух разных лиц, помещенными во втором и третьем томах воспоминаний. Подробный осмотр данных фотографий приводит к выводу, что они, несомненно, были сделаны точно в том же месте и в то же время. Кроме того, у них два четко обозначенных на снимках последующих номера (146, 147), также указывающих, что фотографии были сделаны одна за другой.

Снимок (слева), помещенный в томе, описывающем события экспедиции 1888 года¹⁴, был подписан „Мулла Махомед Ахун, личный почтовый курьер Даотая в Кашгаре”, которого Громбчевский действительно встретил тогда в районе населенного пункта Чунг-Тукай. В свою очередь, снимку (справа) в третьем томе

¹³ ср.: В. Grąbczewskiego: *Kaszgarja...*, ук. соч., с. 146, *Przez Pamiry...*, ук. соч., с. 33 и *W pustyniach...*, ук. соч., с. 193. Перевод – А.Б.

¹⁴ Его же, *Przez Pamiry...*, ук. соч., с. 199.

Громбчевский дал подпись: „Главный волостной старшина оазиса Полу, Махомед Ахун-Манас”¹⁵. Полу находится на склонах гор Куньлунь, Чунг-Тукай в Раскеме, а номера снимков – при предположении, что они были сделаны в ходе третьего похода – относит их к Кызыл-Куулюк в долине реки Тизнаф (Пахпу), где Громбчевский пребывал около 15 ноября 1889 года. Находящиеся рядом с указанными фотографиями снимки (142, 144, 145, 148) были сделаны именно в этой местности, что указано в *Дневнике*: «Я снял несколько более типичных личностей и одарил всех более знатных. Мы расстаемся, по-видимому, большими друзьями. Община произвела на меня самое приятное впечатление»¹⁶. Стоит также добавить, что как раз эти номера заполняют пропуск нумерации снимков, помещенных в *Альбоме*. В данном случае сложно однозначно определить, во время которого путешествия эти снимки были сделаны. Возникает затем вопрос: Каким образом можно решить, была ли данная фотография снята в ходе интересующей нас экспедиции, учитывая наличие единичных ситуаций, в которых снимки были использованы для иллюстрирования не тех мест, которые на них изображены?

Из фотографий, содержащихся в третьем томе воспоминаний, кроме тех, которые ранее оказались в *Альбоме*, к походу 1889-1890 гг. без всяких сомнений можно отнести 17 снимков. Одним из критериев является отмеченный на снимке номер, который в сочетании с записью *Дневника* и хронологией событий (все фотографии в воспоминаниях подписаны), позволяет отнести эти снимки к этой конкретной экспедиции. Другим критерием являются места, которых Громбчевский

Сопоставление снимков, размещенных в воспоминаниях и в *Альбоме* (№ 261). Фотография, представляющая препаратора Конрада, снята на том же фоне, что и соседний снимок.

¹⁵ Его же, *W pustyniach...*, ук. соч., с. 222. Перевод – В. П.-М.

¹⁶ Его же, *Дневник экспедиции...*, ук. соч., запись от 15 ноября 1889 г.

не посетил в ходе предыдущих экспедиций. Это относится также к конкретным лицам или этническим группам, с которыми путешественник сталкивался только во время этого путешествия и которые описал в *Дневнике*. Очередной предпосылкой становится сам фон фотографий, появляющийся на снимках, опубликованных в *Альбоме* (Громбчевский часто ставил людей на портретах точно в те же места). Что касается остальных 15 фотографий, помещенных Громбчевским в третий том воспоминаний, нет стопроцентной уверенности, где и когда они были сняты, хотя нельзя совершенно исключить их отношения к экспедиции 1889–1890 гг.

Стоит также проанализировать иллюстрации из первого тома *Путешествий ген. Бр. Громбчевского*. Как известно, у Громбчевского во время описанной там экспедиции не было фотоаппарата, потому все снимки, содержащиеся в данном издании, должны относиться ко второму или третьему походу, в ходе которых путешественник также посещал Кашгарию. В данной книге находятся 62 иллюстрации к путешествию (и традиционно открывающий издание портрет). Среди этих снимков большинство (аж 35) появляются также в *Альбоме*. Относительно оценки

Сравнение снимка из первого тома воспоминаний (вверху) и снимка из *Альбома* (№ 169):
заметна однозначно та же группа музыкантов во втором ряду.

остальных фотографий – только одна из них, без сомнения, была снята именно тогда (изображение группы музыкантов), последующие семь фотографий из Кашгарии можно также отнести к третьей экспедиции, учитывая факт, что в 1888 году Громбчевский не посетил Яркенд и Хотан, а часть снимков была сделана именно там. На основании слов путешественника, можно полагать, то у него не было особого желания фотографировать сам Кашгар: «Тяжелые условия пройденного пути уничтожили нас окончательно: мы были ободраны, без теплой одежды и денег»¹⁷. Кроме того, Громбчевский был болен и все десятидневное пребывание в этом городе провел в российском консульстве. Недолеченный, а точнее еле живой, он отправился в сторону дома, на Маргелан¹⁸.

Пример снимков, представляющих одно лицо в разных ракурсах.
Слева снимок из второго тома воспоминаний, справа – из *Альбома* (№ 88).

Интересные результаты приносит анализ снимков, содержащихся во втором томе воспоминаний. После отбора 43 фотографий, которые исходя из места съемки могли быть сделаны также во время третьего похода, оказалось, что 21 из них находилась также в *Альбоме*. После подробного анализа остальных и их сопоставления с текстом *Дневника*, к снимкам, относящимся к третьей экспедиции, можно также добавить еще два – на одном из них представлен тот же человек, что и в *Альбоме*, но в другой позе, на втором появляется тот же фон (фрагмент здания), что и на изображении из *Альбома*.

¹⁷ Его же, *Przez Pamiry...*, ук. соч., с. 219. Перевод – А. Б.

¹⁸ М.К. Басханов, А.А. Колесников, М.Ф. Матвеева, *Дервиш Гиндукуша. Путевые дневники Центральноазиатских экспедиций генерала Б.Л. Громбчевского*, Нестор-История, Санкт-Петербург 2015, с. 185.

Существует еще одно издание с фотографиями, автором которого является генерал Громбчевский – *Воспоминания охотника*. В нем опубликовано 25 изображений и портрет автора. Все снимки, кроме одного (точно не относящегося к третьей экспедиции), появились в воспоминаниях и *Альбоме* (12 фотографий). Таким образом, в издании нет никаких дополнительных снимков, которые могли бы расширить собрание экспедиции 1889–1890 гг.

После дополнения фотографиями из всех трех частей *Путешествия ген. Бр. Громбчевского*, с полной уверенностью можно заявить, что данное издание – это самое полное собрание снимков экспедиции 1889–1890 гг., сделанных и привезенных Брониславом Громбчевским. После дополнения он содержит 129 фотографий.

Художник или документалист?

Каким фотографом был Бронислав Громбчевский, что привлекало его внимание и оказывалось достойным запечатления? Были ли его снимки обдуманно композициями, применял ли Громбчевский специальные приемы ради получения определенного эффекта, посылал, указывая своей точкой зрения? Анализ созданных Громбчевским снимков, способа представления людей, мест и объектов указывает на их чисто документальный характер. Наиболее четко, а даже ярче всего, это видно на фотографиях, изображающих «типажи», т.е. портреты представителей разных этнических групп, жителей селений или рабов. Эти персонажи всегда строго расположены в центре кадра, преимущественно в позе стоя, иногда также сидя. Фотограф охотно ставит очередных фотографируемых лиц точно на том же месте – фон композиции повторяется, что определяется техническими обстоятельствами – при расставленном фотоаппарате и наведенной резкости удобнее было всего лишь менять фотографируемых лиц или просить их становиться на том же месте другой стороной к фотоаппарату, чем переносить все устройство и заново регулировать параметры. Повторяемость второго плана позволила приписать снимки, содержащиеся в воспоминаниях, к собранию фотографий третьей экспедиции. Фон фотографий, изображающих человеческие типы, не является особо изысканным. Случаются даже небольшие композиционные недостатки, как «вырастающее» из головы дерево (№ 45) или входящую в бок человека лошадь на втором плане (№ 86). Некоторые фотографии словно просят, чтобы убрать объект с первого плана и открыть интересный фон, например юрту или группу людей (№ 225). На нескольких изображениях стопы фотографируемых выходят за кадр (напр. № 74, 75, 91, 92, 118). Есть и такие, на которых не помещается вся фигура кого-нибудь из снимаемой группы (№ 72, 241). Можно найти фотографии с заметной тенью фотографа (№ 33) или даже фотографа и, может быть, его помощника с фотоаппаратом (№ 31). Женщины, представляющие свои национальные костюмы, показаны как музейные экспонаты – один и тот же человек поворачивается на 90 градусов, благодаря чему мы видим ее анфас, в профиль, сзади, а иногда даже в три четверти – все ради того, чтобы наиболее полным образом передать детали одежды. Уговорить некоторых сняться не всегда было легко: «Сегодня пытался фотографировать и для женщин, которые пожелали-бы сняться, назначил по 50 коп. и красному платку. Несмотря, однако, на бедность населения, никто снять-

ся не согласился. Я насильно заставил сняться 2-3 мальчикам, которые кричали, как будто их резали»¹⁹. Люди, как правило, опасались, что «вместе с фотографией снимающий завладевает и душой снимающегося»²⁰.

Редко показаны люди за работой или каким-то делом, примером в данном случае может послужить ткачиха или музыкант, однако даже люди с какими-то приборами, инструментами или оружием стоят в скованных позах, смотря прямо в объектив. Некоторая искусственность и необходимость застыть без движения вытекали из технических возможностей фотоаппарата – и дело здесь даже не в продолжительности экспонирования (она при дневном освещении могла быть очень короткой), а в том, что на мгновение между кадрированием фотографии на матовом стекле, типе видоискателя, и экспонированием стеклянной пластины, фотограф терял контакт с изображением. Если бы в это время фотографируемый дрогнул, изменил позу, фотография могла бы не получиться, человек мог бы выйти за кадр. Эта скованность изображаемых лиц вытекает также из некоей условности, согласно которой задача фотографа – правильно расположить персонаж в кадре. Кроме того, движение на фотографии, нерезкость воспринимались как ошибка, а такие оплошности Громбчевский, оснащенный ограниченным количеством стеклянных пластинок, позволить себе не мог. Парадоксально, одним из наиболее «живых» изображений, в плане некоей натуральности, кажется спящий на кладбище нищий (№ 193).

Снимки Громбчевского в большой степени представляют портреты, как анонимных людей, случайно встретившихся на пути, так и лиц, занимающих определенные должности, чьи фамилии известны. Громбчевский фотографировал также участников своей экспедиции, как и членов группы Янгхазбенда во время встречи обеих команд. Любопытно отметить, что у самого Янгхазбенда не было фотоаппарата, что кажется крайне удивительным, если учесть, насколько широко фотография была распространена в Великобритании. Громбчевский передал, впрочем, своему сопернику фотографию участников обеих экспедиций, что является доказательством простодушной отзывчивости и порядочности поляка.

На некоторых фотографиях изображены, конечно, встреченные путешественником пейзажи – горы, озера, реки и перевалы. Благодаря естественной красоте представляемых мест, эти фотографии сами по себе заслуживают признания, хотя показывают места без специальных композиционных приемов, влияния на настроение светом, направления внимания зрителя на какой-нибудь конкретный аспект. Однако, как кажется, эти фотографии следует «читать» вместе с текстом дневника, чтобы понять замысел фотографа. Величественные горы можно воспринимать как красивые и возвышенные, ощущая их почти божественное величие, чувствуя ничтожность человека по отношению к силам природы. С комментарием Громбчевского мы смотрим на эти же горы, перевалы, реки как на силу, которую надо было преодолеть или которую пришлось укротить, осознавая, насколько большим это было вызовом, понимая подавляющую ответственность за жизнь всех участников экспедиции, возло-

¹⁹ Б. Громбчевский, *Дневник экспедиции...*, ук. соч., запись от 3 июля 1889 г.

²⁰ Его же, *Дневник экспедиции...*, ук. соч., запись от 11 июля 1889 г.

женную на ее руководителя: «Человек – такая крошка, такой атом в сравнении с этими массивами, что уму непостижимо, как он дерзает перешагивать эти высоты»²¹. Теперь уже известно, что скрывается за очередным перешейком, тогда же дороги только прокладывали, карты – только рисовали. Встречаются, однако, у Громбчевского, между конкретными описаниями условий, с которыми ему приходилось сталкиваться, также моменты восторга над возвышенной красотой горных вершин: «Весь хребет издали представляет дикую, но величественную картину. Это массивы нагроможденных друг на друга скал, самой причудливой формы. Тут воображение может разыскать и русские терема, и постройки готической архитектуры с бесчисленными остроконечными башнями различной величины, напоминающими Кельнский Собор»²².

Частым мотивом фотографий Громбчевского были разнообразные архитектурные объекты – крепости, дворы, дворцы, но также ветхие дома, лавки и юрты. На фотографиях появляются также кладбища и гробницы. Реже мы проникаем внутрь или рассматриваем отдельные объекты, такие как, например, экипаж, рога или пойманные на охоте животные. На нескольких фотографиях представлены участники экспедиции в пути, обычно в достаточно характерных местах – на мостах, скальных карнизах или среди бесконечных заснеженных просторов – с целью передать сложности похода, однако честно, без пафоса или мученичества.

Громбчевский не искажает действительности, не приукрашивает ее, не создает чего-то вроде креативного документа, нацеленного на продвижение своего видения мира. Ценность его фотографий заключается в их искренности и объективизме. Благодаря этому можно восстановить образ мира, ныне уже не существующего. Люди, костюмы, здания, предметы быта не канут в безвестность. Благодаря Громбчевскому и его решениям, на что направить объектив фотоаппарата, мы можем в подробностях представить себе этот ушедший мир, в котором неизменными оставались только горы, озера, виды, и наполнить эти, настолько другие сегодня, места людьми, которые когда-то там проживали. Интересно, что подобные впечатления, в плане беспристрастности и точности, вызывают также его тексты: «Громбчевский строго избегает всякой субъективности, соблюдая принцип прямо фотографической достоверности»²³. Слова и изображения дополняют друг друга. Благодаря записям *Дневника*, воспоминаниям и фотографиям перед нами в полном свете предстает это необычное путешествие. Экспедиция в далекие, неизвестные и неисследованные места, куда раньше не добрался ни один европеец, становится в какой-то степени также нашей участью. Благодаря Громбчевскому мы можем сегодня, спустя сто тридцать лет, заново открыть это необычное путешествие. Следуя за взглядом и словом объективного наблюдателя, мы видим мир, каким он действительно был.

²¹ Его же, *Дневник экспедиции...*, ук. соч., запись от 26 июля 1889 г.

²² Его же, *Дневник экспедиции...*, ук. соч., запись от 31 октября 1889 г.

²³ S. Błachowski, *Instynkt czy inteligencja* [в:] „Kurjer Poznański”, 29.07.1926, с. 2. Перевод – А. Б.

Комментарий

Рукопись Громбчевского была написана в соответствии с правилами, действующими в русском языке до реформы 1917 года. Во время подготовки печатной версии мы решили отказаться от этих правил, пользуясь современным русским алфавитом, что, с нашей точки зрения, не будет затруднять чтение *Дневника*. Такое преднамеренное вмешательство в подлинник не касается стиля языка Громбчевского, в котором сохранены архаизмы, склонность к аббревиатурам и формы, с помощью которых были записаны географические названия и имена появляющихся на страницах *Дневника* лиц. Квадратные скобки обозначают пропуски в рукописи.

Названия населенных пунктов и физиографических объектов мы оставили в оригинальном звучании *Дневника*. В конце публикации помещена таблица с правильными формами названий всех мест и физиографических объектов, которые удалось идентифицировать, а также указан способ их записи в *Дневнике*, мемуарах Громбчевского, написанных и опубликованных на польском языке, и в публикациях, связанных с его экспедициями.

Громбчевский употреблял двойной способ датирования; в первом ряду записывал число согласно с действующим в те времена в России юлианским календарем, а дальше ставил дату по григорианскому календарю, которым пользовались в Западной Европе. К сожалению, записи велись довольно небрежно и непоследовательно, путешественник часто забывал указать название месяца, в некоторых случаях в первую очередь записывал дату по григорианскому календарю. Для большей ясности и прозрачности мы ввели перед нотой каждого дня унифицированный способ записи даты в соответствии с юлианским календарем, оставив ниже оригинальный способ обозначения числа, которое ввел в *Дневник* путешественник.

Все подчеркнутые слова и наброски, появляющиеся в тексте, даются нами в соответствии с рукописными записями. Мы сохранили также подлинные сноски Громбчевского, которые обозначены нами соответствующими заметками, а также добавили новые сноски, являющиеся комментариями и пояснениями к тексту.

В настоящей книге опубликованы все фотографии, которые бесспорно, или по всей вероятности, были сделаны во время третьей экспедиции Громбчевского. 102 из них вошли в *Альбом видов и типов, снятых Брониславом Людвиговичем Громбчевским во время путешествия в северо-западный Тибет по поручению Императорского Русского Географического Общества* и сейчас размещены нами в размере на всю страницу. Фотографии, обозначенные цифрой, размещены в соответствии с их нумерацией (с корректированием инцидентных ошибок), очередные соответствуют хронологии экспедиции, согласно с дневниковыми записями. На обратной стороне каждого фотодокумента мы поместили подлинный номер и подпись (если таковая находилась в альбоме). Некоторые фотографии мы до-

бавочно обогатили отдельными фрагментами текста из *Дневника* в ситуациях, когда очевидно, что содержание – описанная ситуация, место или человек – связано с конкретным снимком. Дата возле цитаты не означает, что именно в этот день была сделана фотография, а число, в соответствии с которым можно найти в *Дневнике* приведенный выше текст. *Дневник* содержит также фотографии, которых нет в *Альбоме*, но которые Громбчевский использовал позже в польских изданиях своих книг. Они размещены непосредственно в тексте, в местах, которые говорят о событиях или людях, находящихся на фотографиях. Тексты под снимками составлены на основе описания фотографий, содержавшегося в воспоминаниях Громбчевского.

К *Дневнику* приложена копия *Карты путешествий Б. А. Громбчевского в Дарваз, на Памир, в Джиты-Шаар, в Канджунт, в Раскем и северо-западный Тибет в 1885 году, 1888, 1889 и 1890 годах*, изданной Императорским Русским Географическим Обществом в 1895 году. Она состоит из четырех листов, из которых в одном случае (Р. II, Л. I) у нас имелась неполная часть, без района восточнее 44 меридиана.

Перевод и обработка рукописной копии и подписей под фотографиями:
Вавжинец Попель-Махницки

Комментарии в сносках и определение, а также обработка названий мест и физиографических объектов: Адам Плескачиньски

Выбор фотографий и подбор описаний: Констанция Плескачиньска

Бронислав Громбчевский

Д Н Е В Н И К
Э К С П Е Д И Ц И И

в Дарваз, на Памиры,
в Раскем
и Северо-Западный Тибет

1 8 8 9 – 1 8 9 0

4-го Марта 1889 года состоялось Высочайшее соизволение на принятое мною руководство над экспедицией, снаряжаемою Императорским Русским Географическим Обществом для исследования Кафиристана, или страны Кафиров.

Средства на эту экспедицию частью пожертвованы Государем Наследником Цесаревичем, частью же составились из взносов Его Высочества в качестве Почетного члена нашего Общества. Всего на экспедицию отпущено Географическим Обществом 5000 р. И кроме сего Министр Императорского Двора Граф И.И. Воронцов-Дашков¹ из Кабинета Его Величества отпустил 100 полуимперялов 5 рублевого достоинства на приобретение подарков для экспедиции.

Государь Наследник Цесаревич соизволил, в случае удачи, наименовать эту экспедицию Своим именем.

Кроме сего: Высочайше разрешено сохранить на время экспедиции все получаемое на службе содержание, как лично мне, так и нижним чинам конвоя экспедиции.

Главная цель экспедиции, как сказано выше, состоит в исследовании независимых племен Кафиров, обитающих на южных склонах Гиндукуша. Кроме сего, Обществом поручено мне попутно обследовать излучину Пянджа и озеро Шива.

Для достижения этой цели предполагалось, что экспедиция окончательно сформируется в г. Маргелане, Ферганской области, и двинется в путь 15-го Мая прямо на юг через Тенгиз-Байский перевал к Дараут Кургану в долине Большого Алая, откуда пройдет на р. Муксу к Алтын Мазару и через один из перевалов – западный или восточный – ледника Федченки выйдет на истоки Ванча; затем спустится на реку Пяндж и вверх по течению этой реки пройдет до Кала-и-Бар-Пянджа; предпримет боковую экскурсию для исследования озера Шива, а затем через Шикашим и Зебак пройдет в М [...]

Туда, по собранным мною предварительно сведениям, ежегодно осенью спускаются некоторые племена Кафиров для покупки необходимого. Предполагалось войти в сношения с некоторыми старшинами и, заручившись их согласи-

¹ *Илларион Иванович Воронцов-Дашков* (1837–1916) – в 1881–1897 министр императорского двора Александра III, один из личных друзей императора.

ем, под покровительством их проникнуть в Кафиристан. Обратный путь должен был быть в зависимости от политических обстоятельств.

Если бы, до прихода экспедиции в пределы Шугнана, афганцы успели овладеть Шугнаном, Ваханом, Гораном и др. мелкими ханствами на верховьях Аму-Дарьи, и воспротивились проследованию экспедиции через эти ханства к границам Кафиристана, то предполагалось, что из Дарваза экспедиция направится на Рошан, Аличур и Большой Памиры к Барогильскому проходу, откуда пройдет к Дангнын Башу и, придерживаясь возможно ближе к главной оси Мус Тагского хребта, направится на юго-восток к Полу, где, связав свои съемки со съемками Н.М. Пржевальского, выйдет к Керии и через Хотан и Яркенд вернется в пределы России. Срок экспедиции рассчитан был от 7 месяцев до года. Научные работы экспедиции должны были заключаться: в производстве съемки и маршрутном описании путей, определении географических координат, определении высоты местностей, метеорологических наблюдениях, собирании энтомологических коллекций, а также по мере возможности зоологических, ботанических и минералогических, и в географическом и этнографическом описании пройденных стран.

Вот в таковых чертах задачи и предположения экспедиции.

29-го Марта я имел счастье последний раз представляться Их Императорским Величествам и Государю Наследнику Цесаревичу и поднести альбомы видов и типов, снятых во время экспедиции в Канджут и Раскем, а 15-го Апреля я уже выезжал из Черниговской губернии от родных своих на Киев, Одессу, Батум, Баку, Узун-Ада и Самарканд в предстоящее длинное и рискованное путешествие.

Прибыв в Одессу, я, к сожалению, опоздал на пароход, отходящий прямым рейсом в Батум. Пришлось ждать нового, отходящего только через три дня. Время это, не имея знакомых в Одессе и без дела, я провел в томительной скуке, которая останется у меня надолго в памяти. Наконец Апреля я сел на пароход Цесаревна Русского Общества Пароходства и Торговли. Пароход оказался почтовым, заходящим во все порта Черного моря, с продолжительными остановками на 12 и более часов в некоторых портах. Пришлось подчиниться необходимости и заняться осмотром достопримечательностей портов Черного моря.

Одесса: громадный город, считающий себя третьим в России. Порт прекрасный, торговля громадная, но общественной жизни – никакой. Совершенно мертвый город. Живет по купечески – показною стороною. Напр. Театр великолепный, лучший в России, но труппы нет. Во время пребывания моего давало представления Товарищество Московских Драматических артистов. Пьесы ставились прекрасно, и, тем не менее, театр поражал пустотою. Мостовые прекрасные, но не поливаются, от пыли глаз открыть невозможно. С [...] гостиница хорошая, но газет никаких и т.д. Морской бульвар прекрасный.

Евпатория: порт отчаянный и совершенно не защищенный; во время бури корабли выбрасывает на берег. Городок крошечный, грязный – полное отсутствие зелени и растительности. На взморье стояли 2 парохода: английский и французский, громаднейших размеров; пришли за пшеницею, грузились при помощи парусных лодок.

Севастополь: порт прекрасный, местоположение очень живописное; начинается отстраиваться после бомбардирования, следы которого сохранились поныне.

Осматривал: морской музей, братскую могилу (памятник Корнилову), Малахов Курган, музей древностей, монастырь и вновь строящийся собор во имя Св. Владимира на месте крещения. Тоже отсутствие зелени.

Феодосия – маленький, пыльный городок, живущий преимущественно Айвазовским. Осматривал музей древностей и галерею Айвазовского.

Керчь. Маленький, грязный городок с отвратительными мостовыми. Музей древностей очень порядочный; раскопки в Царском кургане интересны.

Дальше целый ряд мелких портов, или вернее крошечных бухт, разбросанных по живописному побережью Кавказских гор; между ними замечательны: Сухум Кале² садом Введенского³; в нем все деревья, которые можно акклиматизировать на юге России: целая аллея из рододендронов и азалий, пальмовые деревья, фикусы и т.д. Поти с отвратительным портом, в который во время волнения попасть невозможно и Батум – город новый, но имеющий большую будущность.

Самым чудным из всех портов Черного моря – есть без сомнения Ялта. Этот чудный уголок тонет в садах, зелени и кипарисах. Местоположение прекрасное; домов масса прекрасных.

Из города к Царскому имению Ливадия ведет роскошное шоссе. Именье – верх роскоши и прелести. Дальше Орианда – собственность В. К. Константина Николаевича⁴. По берегу Крыма еще обращает на себя внимание Гурзуф – Губонина⁵. Вообще, поездка по Черному морю при чудной погоде и хорошем веселом обществе на пароходе составляет большое, но дорогое удовольствие. В Батуме строится деятельно новый порт. Закавказская ж. д. проложена по местности чрезвычайно живописной; поражает своими подъемами и уклонами. Тариф чрезвычайно высокий, вследствие чего самый дешевый путь из Петербурга в Азию – на Москву, Нижний, Астрахань. Путь этот почти вдвое дешевле на Одессу-Баку, или на Владикавказ-Тифлис.

Баку живет только нефтью, с (переходом) промыслов в руки Ротшильда – здесь много иностранцев. Город пыльный, не имеет хорошей воды. Городской садик молодой, выращивается с трудом, имеет очень хороший вид на море. Здесь я встретился с препаратором, нанятым мною для экспедиции в Петербурге. К сожалению, препаратор оказался больным тяжелою и трудно излечимую болезнью, которая от перемены климата открылась и не подавала надежды на скорое выздоровление. Пришлось расстаться и подыскивать нового.

² Османское название Сухуми, официально употребляемое до 1810 года, когда Абхазское княжество вошло в состав Российской империи.

³ Парк Введенского (у Громбчевского название записано ошибочно, как сад Веденского) – основан в 1878 году любителем ботаники и сельского хозяйства, полковником артиллерии, Аполлоном Введенским. Официальное тогда название парка это „Акклиматизированный сад А.Н. Введенского”.

⁴ *Константин Николаевич Романов* (1827–1892) – великий князь России, в 1845–1892 гг. председатель Императорского Русского Географического Общества, краткое время (1862–1863) был наместником Царства Польского. Являлся одним из важнейших протекторов путешествий Громбчевского. После смерти великого князя, по просьбе его жены, великой княгини Александры Юзефовны, Громбчевский год был наставником ее старшего сына, Николая Константиновича.

⁵ Пётр Ионович Губонин (1825–1894) – русский купец и меценат.

Между Батумом и Баку, вследствие недосмотра багажной службы поезда, часть вещей, сданных мною в багаж, оставлена была в Тифлисе. Так как отход парохода в Узун-Ада совпадает с приходом поезда, привозящего пассажиров из Батума, то мне приходилось ждать в Баку вновь три дня на отход нового парохода в Узун-Ада.

Предполагая остановиться в Бухаре для окончательного вырешения совместно с нашим политическим агентом направления, которого следует держаться экспедиции, я обратился к городскому голове г. Деспоту-Зеновичу⁶ с покорнейшею просьбою получить вещи по железной дороге и отправить их почтою в Самарканд. Получив торжественное обещание отправить вещи со следующим пароходом, я на пароход «Цесаревич» отправился в Узун-Ада, где, благодаря предупредительно-обязательной любезности Ген. Анненкова⁷, в распоряжение мое отведено было купе 1-го класса. Выехав из Узун-Ада 29-го Апреля, я 2-го Мая приехал в Бухару и остановился в помещении Политического Агентства. Агентством, за отсутствием Н. В. Чарыкова⁸, управлял Василий Оскарович Клемм, с которым мы условились, что я проследую в Шугнан через Каратегин и Дарваз и что Бухарские власти будут своевременно извещены о моем проезде. Так как экспедиции предстояло пройти частью по Бухарским владениям, то управляющим агентством признано было необходимым, чтобы я представился Эмиру. Представление назначено было на следующий день в 8 ч. утра, в загородном саду Эмира Сеид-Абдул-Ахад-Хана⁹. К 6 часам утра Эмир прислал ко мне Мулла Насрулла Бия с блестящею свитою Бухарских должностных лиц. Сановник этот говорит очень хорошо по-русски, только-что вернулся из Петербурга и знаком с европейскими обычаями. Осведомившись о моем здоровье, служебном положении и предстоящей поездке, а также спросив у меня мою визитную карточку, он, как впоследствии оказалось, обо всем этом немедленно письменно рапортовал Эмиру, а сам остался для сопровождения меня.

Из помещения Агентства, находящегося в городе, я, в парадной форме, в сопровождении 5 казаков, моего мирзы, нескольких служащих туземцев и Бухарских должностных лиц верхом через весь город отправился в загородный эмировский сад, расположенный верстах в 8 за городом. Несмотря на раннее утро, жара стояла сильная и путешествие верхом в мундире по пыльной дороге было не из приятных. Когда я подъехал к главным воротам дворца, то вызван был караул в ружье, под командою офицера, который скомандовал на плечо и на караул по-русски. Интересно, что офицер во фронт караула не становился, а командовал стоя боком к караулу, причем отсалютовал саблею и опустил ее к ноге, одновременно

⁶ Станислав Иванович Деспот-Зенович (1835–1900) – поляк из Виленского края, в это время мэр Баку.

⁷ Михаил Николаевич Анненков (1835–1899) – генерал пехоты, строитель Закаспийской железной дороги. В этот период он был ее администратором.

⁸ Николай Валерьевич Чарыков (1855–1930) – дипломат, в 1886–1889 гг. он служил в качестве политического агента в Бухаре.

⁹ Саид Абд аль-Ахад Хан (1859–1910) – семнадцатый эмир Бухары. В *Дневнике* Громбчевский писал о нем *Сеидъ-Абдуль-Ахадъ-Ханъ*, в то время как в польских мемуарах путешественника он выступает как *Эмир Махомед-Сеид Хан* (См.: В. Grąbczewski, *Przez Pamiry i Hindukusz do źródeł rzeki Indus*, Wyd. Gebethner i Wolf, Warszawa 1924, с. 22).

брал левою рукою под козырек и оставался в этом положении, пока я проходил мимо фронта. Бухарские солдаты одеты в черные суконные куртки и барашковые шапки. Покрой мундиров и шапок схож с нашим. Вид солдат бодрый. Вооружены были ружьями, заряжающимися с дула.

В главных воротах встретили меня два удайчие, т.е. Генерал-Адъютанта, в парчовых халатах, с длинными палочками в руках. На первом дворе встретил меня Инак Остона-кули-бек, любимец Эмира. Тут-же стоял внутренний караул под команду почтенного ротного командира с большою бухарскою звездою на груди. Затем, в сопровождении всей этой свиты мы прошли в сад, где в павильоне самой простой и незатейливой постройки сидел Эмир Сеид-Абдул-Ахад-Хан. Окна-двери были открыты настежь и свита шла по сторонам меня, ежеминутно кланяясь в пояс. Подойдя к дверям, инак¹⁰ открыл их настежь и я очутился в просторной, совершенно простой комнате, выштукатуренной алебастром; вместо мебели стояло два простых местной работы деревянных крашенных кресла, пол застлан был двумя коврами. На кресле, поставленном в простенке между двумя дверьми-окнами, сидел Эмир, вставший с места одновременно с входом моим в комнату.

Эмир, молодой человек лет 30, высокого роста, плотный, с привлекательным лицом и окладистою черною бородою, одет был в роскошный гладью шитый пестрый халат с двумя звездами на левой стороне груди (русскою и бухарскою) и в белой чалме на голове.

Сделав два шага на встречу, он поздоровался со мною за руку и, усадив меня в кресло напротив себя, сам сел на кресло в простенке. Разговор длился около ½ часу и вертелся преимущественно на совершенном и предполагаемом путешествии. Причем весьма понятная осторожность заставила меня по возможности меньше высказываться о предполагаемом путешествии. Свита осталась на дворе павильона, а я сидел с глазу на глаз с Эмиром. Разговор велся на тюркском языке, которым я владею в совершенстве. Попрощался со мною Эмир стоя, причем потрясая крепко мою руку, по-русски пожелал мне «счастливого пути». Затем я вышел, откланявшись, и встречен был свитою, которая проводила меня в большую комнату на первом дворе, где приготовлено было угощение. Посередине комнаты стоял громадный стол, сплошь заставленный сладостями. Со стола спускалась скатерть на пол и тут стояли целые вороха хлеба, головы сахару, коробки с леденцами и т.д. За стол усадил меня Инак, а сам занял место возле, дальше сел один из удайчиев, потом Мулла Насрулла Бий и еще человека два незнакомых мне Бухарцев. Подали чай, суп, несколько мясных блюд и неизбежный пилав. Все подано было одновременно, но, хотя Инак радушно угощал меня яствами, я выпил только один стакан чаю, от жары не в состоянии будучи попробовать кухни властелина Бухары. Бухарцы не прикасались ни к чему по случаю поста.

Окончив чай и предполагая, что церемония представления окончена, я хотел проститься с присутствующими, но Инак вежливо остановил меня словами, что

¹⁰ Инак – чиновник, управляющий дворцом магната, маршал дворца. По словам Сеймура Беккера, инак – это чиновник в Хиве, а аталик – в Бухаре (См.: S. Becker, *Russias Protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva 1865–1924*, Routledge Curzon, London and New York 2005, с. 7).

он «испросит разрешение Эмира на мой отъезд» и через несколько секунд вернулся, заявив, что Эмир отпускает меня, при этом сопровождавшие его люди положили к ногам моим две связки халатов, из коих одна предназначалась для меня, а другая для сопровождавших меня казаков и людей. Поблагодарив свиту за любезный прием, я вышел во двор, где караулы отдали мне воинскую честь. Инак остался на первом дворе, Удайчии проводили до ворот, а там я в сопровождении той-же свиты к 10 часам утра вернулся в город. В самом городе Бухара интересен только базар, как по своим размерам, так и по богатству, а также минарет, с которого сбрасывают преступников, приговоренных к смерти. Затем улицы и уличная жизнь интересны очень только для путешественников-европейцев, незнакомых с Азией. По памятникам древности – гораздо интереснее Самарканд.

Во время проезда моего в Бухару приехал Секретарь Вице-короля Индии Sir Donald Mackenzie Wallace¹¹, с разрешения нашего Правительства путешествующий по Русскому Туркестану. Sir Wallace – человек основательно образованный, прекрасно знает русский язык, и беседа с ним в течение 2–3 часов доставила мне истинное удовольствие.

Там-же в Бухаре я познакомился с доктором Гейфелдером¹², состоявшим врачом при покойном М.Д. Скобелеве и участвовавшим в Франко-Прусской кампании в качестве врача Красного Креста. Интересный человек этот много видал на своем веку и в увлекательных рассказах охотно делится виденным.

В Самарканд я приехал 4-го Мая. Вещей, оставленных в Баку, я не застал здесь и прождал 10 дней в томительном ожидании, пока наконец получит их. Оказалось, что г. Деспот-Зенович отправил их не почтою, а через Контору «Кавказ и Меркурий», которая в свою очередь не сделала надлежащего распоряжения о немедленном отправлении вещей багажом. Где вещи застряли – не знаю, но получил я их только 14-го Мая, что, кроме громадного и совершенно излишнего расхода, повлекло за собою чувствительную потерю времени.

Получив наконец вещи и вскрыв, я к ужасу своему заметил, что неизвестные воры ножом взрезали кожаный чехол ящика, в котором помещался универсальный инструмент, затем деревянный ящик оказался в двух местах взломанным каким-то тупым орудием, а сам инструмент разбитым и для употребления негодным. Нет сомнения, воры соблазнились весом ящика, в котором помещался инструмент, и высокою страховою премией. Разломав ящик и убедившись, что в нем ни на что не нужный инструмент, воры ничего не тронули и так искусно упаковали его обратно, что самый опытный глаз не успел-бы подметить, что ящик вскрывался. Интересен тот факт, что пломбы и печати на ящике были в целости. О всем случившемся в присутствии Полиции, агента Общества и понятых составлен был акт, но доискаться где именно совершен взлом, не удалось.

¹¹ Дональд Маккензи Уоллес (1841–1919) – британский государственный чиновник, редактор и иностранный корреспондент «The Times» в Лондоне, в этот период личный секретарь вице-короля Индии Генри Петти-Фицмориса, пятого маркиза Лансдауна.

¹² Оскар Фердинандович Гейфельдер (1828–1890) – немецкий военный врач в русской службе, в это время служил с генералом М. Н. Анненковым в качестве старшего врача Закаспийской железной дороги. В *Дневнике* фамилия записана неверно (Гейфендер).

Порча инструмента была чувствительным ударом для экспедиции, так как я лишался возможности производить астрономические работы. Заменить инструмент можно было только в Петербурге, а выписка нового задержала бы экспедицию на слишком продолжительное время.

16-го Мая на рассвете я приехал в Ташкент и в этот-же день принят был Генерал-Губернатором, который на другой день выезжал для обзора Ферганской области.

При Ташкентской обсерватории служит механиком г. Редлин, который после двух-суточного успешного труда успел починить инструмент на столько, что он, кажется, будет годиться для работ экспедиции, за что я приношу г. Редлину [Ретлингеру] мою глубочайшую признательность.

В Ташкент явился ко мне энтомолог г. Леопольд Конрад и предложил свои услуги в качестве препаратора–коллектора экспедиции. Так как г. Conrad имел прекрасные рекомендации, совершил уже путешествие по Тянь-Шаню и 2-х летнее по средней Америке, то я охотно согласился взять его с собою на следующих условиях: я предложил г. Конраду 300 рублей за время экспедиции и все расходы принял на себя; в замен этого г. Conrad обязался все сборы, как лично им собранные, так и собранные людьми экспедиции под его руководством, отдавать исключительно экспедиции.

Выехав из Ташкента на рассвете 18-го Мая, я добрался до Маргелана только 20-го вечером вследствие задержек на пути в лошадях по случаю проезда Генерал-Губернатора.

Препаратор экспедиции, Леопольд Конрад.
Фотография сделана после завершения экспедиции.

В Маргелане до 25-го, т.е. по день выезда Генерала Адъютанта Розенбаха¹³, я не мог решительно ничего предпринять для скорейшего снаряжения и выступления в экспедицию.

Жизнь области совершенно приостановилась, население и власти заняты были все цело приемом Начальника Края, который посетил Область 2-й раз за 4-х летнее управление краем.

Приступив 25-го к окончательному снаряжению в предстоящий длинный путь, я, благодаря помощи, личному участию и расположению ко мне А.В. Кошиевского, успел все дело настолько двинуть, что 1-го Июня вьюки и люди могли уже выступить в путь. Лично я, вследствие усталости, хлопот и других неприятностей, заболел жестокою лихорадкой и догнал свой отряд вечером 1-го Июня в селении Учъ-Курган.

Мирза Фазыль-Бек.

Собравшись вместе, отряд наш состоял, кроме меня, из следующих лиц: Препаратор-коллектор г. Леопольд Конрад, Мирза (секретарь для персидской корреспонденции) Фазыль-Бек Касым Бек¹⁴, 7 чел. казаков 6-го полка Оренбургского Казачьяго войска: Урядник Федот Козьякаев, Приказный Никита Демин, казаки:

¹³ Николай Оттонович Розенбах (1836–1901) – генерал-губернатор Туркестана в 1884–1889 гг.

¹⁴ В воспоминаниях, опубликованных Громбчевским, обычно выступает Мирза Фазыль-Бек или просто Фазыль-бек; в подобной форме имя (Мирза-Фазыль-Бек) было зафиксировано в официальном отчете экспедиции (Б.Л. Громбчевский, *Доклад о путешествии в 1889 и 1890 г.* [в:] „Известия Императорского Русского географического общества” (далее: „Известия ИРГО”), Санкт-Петербург 1891, т. XXVII, с. 98). По словам Болеслава Ольшевича, выдающегося историка польских географических открытий, имя должно звучать: Мирза Фазыл бек Касым Бек (Archiwum Polskiej Akademii Nauk w Warszawie – далее: APAN; teka Grąbczewski, k. 3).

Филип Есаулов, [...] Матвеев¹⁵, [...] Алексеев¹⁶, Мартин Калинин, [...] Воронин¹⁷; джигиты экспедиции: Садыр Ходжа Ишан, Шамсутдин Ходжа Ишанов¹⁸, киргиз Алайский рода Кипчак Куваш Бай Джиян Кун Баев и Алайский киргиз рода Теит Сафар Бай Турды Баев. Из них Урядник Козьякаев, Мирза Фазыль Бек и Садыр Ходжа Ишан совершили Канджутскую экспедицию. На Алаи-ой [Алаиской] экспедиции пристроился Шугнанец Посрок Тавакалев¹⁹, освобожденный мною из рабства у брата известного Памирского разбойника Сибы Наза, Гаиб Назара.

4 ИЮНЯ 1889 Г.

4/16 Июня. Воскресенье.

2 и 3 Июня прошло в пригонке вьюков, переупаковке их, а также в пересмотре всего купленного и взятого с собою. Отправляясь в продолжительное путешествие в пустыню, весьма полезно остановиться, отойдя верст 30-40 от города и на свободе еще раз пересмотреть и перебрать все взятое, а также пригнать вьюки, ремни, арканы, петли и т.д. Почти всегда найдется что-либо ненужное, что можно вернуть в город, и окажется недостаток каких-либо мелочей, которые были упущены даже при самом тщательном и обдуманном снаряжении. Мне это оказалось особенно необходимым, так как тяжести экспедиции – около 80 пудов – доставлены были до Учъ-Кургана на арбах и отсюда уже пошли дальше на лошадях. Из Учъ-Кургана, или вернее, из урочища Мазар, я отправил Кошиевскому письма. Сегодня сделан нами первый переход на вьюках. Обычная неурядица, почти неизбежная при первоначальном выступлении, пока все не наладится и люди не привыкнут, хотя повторилась, но в меньших против обыкновения размерах.

Половодье в Исфайраме небывалое. Старики не запомнят такого. Необыкновенно снежная зима и холодная весна – вот причины такого половодья. Жаркие дни наступили не более недели тому назад и массы снега начали таять почти одновременно. Половодье впрочем почти повсеместное в Фергане; только что получено мною сведение, что большие селения Шаар Хан и Ассаке, расположенные

¹⁵ Матвеева, как утверждает Ольшевич, звали Артем (APAN, teka Grąbczewski, k. 3).

¹⁶ Алексеева, как утверждает Ольшевич, звали Лука (APAN, teka Grąbczewski, k. 3).

¹⁷ Воронина, как утверждает Ольшевич, звали Иван (APAN, teka Grąbczewski, k. 3).

¹⁸ Сатырдын Ходжа Ишан Шамсутдин Ходжа Ишанов в воспоминаниях выступает как Сатырдын-Ходжа, а в официальном докладе: Садыр-Ходжа-Ишан (Б.Л. Громбчевский, *Доклад о путешествии в 1889 и 1890 г.*, ук. соч., с. 98).

¹⁹ Неправильная или неразборчивая запись. На самом деле речь идет о Мастон-Товакан-оглы, афганском офицере, которого Громбчевский освободил из плена Гаиб-Назара 14 июня 1889 года на урочище Джеканды. Запись в этом месте *Дневника* заставляет предполагать, что текст был подвержен редакции, так как Громбчевский, записывая эти слова в первые дни июня, не мог знать, что более чем неделю спустя присоединится к нему Мастон. Вопрос объясняет сравнение копии петербургского *Дневника* с московским оригиналом, где четко видно, что запись, относящаяся к Мастону была добавлена позже, на полях основного текста.

Долина речушки Исфайрам, ведущая на перевал Тенгиз-Бай.

почти в середине области, на половину снесены водою. Почти у самого расположения нашего ночью снесло мост и приходится восстанавливать его собственными силами. По рассказу Киргиз Алайский хребет и перевал Тенгиз-Бай завалены еще снегом. Этим объясняется отсутствие всяких сведений у местных киргиз о проходах в Заалайском хребте.

5 июня 1889 г.

5/17 Понедельник

Переход до Лянгара особенно трудный вследствие того, что половодьем снесло два моста, и дорогу пришлось прокладывать по невозможным кручам. Лошади и люди положительно выбились из сил. Большую помощь в людях оказали волостные Ичфеликский Мирза-Куль и Найменский Ир Даумр. На ночлег пришли поздно.

6 июня 1889 г.

Вторник 6/18 Июня.

Переход через перевал Тенгиз Бай до урочища Кызыл-Ишманы-Гаты – чрезвычайно трудный. Перевал и подступы к нему покрыты глубоким, рыхлым снегом. Лошади проваливаются, приходится ежеминутно развьючивать и переносить вьюки на руках. Следовало-бы ночевать, перевалив, у самого по-

дножья перевала, но передние вьюки ушли на 8 верст дальше. На ночлег пришли ночью в изнеможении. Лошади подбились и попортили спины, приходится заменить их новыми.

7 июня 1889 г.

7/19 Среда.

Переход небольшой вниз по р. Дараур Курган до развалин старого укрепления в долине большого Алая, но лошади и люди так утомлены предыдущими переходами, что еле дотащились. В Дараут Курган корм плохой, но по необходимости остановился, так как это место по пути и мне на Алай для замены лошадей новыми, и вперед к Алтын Мазару. Я, ввиду того, что мы опоздали выступлением на целых 15 дней, решил идти на Мук Су, а не через Каратеген и Дарваз. Сильно смущаюсь большим количеством снега в Алайском хребте. Заалайский – сравнительно высокий – может быть окажется совсем непроходимым.

8 июня 1889 г.

8/20 Четверг.

Дневка на месте. Явились киргизы с берегов р. Мук Су и заявляют, что через Тахта-Корумский перевал и думать нечего перевалить на истоки Кудары, кроме того и половодье Мук-Су не позволит переправиться на ту сторону. Горы завалены снегом и непроходимы. Даже молодцы Памирского разбойника Сахиба Назара, находящиеся в постоянном общении с молодцами Алайского разбойника Тимыр Бия, не рискуют проходить прямым путем с Кудары на Алтын Мазар к Дарауту, а сообщаются кругом на Кызыл-Артский перевал. Партии охотников тоже не перевалили на Кудару. Видя массы снега на Тенгиз Байском перевале, невольно верить этому рассказу. Тем не менее, пока сам поеду за лошадьми вверх по долине Алая, пошлю одного из своих людей для проверки этих сведений. Энтомологические сборы не вполне удачные: Алайские горы замечательно бедны жуками.

9 июня 1889 г.

9/21 Пятница.

Все тяжести оставил в Дараут-Кургане, а сам налегке с двумя казаками отправился верст на 40 вверх по долине Алая до урочища Кызыл-Тепе. По дороге узнал, что Ошские киргизы – богачи, у которых всегда можно достать хороших лошадей – по случаю поздней весны на Алай еще не перевалили. Вся

надежда на киргиз Алайских, но те в большинстве люди бедные и лошадей не имеют. Разослал людей на все стороны, в поиски за лошадьми.

Только что встретил Гаиб Назара, брата знаменитого Памирского разбойника Сахиб Назара, пробирающегося к Тимыр-Бию и от него узнал, что Ак-Бар-Али-Хан²⁰ еще держится в Шугнанае, в надежде на помощь русских. Афганцы теснят его сильно. Ак Бар Хан обращался за помощью к Шайке Сахиб Назара. Гаиб Назар, нет сомнения, пробирается к Тимыр-Бию по каким-нибудь воровским делам.

Погода на Алае стоит замечательно ветряная. Ежедневно, часов около 10 утра подымается ветер, постепенно усиливающийся часов до 2-3 и затем стихающий около 7 часов вечера. Ружья мои замечательно плохо пристреляны. Надо пристрелять самому наново. Оружейный мастер 15-го Т. А. Б. [15-й Туркестанский Линейный батальон] даром взял 26 рублей за пристрелку.

10/11 июня 1889 г.

10/22 и 11/23 Воскресенье.

Оба дня прошли в хлопотах об лошадях. Достать их чрезвычайно трудно, главным образом вследствие недоверия, что за лошадью будут заплачены деньги. Алайские киргизы – настоящие дикари. Многие не знают денег. Трудно верится, что все это всего в 200 верстах от центра области – Маргелана. Для характеристики местных нравов помещу следующее: Нынче зимою напали на наших киргизы киргизы карайские и угнали около 250 лошадей, причем убили пастуха. Наши киргизы даже не жалуются, а ждут смиренно времени, когда им удастся собраться с силами и отплатить тем-же. Предположения мои относительно Гаиб-Назара оправдываются. Разбойник привел продать 2 афганцев, подаренных Сахиб Назару Ак Бар Али Ханом Шугнанским. Оказывается, что Ак Бар Али Хан просил Сахиб Назара помочь ему и прислал в подарок 4 афганцев. Двух Сахиб Назар продал на Памир, а двух прислал в наши пределы продать среди Алайских киргиз. Послал вдогонку за Гаиб Назаром отобрать афганцев.

12 июня 1889 г.

Понедельник 12/24.

Сегодня вернулся в Дараур Курган. Ветер невероятно сильный, горячий и сухой преследовал целый 50 верстный переход. Лицо и губы потрескались до крови.

Афганец еще не найден. Известия из Алтын-Мазара – самые неутешительные известия. Горы завалены снегом, а через Мук-Су переправы нет. Завтра поеду

²⁰ В воспоминаниях, опубликованных Громбчевским, он выступает как Сеид-Акбар-Ша (См.: В. Grąbczewski, *W pustyniach Raskemu i Tybetu*, Wyd. Gebethner i Wolf, Warszawa 1925, с. 54).

сам проверить, а чтобы не тратить время сегодня послал выставить лошадей.

В лагере застал все в порядке, только г. Конрад сильно страдает зубною болью. Болезнь не опасная, но мучительная.

Казаки нашли интересный экземпляр *Carabus*'a²¹, кажется новый вид. Вообще энтомологическая коллекция подвигается, за то все остальное пока молчит.

Купил 17 лошадей за 450 рублей, завтра куплю еще 3-х и тогда экспедиция будет обеспечена ½ комплекта запасных лошадей.

13 ИЮНЯ 1889 г.

Вторник 13/25 Июня.

Сегодня до свету поехал на Мук-Су с целью проверить показания туземцев относительно невозможности проехать прямо на Тахта-Корум. Дорога до Алтын Мазара не очень трудная, но расстояние громадное. Вернулся около полуночи совершенно усталый и разбитый. Переправиться через Мук-Су, хотя с большою опасностью, но все-таки можно. Дальше зато горы совсем непроходимы. Ветер невероятной силы, горячий и сухой – страшно утомил.

Конрад сильно страдает зубами, у меня тоже болят зубы, все от ветру.

Сегодня купил еще одну лошадь. Вследствие непроходимости Заалайского хребта – решил окончательно идти на Каратеген и Дарваз.

Афганец бежал от Гаид Назара и пристроился к какому-то русскому промышленнику, собирающему бабочки. Послал за ним. Сегодня подковали всех 17 лошадей, причем обнаружилась пропажа 18 подков. Оказалось, что подковы найдены у казаков, но кто из них украл – никто не сознается.

Получил газеты из Маргелана; писем ко мне никаких. Все забыли. Седла, заказанные в Маргелане, с очень тонкими средними перекладами, постоянно ломаются, но по своей форме – удобны и практичны. Завтра направляюсь вниз по р. Кызыл-су к Каратегену.

14 ИЮНЯ 1889 г.

Среда 14/26.

Переход до урочища Джеканды близ Большого Карамука, около 32 верст, нетрудный. Находимся близ самой границы Каратегена, которую перейдем 16-го, так как седла вьючные оказались неподходящими: потники выскальзывают из под седла, а вьюки натирают холки и плечи. Потники короче на целую ¼.

Посланные за человеком, приведенным сюда Гаиб Назаром, вернулись и привели сюда, как его, так и Гаиб-Назара. Человек этот оказался не афганец, а шунганец, но состоящий на афганской службе и имеющий первый офицерский чин.

²¹ Вид крупных и средних хищных жуков из семейства жужелицы.

Впрочем он был так грязен и оборван, что узнать в нем офицера было мудрено. Да и не удивительно. Пройдя через столько рук в рабстве можно потерять человеческий облик. Мостан-Товакан-оглы, из селения Вияр (Уяр) недалеко от Кала-

Мостан-Товакан-оглы, служивший у Громбчевского офицером связи с командованием афганской армии.

-и-Бар-Пянджа. Он рассказывает следующее: Брат его, Ходжа-Назар, находился на службе у Абдурахман-Хана. Когда Исх Ак-Хан бежал, то Абдурахман-Хан написал письма к Правителю Вахана, Али-Мордан-Ша и Правителю Шугнана Ша-Ак-Бар-Хану, сообщая, что Вахан и Шугнан составляют владения его и предлагал им обоим очистить неправильно захваченные провинции. Письма эти отправлены были по назначению через Ходжа-Назара. Али-Мордан, получив письмо Абдурахман-Хана, немедленно удалился в Чатрар, а Ша-Ак-Бар-Хан письмо Абдурахмана разорвал и, воспользовавшись печатью Ходжа-Назара, написал донесение Абдурахману о том, что Шугнан никогда не выходил из повиновения его, и с нетерпением ждет прихода афганцев, и в это-же время отправил послов своих в Маргелан и Бухару, прося помощи у русских и Эмира Бухарского, а Ходжа-Назара и брата его Мостона продал в рабство. Мостон выменян был на лошадь у Памирского разбойника Сахиб Назара, который подарил его Гаиб-Назару. У Сахиб-Назара есть еще 2-3 Шугнанца; одного-двух он продал Кирайскому пограничному Беку из Киргиз Алайчи-беку. Этих людей он получил за обещание помочь людьми Ак-Бар-Ша против Абдурахмана.

Для характеристики правления Средне-Азиатских ханств могут служить еще следующие примеры: Ша-Ак-Бар-Хан узнает, что в Зебаке живет жена

Ходжа-Назара. Имея печать его, он приказывает написать письмо жене Ходжа-Назара от имени мужа, чтобы она немедленно приезжала в Кала-и-Бар-Пяндж

с детьми и всем имуществом. Когда-же она, послушавшись, приехала, то Ак-Бар-Ша имущество присвоил, ее поместил у себя в Гареме, а детей продал в розницу. Таким-же образом он захватил двух мулл из Зебака и продал их на Памир – По-мез Киргизам.

Целый день ветер невыносимый: нас совершенно обветрило.

Казак Дёмин заболел лихорадкой. У меня сильно зубы разболелись: все от ветру сравнительно холодного.

Бухарский караул-беги(?) от имени Каратегенского бека обратился с жалобой на киргиз рода Найшак и Кипчак, ограбивших здесь торговцев.

Шугнанец Мостон пожелал идти вместе со мною до Дарваза и отобран от Гаиб-Назара, о чем сообщено Н-ку [Начальнику] Маргеланского уезда за № 31²².

15 июня 1889 г.

Четверг 15/27.

Сегодняшний день прошел в пригонке вьюков и починке всего попорченного за дорогу. Опять пришлось заменить двух лошадей и еще одну купить для шугнанца. Энтомологические коллекции идут кое-как; сегодня нашли новый вид *Carabus*'а.

Днем казаки и я практиковались в стрельбе. Все без исключения казаки стреляют очень плохо: каждая стрельба стоит около 30 патронов.

Сегодня снимал фотографию Тамыр-Бия и Гаиб-Назара. Мирза перепортил и перепутал кассеты с пластинками.

Днем жара +26 в тени. Вечером в 9 ч. душно +15 R²³ хотя мы на высоте почти 2500 м. т.е., около 9000 ф.

Киргизы куют лошадей, связывая их за ноги и сваливая на землю. Надо смотреть, чтобы арканы не приходились на суставах ног, потому что лошадь легко может захромать.

16 июня 1889 г.

Пятница 28/16 Июня.

На рассвете выступили на урочище Малый Кара-мук (вернее Кара-мых – черный гвоздь), находящийся в пределах Каратегена. Граница пролегает верстах в 2 ниже впадения реки Большой Кара-мук в р. (реку) Кызыл-су (красная вода), которая течет с поразительной быстротой узким руслом между высокими горами; дорога лепится по карнизу. Граница пролегает через горку

²² Информация непонятная. В московской (оригинальной) рукописи, аббревиатура «нр» перечеркнута.

²³ R – градусы согласно шкале Реомюра.

Караул-Тепе. Прощай Матушка-Россия, придется-ли когда-либо повидать Тебя. Казаки прошли границу весело, как дети, не подозревающие какие лишения их ожидают. По дороге в зарослях реки Кызыл-су убил крупного зайца, а дальше по косогору пару горных рябчиков. Видел громадных орлов бородачей, собравшихся над падалью дохлой коровы. Об уме их киргизы рассказывают поразительные случаи, напр. что они выжидают, пока табун пасущихся лошадей не выберется на очень крутые карнизы. Тогда они налетают на табун и стараются так близко налететь, чтобы ударить молодую лошадь крылом: лошадь боится, оступается и падает в пропасть, после чего становится добычей орлов. Когда они очень голодны, то поднимают кости на громадную высоту и сбрасывают на скалу. Кость разлетается в дребезги, а орлы пользуются мозгами. Это первая охота в эту экспедицию. Свежее мясо доставило некоторое разнообразие к столу, пополняемому исключительно бараниною.

Сегодня перед выступлением явились ко мне киргизы с Мирахуром (Шталмейстер Двора) Мулла Омаром, что спор об ограблении окончился миром, и что киргизы за ограбленный товар, стоимостью около 125 рублей, вознаградили на половину лошаадьми.

На границе Бухары нас никто не встретил, несмотря на то, что 8 дней тому назад, когда только узнал Алайский Волостной Управитель о моем намерении направиться в Шугнан, он, предполагая, что мне не проехать через Заалайский хребет, известил письмом Каратегенского Бека о предстоящем проезде. Кроме сего, два дня тому назад Мирахур от себя известил старшин киргизских в Малом Карамуке. Когда мы спустились на урочище Малый Карамук, то оказалось, что местные киргизы, не желая встречаться с нами, откочевали несколько дальше в горы. Так как мы шли в полной уверенности, что Политический агент в Бухаре Камер-Юнкер Чарныков известил Бухарского Эмира о предстоящем проезде и что, следовательно, в проводниках, по крайней мере, недостатка не встретится, то мы не запаслись проводником с Алая и очутились сразу в преглупом положении. наших Алайских киргиз надо было отпустить, а Бухарские не хотели ничего продать и наотрез отказали дать проводников; пришлось ночевать в Малом Карамуке. К счастью, мы купили на Алае про запас десятков баранов и голодать не приходилось. В виду вышеизложенного, чтобы сразу выяснить как себя держать с Бухарцами, я написал Алмаз-Беку следующее письмо.

Почтенному Алмаз Бию-Датхе²⁴.

После должного приветствия,²⁵ да будет Вам известно, что 8 дней тому назад пограничный наш Волостной Управитель сообщил Вам, что с Высочайшего соизволения я пройду по землям Вашим. За сим два дня тому назад я сообщил киргизским старшинам Карамука, что я приеду туда. Между тем, придя на Малый Карамук, я был глубоко удивлен, что не получил ни юрт, ни продовольствия, нужного моим лошадям и людям. Живущий в Бухаре почтенный представитель Государя Императора о проезде моем сообщил Великому Эмиру. Я лично

²⁴ БГ: Титул

²⁵ БГ: Принятый у Мусульман способ писания, причем лицу, которому писано, предоставляется самому придумать то приветствие, которое ему необходимо или приличествует.

представляясь Его Высочеству доложить ему об этом подробно. Если Вы слуга, поставленный на границе Великим Эмиром, то Вам следовало послать ко мне доверенного человека, который бы исполнял приказания мои и доставлял все необходимое.

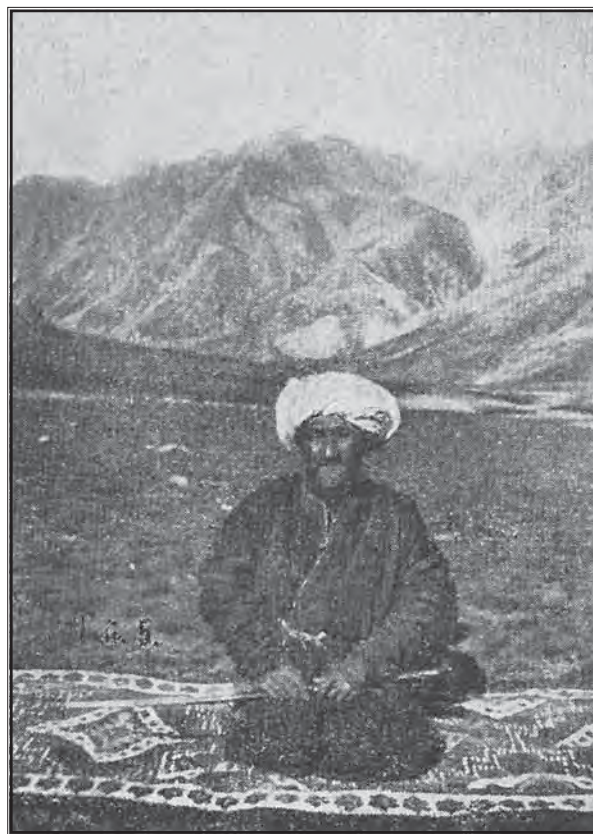
Письмо это было прочтено посланному и возымело свое действие. Начальник Пограничной линии, Начальник караулов – должность придворная – Караул-Беги-Бахрам Ходжа явился ко мне и пожелал представиться, но не был принят мною, так как мне положительно было известно, что он знал о моем проезде и что сделал распоряжение об откочевке киргиз. Из рассказа его моим людям я узнал, что Алмаз-Бек находился почти на границе нашей в Кала-и-лябиоб – крепость на берегу воды или реки – и что, получив письмо от Волостного, поспешил поскорее выехать в Гарм, а оттуда в крепость на западной границе своего Бекства. О всем этом много немедленно сообщено было Управляющему Агентством В.О. Клемму.

17 июня 1889 г.

Суббота 17/29.

Сегодня утром представился Начальник границы и передал поклон от Бека (которого не видел). Явились и проводники, и юрты, и ячмень, но все это много, за исключением проводников, было мною отклонено. Сегодня сделал переход небольшой, убил пару рябчиков, а затем остановился на ночлег

Ир-Даулет («Величие земли»), один из богатейших киргизов в долине Алая, владеец 10 тысяч лошадей.

на урочище Ачик Альма (кислое яблоко), так как встретили массу прекрасных²⁶ жуков, сбором которых занялись все поголовно.

Жара целый день стояла невыносимая. Термометр в тени показывал +34. Караул Беги заискивающе бегаёт и старается угодить. Оказалось, что Алмаз-Бек приказал ему встретить меня на границе, но Бахрам Ходжа, по свойственной азиатской хвастливо-трусливой натуре, хотел похвастать, а теперь трусит. Сегодня отпустил Ир Даулера и наших Сельск. Старшин и Киргиз, одарив всех халатами. Ир Даулер получил прекрасный шелковый бухарский халат.

В Джилянды вечером укусил меня в левую руку какой-то комар или ядовитый жук. Рука распухла и третий день зудит и жестоко болит.

18 июня 1889 г.

Воскресенье 18/30.

Сегодня с утра жара невыносимая. Днём термометр Цельсия показывал в тени +35.5. На вьючных лошадях вьюк довольно тяжёлый и они формально изнемогают от жары. Вчера вечером получил почту, газеты и письма от С²⁷. Давно уже почты никакой не было.

Сегодня Караул Беги обманул меня. Я хотел ввиду жаркого дня сделать переход не больше 20 верст, он же провёл меня больше 30 верст. Ночлег в зим. Думбурачи, при слиянии реки Кызыл-су с р. Мук-су. Местоположение роскошное, но жить здесь может быть приятным разве только раннею весною. Теперь при полном отсутствии деревьев жара днём допекает невозможно, ночью же мошки и комары.

Слияние этих двух речек сделало-бы пожалуй течение р. Кызыл-су судоходным для небольших суден, но мешает этому извилистый фарватер и необыкновенно быстрое течение.

Политических сведений никаких. В «дружественной» нам Бухаре я совершенно изолирован от местного населения благодаря постоянному присутствию Бухарского чиновника.

Мосты на Кызыл-су поразительно эфемерной конструкции и ветхи. Все гнется и трясется. Киргизы слезают и проводят лошадей в поводу.

С ночлега видны горы левого берега Мук-су, сплошь заваленные снегом. Это те же горы, через которые мы не могли перебраться несколько дней тому назад.

На ночлег для лошадей добыли только пшеницы. Ячменю не достали. Караул-Беги отпросился домой, оставив здесь Кара-Мирзу Минг Бийя. Завтра делаю дневку, чтобы дать возможность людям помыться и помыть белье. Пыль и жара загрязнили нас совершенно.

²⁶ БГ: *Calosoma Meloe* *Pac ydissus* sp? *Agapanthia* sp. *Carabus Cetonia* sp *Acaetera*.

²⁷ Возможно, что под инициалами спрятался друг Громбчевского, с которым путешественник переписывался – Владзимеж Спасович (1829–1906), выдающийся польский общественный деятель из Санкт-Петербурга, издатель известного польско-язычного еженедельника «Кгај» и сторонник польско-русского примирения.

19 июня 1889 г.

Понедельник 19/1 Июня/Июля.

Дневка на урочище Думбурачи (Думбра – балалайка с медными струнами; Думбурачи – балалайщик). Сегодня ночью бежал один из киргиз Алайских Кипчак Куваш, захватив лошадь и некоторые мелкие вещи. Ему выдано вперед жалованье за два месяца. Послал приказание поймать его и представить. Мне он не нужен, но если оставить это без последствий, то могут все туземцы разбежаться, захватив лошадей и вещи.

На затоне р. Кызыл-су казаки пробовали ловить рыбу, но безуспешно. Закинули сетку три-четыре раза и не поймали ничего.

Шугнанец лентяй невозможный. Он не делает ничего и сегодня набил спину заводской хорошей лошади. За наказание он пойдет две станции пешком.

Алмаз-Бек прислал письмо к Кара-Мирзе, справаясь, когда и где мы будем. Сегодня с нас не взяли Бухарцы денег за ячмень, доставленный для лошадей, и принесли как достархан – несколько лепешек на сале (катляма). Все это составляет стоимость около 1 рубля, который и был подарен принесшим, что им строго воспрещено брать что-либо от нас. Все это крайне неутешительно; наш проезд может быть в тяжесть населению, которое будет в конце сторониться от нас, а при таких условиях собрать какие-либо сведения очень трудно.

Во время вчерашнего перехода три лошади намяли спины. Сперва это не было заметно нами и лошади с непокрытыми спинами были выпущены на пастбище; от солнца наминки сильно вздуло. Если наминка замечена рано, то очень хорошим средством служит раствор крепкий из обыкновенной поваренной соли, которым надо натирать наминку раза два-три в день.

Гнедая лошадь все больше и больше хромает: еле ведем её.

20 июня 1889 г.

Вторник 20/2.

Сегодняшний переход до зимовок Муйнак – небольшой, но очень неприятный, потому что в 1-й версте от ночлега все наши вьюки на протяжении нескольких шагов пришлось перенести на руках. Это, конечно, было-бы не трудно, но пришлось все развьючивать и вновь навьючивать, что заняло больше 1½ ч. времени и измучило людей и лошадей. Пресловутая любезность Бухарцев по отношению ко мне пока выразилась только в том, что окрестные беки и начальники присылают ко мне каких-то проходимцев, которые слезают с лошади, кланяются, важно заявляют, что «бек такой-то прислал меня узнать, сколько дней вы полагаете прогостить здесь», и, получив в ответ, что я только уехав с известного места могу сказать с точностью, сколько я прожил где, садятся на глаза и строчат донесения своему начальству.

Сегодня ночью в резиденции местного киргизского бека Хашак-Токсабы, но на ночлег ни юрт, ни решительно ничего для лошадей. Приходится на солнопекке жить в палатках, а чем лошадей накормим – Бог ведает. К счастью, бараны есть в запасе, хоть голодать не будем. А между тем этот-же самый Хашак-Таксаба выехал ко мне в лагерь, окруженный десятком таких же оборвышей, как и сам, и держит себя с необыкновенною важностью. Надо знать мусульман, чтобы понять, сколько важности, сколько презрения в каждом их обыкновенно подобострастном движении, если они думают, что могут безнаказанно поважничать. Сегодня снова явилось двое посланцев от [...]. Они попали к нам в то время, когда мы все совершенно измучились, перенося свои вьюки на руках. Оказывается, что все они сидели 2 дня в 1 ½ в. от нас, что проводник наш Кара-Мирза два раза посылал к ним сообщить, что необходимо починить эти несколько шагов, но они никакого распоряжения не сделали местному населению. Естественно они были встречены мною далеко не любезно.

Мой немец поразительный обжора и, что следует за сим, лентяй. Через ¼ часа после плотного завтрака я умышленно спрашивал его, не хочет ли он есть, и всегда получал в ответ несколько нерешительное, как-бы с недоверием, не шучу-ли я: ja, wenn ist... ein Bischen... Нет перехода, чтобы мы не вступали в некоторое, неприятное для обоих, пререкание, потому что он по дороге не собирает жуков попадающихся, потому что ленится слезть с лошади; при этом он всегда отвечает: wir werden noch finden mehr... Рассказы об Америке и девочках – вот темы для непрерывного говорения, отымающего у меня дорогое время.

Против зимовок Муйнак и Шил-бели имеются большие залежи зеленовато-белой поваренной соли. Залежи эти находятся на левом берегу Кызыл-су и разрабатываются местными жителями, но в соли имеется некоторая доля земли, хотя и очень незначительная. Лично мне, вследствие половодья реки, осмотреть копей не удалось.

В Муйнаке живут Таджики, но они совершенно окиргизились, уходят на летовки со скотом и семьями, живут в юртах и возвращаются домой только поздней осенью.

Как промысел местных жителей следует отметить промывку золота, которая производится преимущественно по р. Мук-су и ниже слияния ее с р. Кызыл-су. Промывка производится самым примитивным способом, на бараньих шкурах. % добычи самый разнообразный и не поддающийся цензу. Бывали случаи, что промывальщик добывал до 8 р. в день, но бывало, когда он не вырабатывал больше 4 р. в течение 10 дней.

«Дружественные» нам Бухарцы заявили себя снова: у казаков немного муки с собою, а так как мы уходили завтра в горы, то казаки хотели купить два пуда. Добрые Бухарцы за два пуда простой, даже не просеянной муки, потребовали 10 рублей, а когда я приказал сообщить об этом Бухарским чиновникам сопровождающим меня, то те ответили, что в прошлом году был, будто бы, неудовлетворительный урожай, и что вследствие этого мука дорога. Пришлось отложить покупку муки пока мы не выйдем из пределов милой Бухары.

21 ИЮНЯ 1889 г.

Среда 21/3.

Сегодня поднялись на 900 метров, т.е. почти на 3000 ф. Подъем был очень трудный в особенности в начале; дальше, т.е. выше зимовки Джилянды подъем не такой крутой. Особенно трудный спуск к мосту. Скалы во многих местах на страшной высоте нависают над бушующею внизу рекою и по над этими скалами лепится по карнизам тропинка, в некоторых местах такая узкая, что лошадь с вьюком пройти не может. Спуски страшной крутизны. Лошадей спускали, придерживая за хвост и гриву арканами, и тем не менее одна лошадь сорвалась со страшной высоты в воду и убилась. Интересно, что арканы разорвались, а вьюк (кухня) почти весь уцелел, повисая на порослях арчи, которыми порос скат горы. Лошадь тоже раза два повисла на арче, но та ломалась, не в состоянии будучи выдержать тяжести лошади. Мост через Кызыл-су невозможной постройки. Длина его около 60 аршин, он киргизской архитектуры, почти висячий, трясется и ходит не только под тяжестью лошади, но даже под тяжестью человека. Через мост пронесли вьюки на руках, лошадей проводили по одиночке, что в общей сложности заняло около 1 часу.

Поднявшись на гору Джилянды, подъехали ко мне Бухарцы и передали письмо к ним от Мирза-Ишанкула-Мурехура, в котором он сообщает, что ради своего удовольствия и осмотра владений он выехал и остановился в сел. Зеикан (в 4 вер. от меня), где, узнав, что в стране его есть гость, с которым он давно дружен, он поручает Бухарцам спросить меня, где он со мною может встретиться.

Прочитав письмо, я ответил, что Мирза-Ишанкула-Мирахура я не знаю, что я занят делом, останавливаться по дороге и принимать визиты не имею времени, а прошу его продолжать осмотр владений и поездку для удовольствия, а меня не беспокоить.

Для ночлега киргизы выставили две оборванных и покосившихся на бок юрты, в которых посланы были грязные кошмы. Войти в такие юрты немислимо было, а потому приказал разбить свои палатки и остановился в них.

Только что я расположился, как доложили мне, что Каратегенский бек прислал Мирза-Ишанкула-Мирахура в мое распоряжение с ответным письмом. Пришлось одеться, озаботиться об чае и угощении и принять посланца.

В письме ко мне Алмаз-Бий сообщает, что Ир-Даулетовского письма не получил он, и что немедленно по-получении письма моего он командировал в мое распоряжение слугу своего Мирза-Ишанкула-Мирахура, которому поручено служить мне и исполнять всякое мое требование.

Сравнив содержание обоих писем, легко вывести заключение, насколько лживы Бухарцы и насколько мало следует им верить.

В разговоре со мной Ишанкул рассыпался в заявлениях дружбы и в готовности служить насколько позволят средства такой бедной страны, как Каратеген. Я ответил, что имею все запасы, не нуждаюсь решительно ни в чем, за исключением пастбищ для лошадей, что, конечно, не разорит Каратегенского бека. Вообще

посланец произвел на меня самое неприятное впечатление и я решил отправить его восвояси не позже завтрашнего дня. Уходя, он не позабыл засыпать за пазуху сахар, конфеты и даже зачерствелые маргеланские лепешки, поданные ему к чаю.

Насколько разнятся «слово и дело» у Бухарцев можно привести следующее: Для пастбища отвели нам место, только что очищенное от стоявшего здесь аула, где признаков травы не осталось. Для того, чтобы достаточно оценить этот поступок, надо себе представить, что мы в горах, покрытых прекрасною травой, и что место это самое плохое из всего виденного и пройденного. Естественно, пришлось самим озаботиться пастбищами.

Сегодня вечером доложил мне уряд. Кизьякаев, что на последней станции позабыли деревянный остов от палатки, подаренной мне Великим Князем Дмитрием Константиновичем²⁸. Я призвал немедленно к себе Ишанкула Мирахура и приказал послать туда людей на поиски, кроме сего от себя послал состоящего при мне Бухарца Кара-Мирзу и за находку назначил награды 10 рублей и суконный халат.

Я в большом горе от этой потери, хотя не теряю надежды, что вещь эта найдется, так как она положительно никому не пригодна, а награда назначена сравнительно высокая. Хотя от милых Бухарцев всего ожидать можно.

22 июня 1889 г.

Четверг 22/4.

Кара-Мирза не вернулся, а потому решил остановиться на дневку в ожидании его приезда, хотя условия для дневки самые неподходящие: жара, мухи и отсутствие корма.

Понять не могу, почему посланец не вернулся. Нет сомнения, Муйнакцы найдя вещь, польстились на винты и поломали её. Эта потеря для меня ничем не поправима, так как я остался без палатки.

Действительно не везет мне во всем в эту поездку. Верховая лошадь захромала. Из 20 вьючных и джигитских только две пока с целыми спинами, остальные все более или менее подбиты и настоятельно требуют починки и отдыха. Завтра решил подняться к озеру Яшиль-Кулю и дать лошадям продолжительный отдых.

Сегодня целое утро прошлялся с ружьем и сеткой, но ничего интересного не нашел. Устал неимоверно и чуть не убится, провалившись в какую-то дыру, промытую водою и совершенно заросшую травой. Вытащили меня при помощи веревки.

Сегодня Алайские кипчаки прислали джигита Тюра-Кула взамен бежавшего Куваш-Бая. Лошадь тоже прислали другую, а также 2-х месячное жалованье, но сам Куваш будто-бы где-то скрылся.

²⁸ Дмитрий Константинович Романов (1860–1919) – великий князь России, третий сын Константина Николаевича Романова, дружащий с Громбчевским. Как вспоминал Громбчевский, князь подарил ему также охотничье ружье, «трех-стволку, с которой даже на минуту не расставался». (См.: В. Grabczewski, *W pustyniach...*, ук. соч., с. 181).

23 июня 1889 г.

Пятница 23/5 Июня.

Сегодня сделали переход очень небольшой к озеру Яшиль-Кулю. Тут хороши корма и я намерен дать лошадям поправиться, а также подлечить побитые спины.

Местность эта очень хорошая: это высокое плато Памирского характера, перерезанное целым рядом высоких, но мягких гор с глубокими котловинами, в которых образовались озера с прозрачно лазоревою водою, но совершенно лишённые рыбы. Здесь целая система озёр: Яшиль-Куль, Мамыр-Куль и Тун-Куюк. Самое большое из них Тун-Куюк.

На Мамыр-Куле сидит целое стадо (выводок) красных Памирских уток, но убить их не удалось. Озеро широкое, а утки держатся на середине. Дробь не долетает, а пулей из Берданки попасть очень трудно.

«Окиргиженный» таджик из восточного Каратегина в одежде домашнего пошива из шерстяной ткани.

Высота сегодняшней стоянки около 13/т. ф., температура однако в тени +19С. Кругом нас и ниже – снег. Здесь настоящая весна, цветы только распускаются, но новой, интересной флоры, нет. Энтомологическая коллекция пополнилась только водяными жуками и парочкою *Meloe*²⁹. Г. Конрад нашел впрочем несколько ста-

²⁹ Майка (лат. *Meloe*) – жук из семейства нарывников.

рых крыльев от Carabus'ов, что доказывает, что они здесь водятся, но еще не настало их время. Фауна – мертвая: сурки, парочка уток, парочка ястребов, мелкой птицы мало.

Нашли в воде интересные моллюски. Посланец за остовом палатки не вернулся. Нет сомнения, укравший не хочет сознаться.

24 июня 1889 г.

Суббота 24/6.

Сегодня дневка близ Мамыр-Куля. Ночь холодная, но не настолько, как можно-было ожидать. Ночью лошади оставлены были на пастбище по склону горы, но не выдержали холодного ветра и сами пришли к лагерю. Может быть погнала их волки, так как собаки сильно лаяли.

Ночью сорвались жеребцы бухарцев и произвели драку с нашими лошадьми. Надо всеми силами избегать брать в экспедицию жеребцов. Мерина в большинстве менее сильны, но за то с ними несравненно покойнее.

Сегодня явились посланцы за остовом для палатки и заявили, что таковой ими нигде не разыскан. Мирахур говорит, что сокрытие остова он приписывает исключительно боязни нашедшего подвергнуться какому-либо наказанию. И так я без палатки благодаря вороватости Бухарцев. Я настаивал, чтобы старшины зимовок Думбурачи, Муйнак и Шильбели, между которыми пропал остов, отправлены были к Алмаз-Беку для наказания их. Мирахур просит дать еще три дня сроку с тем, что может быть пропажа найдется. Согласился нехотя.

Сегодня целый день ветрено и пасмурно. Останусь завтра, чтобы произвести определение широты.

25 июня 1889 г.

Воскресенье 25/7.

Сегодня холодно, пасмурно и моросит дождик. Определение произвести не удалось. Сделали большую экскурсию к востоку от озера Мамыр-Куля, причем значительно ниже нашли еще озеро, а за ним большую болотистую равнину, дающую начало реке Арча-Кепе. К югу от равнины высятся высокие, вечно снежные горы Петра Великаго.

Кругом масса сурков, но убить не удалось; сурки сидят над самой ямой и после выстрела немедленно скрываются в нору. Я сегодня наблюдал, что сурок простреленный на вылет и оставивший на месте, где сидел, кости и куски мяса, все таки сумел скрыться в нору. Интересно охотятся на сурков киргизские собаки. Они стараются скрытно подойти возможно ближе к норе, над которой сидит сурок и в тот момент, когда наконец сурок замечает врага – собака останавливается как вкопанная, не шевеля ни единым мускулом. Сурок быстро

скрывается в яму, но желание ближе присмотреться к испугавшему его предмету превозмогает и через несколько мгновений сурок вновь высовывает голову из норы, мельком осматривает собаку и вновь прячется, проделывая это все чаще и чаще. Собака, в те моменты, когда сурок прячется в нору, быстро делает вперед 3-4 шага и вновь застывает, как легавая на стойке, пока сурок не выглянет из ямы, так что сурок каждый раз, выглядывая из ямы, видит около своей норы неподвижный предмет и не замечает, что расстояние между этим предметом и им каждый раз незаметно уменьшается. Манипуляция такая производится ½ часа и больше, пока наконец собака не подойдет настолько близко к сурку, что может схватить его в один прыжок. При этом сурок сдается нелегко, он защищается зубами и когтями и не редко обращает собаку в бегство. Злобность сурков поразительна; мне случалось затолкать палку в неглубокую сурковую нору и разозлить сурка так, что он, ухватившись зубами за палку, не пускал ее и за зубы вытаскиваем был из норы.

Охотиться на сурков приучил киргизских собак голод. Несмотря на то, что в каждом ауле масса собак, киргизы не кормят их совершенно, предоставляя им питаться как знают и чем добудут. Вследствие чего собаки эти страшно худы и злы, хотя забиты. Летом они питаются: мышами, кротами, сурками и т.д., а зиму исключительно только человеческими испражнениями.

Сурки – зверьки презабавные, величиною с доброго кота, желтого цвета, часто даже желто-бурого, с длинным хвостом, короткими передними лапами и головою похожую на заячью, с длинными резцами. Они бегают быстро, но скоро устают и если удастся отогнать сурка от ямы, то не только верховый, но и пешеход сурка скоро догонит. Человека они подпускают шагов на 50. Об опасности оповещают друг друга пронзительным свистом, а ко всему интересующему присматриваются, сидя на задних лапках и сложив передние на груди «калачиком».

Сегодня по недосмотру киргизских джигитов экспедиции жеребцы передрались и две лошади покалечены. Приказал отодрать обоих джигитов.

26 июня 1889 г.

Понедельник 26/8.

Переход до урочища Кулика, по р. Кара-Шура, истоки Оби-Равнау. Озеро Яшил-Куль помещается на самом перевале и отделяется только крошечным увальчиком шириною в несколько десятков шагов от глубокой котловины р. Кара-Шура, что составляет характерный признак непромокаемости грунта. Долина р. Кара-Шура широкая, памирского характера и покрыта прекрасною травой. Она отделяется едва заметным увальчиком от долины р. Арча-Кепе, или вернее обе реки берут начало почти в одном месте, в хребте Петра Великого, причем р. Арча-Кепе направляется прямо на север и вскоре поглощается р. Кызыл-су, тогда как р. Кара-Шура направляется на запад вдоль подошвы хребта Петра Великого, собирает в себя все реки, стекающие с этого могучего хребта и, прорвавшись через этот хребет, под названием Оби-Равнау впадает в Оби-Хингау.

Долина р. Кара-Шура по мере движения на запад постепенно суживается и близ соединения с р. Бай-Зырак протекает уже в узком ущелье с мягкими склонами. Дно долины почти на всем протяжении болотисто. Горы, расположенные к северу от р. Кара-Шура на протяжении первых 20-25 верст от истоков ее, мягки и представляют хорошие пастбища. Первые зимовки по р. Кара-Шура встречаются ниже соединения с р. Бай-Зырак на урочище Кулика, где долина р. значительно расширяется, давая удобные места для посевов, которые, впрочем, здесь не производятся вследствие холодного климата и частых утренних морозов летом, побивающих посевы. При нашем здесь пребывании сегодня температура ночью показывала -1С., хотя днем при пасмурном небе стояла +23С. Думаю, что такие резкие перемены температуры обуславливаются близостью вечно-снежных гор и Бай-зыракского ледника, расположенного на верховьях реки Бай-Зырак.

Урочище Кулика получило название свое от имени киргиза Кули-ака, основавшего здесь зимовки. Теперь здесь 10 цв. таджиков. Выше зимовок прямо на с. с. з. ведет дорога через перевал Хуш-куляк (красивое озерцо) к р. Кызыл-су, против впадения р. Оби-Кабуд (Уйкаш-су). Перевал этот мягкий и не трудный. Сегодня на ночлеге, перед вечером, одна из вьючных лошадей (гнедой мерин) заболела коликою в желудке и, несмотря на самые энергичные меры, меньше чем в 1½ часа сдохла. Это погибла вторая лошадь экспедиции. Лошади давалось: 2 3 *Natrum sulfurici* и растирался живот кошмою и скипидаром. Масла вовнутрь никакого не было.

Остаюсь завтра на дневку, чтоб дожидаться ответа о моей палатке, это незамеченная потеря для экспедиции.

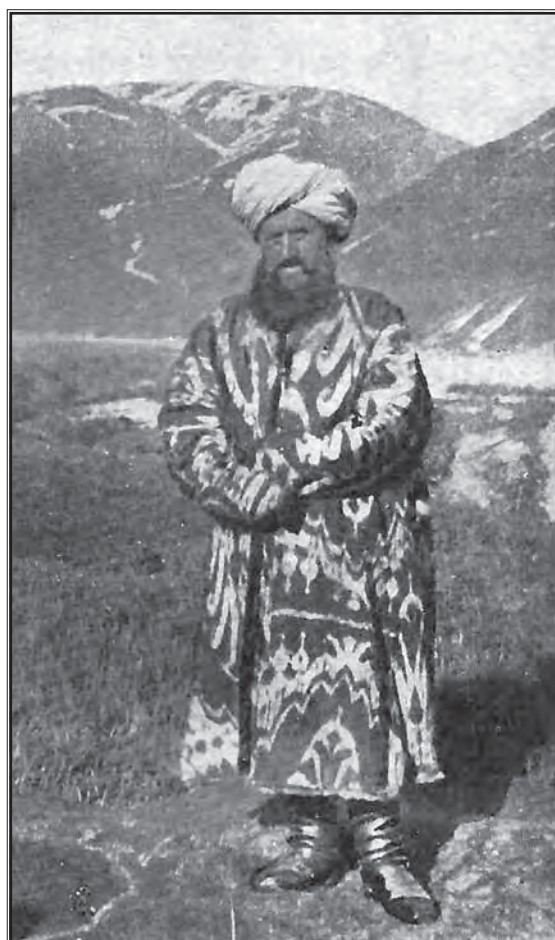
27 июня 1889 г.

Вторник 27/9.

Вчера нашли до 60 шт. *carabus'ov* – из них 1 ш. новый вид. Киргизы ищут очень охотно и приносят жуков по 2 к. шт. [2 копейки за штуку]. Мой С. [Congrad] относится к делу совершенно как промышленник. Я сделал большую ошибку, позволив ему лишнее от коллекции экспедиции коллектировать для себя. Теперь приходится неотступно присматривать, чтобы коллекция жуков экспедиции не была обижена.

Сегодня ночью в лагерь наш явился посланец от правителя Вахии, сына правителя Дарваза. По словам людей моих – это добродушный горец. Вчера Бек из Кала-и-ляби-обя Ахмет Бек выслал к нам на встречу с дастарханом (угощением), состоящим из 2-х куриц, 12 шт. яиц и 10 лепешек. Посланцы Эсаул Баши (начальник стражи) и Тиксаба (придворный чин) ждали на меня 7 дней с этим угощением. Характерный пример попрошайничества средне-азиатских правителей. Пришлось подарить беку малый револьвер, а посланцам по ситцевому халату, причем обе стороны остались недовольны: я, что курица и 12 яиц обошлись мне в 10 рублей, а они, что мало получили.

Сегодня производил определение широты; кругом собралась толпа таджиков с бухарскими чиновниками во главе, причем один из них спросил у моего мирзы, далеко ли видно в подзорную трубу. На это мирза ответил, что труба служит для наблюдения солнца, что солнце, как зеркало, отражает все, что делается на земле, и что при помощи трубы, я могу видеть все, что делается на земле. На это один из Бухарских чиновников попросил спросить у меня, что делается у него дома. Мирза, воспользовавшись тем, что я что-то говорил к нему в это время, не запинаясь ответил, что жена его занята приготовлением пищи для семьи, но что она некрасива и грязно одета. Замечание это случайно совпало с действительностью и вызвало дружный хохот толпы, а сконфуженный Бухарец возразил, что человек он бедный, получает небольшое жалованье и не может одевать жены своей лучше. Я, видя веру Бухарца в возможность видеть, что у него делается дома, и его стыд, что жену его видел посторонний, да еще неверный, поспешил разуверить толпу в заявлении мирзы, но по-видимому удачно попавшее замечание мирзы не успело изгладиться, так как под вечер пришел ко мне один из Бухарцев и после многочисленных поклонов попросил осмотреть, что делает его больной сын. Суеверие легче распространить, чем искоренить.

Таджик из восточного Каратегина,
занимающийся земледелием и мелкой торговлей.

Сегодня Мирахур Ишанкул просил разрешения вернуться, а также просил написать письмо Алмаз-Бию, причем сообщил, что чиновники Бека с Кала-и-ляби-оба Токсаба и Эсаул Баши проводят меня до Вахии. Я отпустил Мираху-

ра, подарив ему на память револьвер и коробку патронов, кроме сего Караул Беги Кара-Мирза получил полусуконный халат и ситцу 12 аршин. Письма к Каратегенскому Беку я не написал.

Впоследствии оказалось, что Мирахур Ишан Кул скрыл, что он от меня получил револьвер, из боязни, чтобы Каратегенский Бек не отобрал от него револьвера.

Так как аналогический случай сокрытия полученных от меня подарков был уже в Канджуге (Али Джаухар), причем лица эти, чтобы лучше скрыть полученные ими подарки, еще жалуются, что они состояли по несколько дней при русском офицере и ничего не получили, то я решил принять за правило, чтобы никогда подарков не давать с глазу на глаз, а давать их при всех публично.

28 июня 1889 г.

Среда 28/10 Июня.

Сегодня переход небольшой до урочища Пуль-и-санг³⁰, но очень трудный вследствие высоких и крутых подъемов и спусков. Особенно трудный и высокий подъем на плоскогорье Тупчак³¹, так как кроме необыкновенной крутизны, все ложбины, складки и изгибы горы завалены снегом, который настолько мягок, что не удерживает лошади. Пришлось подыматься по невозможным кручам, прокладывая самим дорогу. Здесь каждый неверный шаг грозит смертью и наши шанцевые лопатки сослужили нам службу.

Лошадь казака Калинкова сорвалась и вместе с казаком полетела ф. на 700 вниз по крутой снежной поверхности. Казак задержался, благодаря винтовке, которая зацепилась за камень и удержала Калинкова на весу, пока товарищи не спустились и не успели бросить ему аркана, а лошадь докатилась донизу, и, хотя осталась живою, но для службы не годна. Седло изломано в дребезги.

Бухарцы меня обманули. Эсаул Баши и Токсаба не поехали со мною, а когда я, заметив их отсутствие, послал за ними, то убежали. Вероятно на них произвело сильное впечатление падение казака и лошади.

Равнина Тупчак представляет прекрасное место отдохновения для лошадей даже большого отряда. Она с. з. стороною примыкает к ущелью р. Бай-Зыран.

Спуск с этого плоскогорья на русло р. Зери-Замин (преисподняя земли) невероятно крутой и опасный потому, что тянется зигзагами, так что идущие позади находятся буквально над головами идущих внизу и камни, сброшенные случайно лошадей, падая вниз с пропорционально увеличивающейся быстротой, легко могут причинить увечье или смерть.

Через р. Зери-Замин, непроходимую в брод, существует снежный мост, каждую зиму ремонтируемый природою. Мосты эти производят сильное впечатление, так как кажется немислимым, чтобы мост такой мог выдержать тяжесть

³⁰ БГ: Каменный мост.

³¹ БГ: Тупчак – жирная, красивая лошадь. Название это произошло, вероятно, от того, что плоскогорье покрыто великолепною травою, на которой быстро лошади поправляются.

лошади с всадником. Впечатление на нервы получается тем сильнее, что снег обыкновенно лежит под очень большим уклоном к вырывающимся из-под него волнам бушующей реки, и что скользкая поверхность снега кажется очень неудобною и опасною для движения. Я снял фотографию такого снежного моста во время нашего перехода.

Калинков шел пешком и сильно отстал. Прождав его около часу, я вынужден был остановиться под перевалом на ночлег, а людей разослать на поиски, предполагая, что он заблудился. К счастью, опасения оказались напрасными, но время для перехода перевала Гардани-Кафтар было упущено. Остановились на ночлег в очень неудобном месте, кругом снег и очень холодно.

Дождь сегодня с утра проливной промочил и измучил нас порядком. Особенно страдал я без палатки, так как деревянный остов моей не нашелся. Приютился у Конрада.

По дороге встречали тысячные стада баранов, прогоняемых этим путем из Куляба. Это бараны, частью отправляемые в Фергану для продажи, частью же достояние богатых тюрков Кулябского бекства, которые приходят сюда на зимние стойбища.

Дарвазский бек выслал на встречу ко мне русского подданного, жителя г. Маргелана Игамб Берды. Это проходимец изрядный, но кажется распорядительный.

29 июня 1889 г.

Четверг 29/11 Июня.

Вчера целую ночь ливень не прекращался, под утро-же хватил град и мороз. Ночью же разразилась гроза. Мы все промокли и продрогли до мозга костей, а утром согреться не удалось, потому что собранное на ночь топливо совершенно замокло и не горит. Так и пошли на перевал, не отогревшись.

Подъем на перевал очень трудный, так как не только самый перевал, но и все подступы к нему завалены глубоким снегом. Не мало тоже снегу вывалило за ночь; это большое счастье, что я заночевал у подножия перевала; очень легко во время бурана можно-было-бы погибнуть на перевале.

Движение по снегу вообще трудное, а когда снег не выдерживает тяжести лошади, и когда она ежеминутно проваливается – это бедствие. В большинстве случаев на перевале снег лежит под невероятным уклоном. Не смотря на привычку, не удивишься, как лошадь может пройти под таким углом. Лично я пешком никогда не рискую идти, да и все люди – тоже.

Перед перевалом Гардани-Кафтар (Голубиная шея), к югу от дороги – громадный ледник, дающий начало р. Сурх-Обак. Подступы к перевалу завалены больше чем на 3½ в. снегом. Эти три версты мы подымались 1½ часа, так как крутизна и редкий воздух заставляли каждый десяток шагов давать лошадям вздохнуть.

Взятые с собою лопаты вновь пригодились. Впереди вьюков ехал я с 2 казаками и 2 туземцами и все более опасные места подскабливали, чтобы дать возможность лошадям зацепиться. На каждую лопатку надо иметь непременно по два человека, чтобы работа производилась поспешно.

С половины подъема на перевал встретил нас ветер, усиливающийся по мере подъема вверх. На гребне он дошел до шторма. Против ветра ни стоять, ни дышать невозможно-было. Воду для Гипсотермометра мы вскипятили с величайшей трудностью, провозившись за этим делом более $\frac{3}{4}$ часа.

Вершины окружающие перевал имеют склонность образовывать саженные обвалы. Один из обвалов случился недавно: следы его видны повсеместно. Гребень перевала мы нашли почти свободным от снега, но противоположный склон сплошь завален снегом на протяжении около 5 верст.

На том склоне встретил меня Мирахур Мах. Назар Бек с несколькими людьми, высланный на встречу нам Правителем Верхней Вахии Шады-Бек Мирза Башием, он-же зять Дарвазского Бека Мохомет Мурат Бек-Бий-Дотха³². Спуск с перевала очень крутой на протяжении первых 3-х верст. В 8 верстах ниже перевала Караулчи-Тепе. Это место постоянного наблюдения за перевалом и дорогой. Во времена независимости Вахии и постоянных войн с соседним Каратегеном, здесь имелся бессменный наблюдательный пост, который, в случае опасности, оповещал жителей о приближении неприятеля. Ночью для этой же цели зажигались сторожевые огни.

С горы Караулчи-Тепе открывается вид на блестящую вдали р. Оби-Хингау (мутная река) и долину ее. По-видимому это бедная страна. Здесь каждая площадка возделана; селения построены не кучно, а каждый домик отдельно. Деревьев не много. Несмотря на видимую близость реки мы спускались 6 верст крутыми

Правитель Верхней Вахии, Шады-Бек-Мирза-Баши.

³² В воспоминаниях Громбчевского правитель Дарваза носил имя Шираз-Али-Бек (См.: В. Grabczewski, *W pustyniach...*, ук. соч..., с. 513 и след.).

зигзагами, пока наконец достигли возделанных площадок. На этом протяжении мы прошли все фазисы растительности, начиная от белых и желтых подснежников, появляющихся раньше зелени и травы, на местах очищенных от снега, до сожженных солнцем и отцветших цветов. Древесной растительности встретили мало: шиповник, горный клен, горький миндаль и жалкие поросли арчи.

На площадке с посевами встретил нас Правитель Верхней Вахии Шады-Бек-Мирза-Баши со свитой, между которою в ярких бархатных халатах выделялись Махомед Карим Бий и Махомед Нимонг Ишик Ага-баши. Поздоровавшись с этими сановниками мы в сопровождении всех их двинулись в путь. За поворотом вдруг, внизу у наших ног, открылось селение Лянгар-Чиль-Михроб. Это прелестный уголок, выглядит издали, как самый затейливый ландшафт. Вблизи – бедный и грязный.

Для нас под яблонями разбита была палатка и приготовлена яичница, жареное мясо, хлеб и чай. Позавтракав вместе с сановниками, я приступил к политическим разговорам, а также с расспросами о дороге впереди. Оказывается, что о почти соседнем Шугнани эти бедные горцы не имеют никаких сведений; что же касается до дорог, то почти на истоках р. Оби-Хингау, выше селения Арзынг существует дорога через перевал Акба-и Сытар на верховья р. Ванчъ, в селение Сытар, но Шады-Мирза-Бек, зная из письма Мирахура Ишанкула о намерении моем пройти прямо на Ванчъ, посылал туда человека, и перевал оказался еще не проходимым. По словам посланца, дорога прилипает через ледники, в которых трещины не закрыты, а только слегка прикрыты свежим, вновь выпавшим снегом, и движение сопряжено с большою опасностью.

Затем против селения [...] отделяется ущелье, ведущее на перевал Акба-и-Визхарер и дальше по р. Визхарер на Пяндж выше Кала-и-Хума, но и этот перевал закрыт. Таким образом для нашего движения остались только две дороги: или по правому берегу реки Оби-Хингау до Тоби-дара и дальше в Кала-и-Хум, или же по левому берегу до селения Гук Дара и дальше на Гушан и Кала-и-Хум. Так как по этой дороге еще никто из европейцев не проходил, то я решил сделать дневку в Лянгаре и просить Правителя Верхней Вахии послать нарочного узнать, возможно ли проехать через Гушанский перевал.

Верстах в 2 выше селения Лянгара, почти над селением высится отвесная скала, а в ней пещера, в которой имеется гробница Св. Хазрети-Ходжа Аляжудина. Пещера эта носит название Чиль³³ – Михроб (сорок аналов), откуда и селение получило свое название.

По рассказу туземцев в пещере имеется сорок таких «михробов» и, кроме того, из скалы вечно по каплям струится вода, причем она имеет то свойство, что напиться может только нравственный человек, а для безнравственного вода прекращает струиться.

Заинтересованный этими рассказами, я решил посетить эту пещеру, причем для сопровождения меня просил дать безнравственного человека. Естественно, такого в селении не оказалось, а мы, взобравшись по невозможной круче до пещеры и выбившись окончательно из сил, нашли самое обыкновенное углубление, образовавшееся в песчанике, вследствие выветрившихся и вымытых дождем об-

³³ БГ: Чиль – сорок, михроб – углубление, алтарь, против которого становится имам для молитвы.

валов. Никаких «михробов» мы не усмотрели; выдумало их живое воображение горцев, равно как и легенду о воде. В пещере этой, очень впрочем не глубокой, имеется только уложенная из камней могила Хазрети –Ходжи-Аляуждина.

30 июня 1889 г.

Пятница 30/12 Июня.

Сегодня именины моей матери: помянул я неоднократно старушку. Производил определение широты, но не совсем удачно, так как небо было очень облачно.

После полудня приехал Шады Мирза Бек со свитой. Я приказал их угостить чаем и пловом, а пока занялся расспросами. Долина р. Оби-Хингау или Вахия делится на два Бекства: Вахио-и-Болё и Вахио-и-Поён, т.е. Верхнюю и Нижнюю Вахию. Столицею Верхней Вахии считается селение Кома-и-Лёджурк, а столицею Нижней Вахии Кома-и-Тавиль-Дара, т.е. крепость в длинном ущелье. Верхней Вахией управляет знакомый наш Шады-Бек-Мирза-Баши, он-же зять Дарвазского Бека, а Нижней Вахией – Абду-Сатар-Бек.

Границею обоих Бекств служит речка Куруми-Рыхта, впадающая несколько выше селения Лянгар-Чиль-Михроб. Таким образом все селения, начиная от Лянгара и ниже по течению реки Оби-Хингау, входят в состав Бекства Вахио-и-Поён, а выше селения этого в состав Бекства Вахио-и-Болё.

В состав последнего входят следующие селения:

1. Лёджирк (столица) 20 дв. _____ по реке Оби-Хингау
2. Истарха – 12 дв.
3. Псода – 12 дв.
4. Рыхчь – 15 дв.
5. Урофар – 30 дв.
6. Санг-Вор – 50 дв.
7. Найгуф – 15 дв.
8. Сыкат – 40
9. Роха – 15
10. Дара-и-Каль – 22
11. Арзунг – 30
12. Дарахтан³⁴ – 15 _____ по реке Хазрети-Бурк, левом притоке р. Оби-Хингау
13. Риова – 10
14. Нуссай – 13
15. Мазар-Хазрети-Бурк – 50
16. Боршут – 12

Итого 362 двора.

³⁴ На карте название этого селения записали как Дархарвак. Не лежит оно, однако, как пишет Громбчевский у побережья реки Хазрети-Бурх, а на ее левом притоке, реке Обь-Занка.

Таким образом, если даже считать, что из свойственной азиатам предосторожности они $\frac{1}{4}$ дв. скрыли, то и так общее количество дворов в Бекстве Верхней Вахии не превысит 500, а население 2000 человек.

По принятому обычаю население платит Беку $\frac{1}{10}$ ч. урожая и по 1 барану с каждого дома. Тарикана и Никана т.е. пошлина с наследства и со свадеб взимают в свою пользу Казии и Казии Раис³⁵, живущие в Лёджирке. Зякет с прогоняемого скота и пошлина с проходящих товаров взимается людьми, поставленными Кум Бегием в Бухаре.

Бек живет на отчете у Дарвазского Бека, которому он ежегодно представляет расчет полученного с населения и израсходованного на свое пропитание, остаток поступает в казну Дарвазского Бека.

Войска, за исключением необходимой прислуги, Беки не содержат.

Чиновники и некоторые старшины имеют пожалованные в пожизненное владение доходы с известных селений и, кроме того, ежегодно ездят два раза на поклон Эмиру в Бухару и от него получают «сарпой», т.е. одежду с ног до головы.

Список придворных должностей двора Эмира Бухарского:

1. Чирах-агасы³⁶.
2. Мирза-Беги.
3. Джебачи.
4. Каляур-Беги.
5. Мирахур.
6. Токсаба.
7. Ишиг-ага-Баши³⁷.
8. Бий.
9. Датха.
10. Парваначи.
11. Диван-беги.
12. Инак.
13. Куш-Беги и
14. Аталык.

При назначении должностей последовательность не всегда соблюдается.

Население Вахии вообще бедное. Редкий владеет сотней баранов. Травы и пастбищ мало, а зимою выпадают глубокие снега, вследствие чего на зиму нужно для скота готовить запасы сена.

³⁵ Кази Раис – мусульманский судья, заботящийся о моральности и соблюдении религиозных предписаний.

³⁶ Громбчевский неправильно записал это название: *Чиракъ-агасы*. По словам А.А. Семенова следует читать: *Чухра-агасы* или *Чухра ака баши*. См.: А.А. Семенов, *Бухарский трактат о чинах и званиях и об их обязанностях носителей их в средневековой Бухаре* [в:] „Советское востоковедение” 1948, т. V, с. 150, прим. 76).

³⁷ Здесь в *Дневнике* Громбчевский записал название через «г» – *Ишигъ-ага-Баши*, хотя позже последовательно (и правильно) через «к»: *Ишик-ага-баши*. Ср.: А.А. Семенов, *Бухарский трактат...*, ук. соч., с. 150; М.А. Абдураимов, *Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI-первой половине XIX века*, Фан, Ташкент 1966, с. 85).

Из всех местных сановников самым умным показался мне Ишил-ага-баши Махомед Нимок, проживающий в селении Найгуф.

Сегодня я отпустил людей, нанятых мною для помощи перехода через перевал Гардани-Кафтар. Многие из них шли все время босиком, несмотря на холод и почти 10 верстный переход по снегу; я, кроме условленной платы, подарил им 2-х баранов, а старшим халаты.

Могилы в Вахии далеко, кажется, не в таком почете, как в других мусульманских странах. Здесь масса могил на межах среди полей.

Сегодня Правитель Нижней Вахии прислал Токсабу Нур Буту поздравить с приездом.

Посланный вернулся и сообщил, что Гушанский перевал свободен от снега. Решил идти через Гушан и по левому берегу р. Оби-Хингау. Сегодня снял портреты местного Бека и сановников. Интересен их испуг сначала и радость, когда дело кончается быстро и благополучно.

1 ИЮЛЯ 1889 г.

Суббота 1 Июля.

Переход до селения Хауд-и-Поен, на берегу р. Оби-Хингау, не очень большой, но трудный вследствие бесчисленных подъемов и спусков. Р. Оби-Хингау проходима в брод только зимою и то в немногих местах. Летом она в брод совсем непроходима, а так как во всей Вахии имеются только два моста: один выше селения Кала-и-Лёджур, а другой близ сел. Табиль-Дара, а на протяжении около 60 верст мостов нет, то жители переправляются с одного берега на другой вплавь, подвязывая турсуки, а лошадей переправляют вплавь. Если же имеют перевезти товары, то должны делать большие объезды.

Решив идти через Гушанский перевал в Кала-и-Хум, я должен был переправиться на левый берег реки, для чего сначала должен был подняться на целых 9 верст к востоку по течению р. Оби-Хингау, по правому берегу, а затем столько же спуститься книзу, т.е. сделать 18 верст крюку по самой отвратительной дороге.

Селение Кала-и-Лёджурк, резиденция правителя Верхней Вахии, хотя и носит громкое название Кала, т.е. крепость, но крепости не имеет. Помещение Бека несколько больше на вид, чем помещения поселян, но имеет бедный ободранный вид. Лучше других, снаружи, помещение Бия-Махомед-Карима, но во внутрь я не заходил. Селения в Вахии имеют чрезвычайно живописный вид. Они состоят из отдельных хуторов, разбросанных среди полей и окруженных фруктовыми деревьями. Что-то родное веет от них. Если бы не высокие горы с вечно-снежными вершинами, так и кажется, что попал куда-то в Малороссию. Домики – мазанки из глины с земляной крышей, изредка двухэтажные.

Народ – темные брюнеты, с густыми бородами, лицо красивого арийского типа; цвет кожи сильно смуглый, на теле много волос. Одевается в темные шерстяные халаты, рубашки и штаны из хлопка, на голове ситцевые тюбетейки

(шапочки), на ногах сапоги (поршни) из кожи, но без каблуков и без твердых подошв, на ногах кроме того длинные шерстяные чулки.

Около моста помещается сборщик зякета, человек поставленный Кушбегием в Бухаре. Он взимает по 10 коп. зякета с каждого барана, по 5 коп. баджа³⁸ (пошлина) и кроме того 5 коп. за запись в свою пользу. Таким образом, каждый баран оплачивается 20 коп., лошадь и корова вдвое. Для баранов и коз это большая сумма, так как стоимость их в Кулябе от 1 р. 60 до 2 р. за штуку, и то не деньгами, а товаром. Таким образом бараны оплачиваются пошлиною $\frac{1}{8}$ ч. их стоимости, а так как пошлина взимается в каждом бекстве отдельно, то бараны пока дойдут из Куляба в русские пределы, обходятся торговцу на половину дорожке.

Дорога по левому берегу реки Оби-Хингау на протяжении почти целого сегодняшнего перехода, пролегает по склонам высоких гор, подступающих к самой реке. Во многих местах образовались совершенно ответные оползни, так что река, находящаяся по крайней мере сажен на 150 ниже дороги, кажется совершенно под ногами. Это производит чрезвычайно сильное впечатление даже на самые привычные и выносливые нервы. Несколько ниже сел. Лянгара горы левого берега густо поросли древесною растительностью: кленом, талом, горным тополем, шиповником, жимолостью, горьким миндалем, а также яблонями и изредка грецк. орехом. Но все это лес молодой, чуть-то не кустарник, так как опустошительная рука жителей не дает ему вырасти. Исключение, впрочем, составляют ореховые деревья, которые тщательно оберегаются населением, дорожащим плодами его.

Сегодня на границе своего Бекства Шады-Мирза-Бек неожиданно простился со мной. Так как я думал, что он поедет со мною до ночлега, то не приготовил ему никакого подарка и чувствовал себя в неловком положении. Оказалось, что Правитель Нижней Вахии Абду-Сатар-Бек выехал нам на встречу, а так как в Дарвазе существует старинный закон, что Беки не имеют права выезжать за пределы своих Бекств без соизволения Бека Дарвазского, то Шады-Мирза-Бек простился и вернулся домой.

Сегодня по совету Шады-Мирза-Бека я нанял лошадей под все вьюки свои. Так как лошади здесь очень дешевы, то я придерживусь этого обычая за все время следования по Дарвазу. Этим я дам несколько оправиться и подлечу спины нашим лошадям, которые пригодятся впоследствии.

Проехав несколько верст по Нижней Вахии, я был встречен Правителем Нижней Вахии Абду-Сатар-Бекком. Он ехал с большою свитою и в сопровождении нескольких людей пешком. Он поравнялся со мною и поздоровался на ходу, мимоходом, встречая по очереди моих людей, едущих сзади. Зная, что он встречает по приказанию Дарвазского бека и зная, из близкого знакомства с мусульманским миром, что подобный способ встречи есть выражение крайнего пренебрежения, я, не находя нужным делать ему замечания по этому поводу, показал ему все таки свое неудовольствие, а именно: приехав на ночлег, я не принял предложенной им хлеба-соли.

Так как тут были люди Дарвазского бека, которые ежедневно делали самые подробные письменные доклады Беку, то Абду-Сатар-Бек сильно встревожился

³⁸ Бадж – налог на торговлю товарами.

и униженно просил прощения. Мы объяснились и помирились. Абду-Сатар-Бек сделался шелковым и, со свойственной азиатам приниженностью, подобострастно подхватывал на лету каждое мое слово.

Ночлег в селении Хауд-и-Поён на площадке под громаднейшею березою и высокими тополями. Целую ночь пел соловей.

2 ИЮЛЯ 1889 г.

Воскресенье 2-го Июля.

Сегодня переход небольшой, до селения Дара-и-Хайран. Сегодня уехал в Маргелан Игам Берди и увез письмо к Кошиевскому. Я подарил ему хороший халат.

Вахийцы, в противоположность Каратегенским властям, делают все, что могут, чтобы облегчить наш путь. Они чинят дороги и даже любезность свою простирают до того, что выставили пешеходов на крутых спусках, которых вьючных лошадей спускают по одиночке, придерживая за хвост.

Интересен обычай здесь, что вьючные лошади нанимаются от селения до селения, а так как селения здесь часты, то на перегон в 16 верст нужно было два раза перевьючить лошадей, что сильно задерживает движение. Я сильно подозреваю Абду Сатар Бека, что он населению приказал выставить от селения к селению лошадей, а деньгами моими пользуется лично.

Обычаем объяснить такую странность трудно. Вернее, Абду Сатр Бек распорядился так, чтобы не обременять население большими переходами. Сегодня он подобострастие свое довел до того, что сам держит под уздцы мою лошадь и подсаживает на седло. Я пригласил его отобедать.

По мере движения вниз по течению р. Оби-Хингау, долина ее становится все живописнее. Особенно прелестны селения с обилием зелени и полей, по середине которых часто раскидываются громадные деревья ореха. К сожалению, деревни красивы только издали. Вблизи они невыносимо грязны и вонючи от нагроможденного годами навоза.

Здесь возделывается: ячмень, пшеница, лен, два сорта просо (шарик и кунак) и бобы. Остальные виды хлеба не растут. Из овощей видел только харбузы. Морковь и лук не возделываются не только здесь, но и в Дарвазе и Каратегене. Впрочем в последнем уже начинает прививаться этот промысел. Население с особенною горечью говорило, что у них не растет тут (шелковичник, ягоды которого составляют любимую пищу горцев) и абрикосы. Мне кажется, что раз здесь поспевают и хорошо растут грецкие орехи, то могли-бы расти и тут с абрикосами.

Вахия очень бедна естественными богатствами. Здесь нет никаких копей. Даже соль в Верхней Вахии привозится из Каратегена. Нижняя имеет свой соляной источник близ селения Пасты Рох и вываривает соль при помощи котлов.

Из местных обычаев отмечу, что в селении каждый двор по очереди должен доставить топливо в общественную мечеть. Вследствие этого комнаты при мечети изображают в зимнюю стужу род клубов: здесь не только находит приют путе-

шественник и просиживают по пол дня за беседою местные жители, собравшиеся для молитвы.

Селения, в Вахии выглядят мертво, как-бы после холеры или мора. Дело в том, что жены с детьми откочевали со скотом выше в горы.

Сегодня, открывал банку со спиртом, в котором находились фаланги и др. пауки, я пролил спирт на руку. Получился красный шрам, рука болит и вспухла, а к вечеру красный шрам начал нарывать. Вероятно какое-нибудь животное наделило спирт ядом.

У Дарвазского бека по спискам числится до 2000 человек солдат. На лицо в Кала-и Хуме – только 400.

3 ИЮЛЯ 1889 г.

Понедельник 3/15 Июля.

Сегодня переход очень небольшой – до сел. Гунь-Дара. Это очень небольшое, бедное и невыносимо грязное селение. Завтра переваливаем через Дарвазский хребет, а сегодня задержались, потому что река Гушань снесла мосты. Дарвазский Бек выслал уже людей чинить мосты.

Главный бухарский таможенник в Вахии, сопровождавший Громбчевского почти всю дорогу, проходящую через это бекство.

В состав Нижней Вахии входят следующие селения:

На правом берегу р. Оби-Хингау.

1. С. Лянгар-Чиль-Михроб – 20 дв.
2. Сел. Нисоны – 8 дв.

3. С. Ахли-Сурхан – 10 дв.
4. Ляйран-и-Боле – 12.
5. Ляйран-и-Поен – 14.
6. Арган-Кук – 40.
7. Хыбшон – 8.
8. Уштыюн – 50.
9. Пынарво – 20.
10. Юфон – 7.
11. Сабз-Хар – 30.
12. Вудусун – 14.
13. Саёт – 40.
14. Гурзен – 10.
15. Хур – 20.
16. Евтарчь – 10.
17. Лянгар-и-Гиркон – 15.
18. Тавиль-Дара – 60 дв.

Итого 395.

По левому берегу р. Оби-Хингау.

1. Хауд-и-Балё – 10 дв.
2. //-----//---- миона – 15
3. //-----//---- поен – 10
4. Джур – 60
5. Наурду – 20
6. Минаду – 40
7. Зывай – 30
8. Хырда – 10
9. Дара-и-Хайран – 40
10. Гун-Дара-и-Болё – 20
11. / /-----//-----и-Поен – 20
12. Каска-ро – 40
13. Чурсан – 30
14. Пыштар-ро – 60
15. Марга-и-Болё – 7
16. //----//и Поен – 7
17. Пасты-ро – 20³⁹
18. Инкон – 12.
19. Лятар-ро – 10.
20. Ганда-Чашма – 10.
21. Дашты-шир – 5 дв.
22. Хой-Дара – 7 дв.
23. Богча – 1 дв.

³⁹ БГ: соляной источник.

24. Шорах – 6 дв.
 25. Тавиль-Дара-и-Болё – 20.
 26. Каранак – 7.
 27. Зыгара – 10.

Итого 522

Кроме сего, в состав Дарвазского Бекства входит: Бекство Чиль-Дара до 500 дв. и бекство Ванч – 300 дв.

В Нижней Вахии сбор и отчет податей такой-же, как и в Верхней Вахии, но собирается еще с каждого двора по 20 коп. Этот сбор, впрочем, существует и в Верхней Вахии.

Чрезвычайно интересное сведение сообщил мне сегодня Абду Сатар Бек, что по р. Куфу существует целое Бекство, входящее в состав Дарваза. До сих пор я полагал, что Куф входит в состав Шугнана, захваченного Афганистаном.

Сегодня пытался фотографировать и для женщин, которые пожелали-бы сняться, назначил по 50 коп. и красному платку. Несмотря, однако, на бедность населения, никто сняться не согласился. Я насильно заставил сняться 2-3 мальчикам, которые кричали, как будто их резали.

4 ИЮЛЯ 1889 г.

Вторник 4/16 Июля.

Сегодня мы перешли из Вахии в собственный Дарваз и ночуем в селении Гушон. Дорога на протяжении около 8 верст, между перевалами: Акба-Сафяд-Ку и Акба-Гушон идет по высокому, волнистому плоскогорью, изрезанному глубокими балками, ручьями и родниками. Место это покрыто прекрасною травой, служит пастбищем многим тысячам все возможного скота, пригоняемого из Бал [...], Куляба и т.д. и может служить прекрасным местом отдохновения для лошадей даже большого отряда. С перевала Акба-и-Сафид открывается вид на покрытый снегом хребет Петра Великого, в котором резко выделяются два пика: Люли-Харби и Кухи-Пушты-Кулё.

С урочища Дашты-Узбекон и перевала Акба-и-Гушон виден пик Калёт-Ухыр, значительно выделяющийся. Он расположен близ р. Гушан, ниже селения.

Дарвазский хребет от горы Сафид-Ку уклоняется к востоку, а затем к юго-востоку, давая место р. Гушан и отделяя эту реку от р. Панджа. С перевала Акба-и-Гушон он имеет вид (в особенности в юго-восточной части) очень высокого плоскогорья, покрытого глубоким снегом.

Горы Дарвазского хребта, равно как и хребта Петра Великого, лишены древесной растительности.

С баранов, пригоняемых из Куляба и др. местностей взимается в пользу Правителя Бекства по три барана с гурта под предлогом, что горы и трава – собственность казны.

В Бухаре каждое Бекство обложено несколько другою платою в пользу казны. Так напр. соседний с Дарвазом Каратеген платит, кроме барана, 1/10 ч. урожая и 20 коп. с каждого дома, еще следующий налог: 100 снопов топлива, 5 ф. масла и 3 тюбетейки сыру с каждого дома.

Кроме сего 12 тенег⁴⁰ Никаны тарикану. 12 тенег или 1 чекмень с 5 дворов и с лиц, возвращающихся с заработков, кусок (8 арш.) или о[...]⁴¹.

Население Вахии бедно, но только вследствие лености; оно имеет много полей для посевов и хорошие пастбища для скотоводства. Как пример лености приведу следующее. Мне при сборе коллекции нередко приходилось прибегать к помощи населения, указывая более интересные экземпляры и предлагая доставить таковые за деньги. Киргизы, несмотря на их всем известную лень, собирают охотно и выручали другой раз до 3 р. в день. Таджики никогда не могли найти ни одного жука или приносили невозможный хлам.

В Дарвазе выпадает весьма глубокий снег, который держится долго на полях, приготовленных под посевы, вследствие чего посевы запаздывают и хлеб не вызревает. Чтоб заставить снег поскорее сойти, население в течение ранней весны 5-6 раз поле посыпает землею, которая «проедает» снег и заставляет очиститься от снега значительно раньше, чем окружающая местность.

Завоевание Дарваза произошло в правление Бухарского Эмира Насрулла Боходура⁴² 13 лет тому назад. Последним Ша⁴³ в Дарвазе был Махомед Сырадж Хан, в Куфе – Абул-Фаиз Хан, в Шикане Мах. А [...] Хан, в Вандже – Махмуд Хан, в Хулядже – Хамид-Хан, в Вахии – Сулейман-Ша. Начальником войск Бухарских был Худай Назар Парваначи. Занятие произошло вторжением Бухарцев через Гушанский перевал.

Сегодня простился с Правителем Нижней Вахии Абду Сатар Бекком, одарив его револьвером, а свиту халатами и кусками ситцу и кумачу⁴⁴. Они проводили меня до перевала Гушанского, где встретили меня высланцы Бека Дарвазского Эсаул Баши Артык Бек Джебачи и Мах. Раима Ишил-ага Башия, которые поздравили от имени Бека. Ночлег в Гушане под таловым деревом в три обхвата.

[...] в Дарваз поспели. Огурцы тоже.

Женщины в Дарвазе не закрывают лица.

⁴⁰ Тенге – серебряная, бухарская или кокандская монета, которая, по Громбчевскому, стоила тогдашних 20 копеек. (В. Grąbczewski, *W pustyniach...*, ук. соч., с. 47).

⁴¹ В копии *Дневника* следует пропуск.

⁴² Громбчевский ошибается. В 1876 году эмиром Бухары был Сайид Музаффаруддин Бахадур Хан, в то время как Насрулла, Наср Улла Бахадур Хан, который был его отцом, управлял эмиратом в 1827–1860 гг.

⁴³ Ша – титул, принадлежащий родовым правителям Дарваза. С 1878 года, после присоединения Дарваза к Бухарскому эмирату и создания дарвазского бекства, каждый бек проживающий в Кала-и-Хумб титуловал себя также традиционным «Ша».

⁴⁴ Кумач – хлопчатобумажная ткань (полотно), красного цвета, используемая в России.

Фотодокументи 1

Фотодокумент 1

Конвой экспедиции. № 7. Путешествие Б.А. Громбчевского.

*Собравшись вместе, отряд наш
состоял, кроме меня, из следующих
лиц: Препаратор-коллектор
г. Леопольд Конрад, Мирза (секретарь
для персидской корреспонденции)
Фазыль-Бек Касым Беков, 7 чел.
казаков 6-го полка Оренбургского
Казачьяго войска: Урядник
Федот Козякаев, Приказный
Никита Демин, казаки: Филип
Есаулов, Матвеев, Алексеев,
Мартин Калинин, Воронин.*

Из вступления в Дневник экспедиции

Фотодокументи 2

Фотодокумент 2

**Мост в Каратегене. № 9.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

Мост через Кызыл-су невозможной постройки. Длина его около 60 аршин, он киргизской архитектуры, почти висячий, трясется и ходит не только под тяжестью лошади, но даже под тяжестью человека. Через мост пронесли вьюки на руках, лошадей проводили по одиночке, что в общей сложности заняло около 1 часу.

*Дневник экспедиции
21 июня 1889 г.*

Фотодокументи 3

Фотодокумент 3

**Озеро Яшиль-Куль в хребте
Петра Великого. № 13.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Сегодня сделали переход очень
небольшой к озеру Яшиль-Кулю. Тут
хорошие корма и я намерен
дать лошадям поправиться,
а также подлечить побитые спины.
Местность эта очень хорошая:
это высокое плато Памирского
характера, перерезанное целым
рядом высоких, но мягких гор
с глубокими котловинами,
в которых образовались озера
с прозрачно лазоревой водою,
но совершенно лишенные рыбы.*

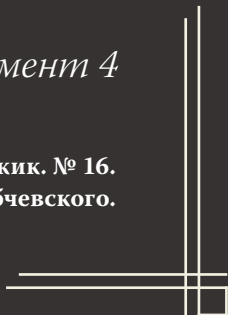
*Дневник экспедиции
23 июня 1889 г.*

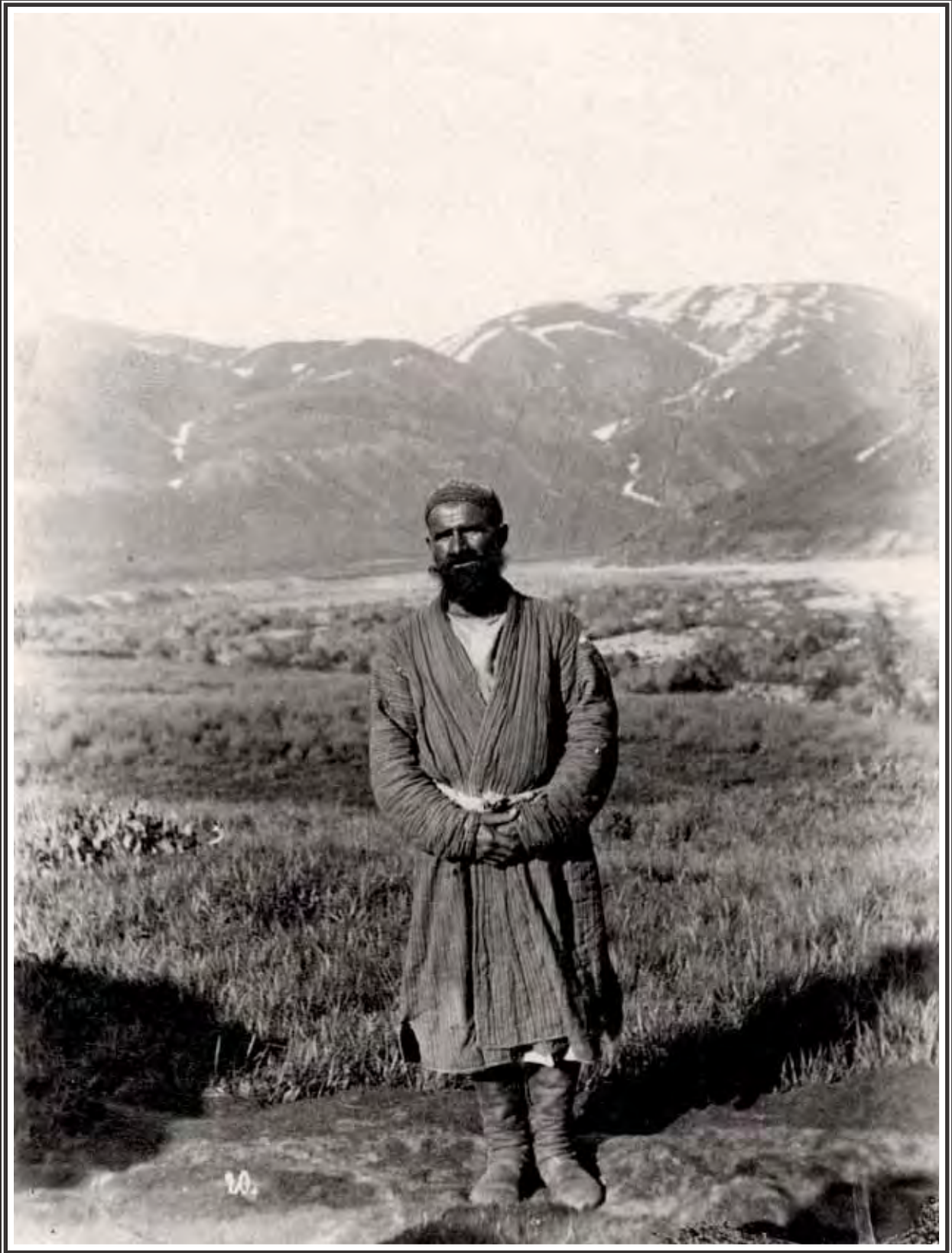

Фотодокумент 4

Фотодокумент 4

Каратегенский таджик. № 16.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

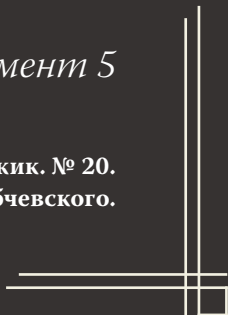

Фотодокумент 5

Фотодокумент 5

Каратегенский таджик. № 20.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокументи 6

Фотодокумент 6

**Снеговой мост на хребте
Петра Великого. № 23.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

Через р. Зери-Замин, непроходимую в брод, существует снежный мост, каждую зиму ремонтируемый природою. Мосты эти производят сильное впечатление, так как кажется немислимым, чтобы мост такой мог выдержать тяжесть лошади с всадником. Впечатление на нервы получается тем сильнее, что снег обыкновенно лежит под очень большим уклоном к вырывающимся из-под него волнам бушующей реки, и что скользкая поверхность снега кажется очень неудобною и опасною для движения. Я снял фотографию такого снежного моста во время нашего перехода.

*Дневник экспедиции
28 июня 1889 г.*

Фотодокументи 7

Фотодокумент 7

**Перевал Гардани-Кафтар
(голубиная шея) на хребте
Петра Великого. № 25.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Перед перевалом Гардани-Кафтар
(Голубиная шея), к югу от дороги –
громадный ледник, дающий начало
р. Сурх-Обак. Подступы к перевалу
завалены больше чем на 3½ в. снегом.*

*Эти три версты мы подымались
1½ часа, так как крутизна
и редкий воздух заставляли каждый
десяток шагов давать
лошадям вздохнуть. Взятые
с собою лопаты вновь пригодились.*

*Дневник экспедиции
29 июня 1889 г.*

5 ИЮЛЯ 1889 Г.

Среда 5/17 Июля.

Сегодня переход до столицы Дарваза – Кала-и-Хум. Дорога пролегает по ущелью реки Хум-Об, которая на всем протяжении непроходима в брод и во многих местах проходит среди громадных валунов, затрудняющих движение вьюков, по крутым и высоким карнизам, где разъехаться очень трудно. Между сел. Гушан и Кала-и-Хумом 8 мостов, из коих все очень легко могут быть уничтожены местными жителями, причем восстановление их, вследствие недостатка лесного материала затруднительно. Поэтому лучше всего идти по одному или по обоим берегам реки, прокладывая и расчищая себе дорогу.

Река Хум-Об во многих местах течет пологими водопадами, бешено перепрыгивая через валуны и камни. Некоторые селения раскинуты особенно живописно по высоким склонам гор, как напр. селение X[...] близ урочища Кафтар хана. Урочище это представляет узкое ущелье с отвесными боками. Урочище это, между прочим, замечательно тем, что горцы, пользуясь неприступностью места, укрепились здесь, предполагая задержать Бухарские войска, но те прошли по верху гор и, благополучно обойдя завалы, вышли в тыл горцам, которые бежали.

По мере движения вниз при селениях встречаются все больше и больше садов, преимущественно тутовых, ягоды которых составляют главное подспорье в пище местного населения. Тут, в смысле ягод, очень благодатное дерево. Фрукты поспевают быстро, значительно быстрее хлеба, и держатся очень долго. Тутовые ягоды сушатся, перемалываются и дают муку, которая употребляется в пищу.

Дарвазский Бек Махомет Мурат Бек-Бий-Датхо выслал на встречу нашу двух Ишиг-ага-Башия, которые в нескольких верстах от города встретили нас. В селениях, через которые мы проезжали, сады и крыши домов переполнены были женщинами и детьми, которые издали с любопытством осматривали наш кортеж. Городок Кала-и-Хум ничем не напоминает города. Это скорее деревня, да и то самых небольших размеров. Здесь стоит Бухарский гарнизон в 400 чел. пехоты при 2-х орудиях, под командою Сердаря (Бат. ком.) Абду-Кахар-Бека, другая половина расположена в Кулябе.

В городе все приготовлено было, чтобы произвести эффект. Издали уже виднелись красные куртки Бухарских сарбазов⁴⁵, перебегающие с одного места на другое. У моста, ведущего в город, стоял пост из 4 человек; 3 ружья составлены были в козлы; часовой ходил с ружьем перед мостом. Отсутствие палатки, или какого-либо прикрытия для караула при нестерпимой жаре и убийственных лучах солнца доказывали, что караул выставлен был по случаю моего приезда, тем не менее караул этот, как и все остальные в городе, оставались за все время моего пребывания.

Проезжая мимо караула, который выстроился впереди ружей, я видел, как солдаты тянули один другого за рукава, выравниваясь. Часовой взял на плечо. Проехав через мост, я поднялся в городок. Это бывшее старинное укрепление.

⁴⁵ Сарбаз – здесь в смысле бухарский пехотинец.

Тут вправо от дороги на улице лежит старинная, громадных размеров, каменная урна или ваза (хум), в настоящее время разбитая, попорченная землею и служащая сиденьем для караульного солдата. Один кусок от этой вазы вставлен в забор слева от дороги. Назначение этой вазы в древнее время, а также происхождение ее местным жителям не известно. На вазе никаких надписей или рисунков нами не усмотрено. Ваза, или урна эта – Хум – дала название самому городу. Кала – крепость, хум – ваза, горшок больших размеров, урна и т.д. Очень может быть, что в местности эти, до завоевания их арабами, распространителями мусульманства, проник сюда буддизм или браманизм, и что урна эта служила для сжигания тел. Это впрочем личная моя догадка, а в преданьях местных жителей никаких сведений об этом не сохранилось.

Каменная урна в Кала-и-Хумб, которая, по словам Громбчевского, служила в домусульманские времена для жертвоприношения людей.

Следуя дальше по городу, мы заметили, что около квартиры Батальонного командира стоит пушка, а около нее унтер-офицерский караул. При нашем проезде караул выстроился, а часовой взял на плечо.

Следующий караул из 3 чел. солдат стоял у ворот помещения, где живет Бек Махомет Мурат.

Улицы наполнены были народом, который глазел на въезд наш в сопровождении свиты из местных чиновников.

Для нас отведено было помещение в самой урде, т.е. дворце Бека, в очень плохом садике на берегу р. Панджа, несколько выше впадения р. Хум-Оба. Помещение Бека – ветхое, грязное и очень бедное. Оно разнится от помещения жителей разве только своими размерами. Помещение это выстроено из камня и глины и носит на себе следы старинной постройки с нововведениями более цивилизованных бухарских чиновников. Так с северной стороны помещение заканчивается высокою старинною каменною башней с бойницами, а с западной части уже выстроена на месте башни беседка с видом на Пяндж и Хум-Оба, и часть помещения переделана для жилья бухарского Тина.

Вскоре после нашего приезда нас посетил Махомет Мурат Бек (Правитель Дарваза), а также Бат. Ком. Абду-Кахар-Бек, с ротными командирами, в сопровождении сигнальщиков, адъютанта и т.д.

После приветствий, расспросов о здоровье, благодарностей за оказанное содействие и т.д., подали неизбежный достархан, т.е. угощение, из мяса, фруктов и кое-каких сластей – и мы распростились.

Перед вечером за забором, отделяющим наш садик от улицы, мы услышали звуки бухарской военной музыки, состоящей из флейт, кларнетов и громадных размеров турецкого барабана. Ежеминутно раздавались пронзительные звуки сигнальных рожков. Оказалось, что это Бат. Команд. производит ученье 2 ротам местного гарнизона, причем приставленный к нам чиновник предупредительно заявил, что ученья производятся ежедневно по два раза, за исключением пятниц.

После ученья к нам вновь зашли Мах. Мурат Бек, Абду Кахар Бек и др. Я приказал угостить их чаем и обедом, который исстари был готов и воспользовался удобным моментом, чтобы спросить о положении дел в Шугнани и соседнем Бадахшане. Оба чиновника поспешили меня заверить, что они больше 4 месяцев никаких сведений из этих стран не имеют и что они ничего сообщить мне не могут.

Зная достоверно, что Махомет Мурат Бек находится в постоянной переписке с Ак-Бар-Ша, что он дней 12 тому назад отправил письмо к нему и еще не получил на него ответа, что дней 5 тому назад, узнав о моем намерении направиться в Шугнан, он немедленно послал другое письмо к Ак-Бар-Ша, и что в данный момент, т.е. вчера прибыл в Кала-и-Хум посланец от Ак-Бар-Ша, привезший письмо, подарки и пленных афганцев, а также, что пленных афганцев за час до моего вступления в Кала-и-Хум Махомет Мурат Бек отправил куда-то вниз по Пянджу, а посланец Ак-Бар-Ша находится еще в Кала-и-Хум, я счел нужным без обиняков выложить перед удивленными чиновниками все добытые мною сведения, причем попрекнул их во лжи и выразил удивление, что люди, служащие дружественно расположенному к России Эмиру, скрывают от меня сведения, имеющие первостепенное значение и могущие повлиять на выбор пути.

Смущению чиновников не было пределов. Они подтвердили все вышеизложенное, причем добавили, что Бухарский Эмир, по просьбе их, выдал ярлык на управление Шугнаною Ак-Бар-Ша; что последний два, три раза посылал донесение Эмиру и небольшие подарки, но за последние 2-3 месяца писать перестал, что поставило их, т.е. чиновников, в неловкое положение перед эмиром и вызвало усиленную посылку туда людей, но ответа от Ак-Бар-Ша они будто бы не имеют. Посланец из Шугнана будто бы привез письмо, только от Тимер-Ша, Правителя Рушана и родного брата Ак-Бар-Ша. Афганцы, присланные сюда из Шугнана были немедленно освобождены и отправлены в Куляб для следования на родину. Они захвачены были в Зебаке и Ишкашине, куда Ак-Бар-Ша пробрался с 200 чел. и захватил оба города, но удержаться не успел, так как подоспел туда отряд афганцев и вынудил Ак-Бар-Ша поспешно отступить в Шугнан. Ваханом управляет наместник из Ваханцев, назначенный афганцами. Афганцев там нет.

Али Мордом Ша бежал в Чатрар. По р. Рох, за Куерским перевалом, в крепости Яван стоит отряд афганцев из 700 человек. Отряд этот впрочем находится в постоянном передвижении, так как Насрулл-Бек, Миры-Вали и Шо-и-алям, дети Мир Шидждара, двоюродного брата Джандар Ша Бадахшанского, а также Богодур-Хан и Мусса-Хан, дети Мир-Комяна Бека Рохского, ведут партизанскую войну против Афганцев. Этим между прочим они объяснили и не занятие до настоящего времени Шугнана.

Я предполагал пойти вверх по р. Куф до озера Шива и оттуда на Кала-и-Бар Пяндж, но Бухарцы отсоветовали, говоря, что Шива занята афганцами, которые дальше не пропустят.

Желая выяснить окончательно на сколько верны мои сведения относительно получения Мах. Мурат Бекон письма от Ак-Бар-Ша я потребовал, чтобы посланец его был немедленно доставлен ко мне для личного опроса. Бухарцы отговорились невозможностью разыскать его вечером, обещая представить завтра. Нет сомнения, за ночь они подучат, что посланцу говорить.

Во время разговора со мною Ком. Бат. приказал ударить зарю, а вслед за сим отдал дежурному по караулу по секрету парольное приказание. Все это делалось торжественно, с целью обратить мое внимание на то, как строго исполняются обязанности караульной службы в Бухаре. При этом начальник гарнизона, как бы предупреждая меня, сказал, что даже его арестуют ночью, если он не скажет отзыва на оклик часового.

Духота здесь невозможная. В 9 ч. вечера температура показывает +30.5С. После заката солнца от реки поднялся ветерок, но раскаленные скалы сделали этот воздух таким горячим и сухим, что выносить его крайне трудно. Днем нас преследовали мириады самых назойливых мух. От жары, духоты и мух – работать невозможно. Все черно от мух; то и делаешь, что веткой обгоняешься. Вечером явились комары и мошки. Миленькая страна! От жары и горячего ветру все мы больны головною болью.

6 июля 1889 г.

Четверг 6/18 Июля.

Дневка в Кала-и-Хум.
Ввиду необходимости починиться, подковать лошадей и обменять некоторых, решил остановиться в Кала-и-Хум дня на три.

Сегодня утром на улице под садиком, где наш лагерь, снова выведены были солдаты. Командир Батальона прислал мне сказать, не желаю-ли я посмотреть ученье. Выехав, я застал около 360 чел. в строю при двух значках и хоре музыкантов. Люди одеты были в красные старые куртки, чембары, высокие сапоги и круглые барашковые шапки. Вооружены ударными ружьями с приткнутыми штыками, ун. оф. в белые бешметы, Ротные Командиры – один в красном полукафтани с беглыми Ш. офиц. эполетами и двумя звездами на груди, другой – в черный полукафтан, покромом похожий на сюртук с генеральскими погонами.

Оба при шашках. Командир батальона в богатом малиновом полукафтани, богато вышитым серебряными галунами, в поясе малиновом с золотыми бляхами и в бобровой шапке с парчовым верхом с палочкою в руках. При нем два сигналиста, два адъютанта с палочками в форме и один проходимец в чалме, ситцевом халате и калошах на босую ногу.

Батальон сделал несколько построений из колонн по отделениям и обратно, прошли мимо меня очень вольным шагом и с песнями, причем пели все солдаты без исключения. Затем батальон выстроился, взяли на плечо, на караул, музыка сыграла «под знамена», значки склонились, а Командир взял под козырек и стоял пока не окончит играть музыка, отдавая мне честь.

Предполагая, что ученье окончено, я сошел с лошади и попросил проделать ружейные приемы. Это выполнено было охотно. Приемы были проделаны по разделениям, причем счет произносился вслух. Во время построений музыка играла все время чрезвычайно медленный и заунывный мотив, несколько напоминающий марш. По окончании приемов я попросил дать батальону оправиться. Последовала команда: «садись» – батальон сел на корточки, не исключая офицеров. Команды произносились все время по-русски, за исключением некоторых построений и поворотов, делаемых по сигналам.

Поблагодарив Командира Батальона за доставленное мне удовольствие и похвалив, как солдат, так и офицеров, я отпустил по 10 коп. на каждого бывшего в строю солдата и уехал домой.

Впечатление для бухарских войск – самое невыгодное: вид у людей больной, изможденный. Возраст от седобородых стариков до 14-летних детей. Дисципли-

Офицер бухарской пехоты в Дарвазе.

ны и строя в строгом значении этого слова нет. Словом все это напомнило мне скорее ученье деревенских мальчишек, чем ученье солдат. Да и неудивительно; на вопрос мой, давно-ли Командир Батальона служит в армии, он ответил, что только 14 месяцев и то в должности Командира Батальона. Раньше он занимал должность Михмандора, т.е. угощающего гостей при дворе Эмира, а потом состоял при нашем Политическом Агенте г. Чарыкове, и до получения Батальона с армией сношений не имел.

Солдаты, кроме оружия и одежды, получают по 6 руб. в месяц на продовольствие и готовят все артелями⁴⁶ по 10 чел.

После ученья зашли ко мне Бек и Команд. Батальона, принесли письмо Тимер Ша и привели человека, привезшего письмо, который, конечно, подтвердил, что он привез только одно письмо.

Затем Бек заявил, что вверх по Панджу дорогу снесло водою и что сообщения с Ванчем нет, когда же я категорически потребовал исправления дороги, то Бек ответил, что можно будет проехать в обход через один из перевалов. Затем я отдал визит Беку, который принял меня в огромном и прекрасном саду с роскошными фруктовыми и чинаровыми деревьями. Сад этот расположен с восточной стороны Бековского дома, тоже на берегу Панджа.

Подали неизбежный дастархан, во время которого внимание наше привлечено было криками с реки. Оказалось, что Бек, чтобы нас позабавить, приказал пловцам на турсуках проплыть вниз по течению реки. Турсуки – это бараны, козы или телячьи меха, наполненные воздухом, на которых сидели пловцы. Такой способ переезда одиночных людей в большом здесь употреблении. Для перевозки хлеба, товаров и др. тяжелых вещей из турсуков составляются плоты, на которых делается деревянная настилка: плоты эти доставляются пловцами, которые отталкиваются от камней и т.д. Впрочем для переправы выбираются в большинстве места ровные и безопасные.

Через Пандж зимою бродов нет, но через Хум-Об существует во многих местах.

Выпив по чашке чаю, мы вернулись восвояси, где от Шугнанца, привезшего письмо, я узнал, что брат освобожденного нами шугнанца Масто́на продан был Ак-Бар-Ша киргизам Памира, которые, соблазнившись обещаниями дорогого выкупа, отправили его в Ишкашим, где начальник города, афганец, выкупил его. Тогда Ходжа написал письмо Ак-Бар-Ша, требуя выдачи жены своей и угрожая явиться в Кала-и-Бар-Пандж с афганцами. Письмо было написано так резко, что Ак-Бар-Ша не стерпел. Он собрал отряд в 200 коней и напал на Ишкашим и Зебак, захватив не только Ходжу, но и афганцев начальников этих городов. Затем Ак-Бар-Ша приказал связать Ходжу по рукам и ногам и бросить в воду, а афганцев отправил дальше в Дарваз. Афганцы Зебак и Ишкашим отобрали обратно.

Наш Масто́н, узнав об участии брата, просил меня не везти его в Шугнан, а отпустить к афганцам в Бадахшан. Так как наш путь лежит через Ишкашим и Зебак, занятые афганцами, и раньше или позже нам придется встретиться с ними, то я решил воспользоваться Масто́ном, и через него написать письмо к старшим

⁴⁶ Артель – тип производственного кооператива функционирующего в Российской империи.

властям афганским в Бадахшан с просьбой пропустить меня через Ишкашим, Зebak и Муджан в Кафиристан. На решение мое кроме того повлияло еще и то обстоятельство, что афганские власти в Бадахшане о проезде моем должны узнать как от отправленных туда из Кала-и-Хума афганцев, так равно и от Шугнанцев, которые не преминут воспользоваться моим проездом для своих целей. Слухи эти, нет сомнения, будут превратны, следовательно, не имея возможности проехать скрытно от афганцев, я решил сообщить им о моих целях лично и письмо это переслать через человека, преданного афганцам и обязанного мне, который мог-бы передать обо мне им истинные сведения. Таким подходящим лицом оказывается Мاستон.

По р. Яу-Гулан живет народ, говорящий на совершенно отдельном наречии, не имеющем сходства ни с персидским в Дарвазе, ни с Шугнанским, ни с Ваханским, ни с Киргизским.

Духота невыносимая +31.5С. в 9 ч. в. Ветер – как из разогретой печи. Мошки, мухи и комары – по вчерашнему.

7 июля 1889 г.

Пятница 7/19.

Произвожу определение широты; лошадей куем, чинимся, закупаем горную обувь и т.д. Бек и Ком. Баталиона не пришли осведомиться о нашем

Мир-Сиах-Баджир-Баша, главный бухарский таможенник в Дарвазе, пользующийся популярностью за чиновничью тщательность и вежливость, заядлый курильщик опиума.

благополучии ни вчера вечером, ни сегодня. Это тем противнее этикету, что мы помещены Бемом в том-же доме, где он сам живет.

Пишу письма для отправления в Бухару.

Русские, едущие сзади, оказались Армянами, ищущими ореховых наплывов. Я предложил им ехать вместе, под охраною моего маленького конвоя.

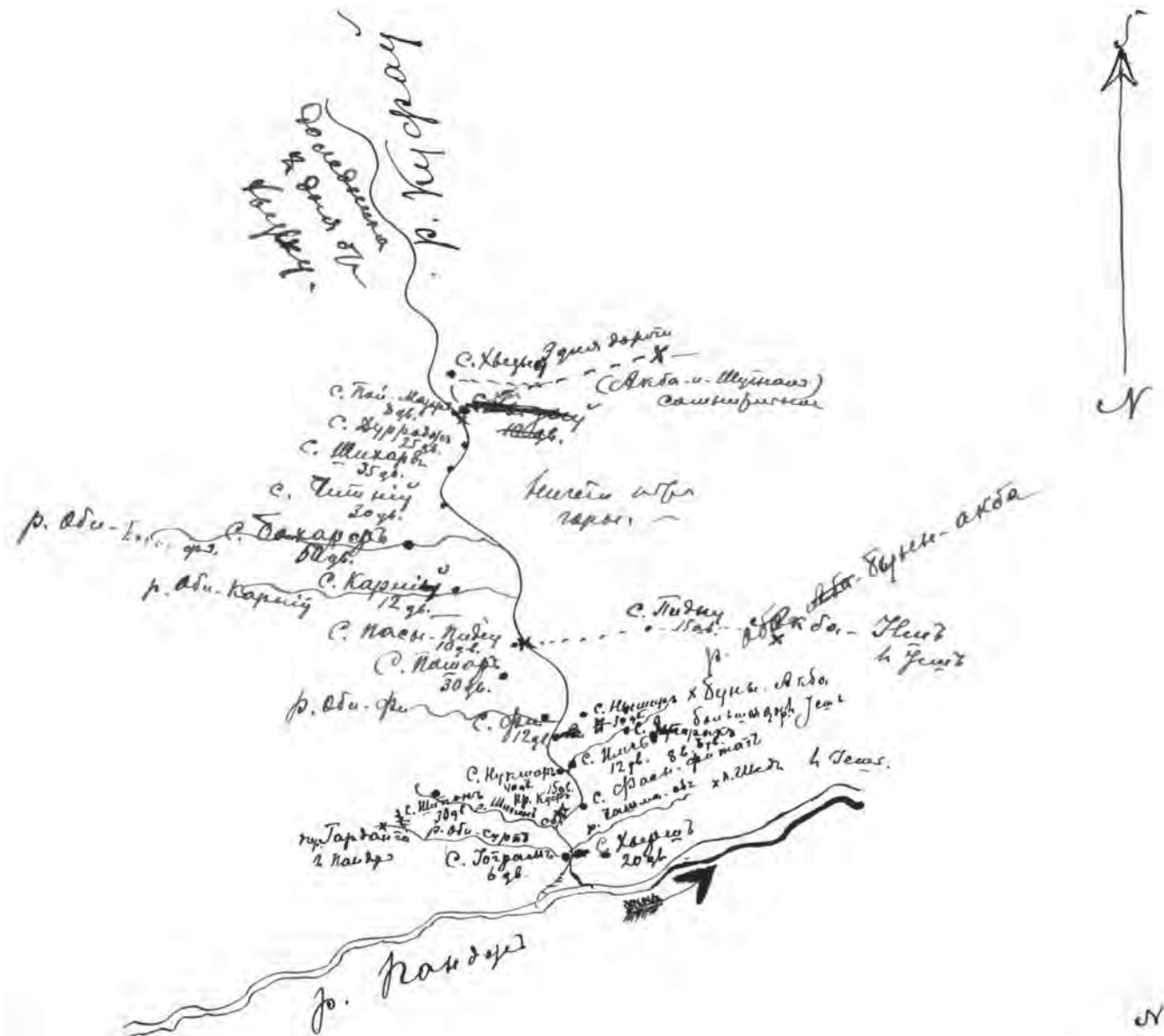
Вечером зашли оба представителя власти. Показывал им некоторые инструменты.

8 июля 1889 г.

Суббота 8/20.

Только что получил сведения, что афганцы двинулись на Шугнан. 1/т. их заняла Горан, а другая тысяча спустилась с озера Шива. Они остановились в одном дне хода от Кала-и-Бар-Панджа. Это следовало ожидать от неосмотрительных действий Ак-Бар-Ша. В Шугнанае общее бегство. Наш хозяин по обыкновению молчит.

Сведения о Куфе.

Речка Куфау впадает в Пяндж

Перед вечером пришли Беки и подтвердили сведения о движении афганцев. Сведения эти крайне встревожили меня, так как если Афганцы успеют захватить Рошан, то у меня не будет дороги даже на Памиры. Вызванные люди из Ягуляна и Ванча подтвердили, что другой дороги, кроме как через Рошан мимо крепости Паш-Кургана – нет.

Солдаты в самой Бухаре получают 20 т. в месяц и одежду, а в командировке 35 т.

Ун. Офицеры – тоже, но одежду лучшего качества.

Офиц. получают в Бухаре 40, а в ком. 60 рублей в месяц и сарп.

Ком. Батал. 12/т. тенег, а в ком. 15/т. тенег и сарп 2 раза в год.

Скверный обычай у офицеров собирать с солдат по 2–3 коп. в месяц при выдаче жалованья, что составит также около 10 рублей в месяц.

Чрезвычайно интересное сведение: в Дарвазе, Кулябе и Бальдустане в повсеместном употреблении медные старинные русские копейки с 1750 годов. Деньги эти в других ханствах восточной Бухары не известны и не в употреблении. Население не верит, что деньги эти русские, а не оставшиеся после Чингиз-Хана. Деньги эти носят общее название «пайса», в частности-же разделяются на «Назар-Бай; Ходжи Кабири и т.д.»

В местности Сафы Дашт в древности производились большие раскопки золота, равно как и по р. Як-су в Бальд[...]ском Бекстве. Население приписывает раскопки эти Чингиз-Хану и связывает богатство его с богатствами копей.

Еще сведение: в Дарвазе и окрестных ханствах в большом употреблении наша литовская «брюква». Её сеют, листья употребляют в суп, пока молоды, а потом плоды. Из бобов и тута делают муку. Из муки бобов делают подболтку или хлеб. Тутовую муку едят так без воды и приготовления ее.

9 ИЮЛЯ 1889 Г.

Воскресенье 9/21 Июля.

Целый день занят был писанием писем и отправлением почты в Бухару, в Политическое Агентство.

10 ИЮЛЯ 1889 Г.

Понедельник 10/22.

Писал письма. Ковали лошадей и т.д. Новостей со стороны Шугнана много: Афганцы охватили Кала-и-Бар-Пандж со всех сторон. 2000 при 6 орудиях спустилось с оз. Шива, 2/т. при 4 орудиях спустилось со стороны Горана, а 2/т. при двух орудиях захватили р. Шах-Дару и Гу, куда Ак-Бар-Ша отправил

жену, детей и имущество свое, предполагая бежать по-видимому в Кашгарию. Таким образом – пути отступления отрезаны.

Афганцы написали письмо к жителям Шугнана, требуя выдачи Ак-Бар-Ша непременно живым и угрожая в противном случае общим истреблением населения. Нет сомнения, если Шугнанцы выдадут Ак-Бар-Ша, его постигнет участь Юсуф-Али-Ша⁴⁷.

Если сведения эти справедливы, то положение мое критическое. По сведениям, добытым здесь, ни из Ванча, ни из Язгуляма, находящихся в пределах Бухары – нет дороги на Памиры, а из Язгуляма с большим трудом можно только перебраться на Бартанг, и то ниже кр. Таш-Кургана. Так что если афганцы успеют захватить Рошан в свои руки, то я буду отрезан от Памиров. Тем не менее доверять сведениям туземцев издали – невысказано, и я решил идти до того места, пока не буду остановлен афганцами. В крайнем случае пойду вверх по Ванчу или через перевал Сарги спущусь на Мук-су, или же через перевал Сытарги выйду в верхнюю Вахию. Сегодня приготовил 27 писем.

11 ИЮЛЯ 1889 Г.

Вторник 11/23 Июля.

Сегодня опять не выступил потому, что мастера не успели закончить деревянный остов палатки, а без палатки на Памиры идти невысказано.

Сегодня утром отправил следующие подарки: Беку – ружье – 100 патронов; Бат. ком. – револьвер – 50 патронов, сыну его охотничий нож; эсаул Башии – шелковый халат, Диван-Бегии – суконный, службе – деньгами.

Вечером пришли Беки проститься и пожелать счастливого пути. Новостей со стороны Шугнана нет. Сегодня я употребил астрономическую трубу для наблюдения за тем, что делается внутри домов. Наблюдения производились с беседки и дали поразительные результаты, хотя дома и сады, за которыми наблюдал, расположены очень далеко и никак не меньше версты. Труба приближала настолько, что не только можно-было рассмотреть черты лица в несколько большем чем в действительности размере со всею мельчайшею подробностью, но можно-было уловить каждый взгляд и даже по движению губ приблизительно определить, о чем говорят.

Дарвазские женщины не закрываются между своими, но от нас бежали и тщательно закрывались. Я пытался было снять фотографию и предлагал по 1 рублю, но желающих не нашлось. Это не стыдливость, а боязнь насмешки, что снималась перед Кафирами, а также предубеждение, что вместе с фотографией снимающий

⁴⁷ О его судьбе Громбчевский вспомнил в своей лекции, которую он читал в Генштабе после возвращения из экспедиции: «Так например: правитель Шугнана Юсуф-Али-хан казнен был эмиром Абдурахман-ханом за гостеприимство, оказанное им русскому путешественнику доктору Регелю». (цит.: Доклад подполковника Громбчевского, читанный в Николаевской Академии Генерального Штаба 14 марта 1891 г.).

завладевает и душой снявшегося. Откуда такое мнение – един Бог ведает, но оно так же распространено, как и убеждение мусульманских женщин вообще, что на страшном суде они явятся непременно с тем, кто их лишил невинности. Оттуда столько обманов, что девушки, проданные русским, почти всегда не невинны, а передаются русским немедленно после первого совокупления с правоверным. Это нежелание предстать на страшном суде с кафиром.

От предубеждения по отношению фотографии не свободен сам Бек Дарвазский, который, под различными предлогами, что он не одет и т.д., так и не снялся!

Женщины в Дарвазе отличаются безнравственностью. Они спят на крышах и отдают чрезвычайно легко и за самый ничтожный подарок, а чаще всего за обещание подарка.

О Кала-и-Хум говорить нечего: здесь стоит 400 чел. солдат бухарских, которые должны были развратить население окончательно. Сегодня, наблюдая в трубу, я видел, как женщина молодая и очень красивая отдалась соседу в течение 15 минутного отсутствия мужа. По-видимому это старая связь.

По рассказу Бека и старожиллов, в Дарвазе сифилис поголовный. Воображаю, как себя чувствует здесь Бухарский гарнизон при отсутствии докторов и узаконенный шариадом стыдливости мусульман по отношению к половым органам.

Женщины в Дарвазе бледные, со строгим матовым лицом и большими черными глазами. Тип очень красивый (или может быть мне так показалось после полуторамесячного скитанья), но невозможно грязны. Не проходит секунды, чтобы они не почесались. Да оно и понятно, так как здесь белье мыть не в обычае, а оно носится, пока с плеч не свалится. Сегодня видел женщину, которая сидела на берегу реки с грудным ребенком на коленях, а другого мыла. Это прототип мадонны. Более красивых, правильных черт лица трудно подыскать, но выражение лица поразительно скорбящее-строгое. Дети грязные и с вздутыми животами, что следует приписать скудному питанию, преимущественно тутовыми ягодами. Вообще замечательно приятно наблюдать за отправлениями жизни чужой, если семья не знает, что за ними наблюдают. Мы ознакомились со всем околотком и знали, кто муж, кто любовник, кто знакомый и кто родственник.

Болезней здесь масса: особенно много сифилиса, глазных болезней и кожных. Глазные болезни развиваются от жары и пыли. По берегу Панджа много песку, который раздувается ветром. Сегодня привели мальчика, у которого ночью на спине выскочил нарыв. Вся спина от шеи до поясницы красная и сильно распухла. Мальчик, лет 15, кричит от боли, а помочь нечем. Думаю, что это карбункул. Вырезать не решился, а приказал смазывать маслом.

Сегодня безо всякой по-видимому причины, по 2-3 часах страданья, сдохла лошадь. Ее прирезали мертвую, чтобы «очистить» и сделать годною, согласно исариата, для еды. Через $\frac{1}{4}$ часа шкура была снята, мясо, как коршуны, растащили Кала-и-Хумцы и даже земля окровавленная была уложена на носилки и вынесена из сада. Лошади как-бы никогда не существовало, а подъемная сила экспедиции уменьшилась еще на одно животное.

Неудивительно, что дети болеют глазами. Сегодня, гуляя по берегу Панджа, видел 2-х детей спящих на песке и буквально до половины засыпанных прибрежным речным ветром. Дети – замечательные пловцы. Сегодня их целая дюжи-

на бросилась в воду и, несмотря на быстроту течения, сносившего быстро вниз и ширину реки, переплыли на тот берег, а затем, отогревшись, переплыли обратно. И все это, чтобы потешить меня и свиту и заработать на чай.

12 ИЮЛЯ 1889 Г.

Среда 12/24 Июля.

Наконец палатка была готова и я мог сегодня двинуться дальше. Переход небольшой – 25 верст до селения Джорф, но утомительный вследствие необыкновенно жаркого дня и 2-х перевалов. Лошади от изнеможения падали под вьюком.

Дорога идет все время по правому берегу р. Панджа, который катит свои мутные воды с необыкновенною быстротой. По количеству воды – это могла-бы быть славная река, но фарватер замечательно извилистый и главная струя часто ударяется о береговые скалы, что весьма опасно при необыкновенной быстроте течения. Разве придумать лодки с длинными рулями, очень поворотливые? Порогов на сегодняшнем переходе нет, если не считать незначительного близ селения Киврон.

Дорога идет широким, прекрасно разработанным карнизом, частью высеченным в скале. Это памятник, оставленный прежними владельцами Дарваза, невольно обращающий на себя внимание и даже могущий удивить каждого, кто вспомнит, что здесь работают совершенно примитивными, первобытными инструментами. Дорогу эту надо признать вполне удобною, несмотря на то, что за все время владычества здесь Бухары она не ремонтировалась. Бухарские Беки смотрят на свое пребывание в стране со стороны чиновничьей и не заботятся о поддержании столь важной отрасли, как пути сообщения. Лучшим доказательством сказанного может служить то, что 3 г. тому назад капит. Покатило⁴⁸ не мог пройти вверх по Панджу, потому что дорога была неисправна. Из расспросов выяснилось, что это в том-же самом месте, про которое мне говорили, только Кап. Покатило сказали, что дорогу водою снесло, а мне – что землетрясением. В действительности-же дорогу испортили лет 8 тому назад Дарвазские Ша, убегая из страны перед погоней Бухарцев и так она не починенною осталась.

Долина Дарваза напоминает мне очень долину Канджута – только в больших размерах, богаче и роскошнее. Тот-же способ постройки укреплений, сушения всего на солнце и т.д.

Сегодня на дороге видел очень много гранатных кустов и целых деревьев винной ягоды; кусты эти, равно как и виноград на зиму не закрываются, а послед-

⁴⁸ Василий Иванович Покотило (1856–1919) – русский офицер, позже генерал, который в 1886 году осуществил новаторскую экспедицию в восточные бекства Бухары. Два года спустя он опубликовал работу в Ташкенте (В.И. Покотило, генерального штаба капитан, *Отчёт о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 году генерального штаба капитана Покотило*, Ташкент 1888), которую Громбчевский тщательно изучил и взял с собой в экспедицию.

ний растёт без ухода и или стелется по земле, или же, пристроившись к тутовому дереву, вьётся до самой верхушки его, откуда виднеются роскошные кисти его. Сливы здесь очень хорошие; абрикосы в нынешнем году плохие, паршивые. Яблоки видели только маленькие, сладковатые, невкусные. Вишен и огурцов много. Но больше всего хлопка с изредка рассажённым высоким масленичным растением, по листу напоминающим *Ricin*⁴⁹, из семян которого, облепляя на палку, население делает освещение.

В попутных селениях меня поразило, что большинство домов имеет над земляною крышею другую, высокую, остроконечную, двухскатную, покрытую очень тонким слоем соломы. Оказалось, что местное население проводит большую часть суток на крыше дома и вторая крыша служит как-бы палаткой. По берегу речек и над речками, устроены крошечные мосты, огороженные сухим хворостом: здесь, совсем на улице и на большой дороге, спят на виду у прохожих семьи, спасаясь над водою от томящей духоты. Жара здесь очень сильна: мужчины и женщины ходят в белых матовых рубашках и таких же штанах. Мата очень редкая и грубая, местная, стоит 40 коп. 8 арш. Женщины на голове носят белые косынки из маты или кисеи, а мужчины красные тюбетейки и кто имеет чалму. На ногах – чарыки. Это мягкая обувь без каблуков, чрезвычайно удобная для гор и легкая. Халаты носят шерстяные или ситцевые, преимущественно красные, русского кумачу или ситцу.

Недалеко от нашего ночлега на верховьях речки Оби-Даргобы – речка продырявила скалу и, пробив дыру высотой около 1 ½ саж. течет через хребет. К сожалению, политические события не позволяют мне остановиться здесь лишний день и осмотреть.

По дороге мы видели массу женщин и детей, собирающих тутовые ягоды. Я пробовал размятую тутовую ягоду с миндалем или ядрышком абрикоса – не дурно. Это любимая сладость местных жителей.

Девушки отдаются замуж очень рано, 3-7 лет, причем здесь так-же, как и в Канджуте, родные мужа, или муж, увозят девушку домой и воспитывают сами до возмужалости. Обыкновенный калим, т.е. плата за жену, следующая: 1 лошадь, 1 корова или бык, 2 казана, 2 ружья, 2 кус. маты, 1 кошма, 1 одеяло, 1 одежда (сарпон) с ног до головы, 30 тюбетеек пшеницы и 2 кус. алачи⁵⁰. Если жена разводится с мужем, то возвращает весь калим сполна, сколько бы она ни жила с мужем, причем дети – и девочки, и мальчики – остаются отцу.

Мертвых здесь почитают меньше, чем в других мусульманских странах. Кладбища неопрятны, в стороне, на пустырях, не огорожены, без надгробных камней или построек и часто на местах, заливаемых водою.

В сел. Киврон встретили нас дети Мир Сеид Бека, очень влиятельного Дарвазца, которому Эмир, чтобы привлечь на свою сторону, дал в полное владение (танхо) 3 селения. Это очень интересный первоначальный вид закрепощения. Вотчинники платят все, что с них следует, помещику и обязаны известное коли-

⁴⁹ Рицин – клещевина (*Ricinus communis* L.), из семени которой получают между прочим касторовое масло.

⁵⁰ Алача – вид шелковой ткани.

чество дней отработать. Танхо существует и в остальной Бухаре; интересно проследить, существует ли там барщина.

Мир Сеид Бек пожалован в Би, а дети его в придворные должности. Бухарцы больше надеются на деньги и почести, чем на силу своих штыков.

Сегодня наш старый верный пес не вынес жары и бросил нас. Матвеев упустил в реку последнее парусинное пальто.

Нашли несколько сортов очень интересных жуков.

По дороге в сел. Киврон видел чинар 30 арш. в обхвате.

13 ИЮЛЯ 1889 Г.

Четверг 13/25 Июля.

Переход очень небольшой – 14 верст до сел. Тогмай, вследствие необходимости перенести вьюки на руках через один карниз (см. маршрутное описание стр. 27)⁵¹.

Характер пройденной местности совершенно сходен с предыдущим переходом.

В сел. Вушхарф поразительно много гранатных кустов, которые растут без призора на самых неудобных каменистых местах или на меже – между полями. Некоторые из них достигают громадных размеров и высоты 2-3 сажен, а винная ягода – это целое дерево. Тем не менее фрукты этих деревьев не так сладки, как в Фергане, и маленькие. Иначе впрочем и быть не может при отсутствии присмотра и удобрения.

Сегодня под вьючную лошадью с ситцами и постелью провалился карниз. Лошадь поддержал за хвост шедший сзади джигит Сафар, но от усилия сам потерял равновесие и упал в воду. К счастью не потерялся и в $\frac{1}{4}$ в. дальше выплыл. Все это происходило на наших глазах и эти $\frac{1}{4}$ часа мы пробыли в смертельной тревоге.

Дарвазский Бек уже два раза покойным Эмиром лишился должности, причем все его имущество отбиралось в казну. Продано было даже по наследству доставшееся ему земельное имущество в Карши. Последний раз Мах. Мурат Бек сидел в заточении в Кала-и-Хум в течение почти 3 лет. Семья его жила в Бухаре, а сам он получал все от Бека, занявшего его место. Интересно, что почти все высшие Бухарские чиновники за время службы своей по два-три раза теряют все свое достояние и вновь наживаются. Бухарское Правительство, назначая на должности Беков, уподобляется гуртовщикам, откармливающим скотину, чтобы лучше продать ее. Как только Бек наживается, то пользуется малейшим предлогом и даже безымянным прошением, чтобы отобрать все имущество в казну. Многие высшие сановники погибают лютой смертью. И все таки честолюбие и желание попользоваться жизнью, хотя-бы в течение 2-3 лет, заставляет многих добиваться места.

⁵¹ Громбчевский, вероятно, имел в виду «короткий, но очень неприятный» марш 20 июня 1889 года до зимовки Муйнак. В оригинальном *Дневнике* описание маршрута находится, однако, на странице 17, а не 27, как путешественник написал.

Дарвазский Бек в казну ничего не вносит, а ежегодно едет на поклон Эмиру во время пребывания его в Шахри-сабзе и подносит шортук, состоящий из 7 лошадей и 7 бохча (т.е. связки 9 халатов).

Лошади под наборными седлами. Сам он получает при этом лошадь с набором и сарпон, т.е. одежду с ног до головы. Кроме того свита его получает одежду по чину.

При Эмире состоят два удайчие, при больших беках и принцах крови по два Эсаул-Башии, а при маленьких беках – по одному. Обязанности их – докладывать о всех жалобах, представляющихся и т.д.

В с. Тогмае видел громадных размеров веер, приводимый в движение водою. В обыкновенное туземное колесо вставлена высокая палка, а к ней привязаны 4 куса материи: колесо поворачивается водою и вертит вставленную в ось колеса палку с навязками, которые и производят на столько сильный ветер, что даже в полдень сидеть прохладно. Сооружение, стоящее грош, но очень остроумное.

Вечером здесь духота поистине невыносимая. Комары и мошки заедают. В доме, на дворе которого мы разбили свои палатки, целый день прожила, не выходя из комнаты, молодая женщина, а теперь она разрешилась от бремени. Я послал ей несколько аршин ситцу и немного серебряной монеты. Ее перевели под руки спать за $\frac{1}{4}$ версты.

Сегодня нашли два новых вида *Ciranix*.

14 ИЮЛЯ 1889 г.

Пятница 14/26.

Переход до селения Кырговат – 14 верст.

Переход небольшой, но утомительный, потому что на карнизе Овринги-Пиши-Моймай пришлось переносить вещи на руках. Это балконный карниз такой, обломав который и поставив за камнями 10 чел. со скорострельными винтовками – можно задержать целую армию, если эта армия не будет иметь лодочек для переправы на другой берег реки, чтобы выбить засевших. Переправа совсем не так трудная, как можно-было-бы предполагать. Сегодня в нашем присутствии из 10 чужаров (т.е. мехов больших, от коровы, лошади и т.д.) связан был плот (саль), на нем село 8 человек, с грузом пудов 20 пшеницы и в 5 минут были уже на том берегу; снесло но на протяжении около $\frac{3}{4}$ версты. Люди, сидящие на плоту, работали 7 лопатками. Сзади поплыл один человек на турсуке из обыкновенного барана. Турсук шит прочно, а в переднюю ногу вставлена деревянная втулка с дырочкою, через которую надувают втулку воздухом. Дырочка заткнута ватой. Пловец имеет турсук привязанным к левой руке, обхватывает его прочно коленками и плывет по течению, полулежа в воде и работая рукою и ногами, как веслом. Казалось-бы очень практичным надевать на ноги дощечки с шарнирами посередине, которые складывались-бы на ширину ступни, когда пловец притягивает ноги к себе, и раскрывались бы при отталкивании, представляя большой упор воде.

Сегодня просмотрел отчет кап. Покатило и не могу достаточно надивиться как неточности и неправдивости сообщений его относительно трудности дороги, так равно и относительно питания одним тутом без хлеба и мяса⁵².

Каждое селение по склонам горы имеет более или менее громадные посеы и если не мясо, чего нет и у русского крестьянина, то хлеб, молоко, болтушка⁵³, бобы, просо и т.д. найдутся повсеместно.

Сегодня разговорился с сопровождающим нас Мирахуром, природным дарвазцем, сыном Мир-Сеид-Бека. По словам его, Бухарцы заняли Дарваз, как вследствие несогласия между владетельными Ша, которые разделили между собою Дарваз на бекства, так равно и потому, что народ сам желал перемены правительства, так как терпел большие притеснения от Ша.

Дарваз, как при прежних владетелях, так и теперь делится на следующие Бекства: Хохан (Хылдыск) ½ Иша до пер. Хаус-Ша (Ишау), Куф (½ Иша, Куфау, Осиобы-Худоирак (пер. на Шиву) (сафид-хырс), Шикай (Кала-и-Джорф) (Фулак, Даргак, Муштыу (по одной речке), Рован, Арзынчг Кала-и-Джорф), Кала-и-Хум (от Паткинау до Пошхорф и Шуриан 500 дв.) Джавай (700 дв.) Моймай, Джомарч, Ванч и Язгулем, Вахия-и-Боле, Вахия-и-Поен, Чиль-дара, Сагры-Дашт.

В сел. Кырговаге имеется громадных размеров чинар, больше чем в сел. Киврон, близ мазара Шо-и-Сабзы-Пуш. Это место окружено отвесными скалами, из под которых выбивается родник, а сверху спускаются виноградные лозы.

В Дарвазе много лихорадок и никакого местного средства для лечения. Болеют по году и больше.

Всего в Дарвазе 12/т. дворов. Сбор в казну не одинаков. Напр. в бекстве Хохан с Хылдыска берется только 200 кусков (8 арш.) маты, а с целого округа еще 40 и 70 бос. пшеницы (деньгами) и 6 бос. хлопку. Местный Бек является весною и осенью на поклон Дарвазскому Беку, привозя с собою каждый раз на 200 тенег подарков (салёмы).

15 ИЮЛЯ 1889 Г.

Суббота 15/27.

Переход до селения Пишихарф – 24 версты.

Дорога очень трудная на протяжении около 6 верст выше селения Пошхарф, потому что в двух местах пролегает по карнизам, нависшим над рекою и на столько плотно прилегающим к скале, что вьюки пришлось переносить на руках.

Выше впадения реки Пишихарф дороги нет; по заявлению туземцев ее снесло землетрясением и вследствие половодья реки восстановить дорогу невозможно.

⁵² Сегодня мнения Громбчевского о неточности Покатило подтверждает таджикский историк С.С. Парпишоевич. (См.: С.С. Парпишоевич, *Вклад дореволюционных русских исследователей в изучение этнографии Горного Бадахшана (Памира)*, Душанбе 2015, докторская диссертация на правах рукописи, с. 61.).

⁵³ Болтушка – в этом случае простое блюдо, приготовленное из муки, кисель. Муку обжаривают с жиром, а затем растворяют в воде.

Для нас проложили дорогу через перевал, причем только для пешеходов. Вьюки придется пронести на руках.

Разработкой дороги заведовал Миры-Сеид-Бек, единственный знатный и влиятельный Дарвазец. Помощью его держатся Бухарцы в Дарвазе. Он встретил нас при повороте в ущелье реки Пишихарф, великолепно разодетый в бархатном малиновом халате и на лошади в парчовой попоне. Это очень умный старик, выдавший много, еще больше испытывший и хорошо знающий страну свою. Он меня положительно заверил, что из Язгуляма нет дороги на Памиры, т.е. есть, но только для пешеходов. Тоже самое немисливо пройти в это время года от Кала-и-Вамара вверх по Бартангу.

Эта дорога доступна только поздней осенью, когда вода окончательно спадает. Таким образом, если сведения его подтвердятся дальше, то для нас нет другого выхода, как или вверх по р. Панджу в Шугнан, или-же через Ванч в Вахию.

Я решил испить чашу до конца и пройти до Ванча.

Сегодня к вечеру проследовал к Дарвазскому Беку гонец от Ак-Бар-Ша, что он очистил Вахан и бежал в Кала-и-Ванар. По заявлению сведущих людей ввиду непроходимости Бартанга Ак-Бар-Ша не имеет другого выхода, кроме Дарваза, да и то, если не поторопится, то Афганцы могут ему отрезать путь отступления в Дарваз и тогда участь его будет решена. Все эти политические события, так исковеркавшие мои предположения, заставили меня испытать последнее средство. Я написал письмо к Афганскому военачальнику в Шугнан, в котором изложил положение дела, мою непричастность к событиям и цель путешествия и просил его пропустить меня вперед через Шикашим и Зебак в Кафиристан, или через оз. Шива и Кала-и-Бар-Пандж на Памиры. В заключение я просил его, если он сам не имеет возможности пропустить меня, испросить разрешения Эмира Абдрахмана и ответ прислать в Ванч. Письмо отправляю через Мастопа, на Кала-и-Хум, Куф и Шиву, так как Рошан занят пока Ак-Бар-Ша, который конечно никакого письма не пропустит. Мастопа подарил халат и денег на дорогу, обещав сто тенег за исполнение.

В Дарвазе засевают некоторые поля два раза, а именно поля после снятой пшеницы.

Сегодня по р. Панджу пронесло два человеческих тела; мы было думали, что это жертвы войны, но оказалось, что около Джумарча перевернуло водою плот и утонуло 7 чел.

У рыжей маленькой лошади распухло горло: ей прижигали снаружи раскаленным железом.

Сегодня получил почту из Маргелана от 21 Июня и сахар из Гарма, за который заплатил 4 рубля. Деревянный остов палатки не нашелся.

16 июля 1889 г.

Воскресенье 16/28.

Сегодня выступили в 4½ ч. утра и к 10½ ч. у. я поднялся на вершину перевала Акба-и-Узбай. Перевал, не смотря на разработку, невероятно

трудный. Подъем тянется на протяжении 6 верст, причем мы поднялись над селением Пишикарви на 1400 метров. Я поднимался одвуконь и слезал только в самых невозможных местах, вследствие болезни ноги. Все остальные, не исключая туземцев-горцев, подымались пешком. Вьюки переносились на руках, для чего нанято было 60 носильщиков. Для каждой лошади кроме того назначено по два пешех, которые поддерживали лошадей под уздцы и за хвост. Трудности подъема усилились еще страшной жарой и отсутствием воды на перевале. Собственно мы налегке поднялись счастливо до выступления солнца из за гор, так что горячие лучи его охватили нас только на вершине перевала и, тем не менее, некоторые люди экспедиции, сопровождавшие меня, выходили на верх в состоянии полного изнеможения. Первые вьюки поднялись на вершину перевала только в 2 ч. дня, а последние к 1 ч. ночи. При переноске вьюков надо-бы соблюсти, чтобы каждый весил не больше 2-2½ пудов, мои [...] весили от 3 до 3½ п. и хотя их назначено было по 2 человека, но они сильно запоздали.

Первую воду мы нашли на противоположной стороне перевала при начале спуска. Это ничтожный родничок, еле просачивающийся из земли и вероятно пересыхающий к концу лета.

Спуск с перевала страшно крутой на протяжении около 2-х верст, причем дорога идет зигзагами, расположенными один под другим, вследствие чего спускаться возможно только небольшими партиями и то с большою осторожностью, чтобы камни, сброшенные случайно идущими сзади, не повредили идущих ниже. Тут в глубоком ущелье к отвесной скале пристроены два-три загона для баранов, а из-под скалы просачивается родничок холодной и чистой как кристалл воды. Вода эта – спасенье для вынужденных подыматься летом на этот перевал. С вершины перевала открывается чудный вид на течение р. Панджа вплоть до Кала-и-Хума. Место, где построены загоны для баранов, носит название Ильга. Дальше опять очень трудный и неимоверно крутой спуск на дно другого глубокого ущелья Куня-тупхана (старая оборонительная башенка), причем дорога спускается также зигзагами, расположенными один под другим и очень опасными. Наконец до Уроч. Куня-Тупхана дорога проходит по карнизу узкому и прилепленному к нависшим скалам над р. Панджем на такой высоте, что эта большая река кажется маленькой ленточкой. Самые привычные нервы не выносят этого вида и поневоле сердце сжимается, хотя опасности нет никакой, так как карниз устроен прочно.

Из урочища Ильга я отправил на вершину перевала для казаков кислое молоко, хлеб и холодную воду, а из селения Узбой на подмогу носильщиков.

Я прибыл в селение Узбой только к 2 ч. пополудни; первые вьюки к 8 ч. вечера, за исключением легких, бывших с нами. Все мы чувствовали совершенную усталость. Лично я не от физического утомления, а от жары и сильного напряжения нервов. Я спускался верхом, причем за хвост моей лошади придерживал один горец. Конечно, эта помощь – это самообман нервов и если бы свалилась или спотыкнулась лошадь, то пешеходу все равно не удержать.

Фотодокумент 8

Фотодокумент 8

Правитель Дарваза. № 29. Путешествие Б.А. Громбчевского.

Последний раз Мах. Мурат Бек сидел в заточении в Кала-и-Хум в течение почти 3 лет. Семья его жила в Бухаре, а сам он получал все от Бека, занявшего его место.

Интересно, что почти все высшие Бухарские чиновники за время службы своей по два-три раза теряют все свое достояние и вновь наживаются. Бухарское Правительство, назначая на должности Беков, уподобляется гуртовщикам, откармливающим скотину, чтобы лучше продать ее.

Как только Бек наживается, то пользуется малейшим предложением и даже безмянным прошением, чтобы отобрать все имущество в казну. Многие высшие сановники погибают лютой смертью.

И все таки честолюбие и желание попользоваться жизнью, хотя-бы в течение 2-3 лет, заставляет многих добиваться места.

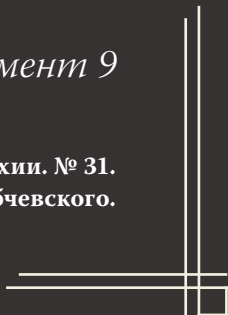
*Дневник экспедиции
5 июля 1889 г.*

Фотодокумент 9

Фотодокумент 9

Таджик Вахии. № 31.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

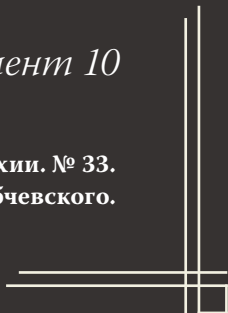

Фотодокумент 10

Фотодокумент 10

Таджик Вахии. № 33.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокументи II

Фотодокумент 11

Таджики Вахии. № 38.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокументи 12

Фотодокумент 12

Дастархан Правителя
Дарваза. № 43.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Вскоре после нашего приезда нас посетил Махомет Мурат Бек (Правитель Дарваза), а также Бат. Ком. Абду-Кахар-Бек, с ротными командирами, в сопровождении сигнальщиков, адъютанта и т.д. После приветствий, расспросов о здоровье, благодарностей за оказанное содействие и т.д., подали неизбежный дастархан, т.е. угощение, из мяса, фруктов и кое-каких сластей – и мы распростились.

Дневник экспедиции
5 июля 1889 г.

Фотодокумент 13

Фотодокумент 13

**Командующий войсками
Дарваза, личный его адъютант
и командир батальона. № 45.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Здесь стоит Бухарский
гарнизон в 400 чел. пехоты при
2-х орудиях, под командою Сердаря
(Бат. ком.) Абду-Кахар-Бека, другая
половина расположена в Кулябе.*

*Дневник экспедиции
5 июля 1889 г.*

Фотодокументи 14

Фотодокумент 14

**Дворец Дарвазского бека
в гор.[оде] Кала-и-Хумбе. № 46.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Для нас отведено было помещение
в самой урде, т.е. дворце Бека,
в очень плохом садике на берегу
р. Панджа, несколько выше впадения
р. Хум-Оба. Помещение
Бека – ветхое, грязное и очень
бедное. Оно разнится от
помещения жителей разве
только своими размерами.*

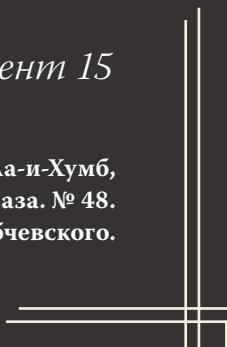
*Дневник экспедиции
5 июля 1889 г.*

Фотодокументи 15

Фотодокумент 15

Гор.[од] Кала-и-Хумб,
столица Дарваза. № 48.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокументи 16

Фотодокумент 16

**Водяной веер в Дарвазе. № 50.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*В с. Тогмае видел громадных
размеров веер, приводимый
в движение водою. В обыкновенное
туземное колесо вставлена
высокая палка, а к ней
привязаны 4 куска материи:
колесо поворачивается
водою и вертит вставленную
в ось колеса палку с навязками,
которые и производят на столько
сильный ветер, что даже в полдень
сидеть прохладно. Сооружение,
стоящее грош, но очень остроумное.*

*Дневник экспедиции
13 июля 1889 г.*

Фотодокументи 17

Фотодокумент 17

**Дорога (карнизы) по
р.[еке] Пяндж. № 52.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Дорога идет широким, прекрасно
разработанным карнизом,
частью высеченным в скале. Это
памятник, оставленный прежними
владельцами Дарваза, невольно
обращающий на себя внимание
и даже могущий удивить каждого,
кто вспомнит, что здесь работают
совершенно примитивными,
первобытными инструментами.
Дорогу эту надо признать вполне
удобною, несмотря на то, что
за все время владычества здесь
Бухары она не ремонтировалась.*

*Дневник экспедиции
12 июля 1889 г.*

Фотодокументи 18

Фотодокумент 18

**Дорога (балконы) по
р.[еке] Пяндж. № 54.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Переход небольшой, но
утомительный, потому что на
карнизе Овринги-Пиши-Моймай
пришлось переносить вещи
на руках. Это балконный карниз
такой, обломав который
и поставив за камнями 10 чел. со
скорострельными винтовками –
можно задержать целую армию,
если эта армия не будет иметь
лодочек для переправы на другой
берег реки, чтобы выбить засевших.*

*Дневник экспедиции
14 июля 1889 г.*

17 ИЮЛЯ 1889 г.

Понедельник 17/29.

Дневка в Узбои.
Ночь прошла в полном беспокойстве вследствие того, что казак Алексеев с тремя вьюками и носильщиками при них к 12 ч. ночи не явился. Наступившая жестокая темень исключала всякую возможность двигаться. Наконец к 8 ч. утра он явился совершенно здоровым и невредимым. Оказалось, что носильщики его были слабосильны, устали и втащили вьюки на вершину перевала только к 1 ч. ночи. Алексеев спустился к уроч. Ильга к рассвету и дальше шел беспрепятственно.

Как характерный случай вранья азиатов отмечу следующее: Когда к позднему вечеру вьюки не явились и я не получил никаких сведений, где они, то я пригласил к себе местного Ванчского Бека Садык Бека Джавачия и просил его организовать новую команду носильщиков с приказанием, чтобы они остановили Алексеева в том месте, где его встретят, отнесли лошади его ячмень и клевер, а самому пищу и ни под каким предлогом не позволили двигаться дальше до рассвета, чтобы избежать несчастья. Садык-Бек доложил, что исполнил все приказанное и при этом успокаивал меня, что с Алексеевым остался сопровождающий меня старший Чиновник Дарвазского Бека Эсаул Баши Артан Бек, человек действительно расторопный, который не допустит до движения ночью. Когда я к 12 ч. ночи не получил никаких сведений об Алексееве, то снарядил новую артель носильщиков под начальством джигита экспедиции Садыр Ходжа Ишана. При этом оказалось, что Артын Бек Эсаул-Баши найден ими в конце селения как будто только что пришедшим, и чиновник этот, совместно с людьми своими, заявил, что он лично, своими глазами, видел Алексеева на урочище Ильга и оставив его там на ночь, отправился вперед успокоить меня. Команду носильщиков он встретил недалеко от Ильга и твердо убежден, что все явится благополучно завтра утром. То же подтвердил чиновник этот и его люди мне, вследствие чего мы, успокоившись, легли спать. Когда же Алексеев вернулся, то оказалось, что он ночевал или вернее подымался ночью на перевал, ни Эсаул-Башия, ни носильщиков не видел, а сам Эсаул Баши, по собранным справкам впоследствии, оказалось, что пришел в селение Узбой вслед за мною и отдыхал в долине на другом конце селения. В этом случае проявилось вполне организованное вранье бухарцев.

Целый день жара невыносимая. Мухи, комары и москиты истомили совершенно.

Сегодня отправил вновь Шугнанца Башана с письмом к Афганскому военному начальнику с просьбою пропустить меня дальше в Кафиристан, а к Ак-Бар-Ша с просьбою переслать письмо афганцам. По местным сведениям, Шугнанцы атаковали афганцев, переправившись на правый берег Панджа на турсуках против селения Юмчъ, причем до 50 афганцев убито и ранено, а Шугнанцы благополучно переправились обратно, потеряв 25 человек. Нападение было ночное на афганский отряд, занятый реквизицией. Такие-же нападения производятся по всей ли-

нии и навели такую панику на афганские войска, что те не решаются даже занять окончательно крепости Кала-и-Бар-Панджа, опасаясь быть окруженными и потерять сообщения.

Положение мое критическое: по собранным на месте самым достоверным сведениям дороги от Кала-и-Вамара вверх по Бартангу, вследствие разливов Бартанга, в это время нет. Дорога по Язгулёму хотя и возможна, ибо до верховьев его есть перевал в Орошар (очень трудный и только для пешеходов) но ввиду разлива реки Язгулёма, текущего в узком ущелье с отвесными скалистыми берегами, сообщение селения Убах, выше которого расположен перевал, немислимо с селениями, расположенными ниже по течению реки Язгулема. Местные жители сообщаются с селением Убахом только зимою и позднею осенью; в другое время года сообщения не существует. Ввиду всего вышеизложенного для меня существует только дорога или прямо через Шугнан, или же через Ванчь, а оттуда через Сарги на Мук-су, или через Сытарги в Вахию.

Решил идти в Ванчь и ожидать здесь ответа от афганцев.

18 июля 1889 г.

Вторник 18/30.

Переход до селения Рохарф (Кала-и-Ванчь).

Сегодня проходили мимо селения Джумарчь, расположенного на левом берегу р. Панджа, почти при слиянии этой реки с р. Ванчь. В этом месте река Пандж впервые течет широким руслом и несколькими рукавами. Переправа существует несколько ниже впадения реки Ванча, против урочища Овринги Буни Сулю, где Пандж образует большие отмели. Переправа на плотках (саль), связываемых из 20 больших турсуков (гупсар); плоты поднимают до 50 пудов груза. Они управляются пловцами, которые держатся руками за плот и отталкиваются ногами и лопатками. Казалось бы очень легко можно-было-бы устроить здесь самолеты⁵⁴. Одиночные люди переправляются на малых турсуках (мышь). Река Пандж против переправы вырывается из узкого ущелья со скалистыми, обрывистыми берегами, вследствие чего дорога в Кала-и-Вамар идет не по берегу реки, а вверх по течению речки Джумарчь на перевал Акба-и-Барасы.

На урочище Овринги-Буни-Сулю, где Пандж образует разливы, масса мелкой рыбы из породы лосося. Мы закинули бреденек походный и вытащили в 3 раза больше 1 ½ пуда. Можно-было-бы наловить значительно больше, если бы не ямы очень глубокие, где бреденек наш значительно не доставал дна и рыба уходила низом мотни. Все люди полакомились ухой.

Долина реки Ванча имеет характер памирских рек в миниатюре. Она течет в большинстве между пологими берегами, а высокие, скалистые, со снежными верхушками горы, отступают несколько от берегов реки. Ширина долины около 2½–3 верст. Горы совершенно безжизненны. Селений много, но они небольшие;

⁵⁴ Вид паромной переправы через реку.

Пловцы с гупсарами, т.е. с надутыми мешками из отделанной телячьей кожи, которые поддерживают коммуникацию с обеими берегами реки Пяндж.

в нижней части течения Ванча имеются незначительные посеы, орошаемые преимущественно водою протекающею с боковых скал. Климат здесь очень здоровый и не так жаркий, так как вся долина продувается холодными с. в. ветрами, дующими с виднеющихся вдали вечно-снежных гор Заалайского хребта, или хребта Петра Великого, пока разобраться не могу.

Селения по Ванчу обрамлены прекрасными фруктовыми садами: яблоки, груша, мелкая слива, вишни, черешни, абрикосы и персики. Как по р. Панджу повсюду кусты барбариса, очень много облепихи. Плоды барбариса и облепихи в сушеном виде употребляются в плов.

Повсюду растет дикий виноград, плоды которого, говорят, вкусны. Я не пробовал, ибо плоды не успели еще. Из посевов: пшеница, ячмень (зерно без шелухи, очень питательное), нахут (мелкие бобы), хлопок мелкий и не в большом количестве, только как освещение, немного кунжута⁵⁵. Лук, морковь, дыни и махсат, маслянистые зерна которого дают масло для освещения. Яблоки, абрикосы и тут сушатся и в толченом виде употребляются как подкраса к муке на болтушку (атац[v]is). Скотоводство, по крайней мере в нижней части Ванча, не распространено, вследствие полной безжизненности гор и отсутствия корма.

⁵⁵ В *Дневнике* опечатка: Канджут, а должно быть: кунжут, т.е. сезам.

19 июля 1889 г.

Среда 19/31.

Дневка в Ванче. Селения Кала-и-Ванчъ, как обозначено на картах наших, в действительности не существуют, а вся страна по реке Ванчъ носит название Бекства Ванчъ, а селение, в котором живет правитель страны Кала-и-Рахарф. Правитель страны живет в крепостце, построенной еще прежними владельцами страны и пришедшей в полное разрушение. Башенки и стены полу-развалились и крепостца военного значения не имеет.

Вчера собрал стариков и расспрашивал их о возможности движения через перевал Сарги. Все они заявляют, что ледники дали трещины и пройти теперь невозможно. Так как мне доподлинно известно, что несколько десятков лет тому назад Ша-Абаз-Ша бежал со всей семьей и имуществом через этот перевал, всего более 100 чел., то я для розыска дороги решил отправить одного из своих людей. Вызвался армянин, [...] который сегодня и уехал утром рано, в сопровождении провожатых.

Здесьнее население поразительно ленивое. Расположившись на площадке высокого правого берега Ванча, под ивами близ Бековского дома, я имею возможность в подзорную трубу осматривать все, что делается в домах и садах противоположного берега реки. Причем видно, что семьи, как мужчины, так и женщины все время лежат на камнях и почти единственным занятием их – искание насекомых в собственном белье, которое, к слову сказать, не моется, пока с плеч свалится. Женщины молодые есть поразительной красоты, старухи безобразны, но все невозможно грязны. Напротив нас в доме живет замечательной красоты лет 18 женщина, но грязна до тошноты, а вместо рубашки и штанов – лохмотья, в полном значении этого слова, через которые отовсюду просвечивает голое тело.

Дети – как матери, или, если возможно, еще грязнее. В наблюдаемых нами домах я огня не видел, а по-видимому все живут фруктами (абрикосы, тутовые ягоды и т.д.), которые приносятся на деревянных блюдах от времени до времени и съедаются с хлебом. Дети, впрочем, постоянно толкутся под фруктовыми деревьями и объедаются фруктами.

Сегодня, впрочем, благодаря неосторожности моего спутника, показавшего предмет наблюдения местному беку, мы лишены возможности наблюдать жизнь соседей. Добрые друзья наши бухарцы распустили слух, что у меня имеется подзорная труба, могущая заставить насильно и помимо воли прийти ко мне ночью то лицо, которое я видел днем. Это произвело переполох среди мужчин и дам, и все они переселились на жительство в закрытые места, куда нескромный взор попасть не может. Это очень жаль, потому что при дикости и замкнутости жизни туземцев, только наблюдением через подзорную трубу можно получить верное понятие об их жизни.

Сегодня местный бек Садык Джевачи получил письмо от Язгулямских жителей с сообщением, что Сеид Ак-Бар-Ша направил скот и ясырь (жен и детей) к границам Язгулёма. Старшины справляются, пустить-ли им Сеид-Ак-Бар-Ша к себе. Садык Бек с экстренным посланным запросил Дарвазского Бека.

Садык-Бек-Джевачи – красивый мужчина, по происхождению бухарец. Дарвазцы всех бухарцев называют мангыт, от правящей ныне Бухарой узбекской династии.

В Ванче под паром земли не оставляют; хозяйство плодопеременное ведется только там, где не достает навозу для удобрения своих крошечных полей. Во многих местах после уборки пшеницы на этом же месте засеивается просо. Вообще же принято перепахать землю немедленно после уборки пшеницы и оставить ее перепаханной до весны, чтобы корни пшеницы перегнили и этим земля удобрялась. По Панджу и Ванчу много очень болеющих зобом и чесоткой. Зобом болеют преимущественно в селении Водхунд (сел. Узбои, Ляхши, Лянгар, Араул, Бынига и Бараул, по общей сложности носят название Водхунд) по р. Пандж и во всех селениях правого берега реки Ванча до селения Хыджоувас включительно. В селениях по левому берегу р. Ванча и выше сел. Бауд заболевание зобом не встречается. Население болезнь эту приписывает исключительно воде. Как подтверждение этого они приводят следующий, очень характерный пример. Самые большие зобы, достигающие громадной, омерзительной величины арбуза, так что человек не видит, что делается у него под ногами, бывают в селении Кала-и-Рохарф (Кала-и-Ванч), тогда как в селении Гушхан, расположенном в ½ в. от Кала-и-Рохарфа на левом берегу Ванча зобом не заболевают. Тут естественно условия климата и почвы совершенно одинаковы, но оба селения пользуются разною водою.

Заболевание чесоткой поголовно целых селений перешло в Ванч два-три года тому назад из Дарваза. Раньше болезнь эта не была известна. Лекарств для лечения зоба и чесотки не знают.

Минеральные богатства Ванча заключаются исключительно только в железе, которое, по рассказу туземцев, превосходно. Железо добывается преимущественно на верховьях Ванча, причем лучшее добывается в ущелье Ван-Ван, в местности Харам-Дара. Железо это такого превосходного качества, что сделанная из него шашка прорубает свободно довольно толстую железную цепь. Выплавка железа производится примитивным способом. Укладываются печь из камней высотой в рост человека, наполняется она углем, снизу проводятся два меха, разводится огонь и когда угли раскалятся, то сверху укладывается руда. Мехами работают непрерывно день и ночь в течение 4–5 суток, пока угли не выгорят окончательно. Затем разбирают стены печи, сбрасывают пепел и остатки руды, дают железу остыть в течение суток, а затем добывают сплав и при помощи молотов разбивают на части, удобные для перевозки. Производством железа занимаются не одиночные лица, а артели.

Кроме указанных выше месторождений железа, еще имеется руда при самом устье реки Ванча, на левом берегу, несколько выше по течению реки спуска перевалчика Акба-и-Ванч. В этом месте руда не разрабатывается вследствие недостатка топлива.

Кроме сего, в пределах Дарвазского бекства следует отметить месторождение серы в Язгулемском ущелье между селениями Шауд и Андарбак против сел. Вычхарф.

По рассказу местных жителей в древние времена производилась разработка серебра в громадных размерах на левом берегу реки Панджа против селения Узбои, на урочище Нухра-Ку. Тут имеются целые шахты, в настоящее время за-

брошенные. На памяти настоящих жителей прежние владельцы пытались проникнуть в эти шахты, но там оказался воздух настолько испорченным, что факела тухли, а людей, вошедших туда, вынесли замертво. С тех пор попытки проникнуть в шахты прекратились.

В горах над Кала-и-Хумом, выше казарм, имеются следы разработки меди, но в настоящее время заброшены. Соль привозится из Нижней Вахии из селения Нуджхоля. Это копи каменной соли. Кроме того соль вываривается из соляного источника близ сел. Пасры-рох. Тоже в нижней Вахии.

Ванчское железо имеет громкую известность и поступает в продажу не только в Вахан и Шугнан, но и в Бадахшан.

20 ИЮЛЯ 1889 г.

Четверг 20 Июля/1 Августа.

Вчера поздно вечером получил сведение, что Масто́н выехал из Кала-и-Хума в понедельник утром. Сегодня он должен быть в Файзабаде.

Бек прислал нашего черного пса, отставшего в селении Киврон. Сегодня производил определение широты.

Доставлены мне образцы железной руды. Оказывается, что по р. Ванчу 4 известных и разрабатываемых. Копи эти расположены несколько выше селения Ван-Ван, на урочище Харам-Дара. Одна в местности Дара-и-Харам (№ 1), другая близ пер. Акба-и-Ванч, почти при устье Ванча, на левом берегу реки, приблизительно в половине горы (№ 2), третья несколько выше селения Бунай (№ 3) и четвертая по р. Техарви, правому притоку Ванча, в ущелье выше селения на правом берегу реки.

Сегодня прибыли Караул Беги из Джумарча и старшины из Язгулёма.

Все они под присягою показывают, что в это время года идти вверх по течению Язгуляма невыносимо. Река течет в узком скалистом ущелье, занятым сплошь водою, падающею с большой высоты и вследствие этого невероятной быстроты. Дороги по берегу реки нет и вследствие этого селения расположенные выше селения [...] в течение лета между собою не сообщаются. Позднею осенью, не раньше Октября, дорога возможна по руслу реки. Сообщение с Памиром возможно через перевал Акба-и-Хырджин, находящийся на верховьях р. Язгулёма, выше селения Убаг и ведущий к селению Орошар по р. Бартангу, откуда возможно сообщение с Памирами и Кударою. Другой дороги на Памиры нет. По Бартангу идти летом возможно тоже только пешеходом. Осенью и зимою дорога эта доступна для легких вьюков. Зато по Гунту дорога в Шугнан доступна во всякое время.

Положение Ак-Бар-Ша в Шугнани критическое. Шугнанцы и Рошанцы массы переправляют жен, детей и имущество свое частью из Кала-и-Вамара через пер. Ёдуд (Акба-и-Ёдуд) в сел. Матран в долине Язгулёма, частью же вниз по течению р. Панджа в пределы Дарваза. Язгулёмцы встревожены большим наплывом посторонних жителей, боятся голодовки и решили не пускать к себе больше переселенцев.

Разбойник Сахиб Назар Памирский вошел в сношения с афганцами по следующему поводу. Ак-Бар-Ша продал ему упомянутого уже Ходжа-Назара, а он от-

правил его к Афганцам и получил как выкуп, 10 быков и шапку тенег. Ак-Бар-Ша послал в Кудару своих людей и за наказание отобрал у Сахиб-Назара 20 лошадей. Этот-же, в свою очередь, со своею шайкой, вошел в сношение с афганцами и закрыл дорогу через верховья р. Бартанга в пределы Кокана даже для пешеходов. Таким образом Ак-Бар-Ша имеет возможность удирать только в пределы Бухары. Шугнанцы после нападения на афганцев против селения Юшг быстро уступают, ожидая возмездия со стороны афганцев, которые на плотах из турсуков переправились на правый берег р. Панджа против селения Шидвучь.

Все эти события и положительное отсутствие дороги на Памиры заставляет меня ожидать здесь ответа от афганцев и в случае отказа идти на Памиры вновь через Мук-су и Тахра-Корум.

21 ИЮЛЯ 1889 г.

Пятница 21 Июля/2 Августа.

Расспросные сведения о Язгулеме и Джумарч.

Пытался составить словарчик Язгулемского наречия. Оказалось, что это смесь чисто перс., дарваз., небольшого количества тюркского и еще меньшего своеобразного.

Мойка белья производится своеобразно: грязное белье кладется на камень и выбивается палкой, часто поливая водою. Затем, не выжимая воды, кладется на траве на солнце для просушки. Такая операция производится в течение 3 дней, после чего белье делается совершенно белым.

22 ИЮЛЯ 1889 г.

Суббота 22/3.

Сегодня Ак-Бар-Ша прислал двух посланцев с письмом, в котором изъявляет свою преданность Государю Императору, вражду афганцам и готовность служить экспедиции, но так как половина ханства уже занята афганцами, а в руках Ак-Бар-Ша только Рошан, из которого нет дороги, то воспользоваться его приглашением невысказано.

Сегодня вернулся армянин [...]. Дороги через пер. Сарги не разыскал. Приходится идти на пер. Сытарги. От афганцев ответа нет. Время уходит и я решил идти дальше на Вахию.

Посланец Ак-Бар-Ша рассказывал о нападении на афганцев, а также подтвердил слух, что афганцы переправились на левый берег реки. Но о том, что они заняли Гунт и Шах-Дару – он ничего не знает. Наоборот, он заявляет, что население выселилось поголовно из Шугнана и частью по Гунту благополучно достигло Сары-Кала, частью-же собралось по р. Бартангу в с. Сарезе, где и ожидает Ак-Бар-Ша, чтобы направиться в пределы России.

Нашли массу *Iulodes*⁵⁶ на совершенно пустынной безводной местности.

23 ИЮЛЯ 1889 г.

Воскресенье 23/4.

Переход до сел. Техар – 26 верст. Дорога на всем протяжении легкая и совершенно доступная для вьючного движения.

Сегодня мы поднялись всего на 300 м. т.е. около 1000 ф., а разница во флоре замечается громадная. Выше селения Бунаи абрикосовых деревьев мы не встречали, хотя грецкий орех, яблоня, груша и тут в изобилии. Интересен факт, что в сел. Пишихарви тоже 2660 м. абсолютной высоты мы встретили абрикосовые деревья, обильно покрытые фруктами. Не влияет ли открытое положение долины и близость вечно-снежных гор?

Хлеба здесь тоже не поспели – ячмень уже собирают, а пшеница еле колосится.

Против селения Бараун – крутой и скверный карниз. Единственное плохое место на всем переходе.

⁵⁶ Возможно, что здесь идет речь о чернокорне (лат. *Cynoglossum*).

Река Ванчъ вброд теперь проходима. От входа в долину Ванча в конце ее виднеются очень красивые, вечно снежные пики на вершине Харам Дары. Селения здесь тонут в зелени садов, но расположены отдельными поселками из 2–4 дворов, отстоящими друг от друга близко. Домики чистенькие, свежо выбеленные, здесь вообще много извести и алебастра.

Жители селения Техарф почти поголовно промышляют добычею железной руды и выплавкой железа. Видел сегодня такую печь – она самого примитивного устройства. Боковая стена разбирается; печь, полукруглая, примыкает с трех сторон к земле и выложена камнями; она до половины наполняется углем, боковая стена (разбираемая) замуравливается и внизу вставляются два меха. Затем разводится снизу огонь, и сверху сыплется горсть угля, горсть мелко как щебень изрубленной руды, до $\frac{3}{4}$ печи, сверху снова засыпается углем и работается беспрерывно в течение 4 суток, мехом, для чего обыкновенно собираются артелями в 8–10 человек и по очереди день и ночь работают мехом. Затем дают печи остыть, вскрывают замуравленную стену, выбрасывают пепел и вынимают кусок выплавленного железа. Оказывается, что железо получается совершенно чистое, без примеси песку, пепла или угля. Отброски-же получаютя отдельно.

Продажа железа производится кусками, величиною на средний топор. 2 таких куска стоят один кусок местной бязи или 40 коп. Продажа железа тут весьма распространена. Тут являются за железом из Бадахшана, Каратегена, Куфа и т.д. Самое прибыльное для выплавки железо из местной копи близ с. Техарф. Самое же лучшее по достоинству железо из Ван-Вана. Железо это рубит железо, камень и т.д. Железная руда добывается с трудом из глубоких шахт длиною в 25–30 с. Шахты темны и ходят туда со свечами. Подъехать к шахте верхом нельзя, руда выносится на плечах на протяжении нескольких верст, пока наконец не удастся навьючить ее на лошадь. Самый лучший для выплавки уголь – арчевный⁵⁷. Выжигание угля производится в течение суток.

Сегодня Ак-Бар-Ша прислал новое письмо почти такого-же содержания. Рассказы посланцев относительно проезда моего посланца не сходятся. Что-то они врут. А страсть Ак-Бар-Ша писать письма только разоряет меня на халаты.

От Афганцев – ничего. По словам посланца Ак-Бар-Ша, все в политическом положении не изменилось. Позиции, занятые афганцами и шугнанцами, те же.

Население зобы приписывает обилию алебастра в почве. Это не вероятно.

24 ИЮЛЯ 1889 г.

Понедельник 24/5.

Переход до сел. Сытарги – 16 в.

Переход небольшой – дорога хорошая. Безусловно долина Ванча самая лучшая часть Дарваза. Везде масса зелени, садов и посевов. Домики снаружи вы-

⁵⁷ Арча – вид можжевельника (лат. *Juniperus pseudo sabina* Fisch. & С.А. Мей), растущего в Центральной Азии.

белены, выглядят чисто и приветливо. Население почти поголовно занимается выплавкой железа. Повсюду доменные печи. Топливо доставляют заросли по руслу реки, которая течет широким руслом, многими рукавами, и почти повсеместно проходима вброд. Горы отступили назад и не давят как в Дарвазе.

Выше селения Сытарги ущелье поворачивает несколько на восток и вдали виднеется высокий, вечно снежный хребет, отделяющий Ванчъ от р. Мук-су. Собственно р. Ванчъ составляется из трех главных рек, следующих, начиная с востока, в следующем порядке: Абдуль-Кахор, Кошаль-Аяк и Гармо. Все эти ущелья заполнены громадными ледниками, тянущимися на протяжении 3 дней пути. Ледники двигаются вниз и лет 50 тому назад ледник из ущелья Абдуль Кахор выдвинулся настолько вниз, что столкнулся с ледником из ущелья Гармо, образовав прочную плотину, запрудившую ущелье Кошаль-Аяк. За этой плотиной образовалось озеро значительных размеров. Дорога на Кошаль-Аякский перевал перестала существовать. От столкновения ледники дали громадные трещины, слегка прикрытые снегом и очень опасные. По рассказу местных стариков лет 60 тому назад существовала прямая дорога в долину р. Мук-Су через пер. Кошаль-Аяк, причем ледник настолько был длинен, что путники должны были ночевать на нем и только на другой день к вечеру спускались к р. Мук-Су.

От афганцев никаких известий. Ввиду невозможности пройти на Кошаль-Аяк, иду на перевал Сытарги.

Сегодня расхворался. Целый день и ночь безустанная рвота.

25 июля 1889 г.

Вторник 25/6.

Переход до урочища Камчин южнее подножия перевала Сытарги 9½ в. Ночуем на высоте 4.500 метров и только в 9½ в. от ночлега, ввиду заявления жителей, что дальше приходится идти по сплошному снегу, который не выдерживает лошади и что поэтому необходимо пройти перевал до наступления жары. Я плохо верю этому заявлению, ибо снег, лежащий внизу, очень плотный и лошадь выдерживает, но останавливаюсь, чтобы не истощать лошадей, которые сегодня уже поднялись на 1250 метров над ночлегом. Подъем очень трудный: 9½ в. мы подымались 4½ часа.

Ущелье совершенно пустынное: ни людей, ни травы, ни топлива. Кругом снег, заваливающий все складки гор, куда менее проникает солнце. Горы же свободны от снега. Несколько выше нас отступившие ледники, следы отступления которых видны повсеместно. К югу от нас мощный хребет, заваленный вечными снегами и сплошь испещренный небольшими ледниками, отделяющий р. Ванчъ от р. Язгулюма.

Подымаясь на перевал, мы спугнули стадо диких коз, которые ушли на столько далеко, что посланный десяток пухль вдогонку, свалил только малого козленка. Это первые козы виденные нами в эту экспедицию. Кроме того видели рябчиков и уларов. Держатся на недоступных для охоты местах. По ущельям

Ванча – масса коз. Местные жители охотятся преимущественно зимою и для охоты держат особенную породу борзых известных здесь под названием тазов.

26 июля 1889 г.

Среда 26/7.

Переход до урочища Дашты-Минады (через пер. Сытарги) – 33 вер.

Переход очень трудный, не столько вследствие высоты перевала и движения по леднику на протяжении 9 верст, сколько вследствие движения по крупному камню на протяжении 6 верст от конца ледника до урочища Бырс. Заваленный снегом хребет имеет величественный вид. Человек – такая крошка, такой атом в сравнении с этими массивами, что уму непостижимо, как он дерзает перешагивать эти высоты. Повсюду следы обвалов и лавин. Лед с бесконечным количеством трещин. Ледники движутся. К югу от перевала ледники отступают, а к северу наступают. На высоте 3.750 метров заросли арчи и большие деревья березы, выше на 4.200 метров уже кусты тала, тут же конец ледника. (Надо принять во внимание ошибку anerоида все время, от выхода из Маргелана показывающего выше нормального).

Долина Вахии (река Ванчъ-Об) окружена горами более приветливыми, чем р. Ванчъ. Они зелены, имеют местами достаточно травы, а горы еще долше чем в Ванчъ. На ночлеге ячменя много, но еще совершенно зеленого.

Сегодня прошли в общей сложности 11 верст по леднику. Так много пройти возможно только вследствие исключительно ровной поверхности ледника на протяжении около 7 верст.

Топорик, который я ношу на поясе, выручил. Идя пешком по очень крутой поверхности обледенелого льда, я потерял равновесие, вследствие того, что проводник, поскользнувшись и падая, толкнул меня. Я полетел-бы вниз, если бы, падая, не ударил топориком в обледенелую кору льда с такою силою, что весь топорик ушел туда, а я повис на рукоятке плотно вдетой за ремень на руку. Отвратительное чувство висеть над бездною. Сегодня наблюдал, как падают туземцы. Они на минуту не теряют присутствия духа, скользят тихо, плавно и скользя успевают обвернуть руки полою халата, а затем действуют ими, как якорями и почти всегда успеют за что-либо ухватиться. Наш брат если сорвется, то летит как камень в воду и только беспомощно размахивает руками.

Сегодня Эсаул Баши совершенно неожиданно попросил разрешения вернуться. Это меня страшно взбесило. Эти Бухарцы провожают пока дорога хорошая, а чуть действительно в них явится надобность, исчезают, а лапу преисправно протягивают за халатом. Я высказал все это Эсаул Баши и написал Беку, а ему и Ванчскому Беку подарил по прекрасному халату.

В пределах Ванча нас никто не встретил, хотя местный Бек извещен уже три дня тому назад, а вся знать собралась в селении Пашм-Гарм в 8 в. ниже.

Ночуем без хлеба и теплой пищи. Мяса и сала нет. Люди сварили себе болтушку, я побаловался чайком.

Вечер чудный, но утомление берет свое и спать хочется адски. Сегодня пробыли в езде 13½ часов и много пришлось идти пешком.

27 июля 1889 г.

Четверг 27/8.

Переход до поселка Дашты-Бунд 34 версты.

Селения здесь небольшие и состоят из отдельных курганчей, расположенных далеко одна от другой. Зелени мало и вообще флора значительно беднее Ванча. Здесь еще ячмень не убран, пшеница зеленая, а фрукты, т.е. яблоки, еле завязались.

Население лениво, все делает медленно, лениво. Нелюбознательность их поразительна. Так старшина селения Пашм Гарм, старик лет 60, ни разу не был на левом берегу реки и не умел указать дороги. Население, разговаривая, так громко кричит, что издали можно подумать, что оно дерется.

Бек Шады-Мирза-баши не приехал. Говорят, он сильно болен. Бий и Мирзахур – оба никуда не годятся.

Брод через Хинг-Об, против Пашм-Гарма – до седла, но для всадников и легких вьюков доступен.

Мы вчера и сегодня буквально голодаем. Бухарцы ничего не выставляют за благовременно на ночлегах, а начинают хлопотать только по приезде, а так как бараны находятся за 10-15 верст, то и доставляются к полуночи, когда все мы истомленные продолжительными переходами, засыпаем не евши.

28 июля 1889 г.

Пятница 28/9.

Переход до сел. Кала-и-Лёджира, 27½ верст.

Сегодня встретил нас наконец Правитель Вахии, отговариваясь болезнью и праздниками (Курбан).

Против селения Сангвар, на правом берегу реки Хинг-Обь имеется близ дороги глубокое отверстие в земле. Г. Конрад с двумя армянами, сопровождающими нас, по поручению моему спускались в отверстие, но успели пройти только на протяжении 10 шагов. Дальше шахта завалена землею и отверстие настолько узко, что пройти не удалось. По рассказу их там видны укладки из камня, следы несомненные человеческой работы.

Опрошенные мною туземцы заявляют, что отверстие это очень длинно и в старинные времена составляло вход в шахту, где разрабатывалось золото, причем, по обыкновению азиатов, время разработки золота связывают с именем Чингисхана, который здесь и вообще в Дорвазе популярнее имени Тамерлана.

На свежих могилах раскладывают огонь. Это делается с целью видом пепла устроить волков или собак, которые, привлеченные запахом трупа, могли-бы отрыть могилу.

Сегодня получил письмо от В.О. Клемма, ответное на мое от 15 Июня. Он сообщает, что Кушбегием внушено Алмаз-Бию быть внимательнее проезжающим русским. От человека, привезшего письмо, я узнал, что дороги вверх по р. Муксу, между селениями Ходжа Тогоб и Алтын-Мазаром нет, или вернее есть только для пешеходов. Если известие это подтвердится, то нам придется идти на Дараут Курган, т.е. сделать еще лишнего крюку дней на 5–7. Горю моему нет пределов. В эту поездку нет у меня счастья, главного стимула успеха.

Ведь простая случайность могла-бы спасти экспедицию. Напр. если бы я попытался вначале пройти через пер. Сытарги (а есть много вероятия, что, несмотря на снежные завалы, пройти его можно-было-бы), то я вышел-бы в Шугнан до злополучного набега Ак-Бар-Шаха на Ишкашем и Зебак и может быть был-бы уже на Памирах или дальше. Теперь-же, пока я этим кружным путем доберусь до Памиров, лошади придут в совершенную негодность, а заменить их новыми не хватит средств.

Сегодня целый день отвратительный, сухой, пыльный ветер, истомивший нас в конец.

29 июля 1889 г.

Суббота 29/10.

Переход до урочища Кашта Тупчак 40 в. по старой дороге.

Сегодня целый день дождь, промоливший нас изрядно. Несмотря на скверную погоду, подъем на перевал Гардани-Кафтар совершился совершенно свободно. Снег, покрывавший сплошь весь перевал, растаял и из-под него открылась дорога настолько удобная, что перевал этот следует считать одним из самых доступных. Вообще снег сильно меняет картину местности. Я-бы не узнал этого перевала.

На урочище Дашты-Зеры-Замин мы воды не нашли, почему и не могли остановиться, хотя корм был хороший. Зато, под перевалом, на равнине, покрытой снегом во время нашего проезда, оказался корм превосходного качества. Снеговой мост на урочище Пуль-и-Саиг не вовремя растаял, а река оказалась весьма трудно проходимой вброд.

Сегодня мой немец дуется, что большой переход. Такого лентя я в жизни не видел. Чем дальше идем вместе, тем невыносимее его общество. Я охотно отказался-бы от денег взятых им вперед и расстался-бы с ним. У него лицо веселое, когда он говорит о девочках или когда садится за еду. Такой спутник действует на нервы.

30 ИЮЛЯ 1889 Г.

Воскресенье 30/11 Июля.

Переход до оз. Мамыр-Куля 25 в. по старой дороге. Я оставался на урочище Кулика для того, чтобы пристроиться к собственному астрономическому пункту и замкнуть астрономический рейс. Пришел на озеро поздно вечером. Со мною гроза и проливной дождь, а потом чудная радуга. Ночью -1° морозу, но холода особенного не чувствовал. Целый день стояла пасмурная погода, сильно мешавшая наблюдению.

Долина Кара-Шуры переполнена аулами и скотом. Одних лошадей около 2-х тысяч. Все это киргизы рода ахтачи.

Посланцы, посланные за людьми с берегов Мук-су, не вернулись. Мы, не зная с достоверностью, можно-ли будет пройти по Мук-су – решили сделать дневку, которая впрочем очень необходима, так как мы шли 8 дней без дневки и за это время прошли более 200 верст при 2-х-высоких перевалах в 17/т. и 15/т. ф. Лошади сильно подбились и спали с тела. Люди тоже утомились ежедневными переходами и настоятельно нуждаются в отдыхе.

Я с радостью приветствовал киргизские аулы, давно мною не виденные. Тут все родное, все хорошие знакомое. Вот по берегу реки раскинулся аул небольшой в 5-6 кибиток. На пригорке стоит громадная кибитка белой кошмы – это дом хозяина аула, какого-нибудь толстого, пожилого киргиза, МахOMET-Кули-Бая или Назар-Бая. Я так и вижу его несколько сутую фигуру, с темным, почти бронзовым, загорелым и обветренным лицом, редкою бородкой и маленькими гноящимися глазками. На нем грязная-прегрязная матовая рубашка, такой же крашенный бязевый халат, подпоясан он жалким шерстяным поясом, а сверху накинут шерстяной, домашнего толстого сукна чекмень. Наденьте ему на голову грязную тюбетейку на вате, а на ноги рваные чорыки и портрет Кули-Бая готов. Вы не отличите его от целого легиона других «баев». В этой одежде он спит и проводит день. Зимой под суконный халат он надевает простой овчинный тулуп, а голову, поверх тюбетейки, обвяжет грязным поясом, изображающим чалму. Не удивительно, что любимым занятием киргиза – это чесаться или разыскивать насекомых. Раз, на замечание, сделанное мною одному киргизу, занявшемуся изловлением вшей в моем присутствии, номад с удивлением посмотрел на меня и совсем добродушно ответил: «пйт ёк адám бършу-кы́н», т.е. есть-ли (на свете) человек, не имеющий вшей. По-видимому, по понятиям киргиза, вошь – это такая-же принадлежность человеческого тела, как нос, глаза и уши. И отсутствие паразитов – необъяснимая аномальность.

Впрочем, обилие, и притом совсем невероятное, паразитов присуще не только киргизам, но и Дарвазцам, Ванчцам, канджутцам и др. горцам, которых мне удалось видеть.

Живя в с. Кала-и-Рохарф, я при помощи подзорной трубы наблюдал за времяп репровождением хозяев дома через реку в с. Гушхан. Мужчины или спали, или искали насекомых, или ели. Сесть на кошму в киргизском ауле я никогда не рискую. Но возвращаюсь к аулу.

Рядом другая юрта, меньших размеров, тоже новая, белой кошмы и притом украшенная широкими ковровыми поясами, а также кистями из красной шерсти. Это «киелинуй», юрта, которую принесла в приданое жена сына, или которая готовится в приданое для дочери. Несколько ниже две-три юрты меньших размеров, черной кошмы, подчас очень рваной – это юрты младших братьев хозяина аула и дальних родственников.

Между юртами на 4 высоких местах натянуты кошмы, а на них на солнце сушатся комки творогу – единственная окраса зимней пищи, когда скот перестает давать молоко. Тут же грязная котомка, которую заботливая хозяйка прикрывает творог во время дождя. Перед дверью приколы с протянутыми веревками, на которых навязана масса петель, служащих для надевания на ночь за шею жеребят и молодым барашкам, чтобы они не высасывали молоко у кобыл и овец. Днем молодежь пасется отдельно. Тут же разбит на земле ткацкий станок, на котором ткут женщины, сидя на корточках. В тени юрты лежат, скорчившись и спрятав морды между задние ноги, страшно худые собаки, не потерявшие до сих пор зимней лохматой шерсти, хотя уже начало Августа. Кругом все застлано толстым слоем навоза, преимущественно бараньего. Аул издает сильный специфический запах, который прожигает Ваше обаяние уже на значительном расстоянии. Впрочем это зловоние, к которому легко привыкаешь и даже не замечаешь его. Причиной этому отсутствие человеческих испражнений, которые тщательно съедаются собаками. Это единственная их пища. Киргизские собаки ведут поистине собачью жизнь. Они верны – тщательно оберегают хозяйское стадо, но в награду получают только пинки и колотушки. Еды – буквально никакой. Да и не откуда. Киргиз мясной пищей пользуется в редких исключительных случаях, а питается молоком и болтушкой. Хлеб печется только для гостей. Собакам не позволяется даже вылизывать котел или посуду, так как киргизы мусульмане, а собака, по понятию мусульман, животное нечистое и прикосновение ее к посуде или человеческому телу оскверняет и требует омовения. Собаки летом питаются сурками и голод делает их замечательно смышленными в этой охоте. Зимой – почти исключительно человеческими испражнениями и тем, что им удастся украсть. Лично я, но чуя в аулах, отправляюсь за естественною надобностью, вооружившись палкой или камнями. Это предосторожность необходимая, так как собаки бросаются на испражнения с невероятной яростью.

Но вот мы подъезжаем к аулу. В стороне, у реки, на траве, обглоданной и истоптанной, стоит лошадь с понуренной головой и подвязанной кошмою заднею ногою. При ней несколько жеребят худых-прехудых. В ауле полное отсутствие жизни: из одной юрты вьется тонкая струя голубого дыма. Собаки, заслышав топот лошадей, бросились к нам на встречу с громким лаем. Откуда ни возьмись два-три мальчугана, совершенно нагих, стремглав пробежали в юрты. В глазах только замелькали их испуганные лица и темно-бронзовые тела с черными, коротко остриженными, головами. Дверь одной юрты несколько приоткрылась и из-за щели выглядывает женское молодое лицо с безобразно повязанною головою, с любопытством осматривающее невиданных гостей. Осмотрите внимательно все дыры и щели в юртах и вы повсюду увидите пару сверкающих глаз. Это женщины и дети наблюдают за вами.

Мужчин в ауле нет. Они или в городе, или на праздниках в соседнем ауле, или на пастбище со скотом, или же – спят в юртах. Мы остановились посередине аула и громко начали звать кого-нибудь. Наконец дверь дальней юрты подымается и вылезает оттуда мужчина в матовой рубашке и таких же шароварах, почесываясь и позевывая. Получив должные указания о дороге, мы уезжаем дальше, провожаемые собаками, а население аула высыпает из юрт и начинаются оживленные толки и разговоры на наш счет, а проезд наш служит темой для продолжительных бесед.

Войдем в одну из юрт.

Против двери, посередине юрты, очаг, на котором догорают дрова или кизяк⁵⁸. За очагом – разостланы кошмы – это лучшая, самая чистая часть юрты. Налево от двери кусок юрты отгорожен чиями, за которыми уложена вся посуда. Дальше вокруг юрты на земле около стены сложены мешки с мукою, седла, одежда, колиммы, одеяла и др. скarb; с другой стороны дверей привязываются зимою внутри юрты овцы с молодыми ягнятами, не могущими перенести холода. Дальше – люльки с грудными детьми. Верх юрты открыт, оставляя свободный выход для дыма. Кошмы юрты на четверть не достают земли. Это делается как для того, чтобы кошмы не гнили, так и для того, чтобы было больше тяги и дым не застаивался в юрте. От верхнего круга спускаются толстые шерстяные пояса, служащие для подвешивания одежды и прикрепления юрты во время буранов к кольям, вбитым в землю. Вот и весь дом номада, в котором он рождается, проводит знойное лето и зимнюю стужу и умирает. Он прост, легко собирается и перевозится на новое место и хорошо предохраняет от непогоды.

31 июля 1889 г.

Понедельник 31/12.

Дневка на оз. Мамыр-Куль. Ночью -0,5°С. Сильный ветер. Травы мало. Явились Бий, Токсаба и Мирахур (Полковн. Подполк. и Капит.) из крепости Кала-и-Ляби-Об. Двоих из них, которые бежали во время моего проезда, я не принял. Остальных принял холодно и, не оставив ночевать в лагере, отпустил домой.

Сегодня просматривал ботаническую коллекцию. Больше половины сгнила и пришлось выбросить. Крупно объяснился с г. Конрадом. Положительно он немислимый человек. Если бы не стыдно, отправил-бы его в Маргелан.

1 августа 1889 г.

Вторник 1/13 Августа.

Сегодня первое Августа, а я еще в хребте Петра Великого. В прошлом году в это время я уже был на верховьях Ак-су, на Памирах. Неудачный

⁵⁸ Кизяк – брикеты из навоза рогатого скота.

исход направления дороги через Дарваз отнял у меня 2 месяца времени, подорвал сильно скромные средства экспедиции и измучил в конец лошадей. По-видимому, я несколько не приблизился к цели экспедиции – Кафиристану и тем не менее я рад, что посетил эту провинцию Бухары. Она не представляет новизны, и географических открытий здесь не сделаешь, если не считать, что экспедиция прошла два совершенно неисследованных и неизвестных перевала (Гушанский и Сытарги), собрала расспросные сведения об остальных, счетом кажется 12 и значительно исправила название местностей, перевранное прежними путешественниками. Но особенно важными результатами следует считать добытые по этнографии. Несмотря на то, что Дарваз посетило множество русских путешественников (Регель, Смирнов, Ошанин, Кап. Ген. Штаба Покотило и др.), в литературе я встречал очень мало сведений, да и те, которые встречаются, грешат против истины и дают самое превратное понятие о стране⁵⁹. Пример – отчет Кап. Покотило, изд. в Ташкенте в 1888 году, а следовательно самый полный и обстоятельный. На стр. 12 он говорит, описывая Дарваз: «Не редко приходилось встречать стариков, которые от рождения не ели ни мяса, ни хлеба». Факт совершенно неверный. Таких не только стариков, но и детей в Дарвазе нет. Конечно они мясо употребляют редко, но и наш русский мужик видит его не часто, но хлеб, болтушку и др. вещи из муки он ест ежедневно. Тутовые ягоды служат только подспорьем к пище, как и везде в средней Азии. Зная кап. Покотило – я ни на минуту не заподозриваю его в преднамеренном искажении истины, но не могу не удивиться его легковерию и ненаблюдательности. Правда, в селениях посевов пшеницы мало; каждый мало-мальски удобный кусок земли занят посевами хлопка, табаку, растений масленичных и др. требующими более теплого климата, а каждое поле обсажено фруктовыми деревьями, между которыми тут; как дающий плод от ранней весны до осени и притом требующий мало воды и никакого ухода, занимает первое место, но достаточно взглянуть на верхушки гор, обрамляющих селения, чтобы убедиться, что каждая, самая маленькая площадка, выдающаяся среди скал, занята посевами пшеницы и ячменя с тяже-

⁵⁹ Первым европейцем, который попал в Дарваз был русский ботаник, С.М. Смирнов. Бекство посетил в 1879 году, но не оставил никаких сведений на эту тему. Несколько лет спустя появились в Дарвазе очередные русские. Летом 1882 г. смелую экспедицию на Памир организовал Альберт Эдуардович Регель (1845–1909), врач по профессии, ботаник по призванию, который был первым европейцем, который посетил княжество Шугнан и озеро Шива. Автор отчета: *Поездка в Каратегин и Дарваз* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1882, т. XV, с. 137–141; *Путешествие в Шугнан* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1884, т. XX, с. 268–274. Двое очередных русских, которые проникли в Дарваз это И.Е. Косяков, автор работы *Путевые заметки по Каратегину и Дарвазу в 1882 г.* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1884, т. XX, и Георгий Алексеевич Арандаренко (1846), который в своей книге о Туркестане (*Досуги в Туркестане*, Санкт-Петербург 1889 г.) написал две главы о юго-восточной Бухаре: *В горах Дарваза-Каратегина, Бухарские войска*. О Дарвазе также написал Василий Фёдорович Ошанин (1844–1917), который организовал летом 1878 года известную экспедицию в приграничные районы Каратегина и северо-западной части Памира, в ходе которой он открыл самый большой ледник Евразии (ледник Федченко). В 1881 году он опубликовал работу: *Каратегин и Дарваз* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1881, т. XVII, с. 21–58.

лым зерном без шелухи, совершенно похожим на пшеничное. Все это сеется под дождь именно в горах Дарваза, которые сравнительно богаче дождем, а в Ванче, напр., посевов под дождь не делают, вследствие отсутствия дождей, но за то здесь удобной земли значительно больше. Кап. Покотило посетил Дарваз летом и не видел скота, который был на летовках в горах, откуда вновь заключение, что в Дарвазе травы нет, а следовательно и скота нет. Но достаточно осмотреть внимательно дома Дарвазцев, чтобы убедиться, что при каждом есть скотный двор, хлев или конюшня с несомненными следами пребывания скота. Правда в Дарвазе действительно мало корму на зиму (корм тщательно выкашивается, или вернее выжинается серпом по берегам оросительных канав и ручьев) и вследствие этого скота держится немного, но он есть везде, а следовательно есть молоко, окраса пищи. Наконец земля здесь плохо родит без навоза и не могла-бы быть занята под посевами ежегодно, без оставления под паром. Одно, что можно сказать, это – что скотоводство здесь, так сказать, городское, небольшое. Из домашней птицы держат кур много, но все худые, питаются Божьим промыслом. Огородных овощей больше и разнообразнее, чем в других местах Центральной Азии. Так что в общем картина Дарваза получается совершенно другая, чем можно-было-бы получить из литературы, и я лично очень доволен, что ознакомился с этою провинцию, занимающею половину течения Панджа.

Единственное горе, что лошади, подъемная сила экспедиции, сильно истощились, а заменить их новыми на Алае – не хватит средств.

Что касается времени, то этим я не очень стесняюсь и если бы проникнуть в Кафиристан не удалось, а пришлось идти вдоль Кара-Корумского хребта, то раньше 20 Сентября я не рискнул бы спуститься в долину р. Раскема, ибо высокая вода в реке все равно не дала-бы возможности двигаться вперед.

Остановиваясь внимательно на событиях, заставивших экспедицию повернуть обратно в пределы России, я все таки стою на том, что я поступил правильно, не пойдя на пролом и не рискнув направиться на «авось» к афганцам, по следующим соображениям:

1). Афганцы не ответили на два моих письма, очень может быть потому, что местные начальники не рискнули пропустить меня, русского, без соизволения высших властей, но столь-же вероятно и другая версия, основанная на рассказах как Джумарчского бека и старшин, так и посланцев от Ак-Бар-Ша, что афганцы поспешно занимают путь из Дарваза в Шугнан, что уже явно свидетельствует о злом умысле их против экспедиции, а вместе с тем и объясняется нежелание ответить на письма. Ответить отказом – пожалуй не пойдет. Разрешить пройти и напасть – останется в руках документ, а так авось соскучится ожиданием и пойдет на пролом. Эта вторая версия подтверждается еще и тем, что Ак-Бар-Ша в видах личной выгоды распускал слух повсеместно, что русские помогают ему и что я прислан к нему с оружием и деньгами. Афганцам, следовательно, для которых слух этот распускался, захватить меня интересно.

2). В обоих письмах Сеид Ак-Бар-Ша, правда, заявляет о преданности своей русским и желании посылить служить экспедиции, но во втором письме он вместе с тем категорически заявляет, что дорога по Бартангу в это время года непроходима и что все дороги из Рошана на Памиры – крепко заняты афганцами; та-

ким образом, если бы я поддался искушению побывать в Рошане, то экспедиция могла-бы очутиться в безвыходном положении, будучи отрезана афганцами и от Памиров и от Дарваза, и пришлось-бы отступить на очень трудный перевал Ёду в Язгулям; самое пребывание в стране, охваченной военными действиями, без особенной надобности, подвергло-бы имущество экспедиции возможности быть ограбленным самими Рошанцами – и

3). Наконец, допустивши самый благоприятный исход, что афганцы ограничились-бы простым отказом пропустить нас и что отказ этот получился-бы нами где-нибудь в Рошане, или по дороге туда, то при трудности движения вверх по течению р. Панджа и необходимости два раза переправиться через Пандж на плотках из гупсаров, движение туда и обратно заняло бы по меньшей мере две недели, т.е. я очутился-бы в таком же положении, как и теперь, но только 2-3 недели после.

Совершенно другая картина получится, если я обойду кругом и, выйдя на Памиры, откуда у меня обеспечено отступление на все стороны, попытаюсь еще раз выйти в сношения с афганцами.

Принимая все это в соображение, а главное советы, как П.П. Семенова, так и И.А. Зиновьева – соблюдать величайшую осторожность и не причинять затруднений Правительству, я решил не подвергать экспедицию бесполезному риску почти в начале дороги и выйти на Памиры кругом, сделав лишних 500 в. по очень трудной горной дороге при 4-х высоких перевалах.

Дальнейший план экспедиции заключается в следующем:

Экспедиция через Тахта-Корумский или Янги-Даванский перевал выйдет на Кудару к разбойнику Сахиб-Назару, куда, по предварительному соглашению, Сеид-Ак-Бар-Ша должен направить ответное письмо от афганцев. Если ответ будет неблагоприятный, то экспедиция направится к С [...] и пер. Марджанай на Яшиль Куль, откуда через Большой Памир к Боро [...] и выйдет в сношение с Правителем Чатрара о пропуск экспедиции со стороны Чатрара в Кафиристан.

Если ответа не будет от афганцев, то экспедиция спустится по Гунту вниз и еще раз войдет в сношения с афганцами. В случае безусловного отказа афганцев и Чатрарцев пропустить нас в Кафиристан, мы направимся на Памир Тогдум Баше, куда и постараемся прибыть не позже 20-х чисел Сентября, чтобы направиться вдоль Кара-Корумского хребта к П [...] для связи со съемками Ген. Пржевальского.

Дороги вверх по течению р. Мук-су в это время нет. Туда можно пробраться в Октябре, следуя по руслу реки, а теперь только пешком. Ввиду сравнительно небольшого интереса долины р. Мук-су я решил идти на Дараут Курган.

Воды в р. Кызыл-су очень немного сравнительно с водою из Мук-су. Сегодня отстала собака экспедиции Сурок: она вероятно побоялась перейти через мост через р. Кызыл-су. Это мост действительно поразительный. Он ходит и трясется, как качели; под пешеходом и только Бог весть, как он держит лошадь с вьюком.

Сегодня явился старый наш знакомец Мирахур Ишанкул и привез из Гарма 3 дыни «Кандаляк». Это первые дыни в этом году.

2 августа 1889 г.

Среда 2/14 Августа.

Переход до зим. Дувана. Я сильно заболел в дороге и не мог доехать до станции.

3 августа 1889 г.

Четверг 3/15.

Дневка по случаю моей болезни. У меня открылся кровавый понос. Это последствие лихорадки и общего истощения организма, не оправившегося после трудов предыдущей экспедиции. Не малую толику подбавил и неудачный исход движения на Дарваз. Это новая и совершенно неожиданная задержка. Несмотря на боли в полости желудка, решил идти вперед хотя небольшими переходами.

Сегодня получил известия из Алая, что Волостной, Старшины, пятидесятники и все знатнейшие из киргиз вызваны на следствие в Маргелан. Без содействия этих лиц не удастся ни заменить истощенных лошадей новыми, ни даже принять для подъема вьюков или достать сведущих проводников к Сахиб-Назару.

Гостеприимство Бухарцев, т.е. доставление продуктов даром, положительно не в моготу. Понадобилась вам кринка молока или 10 яиц – бежит бухарский чиновник, вооруженный палкой из дома в дом и собирает от баб по одному яйцу или по ложке молока. Тоже с клевером для лошадей, ячменем и т.д. Все это делается на глазах и производит самое неприятное впечатление. Население дает неохотно и притом старается сбыть самое плохое; подчас более строптивые или скупые отказываются дать совсем и тогда крик, драка. Наконец доставили вам необходимое и оказывается, что молоко кислое, яйца тухлые, масло горькое, клевер гнилой и т.д. Поневоле приходится браковать. Производится новый сбор.

Все это далеко не влияет на распространении симпатии к русским, для которых, как гостей эмира, такой сбор производится. Вы отдариваете значительно больше стоимости продуктов, но подарки попадают не к дающему, а собирающему. Одарить всех, кто дал одно яйцо, сноп клевера или ложку молока – немислимо. Наконец принято одаривать халатами, что страшно разорительно для проезжающих, и главное – не достигает цели, потому что не вознаграждает потерпевших.

Я допускаю гостеприимство в Бухаре, где все продукты доставляются из кладовых Эмира или покупаются на его деньги, может быть можно допустить гостеприимство в больших городах, где живут Беки, представители Эмира, содержащие громадное количество служащих и следовательно имеющие громадные запасы счетных продуктов, уделить из которых нужное для продовольствия 5–6 русских – ничего не значит, но гостеприимство в попутных селениях, в особенности в бедных горных ханствах – позорно и положительно должно быть отменено. Это

тем более необходимо, что, насколько мне известно, не только неофициальные путники, каким в данном случае я, но и послы Каратегенского Бека к Ферганскому Губернатору не пользуются гостеприимством во время проезда, а только во время жизни в городе Маргелане. В этом смысле мною написано Управляющему Агентством В. О. Клемму.

4 августа 1889 г.

Пятница 4/16.

Переход очень небольшой до урочища Кара-Кульчак. На переходе дождь, промочивший нас жестоко. Я испугался возвращения лихорадки и остановился на ночлег. По дороге в зим. Ачик Альма производится жатва ячменя.

Сегодня узнал от Бухарских чиновников, что Шугнан занят афганцами окончательно, а Ак-Бар-Ша бежал, но сведения здесь несколько расходятся и по одним он будто бы бежал в русские пределы, а по другим – в Бухарские. По слухам среди киргиз, Афганцы заняли весь Памир, а Китайские Беки не пустили к себе выходцев из Шугнана, которые направились к оз. Большому Кара-Кулю. Кто говорит, что занят даже Сары-коль и Таш-Курган, принадлежавшие всегда бесспорно Китаю. Это известие было-бы роковым для экспедиции, ибо мы лишены были-бы возможности пройти даже вдоль Кара-Корума.

Кто говорит, что летовки Сахиб-Назара заняты афганцами, которые убили брата его. Словом известия крайне тревожные и совершенно неудобные для ученых трудов экспедиции. Говорят, что от Сахиб-Назара приехал на Алай брат Бахчибардара, убитого Сарыкольцами. Я приказал доставить к себе этого туземца.

5 августа 1889 г.

Суббота 5/17.

Переход до урочища Большой Карамук. Состояние здоровья моего ухудшилось, вновь открылись жестокие боли в желудке и почти непрерывный понос. Я держу строгую молочную диету, по три стакана молока кипяченого в день и 6 бисквитов. Больше ни чаю, ни решительно ничего. Желудок обвязал, принимаю опий и понять не могу причины ухудшения здоровья. Между тем понос истощает меня и причиняет жестокие страдания при езде верхом. Что-то будет дальше?!

Сегодня убил 3-х рябчиков и молодого сурка, раздробив ему голову дробинками. Пулею, даже разрывною, убить трудно, если он сидит над ямою. Надо попасть в сердце или в голову, иначе с самою тяжелою ранюю уходит в норы и там умирает.

На ночлеге, несколько выше реки, целый ряд озер крошечных, или вернее, глубоких затонов по роднику. Казаки бреднем наловили два ведра. Попадается

крупная до ½ аршина, а форель до ¼. Казаки первый раз видели форель и не могли налюбоваться ее красивыми красными пятнами.

Приехал брат Бахчабардара – Бабаджан. Он говорит, что все рассказанное им про Памиры и афганцев он слышал от проезжих торговцев.

Форель и сурков взяли для коллекции.

Лучшее время для охоты на рябчиков – утром и перед вечером, когда они идут, или возвращаются с водооя.

Сегодня отправил почту в Бухару. Письма Э.Г. Громбч.⁶⁰, С.К. Спасович⁶¹ и А.А. Боголюбову⁶². Клемму послал обстоятельное письмо.

6 августа 1889 г.

Воскресенье 6/18.

Переход до урочища Дараут-Курган – 40 верст.

Сегодня купил еще двух лошадей. Несмотря на отсутствие местных властей, киргизы, против обыкновения, не только не бежали, но выставили юрты, доставили ячмень и двух баранов на зарез. Это редкий случай и, кажется, благодаря одному влиятельному туземцу – Джума Бию.

Отпустил сегодня Бухарского Караул-Бегия, одарив его халатом суконным.

Здоровье плохо. Так ослабел, что руки трясутся. Сегодня 5 раз стрелял по рябчикам и все промах.

7 августа 1889 г.

Понедельник 7/19.

Переход до урочища Кызыл-Кунгей Шивыр – 21 верста, вверх по р. Туз.

Снова сегодня переменял 2-х лошадей. Делаю, что возможно, чтобы укрепить силы лошадей.

Сегодня уезжают от нас армяне. Они проехали с нами 1½ месяца. Едут в Маргелан, оттуда домой в Шушу и возвратятся обратно месяца через три с сахаром и сырцом, чтобы пробраться через Яркенд на Пильские нефритовые залежи.

Немец мой положительно невыносим. Предложил ему уехать сегодня в Маргелан. Уверяет, что я настолько болен, что оставить меня одного он не решается. От этого крапивного семени не избавишься. Вырастет, где не посеешь.

⁶⁰ Вероятно, речь идет о матери путешественника – Эмилии Громбчевской.

⁶¹ Это было письмо Владимиру Спасовичу, которое Громбчевский написал почти на месяц раньше (8 июля) в Кала-и-Хумб. (См.: *List z podróży kapitana Grąbczewskiego w Środkowej Azji do pana Wł.S. w Petersburgu* [в:] *Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego*, Poznań 1891, т. 18, с. 14).

⁶² А.А. Боголюбов – может быть, речь идет о ген. Андрее Андреевиче Боголюбове (1841–1909), любителе искусства и известном коллекционере центрально-азиатских ковров.

Делал астрономические наблюдения по солнцу и чтобы не тратить лишнего времени оставался в Дараут-Кургане, а вьюки отправил вперед.

Близ Дараут-Кургана – следы выплавки железной руды, но когда производилась выплавка и где место добывания – в памяти населения не сохранилось.

Измерил обе вершины Заалайского хребта: вершина западная, похожая на длинную палатку, выше восточной на 16’.

Разница в климате поразительная. Днем +22С. в тени; вечером в 9 ч. еще +14С., а под утро -2°С.

Брод через р. Кызыл-Су не трудный и пролегает через многочисленные рукава ея, по густым зарослям облепихи, где хорошие луга и много зайцев.

Долина реки Туз – широкая и на протяжении 10 верст сплошь представляет удобные места для обработки с готовыми оросительными канавами. В этом году посевы не производились за недостатком семян.

По р. Туз, впадающей с запада, на правом берегу реки богатые копи каменной соли. Копи эти пользуются большой известностью среди туземцев Ферганы, которые, перекочевывая на Алай, запасаются солью не только для себя и скота на лето, но и вывозят в большом количестве в долину. Конечно, это делают только киргизы. Соль – красноватая и зеленоватая. Образцы взяты мною в прошлом году.

По р. Туз и выше ее кочуют киргизы рода Теит (Ичкелики).

8 августа 1889 г.

Вторник 8/20.

Переход до зимовок Алтын-Мазар на берегу р. Мук-Су – 19 верст. Долина р. Минг-Тепи (Туз-Дара) в этом году мало поросла травой вследствие отсутствия дождей летом.

Перевал Терс Акар (течет обратно) совершенно для глаза незаметный. Ущелье совершенно полого подымается кверху и выходит на совершенно ровную, по-видимому, долину длиною до 2-х верст. Здесь с востока стекает из узкого ущелья речка Терс-Агар, воды которой разделяются: половина течет на север в р. Туз, а другая на юг в р. Алтын-Мазар.

Зимовки Алтын-Мазар расположены на отмели на правом берегу реки Мук-Су, которая течет по широкому каменистому ущелью многими рукавами. Река Мук-су составляется верстах в 3-х и 4-х выше зимовок Алтын-Мазар из речек Саук-сай, Каинды, Силь-Дара и Кошань Аянь, по которой расположен ледник Федченка.

В Алтын-Мазар 13 дв. киргиз рода Наймак. Здесь небольшие запашки ячменя и пшеницы, довольно большие травянистые луга и небольшие заросли тала (ивы).

Выше зимовок, на склоне горы, близ небольшого родничка Мазар (Алтын-Мазар) уважаемый местными жителями. Здесь покоятся останки святого Ходжи-и-Фаузульмана, покровителя золотоискателей, которые являются

сюда осенью в количестве до 100 и больше человек и, принеся небольшие жертвоприношения, состоящие преимущественно из горячей молитвы и горсточки муки (которая съедается местным Шейком, Мулла Азимом, потомком благочестивого святого), направляются дальше в Саук-Сай, где и производят промывку самым примитивным способом на бараньих шкурах. Золотоискатели – преимущественно бедные Каратегенские Таджики, работают артелями по 4 чел. в течение 30-40 дней, причем вырабатывают от 3 до 10 тиллей⁶³ на артель (тилля – 3 р. 80 коп.). Являются они обыкновенно не раньше половины Сентября, когда вода совершенно спадет и работают до конца Октября. Интересен здесь, общечеловеческий впрочем, факт, что даже самые счастливые из золотоискателей на обратном пути не заглядывают к святому и жертвоприношений не делают.

По левому берегу реки Мук-су против Мазара – высокие, вечно-снежные горы, отделяющие реку Мук-су от истоков р. Ванча. Горы эти заканчиваются на западе высоким остроконечным пиком, видимым с самого начала при входе в ущелье р. Ванча и называемым Гармо или Харами. Здесь Алтын-Мазарцы называют пик этот: Сымыс-Баур.

9 августа 1889 г.

Среда 9/21.

Дневка в Алтын-Мазаре.

Собираю и отправляю некоторую часть коллекции, а именно:

1). Четыре деревянные коробки с энтомологической коллекцией, 2). Три коробки из синей папки с жуками и бабочками, 3). Две банки со змеями и т.д. 4). 7 маленьких банок с пауками, 5). Одна с муш[...], 6). Жестяная коробка с фотографиями, 7). Решетка с цветами, 8). Образцы руды и 9). Бурка, ремни, калоши и т.д. Все это отправлено в г. Маргелан к доктору Николаю Матвеевичу Андрееву через Алайского Сельского Старшину Мусульман Куля и армянина Семена Кочарева, которые обещают доставить все в исправности.

10 августа 1889 г.

Четверг 10/22.

Переход до урочища Суяк Мазар по р. Каинды – 22½ в.

Дорога идет первые 4 версты по каменистому руслу реки Мук-су, а затем втягивается в ущелье реки Каинды.

Ущелье реки Мук-су постепенно расширяется, образуя широкую, до 3-х верст, каменистую котловину, в которую стекаются все ее истоки.

⁶³ Тилла – золотая бухарская или кокандская монета.

Ледник Федченка спускается почти вплоть до русла реки Силь Дара (Белены-Киик, Кокуй Бель) заполняя собою все ущелье Кошаль-Аяк. Некогда вверх по этому ущелью существовала дорога на истоки р. Ванча, но лет 60 тому назад один знатный таджик, Каратегенский Бек, Канахат Ша, отправляясь в долину реки Ванчъ, провалился в ледяные щели вместе с вьюками, яками и провожатыми. С тех пор движение прекратилось. Было-бы однако крайне интересно исследовать этот ледник и убедиться в недоступности его. Между прочим при существовании перевала Кошаль Аяк дорога в Ванчскую долину сокращается на целых 10 дней.

Река Каинды течет в узкой щели, густо поросшей арчею, березою (откуда и название Каин – береза) и кустами черной смородины, тамариска и барбариса.

Высокие берега реки покрыты хорошою травою, но животной жизни мы не встретили. Несмотря на то, что людей по ущелью нет, мы нигде не встретили козлов, даже сурков видели на протяжении 20 верст всего 2–3 штуки, а горных рябчиков массами встречаемых повсюду – мы совсем не видели. Причины такого отсутствия жизни объяснить не могу.

Места, удобные для остановки, следующие: уроч. Каиндыны-Кунуш в 11½ в. от Алтын-Мазара, берега р. Джайляу Куль в 15½ в. и наконец наш ночлег.

По мере подъема к верху арча мельчает и уже на урочище Суяк Мазар, на высоте 4260 метров, она растет ползучими лишаями. Тоже с кустами тала (ивы). Других древесных пород мы не встретили.

Вчера поздно вечером я наконец получил ответное письмо от афганского губернатора, доставленное мне через Бухарские власти. Письмо вежливое, но категорически извещающее, что он не имеет разрешения пропускать русских и не пропустит меня через афганские владения. Письмо мое он отправил к Эмиру Абдрахману и не замедлит ответ сообщить мне. Интересно, что в заключение афганский губернатор советует мне ехать куда мне угодно, лишь бы не через афганские земли. По-видимому дело с Ак Бар Ша уже покончено, так как в письме он сообщает, что возмутьившиеся Шугнанцы получили должное возмездие.

Я чрезвычайно доволен, что познания мои средне-азиатцев не обманули меня и что я не ожидал ответа в Ванче. Это задержало-бы меня на целых 10 дней, а результат был-бы тот-же. Теперь письмо это дает мне право с озера Яшиль-Куля вновь категорически обратиться к афганцам за ответом и направить экспедицию согласно сему последнему.

Вчера купил 20 баранов для обеспечения продовольствия экспедиции на Памирах, а для сбережения сил лошадей нанял 15 вьючных лошадей и столько-же киргиз, которые помогут поднять тяжести экспедиции к Сахиб Назару. Посмотрим, как встретит нас этот знаменитый Памирский разбойник.

Здоровье мое кажется начинает поправляться, хотя ко всем несчастьям прибавился еще геморрой. Это первые геморроидальные страдания в жизни, и я совсем не умею помочь себе.

Два-три дня уже болен мой мирза, а без него я как без рук.

Сегодня к нанятым мною киргизам явился какой-то киргиз-кипчак и начал уговаривать их не перевозить моих вьюков. Пришлось наказать нахала, но цель подобного науськивания осталась неразъясненною.

11 августа 1889 г.

Пятница 11/23.

Переход до урочища Кара-су по р. Белен-Киик – 37 верст.

Переход этот очень трудный, вследствие каменистого, плохо проторенного пути и высокого перевала Каинды.

Анероид мой врет неимоверно и показывал сегодня 5940 метров, т.е. больше 20/т. ф. Думаю, однако, что перевал Каинды выше 17/т. ф. Несмотря на такую высоту, лошади наши с тяжелым 8-ми пудовым вьюком вошли молодцами. Люди тоже никаких припадков не чувствовали. Это хороший признак, на случай, если Бог приведет переваливать Гималаи.

Горы по Белень-Киик совершенно безжизненны. По берегу реки, кое-где встречаются островки, покрытые травой, но ее далеко недостаточно. Характер гор совершенно напоминает горы к югу от оз. Болы-Кара-Куля и вообще Сары-Кольския.

Урядник Федор Козьякаев, командир козачьей эскорты Громбчевского.
Фотография сделана после завершения экспедиции.

Спустившись с перевала Каинды мы увидели стадо диких коз на склоне противоположных гор. Хотя расстояние было большое, больше 800 м., я пустил две пули из берданки, но, конечно, безуспешно.

Мой старший, урядник Козьякаев, хороший человек, но равно никуда не годится. Не проходит дня, чтобы не стряслась какая-либо беда с лошадьми. Сегодня опять переправляясь через реку утопил 3 аркана.

В Алтын-Мазаре мне говорили, что по р. Белен-Киик кочует 3 юрты Кипчаков и столько же по Кокуй Белю. По Белен-Киику людей мы не видели, хотя следы кочевков видели повсюду.

Горы левого берега Белен-Киика до половины завалены снегом, хотя не производят такого грандиозного впечатления, как Заалайский хребет со стороны долины Алая. Это происходит оттого, что снеговая линия здесь значительно выше.

Сегодня впервые встретил свою прошлогоднюю знакомую траву «терескен»⁶⁴, доставляющую прекрасное топливо.

Сегодня вьюки пробыли в пути 13 часов.

По преданию, среди киргиз по р. Кумыш Джинга когда-то добывалось серебро. Но где именно – не знают.

12 августа 1889 г.

Суббота 12/24 Августа.

Переход вверх по р. Белен-Киик до урочища Янги-Даваны-Аузы – 25 верст.

Дорога на всем переходе прекрасна, но долина поражает безжизненностью. Ничего, кроме терескена и др. кустарников, годных разве для питания верблюдов.

Между устьем р. Зулум-арт и Джайляу куль встретили массу зайцев; несмотря на трудную охоту без собак убил пару. Шкурки впрочем еще линяют и для коллекции не годятся. Жаркое зато к обеду имели превосходное, кстати, был и салат: абрикосы в уксусе.

Ночлег на очень высоком месте: 5283 метра, что, если aneroid не врет, составляет около 18/т. футов. Энтомологические сборы прекратились. Второй день не находим решительно ничего.

Сегодня сделал проверку в сундуках со спиртом и оказалось, что в 4 больших $\frac{1}{4}$ ведерных банках нет почти ни капли. Удивлению моему не было пределов, так как сундуки со спиртом постоянно заперты, а ключи находятся у коллектора. По ближайшему осмотру оказалось, что вследствие недосмотра г. Конрада притертые пробки были перемешаны и неплотно запирали банки со спиртом. Такая небрежность просто невыносима: экспедиция потеряла $\frac{1}{2}$ всего спирта, а содержание коллектора обходится страшно дорого. Для него содержатся 4 лошади и человек (верх., две под вещи и под человека), кроме жалованья и полного содержания. Это уже второй случай поразительного невнимания к своим обязанностям.

Здоровье мое все хуже. Я страдаю сильнейшею мигренью; вероятно, это влияние разреженного воздуха на ослабленный организм.

Завтра перейдем перевал Тахта – Корум (дощатые валуны) и явимся неожиданными гостями к Сахиб Назару. По рассказу киргиза, этот знаменитый разбойник сильно состарился и проводит дни в молитве с четками в руках, но дело его

⁶⁴ В *Дневнике* написано «терескен», но должна быть «терескен» (лат. *Krascheninnikovia ceratoides*).

продолжают сыновья. Несколько же лет тому назад это был поистине славный разбойник. Так напр. он напал на Алайских киргиз и в один раз угнал 1/т. лошадей у Ошского киргиза рода Кудагачик –Тунчи-Бая, который из богача в один день обратился почти в бедняка. Я знал старика, который подробно рассказывал мне этот эпизод и показывал глубокую рану, полученную при защите лошадей. Он тоже успел нанести сабельный удар Сахиб-Назару и прорубил ему руку, после чего он перестал ею владеть.

В прошлом году на верховьях реки Ак-Су мне показывали Мазар Саудагер-Тет (гробница торговцев), причем рассказывали следующее: Из Бадахшана в Кашгар шел большой и богатый караван в пятьдесят слишком лошадей при 26 погонщиках и хозяевах. По дороге догнал их какой-то киргиз, пристал к каравану и оказывал различные мелкие услуги, добывая топливо, указывая хорошие места для остановок и т.д.

Близ перевала Андеманык новый спутник взялся караулить ночью лошадей и, когда все уснули, то отогнал лошадей, вызвал шайку из-за перевала, перерезал всех до одного торговцев и захватил товары. Оказалось впоследствии, что это был сам знаменитый Сахиб-Назар. Таких легенд про него масса. Посмотрим, как отнесется к нам старина?!

13 августа 1889 г.

Воскресенье 13/25.

Переход до урочища Юкареш-Кун-Дунг – 19 верст.

Переход трудный. Самый подъем на перевал Тахта-Курум (доцатая осыпь) чрезвычайно доступный, но дорога трудна вследствие того, что пролегает на протяжении 6 верст по осыпи из крупной, плитообразной гальки. Горы, окружающие ущелье, завалены снегом. Наши киргизы оставили своих лошадей под перевалом и пошли дальше пешком. Они не боятся воров, потому что те или направятся следом за нами через перевал и попадут к нам в руки, или же направятся к Алтын Мазару и будут задержаны родственниками наших киргиз. Волки, по словам киргиз, теперь не опасны, потому что не голодны. Они имеют обильную жатву среди сурков.

Речка течет широким руслом, загроможденным каменистою осыпью, подчас запружающею течение реки, которая образует озерка. Самое большое из них, больше 1 версты, у самого перевала и выглядит чрезвычайно живописно. Озера совершенно безжизненны. Отовсюду стекают ручейки из снеговых масс. Между камнями цветочки *primula*, подснежников и т.д.

Перевал мягкий с широкою вершиною. Спуск с перевала крутой и по каменистой осыпи на протяжении версты.

Южная Тахта Курум течет по широкому мягкому ущелью; травы много, но топлива нет.

На ночлеге топливо (кизьяк), но травы совершенно нет. Лошадей отправил назад за 5 верст на траву. Людей нигде. Отправил на поиски. Поздно вечером приве-

Лишенные растительности горы Сел-Тау и дорога на перевал Тахта-Курум.

ли одного родственника Сахиб Назара, который проговорился, что о намерении моем посетить эту часть Заалайского хребта они знают уже несколько дней, так как им дали знать из Дараут-Кургана. Хорошая у киргиз полиция! Приказал передать Сахиб-Назару, чтобы завтра явился ко мне в лагерь и доставил баранов на продажу и двух проводников.

Ночуем с некоторой предосторожностью. 5 Казаков отправил с лошадьми. Г. Конрад по-видимому сильно трусит близости разбойничьего гнезда и вызвался стоять на часах с 9 до 12 ч. ночи.

Завтра спускаюсь ниже по течению реки, чтобы пристроиться к астрономическому пункту капитана Путяты⁶⁵.

14 августа 1889 г.

Понедельник 14/26.

Переход до урочища Туменги-Кок Дунг – 5 верст.
Здесь подножный корм есть, но кизяку очень мало.

⁶⁵ Дмитрий Васильевич Путята (1855–1915) – русский офицер, впоследствии генерал, руководитель памирской экспедиции в 1883 году, автор отчета из этой поездки. (Дмитрий Васильевич Путята, *Очерк экспедиции ГШ капитана Путятя в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан в 1883 г.* [в:] „Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии”, Военно-ученый комитет Главного штаба, Санкт-Петербург 1884).

От Сахиб-Назара никаких известий не было. Послал сказать, что если к полудню не явится, то к вечеру я навещу его. Приехал. Это старик почти 70-летний с типичною киргизскою физиономиею: редкою, седою бородою, заплывшими старческими глазами, которые набирают огня и блеску, когда речь заходит о прежних его подвигах. Сахиб-Назар по-видимому трусил, но, обласканный мною, разговорился и обещал всякое содействие.

Афганцы овладели Шугнаном и Рошаном. Ак-Бар-Ша бежал в Ванчъ, а Рошаном в качестве наместника рошанец-же Разушь, который во время пребывания в Шугнани Ак-Бар-Ша проживал в Язгулеме.

Небольшой афганский отряд был у Сахиб-Назара, чтобы преградить путь Ак-Бар-Ша, но ушел восвояси после окончания войны. Ак-Бар-Ша действительно взял у Сахиб-Назара 12 лошадей и много др. вещей в наказание, что он не умертвил или не перепродал 3 афганцев и Ходжа-Назара с Мостоном, а брата Сахиб-Назара Джиял Бая, захватив вместе с Ходжа Назаром в плен в Ишкашимае, продержал 3 месяца в кандалах и отобрал у него все вещи, данные ему афганцами. Этим он восстановил против себя Сахиб Назара, который запер дорогу.

На Яшиль-Куле стоит сильный Китайский отряд под начальством Д [...], с целью не пропускать беглецов из Шугнана в пределы Китая т.е. Сарыкола. Шугнанцы бедствуют. 100 семей перешли в Сарез, но Сахиб Назар не пустил их дальше, в пределы России. 200 семей голодают на Яшиль-Куле.

Сахиб Назар отсоветовал мне идти на Сарез в Яшиль Куль, говоря, что вода большая в Мургабе. Не могу последовать его совету, ибо, идя кружным путем, наткнулся на китайский отряд.

Сахиб-Назар с оживлением рассказывал о нападении своем на Канджут, где он с 20 человеками напал на укрепленное селение Мыскар и овладел им, а затем отступил с богатою добычею, потеряв только 1 человека. Теперь он совсем бедный и больной старик. У него 4 сына. Самый младший Худай Назар несколько лет тому назад с двумя товарищами отправился на Алай за барантой и был захвачен киргизским караулом близ Кызыл Арта. Киргизы не признали в нем сына столь известного Сахиб-Назара и, считая за простого воришку, вели связанным. Мальчик попросил развязать ему руки, как-бы для естественной надобности и в тот момент, когда ему руки развязали, выхватил шашку у развязывавшего киргиза, ловким ударом свалил его, а сам вскочил на лошадь и благополучно ушел от преследований. Худай-Назару еще нет 25 лет: он подает блестящие надежды.

Сахиб-Назар беден, потому что состоя на службе у бывшего правителя Шугнана Фарх Али Шаха все награбленное передавал ему. Фарх-Али Шах пожаловал его чином Бия и Датхи, но после убиения этого правителя афганцами дела Сахиб Назара пошатнулись. Он обеднел и охилел. По характерному выражению его – «настали узкие времена». Подошли русские, китайцы и афганцы и нет уж поля для деятельности его.

Одно время Сахиб Назар забастовал и перестал заниматься грабежом, вопреки этому и детям, но, узнав, что соседние киргизы каждую кражу все таки приписывают ему, сказал киргизскую пословицу: Буры' ииса куйны-аукок, шёмеса хам аузы как, т.е. волк ест-ли баранов – рожа в крови (т.е. состоит в подозрении) и если не ест – тоже рожа в крови, и вновь благословил детей своих на новые подвиги.

Интересен рассказ Сахиб-Назара об убиении 7 чел. (4 мужч. и 3 женщ.) два года тому назад русскими. В 85 году в Фергане появились шайки, которые произвели сильное волнение среди туземного населения и подавить волнение стоило больших усилий администрации. Тогда были некоторые косвенные указания, что на волнения влияли причины извне, но так как прямых улик не было, то дело это кануло. Теперь Сахиб-Назар рассказывает, что один из деятелей восстания Мах. Карим Датха жил близ его аулов и находился в постоянных сношениях с Кабулом, через посредства Шугнанского Губернатора Гульзор Хана. Сахиб Назару лично известно, что Мах. Карим Датха переслал Дервиш Хану (под эгидою которого поднято было восстание) одну лошадь (8 пудов) рупии. Сахиб Назар, как человек опытный, предугадывал, что пребывание Мах. Карима Датхи среди его аулов принесет ему несчастье и решил известить пограничные русские власти, для чего он снарядил в дорогу своего младшего сына. Но так как среди азиатов ничего в секрете не сохранится, то о цели поездки проведал Мах. Карим Датха и перехватил на дороге Худай Назара вместе с письмом к Ошскому Н-ку уезда. Письмо это послужило уликою неопровержимую и Мах. Кар. Датха не замедлил об измене Сахиб-Назара уведомить Губернатора Гульзор Хана. Сахиб-Назар был вызван в Кала-и-Бар-Пандж для допроса и заявил, что он человек бедный, русских боится и не желает давать притона Датхе, так как рано или поздно русские проведают и накажут его, Сахиб-Назара. Если желает драться с русскими, то пусть отправляется в Фергану, а не разоряет таких же мусульман, как он сам. Гульзор-Хан пристыдил Сахиб-Назара, что он изменяет общему делу правых, но никакому наказанию его не подвергнул, и все осталось по-старому.

Однако предчувствия Сахиб-Назара оправдались: Администрация проведала о происках Мах. Карим Датхи и для поимки его командирован был капит. Г. Когда он явился в аул, то из юрты кем-то произведен был выстрел. Капит. Г. открыл огонь по закрытым юртам, в результате чего оказалось 7 чел. убитыми и несколько раненых. В заключение Сахиб-Назар заявил, что он претензии не имеет к русским, но киргизам рода Уш [...] Огул не простит. Из родни Сахиб Назара убиты: двоюродный брат, родная дочь и внучка.

Приехавший к Сахиб Назару посланец от наместника Рошана рассказывал, что Ак Бар-Ша геройски защищал Кала-и-Вамар. Афганцы против укрепления сосредоточили всю артиллерию и заставили выйти Шугнанцев за завалы. Ак-Бар-Ша два раза отбил атаки афганцев, но затем, ввиду значительно превосходных сил афганцев бежал. Афганцы за завалами нашли 112 трупов. По горам погибло Шугнанцев без счету.

Сахиб Назар доставил баранов и проводников, за что кроме платы получил он и сын его Худай Назар по халату. Мне особенно приятно было слышать, что Сахиб-Назар и его люди с удовольствием вспоминают о пребывании у них членов Памирской экспедиции Капитана Путяты и экспедиции Грум-Гржимайло⁶⁶.

Сегодня производил определение широты, желая примкнуть к работам Памирской экспедиции 83 года, к сожалению, руководствуясь отчетной картой астрономи-

⁶⁶ Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860-1936) - русский путешественник, географ и зоолог, в 1884-1887 гг. организатор научных экспедиций в Центральной Азии (включая Памир, Каратеген и Дарваз).

ческих работ этой экспедиции, я ошибся в выборе места. Впоследствии, когда работа была почти окончена, приехал Сахиб Назар и сообщил, что Кап. Путята производил определение приблизительно на $1\frac{1}{4}$ в. западнее того места, где стоял я. На ошибку немало повлияло неточное определение места. Кап. Путята пишет, что наблюдение произведено им на урочище Кок-Джар в летовках Сахиб Назара. Но Кок-Джар тянется на 10–15 верст, а летовки свои Сахиб-Назар, как и каждый другой киргиз, меняет приблизительно еженедельно, т.е. когда скот выест траву. Место, где стояла Памирская экспедиция 83 года, носит название Урус булак, т.е. родник русский.

По добытым здесь сведениям на Аличуре верстах в 20 западнее оз. Яшиль-Куля стоят афганские пикеты и в стольких же приблизительно восточнее – китайские. Ввиду вышеизложенного я решил идти по р. Мургабу до сел. Сарез, и оттуда через пер. Марджанай выйти прямо на оз. Яшиль-Куль, в надежде, что экспедиции удастся проскользнуть между пикетами. Вообще трудно было умышленно выбрать более неблагоприятное время, как теперь. Все складывается против нас. Сахиб-Назар очень допытывался, что я сделал с Мостоном. Оказывается, что афганцы настоятельно требовали выдачи его. Среди сподвижников Ак-Бар-Ша был родной брат Мирамар Мурат Бека Правителя Дарваза. Хорош гусь! а как клялся и божился, что он не имеет решительно никаких сведений о положении дел в Шугнана.

На верховьях р. Кудара зимою очень много коз. Бывают и архары. Это главная статья питания местных жителей. Счастливым охотникам удается убить по 5 и больше штук.

Нашего прошлогоднего проводника Абака и здесь знают под именем Ит-итлис т.е. собака не догонит.

15 августа 1889 г.

Вторник 15/27 Августа.

Переход до урочища Джар-Утек по р. Какуй-бель (юж.) – 23 версты. Дорога на всем переходе прекрасная. Иду небольшими переходами потому, что подножный корм имеется только сегодня и завтра. Дальше, по заявлению проводника, до Яшиль-Куля травы нигде нет. Как выдержат наши бедные лошади?

Водораздел между р. Шурали (Кудара) и Ир-Кияк (Кокуй-бель) едва приметный. Долина реки Кокуй-Бель и правого притока ее Ир-Кияк чрезвычайно солонцеватая.

Проводник мой Джиян Бай кальтатук (короткоодежды) – родной племянник Сахиб-Назара, знает прекрасно местность, человек, изъездивший Кашгарию, Фергану и Бадахшан до Мазар-и-Шерифа. Он пренаивно рассказывал, как в течение 3-х лет состоял лазутчиком у бывшего Губернатора Шугнана, Гульзор Хана, который ежегодно отправлял его раза два в Фергану и столько же в Яркенд и Кашгар для собрания сведений о том, что делают русские и китайцы.

Приезжая в Маргелан, он останавливался в кв. Тахта Ку у торговца в Гуревале Дамин Бая, который имеет много знакомых в Нов. Маргелане и через них доставлял сведения о передвиженьях войск, местных событиях, налогах, недо-

вольствия населения в кв. Туда-Макия у детей и родственников Ишана Сеида и Бахрам Токсабы, которые доставляли ему все нужные сведения. В Кашгаре он доставал нужные сведения через бастахшанца Мирза Шукура и Абдуллу Диванбеги. Но особенно много услуг оказывал Гульзор Хану проживающий в Маргелане или Кашгаре афганец Абду Расул Бай, к которому он неоднократно возил письма от Гульзор Хана и обратно. Таким образом предположения мои, что афганцы и [...] проживающие в Туркестане, служат лазутчиками для афганского и английского правительств – вполне оправдались. Кроме сего, Джиян Бай рассказывал, что через посредство Ошского жителя, сел. Биш-Тал, близ Сулы-кишлака, Махомед Бай, Гульзор Хан поддерживал сношения с кипчаками андистанского уезда Курган Тюбинской волости (центр волнений 85 г.), а брат Махомед Бая – Мауляк принимал деятельное участие в волнении. Все эти показания дышат правдою, да и проверить не трудно – существуют ли такие люди в Фергане.

По словам того-же туземца, теперь в Шугнани 2.500 чел. афганского войска (1/т. кав. 1½ пехоты) при 8 орудиях, под начальством Джарнейля Ша-Сеид-Хана и Карнейля Фархар Хана. Бывший Губернатор Вахана Ак Датха недавно умер, а на его место еще никто не назначен. Равно еще не назначен и губернатор Шугнана, а страна пока управляется военными властями. Эмир Абдурахман проживает все еще в Мазар-и-Шерифе. О зверствах его рассказывают невероятные вещи. Так напр. родственники бывшего командующего войсками в Шугнани и Вахане Джарнейля Сеид Али Хана, перешедшего на сторону Исхак-Хана, все ослеплены, причем мужчинам выкололи оба глаза, а женщинам по одному. Одного командира полка (фамилия проворана на столько, что я не записал), попавшего в плен к Эмиру, постигла следующая участь. Его подвязывают за шею, так что он не может ни лежать, ни сесть, и приставленные часовые ударами по голове будят несчастного, если он вздремнет стоя. Если он проголодается, то пищу подают ему, но сухую (т.е. мясо, плов и т.д.) и то сильно соленую; когда же он попросит пить, то дают настой на табаке, производящий страшную рвоту. В этом виде его обвозили по всем городам Бадахшана и выставляли на показ народу на базарах. В руках Сахиб Назара всего было 12 чел. афганцев, которых прислал к нему Ак-Бар-Ша с приказанием продать хотя-бы за один аркан, а если никто не купит, то убить. Сахиб Назар 4 отправил с Джиян Баем в Ишкашим, 4 спрятал в Муджи у Алайчи бека и афганцы эти теперь освобождены Китайским Генералом Джан Дорином; Мостон попал ко мне, а три афганца живут по настоящее время в сел.

Орошар, но боятся вернуться в Бадахшан, так как они были сторонниками Мад Исса Хана⁶⁷.

Сегодня узнал, что на озере Большом Кара-Куле уже вторую неделю живет 19 чел. Англичан и афганец. Интересно знать, знает-ли наша администрация о присутствии незваных гостей? А известить не через кого, да и запоздает известие.

По дороге встречал много архарьих рогов. Проводник уверяет, что летом архары держатся высоко в горах близ Кара-Куля, а зимою спускаются сюда.

Пытался было снять портреты Сахиб-Назара, но, кажется, безуспешно. Негативы не годятся.

⁶⁷ Скорее всего, Громбчевский имел в виду Ишак-Хана.

Сегодня пристала к нам на ночлег черная собака еле живая от голоду. Мы ее накормили и взяли к себе. Киргизы считают это дурным предзнаменованием. Проводник (сам известный вор) предупреждает нас быть осторожными от воров. На часах 6 человек, которые должны охранять лошадей за ночь.

16 августа 1889 г.

Среда 16/28 Августа.

Переход до урочища Тымыр-Утек по р. Кара-булак – 11 верст. Сегодня сделал переход небольшой как потому, что, по заявлению проводника, дальше вплоть до Яшиль Куля травы нет, так равно и потому, что надеялся поохотиться на медведей, которые, по слухам, водятся на верховьях Кара-булакского ущелья. По дороге проходили мимо озера Ша урли-куль (мелкий камыш), находящегося у русла реки Кокуй Бель, несколько выше впадения р. Буз-Байтан (сивая кобыла). По рассказу туземцев в этом озере много рыбы. Есть рыба с зубами (надо полагать щука), но мы с нашим малым бреденьком, при громадной глубине озера, ничего не могли поделать.

По р. Кара-булак повсюду прекрасная кормовая трава. Везде масса архарьих и козлиных рогов. Это трофеи Сахиб-Назара и детей его, которые ежегодно зимуют в Кара-булакском ущелье. По рассказу проводника, здесь зимует 15 кибиток, причем каждая кибитка убивает ежегодно от 200 до 300 штук. Это цифра почтенная – от 3.000 до 4500 голов. Видя повсюду массу рогов, приходится верить этому рассказу, тем более, что это единственное занятие и средство пропитания (кроме воровства) местных жителей. Скота у них очень мало, а зимою, когда скот перестает доиться, мясо диких коз и архаров составляет единственную пищу. Кожи они выменивают у таджиков Сареза, Таш-Кургана и Орошара – на муку.

Интересен прием, употребляемый охотниками для доставления тяжелой ноши с мясом в аул. Они убитого зверя обдирают с кожи на том месте, где он убит, затем мясо разбивают на туши, все это укладывают на рога убитого зверя как на салазки и спускают с горы вниз.

Внизу по р. Буз-Байтан и Кокуй-Бель снег выпадает в редкие, исключительные годы и то в самом незначительном количестве. Морозы за то бывают жестокие. На горах выпадает снег, заставляющий зверей спускаться вниз на луга, где они становятся добычей охотников. По р. Танымес в местности Араль (на верховьях р. Танымес) имеется богатая медная руда, которая однако не разрабатывается за отсутствием сбыта.

По р. Кударе, в местности Басыт-и-Кара-белес промывается золото таджиками из Рошана. Здесь-же промывается золото и по распоряжению Правителей Рошана. Делом этим занимаются исключительно жители сел. Басит по р. Бартангу 60 дв., которые ежегодно весной и осенью вносят как-бывшим правителям Рошана, так и афганским властям по 260 тиллей золотом (520 тил. около 3/т. рублей). Кроме того, по р. Кокуй-Бель, несколько ниже ущелья ведущего на перев. Туз-Бель, на урочище Тукай-Баши имеются копи серы.

Селитру вываривают или из солонцов по р. Кокуй-Бель, на урочище Джар Утек, или же на урочище Янги-Ир, к югу от оз. Большого Кара-Куля. Интересен факт, что афганцы сами признают наши права на Рошен, как на владения, лежащие на правом берегу р. Пянджа. Так бывший Губерн. Шугнана Гульзар Хан брал громадные налоги с Шугнана и очень незначительные с Рошана, и на жалобы населения на неравномерность налогов отвечал, что Рошан – собственность России, и овладел он им хитростью и не хочет возбуждать неудовольствия населения.

Вообще казалось-бы необходимым произвести разграничения и устранить возможность ежегодно повторяемых незаконных сборов афганскими властями закета с баранов зимующих на оз. Большом Кара-Куле. Сборы эти производятся, конечно, только ввиду отсутствия зимою на оз. Больш. Кара-Куле представителей русской администрации.

Сегодняшняя охота была неудачная. Я проездил несколько часов по невозможным дебрям и не нашел не только медведя, но и архаров. За то на вершине перевала Кара-Булак я встретил озеро около 1 версты в квадрате, а на нем массу красных памирских и др. уток, а также гусей. К сожалению, они подымались за ½ версты и, несмотря на все возможные хитрости, ближе 500 м. не подпускали. Я пробовал подходить к ним способом киргизским, т.е. идти прикрываясь неоседланною лошадию, которая щиплет траву и подвигается чрезвычайно медленно, но и это не удавалось. Тогда я испробовал способ, которым подходил к дрофам в степях долины Ферганы: связал несколько кустов терескена и, прикрываясь ими, пополз к озеру. Ползти было чрезвычайно трудно вследствие редкого воздуха – озеро на 14500 ф. и болотистого солончакового берега озера. Наконец после почти 1½ часового медленного движения я подполз на выстрел и с обоих стволов двустволки свалил одну красную и одну обыкновенную утку. Я был весь мокрый от усталости и, кроме того, промок, ползя по болоту, что вероятно плохо отзовется на моем здоровье. Да уж такая страсть эта охотничья жилка. Убивши, пришлось раздеться и по топкому дну идти за добычею. Охота закончилась 5-6 бекасами, после чего я совершенно усталый и голодный вернулся в лагерь. Такая строгость дичи меня непомерно удивила, так как не только на озере, но и в ущелье не было следов свежее ранней весны.

Собака, приставшая к нам вчера, также таинственно ночью исчезла.

17 августа 1889 г.

Четверг 17/29 Августа.

Переход до реки Мургаб в 4 верстах ниже уроч. Мазар – 22½ версты. Переход небольшой, но очень трудный. Мы пришли на ночлег совсем впотьмах только к 8½ ч. вечера.

Перевалы Кара-Булак не крутые, мягкие и нетрудные. Их два на расстоянии около 2½ в. один от другого, а между ними озеро, на котором мы вчера охотились. Спуск с южного перевала очень крутой, в особенности при спуске на реку Хатс-Рабар, где окружающие отвесные скалы образуют уютную стоянку, закры-

вающую от ветра. К сожалению, здесь нет травы, но она имеется близ перевала в 1 версте дальше. Дальше дорога на протяжении 10–11 верст идет по очень узкому ущелью – Кунгур, по осыпи из сплошной крупной гальки. Эта часть дороги для лошадей представляет громадную трудность. Они сильно поранили ноги, и проход наш обозначился широким кровавым следом. Эта часть дороги напомнила мне движение в прошлом году по Канджуту. Жара допекала страшная. Ущелье Кунгур с сильным уклоном к реке Мургабу. На протяжении 10 верст мы спустились на целых 5/т. футов.

На реку Мург-об (птичью реку) мы вышли на урочище Мазар. Здесь небольшая площадка, густо поросшая талом. Из под осыпи ущелья Кунгур вырывается большой и многоводный родник чистой холодной воды. Мы рассчитывали остановиться там на ночлеге, но здесь даже признака травы не было. Вся трава, а также кусты терескена съедены были до чиста скотом беглецов из Шугнана. Мы их встретили на урочище Хатс-Рабар в числе больше 20 семей. Они окружили меня и с тревогою спрашивали, позволит ли им русское правительство где-либо приютиться. Ужас их перед афганцами – невыразимый. Оказалось, что это все родственники Юсуф-Али-Ша, главного защитника их родины, бежавшего с Ак-Бар-Ша в Бухару. Афганцы назначили цену за голову его и объявили его и родню его вне закона. Каждый мог свободно убить или ограбить любого из беглецов и не только не подвергся бы наказанию, а наоборот, получил-бы награду от афганских властей. От беглецов я узнал, что остальные беглецы из Шугнана, в числе около 170 семей, решили вернуться на родину. Их, несмотря на награду, не только не притесняли, а наоборот, всячески помогли им выбраться подальше от Афганцев. Беглецы горько жаловались на китайцев, которые, продержав их на Аличуре около 2-х месяцев под различными предлогами, стянули туда сильный военный отряд, который преградил им путь в Кашгарию. Бедствия беглецов описать невозможно. Они потеряли большую часть скота и вещей, будучи постоянно ограбляемы Памирскими киргизами. Часть скота издохла от бескормицы; часть идет, но еле держится на ногах. Хлеба у них нет. Все в рублищах, голодные, оборванные. Сердце обливалось кровью при виде крошечных детей, почти нагих, выставленных на холод, который теперь уже по ночам достигал до -8 С. Видя их по истине бедственное положение, я старался их отклонить от движения на Фергану, представляя, что им придется идти дней 15–20 и проходить не только среди киргиз русских подданных, которые не преминут воспользоваться бедственным положением беглецов, но и мимо Сахиб-Назара, этого известного разбойника. Но они все в один голос заявляли, что, направляясь в Ферган, они может быть потеряют остатки имущества, но все таки останутся живы, тогда как, возвратившись на родину, они все до одного будут перебиты. Ненависть их к афганцам трудно описать. Они говорили мне: «Вы не знаете афганцев, это лютые звери. Они сожгли наши дома, разграбили имущество и назначили цену за наши головы. Мы в Шугнана не имеем девушек, все они взяты афганцами. Жен наших они насилуют на [...]. Нет, мы вернемся только тогда, когда русские оружием замкнут нам дорогу. Тогда все равно, кем быть убитым». Женщины и дети окружили меня, целовали руки и просили дать им охранные грамоты. Видя их непреклонную решимость идти в Фергану, я советовал им идти на оз. Кара-Куль и спуститься в долину Большого Алая через пер. Кызыл Арт; кроме сего,

я дал им письмо к Мирза Паясу и Т[...], с просьбою оберечь беглецов. Направляясь на оз. Большой Каракуль, они не проходили мимо Сахиб-Назара, который оставался в стороне от дороги на оз. Кара-Куль, тогда как направляясь на пер. Тахта Курум они проходили через стойбища Сахиб-Назара. Напротив, проводник наш Джиян Бай уговаривал их идти на пер. Тахта Курум, чуя, что почтенный дядя его получит хорошую добычу. Еле мы отошли от беглецов, как Джиян Бай сообщил нам, что Сахиб-Назар имеет строгий приказ от афганцев не пропускать беглецов, а связанными отправлять обратно. При этом Джиян Бай рассказал, что Сахиб-Назар совсем готов с оружием в руках защищать проходы, как он защищал их против Ак-Бар-Ша; я не утерпел и через Мирзу сообщил беглецам об ожидающей их участи, если они не пойдут на Кара-Куль. Вообще картина бедствия была самая ужасная и возможная только в Средней Азии, где один из властителей, завоевывая страну другого, вырезывает поголовно население занятой страны.

Большие таборы беглецов мы встретили только на урочище Хаст рабат. Дальше по дороге тянулись в одиночку больные, дети, старики и женщины. Все с котомками за плечами, в рубищах. Женщины в большинстве с грудными детьми. Повсюду масса трупов телят, баранов, ишаков и др. более мелких животных, не вынесших тяжести пути. Трупы эти лежали тут же на дороге, частью ободранные с кожи, которая пошла на обшивку пораненных острыми камнями ног. Жара произвела свое действие. Трупы животных были жестоко вздуты и издавали зловоние, от которого мы задыхались. Выехав на урочище Мазар на берегу реки Мургаба, мы не нашли признаков травы, а зловоние от разлагавшихся трупов было такое, что выдержать было невыносимо.

Проводник наш, объехав заросли, среди кустов в дальнем углу от дороги, разыскал одного Шугнанца, который с двумя крошечными детьми обдирал пададь. Приведенный к нам, он трясся от страха и, несмотря на ласковое обращение, долго не мог проговорить слова. На поданную пищу он набросился жадно и, только утолив голод, вспомнил о детях и спрятал кусок хлеба за пазуху. Он отвечал на вопросы неохотно, осматривая нас исподлобья, недоверчиво. Так держит себя лисица или волк, попавшие в капкан. От Шугнанца мы узнали, что река Мургаб брода не имеет. Беглецы прошли по импровизированному мосту, построенному ими-же, который они надломали, опасаясь погони афганцев. Крупный скот, тяжести которого мост не мог-бы выдержать, переправлен был вплавь. Так как оставаться на урочище Мазар было невыносимо, а солнце еще было высоко, то я решил воспользоваться остатками моста, починить его и переправиться на левый берег реки в надежде дальше от переправы разыскать хотя-бы терескен, чтобы хоть чем-нибудь поддержать наших бедных лошадей.

«Мост» находился в одной версте ниже Мазара, в месте, где посередине р. Мургаба лежит большая скала, послужившая устоем для середины моста. Он состоял из двух бревен, перекинутых с левого берега реки на скалу и кое-как укрепленных на ней, а также из двух других, перекинутых со скалы на другой берег. Поверх бревен была положена редкая настилка из хворосту, который гнулся и ломался под ногами, а ширина р. Мургаба в этом месте достигала 20–25 сажень при бешеной быстроте почти горного потока. Концы бревен правого берега были надломаны и погрузились в воду, которая стремительно неслась поверх их.

Настилка в этой части моста была сорвана водою. Осмотрев, мы быстро принялись за возможную починку моста, так как к вечеру вода сильно прибывала и можно было ожидать ежеминутно, что мост рухнет. К надломанным балкам надвязаны были новые, набросан был хворост и мост готов. Правда он гнулся и трясся, когда человек входил на мост, но исполнял свое назначение. Первыми были перенесены денежный ящик, бумаги и инструменты, затем приступили к переноске остального багажа. Вскоре все [...] были на левом берегу Мургаба. Началась переноска кухонных принадлежностей, как вдруг раздался треск и вопли о помощи. Подбежав к берегу реки я увидел, что проводника нашего киргиза Джиан Бая несет вода по середине реки. Джигита-же экспедиции Сафара с громадным вьюком за плечами с провизией, обвернутого в кошму, течением отнесло в глубокий затон к правому берегу. Сафар плавать не умел и наверное погиб-бы, если бы его не поддерживал на поверхности воды тук привязанный крепко за спиною. К сожалению кошма быстро намокала, вьюк погружался глубже в воду и тянул за собою киргиза, который барахтался, беспомощно махал руками и захлебывался. Первый Мирза экспедиции Фазыл-бек успел всунуть палку в руки Сафара, который ухватился за палку инстинктивно и удерживался на поверхности воды против течения, которое относило его опять на середину реки. Почти в это же время Приказный Демин успел раздеться, с арканом подплыл к Сафару и навязал веревку к тюку сзади. Вслед за сим он был вытащен вместе с тюком на берег. Таким образом, благодаря счастливому стечению обстоятельств, происшествие заключилось благополучно, но сообщение было прервано. На левом берегу Мургаба оказались почти все ценные вещи экспедиции и при них 3 чел. казаков, но без лошадей и оружия. Лошадей мы отправили вплавь и, навьючившись, пошли по обоим берегам реки дальше вниз по течению. Пройдя 4 версты с большим трудом люди шедшие по левому берегу реки наткнулись на небольшую площадку, поросшую камышом. Темнело и надо было остановиться на ночлег. Так как на левом берегу реки были хронометры, деньги и бумаги, а хронометры должны были быть заведены рано утром, то я решил переправиться на ту сторону и к стати перевезти казакам оружие, так как близость афганских отрядов не исключала возможности ночного нападения. Заседлана была самая крепкая лошадь, я разделся и поехал разыскивать брод. Река в этом месте несколько расширяется и до $\frac{3}{4}$ лошадь доставала дно, хотя вода шла поверх седла. Дальше она поплыла, но вслед за сим вновь схватила дно и вышла на противоположный берег. Брод был разыскан и следом переправились остальные люди экспедиции, привязывая за спиною и на шее переметные сумы и тюки с имуществом экспедиции. Было уже совершенно темно, когда мы все собрались на левом берегу реки Мургаба. На правом остались только 20 шт. баранов. Я хотел уже предоставить их собственной судьбе в надежде на то, что в Серезе или у беглецов Шугнанцев куплю новых, но 5 казаков конвоя, все хорошие рыбаки и пловцы, переправились вплавь на тот берег с лошадьми, привязали 5 баранов к спинам лошадей и направляясь на огонь, разложенный на берегу, благополучно переправились обратно. Успех ободрил. Огонь разложен был на обоих берегах и, переменяя лошадей, в 4 рейса все бараны были доставлены на ночлег.

Фотодокументи 19

Фотодокумент 19

**Переход экспедиции через
пер.[евал] Сытарги в Дарвазском
хребте 26-го июля 1890 г. № 62.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Заваленный снегом хребет имеет
величественный вид. Человек –
такая крошка, такой атом
в сравнении с этими массивами,
что уму непостижимо, как он
держит перешагивать эти высоты.*

*Дневник экспедиции
26 июля 1889 г.*

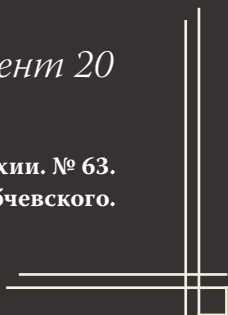

Фотодокументи 20

Фотодокумент 20

**Мост в Вахии. № 63.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

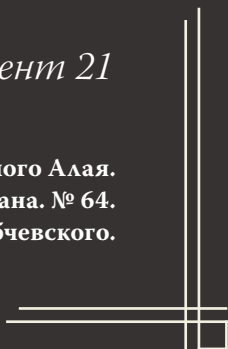

Фотодокументи 21

Фотодокумент 21

Долина большого Алая.
Вид на пик Кауфмана. № 64.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

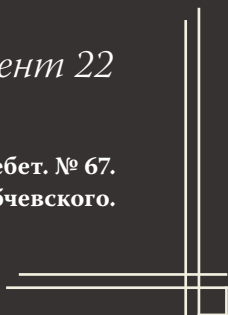

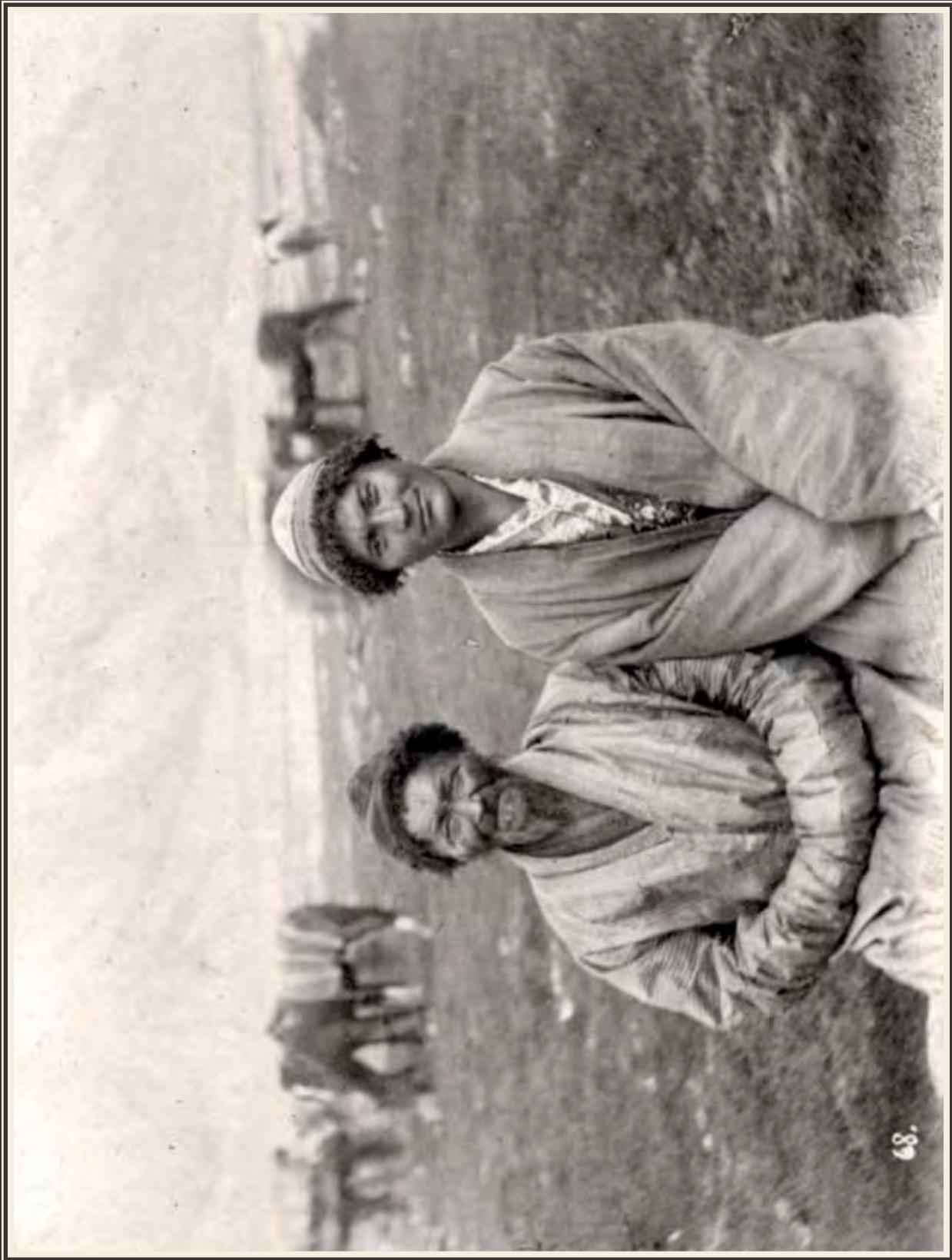

Фотодокументи 22

Фотодокумент 22

Заалайский хребет. № 67.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокументи 23

Фотодокумент 23

**Памирский разбойник
Сахиб Назар с сыном. № 68.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

От Сахиб-Назара никаких известий не было. Послал сказать, что если к полудню не явится, то к вечеру я навещу его. Приехал. Это старик почти 70-летний с типичною киргизскою физиономию: редкою, седою бородою, заплывшими старческими глазами, которые набирают огня и блеску, когда речь заходит о прежних его подвигах.

Сахиб-Назар по-видимому трусил, но, обласканный мною, разговорился и обещал всякое содействие.

*Дневник экспедиции
14 августа 1889 г.*

Фотодокументи 24

Фотодокумент 24

**Долина р.[еки] Мург-Об
(верховья р. Аму-Дарья). № 70.
Путешествие Б.Л. Громбчевского.**

*Выехав на урочище Мазар на
берегу реки Мургаба, мы не нашли
признаков травы, а зловоние от
разлагавшихся трупов было такое,
что выдержать было невыносимо.*

*Дневник экспедиции
17 августа 1889 г.*

18 августа 1889 г.

Пятница 18/30.

Переход вниз по реке Мургабу до урочища Сары-Камыш – 22½ в. Переход чрезвычайно трудный и утомительный для лошадей вследствие того, что дорога пролегает почти все время по осыпи из крупной гальки. На ночлеге нет даже признаков травы. Лошади вторые сутки ничего не едят и от переходов по сплошному камню с тяжелыми вьюками поранили ноги, да кроме того, они в суставах распухли. Жалко смотреть на несчастных животных. Из 30-ти лошадей нет ни одной совершенно здоровой. Мы переправили было лошадей вплавь на урочище Сасык-Булак, но оказалось, что и там травы нет. Я приказал привести обратно лошадей, затем нарубили таловых и березовых ветвей, а лошади объели их дотла к утру, оставив только толстые сучья и то обглоданные с коры.

Сегодня вновь встретили целые таборы беглецов. Оказалось, что ими получено известие о расправе афганцев с вернувшимися обратно беглецами и все, что не перешло еще за Афганский кордон, повернуло еще раз в сторону от родины и завоевателей. Переселение шугнанцев, их костюмы, женщины, стада, погонщики с длинными палками – все это невольно переносит мысль далеко и восстанавливает в памяти картины библейские, знакомые с детства из Св. Писания. Так и кажется, что присутствуешь при переселении евреев в обетованную землю. Между шугнанцами много белокурых с голубыми глазами. Тип этот особенно резко замечен среди детей. Потом волосы темнеют. Молодежь бреет головы, но носит короткие пейсы. В остальном костюм схож с обще-горским в Средней Азии. Рубашки впрочем и штаны они носят из маты. Многие из встреченных сегодня были вооружены фитильными ружьями и шашками. Между беглецами были раненые. Из расспросов оказалось, что это воины, недавно дравшиеся с афганцами. Узнав во мне русского, они подбегали и целовали мне руки, колена, платье, а при сопротивлении – лошадь. Все они шли с полной верою и надеждою, что Белый Царь окажет им защиту и покровительство на новой их родине.

Так как беглецы сильно голодали, то я приказал отпустить им двух баранов из скромных запасов экспедиции. Это, конечно, ничто, но и у нас запасы небольшие, а Бог вест еще где мы в состоянии их будем пополнить.

19 августа 1889 г.

Суббота 19/31.

Переход до урочища Мочка, у селения Сарез, на правом берегу реки Мургаб – 15 верст. Переход трудный: 15 верст мы шли 8 часов, не останавливаясь нигде для привала. Вьюки чрезвычайно замедляют шествие. Один свернется, а всем приходится остановиться, чтобы не растянуться и не растеряться.

Первые посевы мы встретили на высоте 3910 метров, что для широты р. Мургаба составляет значительную высоту.

Брод на урочище Пис близ Сареза, хотя и не столь глубокий, как у Мазара, но все-таки неудобный. Он чрезвычайно извилист, часто меняет направление и требует постоянных изысканий или опытного проводника.

Население Сареза привело меня в совершенное смущение. Узнав, что вблизи селения остановились русские, они явились *in cogro* и привели с собою своего старшину, причем заявили, что они живут по правую сторону реки Мургаб и считают себя подданными Белого Царя; между тем приведенный ими человек (имя рек) присвоил себе власть и распоряжается по своему, а потому они просят наказать строго старшину и назначить другого, а их освободить от необходимости подчиняться афганскому ставленнику.

Требования мои относительно доставления ячменя, проводников и т.д. были выполнены без замедления и с полною готовностью. По рассказу Сарезцев у них гостило Шугнанских беглецов около 1/т. семейств. Из них только 300 вернулись обратно. Остальные разбрелись по одиночке: в Дарваз, Язгулем, Яркенд, Кашгар, Сарыкол, Фергану и т.д.

Сарез – небольшое селение, 20 дворов, расположенное на берегу ручейка по правую сторону Мургаба. Здесь растут абрикосовые деревья, но фруктов не дают. Главное средство пропитания – ячмень и пшеница.

Сегодня мои именины. В прошлом году в это время я был уже в Канджуте на урочище Λ[...] Джанган, ожидая ответа от Хана.

Снимал фотографию видов долины Мургаба. Шквалом опрокинуло аппарат и разбилось матовое стекло, а также раскололась коробка.

Опять сегодня неприятность с немцем: он не досмотрел, что при переправе подмокла ботаническая коллекция, не просушил ее во время, а теперь все пропало и покрылось плесенью. Это положительно никуда не годный человек.

20 августа 1889 г.

Воскресенье 20 Августа/1 Сентября

Дневка в Сарезе. Сегодняшняя дневка вынужденная. Оказывается, что по ущелью р. Марджанай есть осыпи чрезвычайно высокие, по которым катятся камни при малейшем сотрясении воздуха, сильном ветре, или ненастье. Движение по таким осыпям сопряжено с большою опасностью. Так как сегодня целую ночь падал дождь, то проводник советовал не пускаться в путь, пока не просохнет. Впрочем, дневка и так была необходима. Лошади наши совершенно изнурены, а люди оборвались до безобразия. Все, выходя из Маргелана, имели по четыре пары сапог, а теперь уже по две сносили, равно как и чорыки, купленные в Кала-и Хуме.

Отправился в селение Сарез. Это небольшая крепостца, около которой ютятся крошечные домики. Население высыпало навстречу. Я имел с собою 2 десятка платочков цветных и конфеты. Платочки раздал женщинам и девушкам, которые

фотографировались, а конфеты детям. В селении общая радость и веселье. Везде пестреют обновки – красные платки.

Сегодня разбойник Джиян Бай рассказывал, что в ущелье реки Кудары они устроили засаду на случай прохода Сеид Ак Бар Ша. Над узким карнизом приготовлены были громадные валуны, которые должны были быть сброшены во время прохода Ак-Бар-Ша. Дальше-же устроен был завал, за которым сидело в течение 5 суток 20 человек хороших стрелков. Пощады быть не могло. Ак Бар Ша должен был быть убитым, так как, по словам Джиян Бая, он со временем постарается отомстить Сахиб-Назару и его молодцам.

Женщины здесь не такие красивые, как в Дарвазе. Даже очень молодые выглядят старо: изнуренными, больными. Детей замечательно много белокурых, голубоглазых. Красивых женщин я не видел даже и среди беглецов Шугнанцев. Проводник, долго живший в Шугнани, говорит, что в Кала-и-Бар Пандже много красивых.

Сегодня, посетив Сарез, я вновь убедился в симпатии к нам русским местного населения. Оно называет себя не иначе, как подданными Белого Царя и захват афганцев объясняет себе тем, что русские войска далеко и что не могут подоспеть, чтобы прогнать «дузы», т.е. воров. Откуда им известен договор 75 г. о том, что влияние наше распространяется на земли, лежащие на левом берегу р. Пянджа – Бог их ведает, но они часто повторяли: мы подданные Белого Царя, мы живем по его сторону реки.

Афганцев они ненавидят; я старался узнать причины и предполагал, что может быть афганцы берут большие налоги, но оказалось, что с таких маленьких и бедных селений, как Сарез, они не берут ровно ничего. Ненависть, следовательно, зависит от других более сильных нравственных причин.

21 августа 1889 г.

Понедельник 21 Августа/2 Сентября

Переход по реке Марджанай до урочища Уй-Суйды – 24½ в.

Переход чрезвычайно трудный: все время по крупной гальке, часто среди нагроможденных друг на друга валунов, или-же по крутой каменистой осыпи. Лошади все (32 ш.) до одной жестоко поранили себе ноги, вся дорога обозначена широким кровавым следом, а лошади для дельнейшего пути может быть будут годиться только после продолжительного отдыха. Жалко смотреть на несчастных животных, как они со стоном делают каждый шаг. Это не дорога, а тропа для пешеходов, и то привычных к горным дорогам. На каждом шагу мы должны были или расширять тропинку, или поодиночке пропускать лошадей, приподымая вьюки, чтобы пройти мимо выступающих камней. Особенно трудна дорога на урочище Ак-Кии, где приходится круто подниматься на осыпь из крупных камней.

Ущелье совершенно безжизненно. Горы – голые скалы или высочайшие осыпи, на которых еле держатся громадные каменные массивы, готовые обрушиться вниз при первом дожде, сильном ветре или сотрясении воздуха. Местные жители такие места проходят только в хорошую погоду и не иначе как бегом.

По руслу реки заросли березы, ивы, горного тополя, тамариска и облепихи. По мере движения вверх, заросли уменьшаются. Последние кусты облепихи встречаются верстах в 5 ниже ночлега, на урочище Яльнах Чичиркакак. Первая трава только на ночлеге.

Жители Сареза оказались ужасные мерзавцы. За все уступленное мне я заплатил втрое ввиду любви местного населения к нам, русским. Затем, ввиду отсутствия травы по дороге, я купил пудов 12 ячменя. Потребовались лошади для перевозки. Старшина заявил, что лошадей они всех продали беглецам, но что он доставит ячмень на людях. Действительно, к утру привел 10 чел. носильщиков, которые за плату в 40 коп. каждый обязались доставить ячмень на ночлег. Какое же было мое удивление, когда, подойдя к урочищу Ак-Кия, все бежали, оставив мешки с ячменем на берегу реки.

Название Сарез вероятно произошло от персидского Сар – голова, начало, и рез – осыпь, оползень.

Джиян-Бай – неоценимый проводник. Он знает прекрасно местность, услужлив, не ленив, а главное – говорит правду, что чрезвычайно редко среди азиатов.

Старшины селений в Рошане берут в свою пользу по одному барану весной и осенью с каждого дома.

Ак-Бар-Ша три дня штурмовал урду (крепость) в Ишкашине, пока сдались запершиеся там 12 чел. афганцев.

По заявлению Джиян-Бая, афганцы готовились начать войну против Чатра-ра, как внезапное нападение Ак-Бар-Ша на Ишкашим заставило их покончить с Шугнаном.

22 августа 1889 г.

Вторник 22/3.

Переход через перевал Марджанай до урочища Чирзак по р. Юж. Катта Марджанай – 31 версты.

Сегодняшний переход после вчерашнего показался нам совершенно легким. Страна приняла так сказать Памирский характер: ущелья стали широки, горы мягкие, кое-где появилась трава. Особенно запахло Памирами от урочища Гуджак, на северных склонах перевала Марджанай: кругом по-видимому низкие горы, но они покрыты вечными снегами, везде много травы, холодно, но мягко, привольно. К сожалению, мы не могли остановиться там на ночлег, так как вся трава окончательно и до основания съедена была беглецами из Шугнана. Приходилось, несмотря на переутомление лошадей, сегодня-же перевалить на южную сторону перевала и искать травы где-нибудь в боковом ущелье в стороне от дороги, по которой прошли беглецы, чтоб спасти лошадей своих от голодной смерти. Это чистое несчастье попасть на путь так истребленный. Теперь я на себе испытываю чувства, перенесенные французами при отступлении в 12 году.

Перевал Марджанай – легкий; спуск значительно круче подъема, но тоже не трудный. С вершины перевала открывается вид на вечно снежный хребет гор, к югу от Яшиль-Куля, с высоким пиком.

Из ущелья р. Марджанай сев. все время виден был высокий, вечно снежный пик Ос'й, находящийся в горах к северу от Мург-Оба, несколько выше селения (5 дв.) Осай.

Из разговора с Джиан-Баем, который неоднократно посещал оз. Шива, я вывел следующее заключение: оз. Шива шириною от 1 до 1½ версты, а длиною до 6 верст. Кругом озера и в боковых ущельях – масса прекрасной кормовой травы, привлекающей кочевников со всего Чар-Виляета, начиная от Мазар-и-Шерифа. Кочевников собирается до 12/т. кибиток с бесчисленными стадами баранов, лошадей, верблюдов, рогатого скота и т.д. Скот начинает возвращаться в низовья начиная с 1-ой половины Августа вследствие сравнительно холодной погоды. От оз. Шива в Файзабад один день дороги по ущелью, сплошь покрытому травой. Все это заставляет обратить внимание на оз. Шива как на центр снабжения продовольствием нашего отряда на случай войны с Афганистаном.

Афганцы воспретили вывоз баранов в пределы Кашгарии, Ферганы и т.д., вследствие чего бараны страшно подешевели: на базаре в Файзабаде крупный баран стоит 60 коп.

Афганская смута в прошедшем году рисуется мне в следующем виде: на стороне Мах. Исхак Хана была большая часть войск Бадахшанского гарнизона, за исключением войск, состоящих под командою Сердаря Абдулля Джана в Файзабаде. Администрация же вся была на стороне Эмира Абдрахмана. Неурядица продолжается до настоящего времени. Эмир еще не разобрался, кто виноват и кому он может верить. Пострадало не мало невинных; многие, сослужившие службу Эмиру, еще не награждены. Все это порождает массу неудовольствий.

Сегодня на перевале Марджанай встретили волка. Я стрелял, но неудачно. Пока изготовил винтовку, волк ушел далеко.

Ниже перевала видели свежие следы медведя громадных размеров. Проводник обещает на Булюнь Куле хорошую охоту.

Лошадям надо дать продолжительный отдых: они совсем выбились из сил за последние трудные переходы. Только 3 лошади с не набитыми спинами или не поранены. Да, дорогу по Мургабу буду помнить долго.

23 августа 1889 г.

Среда 23/4 Августа.

Переход до урочища Сумма Ташь (в 3-х верстах выше впадения р. Аличур в оз. Яшиль-Куль) – 29 верст.

Сегодняшний переход очень легкий, по широкой, мягкой долине р. Марджанай, изобилующей подножным кормом и топливом на протяжении 18 верст, а затем 7 верст по берегу Яшиль-Куля и дальше по широкой долине р. Аличура.

Первый раз озеро Яшиль-Куль виднеется верстах в 11 от ночлега и не доходя верст 7 до озера. Затем, по мере приближения, оно все более и более выходит из-за сжимающих озеро гор. Несмотря на то, что озеро тянется извилистою, сравнительно узкою лентою (в широких местах не превышает 5 верст, а местами

суживается до 2-х верст) и что с берегов его нельзя обхватить его взглядом целиком, во всю длину, так как оно скрывается горными массивами, величина озера производит сильное впечатление даже на наш привычный взгляд. Неудивительно следовательно, что к Яшиль-Кулю приурочены многие легенды, которыми киргизы-номады стараются выразить к великану свое почтение.

Я уже в прошлом году, кажется, записал легенду о битве одного из потомков владетеля Кашгарии – А [...] Джахангир Ходжи с китайцами и о том, как он потопил в озере все богатства свои, скот, семью, жен, прислугу и т.д. Дальше легенда говорит, что до настоящего времени семья святого Джахангир Ходжи живет на дне озера, что подтверждается часто слышимым здесь плачем детей, говором людским, криками и т.д. Часто волны выкидывают на берег трупы баранов, верблюдов или другой скотины. Это падаль скота провинившегося или негодного для святого семейства.

Затем, в западной части озера с севера глубоко вдается в озеро мыс, известный под названием «Чуку-кампыр»⁶⁸. С мысом этим связана следующая легенда: На месте, где теперь существует озеро – некогда был раскинут громадный город с обширным базаром и многочисленным населением, ведшим торговлю с Китаем и Индией с одной стороны и с Согдианой Бактрианной и др. богатыми городами Запада с другой. Население города, занятое торговлею, забыло о Боге. Нравы города из года в год ухудшались, а предостережения, посылаемые свыше, оставались без внимания. Однажды, под самый праздник Рамадана, священный Хаид⁶⁹, пришел в город старец и обошел почти все дома, но нигде не нашел приюта, никто не пригласил странника отдохнуть и провести вместе священный праздник. Странник хотел уже уйти из города, но в конце его наткнулся на дом бедной старушки, которая зავала его к себе, оставила на ночлег и, чтобы угостить путника, зарезала последнюю козу, молоком которой она питалась. Утром странник приказал старушке выйти на базар и узнать, что делается в городе, но каково было ее удивление, когда она, отворила дверь, увидела, что дом ее стоит на высокой горе, что от города следов не осталось, а все покрыла вода, и только от дома ее ведет узенькая тропинка среди бушующих волн воды, по которой можно выбраться на ближайшие горы. Когда она с известием этим вбежала в дом, чтобы сообщить страннику, то его, естественно, не оказалось.

Легенда эта интересна по сходству своему с Св. Писанием об уничтожении Содома, а также потому, что здесь уничтожается целый город за нарушение священного среди номадов обычая гостеприимства. К сожалению, рассказик не умел дополнить легенды необходимым концом, т.е. чем же вознаграждена была почтенная старушенция за свой хороший богобоязненный поступок.

Величина озера породила легенду о существовании в глубине его рыбы «Наханг», поедающей людей. Рыба эта живет обыкновенно на дне озера и выходит в редких, исключительных случаях, потревоженная каким-нибудь особенным шумом. Но раз выбравшись на поверхность воды, она уничтожает все, что попадает даже далеко на берегу, на суше. Появление «Наханга» констатируется киргизами во время битвы Джахангир Ходжи с Китайцами на берегу оз. Яшиль-Куля. По словам

⁶⁸ БГ: Чуку – мыс, нос. Кампыр – старуха.

⁶⁹ Хаит Рамадан – мусульманский праздник духовного и нравственного очищения.

легенды, с обеих сторон так много стреляли, что от порохового дыму в течение 3-х дней ничего видеть нельзя было. Тогда-то «Наханг», потревоженная бесконечною пальбой, бросилась на китайцев и пожрала их бесчисленное множество.

Другое появление «Наханга» констатируется уже на памяти отцов нынешнего поколения, причем рыба сожрала до 40 юрт киргиз со всем имуществом, кочевавших при устье реки Кырчеть-Булак, впадающей в оз. Яшиль-Куль с юга. Уцелела только самая незначительная часть скота, находившаяся далеко на верховьях реки. Выходу «Наханга» из недр воды предшествовала сильная буря, свирепствовавшая в течение 3-х суток.

Лично я две последние легенды объясняю – первую – идиллическим реваншем за победу китайцев-кафиров над правоверными мусульманами, а вторую – столь близкую к нашему времени, при чем указывается даже место катастрофы и приводятся имена родных погибших, живущие поднесь, может быть, каким-либо геологическим или другим переверотом, непонятным для киргиз, и потребностью объяснить как-нибудь исчезновение с лица земли до 40 семей со скотом и имуществом. Тут уж на выручку должна была явиться мифическая рыба «Наханг».

Озеро Яшиль-Куль с чистою, прозрачною водою цвета южного неба, напрасно названо Яшиль (зеленое). Оно должно-бы называться голубым. Несмотря на пустынность местности и совершенно безжизненные, лишенные почти всякой растительности, горы, это громадное озеро, окруженное высокими, вечно снежными горами, очень красивое. Будь на горах лес, а по берегу озера, хотя немного жизни – это был-бы прелестнейший уголок. Длина озера должна быть не меньше 15 верст. В западной части озера берега загромождены громадными валунами и проезд к Гунту настолько труден, что киргизы предпочитают круглую дорогу через пер. Тагар-Какты (мешок встряхнул) и вниз по р. Такуз-Булак (девять родников) – на р. Гунт, прямой дороге мимо озера.

Яшиль-Куль был местом неоднократных битв между китайцами и Ходжами, захватывавшими временно власть в Кашгарии. Когда подходили китайские войска и Ходжам приходилось бежать, то они обыкновенно избирали дорогу или на пер. Терек (Тополь) шли вверх по р. Гез на оз. Малый Кара-Куль (черное озеро), откуда через оз. Ранг-Куль (Ранг – особый вид кормовой травы; куль – озеро) и р. Мург-Об (Мург – птица, Об – вода, река) выбирались на Памиры. Во время этих периодически повторявшихся войн китайцы или ограничивались тем, что изгоняли претендентов из Кашгарии и овладевали странюю сами, или же преследовали бежавших с ожесточением и настигали их на Памирах, где беглецы считали себя в безопасности.

Такой именно случай имел место при изгнании из Кашгарии Джахангир Тюри в [...] году. Китайцы взобрались на Памиры и близ оз. Яшиль-Куля истребили окончательно отряд Джахангир Ходжи, причем, по своему обыкновению, двигались медленно, занимая одну местность за другой постепенно и везде окапываясь, строя укрепления и т.д. Следы этих построек остались до настоящего времени и среди местного населения носят характерное название «Кафыр-Кала». (Кафыр – неверный, кала – крепость). Остатки такого укрепления виднеются, между прочим, и при устье р. Марджанай на левом высоком берегу ее, вблизи оз. Яшиль-Куля. В этот раз китайцы преследовали Джахангир Ходжу с такою на-

стойчивостью, что не ограничились уничтожением отрядов его близ оз. Яшил-Куля, но потребовали у Шугнанцев выдачи бежавшего туда киргиза Джума Бай Батыра, отца ныне известного разбойника Сахиб Назара. Когда-же Шугнанцы отказали, то китайцы двинули свои войска вниз по р. Гунту. Когда китайские войска дошли до сел. Ривак, то испуганный Правитель Шугнана выдал Джума Бай-Батыра, который предан был китайцами мучительной смерти. Ожесточение китайцев против Джума Бай Батыра было потому, что храбрый авантюрист этот вывез Джахангир Ходжу в женском платье из Маргелана, содержал его три года на урочище Ходжа Джайляу и, выбрав удобный момент, напал с дружиною сорванцев на Кашгар, а затем, прикрываясь именем любимого в Кашгарии потомка Анан Ходжи, занял всю страну и был главным сподвижником Джахангир-Тюри. Масса костей, валяющихся повсюду на западном конце озера, свидетельствуют поныне о кровопролитности битвы. Засим надо еще пояснить, что Джума-Батырь вывез Джахангир Ходжу из Маргелана в женском платье, т.е. с закрытым лицом, потому что претенденты на Кашгарский престол жили в Коконе, Маргелане и др. городах Коканского Ханства, как-бы под надзором полиции, за что бывшие Коканские Ханы получали от Китайских властей в Кашгарии ежегодную определенную плату и, кроме того, они содержали в Кашгаре и др. городах своих аксакалов, которые собирали подать с Коканских подданных, живущих в Кашгарии, в пользу казны Коканских Ханов, пользовались правом беспошлинной торговли и др. льготами.

Выйдя к озеру, мы направились на восток и вышли к восточному концу озера, где впадает река Аличур. Река эта, насколько глаз захватит, течет по широкой, чрезвычайно болотистой долине, поросшей прекрасными кормовыми травами. Русло реки Аличур чрезвычайно извилистое и настолько топкое (по крайней мере в нижней части), что броды приходится выбирать с чрезвычайною осторожностью. Лучшим и самым верным средством не попасть на топкое место – переходить реку в местах, где дно покрыто мелкою галькою или щебнем, хотя впрочем и это не всегда спасает. По песку почти всегда проходить опасно.

В 2½ верстах восточнее озера стоит развалина Равата Абдуллы Хана (Рават – заезжий дом), царствовавшего более 200 лет тому назад в Бухаре. Правитель этот оставил о себе хорошую память, настроив множество убежищ для проезжающих и цистерн с водою в местностях пустынных, безводных и безлюдных. Рабаты эти такой необыкновенной прочности, что простояв столетия без ремонта, еще и теперь во многих местах исполняют свое назначение.

Рабат на Аличуре близ устья построен из камня (а не жженого кирпича, как почти все Абдуллы Хановския постройки) и глины. Это куполообразная, круглая постройка с портиком впереди, пришедшая теперь в полуразрушенный вид, но при незначительном ремонте еще могущая прослужить долго. По заявлению местных жителей, таких построек очень много по р. Аличур и на Памире.

В ½ верст дальше – урочище Сумма Таш. Здесь на вершине довольно высокого камня китайцами, воевавшими с Джахангир Ходжею, поставлен пограничный знак, состоящий из большого камня серого цвета с резьбой, внутри выдолбленного, при чем, по рассказу киргиз, выдолбленное место плотно прикрывалось другим синим камнем (вероятно нефритом) с надписями, а внутри камня помещены были какие-то бумаги. Все это было окружено постройкой из камня и глины.

В настоящее время уцелела только западная стена постройки, а также большой серый с резьбой камень, внутри выдолбленный. Я снял фотографию камня. Проводник мой Джиян Бай рассказывал, что еще несколько лет тому назад он сам видел синий камень с китайской надписью. Камень этот валялся внизу у скалы Сумма Таш. Теперь я искал его тщетно.

В нескольких десятках саженей восточнее скалы Сумма Таш из-под горы бьет необыкновенно горячий источник, по запаху серный. Источник этот бьет в нескольких местах, в недалеком друг от друга расстоянии, небольшими струйками. Вода в источнике настолько горяча, что с большим трудом можно выдержать в нем руку. У меня с собою был термометр Celsius с делениями до 50°. Поставив его, я с удивлением заметил, что ртуть поднялась выше делений. Так как другого термометра не было, то пришлось воспользоваться плохим, обыкновенно употребляемым в ваннах, термометром с деревянной обкладкой и со шкалой Реомюра, который показал +49°. Вода в р. Аличур в это же время по показанию этого же термометра имела только +4° R. Показание этого термометра можно считать ниже действительной теплоты.

Так как ключ этот оказался с мягкой водою, то мы воспользовались и не только сами вымылись превосходно, но и помыли грязное белье всех членов экспедиции.

По словам проводника, ключ этот настолько горячий, что если положить в него на час свежую баранью шкуру, то волоса сползут, как кипятком ошпаренные.

По реке Аличур мы заметили много крупной рыбы. Закинув наш походный бреденек, мы в один раз вытянули 67 штук крупной рыбы, из коих большинство было весом больше 2-х фунтов. Рыба вкусная и, по-видимому, принадлежала к породе [...].

К сожалению, недостаток спирту не позволил мне взять рыбу для коллекции. Да! благодаря неосмотрительности и непростительной небрежности коллектора мы лишились половины запаса спирта.

Сегодня утром г. Конрад отличился не хуже, чем со спиртом: он сломал психрометр и так как в экспедиции запасного нет, то мы лишены возможности производить наблюдения над влажностью воздуха.

Относительно названия Аличур существует следующая легенда. Какой-то Дивана (юродивый) в давнишние времена направлялся из Бактрии в Кашгарию. Все достояние его заключалось в одном баране, так привязанном к своему господину, что он следовал за ним решительно повсюду. Когда юродивый дошел до долины, которая ныне носит название Аличура, то в одном месте увидел громадные стада баранов в несколько тысяч голов каждое. Подойдя к пастухам, он спросил: чьи эти стада? Ему ответили, что богача Альчура. Пройдя несколько дальше, он увидел табуны лошадей и на вопрос, кому они принадлежат, получил тот же ответ. Еще дальше паслись стада верблюдов, которые тоже принадлежали Аличуру. Там ходили бесчисленные табуны коров. Словом, куда ни взглянул, куда-бы ни пошел юродивый, он везде видел только Альчурово достояние. Выведенный из терпения, юродивый взглянул на небо и закричал: Э! Боже! Если Ты так несправедливо разделяешь богатства и одному даешь столько, что он счесть не может, а другому ничего, то пусть и этот единственный баран мой присоединится к Альчуровым

стадам и земля эта пусть носит название Аличур. К удивлению всех видевших, как баран неотлучно повсюду следовал за своим господином, животное это как-бы поняло слова юродивого, спокойно направилось и присоединилось к стадам Аличура. С этих пор долина и река, протекающая по ней, начали называться Альчур или Аличур.

Чтобы покончить с легендами об оз. Яшиль-Куле запишу еще одну, слышанную мною от ученого киргиза Мулла Тамды, кочующего по р. Аличур.

В древности жил царь Афросиаб, владевший 1/5 частью вселенной⁷⁰.

Столица его, нынешний Самарканд⁷¹, была верхом изящества и роскоши. Афросиаб обменивался посольствами с могущественным Ханом Китая, с прочих Государей получал дань и жил-бы счастливо, если бы не вражда с далеким соседом Царем Ирана (Персии) Кайкоусом (в арабских сочинениях царь этот назван Намруд). Воевал он много лет с царем Кайкоусом с переменным счастьем: подчас одерживал и блестящие победы, но вот на службу к Кайкоусу поступил богатырь Рустам, родом из Забулистана, что южнее Кабулистана, и счастье окончательно изменило Афросиабу. Богатырь Рустем, предводительствуя войсками царя Кайкоуса, занимал город за городом и наконец овладел и разрушил столицу, нынешний Самарканд. Афросиаб, вынужденный бежать в горы, скрывается на Памиры и в Сары-кол (Сар – голова, Кух – гора), основывает город Таш-Курган (Таш – камень, курган – крепость). Отсюда он завоевывает Кашгарию и имя его вновь достигает до царя Кайкоуса, который посылает Рустама с неременным приказанием доставить голову Афросиаба. Рустам отправляется с войсками и завоевывает Кашгарию. Афросиаб бежит в Таш-Курган, но и туда поспевает за ним Рустам, тогда Афросиаб, видя, что ему не победить Рустама, распускает дружину свою в разные стороны, а сам на верном коне бежит на Памиры. Но хитрость не помогает. Рустам при помощи ворожей узнает направление, по которому бежал Афросиаб, и преследует его по пятам. Дойдя до озера Яшиль-Куля, Афросиаб остановился для отдыха и с ужасом заметил, что и Рустам едет по следам его. Тогда Афросиаб пробует последнее средство: он оставляет коня, оружие и доспехи свои на берегу озера, а сам берет длинную камышинку в рот, отправляется в озеро, скрывается в глубину и дышит при помощи камышинки. Является Рустем, находит коня и доспехи Афросиаба, но самого нигде найти не может. Долго ходит Рустем по берегу озера, но следов Афросиаба открыть не может. Он приходит уже в отчаяние, предполагая, что Афросиаб утопился, не желая отдаться живым в руки Кайкоуса, как вдруг вспоминает предсказание одной ворожей, которая сказала, что «не спасает Афросиаба и камышинка». Рустем вновь возвращается к озеру, осматривает все камыши, видит, что одна камышинка трясется и открывает убежище Афросиаба. Тогда Рустем вызывает Афросиаба на единоборство, угрожая в противном случае позорною смертью. Афросиаб выходит и погибает в единоборстве с Русте-

⁷⁰ БГ: По понятию мусульман, весь мир разделен между пяти властелинами. (Иклим). Остальные мелкие ханы, хотя и правят самостоятельно, но находятся в зависимости от первых.

⁷¹ БГ: Близ Самарканда действительно существуют развалины старинного города, носящие название «афросиаб». Если не ошибаюсь, производились раскопки под руководством проф. Веселовского. [Громбчевский имел в виду Николая Ивановича Веселовского].

мом, который голову Афросиаба отвозит Кайкоусу, а тело бросает на берегу озера на съедение коршунам. Интересна судьба Кайкоуса и Рустема. Кайкоус, при помощи Рустема, завоевывает все ленную, воображает себя Богом на земле и, не имея больше достойных соперников на земле, объявляет войну Богу в небе. Но как ни придумывают они, а добраться до неба им не удастся. Наконец Рустем узнает, что где-то в очень отдаленных горах живет великан-птица «Хумб». Он отправляется, из гнезд добывает несколько штук птенцов и с ценною добычею возвращается к Кайкоусу. Затем они вдвоем воспитывают птенцов, а когда те выросли, то оказалось, что каждая птица может унести двух человек с полным вооружением. Тогда они устраивают небольшую платформу из досок, к четырем ушам которой привязывают 4 самых сильных птицы, выморив их предварительно в течение 40⁷² дней голодом, а над птицами на палках подвесили по ½ козлиной туши. Когда Кайкоус с Рустемом сели на платформу, а с птиц сняты были покрывала, то они, увидев над головами мясо, замахали гигантскими крыльями, чтобы добраться до мяса, а так как они были привязаны за ноги к платформе, то быстро подняли платформу, на которой сидели Кайкоус и Рустем. Голод и вид свежего мяса над головами придавали сил птицам, и они подняли путников так высоко, что те потеряли землю из виду, перетрусили и покаялись в желании своем воевать с Богом. Сколько времени они носились по воздуху – неизвестно, но наконец птицы потеряли силы и спустились вместе с платформою на гору Каф, где обитали гномы и лешие (див). Те, признав в путниках Кайкоуса и Рустема, в наказание за желание вести войну с Богом, бросили их в глубокую пещеру, а сверху пещеру завалили на-глухо камнями, сложив из них целую гору.

На Аличуре поразительная разница в температуре: днем в тени +16.5С., а ночью -11С. Разница на солнце и в тени тоже должна быть очень большая. Солнце так жжет, что на лице, ушах и шее получают волдыри, как после обжога. Днем в кителе жарко, а вечером, после заката, хоть шубу надевай. К сожалению, у нас нет термометра для измерения теплоты на солнце.

24 августа 1889 г.

Четверг 24/5.

Дневка в Сумма-Таш.
Сегодня отправился на охоту на медведей, но безуспешно. Видел свежие следы близ озера Булюн-Куля. В одном месте свежая трава близ родника была так недавно поедена медведем, что конца травы не успели завянуть, но «мишки» все таки не видел. Прошлялся целый день до позднего вечера. Убил козу, 3-х гусей, 12 уток и 5 бекасов.

К югу от озера Булюн-Куля прекрасные луга со свежою травою. На озере тысячи гусей и красных уток, но дичь чрезвычайно строгая и подкрасться на вер-

⁷² БГ: Интересное совпадение относительно 40 дней: пост Христа, пост Магомета, пост Иоанна Предтечи и т.д.

ный выстрел стоит невероятных трудов. При этом бить приходится пулею, так как на выстрел дробью подойти не удалось. Дичь подымается, но над голову не пролетает. Стрелять приходится или по сидячей, или в момент подъема. Убитая и раненая дичь подает на озеро, берега которого болотисты, а вода очень холодная. За неимением собаки приходится стрелять всегда против ветра и ждать пока волною не прибьет убитую дичь к берегу. Все это неудобства, которых не знает обыкновенный охотник. Озеро Булюн Куль лежит всего в 7 верстах от оз. Яшиль Куля и соединяется с ним речкою Узук-Куль, вытекающей из озера Булюн-Куля. В речке невероятное количество рыбы. Она ходит стадами, приводя в волнение речку, очень впрочем не глубокую. Обилие рыбы привлекает сюда медведей, которые не прочь полакомиться рыбою. Интересен способ ловли: медведь, высмотрев большое количество рыбы, входит в реку вверх по течению и сильно мутит воду; когда-же мутная вода дойдет до места, где находятся рыбы, то медведь быстро выходит на берег, подходит к месту, где он высмотрел рыбу и ловит ее лапами, пользуясь тем, что вода мутная и что рыба не видит, куда удирать.

По берегу реки и озера неисчислимое количество беркутов, которые питаются рыбою и охотно на молодых утят и гусят. Молодые гусята очень крупные, но летают с трудом и держатся на середине озера. Подгоняя стадо выстрелами, я заставил молодых выйти на сушу, но пока объехал по топкому болотистому берегу на противоположный конец озера, стадо перевалило небольшой горный отрог, отделяющий от Яшиль-Куля, и спустилось на оз. Яшиль-Куль. Я успел убить только одного гусенка. Абсолютная высота, несмотря на привычку, дает себя чувствовать и пробежать несколько десятков шагов очень трудно, не запыхавшись настолько, что стрельба немислима. Убил шесть уток-нырков на одном месте. После каждого выстрела они ныряли и поражались выстрелами по мере того, как вылезали из воды.

Дичь имеет отвратительный болотный запах, но рыба очень хороша. Завтра решил перейти на дуга южной части озера Булюн-Куля. Здесь нет хорошей проточной воды, но трава прекрасная и людей нет. В Ю. З. части озера много топких мест, где легко утопить лошадь.

Сегодня приготовил письмо к Афганскому Губернатору Шугнана с просьбою дать категорический ответ, буду-ли я пропущен в Кафиристан. Письмо повезет проводник наш Джиан Бай, которому я приказал выведать, правда-ли, что афганцы хотели воевать с Чатраром. Сведение это очень важно, ибо указывает на решимость англичан прекратить существование мелких ханств. Если сведение подтвердится, а афганцы откажут в пропуске, то я решил попытаться прорваться в Чатрар со всею экспедицией в надежде, что Амон-уль-Мульк, разочаровавшись в англичанах, окажет мне хороший прием. Я разрешил Джиан Баю от моего имени обещать афганскому губернатору 3 винтовки, 3 револьвера, 5 ямб ($\frac{1}{2}$ ч. всего моего серебра) и много других подарков.

Кроме сего я приказал ему купить у Афганцев возможно больше подков и дал ему 1 ямбу. Если этот разбойник не удерет с ямбой, то может заслужить имя честного вора. Это только в Азии можно. Заведомо разбойнику доверяются деньги и отправляется за покупками. Тем не менее, я почти убежден, что Джиан-Бай не обманет меня и выполнит все по возможности точно.

Фотодокументи 25

Фотодокумент 25

**Жители Рошана. № 72.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Население Сареза привело
меня в совершенное смущение.*

*Узнав, что вблизи селения
остановились русские, они явились
in согроре и привели с собою
своего старшину, причем
заявили, что они живут
по правую сторону реки Мургаб
и считают себя подданными
Белого Царя.*

*Дневник экспедиции
19 августа 1889 г.*

Фотодокументи 26

Фотодокумент 26

**Сел.[ение] Серез в Рошане. № 73.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Серез – небольшое селение,
20 дворов, расположенное на берегу
ручейка по правую сторону Мургаба.
Здесь растут абрикосовые деревья,
но фруктов не дают. Главное
средство пропитания – ячмень
и пшеница. Сегодня мои именины.*

*Дневник экспедиции
19 августа 1889 г.*

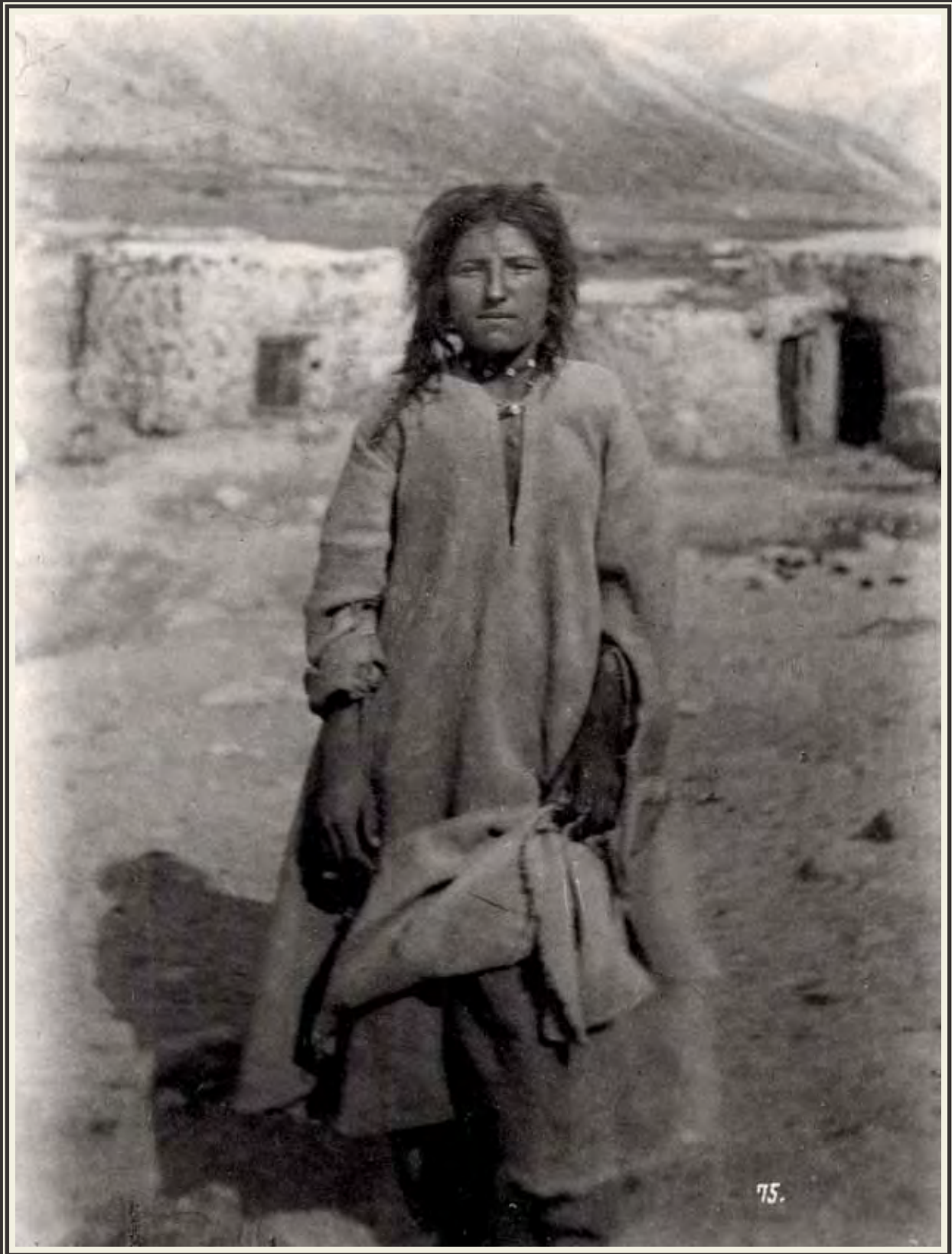
Фотодокумент 27

Фотодокумент 27

**Рошанка. № 74.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Отправился в селение Сарез.
Это небольшая крепость,
около которой ютятся
крошечные домики. Население
высыпало навстречу. Я имел
с собою 2 десятка платочков
цветных и конфеты. Платочки
раздал женщинам и девушкам,
которые фотографировались,
а конфеты детям. В селении
общая радость и веселье.*

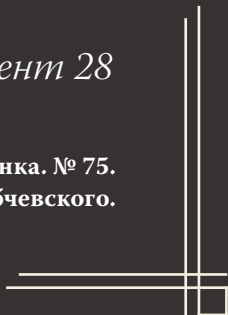
*Дневник экспедиции
20 августа 1889 г.*

Фотодокумент 28

Фотодокумент 28

**Рощанка. № 75.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

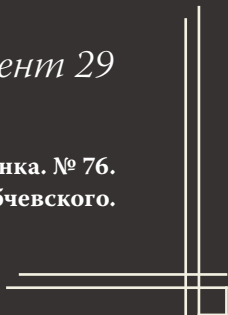

Фотодокумент 29

Фотодокумент 29

**Рошанка. № 76.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

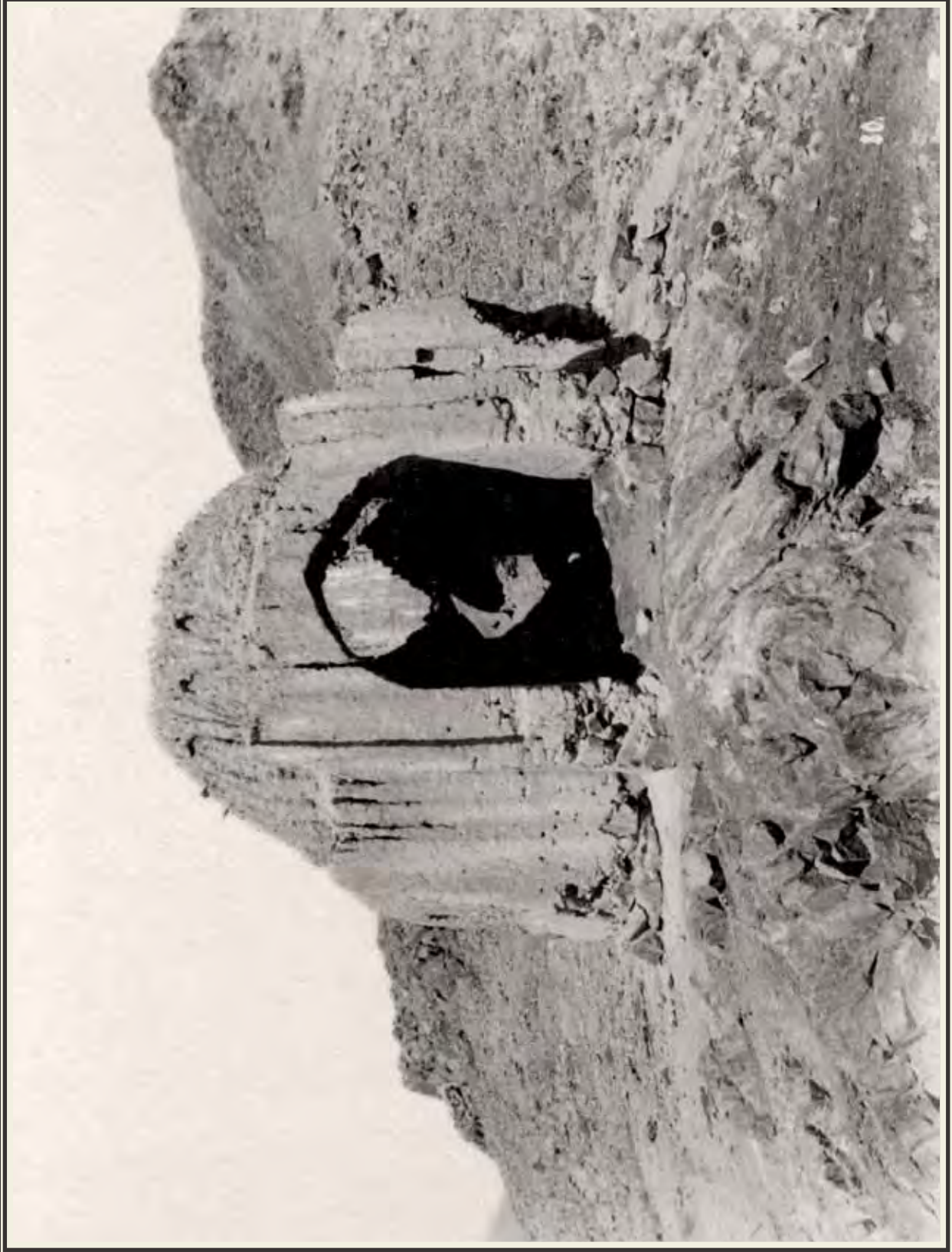

Фотодокумент 30

Фотодокумент 30

**Рощанка. № 79.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

Фотодокументи 31

Фотодокумент 31

**Развалины равата (заезжего дома) на Памире. № 80.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

В 2½ верстах восточнее озера стоит развалина Равата Абдулля Хана (Рават – заезжий дом), царствовавшего более 200 лет тому назад в Бухаре. Правитель этот оставил о себе хорошую память, настроив множество убежищ для проезжающих и цистерн с водою в местностях пустынных, безводных и безлюдных. Рабаты эти такой необыкновенной прочности, что простояв столетия без ремонта, еще и теперь во многих местах исполняют свое назначение.

*Дневник экспедиции
23 августа 1889 г.*

25 августа 1889 г.

Пятница 25/6.

Переход на ю. в. конец озера Булюн-Куля до урочища Манас Гумбез – 11 верст.

Переход крошечный и по очень хорошей дороге. Выступили с урочища Сумма Таш в пятом часу вечера и подошли на ночлег в потемках.

Я определял астрономическое положение реки Аличура и опять не разыскал пункта, определенного Кап. Путята. Это замечательная способность выбирать все пункты так, чтобы их нельзя было разыскать. А еще жалуется на англичан, что они неточны в определении местных предметов и что потому разыскать пункты их трудно.

Теперь в отчете об астрономических работах Памирской экспедиции сказано: Озеро Яшиль-Куль, устье речки Секки Булак (Керсень Булак) и р. Аличур. Между тем и проводник мой, кочевавший много лет на Аличуре и оба Сарезца, нанятых для пригона баранов, единогласно [...] что в этой местности речек с подобным названием нет. Приблизительно, судя по карте, в месте, указанном Кап. Путята, впадает речка, известная под названием Ак-Джилъга, но так как устье этой речки отстоит дальше чем на три версты от «восточного мыса» определенного г. Скасси⁷³, то я признал пункт этот сомнительным и произвел наблюдение на самом конце восточного мыса, как пункта весьма заметного и притом определенного уже г. Скасси.

Прибыв на оз. Булюн-Куль, я к удивлению своему заметил, что на месте, облюбованном мною для продолжительной стоянки, раскинулись две юрты киргиз. Остановившись вблизи, я послал за ними и узнал, что Памиры вовсе не так пустыньны, как можно-было-бы ожидать. От урочища Бузаля (верстах в 20 восточнее Булюн-Куля) вплоть до Баш Гумбеца летует до 300 кибиток киргиз рода Тент ведения китайского Бека Курумчи. Все они зимуют на оз. Булюн-Куль и в Сумма Таше, где выпадает мало снегу. В случае надобности они перекочевывают и на Большой Памир на зиму.

Отсутствие медведей киргизы объясняют проходом по этим местам беглецов из Шугнана. Отсутствие архаров – болезнью, которая 1½ года тому назад почти поголовно истребила архаров на Памире. По словам рассказчиков, они в одном месте находили по 50–60 ш. мертвых архаров. Это была не голодовка, а какая-то заразная болезнь, после которой горы Памира обратились в пустыню.

Партия англичан с оз. Кара-Куля спустилась на Ранг-Куль, а затем прошла по Ак-Су и намеревалась пройти на большой Памир. Может быть встретимся. Китайцы поспешили отправить посольство к Афганским властям в Шугнана с поздравлением с победою, а также с извещением, что они не пропустили в свои пределы беглецов из Шугнана. Посольство это еще не возвратилось, как

⁷³ Август Иванович Скасси (1845–?) – топограф, участник экспедиции Н.А. Северцова в Памир в 1877–1878 гг.

Губернатор Шугнана отправил от себя посольство к Даля-Таю. Таким образом дружественные сношения завязаны.

Посольство из Шугнана рассказывало киргизам, что Губернатор Шугнана Ша Сеид Хан знает о присутствии русской экспедиции на Памирах и в 400 коней перешел в Кала-и-Пяндж, выставив 100 чел. в Сархад с целью задержать нас. Ваханцы страшно тяготятся присутствием стольких войск, так как должны кормить их. Киргизы советуют передвинуться дальше в кит. пределы, чтобы избежать внезапного нападения. Я решил идти на большой Памир и ждать там возвращения Джиан Бая. Нападения ожидать трудно, но меня невероятно огорчает присутствие стольких войск в Вахане, и в особенности в Сархаде, могущих помешать мне пройти в Чатрар. Положительно нет у меня в этом году удачи.

Я всегда удивляюсь способности киргиз по следу определять не только количество всадников, но и время прохода. Так сегодня киргизы мне подробно рассказали, что я вчера одвуконь был на охоте, что они узнали по следу, что это был русский, так как от посольства афганского знали, что русский находится на Памирах и, кроме того, в навозе лошади увидели непереваренный ячмень, что их убедило, что это был человек «.....» т.е. казенный, так как киргизы лошадей не куют и не кормят их ячменем. След Джиан Бая они вполне правильно определили, что он проехал сегодня до полудня.

26 августа 1889 г.

Суббота 26/7.

Дневка на Булюн-Куле.
У меня сильнейшая лихорадка, прямое последствие неприятного известия об действиях афганцев.

Хотя у меня еще есть 12 баранов, но ввиду того, что на Большом Памире людей нет, а мне может быть придется пересидеть афганцев, то я решил прикупить еще ш. 15 баранов, чтобы обеспечить продовольствие. За покупкой уехал джигит Садыр Ходжа, которого я снабдил: ситцем, кумачом, матой, деньгами и т.д. Он приедет только 28 Августа.

Казачи сегодня отправились на р. Узык-Куль и нашим походным бреденьком сразу захватили до 3-х пудов рыбы. Я приказал часть вялить впрок на солнце. Много рыбы пораненной когтями беркутов, которых масса, и которые преимущественно питаются рыбою.

Сегодня, откуда ни возьмись, явился к нам какой-то мальчуган лет 20 в сопровождении другого оборвыша и заявил, что он сын Китайского Караулбегия, назначенного начальником поста в Сумма Таше, что отец его уехал в Кашгар за жалованьем и оставил его на своем месте, вследствие чего он, узнав, что в страну, вверенную попечению его отца, явился чужеземец, приехал сюда, чтобы узнать, кто я, откуда и куда еду. Естественно, я счел лишним отвечать на вопросы, но, ввиду того, чтобы они не помешали закупке баранов Садыр Ходже, задержал их обоих при экспедиции.

Бесцеремонное обращение с приезжими привело их в полное смущение. Я слышал, как сидя у палатки казаков, сын караул-Бегия упрекал другого оборвыша в опрометчивом приезде: «вот тебе и русские халаты», приговаривал последний: «теперь сгнием под стражей».

Люди эти подтвердили, что по Аличуру от Бузала до Баш-Гумбеца летует до 300 кибит. киргиз, которые зимуют по оз. Булюн-Кулю и на ур. Сумма-Таш.

27 августа 1889 г.

Воскресенье 27/8.

Дневка на оз. Булюн-Куле.
Чиним выючные сундуки, седла и т.д., люди тоже пооборвались, чинятся и отдыхают.

Сегодня, пользуясь отсутствием лихорадки, с утра отправился на охоту. Проезжал верст 30, но убил только пару уток. Никакой дичи и нигде. Надо удирать завтра в сторону Большого Памира. Сегодня киргизы рассказывали мне, что на оз. Булюн-Куле сидят только гуси-самцы, самки же живут постоянно на оз. Газ-Куле. На озере этом имеется остров, где самки кладут яйца и выводят птенцов. В этом году впрочем, молодых выводков очень мала, так как низкое состояние воды в оз. Газ-Куле дало возможность окрестным киргизам переходить в брод на озеро и вынимать яйца. Ежедневно, таким образом, уничтожалось киргизами по 300–400 ш. Естественно, что яиц не осталось.

После полудня отправился с казаками на р. Узук-Куль, где ими бреденьком в два раза изловлено до 4-х пудов рыбы. Вся рыба вялится на солнце прекрасно.

К вечеру вернулся Джигит экспедиции Садыр Ходжа с самыми неутешительными известиями. Аличурские киргизы приняли его самым недружелюбным образом и не только не продали баранов, но хотели его самого заарестовать и отправить в Кашгар к Китайцам и отпустили только потому, что он Ходжа, т.е. потомок Пророка. При этом они выражали крайнее неудовольствие, что я скармливаю своими лошадьми места, которые они оставляли нетронутыми для зимних стойбищ. В заключение они просили Садыр Ходжу передать мне, чтобы я поскорее уезжал своею дорогою, так как они боятся ответственности пред Китайскими властями за дозволение жить в их кочевьях и в случае неухода моего угрожали силою с оружием в руках захватить меня и доставить в Кашгар. Решение свое они мотивировали тем, что каждый проезд русской экспедиции обходился им очень дорого, так как Китайские власти не в состоянии будучи наказать русского, который обыкновенно успел пройти раньше, если китайцы успевали выплыть из Кашгара, наказывали местных киргиз, обвиняя их в сочувствии к русским, несвоевременном донесении и т.д.

Рассказ свой Садыр-Ходжа закончил тем, что возвращаясь на дороге, он встретил табун лошадей, и, в отместку за недружелюбный прием, отогнал у них три кобылы, которых и бросил недалеко от нашего лагеря в местности пустынной.

Строго наказав Садыр Ходжу за такой самовольный и чисто-азиатский поступок, я тем не менее чувствовал себя крайне огорченным и встревоженным.

Нападения или каких-либо активных действий со стороны киргиз я не ожидаю. Они слишком забиты, трусливы и дики, чтобы решиться на открытое нападение. Наконец, в случае чего, мы всегда могли отстоять себя, имея хорошее оружие и достаточное количество патронов, но меня сильно огорчала неудачная попытка приобрести баранов, так как, кроме всех других неблагоприятных стечений обстоятельств, мог прибавиться еще недостаток провизии, окончательно связывающий свободу движения экспедиции и, кроме того, безрассудный поступок Садыр-Ходжи мог навести на экспедицию массу неприятностей. Нет сомнения, киргизы пойдут по следам отогнанных кобылиц и без труда догадаются чьих это дело рук. Кроме неудобства, что люди русского офицера занимаются такими неблагоприятными делами, киргизы, во имя священной у них мести, могли пожелать от [...] у меня несколько лошадей, причем может легко произойти кровавое столкновение, а в случае удачи, они могут оставить нас без лошадей, причем китайск. власти, несомненно, только поощрили-бы киргиз за такое нападение.

Все это было крайне неутешительно, и я решил идти на Большой Памир на встречу Джиан Баю, а также в надежде, что может быть где-нибудь достану купить баранов. На охоту надежды не оставалось никакой. Сообщение киргиз о болезни, истребившей почти поголовно Памирских баранов и козлов, подтверждалось со всех сторон; мы, кроме того, повсюду видели массу рогов, и полное отсутствие дичи.

С невеселыми думами я лег было спать, как вдруг на посту у лошадей раздался выстрел. Выскочив из палатки, я крикнул людям: «в ружье», а сам бросился одеваться. Менее чем в минуту мы уже в полном вооружении бежали на вырубку к часовому, оставив лагерь под прикрытием туземной прислуги. Ночь была светлая, луна светила во всю; я бежал запихиваясь от редкого воздуха и тщетно вглядывался вдаль, разыскивая неприятеля. Наконец добежав на пост (около 1¼ в.) мы с удивлением увидели расхаживавшего спокойно киргиза-часового. Оказалось, что каждый раз, что он стоял на часах, из соседней могилы выходила лисица и разгуливала впереди поста. Это наконец вывело из терпения суеверного киргиза и он выстрелил. Естественно, стреляя ночью, он промахнулся, а нас потревожил. От сильного бега я получил рвоту и пароксизм удушливого кашля, от которого не мог отделаться долго. Тем не менее, ложная тревога не осталась без пользы. Мы все убедились в полной готовности встретить опасность лицом к лицу, что неминуемо вселить большую уверенность в часовых, и, кроме того, пришли к заключению, что на этих высотах невысказанно ставить лошадей дальше ¼–½ в. от палаток. В случае нападения мы не в силах были-бы защитить лошадей. Их увели-бы раньше, чем мы подоспели на выручку.

28 августа 1889 г.

Понедельник 28/9.

Переход до урочища Тепе-Мазар по р. Больш. Памир – 40 в.
Переход почти все время по мягкой земле и вполне удобный.

Перейдя по ущелью Кунгтей мы совершенно незаметно перевалили гряду гор, разделяющую озеро Булюн Куль от целого ряда озер, тянувшихся с юга на север, с вершины перевала Харгуш (заячий) вплоть до р. Аличур. Здесь на протяжении 20 верст, из которых некоторые достигают сравнительно большой величины. Так как на перевале два озера: Кара-Джилъга (черное ущелье) и Харгуш (заячье); у северного подножья пер. Харгуш – оз. Чукур (глубокое), дальше к северу два небольших озера: Шур-куль (солонцовые) и наконец – большое озеро Газ-куль (гусиное).

Интересно, что выход из ущелья Кунгтей запирается небольшими холмами, вследствие чего весной в восточном конце ущелья образуется небольшое озеро из снеговой и дождевой воды. Озеро это к концу лета пересыхает. За ущельем Кунгтей, тянувшись с запада на восток, мы вышли в обширное озерное ущелье, тянущееся с юга на север. Оно сплошь солонцовое и, начиная от озер Шур-Куль к северу до оз. Газ-Куль и далее, покрыто толстым слоем высохшего сол[...] ослепительной белизны. На оз. Газ-Куль (гусином) много самок-гусей, которые выводят здесь выводки. По середине озера есть небольшой островок, где самки несут яйца. К сожалению, местные киргизы относятся варварски к птицам и, пользуясь низким уровнем воды, ежедневно переходят в брод на остров и вынимают по 300–400 ш. яиц из гнезд.

За солонцовую равниную виднеется к востоку ряд белых холмов Бузаля (пестрый), за которыми начинаются киргизские летовки Аличурских киргиз и тянутся вплоть до Баш-Гумбеза.

Среди холмов, запирающих выход из ущелья Кунгтей, виднеются следы зимних киргизских стойбищ. Таким образом, зимние стойбища следует считать главным образом на Сумма-Таше, оз. Булюн-Куле и небольшое количество в восточном конце ущ. Кунгтей. В случае недостатка корму или выпадения большого снега, Аличурские киргизы переваливают в долину Большого Памира и зимуют там в различных более или менее укрытых от ветра местах. Такой именно случай имел место в прошлом году вследствие глубокого снега и может повториться в нынешнем году вследствие того, что беглецы из Шугнана стравили подножный корм во многих местах.

По ущелью Кунгтей очень много зайцев, но невероятное обилие их по обеим сторонам перевала Харгуш (перс. заяц). Для жизни этих животных здесь особенно благоприятны условия. Травянистые луга на дне ущелья и мягкие почти песчаные горы, с множеством громадных валунов, под которыми зайцы в мягкой почве легко вырывают себе глубокие норы и укрываются в них от хищных птиц и диких зверей. Неприятная сторона сегодняшнего перехода заключается в том, что мы на протяжении 28 верст, т.е. от оз. Булюн-Куля до оз. Харгуш-Куля, не встретили хорошей воды. В это время года ручьи пересыхают, а озеро Шур-Куль и Чукур-Куль приобретают горько-соленый вкус. Впрочем оз. Чукур-куль, как большее, в крайности может служить для питья.

Перевал Харгуш мягкий, не залетный. От него отходят дороги через пер. Кук-Белес на урочище Кинг-Шивер (широкий, обширный луг) по р. Большой Памир и через ущелье Кара-Д[...] на пер. Койтезак (бараний навоз) на р. Токуз-Булак и далее Гунт.

С перевала Харгуш открывается вид на южный Большой Памирский хребет, сплошь заваленный снегом, с высокими, внушительными пиками, между кото-

рыми особенно выделяется остроконечный Илы-су (полая вода). По мере спуска вниз по р. Большой Памир, хребет этот прикрывается предгорьями и с берегов реки трудно было-бы догадаться о мощности и недоступности этого водораздела, отделяющего течение реки Памир от р. Вахан-Дарьи.

Река Большой Памир шириною около 20 саж., течет одним широким руслом, покрытым крупною галькою и вследствие быстроты течения даже при низком уровне воды, броды трудные и для лошадей опасные.

Долина р. Памир не представила глазам нашим ничего нового, особенно характерного, или резко выделяющего ее от остальных долин этой части высокой Азии. Те же безжизненные горы, тоже повсюду отсутствие растительности. Только горы обоих берегов поднимаются кверху полого, вследствие чего долина кажется особенно широкой, да по берегу реки почти непрерывно тянутся луговые полосы с хорошою кормовою травою. Против устья р. Юж. Харгуш по р. Памир заросли низких ивовых кустов, несмотря на абсолютную высоту местности до 13.500 ф.

Сегодня мы встретили киргиз возвращавшихся из Вахана с запасами муки. Они сообщили нам, что в Кала-и-Пандж (столицу Вахана) вступил афганский гарнизон в 200 чел. пеших солдат, а на днях ожидается приезд и Джарнейля Ша Сеид Хана с 200 конницы. Губернатор Вахана еще не назначен.

29 августа 1889 г.

Вторник 29/10.

Небольшой переход вверх по течению р. Памир до урочища Кинг Шивер – 5 верст.

Сегодня я производил определение широты на урочище Тепе-Мазар, стараясь проникнуть к месту наблюдения Кап. Путята, но достиг-ли я этого – не знаю, вследствие поразительной неопределенности места наблюдения. В отчете Кап. Путята пишет: Мазар Тепе, устье юж. Харгоша. Но на местности имеются два уроч. Мазар-Тепе: одно приблизительно в версте западнее, а другое в 2-х верс. с. восточнее устья речки Харгуш и у которого Мазар Тепе произведено было наблюдение – Господь ведает. Вообще при выборе места для наблюдений надо выбирать заметные предметы, или, по крайней мере, точно определять их расстояние от реки и др. предметов. Мазар-Тепе – это кладбище, горка, и таких Мазар-Тепе повсюду множество.

Сделал сегодня небольшой переход, чтоб завтра дать полный отдых лошадям и людям, и для первых добыть лучшее пастбище.

По дороге встречал массу зайцев, но убить не удалось вследствие того, что с лошади стрелять неудобно, она боится выстрела и вертится неимоверно, а чуть слезешь – заяц уходит, а наша собака не умеет повернуть его обратно. Заяц уходит преимущественно на отвесные скалы, куда собаке не взобраться.

30 августа 1889 г.

Среда 30/11.

Дневка на урочище Кинг-Шивыр. Сегодня по случаю Тезоименитства Государя Императора – полный отдых.

В 9 ч. утра люди в чистых гимнастических рубашках, новых брюках и сапогах, вымытые, выбритые выстроились перед своею палаткой. Поздоровавшись, я скомандовал: «на молитву, шапки долой!» и мы сообща пропели Отче наш, Спаси Господи, Радуйся Благодат. и многолетие Государю и Царствующему Дому. Затем я поздравил с праздником и поднес чарку со спиртом за здоровье Обожаемого Именинника. Раздалось дружное могучее «ура» вероятно первое на этих высях Азии. Кроме спирту курящие получили по ½ ф. хорошего табаку и папиросной бумаги, а некурящие по фунту сахару и все улучшенную пищу, венец которой составлял плов. Когда мы возносили горячую молитву к Всевышнему, то члены-мусульмане экспедиции, по почину секретаря Мулла Фазыл Бека, собрались в отдельную группу и, повернувшись лицом к западу, молились отдельно о здравии и благоденствии Государя и успехе нашего общего дела. Тронутый таким редким со стороны мусульман вниманием, я, в ознаменование высокотожественного дня, выдал из запасов экспедиции – старшим членам экспедиции кумачу на платье, а младшим небольшие денежные награды. Кроме сего, казак Калинин, пойманный в неисполнении караульной службы и оштрафованный мною, получил прощение штрафа.

Сегодня около полудня поднялся сильнейший шторм SW: наши утлые палатки еле сдерживали напоры ветра.

После обеда отправился на охоту и попал на след небольшого стада диких коз, начал подниматься в гору. Отовсюду выскакивали зайцы в невероятном количестве по три-четыре штуки и, как-бы в насмешку, отбежав несколько десятков шагов, садились и приглядывались мне. Я не стрелял, боясь испугать коз. По мере подъема в гору, лошадь все сильнее и сильнее задыхалась и наконец встала. Я пополз пешком и уже к закату солнца, с прерывающимся дыханием, вылез на обширную площадку, где и увидел стадо коз, но на таком расстоянии, что стрелять немислимо было. Пришлось вновь спуститься вниз и сделать значительный обход, чтобы встать против ветра и в таком направлении подползти к стаду. Ветер был западный и лучи закатывающегося солнца мешали видеть что-либо впереди. Наконец, обливаясь потом, я подполз на 120–150 шагов, прицелился и спустил курок экспресса. Хорошенький самец 2-х леток, высоко подпрыгнул и свалился как камень, пораженный пулею под левую лопатку. Стадо шелохнулось в сторону, остановилось на несколько мгновений, а затем, усмотрев врага, быстро скрылось в соседней ложбине. Пора было собираться домой. Солнце село за ближайшия вершины гор, а сильный, холодный ветер пронизывал насквозь. Я был верстах в 8 от лагеря на вершине горы с очень крутыми, обрывистыми скатами, требующими величайшей осторожности при спуске. Лошадь осталась далеко внизу и я, прихватив ремнем козу за задние ноги, повалил ее вниз. Когда я подошел к лошади – наступили густые сумерки. Взвалив козу на седло и привязав ее тороками,

я взял лошадь в повод и потихоньку начал спускаться вниз, отыскивая путь среди громадных валунов. Тут я опять попал в царство зайцев, которые выскакивали чуть-ли не из-под каждого камня. Я не вытерпел, поднял белую мушку для ночной стрельбы и свалил еще двух зайцев. До лагеря добрался только в 11 ч. ночи, застав людей в большой тревоге по поводу моего позднего возвращения.

31 августа 1889 г.

Четверг 31/12.

Переход до урочища Джеканды (камышовое) 8 верст. Пошли несколько дальше, разыскивая травы для лошадей. Сегодня по условию с Джиан Баем крайний срок для его возвращения и я не хотел далеко уходить вперед. Тем более, что жизнь на озере не может представлять удобств вследствие абсолютной высоты в 14/т. ф. По ночам и то морозы донимают жестоко, и менее -10.5С. не бывает.

По дороге, на правом берегу р. Памир, прошли мимо небольшой отвесной скалы Кальдаргач Таш (ласточкин камень), испещренной ласточкиными гнездами.

На ночлеге повсюду следы зимних киргизских стойбищ.

На ночлеге подошло к нам два киргиза, возвращающиеся с запасами муки из Вахана. Они рассказывали, что в Кала-и-Пандже действительно вступил афганский гарнизон в 200 чел. и что на днях ожидается приезд Джарнайля еще со столькими людьми. В Вахане дороговизна страшная вследствие того, что война помешала полевым работать в Шугнана, а афганцы воспретили ввоз хлеба из Файзабада, чтобы не сделать дороговизны в Бадахшане, где расположены значительные гарнизоны афганских солдат. Шугнанцы, запасаясь хлебом на зиму, отдают не только скот свой за бесценок, но и жен своих и дочерей. Страна эта совсем разорена и бедствие здесь, какого никто не запомнит. Зимой должен быть голод, а за ним пойдут болезни, смертность и т.д. Правду говорит пословица: «с сильным не борись...».

После обеда отправился на охоту за зайцами и убил 4 штуки. Зайцев во множестве нашел только на нашем вчерашнем ночлеге. По дороге же на протяжении 4-х верст не встретил ни одного. На Кинг-Шивере же такое множество, что можно-бы убить шт. 50, если бы не позднее время. Я поспел туда уже после заката солнца.

1 сентября 1889 г.

Пятница 1/13 Сентября.

Дневка на урочище Джеканды. Целый день прошел в тщетном ожидании приезда Джиан-Бая. Сегодня 8-ой день, как он уехал и по расчету он должен был приехать вчера. Мне как-то не верится, чтобы он обманул и захотел

воспользоваться деньгами, данными ему на покупку подков и проч. Но положение наше очень незавидное. Мы без проводника, подков и не знаем, что говорят афганцы. Во всяком случае ждать дольше бесполезно и завтра отправляюсь на озеро Виктория, чтобы определить положение его.

В р. Памир много рыбы и сравнительно довольно крупной, но она держится на местах очень глубоких и притом дно здесь такое каменистое, что бреденьком ловить немислимо. Я пробовал удить рыбу, но несмотря на необыкновенное количество ее и на то, что я переменил и леску, и крючки, и наживу, рыба не клевала и в течение нескольких часов я выудил только две штуки, правда крупных – от 2–3 ф. каждая.

Сегодня заболел джигит экспедиции Сафар. Надо полагать у него злая лихорадка.

Сегодня -14.5С., а днем в тени +15С., что составляет разницу в 30° между днем и ночью.

Трава сильно пожелтела. Лошади хотя едят, но не поправляются.

2 сентября 1889 г.

Суббота 2/14 Сентября.

Переход до устья реки [...] на южном берегу озера Виктории – 30 верст. Уже 4-ый переход идем без проводника, что доставляет громадные трудности, так как кроме того, что проходишь по местности, не зная, где идешь, но и не знаешь, где остановиться, где встретишь подножный корм и т.д.

Характер долины р. Памир совершенно одинаков, только, по мере движения вверх, ущелье реки значительно суживается и делается извилистым, достигая в некоторых местах до 80-100 сажен в ширину. По мере уклонения реки к с. в. горы северного склона приближаются к руслу реки, а горы южного берега реки сохраняют свое юго-западное направление, причем пространство, образуемое уклонением реки, наполняется холмами, невысокими, но без всякой системы, тянущимися на протяжении 10–15 верст с с. в. на ю. з.

Между холмами много ложбин и глубоких логов, где снеговая вода образует массу крошечных озер, в большинстве к концу лета пересыхающих.

Озеро Виктория далеко не производит такого грандиозного впечатления, как оз. Яшиль-Куль. Оно в самом широком месте, в западной части, достигает до 1 версты и даже меньше, что при значительной длине до 15-18 верст напоминает скорее широкую реку, чем озеро. По берегу озера крошечные кое-где лоскутки луговых пространств, а горы безжизненны. Озеро в западной части на протяжении версты вдается узким до 30-60 саж., но глубоким рукавом, составляющим собственно исток р. Памир. На озере много гусей, но стрелять их трудно, так как они держатся на середине озера. Лучшим местом для охоты следует считать западный узкий конец озера (исток реки), где я сегодня убил три штуки гусей. Вынимать их пришлось впрочем вплавь верхом на лошади, так что холодная ванна в такую погоду далеко не приятна.

На ночлег пришли поздно и я решил остановиться завтра на месте, как в ожидании, что, может быть, приедет Джиан-Бай, так равно и чтобы астрономически определить положение озера.

Вчера я встретил двух киргиз, возвращавшихся из Вахана с мукою. За 3 пуда ячменной муки я заплатил 6 рублей бухарскими теньгами и, кроме того, одарил их матой, ситцем, ножами, зеркальцами и т.д. Они торжественно клялись, что в Воскресенье или Понедельник явятся в лагерь наш на озеро Виктория и привезут на продажу: баранов, попоны, веревки и др. необходимые нам вещи, а главным образом доставят проводника, без которого движение крайне трудное.

Ввиду проявления враждебности со стороны Аличурских киргиз к экспедиции, я не рискую за покупками отправить кого-либо из членов экспедиции, а идти со всею экспедицией вещь не подходящая.

Я все еще не теряю окончательно надежды, что может быть Джиан Бай подъедет. Я так привык к честности азиатов и обаянию русских, что как-то не верится, чтобы я был так жестоко обманут проводником. Во всяком случае, выждать ответа от афганцев – необходимо.

По левому берегу р. Памир, равно как и по южному берегу оз. Большого Памирского дороги нет, тем не мене мы с ветками прошли беспрепятственно.

Теперь осень и среди киргиз повсеместно «марака» (поминки) и главная суть всего веселья – скачки.

Несмотря на вообще неизмеримо ограниченные потребности киргиз, обычай совершать поминки так вкоренился, что ему следуют все без исключения: и бедные, и богатые. Поминки совершаются сыновьями после смерти отца, братьями – после смерти старшего брата, родителями – после смерти сыновей и т.д. Вообще принято делать поминки только после умерших мужчин и то преимущественно младшими членами семьи после смерти старшего члена, в особенности такого, от которого зависело более или менее материальное благосостояние оставшихся. Поминок после смерти женщины не делают и вообще не принято даже выражать сожаления по этому поводу. Стыдно мужу-мужчине оплакивать смерть жены. Женщины среди даже полудиких мусульман живут и умирают бесследно.

Поминки продолжаются обыкновенно три дня, причем соразмерно знатности и богатству умершего собирается более или менее значительное количество поминающих. Именные приглашения рассылаются обыкновенно только в самых редких, исключительных случаях и то только к выдающимся по занимаемому служебному положению, богатству или происхождению лицам. Обыкновенно же делающий поминки рассылает 4 человек в 4 разные стороны, которые едут верст за сто и более и во всех попутных аулах оповещают, что, положим, в 12 день будущего месяца такой-то, в таком-то месте делает «марака» по такому-то случаю; на скачках наград (призов) назначено столько-то; высшая награда (приз) такая-то; низшая – такая-то. Приглашения рассылаются не только по аулам одного рода или колена с умершим, но и по аулам соседних родов в радиусе не менее 70–100 верст, а если умерший человек очень известный или знатного происхождения, то и значительно дальше.

После оповещения начинаются сборки на поминки. Нужды нет, что едущий может быть никогда не видел умершего. Тем не менее, если у киргиза есть мало-

мальски подходящая лошадь для скачек, то он ведет ее, бережно укутав в попоны, за 150–200 и более верст, хотя-бы эта лошадь на каждом скачке приходила последнею. Если у киргиза нет лошади годной для скачек, то все они такие любители зрелищ, скачек и развлечений, что, при малейшей возможности, он затрачивает турсук (кож. мешок) с айраном (кислое молоко, разбавленное водой), если случится, завязывает в пояс две-три лепешки и отправляется за три, четыре дня дороги, чтобы повидать сборище, себя на нем показать, поесть на даровщину и насладиться любимым зрелищем – скачкою. Едущие на поминки обыкновенно собираются накануне дня назначенного для поминок и размещаются или в самом ауле, где поминки, или в соседних, а то и под голым небом, где попало. Каждый род, колено, или подколено старается устроиться отдельно, и перед вечером, накануне дня, назначенного для поминок, посылают от себя к хозяину с заявлением, что такого-то колена, или под колена прибыло столько-то. Принято, что хозяин посылает немедленно на каждые 10 человек одного живого барана «суюш» – от слова суйман – резать, или «куныш» – от слова кунмак – останавливаться на ночлег – и каждые 10 человек варят себе пищу сами.

На другой день хозяин для всех съехавшихся делает «кэма-ош» (кэма – плот, баркас, пором; ош – еда; вероятно слово кэма произошло оттого, что котлы с едой вкатываются в ямы один около другого, как балки в плоту, впрочем объяснить с достоверностью происхождение этого слова не берусь), причем происходят и скачки на небольшое расстояние, версты 3–4. Все съехавшиеся на поминки получают пищу и поминают умершего. На эти пробные скачки назначается призов немного и призы небольшие, приблизительно в $\frac{1}{3}$ часть стоимости призов на главных скачках. Затем все разъезжаются по своим временным квартирам. На другой день происходит «калтапайга», т.е. короткая скачка, или, как обыкновенно принято говорить в сокращении «калта» (короткая). Расстояние назначается в 4–5 до 6 верст. Призы назначаются в $\frac{1}{2}$ стоимости на главную скачку. Гости получают еду готовую, но она варится в тех юртах, где остановились гости; причем муку, мясо и молоко доставляет хозяин.

Наконец на третий день назначается «пайла» т.е. скачки, причем расстояние назначается нередко до 20 верст. На главный приз, смотря по достатку хозяина, назначается верблюд и ямба, часто невольник (куль) или «чури», т.е. женщина, на второй – лошадь, на третий як, на четвертый – 10 ш. баранов и т.д. Надо видеть такие скачки, чтобы представить себе господствующие здесь крик, шум и оживление. По дороге расставляются родственники хозяина, на обязанности которых лежит присматривать, чтобы гости не присоединяли своих лошадей к скачущим с половины пути. На скаковых лошадях сидят обыкновенно маленькие мальчуганы, привязанные к седлу, на обязанности которых лежит направлять лошадь и колотить её плетью. Часто лошади, соответственно приученные, пускаются на скачки совершенно без седока, причем у киргиз не в обычае уравнивать тяжесть, несомую каждою лошадью. У скаковых лошадей хвосты крепко завязаны, равно как и челки. Скачущие мальчики с головами подвязанными платками. Хозяева лошадей пущенных на состязание обыкновенно выезжают далеко вперед, встречают своих лошадей и скачут вместе с ними, поощряя их криком и плетью. Часто, при больших расстояниях, скачущие лошади на столько устают, что под конец еле

двигаются, делая вид, что скачут; тогда хозяева являются на помощь и тянут их за хвост и гриву. Словом здесь все дозволяется, лишь-бы лошадь дошла до цели. Судьями на скачках обыкновенно являются два-три самых почетных гостя. Хозяин как-бы стушевывается, хотя лошади его тоже могут принимать участие в скачках. Страсти здесь сильно разгораются и часто дело заканчивается поголовным побоищем. После скачек и получения призов гости разъезжаются. Интересно, что в третий день гости получают от хозяина только утром что либо горячее, т.е. [...] (болтушку с мукою) и т.д. и после скачек разъезжаются по домам за 100 и более верст на голодный желудок.

Как ни скромны требования киргиза-номада, однако при обилии съехавшихся гостей «марака» влечет за собою громадные расходы и обыкновенно уменьшает скот, единственное достояние киргиза, до $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$. Особенно трудно достается малолеткам, если поминками распоряжаются дальние родственники, не заинтересованные в сохранении имения. Я знал случаи между киргизами, где сыновья очень состоятельных родителей, имевших до 1/т. ш. баранов и соответствующее количество другого скота, после поминок оставались при 50–100 ш. баранов и не имели решительно ничего более.

Тем не менее «марака» в таком почтении, так впилась в кровь и плоть киргиза, что уклониться от этого разорительного обычая никто не смеет. Ближайшие родственники производящего поминки обыкновенно стараются посильно помочь, приводя несколько голов баранов или другого скота, но помощь эта обыкновенно является каплею при сравнении расходов. Киргиза разоряют два обычая: марака и уплата больших «калым» за женщин. Отец нескольких сыновей калымом совершенно разоряется. А считается позорным не женить сыновей при своей жизни. Конечно, несколько выручают дочери, у кого они есть, так как за них получается калым.

Возвращаюсь еще к марака. Если киргиз хочет выразить, что кто-либо человек светский, бывалый, то говорит: «марака-лык-кшй», и наоборот, про людей невоспитанных говорят: «маракыны-курмегын, хайвон» т.е. «не видел поминок, или не бывал на поминках, животное». А жизненные потребности киргиза поразительно малы. На оз. Булюн-Куле я встретил две юрты киргиз рода Теит: Якуба и Мирзы, два родных брата. Семьи их состояли из жен, старой матери и 3 детей у Якуба и 2-х у Мирзы – всего 10 душ. Имущество состояло из 8 яков, 7 баранов у Якуба и 5 у Мирзы. Кроме сего Якуб достал у богатого своего родственника 20 ш. самок-баранов на прокормление и пользовался от них молоком и шерстью, но приплод целиком поступал в пользу владельца баранов. Обе семьи эти в течение лета питались исключительно только айраном из молока от перечисленной скотины без всякой подбавки в муке и еще ухитрялись скопить некоторое количество сушеного творогу и масла на зиму. Шерсть от баранов и яков они обращали в кошмы, сваленные руками женщин, а также выделывали попоны для лошадей и капы, т.е. мешки шерстяные. Вещи эти вывозятся ими в Вахан, Шугнан или Рошан, т.е. сел. Сарез и выменивается на кое-какую одежду и 20 пудов ячменной или пшеничной муки, составляющих весь запас хлеба на зиму, когда скот перестает доиться и единственную пищу составляет болтушка из муки, а как окраса – творог, размятый в воде или же ложка масла. Кажется, скромнее жить трудно, и тем не менее оба брата среди киргиз не считаются бедняками, а только людьми недостаточными, небогатыми,

и один из них, Якуб, женат на двоюродной сестре местного китайского богача – бека – Курумчи Бека, имеющего до 4/т. баранов, который бы конечно не отдал сестры своей замуж за человека, который по местным понятиям считался-бы бедняком. Есть очень много среди киргиз гораздо беднее, которые живут однако с семьями.

3 сентября 1889 г.

Воскресенье 3/15.

Дневка на южном берегу оз. Виктория. Джиан Бай не приехал; от афганцев никаких сведений, равно как и от киргиз из Аличура, а между тем жизнь на высоте 14/т. ф. становится неприятною. Сегодня ночью мороз достиг до 15°С., но при сильном ветре донял нас шибко и пришлось встать до свету. Вообще температура меняется здесь поразительно быстро вместе с закатом солнца. Так сегодня в 2 ч. д. было +14С. в тени, а в 6½ ч. в. уже -1.5С.

Погода стоит все время превосходная. В течение Августа не знаю было ли 2–3 дня пасмурных, и это всегда так в этих странах. На Памире, в течение моего пребывания, около 2 ч. пополудни подымается сильный ветер, достигает maximum'a около 4 ч. пополудни, а затем стихает. Ночью вновь подымается сильный ветер, стихающий перед рассветом. Несмотря на свою суровость, страна эта все-таки пригодна для жизни неприхотливого человека, и есть много оснований предполагать, что в прежнее время населения здесь было значительно больше и что уменьшилось оно вследствие непрерывных междоусобий и набегов со стороны мелких соседних ханств: Канджута, Вахана и т.д. Здесь есть вода, есть по берегу речки достаточное количество корма для скота номада и наконец топливо, кустарник Терескен растет повсюду в необыкновенном количестве. Это три главных стимула обуславливающих удобства и возможность жизни здесь. Интересен факт, что когда людей здесь было больше и, следовательно, когда стада архаров и диких коз значительно больше истреблялись, они водились здесь повсюду в необыкновенном количестве. Теперь же мы вот уже месяц живем на Памирах, почти не встречая людей, и архаров еще не видели, а диких коз в самом ограниченном количестве встречали не более 2–3 раз. Болезнь среди архаров и диких коз, уничтожившая почти совершенно этих животных на Памирах, не коснулась стад, живущих в горах на оз. Большом Кара-Куле, и выше Ку-дары.

Сегодня днем наши лошади паслись в ½ в. выше лагеря по ущелью и вдруг в совершенной тревоге примчались в лагерь. Я с 2 казаками отправился исследовать причины побега лошадей и разыскали совершенно свежий след крупного медведя. Нет сомнения, Мишка не ожидал встретить здесь людей, случайно наткнулся на лошадей, произошел взаимный перепуг и обе стороны убежали друг от друга. Мы немедленно засадили лошадей и отправились на поиски, но пока мы изготовились, медведь ушел в горы и мы только по следу проследили его до того места, куда он взобрался на недоступные кручи.

Вернувшись, я отправился на западный конец озера, где накануне убил трех гусей (кстати, гуси пахнут сильно болотом, равно как и рыба в Памирской реке,

что несомненно происходит от воды, которая во всей реке сильно отдает болотом; за все время я только вчера и сегодня пью чай с удовольствием, так как речка, где наш лагерь, с хорошею водою), но тоже безуспешно. Гусей не видал.

Днем производил определение широты, тоже неудачно, ибо около 3-х часов тучами заволокло небо. Выдаются же такие дни, когда ничего не клеится. Я решил еще два дня выждать ответа от афганцев, а затем направиться на Ак-Су, разыскать бывшего проводника нашего Абака и отправить его в Янги-Гиссар или Кашгар за подковами. Без подков мы как без ног, можем передвигаться только по мягким Памирам.

4 сентября 1889 г.

Понедельник 4/16.

Небольшой переход к востоку по южному берегу озера – 10 верст. Сегодня я хотел с утра передвинуться на новые пастбища для лошадей, как услышали вдали человеческий голос. Конечно, сборы в дорогу были приостановлены и мы с нетерпением выжидали появления разговаривающих, в надежде, не Джиан-Бай – ли это, но когда они спустились в глубокую лошину, где разбит был наш лагерь, то оказалось, что это киргиз, обогнавший нас 4 дня тому назад. Он явился с товарищем и привез на продажу 3 шубы, несколько веревок и две-три теплые попоны. Баранов, т.е. главного, в чем экспедиция нуждалась, он не пригнал, отговариваясь незнанием, успеет-ли он догнать нас.

Конечно пришлось купить все, заплатив втридорога и еще одарив их обоих халатами.

От киргиз я узнал, что еще несколько дней тому назад вернулись в Баш-Гумбез киргизы из Шугнана и рассказывали, что видели Джиан-Бая, который купил муку и различн. др. вещи и хотел нанять 2-х Шугнанцев для доставления этих продуктов мне. Так как я не поручал Джиан-Баю купить муки, то это еще более утвердило меня в подозрении, что мы стали жертвою наглого обмана. Как ни желательнее было-бы вернуться для наказания мошенника, но обстоятельства заставляют отложить счеты с Джиан-Баем и всем его разбойничьим племенем до более благоприятной минуты.

Для нас теперь вопросами первой важности: добыть ответ от афганцев и разжиться подковами.

Послать к афганцам кого-либо из своих людей я не рискую, а потому волею-неволею пришлось остановиться на приехавшем к нам киргизе Джума-Бае, который раз уже сдержал слово и приехал к нам с вещами.

После долгих переговоров Джума-Бай согласился отвезти письмо к афганцам, обещая доставить ответ дней через 15. Я снабдил его полушубком, деньгами и провизию на дорогу.

Письмо я написал на имя Военного Губер. и Командующ. Войсками в Шугнана Ша Саид Джарнейля и в письме объяснив поступок Джиан-Бая просил о скорейшем ответе.

Сам решил идти на верховья Ак-Су, оттуда отправить кого-либо за подковами в Кашгар или Янги-Гисар, а ответа от афганцев выжидать на верховьях р. Ак-Су. Кроме сего, на случай движения на Тибет, направить кого-либо в Тагдум-Баш к Куч Мамберу, чтобы он приготовил ячмень для лошадей для следования через Гималаи.

На берегу озера увидел совершенно свежие следы медведя. Направившись по следу я прошел вверх по ущелью на протяжении 12–15 верст, но зверя не догнал; на возвратном пути, почти в потемках, убил 3-х зайцев и сурка.

5 сентября 1889 г.

Вторник 5/17.

Небольшой переход к востоку по южному берегу озера – 4 версты. Сегодня на рассвете отправил нового посланца к афганцам. Джума Бай обещает торжественно вернуться не позже 20 Сентября.

Я сам соблазнился свежими следами медведя и вновь отправился на поиски по соседним ущельям. Со мною отправился товарищ Джума Бая Мах. Курбан и один из казаков. Прошлялись мы до позднего вечера; изъездили 5 ущелий до самого ледника; сделали больше 60 верст и вернулись ничего не только не убив, но и не видеv. Нет сомнения, медведи здесь водятся. В этом убеждает множество следов, подчас совершенно свежих, много разрытых сурьих нор, но звери, вероятно, выходят из логовищ позднею ночью и встретить их можно только случайно, а у меня нет удачи в этом году. Киргиз Мах. Курбан рассказывал мне, что, едучи ко мне через перевал Баш-Гумбез, они ночевали на южн. склоне перевала, и туда спустилась пара медведей, которая бродила вокруг, нисколько не стесняясь присутствием людей. Они прогнали незваных гостей, разведя громадный костер. Вот тут-то пословица не оправдалась: «на ловца и зверь бежит». Я целыми днями брожу и выследить не могу, а на них безоружных медведи сами выходят.

Днем выпал небольшой снег, покрывший окрестные горы. Снег этот уже не сойдет. К вечеру поднялся сильный восточный ветер, пронизывающий насквозь.

6 сентября 1889 г.

Среда 6/18.

Переход через водораздел на истоки реки Кара-Джилыга, впадающей в оз. Куркентай – 26 верст.

Сегодня мы распростились с оз. Большим Памирским, но не с озерами вообще. Большой Памир – это сцепление озер все возможной величины. В восточном конце крошечных озер бесчисленное множество. Затем целый ряд их тянется к юго-востоку по широкому ущелью, покрытому прекрасною травой. Заглохшая, но довольно заметная тропа ведет вглубь ущелья, но выхода из него нет. Ущелье заперто ледниками. Тропинка свидетельствует, что когда-то в ущелье этом кочевали киргизы.

Вообще в восточной и в особенности юго-восточной части озера – масса обширных луговых пространств по руслу и при устье речек, впадающих в озеро с юга. Обилие травы должно было привлечь сюда кочевников, которые перестали кочевать теперь вследствие запрещения китайских властей, которые не позволяют переходить кочевникам за караульные посты, а Большой Памир – вне китайских караулов.

В 13 верстах восточнее озера мы, подымаясь совершенно полого, достигли водораздела между речками, впадающими в оз. Большой Памир и речками, составляющими истоки р. Истык, впадающей в р. Мург-об. Водораздел – едва-едва приметный. На вершине озеро, сливающее избыток воды в обе стороны, т.е. к востоку и западу. К сожалению, мы идем все время без проводника и не знаем названий местных урочищ. Озеро на вершине водораздела составляет начало новой системы озер, направляющихся на восток. На наших картах они наз. Куркентай. Это назв. сомнительно. По крайней мере, я спрашивал очень многих памирских киргиз и они никогда не слышали этого названия. Долина Большого Памира напоминает несколько долину Большого Алая близ подъема на Та Мурунский перевал, только она безжизненнее и меньше.

Все травянистые луга покрыты бесчисленным количеством родников, топки и непроходимы, что доказывает, что даже на столь значительной абсолютной высоте количество выпадающей за год влаги на столько ничтожно, что растительность возможна только при искусственном орошении.

Киргиз Мах. Курбан уверяет меня, что от Большого Памирского озера существуют две дороги на р. Вахан-Дарью: одна вверх по р. Чунг-Шур – Кара-Джильга – выходит к сел. Лянгар, а другая вверх по р. Чиль-об (Сорок вод) выходит несколько выше Базай-и-Гумбеза. Первая из этих дорог доступна только для пешеходов, а вторая некогда служила прямым сообщением для известного Базай-Бия, убитого канджутцами, с семьей, жившей на Памире. Дорога эта была хорошо разработана, но теперь уже много лет без ремонта и сильно испорчена потоками дождевой воды и горами обвалившихся с гор камней. Тем не менее, дорога эта проходима и поныне. На одном из маленьких озер я случайно заметил стадо гусей и убил целый выводок – 10 ш., а также 6 уток.

На восточном склоне водораздела встретил два стада архаров, но убить не удалось.

На оз. Куркентай тысячи красных уток; на водоразделе масса сурков. Видел крупного волка.

Больной киргиз поправился, зато я сегодня опять желудком заболел крепко.

Ночуем на берегу оз. Куркентай, не дойдя несколько до поворота в Андеманьинское ущелье. Пронизывающий ветер с востока. Очень холодно.

7 сентября 1889 г.

Четверг 7/19.

Дневка на оз. Куркентай по случаю астрономического определения места. Пасмурная погода, днем очень холодно, температура даже в два

часа дня поднялась только до 5,5С. Около 2-х часов налетел шквал и в миг сорвал палатки, перевернул в них все вещи и инструмент универсальный, прочно установленный на штативе. К счастью, хронометры не пострадали, но в универсальном инструменте разбился один окуляр. Это был настоящий ураган, продолжавшийся немного более минуты, но наделавший много бед. Ураган сопровождался сухим туманом, как будто бы облако опустилось. Шторм произвел сильное действие даже на животных: лошади сорвались с приколов и прибежали к палаткам. Бараны тоже. Это интереснейшие животные. Некоторые следуют с нами с Алая и настолько привыкли к лошадям и людям, что весь переход следуют посредине вьюков, не отставая от лошадей ни на шаг и не требуя погонщика. Бараны эти служат вожакими; за ними следуют вновь купленные.

Сегодня отправил киргиза Махомед Курбана с письмом к Ак-Ташскому Беку (Китайскому) с просьбой выслать ко мне сведущих проводников, баранов, если есть подков и т.д. Сами завтра через пер. Андеманын направимся на верховья р. Ак-су и будем ожидать приезда Джума Бая и ответа от Тохта Мед Бека. Теперь холодно, китайцы далеко и есть надежда, что почтенный Китайский Бек, крайне жадный, польстится на наживу и исполнит просимое.

Ездил вверх по ущелью Кара-Джилга. Верховья завалены снегом и ледниками. Видел стадо архаров. Приехал поздно ночью в лагерь. Сегодня заболел казак Воронин лихорадкой, а киргиз Сафар, поправившийся было, вновь захворал хуже.

Сегодня, просматривая журнал метеорологических наблюдений, я заметил, что г. Конрад, которому, за отсутствием какого-либо другого дела, поручено было вести наблюдения, производит записи по anerоиду неправильно. Пришлось вновь крупно объяснить и взять и эту часть работы на себя. Это человек положительно никуда не годный и невероятно ленивый. Целые дни проводит на кухне у повара, поедает все, пока сварится, и заботится только о времени, когда надо есть. Лишняя и тяжелая обида, при этом дорого стоящая. Поздно ночью делал наблюдения по Polaris; наблюдения со сломанным окуляром делать очень трудно.

8 сентября 1889 г.

Пятница 8/20.

Переход через пер. Андеманын по р. юж. Андеманын – 28 верст. Дорога пролегает первые 9 верст по местности слегка всхолмленной, по окраине обширной долины Кух-Мамыр, богатой травой.

Андеманьинское ущелье широкое, травянистое, но болотистое и топкое. Верховья реки, за исключением рукава, ведущего на перевал, завалены ледниками. Подъем на перевал самый незаметный; перевал широкий, болотистый, спуск на протяжении первых 6 верст, тоже едва заметный.

По дороге видел три стада архаров, но стрелять не пришлось. Скрываются вне выстрела.

Сегодня с утра снежная метель, не позволявшая ничего видеть на расстоянии нескольких десятков шагов; шли ощупью, без проводника и без дороги, но с на-

правления не сбились. К 12 часам прояснилось, а перед вечером снова поднялась [...]перешедшая к 9 ч. вечера в снежную сибирскую пургу. Ветер воет в ущелье, как в дымовой трубе. Палатки еле держатся на приколах. Это первая снежная метель в нынешнюю экспедицию. Люди ежатся. Я утешаю их надеждою, что впереди будет хуже.

У джигита экспедиции Сафара все признаки водянки. Он весь распух и сильно страдает. Долговременное пребывание на больших высотах и труды и невзгоды расстроили его здоровье. Надо-бы его как-нибудь отправить на родину хотя-бы через Консульство.

9 сентября 1889 г.

Суббота 9/21.

Переход до урочища Андеманын-Кара-Таш-Утек, у выхода из Андеманынского ущелья в долину р. Ак-Су – 4 версты.

Спустившись несколько вниз до р. Андеманын, я остановился на ночлег у самого выхода из ущелья в виду долины р. Ак-Су и большой дороги из Кашгара в Вахан на обширном лугу, очень болотистом, но поросшем прекрасною травой. Здесь все условия хорошей стоянки: обилие травы, воды и топлива в виде кустов терескена, растущего повсюду на окрестных холмах в изобилии. Я не спустился к руслу реки, потому что здесь, в узком ущелье, легче в темную ночь оберегать лошадей от зверя и людей. На ночь лошади привязываются на короткие привязи на приколы и ставятся между палатками и часовым. По берегу реки Ак-Су, на обширной равнине, где со всех сторон доступ к лошадям ничем не прегражден, в темную ночь одному часовому оберечь 40 лошадей очень трудно, если не невозможно. На остановках, для безопасности, я всегда избираю места, примыкающие к озеру, болоту, реке или отвесной горе, словом, к предмету, трудно доступному.

Выйдя с места ночлега в хорошую погоду, мы вскоре были охвачены густым, непроницаемым туманом, поднимающимся густыми клубами из долины р. Ак-Су, болотистой и многоозерной. Впереди буквально на расстоянии 5 шагов ничего не было видно. Мы шли, что называется ощупью, придерживаясь берега реки и идя на хвост один за другим. Вдруг подул с долины порывистый ветер, нас обдало мокрым туманом, который постепенно начал подыматься кверху, открывая сначала низшие части долины, а затем предгорья и горы южного берега р. Ак-Су, заваленные снегом и ледниками. И все это в течение менее часу; совсем как на Вагнеровских Нибелунгах.

Долина р. Ак-Су, против Андеманынского ущелья, шириною до 8–10 верст, с многочисленными ущельями, как с юга, так и с севера, по которым стекает бесконечное число ручьев впадающих в р. Ак-Су. По середине долины, придерживаясь впрочем ближе к северным предгорьям, с запада на восток, медленно течет река Ак-Су по болотистому, солонцеватому ложу, испещренному бесчисленным множеством маленьких озер, которые частью избыток воды сливают в р. Ак-Су, частью-же, отделенные от реки небольшими холмами, живут самостоятельно,

получая воду из ручьев, стекающих с юга. На востоке, на горизонте виднеется длинное озеро Чакмактын-Куль, через которое протекает река Ак-Су. Берега реки, равно как и притоков, поросли хорошою травой, но только на протяжении узкой береговой полосы, куда достигает влага. Дальше, как самая равнина, так равно предгорья и горы, кажутся совершенно безжизненными, хотя они обильно поросли кустами терескена, шивака, куртха и др. растениями, требующими очень мало влаги и вместе с тем служащими хорошим топливом. Таким образом, и здесь есть все, что требуется для неприхотливого жильца-человека. Долина р. Ак-Су тянется с запада на восток на протяжении около [...] верст, от перевала Чиль-об до уроч. Ак-Таш. Уклон ее самый незначительный, конечно сравнительно с др. горными речками. Притоки южные значительно больше и многоводнее северных. Горы южного склона имеют три перевала Беик, Михман Юлы и [...]. Горы северного склона от Ак-Таша (белый камень) до Андеманыны доступны почти повсеместно и имеют три весьма удобных перевала: Кызыл-Рабатский, [...] Бельский и Андеманынский (Бендерского). Западнее Андеманына виднеется высокий вечно-снежный пик, за которым тянется вечно-снежный хребет, доступный для перехода на большой Памир только в двух местах: к северу от Бозай-и-Гумбеца и к северу от Лянгара. Оба этих перевала редко посещаемы и трудно доступны, но существование их несомненно, ибо подтверждается как киргизами Аличура, так и киргизами р. Ак-Су. Почтенный старик, кочующий на верховьях р. Ак-Су, по имени Хандар Бий, рассказывал мне, что в молодости он несколько раз проходил через перевал к северу от Бозай-и-Гумбеца. Тогда дорога расчищена была от гальки и была сносна. Теперь уже много лет, как никто не ездит по этой дороге и в каком положении это дело – не знает. Остановившись на ночлег, я спустился вниз до р. Ак-Су, чтобы поохотиться на зайцев, гусей и уток. Вскоре в тороках была приторочена парочка зайцев и 3 утки. Я собирался уже восвояси, как, осматривая в бинокль окрестности, вдали, внизу по течению, увидел киргизский аул. Удивлению и радости моей не было пределов. Удивился я потому, что, по имевшимся у меня сведениям, киргизы, опасаясь нападения канджутцев, откочевали вниз по р. Ак-Су, ниже Ак-Таша и Дун Кульдука на верховьях Ак-Су аулов не должно было быть. Порадовался я потому, что с 19-го Августа, т.е. в течение 21 дня, мы не встречали на пути следования людей, если не считать двух юрт бедняков, встреченных нами близ оз. Булюн-Куля, которые не могли нас ничем снабдить. Между тем, у нас оставалось всего 4 ш. баранов. Присылка баранов китайским беком Тохта Мером была очень сомнительна и, кроме того, мы, ожидая ответа от афганцев, не могли двигаться вперед, а ближе Дангнын Баша мы киргиз встретить не ожидали. Таким образом неожиданное появление аула вблизи нашего лагеря обеспечивало экспедицию в главном, это – в продовольствии, и я немедленно отправился в аул.

Воздух здесь настолько прозрачен, что аул, виденный мною издали и казавшийся вблизи, оказался невероятно далеко. Я ехал большою ходою больше 2-х часов, т.е. сделал не менее 15 верст, когда наконец из-за холма выглянул аул, разбитый на солонцеватой полянке, по берегу топкого ручья, а вслед за сим и обоняние поражено было специфическою, свойственною аулом, вонью. Аул состоял из 5 юрт, разбитых полукругом; посередине на коротких привязях стояло десятка два баранов, среди которых копошился один мужчина и две-три женщины. Подъ-

ехав ближе, я увидел, что мужчина держал барана, а женщины ножницами быстро обстригали шерсть. На шум, произведенный лошадьё при переходе через болотистый ручей, проснулись шершавые, кудлатые тьявки и с громким лаем бросились мне на встречу, с остервенением стараясь схватить мою лошадь за хвост или морду. Нет сомнения, киргизы своими зоркими глазами усмотрели меня очень давно, но с невозмутимым спокойствием продолжали свое дело. Подъехав поближе, я громко, по-киргизски крикнул: есть ли в этом ауле мусульманин, который защитил-бы меня от собак, или я должен прибегнуть к оружию. Киргизская повелительная речь произвела свое действие. В соседней юрте быстро поднялась дверь и выскочил мальчуган лет 15, который быстро, на ходу, приветствовал меня обычным «а салям алейкум» бросился прогонять собак. Одновременно из другой юрты вышел киргиз средних лет и, приветствовав, взял под уздцы лошадь, помогая слезть. Из расспросов оказалось, что это аул китайского киргиза Хайдар Бия, который покашливая, старческой, хилою походкой выполз из средней юрты и подошел ко мне. Мы поздоровались; вынесли кошму, разостлали ее в тени одной из юрт и мы присели. Кругом собрались дети и с любопытством осматривали меня. Женщины то-и-дело проходили мимо. Были молодые, но все очень неприглядные. Из расспросов оказалось, что в начале осени явился к ним посланец от Канджутского хана, эсаул Гуль Махомет (сопровождая меня в прошлом году) и потребовал у киргиз, кочующих по р. Ак-Су обычной дани. Киргизы собрали между собою: одного иноходца, одно ружье, девять халатов, девять кусков маты, девять кошем, девять пар кошомных чулок, столько-же шерстяных, столько-же арканов и с посланцами от себя отправили к Сафдер Али Хану. Посланцами от киргиз были брат Тохта Мер Бека и сын Хайдар Бия, которые вернулись дней 10 тому назад из Канджута и принесли письменное разрешение Хана кочевать по р. Ак-Су, где им понравится. Только после этого киргизы решились перекочевать выше Ак-Таша и пришли сюда в количестве до 30 юрт, которые и разместились по берегу Ак-Су.

Гуль Махомед, в бытность свою на Ак-Таше, услышал, что я разыскиваю, через Консула Н. Петровского, бывшего своего проводника Абики и вообразил, что я намерен еще раз направиться в Канджут. Сведение это он сообщил Сафдер Али Хану, который через возвращавшегося сына Хайдар-Бия прислал ко мне письмо со строжайшим приказанием доставить его мне. В письме Сафдер-Али-Хан сообщает, что он, узнав о намерении моем посетить снова Канджут, выслал навстречу мне эсаула Гуль Махомеда, который, прожив на Ак-Таше долго, вернулся обратно назад, не дождавшись никого. В заключение Хан выражает полную готовность, по мере средств своих, служить мне и просит навестить его.

Сын Хайдар Бия, Джютанкы, рассказывал мне, что во время бытности его в Канджуте, т.е. в Бальтите, в Чапрут (пограничный караул) прибыло 40 чел. англичан с требованием пропустить их через пер. Калик на Памиры, угрожая в противном случае войною. Вслед за сим к Чапроту подтянулся 12/т. корпус Кашмирцев. Сафдер Али Хан сначала отказался пропустить англичан, предлагая им идти на Нагар, но на вторичное категорическое требование англичан принять их в Бальтите, Хан вынужден был согласиться, так как требование это поддержано было Канджутскими старшинами, которые, получив богатые подарки от англичан, явились к Хану и заявили, что они драться с англичанами не намерены, так как «сила соло-

му ломит», а рано или поздно они должны быть разбиты. Хан, по заявлению Джю-танкы, горько жаловался на старшин, отменил приготовления к обороне и принял англичан в Бальтире. Англичане засыпали деньгами и подарками, но пропуска на пер. Калик не добились. Хан отклонил их требование под различными предложениями и, вместе с сим, отправил посланца в Кашгар с просьбою о помощи.

10 сентября 1889 г.

Воскресенье 10/22 Сентября

Дневка на Кара-Таш-Утеке. Хотел произвести астрономическое определение места, но погода помешала. С утра пошла снежная крупа, перешедшая с 9 ч. утра в снежную метель, продолжавшуюся до 2-х часов пополудни. Снегу навалило на $\frac{1}{4}$ аршина, температура в 12 ч. дня $-0,5^{\circ}\text{C}$. Вообще, зима идет быстрыми шагами. Снег в долинах еще тает, но на горах остается.

Сегодня в лагере мы имели много гостей. С утра приехал афганец-торговец, который рассказывал, что афганцы хотели объявить войну Чатрару за то, что Амон-Уль-Мульк оказал приют Али-Мордан-Ша, который в нынешнюю зиму растратил запасы хлеба, нагроможденные афганцами. Амон-Уль-Мульк, во избежание войны обещал схватить Али-Мордан-Ша и выдать афганцам. Но, так как он приходится ему зятем, то, не желая вредить родному зятю, он предложил ему бежать в Канджут, где сестра Али-Мордана замужем за Сафдер-Али-Ханом.

Вслед за отъездом афганца мы увидели 3-х верховых, пробирающихся вниз по течению р. Ак-Су, по направлению от Вахана. Посланные за ними привели в лагерь наш, причем оказалось, что это люди Али Мордан Ша, везущие 3-х Чатрарок на продажу киргизам. По словам Ваханцев этих, Али Мордан Ша проживает на верховьях р. Ясина в местности Шикомаль. Он не имеет никаких средств к жизни и Амон Уль-Мульк подарил ему 3-х чатрарок-рабынь, которых Али-Мордан-Ша выслал на продажу к киргизам. Две из них молодые женщины лет 16–17 ценились продавцами в 1 ямбу (120 руб.), а одна девушка лет 12-ти, почти ребенок, – тоже в 1 ямбу.

Нет сомнения, работоторговцы уступили бы их нам и дешевле, но выкупить их в виду пола, я не мог: везти их с собою среди стольких мужчин было немислимо, а отпустить одних – тоже невозможно. Все равно, любой киргиз или ваханец завладел бы ими как своею собственностью. Я снял с них фотографии, одарил их кое-чем и приказал накормить и отогреть горячим чаем. Видя ласковое обращение, старшая из них быстро на непонятном нам чатрарском наречии начала что-то говорить нам, обливаясь слезами, но, к сожалению, мы ничего не поняли, а ваханцы не захотели перевести их жалобы, или вернее переводили, видимо, перевирая. Таким образом, мы не дознались причины трогательной истории их несчастья. Тип Чатрарок некрасивый, очень смуглый, с черными, большими глазами и такими же волосами. Они были невозможно грязны и, несмотря на холод, в одних матовых рубашках. Бедные тряслись от холоду, старшая сильно кашляла. Девушка – типа цыганки, или смуглой еврейки, имела волоса на макушке выбритые,

Рабыня из Чатрара, привезенная на продажу в Сары-Кол.

с длинными локонами с обеих сторон. Все три имели гривки. Интересно, кто у кого позаимствовал: наши дамы у Чатрарок или наоборот. Ваханцы рассказывали, что Амон-Уль-Мульк деятельно готовился к войне, но теперь все притихло, так как в Чатрар и М [...] прибыло много англичан, которые войны не допустят. Они обещали вернуться через три дня и проводить меня за плату в 1 ямбу на Борогиль.

Сегодня джигиту экспедиции Сафару сделалось совсем плохо. Я воспользовался приездом к нам киргиз из ближайшего аула и отправил его в аул, выплатив жалованье за 4 месяца вперед и снабдив его продовольствием на два месяца. Один член-товарищ свалился.

Я не мог достаточно насмеяться над восторгом киргиз, когда я в подзорную трубу показал им аул их, причем они, несмотря на громадное расстояние, могли различить не только вещи, но и узнавали в лицо людей, переходящих из одной юрты в другую. Особенно поразила одного из киргиз сцена, которую он увидел в трубу: жена его колотила ребенка. Киргиз пришел в ярость и право я не хотел-бы быть в шкуре его жены.

11 сентября 1889 г.

Понедельник 11/23

Дневка в Андеманын Кара Таш Утеке.
Сегодня с утра холодная, но ясная погода и я воспользовался ею, чтобы определить широту места. Ночью -14,5С. морозу, при очень сильном NNW. Было очень холодно. Чернила, обернутые в вату, замерзли в сундуке.

После обеда отправился на охоту за утками по берегу р. Ак-су и, шляясь с ружьем по болотам, добрал до аула, где застал большое сборище киргиз. Оказалось, что я попал на свадьбу. Выходила замуж дочь небогатого киргиза, молоденькая, лет 14, но некрасивая девушка. Жених, молодой парень лет 19–20, в новом халате и новом чекмене, расхаживал козырем, сопровождаемый 3-мя товарищами детства (уртак). Я попал в самый разгар игр, которые с моим приходом прекратились. Все смотрели волками на незваного гостя. Я не захотел мешать забаве и удалился в юрту к старикам, а вместе с сим послал к себе в юрту за дюжиной красных головных платков и мелкою серебряною монетою. После приблизительно часового сидения в юрте, когда прекратившиеся было игры возобновились, я вышел посмотреть на забаву. К этому времени подоспели платки и мелкие деньги.

На обширной поляне сидело до 30 ш. девушек и молодых женщин. Старушки частью сидели в стороне, в отдельной кучке, частью заняты были стряпнею. Напротив девушек и молодых сидело человек 40 молодых парней. Девушки и молодцы по очереди вставали, с верёвкой в руках подходили к сидевшим в ряду парням и, набросив понравившемуся парню веревку на шею, выводили его на середину поляны. Парень обязан был пропеть песню. Если парень, не сконфузившись, сумел пропеть песню, то при громком смехе и одобрительных возгласах парней имел право поцеловать девушку, несмотря на отбояривание и визги. Если же он сконфузился, растерянно оглядывался в стороны, спеть не сумел, или запинался, то девушки, смеясь, прогоняли его жгутами с поля. После этого вставала другая, третья и т.д.

Затем игра сменилась: девушка легким ударом веревки по руке вызывала парня, который, уперев рукоятку нагайки в землю и ухватившись за рукоятку руками так, что одна рука приходилась почти к земле, а другая у верхнего конца рукоятки, принимал почти горизонтальное положение к земле и должен был перевернуться головой и туловищем под своими руками так, чтобы иметь только две точки опоры: ноги и рукоятку нагайки. Если кто коснулся земли боком, или задом, или упал, или даже поскользнулся, то прогонялся с поля. В противном случае целовал выбравшую его девушку.

После этого наступило упражнение с водою: выбранный парень протягивал руку и на ладонь к нему ставилась небольшая деревянная чашка, наполненная водою. Парень должен был сделать полный круг (оборот) руки, сохраняя все время чашку в горизонтальном положении и не пролив ни капли воды. При этом, приходилось изгибать очень тело и иметь верный глаз, устремленный на чашку с водою, чтобы не пролить воду. Если вода из чашки проливалась, то остальную воду быстро выливали на голову парню при общем смехе присутствующих. При удачно выполненном упражнении парень спешил расцеловать выбравшую его девушку.

Стемнело уже совершенно, когда началась новая игра, а именно: двое парней держали палку на высоте пояса, а третий с разбегу должен был перескочить через палку. Зажженные во многих местах костры освещали площадку, на которой происходило состязание. Раздав свои подарки, я направился домой.

Общее впечатление, вынесенное с сегодняшнего праздника – отрадное. Женщины среди киргиз вообще пользуются сравнительно большою свободою, но то, что я сегодня видел, превзошло мои ожидания. Общественность и не-

принужденность сквозили повсюду. Видно было, что на этих полудикарей не наложило своей тяжелой руки мусульманство и следующая за ним трех-ременная плеть Казы [...]. Здешние киргизы – мусульмане только с формальной стороны, так сказать, по названию. Они прекрасно уживаются с соседями своими шиитами в Сарыколе, Канджуте, Чатраре и Вахане и чужды непримиримости и фанатизма мусульман долин.

Только что проехал киргиз из Вахана, который рассказывал, что Эмир Абдрахман двигает войска на Кафиристан и Чатрар.

От киргиз, проезжих из Дангнын-Баша, получил сведения, что наш добрый друг Сафдер Али Хан Канджутский выслал отряд войск на дорогу в Тибет для ограбления караванов следующих из Ладака в Яркенд и обратно.

Из Бадахшана в Канджут проехал какой-то Ишан, привезший в подарок Сафдер-Али-Хану 3-х иноходцев и сорок седел с приборами. Он просил рабов или рабынь. Сафдер-Али-Хан подарки принял, а рабов не дал и отпустил Ишана⁷⁴ ни с чем. Курочка по зернышку клюет и сыта бывает.

12 сентября 1889 г.

Вторник 12/24

Небольшой переход в долину реки Ак-Су, против устья Андеманынско-го ущелья. Остановка на обширном травянистом лугу правого берега реки Ак-Су.

Вчера вечером приехал, наконец, наш прошлогодний проводник Абики. Он привез письмо от Консула, но от 1-го Августа, никаких сведений новых и также никаких писем и газет. Я воспользовался его приездом и немедленно снарядил его в Кашгар, дав ему 60 рублей на покупки и особенно на подковы, без которых мы двигаться никуда не можем. Затем другого киргиза Мах. Курбана, я отправил в Шугнан с 3-мя письмами к Афганцам. До приезда этих посланцев я намерен ждать здесь или передвинуться на Дангнын-Баш.

Вместе с Абикиком приехал китайский Бек Тохта Махомед с караул-бекием и др. лицами свиты. Он привез мне в подарок маленького барашка. Я отдал ему револьвером с 100 патронами и халатом, а людей его ситцевыми халатами. Прощаясь, он обещал прислать людям полушубки, снабдить нас баранами, проводником и т.д.

На новой стоянке нашей целый день пронизывающий холодный ветер, от которого голова болит непомерно. Несмотря на то, что мы спустились почти на 500 ф., одышка преследует нас всех больше, чем в Андеманынском ущелье.

⁷⁴ Ишан – звание лидеров суфийских братств или лидера местного суфийского сообщества.

Фотодокумент 32

Фотодокумент 32

Чатрарка. № 86.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

*...мы увидели 3-х верховых,
пробирающихся вниз по течению
р. Ак-Су, по направлению от
Вахана. Посланные за ними
привели в лагерь наш, причем
оказалось, что это люди
Али Мордан Ша, везущие 3-х
Чатрарок на продажу киргизам.*

*Дневник экспедиции
10 сентября 1889 г.*

88.

Фотодокумент 33

Фотодокумент 33

Чатрарка. № 88.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

*Две из них молодые женщины
лет 16–17 ценились продавцами
в 1 ямбу (120 руб.), а одна
девушка лет 12-ти, почти
ребенок, – тоже в 1 ямбу.*

*Дневник экспедиции
10 сентября 1889 г.*

Фотодокумент 34

Фотодокумент 34

**Чатрарка. № 91.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Тип Чатрарок некрасивый,
очень смуглый, с черными, большими
глазами и такими же волосами.
Они были невозможно грязны
и, несмотря на холод, в одних
матовых рубашках. Бедные тряслись
от холоду, старшая сильно кашляла.*

*Дневник экспедиции
10 сентября 1889 г.*

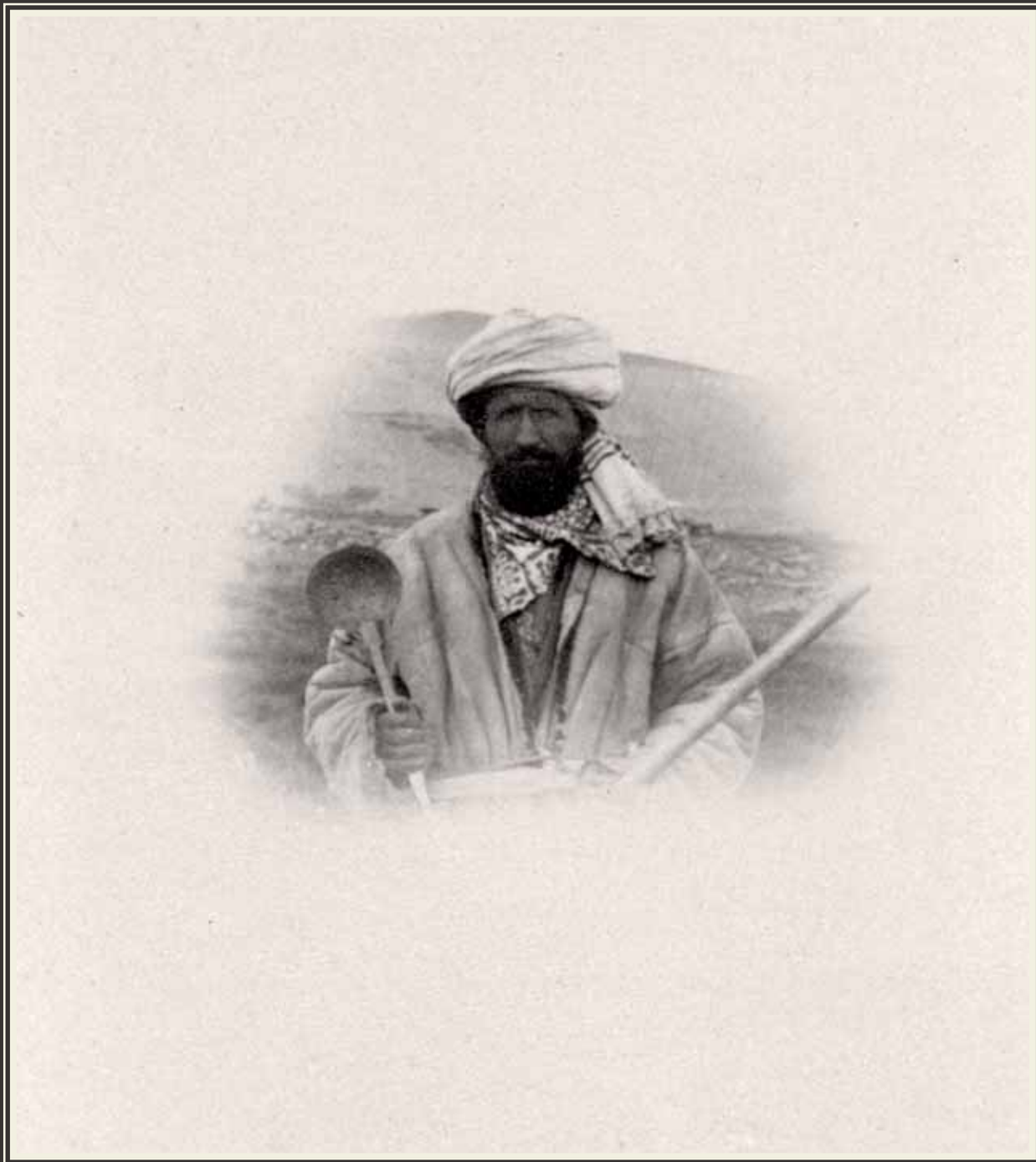
Фотодокумент 35

Фотодокумент 35

**Чатрарка. № 92.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Девушка – типа цыганки,
или смуглой еврейки, имела
волоса на макушке выбритые,
с длинными локонами с обеих
сторон. Все три имели
гривки. Интересно, кто у кого
позаимствовал: наши дамы
у Чатрарок или наоборот.*

*Дневник экспедиции
10 сентября 1889 г.*

Фотодокумент 36

Фотодокумент 36

Работорговец,
житель Чатрара. № 93.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

*Нет сомнения, работорговцы
уступили бы их нам и дешевле,
но выкупить их в виду пола,
я не мог: везти их с собою
среди стольких мужчин было
немыслимо, а отпустить
одних – тоже невозможно.*

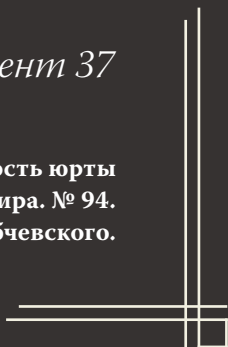
Дневник экспедиции
10 сентября 1889 г.

Фотодокументи 37

Фотодокумент 37

**Внутренность юрты
киргиз Памира. № 94.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

13 сентября 1889 г.

Среда 13/25

Дневка на месте. Целый день прошел в ожидании, что вчерашние обещания Китайского бека будут исполнены, но когда к вечеру ничего не было получено, то я отправил джигита Садыр Ходжу за покупкой баранов, а сам отправился в другую сторону разыскивать проводника.

После невероятных трудностей и бесконечных расспросов нашелся один киргиз Нур Джан Халифа, который за ямбу взялся проводить меня на Борогиль и Даркот.

Предприятие будет очень рискованно, так как придется идти через Сархад, занятый афганским гарнизоном. Завтра проводник обязался утром явиться в наш лагерь. Посмотрим, что Бог даст. Ночью явился и джигит Садыр Ходжа, купивший 10 штук баранов и молодого яка. За баранов заплачена им баснословная цена по 4 р. за штуку, а за молодого яка 12 рублей.

Оказывается, что почтенный Тохта Махомед Бек не только не распорядился относительно обещанного, но напротив, отдал приказание откочевать киргизам подалее от меня, будто бы под предлогом, что русские могут их ограбить. Ужасные мерзавцы эти китайцы и их воспитанники. Все в высшей степени жадны и лживы. Верить, безусловно, нельзя. Обещанное исполнит только тогда, когда боится быть отодранным или ждет наживу.

Сегодня казаки выбродили бреднем из Ак-Су около 2 пудов рыбы. Она водится в ямах и затонах. Не крупная, значительно мельче Памирской, и пахнет илом. Вода в р. Ак-Су тоже несколько пахнет болотом.

Приехав сегодня в киргизский аул, я застал семью Нур Джана Халифы за ужином. Они ели болтушку из ячменной муки, без соли, с кислым молоком. Пригласили меня. Не желая обидеть я сел за общий котел. Мерзость преизрядная, а еще омерзительнее, что дети в оспе лезут тоже ложками в этот-же котел. Возвращаясь обратно, встретил стадо гусей. Убил три штуки. К столу мы имеем постоянную перемену: рыбу, дичь (зайцы, гуси, утки и т.д.), а также коровье и ячье мясо. Это последнее очень вкусно, в особенности, когда пролежит дней пять и если мясо от молодого.

Завтра, если проводник не обманет, пройду до Базай-Гумбеза. Беру с собою 3 казаков, мирзу и вьючную лошадь.

Все имущество экспедиции, вещи, инструменты, деньги остаются на попечении Конрада, 4 казаков при уряднике и двух опытных, но глупых джигитов. Чтобы облегчить вьюк, не беру с собой постели, кровати и т.д. Иду совершенно налегке.

14 сентября 1889 г.

Четверг 14/26

Переход до Бозай-и-Гумбеза (истоки Вахан-Дарьи) – 25 верст.

Сегодня целую ночь и с утра идет сильнейшая метель. Что называется свету Божьего не видно. Тем не менее, как только явился проводник, мы отправились в путь. Со мною поехали 3 чел. казаков и мирза Фазыл Бек. В виду несомненных сведений, что в сел. Сархад стоит афганский гарнизон, я решил ночевать в Бозай-и-Гумбезе и выступить дальше с таким расчетом, чтобы подойти к Сархаду в сумерки, т.е. тогда, когда уже настолько темно, что различить людей невозможно, но еще и не настолько поздно, чтобы люди спали. Выбираю это время в надежде, что афганцы вряд ли выставляют часовых или ночные патрули раньше зари вечерней. Наконец, шум проходящих лошадей вечером менее обратит внимание, чем в ночной тишине. Проводник обещает провести полями, не заводя в селение. Успех зависит от случая. Идем в полной боевой готовности, имея при себе по 100 патронов. Пять берданок и столько же револьверов постоять за себя.

Вьюк взял один, легкий, с самым необходимым: крошечная палатка, мяса на пять суток, котелок, чайник, кошма на подстилку, шуба. Вот и все. Проводник Нур Джан Дивана оказывается, был проводником в экспедиции Бонвало⁷⁵, которая пыталась проникнуть в Канджунт через Келенджский перевал. По словам проводника, не доезжая несколько Лянгара и верстах в 10 ниже Бозай-и-Гумбеза в р. Вахан-Дарью с юго-востока впадает большая река Бай-Кра или Бай-Кара, вверх по течению которой пролегает дорога на перевал Келендж и дальше в Канджунт, а также через перевал Сухсурават на истоки Чатрарской реки. Дорога очень трудная, но в это время года доступная, если только погода исправится. Сведение это для меня чрезвычайно важно. Если пройду через Сархад, то вернусь по этому пути. Два раза идти через Сархад и не интересно и чересчур рискованно. Сархадцы, если даже нас не заметят, то, во всяком случае, увидят след нескольких лошадей и сообщат об этом афганцам, которые будут осторожнее.

Дорога к Бозай-и-Гумбезу пролегает по левому берегу реки, придерживаясь ближе к отрогам гор. Средина долины, по берегу реки Ак-Су, очень болотиста и образует бесконечную вереницу более или менее больших озер, заканчивающуюся довольно большим озером Чакмактын-Куль (до пяти верст в долину) совсем близ водораздела. В озеро это с северо-запада впадает речка Чиль-Об (сорок вод), а с восточного конца вытекает река Ак-Су (Мург Об). Таким образом, истоком р. Мургаба следует считать р. Чиль-Об.

Долина р. Ак-Су местами больше 6 верст в ширину, густо поросла травой по берегу реки Ак-Су, а также и по берегу речек, впадающих в Ак-Су с севера

⁷⁵ Пьер Габриэль Бонвало (1853–1933) – выдающийся французский исследователь и путешественник, который в 1887 году помогал Громбчевскому пересечь перевал Талдыкский и Долину Алая. (См.: Gabriel Bonvalot, *Przez Kaukaz i Pamir do Indii*, przekład Anna Kotalska, Wydawnictwo Łódzkie, Łódź 1986, с. 156, 165–168).

и юга. Впрочем, северные притоки (верховья Ак-Су) не многоводны и их немного. Южные горы испещрены ущельями и в каждом из них имеется более или менее значительный ледник, водою которого питается преимущественно как река Ак-Су, так и озеро Чакмактын-Куль.

Озеро это, по словам проводника, раньше носило название Тундук-Арал, потому что киргизы спускались на озеро в верхах от юрт и из небольших островков добывали гусиные яйца. Лет сорок тому назад на охоту на озеро приехал владелец Шугнана Абду Раим Хан. Тогда по берегу озера кочевал киргиз Чак, известный в свое время охотник. Ша Абдураим Хан, слышавший очень много о подвигах Чака, потребовал его к себе и, увидев перед собою маленькую, невзрачную фигурку охотника, сказал: «Тебе-бы следовало называться не Чак, а «Чакмак» (огниво, кремь). После этого киргиз Чак получил прозвище Чакмак, а от него и самое озеро. По другой версии, близ озера найдено было огниво и оттуда озеро получило свое прозвище. Озеро пустынно. Водяная птица держится, преимущественно, на маленьких озерах ниже (восточней) Чакмактын-Куля. Травы близ озера мало; исключение составляют восточный и западный концы озера травую очень богатые.

Подходя к водоразделу, горы несколько сближаются. Водораздел – широкий (больше 3-х верст), но очень немного возвышается над руслами обеих речек. На водоразделе небольшое озеро (Шур-Куль) с солончаковыми берегами. Водораздел неправильно назван на наших картах пер. Андеманын. Он, несомненно, носит название Чиль-Оба. Я это проверил в оба путешествия из самых разнообразных источников. Перевалом Андеманын называется перевал, названный Кап. Путь «Бендерскаго». За исток Вахан-Дарьи следует считать р. Вахджир.

Близ Бозай-и-Гумбеза, несмотря на значительную высоту, мы нашли много новых кустов тала (ивы). Историю возникновения Бозай-и-Гумбеза я описал в прошлом году. Близ истока р. Ходжа-Куль (самый западный исток р. Вахан-Дарьи) имеется теплый ключ.

Несомненно мною проверено, что вверх по течению р. Бургут-Уясы (самый с.з. исток Вахан-Дарьи) существует трудная дорога на Большой Памир, которая выходит несколько восточнее Большого Памирского озера.

Другая дорога на Большой Памир от Бозай-и-Гумбеза пролегает вверх по ущелью Ак Белес на верховья р. Курумды, впадающей в Вахан-Дарью у Лянгара и дальше через трудный каменистый перевал на истоки р. Чунг-Шур-Кара-Джилъга, впадающей с юго-запада в Большое Памирское озеро.

15 сентября 1889 г.

Пятница 15/27

Переход до урочища Кара-Гуджек при устье р. Бай-Кара – 57 верст. Сегодня целую ночь метель невероятная; снегу выпало больше чем на ½ аршина и все покрылось белым ковром. Несмотря на вьюгу, лагерь наш посетило 4 чел. ваханцев и два киргиза. Ваханцы направляются на р. Ак-Су и рас-

сказывали нам, что афганцам хорошо известно местопребывание мое и что они вследствие этого выставили передовой пикет на урочище Аянгар, всего в 16–20 верстах от нашего ночлега. В виду вышеизложенного, пройти в Сархад оказывается невозможным, так как Лянгар – небольшая полянка среди отвесных гор на берегу Вахан-Дарьи, обойти которую немислимо.

Встреча с киргизами очень неприятна. Хотя я им рассказывал, что приехал сюда ради охоты на медведей, но они, по-видимому, плохо верят, а так как киргизы направляются в Вахан за мукою, то, чтобы предупредить бесполезную болтовню, пришлось захватить киргиз с собою.

Мы двинулись в дальнейшую дорогу на рассвете в сильнейшую вьюгу. Все засыпано мокрым снегом; огня развести не удалось и мы со вчерашнего утра ничего не ели, но даже и не согрели чаю.

В 8 верстах ниже Бозай-и-Гумбеца мы свернули с дороги, боясь, что едущие сзади нас киргизы, несмотря на сильную метель, могут усмотреть след наш. Мы переправились на левый берег реки Вахан-Дарьи и пошли без дороги. Двигаться было чрезвычайно трудно вследствие глубокого снега, скрывавшего все ямы и впадины; кроме того, снег свежий и мокрый набивался большими комками под копыта лошадей, заставляя их скользить и падать. Но пока мы шли по местности холмистой, а не по откосу горы, мы двигались хотя медленно, но, тем не менее, вперед.

Пройдя через очень болотистое и топкое урочище Бай-краны-сырты, где есть загоны для скота и полуразвалившиеся саклешки, в которых зимуют ваханцы, пригоняющие скот сюда на зиму, мы повернули на юг, следуя течению реки Вахан-Дарьи, которая текла в скалистом узком ущелье и тоже повернула на юг. Большая дорога из Сарыкола в Вахан, шедшая все время по правому берегу реки, в месте поворота реки на юг, отошла от русла реки, сохраняя прежнее юго-западное направление и пошла по долине р. Мирза-Мурат. Не встретивши никого на этом протяжении, мы вздохнули свободно. Расстояние между нами и афганским пикетом уменьшилось до 6–8 верст. Около 11 ч. утра мы подошли к устью реки Бай-Кра (киргизы произносят Бай-Кара, т.е. черный господин, богач), которая течет широким каменистым руслом и несет столько-же воды, сколько и в Вахан-Дарье. Склоны гор – скалистые – терялись в облаках, густо застилавших горизонт. Несмотря на продолжавшуюся метель, снег не держался на низких частях долины и быстро таял. Устье реки густо поросло кустами ивы и березы. На правом высоком берегу реки – небольшие, полу-разрушившиеся загоны для скота и из камня сложенные зимовки, в которых зимовали ваханцы, пригоняющие сюда скот на зимние пастбища.

Мы спустились на широкое каменистое русло реки, и пошли вверх по течению, частью по каменистому ложу, частью по берегу, поросшему густою травой. В зарослях попалось стадо горных рябчиков, не виденных нами, начиная от Каратегена. Я не взял с собою двустволки, вооружившись Берданкою и револьвером, более подходящими для предстоящей экскурсии, но, тем не менее, не утерпел и свалил одного рябчика, чем привел в большое удивление нашего проводника.

В 3½ верстах от устья русло реки значительно суживается. Мы перешли неглубоким в это время года бродом, на левый берег реки и поднялись на высокий

левый берег, а вслед за сим русло реки сузилось до нескольких шагов. Река стремительно текла среди узких отвесных скал.

Совершенно неожиданно мы нашли здесь семейство верблюдов, на свободе разжиревших до невозможности. Оказалось, что в ущелье это, как сравнительно отдаленное и редко посещаемое, ваханцы спрятали от афганцев скот, принадлежащий бывшему Правителю Вахана Шаху Али-Мордану, находящемуся в настоящее время в Ясине (Шикомане).

В 6½ верстах от устья реки мы подошли к естественному каменному мосту через реку (Таш купрюк). Здесь река прорывается среди скал, образующих узкую щель, причем громадный обломок скалы загвоздил щель, образуя как-бы естественный мост, очень трудно, впрочем, проходимый.

Перейдя вновь на правый берег реки, мы пошли по крутому откосу горы и поднялись на высокую скалу. Дороги не было видно из-под снега, покрывавшего все кругом больше чем на ½ аршина. Мы шли пешком ощупью, ведя в поводу лошадей, которые ежесекундно скользили и спотыкались. Идти было очень трудно, как вследствие глубокого снега, так равно и метели с порывистым, насквозь пронизывающим ветром. Спуск со скалы оказался ступеньками и очень трудным. Здесь наша вьючная лошадь оборвалась в пропасть и сломала себе спину. Мы очутились, что называется, без всего. Проводник спустился к реке и, благодаря низкому уровню воды, высвободил вьюки и вынес к нам наверх шубу и мясо на один день, а остальные вещи сложил в стороне. Лошадь он прирезал.

В 10½ в. от устья реки Бай-кра мы вышли на урочище Сальвар Джайляу, где нашли ваханские зимние стойбища. Здесь с востока в р. Бай-Кра впадает речка Сальвар. Все увеличивающаяся метель не позволяла буквально ничего видеть на расстоянии нескольких десятков шагов, между тем мы не могли остановиться здесь на ночлег, так как подножного корма и топлива не было (все занесено было глубоким снегом) и, кроме того, у нас мяса было только на один раз сварить. Между тем, по сообщению проводника, мы первые поселения, и то бежавших за Али Морданом Ша ваханцев, а не Чатрарцев, могли встретить не ближе 2-х переходов, за перевалом. Следовательно, нам необходимо было, во чтобы ни стало, сегодня перевалить через перевал, чтобы сберечь запас провизии.

Мы поплелись дальше, идя почти все время по крутому откосу гор правого берега реки. Описать трудности пути нет возможности. Мы скользили, падали, ползли дальше, вновь спотыкались и т.д. без конца. Моя лошадь и лошадь одного из казаков оборвались и покатились на несколько сажень вниз. Казачья лошадь отделалась легкими ушибами, но моя захромала и с трудом подвигалась.

После невероятных усилий, совершенно изнуренными, мы в 19 верстах от устья реки Бай-Кра вышли на урочище Пур и очутились у поворота на перевале. Несмотря на жестокую метель, я рассмотрел, что против ущелья, ведущего на перевал, стояла высокая, почти отвесная скала. Было уже около 4 часов пополудни и мы торопились взобраться на перевал до наступления темноты. Но едва мы начали подыматься вверх по ущелью, как пришлось убедиться, что усилия наши будут тщетны. Глубокие завалы мягкого как пух снега не позволяли двигаться. В течение 2-х часов, подымая и вытаскивая друг друга, мы не прошли и одной версты. Наступали сумерки: было ясно, что ночь захватит нас на перевале, а ночевать

здесь без палатки, без загона для лошадей мы не могли, ибо несомненно замерзли бы сами и поморозили бы лошадей. Потратив столько сил и трудов, возвращаться назад, не достигнув успеха, было невыносимо тяжело, но надо было покориться необходимости. Движение назад, несмотря на сумерки, было значительно легче. При яркой белизне снега пробитая нами только что тропинка виднелась издали и мы сравнительно быстро прошли опасную часть дороги и вернулись опять к каменному мосту, откуда к 11 ч. вечера подошли к ваханским саклешкам на урочище Кара Гуджек, при устье реки Бай-Кра. Несмотря на невероятную усталость, мы спали немного и плохо. Близость афганского пикета заставляла нас соблюдать крайнюю осторожность и не разводить огня, а мороз и метель не позволяли соснуть и проняли нас, что называется, до мозга костей. Несмотря на то, что не удалось исследовать перевал на истоке Чатрарской реки, мы достигли важных результатов. Рекогносцировка эта выяснила течение реки Бай-Кра, важное в том отношении, что вверх по течению реки ведет дорога на два перевала: Келендж, через который ведет дорога на р. Чипурисан и далее в Канджут и на перевал Сухсуроват (ваханцы называют его Хадаргурт), через который можно попасть как на истоки Чатрарской реки, так равно и на истоки Ясинской реки.

Перевал этот, несомненно трудный, но все таки доступный для вьюков, так как лет 30–40 тому назад Ак-суйский киргиз Мирек-Батыр прошел с ватагою разбойников через этот перевал на истоки Чатрарской реки (киргизам она известна не под именем Ярхуна, но как Шавар, или Чавар-Су) и, ограбив ваханцев и Чатрарцев, с богатою добычею вернулся обратно.

Среди Аксуйских киргиз перевал этот, несомненно, известен нашему проводнику Нур Джану Диване, по прозвищу Ихлѣс Халифа, и брату бывшего Ак-Ташского Караул-Бегия Махомет Касыму.

Ваханцам перевал этот известен лучше, но они скрывают, отговариваясь незнанием. Дорогу эту хорошо знает сторонник Али Мордана, житель сел. Сархада Мума Махомед Раим и брат его Сеид-Махомет.

16 сентября 1889 г.

Суббота 16/28

Переход до западного конца озера Чакмактынкуля – 27 верст. Сегодня с утра проводник наш отправился за брошенными вчера вьюками, а мы, пользуясь тем, что днем присутствие огня не приметно, развели огонь и согрелись чаем, а потом супом.

В 9 ч. утра вещи были доставлены, развьючены между лошадьми, и мы тронулись в обратный путь. Желая добыть по возможности верные сведения о положении дел в Вахане, намерении афганцев, а также и о наших посланцах к Джарнейлю, я отправил проводника в Сархад, а сам по старой дороге поплелся на истоки Мургаба. Искалеченные лошади заставляли нас двигаться по возможности тише и мы только к вечеру перевалили небольшой водораздел Чиль-Об и заночевали на западном конце оз. Чакмактын-Куль, при устье реки Чиль-Об.

Перевал и долина р. Ак-Су покрыты были глубоким снегом. Нигде признаков подножного корма или топлива. В 8 ч. вечера мороз достиг уже -12С. и при очень сильном W: было очень холодно. Лошади наши разбивали копытами обледеневшую верхнюю кору снега и пытались добыть из-под снега корму; мы, хотя и разжились кустами терескена, но он был весь покрыт ледяными сосульками и примерзшим снегом и развести огня не удалось. Так и легли спать без чая и еды.

Остановившись на ночлег, мы увидели 4-х всадников, которые и были остановлены нами. Из расспросов оказалось, что двое из них Чатрарцы, люди Сарвар-Хана, правителя Мастуджа. Люди эти рассказывали, что Чатрар переполнен английскими войсками, которые близ М [...] строят форт. Один из начальников с конвоем из 200 всадников вслед за ними шел через Барогиль в Сархад, где он должен был встретиться с англичанами, которые имели прибыть туда через Раскем и Дангын-Баш, а также и через Канджут. Те-же люди передавали за достоверное, что афганская войска вступили в Кафиристан, но что Кафирцы деятельно защищаются.

17 сентября 1889 г.

Воскресенье 17/29

Ночью погода прояснилась, но ветер дул с чрезвычайною силою и, несмотря на то, что термометр показывал только -15С, было невыносимо холодно. Мы поднялись до свету, потому что лошади срывались с приколов. Когда рассвело, то не дальше 700–800 шагов от нас мы увидели громадную яму, разрытую медведем в поисках за сурками. Безпокойство лошадей выяснилось. Я приказал все вьюки переложить на двух казачьих лошадей и лошадь Мирзы Фазыл Бека и отправил их домой в лагерь, а сам с одним казаком решил вернуться в лагерь по южному берегу озера, в надежде, что встречу медведя. Следов совершенно свежих видел много. Некоторые достигали замечательной величины. В одном месте встретили свежий медвежий помет, еще не застывший, несмотря на крепкий мороз, но зверя нигде не видели.

Яркий свет солнца, отражаясь от снега, ослеплял глаза, причиняя резкую боль.

Я объехал все озеро, причем несомненно выяснилось присутствие медведей в большом количестве в ущельях, выходящих на водораздел западнее озера. Ниже по озеру и течению реки мы следов не встретили. Следы мы видели совершенно свежие, не обледенелые, что ясно доказывало, что звери выходили на добычу ночью и на рассвете вернулись обратно в ущелья. Крайняя усталость лошадей не позволила нам преследовать зверя вверх по ущелью до логовища.

На возвратном пути я из Берданки убил 3-х гусей и зайца. В лагерь вернулся к 3 ч. пополудни, не имея ничего во рту в течение 32 часов.

Дома застал все благополучно, только казак Матвеев заболел лихорадкой, да мой милейший Конрад разодрался с поваром из-за хлеба (он хотел заставить

повара ночью в сильную метель печь себе лепешки⁷⁶ на сале). Миленький экземплярчик! От людей своих узнал, что на Памире Дангнын Баш вышла из Раскема партия англичан в 30 чел. и остановилась в ожидании другой партии, которая имела выйти из Канджута. Сведение это добыто ими от охотников киргиз, вернувшихся из Дангнын-Баша.

Киргизы, приехавшие из Аличура, рассказывали, что наш посол – киргиз Джиан Бай задержан афганцами и отправлен в Мазар-и-Шериф к Эмиру. Другой-же посол, киргиз Джума Бай, струсил и не поехал, присвоив себе нашу шубу и др. вещи.

Надо немедленно добыть проводника и отправить одного из джигитов экспедиции на Аличур, чтобы узнать наверное, что сделал третий посланец Махомет Курбан.

Около нашего лагеря большое оживление. Крутом прикочевало до 20 аулов, что в общей сложности составит до 100 кибиток. Киргизы заручились обещанием, что Сафдер Али Хан Канджутский не ограбит их, и теперь отправили послов к афганцам с просьбою разрешить им здесь зимовать. Хорошую охрану имеют китайские подданные!

От ветру и мороза мы все выглядим как-бы распухшими. Переход – 18 верст.

18 сентября 1889 г.

Понедельник 18/30

Ночью заболел сильнейшими приступами лихорадки, сопровождавшимся кровотечением из носу. Принял 15 ночью и 20 гр. утром хинина. Вечером повторю эту же порцию.

Утром опять Конрад вздумал ругаться с поваром из-за чаю. Требовательностью своею он в мое отсутствие довел повара до того, что тот хотел застрелить его из револьвера, но был обезоружен казаками. Немец струсил и спрятался у казаков, а сегодня начал ссору опять.

Выведенный из терпения, я предложил ему убираться вон из отряда. Опять слезы и обещания вести себя прилично. Простил в последний раз. Более мелочного человека я в жизни не видал.

19 сентября 1889 г.

Вторник 19 Сентября/1 Октября

Опять тучи и сильнейший ветер. Отправил джигита Садыр-Ходжу нанять проводника на Аличур в аул Махомет Курбана. В одном из аулов

⁷⁶ Лепешка – популярной в Центральной Азии вид хлеба, на тесто которого входит мука, вода и жир, без добавления дрожжей.

он встретил китайского бека Кауля, посланного сюда начальником передовой линии Джан-Джином для водворения вновь назначенного Китайцами Аличурского бека. От него Садыр Ходжа узнал, что афганцы действительно задержали Джиан Бая у себя, а ответ ко мне отослали через Китайского посла Яйчи Бека. Кауль Яйчи Бека встретил 8 дней тому назад на оз. Ранг-Куль, но не зная, что я здесь направил письмо в Кашгар к Консулу.

Послал попросить Бека ко мне в лагерь.

Сегодня мимо нас проехали работорговцы из Чатрара. Они выгодно продали девочек. Двух старших купил киргиз Кадыркуль рода Аляп-Огим, младшую – киргиз Хаит Мамбет рода [...]. Всего работорговцы выручили: две ямбы, два фитильных ружья, 5 лошадей и шт. 20 кошем.

Мы спустились на 2 версты ниже по р. Ак-Су.

20 сентября 1889 г.

Среда 20/2

Сегодня утром приехал ко мне Китайский Бек Кауль. Он подтвердил рассказанное вчера джигиту Садыр-Ходже, причем добавил, что от Яйчи Бека он узнал, что афганцы отказались пропустить экспедицию в Кафиристан, мотивируя отказ свой тем, что они ведут войну с Си [...], что часть страны занята уже афганскими войсками и что во время военных действий и сопряженных с этим опасностей, они не рискуют дать разрешение на проезд экспедиции.

По словам Кауля, Яйчи Бек не мог разыскать меня на Аличур-Памире и потому повез письмо в Кашгар.

Кауль Бек послан на Аличур для восстановления вновь назначенного Аличурского бека. Китайцы, несмотря на дружбу с афганцами, не преминули воспользоваться бегством киргиз из Шугнана и самого влиятельного из них назначили Бекон на Аличур, выделив ему часть киргиз из ведения Мургабского бека – Курумчи и Ак-Ташского Бека – Тохта Мера. Китайский Бек подтвердил сведения относительно того, что на Дангнын-Баш прибыла партия англичан в 30 чел. По словам его, из Тибета давно получено было сведение о движении англичан через Раскем, но куда они направятся дальше – ему неизвестно. Каул-Бек отправляется на Аличур и взял с собою джигита экспедиции Тюрю-Кула, свято обещая на пятый день прислать через него точные сведения о том, поехал ли Махомет Курбан к Афганцам или-же, по примеру Джума-Бая, струсил и остался в ауле. До возвращения Тюрю-Кула я решил остаться здесь. Одарив Китайского Бека хорошим халатом, я отпустил его дальше.

Перед вечером возвратился из Сархада посланец мой Нур Джан Дивана и рассказал следующее:

Расставшись со мною, он направился на урочище Лянгар, где встретил его афганский разъезд и, несмотря на заявление его, что он едет за покупкой муки, в виду отсутствия у него мешков для муки, арестовал его и отправил под конвоем в Сархад. Здесь в настоящее время команда из 200 чел. пеших и 100 чел. конных

солдат под начальством Хасадора (чин) Фарахар Хана. Военачальник этот подробно расспросил посланца, где находится русский офицер, приехавший из Мургаба, и правда-ли, что русский собирается проехать в Чатрар – и получил в ответ, что русский стоит лагерем на верховьях р. Ак-Су против устья Андеманына, что он искал проводника в Чатрар, но нашел-ли или нет – не знает, так как киргизы не соглашаются быть жожаками.

На это Хасадор хвастливо заметил, что напрасно киргизы не ведут русского; он-де ждет, не дождется, чтобы русский приехал: арканов приготовил много, чтобы расправиться с ними по своему. Нур Джан ответил, что кроме арканов потребуется вероятно еще и оружие, что русских немного, но они вооружены прекрасно и каждый может сразу сделать 40 и более выстрелов, что он сам видел, как русский на большом расстоянии пулею из ружья убил бегущего зайца, а афганцы больше зайца, да и не бегают так шибко. Хасадор пришел в ярость и приказал наказать рассказчика 30 удар. палки, приговаривая «урусны тариф кылма», т.е. не хвали русского, а затем отправил его в кутузку, из которой его освободили только на другой день, по просьбе вновь назначенного афганцами наместника Вахана Мулла Ашура, который поручился в благонадежности Нур-Джана.

Выйдя из кутузки, он узнал, что Хасадор с большою свитою отправился встречать англичанина, едущего в Сархад через Барогиль из Чатрара. К вечеру селение запрудило людьми и лошадьми. Сколько приехало англичан – Нур Джан не знает, но всего прибыло до 200 всадников, между которыми были ваханцы, чатрарцы и индейцы. От мусульман конвоя Нур Джан узнал, что в Чатраре много английских войск, что крепость близ М [...] (Нур Джан не узнал точно места) готова, и что англичане останутся здесь на зиму. Затем ночью он повидался с Мулла Ашуром (ваханцем, наместником Вахана) и от моего имени обещал ему пять ямб, если он поможет экспедиции пройти в Чатрар и узнает от Али Мордан Шаха, пропустят ли меня Чатрарцы дальше в Кафиристан. Мулла Ашур сначала отнекивался, но затем согласился отправить гонца к Али-Мордан Шаху с тем, что если Чатрарцы пропустят меня дальше в Кафиристан, то он со своей стороны вышлет 100 чел. Ваханцев, которые перенесут вьюки экспедиции через Сухсуравасский перевал на истоки Чатрарской реки (Ярхуна).

Гонцом отправлен преданный Али Мордану человек Мулаим Бек (Мулла Алим Бек) и родственник его Сеид Махомет, оба из селения Сархада. Они имеют прибыть ко мне через 6 дней.

Затем он поехал обратно и в 20 верстах выше Сархада встретил 2-х англичан с конвоем из 15 чел., которые из Дангнын-Баша направились через Вахджир в Вахан. Англичанам тоже известно, что я живу на Ак-Су; они расспросили Нур-Джана о том, что я здесь делаю и, получив в ответ, что охочусь, одарили его и поехали дальше. Люди англичан, по-видимому, Тибетцы, рассказывали Нур Джану, что товарищи этих англичан ждут их на Дангнын-Баше, а что эти двое едут в Сархад на свидание с англичанами, едущими из Чатрара. Когда же Нур Джан рассказал, что англичане из Чатрара накануне прибыли в Сахрад, то англичане отменили распоряжение о ночлеге и быстро направились в Сархад.

В заключение поясню, что Нур-Джан Дивана, по прозвищу Ихлѣс Халифа, человек вполне верный и правдивый. Он оказал большие услуги экспедиции Бонвалѣ

и мне в прошлом году. Рассказ его не подлежит сомнению и, кроме того, подтверждается вполне из других источников. Я одарил его насколько позволили средства, но, конечно, вознаградить за побои, причиненные афганцами, не мог. К вечеру совсем затянуло. Ветер такой невозможный, что палатки еле держатся; холодно очень.

21 сентября 1889 г.

Четверг 21/3

На месте, дневка
Сегодня приехал посланец от Куч Махомет Бека из Дангнын-Баша с письмом, в котором он спрашивается о моем здоровье и времени приезда. Посланец этот привез также письма от Канджутского Хана Сафдер Алиа и одного англичанина из числа живущих на Дангнын-Баше.

В первом письме много любезностей и убедительное приглашение посетить его.

Второе письмо, написанное по-английски и потому непрочитанное мною. Я ответил письмом на 6 языках (русском, французском, немецком, испанском, тюркском и персидском); надо полагать, что мистер, кажется, Cumberland⁷⁷, поймет хотя одно из этих писем и, таким образом, сношения завяжутся. Г. Конрад перевел письма немецкое и испанское.

Посланец рассказывал, что англичан прибыло всего 3 чел., но с большою свитою и конвоем. Один из них с частью людей отправился в Вахан, а двое осталось здесь, охотятся на *Ovis polii* и поджидают меня. Посланец рассказывает чудеса об их щедрости.

Перед вечером поднялась метель и чрезвычайно сильный ветер. Очень холодно.

22 сентября 1889 г.

Пятница 22/4

Сегодня отпустил посланца, снабдив его ответным письмом к англичанину и к Куч Махомету.

Мороз достиг сегодня -18,5°C. при очень сильном ветре. От мороза лошади ничего не едят.

Завтра решил спуститься несколько ниже по течению р. Ак-Су. Посланец от Куч Махомет Бека рассказывает, что перевал Михман Юлы завален снегом. Придется идти через Беик, где буду ожидать приезда Тюрю Кула.

⁷⁷ Чарльз Сперлинг Камберленд, майор британской армии. В 1889 году он организовал разведывательную экспедицию на Памир и в Туркестан, которая была проведена в соучастии Хамилтона Бовера под предлогом охоты. Автор книги-воспоминаний. (C.S. Cumberland, *Sport On The Pamirs And Turkistan Steppes*, Wiliam Blackwood and Sons, Edinburgh and London 1895).

Ездил на охоту за птицею. Озера замерзли все без исключения. Птица держится только по реке. Убил 3-х гусей и 5 уток. Киргизы ужасные мерзавцы, не исключая нашего ближайшего соседа Джитанки. Он вдруг начал просить у меня подарить ему нашу лучшую лошадь и очень обиделся, когда я отказал ему.

Вечером приехал ко мне старик Хайдар-Бий верхом на верблюде, сопровождаемый внуками пешком. Пришлось отпустить его, накормив, напоив и одарив халатом. Подарочные вещи высыхают как вода летом на солнце.

23 сентября 1889 г.

Суббота 23/5

Переход вниз по р. Ак-Су до урочища Бузала – 18 верст.

Избегая мороза, двинулись вниз по р. Ак-Су. Ветер и вьюга, преследовавшие нас так жестоко у устья р. Андеманын, не оставляют и здесь. По берегу реки и на озерах бесчисленное множество гусей, но открытая местность не позволяет подойти на выстрел. Киргизы перекочевывают на зимние стойбища на верховья р. Ак-Су. Сегодня мы встретили не менее 50–60 кибиток во время перекочевок. Приемы перекочевок те же, что и среди киргиз Алая: впереди верхом на лошади, молодая, ярко одетая киргизка; лошадь покрыта яркою попоною, на голове огромная белая чалма, на ногах зеленые калоши с чрезвычайно высокими, но узкими, как гвоздь каблуками, в руках на длинном поводу навьюченный верблюд, словом, все то же, только взамен стада лошадей гонится стадо навьюченных яков, да верблюдов поменьше. Лошадей здесь немного. Кобылы хотя родят, но жеребята не выносят разреженного воздуха и сдыхают. Ягнята требуют также особенно тщательного ухода. Их держат в юртах до тех пор, пока они не окрепнут и все время поят молоком, а также кормят сухим сеном, специально для ягнят заблаговременно заготавливаемым.

Здесь в большом распространении обычай отдавать на прокормление баранов, что объясняется трудностью ухода за ягнятами. Богатый киргиз, имеющий больше 200–300 баранов, не в состоянии сам с семьей уследить за прокормлением своего стада и излишек отдает на прокормление беднейшему родственнику, или вообще бедному, но честному человеку. Семья, принявшая к себе баранов, пользуется молоком и шерстью от самок. Шерсть от самцов, как не требующих ухода, поступает в пользу владельца, равно как и весь приплод без исключения. Если баран сдохнет, то мясом пользуется взявший на прокормление, но шкура поступает в пользу хозяина. Бараны стригутся два раза в год, причем шерсть на курдюке (сальник) и брюхе оставляется, так как есть поверье, что бараны, остриженные вполне быстро худеют. Из шерсти 100 баранов обыкновенно принято выделывать 8 кошом, что, если считать по 3 рубля за кошму, составит 24 рубля.

Яки живут и размножаются здесь превосходно. Сачки дают густое, очень вкусное молоко. Телята обыкновенно лишаются молока, поступающего на прокормление семьи, и потому очень худые. Они подпускаются к самкам после удоя и пользуются только остатками.

Верблюды покупаются местными киргизами охотно и ценятся приблизительно в 70 р. ш. Самки рожают очень редко, но молодые, так-же как и жеребята, не выносят редкого воздуха и сдыхают. На верблюдах летом не ездят. Они пасутся на свободе, без всякого присмотра, нередко на громадном расстоянии (20–30 верст) от аула. Нападения волков верблюд не боится, сумев защитить себя, а воровство среди киргиз встречается чрезвычайно редко, что следует приписать не столько безусловной честности их, сколько трудности, если не абсолютной невозможности сбыта в случае кражи такой крупной скотины, как верблюд. Провести ее незаметно среди окружающих аулов – трудно, а продажа в Вахане, Шугнани или Сары-коле немедленно дойдет до потерпевшего. Кроме того, киргизы большие мастера отыскивать следы на громадном расстоянии.

Зимой верблюды несут тяжелую службу. Они в постоянном разгоне за мукою и др. потребностями. В особенной цене среди памирских киргиз одногорбые верблюды (наар), как более редкие, и среди них – белые.

Предметом обмена на муку у киргиз служат кошмы, лошадиные попоны и [...]. Все это выделяется исключительно женщинами, среди которых являются большие мастерицы, умеющие изящно узорами вышить попону и украсить бахромой. Ковровое производство среди здешних киргиз не распространено.

Несмотря на обилие лугов по берегу р. Ак-Су, мы травы нигде не нашли. Все было съедено дочиста проходившими кверху аулами.

24 сентября 1889 г.

Воскресенье 24/6

Переход до устья реки Тегерман-Су – 20 верст.

Мы опять спустились на 20 верст ниже по течению реки и, несмотря на сравнительно очень незначительный уклон долины реки Ак-Су (мы спустились всего на 200 метров), разница в климате очень большая. Днем температура достигла до +10°, а ночью мороз до -10°, тогда как два дня тому назад морозы ночью превышали -18, а днем -0 и редко +2°С.

Река Тегерман-Су (мельничная вода) пополняется теплыми ключами и зимой в самую сильную стужу не замерзает. При выходе реки из ущелья в долину реки Ак-Су имеются развалины мельницы – совершенно исправные жернова. Кроме того, ясно сохранились следы водо-оросительных канав и пахотного поля. Местное население пробовало на этом месте произвести посевы ячменя, но, произведя посевы в течение 2–3 лет под-ряд, оно жатвы не дождалось. Мороз побивал или всходы или же побивал не выколосившееся зерно. Следует ли это приписать общему охлаждению климата или случайно неудачным для посевов годом – вопрос открытый. Киргизы думают, что на Памирах вообще стало заметно холоднее, чем в прежние времена. Существование посевов и мельницы они относят ко временам нашествия калмыков. Сами они мельницы не восстанавливают, так как не чувствуют в мельнице потребности, приобретая муку, а не зерно.

На верховьях реки Ак-Су кроме теплого ключа на самом перевале Чиль-об и теплого ключа по Тегерман-Су, еще имеется горячий источник несколько выше Уртабельского ущелья, в северных горах р. Ак-Су, верстах в 2-х севернее русла, на правом берегу реки Юкареш-Урта-Бель (верхний – средний Перевал). К сожалению, взятые мною образцы воды разбились в дороге вследствие недосмотра коллектора. В ущелье р. Тегерман-Су оказался киргизский аул, жители которого, завидя нас, приехали в лагерь и привезли с собою на продажу масло и кислое молоко. Вскоре завязалась дружба с казаками, которые купили у приезжих шубу и мех для раздувания огня.

Приезжие киргизы продали мне 9 ш. баранов и собаку-щенка дворняжку и расходились до того, что предлагали продать нам яков, чекмени и др. ненужные вещи, назойливо приставая, чтобы мы купили у них. Выведенный из терпения назойливостью, я спросил у одного из них (рода Кесак-комков) не продаст ли он жены своей, и получил в ответ, что он уступит жену охотно за 10 ямб (около 200 рублей), причем продавец начал восхвалять жену свою, что она молода и очень красива. Желая проверить, действительно-ли на столько велико бесстыдство юнца-киргиза, я отправил с продавцом в аул одного из джигитов экспедиции, как-бы для осмотра предполагаемой покупки, причем джигит, вернувшись, доложил, что жена его действительно молоденькая и хорошенькая бабенка. Весть о желании продать жену быстро разошлась по аулу и собрала толпу зевак, из которых некоторые упрекали продавца в том, что он продает жену русскому – кафиру, другие же держали сторону мужа, утверждая, что жена – собственность мужа: захочет – убьет, захочет – продаст. Собственность, дорого приобретенная уплатою калыма. Бабенка заливалась горячими слезами, завывая на весь аул. Когда все вернулись в лагерь, то мне пришлось прогнать продавца собственной жены.

25 сентября 1889 г.

Понедельник 25/7

Переход до урочища Ау-Таш (камень охоты) по р. Беик (Беик – высокий, крутой) – 12 верст.

Сегодня я сделал очень небольшой переход в ущелье реки Беик в ожидании приезда джигита экспедиции Тюрю Кула, который должен был вернуться вчера, но крайним сроком был назначен сегодняшней день. Между тем, он не вернулся, равно как и Абики, посланный в Кашгар и Махомет Курбан, уехавший в Шугнан. Я без подков и, не дождавшись джигита экспедиции, не решаюсь перевалить на Памир Дангнын-Баш.

По р. Беик травы очень мало и сравнительно со вчерашним ночлегом холодно. Мы стоим на снегу, который не тает, несмотря на очень теплый ясный день. Высота местности 5300 метров, но русло реки густо поросло мелкими кустами ивы.

Сегодня утром в лагерь наш перед выступлением из Ак-Су прибыло несколько киргиз из соседнего аула с язвами и др. кожными болезнями, прося лекар-

ства. В числе киргиз приехал брат местного бека (Тохта Махомет бека) Ходжам Яр. Оказалось, что он вместе с Джутанки отвозил подарки к Сафдер-Али-Хану. Он не мог нахулить достаточно дороги в Канджут. Они лошадей своих оставили в Мыскаре, а дальше пошли пешком. Ходжам Яр тоже передавал, что Сафдер-Али-Хан с удовольствием вспоминал о пребывании моем в Канджуте и настойчиво приказывал, или повидаться со мною и убедительно просить посетить его. Он горько жаловался, что старшины его, подкупленные англичанами, отказались драться и вынудили его пропустить англичан во внутрь страны и часто повторял: «страну мою взяли англичане не оружием, а деньгами; жадность погубила нас». Дальше Ходжам Яр рассказывал, что англичане ведут телеграфную линию до Балтита и что двое англичан сорвались с всячего моста и утонули в Канджутской реке.

Интересны отношения Кашгарских властей к своим подданным. Когда Канджутский Хан настойчиво начал требовать принесения ежегодной дани, то Ак-Суйские киргизы задержали Ханских посланцев и отправили челобитчиков к Кашгарскому Дао-Таю, который посоветовал им «ладить с соседями». Совет этот киргизы приняли к сведению, и теперь платят дань: Китайцам, афганцам и канджутцам.

Сегодня проезжал мимо аула самого богатого из Ак-Суйских киргиз – Турсун-Бая. Он имеет больше 5/т. баранов, до 300 шт. яков и соответствующее количество верблюдов и лошадей. Он имеет лучших скаковых лошадей и на всех скачках берет призы. По расчету местных киргиз, он в течение последнего 10-летия одних призов взял на 50 ямб. Турсун-Бай вместе с тем и торгаш. Он ссужает нуждающихся деньгами, торгует оружием, матой, скотом, халатами, обувью и т.д. с запрошенной цены никогда ничего не уступает. Киргиз этот известен еще и крайне развратным поведением своей жены. Эта Памирская Мессалина завлекла в сети свои местного китайского бека (караул бегия) Махомет Касыма, который сначала начал кочевать вместе с Турсуном, затем растратил весь свой скот, по настоянию Мессалины развелся и прогнал жену свою и стал жить в качестве приживальца в ауле Турсун-Бая. Неодобрительное поведение местного представителя власти дошло до Кашгара и китайцы уволили его от должности.

Наконец Турсун-Бай известен еще как самый крупный рабовладелец. В доме его 7 чел. рабов Чатрарцев (3 мальчика и 4 женщины). Заинтересованный всеми этими рассказами, я направился в аул Турсун-Бая. Самого не застал дома, он уе-

السَّلَامُ عَلَيْكُمْ وَرَحْمَةُ اللَّهِ وَبَرَكَاتُهُ
 Sa-alei'kum - wa-rahmatu'llah - alei-
 kum. -

16

Салам алейкум, оригинальная запись Громбчевского на поле Дневника.

хал куда-то на поминки. Выбежал один из работников и после обычного ассалёму-алейкум (да будет здоровье с Вами) и «чушинг! чушинг!» (сойдите, сойдите), я слез с лошади и вошел в юрту. Почти против дверей, в противоположном углу юрты, за ткацким станком, сидела Мессалина. Это киргизка лет под сорок, не только не привлекательной, но, наоборот, отталкивающей наружности.

При моем входе в юрту она поднялась, быстро взяла с груди кошем небольшой коврик, разостлала его на землю, рукою пригласила меня сесть и вслед за сим налила большую деревянною ложкою в такую-же чашечку кислого молока с водою (айран), разостлала передо мною невозможно грязную тряпку и поставила чашку на тряпку. Я притронулся губами к молоку и проговорил скороговоркой, что хозяина нет и что мне не удастся вероятно купить баранов, поспешил выйти из юрты, подумывая, что эта грязная баба, вероятно, имеет внутренние достоинства, если успела приколдовать к себе молодого и красивого человека.

Нравственность среди киргиз вообще неважная. Киргизки грешат охотно, как замужняя, так и незамужняя преимущественно с подростками лет 16–18, которые еще не имеют жен. Здесь в полном применении пословица: «не пойманный – не вор», и наказываются жестокими побоями и отнятием всей одежды только пойманный на месте преступления. К растлению нравов не мало способствует совместное спанье женатых и неженатых в одной юрте, причем у молодых рано развиваются половые инстинкты, а также продолжительное отсутствие мужей, уезжающих за покупкой муки, на поминки, свадьбы и т.д., причем подростки остаются одни с женщинами в юртах. Ревность среди киргиз проявляется очень редко и ограничивается более или менее жестокими побоями жен. Мне нередко приходилось подшучивать над киргизами, жены которых оставались в аулах родителей до полной уплаты калыма, и всегда получал в ответ: «и мы так делали и с нами так делают; пусть Бог даст стыд и совесть женщинам».

Драки из-за женщин происходят в аулах чаще не между мужем и любовником, а между старым и новым любовником. Старый любовник подбирает товарищей и подстерегает заподозренного, причем, если удастся поймать, то избивает до полусмерти и отпускает нагишом. Киргизки не жадны. Развратничают ради удовлетворения темперамента, почти всегда без вознаграждения и очень редко, получая в подарок дешевое колечко, зеркальце или подобный пустяк. Они отдаются исключительно киргизам, но проезжим, даже за большую, плату не отдаются, хотя бы проезжий жил некоторое время в ауле и был сам мусульманином. По крайней мере, долго наблюдая нравы киргиз, мне подобные факты не известны.

26 сентября 1889 г.

Вторник 26/8

Дневка в ожидании Тюря-кула.
Утро очень холодное -14С. при стальном, пронизывающем NW. Днем тепло, температура +12С., ожили комары и мухи. Вечером сильный ветер, очень холодно, а ночью метель и снег.

Посланцы мои (Абик, Тюрю-кул и Махомет Курбан) не вернулись, что, по всей вероятности, вынудит меня простоять на месте и завтра. Сегодня поздно вечером собаки с громким лаем бросились в гору и кого-то преследовали. Желая проверить готовность конвоя на случай внезапного нападения, я выстрелил из Берданки. Казаки выбежали из палатки и снарядились в полной боевой готовности в 45 секунд. Я отпустил им по чарке спирту.

В полночь собаки вновь подняли тревогу и преследовали кого-то так медленно, что это мог быть только человек. Я отправил патруль, но таковой никого не разыскал. Обилие камней и скал при ночной темноте способствовало бегству незваного гостя.

Дневка в Ау-Таш вблизи скалы, которая должна была защищать путников от сильных ураганов.

27 сентября 1889 г.

Среда 27/9

Дневка на месте. Ночная метель занесла нас снегом. Утром резкий NO и очень холодно, хотя термометр показывает только -11С.

Я пользуюсь проблесками солнца, изредка выглядывающего из-за туч, и произвожу астрономические наблюдения.

Сегодня совсем неожиданно приехал ко мне местный Китайский Бек под предлогом узнать, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь, а в действительности, узнать дальнейшие намерения экспедиции с целью отрапортовать обо всем в Кашгар. Я принял его любезно. Приказал угостить на славу, отпуская, одарил халатом, но

о направлении пути не сказав ни слова, отвечая на все запросы бека, что все это будет зависеть от обстоятельств. Бек, по-видимому, сильно удивляется, почему люди мои не возвращаются и недоумевает о причинах задержавших их. Новостей он не знает никаких. Вслед за Бекком приехали и соседи наши: знаменитый Турсун и приятель его, бывший китайский Караул Беги Махомед Касым. Они привезли на продажу тулупы. Пришлось купить их для казаков, хотя были они дороги. Гостей я отпустил вечером, одарив каждого ситцем и кумачом.

Поздно вечером вернулся Тюрю-Куль. Оказывается, что он опоздал потому, что некованая лошадь захромала в дороге. Без подков жить трудно. В прошлом году я платил по 4 металл. рубля за [...]. В нынешнем году я взял с собою запас на 50 лошадей и 3 раза столько гвоздей, но движение по Мургабу разорило меня в конец. Тюрю Куль рассказывает, что Махомед Курбан действительно отправился к афганцам. Аличурские киргизы рассказывали ему, что афганцы отправили Джиан Бая в Ханабад к Эмиру для награждения за заслуги, оказанные афганцам.

Джума Бай действительно не поехал, струсивши, что и его афганцы отправят в Ханабад. Он написал мне письмо, в котором сообщает, что лошадь его сдохла в дороге и потому он не выполнил поручения. Это неправда; Тюрю-Куль видел лошадь. Вещей и денег моих он не возвратил под предлогом, что лошадь его сдохла. Надо просить Консула о примерном наказании Джума Бая, чтобы впредь и другим неповадно было обманывать. Аличурские киргизы вообще ужасные мерзавцы и дикари. Они живут между афганскими и китайскими властями и не подчиняются ни тем, ни другим. Это самое дикое и нечестное население Памира. Тюрю Куль, между прочим, рассказывал, что две юрты, встреченные нами на оз. Булюн-Куль, перекочевали на Аличур и рассказывали, что я взял у них 2 баранов насильно, угрожая застрелить. Они были очень пристыжены, когда Тюрю-Куль рассказал истину.

28 сентября 1889 г.

Четверг 28 /10

Дневка на месте. Сегодня ночью выпал снег; днем пасмурно, очень ветрено и холодно. Приехало 2 охотника за Памирскими баранами и мы на яках обшарили все соседние ущелья, но ничего не нашли. Яки под верхом идут очень лениво, их подгоняют ударами толстой палки по спинному хребту ниже седла. Яки ходят без уздечки и слушаются веревки, продетой сквозь продырявленную ноздреватую перепонку. Они прекрасно ходят по невозможным кручам, где лошадь пройти не может, но езда на них утомительна и неприятна. Я вернулся домой совершенно разбитым после 8-часовой езды на яке. Абика и Махомет Курбана все нет и нет. Завтра решил перевалить на Дангнын Баш. Авось снег спасет ноги лошадей моих.

29 сентября 1889 г.

Пятница 29/11

Переход через перевал Беик на урочище Кара Джильганы Аузы, по р. Южный Беик – 33 версты.

Ночью опять выпал сильный снег, сопровождаемый метелью, и я решил перевалить на Дангнын-Баш. Мы шли без проводника, руководствуясь рассказом киргиз, что надо идти вверх по течению реки, придерживаясь главного русла; на верховьях, миновав много ущелий, путник становится лицом против пяти ущелий; здесь надо отойти от русла реки, перевалить небольшие холмы и подниматься по третьему ущелью, считая с севера. Рассказ этот оказался настолько точным, что, несмотря на глубокий снег, прикрывавший всякий след дороги, мы не сбились и нашли перевал без труда.

Долина реки Беика представляет на всем протяжении большие луговые пространства. Подъем самый незначительный. Дорога мягкая, пролегает все время по мягкому дугу, сильно болотистому и топкому, по берегу реки и притоков. Река Беик получает более или менее значительные притоки с южных гор, причем вершины гор завалены снегом и ледниками.

Подъем на перевал тоже самый ничтожный и мягкий вплоть до подножья. Затем несколько круче только последние 2 версты, причем с северной стороны подъем совершенно не трудный и доступный для тяжело навьюченных лошадей. Спуск зато на реку Южный Беик очень крутой на протяжении около 2-х верст.

По речке северный Беик мы встретили совершенно свежие следы пары медведей. Я отправился по следу и преследовал на протяжении 12 верст. Затем след пошел по голому камню, свободному от снега и мы вынуждены были прекратить преследование. Меня сопровождал г. Конрад и мирза Фазыл-Бек.

Под перевалом мы встретили стадо архаров штук в 150. Убили двух, но пришлось стрелять на большом расстоянии, по стаду, и убиты две молодые матки.

Речка южный Беик также по берегу поросла хорошею травой, падение ее незначительно.

У подножья перевала встретил нас Дангнын-Башский Китайский Бек Куч-Махомет с братом своим Касым-Бекем и свитой. От них я узнал, что англичане отправились на истоки реки Таш-Курганской и исследуют перевалы. Один из англичан – Доверн⁷⁸, отправился через Вахджир в Вахан и намерен вернуться

⁷⁸ Анри Дауверне (–1920?) – французский естествоиспытатель и путешественник, который в 1889 году провел экспедицию из Кашмира в Кунлун, Гиндукуш и южный Памир. Какое-то время он сопровождал двух британских исследователей – майора Кумберленда и поручика Бовера. (Дополнительная информация по этой теме: H. Dauvergne, *Exploration dans l'Asie centrale*, *Bulletin de la Société de géographie*, 1892, с. 5–40; C.S. Cumberland, *Sport On The Pamirs And Turkistan Steppes*; Wiliam Blackwood and Sons, Edinburgh and London, 1895, с. 86–94; J.T. Walker, *Notes on M. Dauvergne's Travels in Chinese Turkestan* [в:] *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography* 1892, vol. 14, No. 11, с. 779–785; C.E.D. Black, *M. Henri Dauvergne's explorations in the Pamirs* [в:] *Scottish Geographical Magazine* 1892, vol. 8, с. 362–367).

домой, т.е. в Индию, через Чатрар. Двое других, Кумберлянд и Бовер⁷⁹, еще здесь и возвращаются в Яркенд.

Из Раскема на Дангнын-Баш следует какой-то знатный англичанин, имея на ста лошадях вьюки. Ему на встречу выехал Дангнын-Башский богатый киргиз Акыл-Джан, взяв с собою 20 яков, чтобы пособить поднять вьюки через перевал. Англичанин этот едет из верховьев р. Хотан-Дарьи, где близ Шахидулла Ходжи им построена крепость. Поводом к постройке крепости послужило прошлогоднее нападение канджутцев на Сары-Кию, ограбление киргиз и караванов, следующих в Индию. Ограбленные обратились с жалобой к Китайским властям и, не получив удовлетворения, обратились с жалобой к Правительству Индии, которое вышло с запросом к Китайцам. Последовал запрос вплоть до Кашгара, и местные китайские власти поспешили заявить, что нападение случилось вне китайских караулов, причем предупредительно заявили, что их караулы находятся в Санджу и Дангнын-Баше. Англичане немедленно заняли свободное пространство и построили укрепление у Шахидулла Ходжи. Это идет в связи с занятием Канджута, Чатрара и Кафиристана. Все это очень грустно. Не говоря уже о том, что лошади англичанина съедят весь корм по р. Раскему, Бог весть, как они отнесутся к проходу экспедиции. Все это, со слов англичан, сообщил мне Куч Махомет.

Канджут все сторонне исследован большою экспедицией английскою. Сафдер Али-Хан принял покровительство Англии и заключил договор. До Балтита доведена телеграфная линия. Двое из английского конвоя, переправляясь по веревочному мосту, оборвалось и утонуло.

Поздно ночью вернулся Махомет Курбан. Он привез короткое письмо ко мне от Карнейля Махомет Раима, в котором последний сообщает, что письмо мое на имя Джарнейля он отправил с нарочным в Бадахшан и ответ не замедлит сообщить. На словах он передал Махомет-Курбану, что ни он, ни Джарнейль пропустить экспедицию в Кафиристан не могут, так как на это не последовало разрешения Эмира Абдурахмана, о чем уже Джарнейль сообщил мне особым письмом, посланным через Ранг-Кульского киргиза Джайчи. (Письмо это не доставлено мне). Поводом отказа – военные действия с Кафиристаном.

Джарнайль ушел в Бадахшан с 3/т. регулярных войск. В Шугнани и Рошани осталось 500 чел., в Вахане – столько же. Причиною ухода – недостаток провианта в Шугнани и Рошани, где осталась только пехота. Афганцы вооружены скорострельными ружьями. Они очень интересовались численностью экспедиции, а Карнейль несколько раз передавал посланцу: «скажите русскому, если он воевать пришел, пусть идет, я готов, добром – не пропущу». Джиан-Бай уехал с Джарнейлем в Бадахшан для представления Эмиру.

Несмотря на глубокий снег, покрывавший перевал, две лошади захромали. Без подков двигаться немислимо.

⁷⁹ Гамильтон Бовер, офицер разведки индийской армии, который присоединился к экспедиции Кумберленда. Скорее всего, он выполнял секретную миссию для британского правительства и искал убийцу Эндрю Далглейша, человека по имени Дауд Мохаммеда из Яркенда. (Ср.: P. Hopkirk, *Obce diabły na Jedwabnym Szlaku. W poszukiwaniu zaginionych miast i skarbów w chińskiej części Azji Środkowej*. Tłumaczenie: Anna Bezpieńska-Ogłęcka, Dialog, Warszawa 2008, с. 60–61).

30 сентября 1889 г.

Суббота 30/12

Дневка на месте.
Сегодня приехал посланец от Консула из Кашгара (Юлдаш Ходжа) и привез короткия письма от Я.Я. Лютша и Н.Ф. Петровского. Консул уезжает в отпуск. Управляющим остается Я.Я. Лютш⁸⁰. Ни писем, ни газет – нет. Я ничего не знаю, что делается на свете. Юлдаш-Ходжа Абика не видел и ничего о нем не знает. Я положительно теряюсь, не зная, что думать о столь продолжительном отсутствии его.

Сегодня ночью мороз достиг до -19,5С., при очень сильном ветре. Было очень холодно.

Утром на склоне горы показалось громадное стадо диких козлов. Казаки отправились за ними, но осторожные животные далеко услышали их разговор и умчались раньше, чем они подошли на выстрел.

1 октября 1889 г.

Воскресенье 1/13 Октября

Небольшой переход до урочища Беикны-Аузы, по р. Кара-Чукур (исток р. Дангнын-Баш) – 10 верст.

Сегодня с утра туман и снежная метель, при очень холодном ветре.

Отправился на охоту за зайцами, убил пару и 3 куропатки (кеклик). Я никак не ожидал, что горные куропатки водятся на такой высоте.

Ущелье реки Беик, по мере приближения к устью, суживается, принимая характер горной щели. Дорога очень камениста. Мы остановились на берегу реки Кара-Чукур, на том же месте, где стояли в прошлом году. К сожалению, травы здесь совсем не осталось – всю съел скот соседнего Бека Куч Махомета.

На ночлег явился, наконец, мой посланец Абик из Кашгара. Он привез письма от 1–8 Июля из России, а также некоторые покупки. Главное, за чем он посылался, т.е. подковы, он привез никуда негодные тонкие, как бумага и на столько непрочные, что я разломал несколько штук из них совершенно легко. Как я пройду с такими подковами до Тибета – один Бог ведает. Наконец, при расчете оказалось, что он растратил до 50 рублей моих денег. Эти киргизы, все без исключения, ужасные мерзавцы. Абик привез письмо от Генерал-Губернатора Бадахшана Ша Сеид Джарнейля, в котором он безусловно отказывается пропустить меня в Кафиристан. О том, что афганцы отправили войска в Кафиристан Ша Сеид Джарнейль ничего не пишет, но называет просто Кафиристан владениями афганского Эмира. В заключение сановник этот дружески просит

⁸⁰ Яков Яковлевич (Рудольф Александр) Лютш (1854–?) – секретарь Российского консульства в Кашгаре в 1883–1894 гг.

меня не ездить даже близко границы Афганистана во избежание крупной неприятности, какая меня неминуемо встретит. Таким образом, надежда посетить Кафиристан бесповоротно рухнула.

От управляющего Консульством мною получено тоже очень неутешительное письмо. Он предвидит большие затруднения со стороны Китайцев, а потому я решил по возможности скорее перевалить на реку Раскем-Дарью. Завтра и сегодня куют лошадей. После-завтра направляюсь к Мазару, а там, даст Бог, в Середу буду и на р. Илы-су.

Сегодня ночью вблизи лагеря моего остановилось пять человек канджутцев и жена Гуль Махомеда, сопровождавшего меня в прошлом году.

От англичанина Cumberland'a получил письмо, в котором он убедительно просит меня повидаться с ним и предлагает отправиться вместе в Индию. Ответил, что послезавтра буду в Мазаре.

2 октября 1889 г.

Понедельник 2/14

Дневка на урочище Беикны-Аузы.
Сегодня выпал глубокий снег ночью, сопровождаемый сильным ветром при морозе -12С. Было очень холодно. Производил астрономическое определение на том же месте, где в прошлом году. Утром отправил Садыр Ходжу за покупкой баранов и для нанятия верблюдов под ячмень. Джигит вернулся поздно ночью и доложил, что за ямбу киргизы дают только 30 баранов, тогда как на р. Ак-Су мы покупали по 50. Это было видимое вымогательство, в надежде, что я, стесненный обстоятельствами, вынужден буду купить. Я купить отказался, решившись резать и есть своих лошадей. Подчиниться такому нахальству невыносимо. Нанять верблюдов не удалось. Без ячменя идти невыносимо; придется купить пару верблюдов. Проводника также нанять не удалось. Местные киргизы ужасные мерзавцы. Бек хороший человек, но бедный и не имеет голоса. Брат его, Касым-Бек – страшный проходимец.

3 октября 1889 г.

Вторник 3/15

Дневка на месте.
Сегодня после невероятно долгих хлопот и торгов я купил 33 барана за 40 сар серебра (4/5 ямбы). Бараны маленькие, еле хватает на моих туземцев, не считая казаков, которые режут отдельно. Вообще запастись провизией следовало по р. Ак-су, где больше киргиз. Дангнын Башские, видимо, пользуются необходимостью и берут значительно дороже существующих цен. На сегодняшней сделке я потерял 17 ш. баранов против цены по р. Ак-Су.

Местный Бек до моего приезда заготовил 20 п. ячменя. Это страшно мало, но он говорит, что больше заготовить ему не удалось. За ячмень он взял 30 рублей. Хотел было послать нарочного за ячменем в селения Тагарминской равнины, но раздумал. Нанять вьючных животных не удалось. Купить не на что. Просят за каждого верблюда не менее 60–70 рублей. На двух верблюдах все равно не увезти больше 20 пудов по этой мерзкой дороге, а на большее количество не хватает средств. Лучше разложить ячмень понемногу на всех вьючных и верховых лошадей, а деньги, которые пришлось бы затратить на покупку вьючных животных, употребить на наших животных от Сарыкии до Тибета. Проводника нанял за 10 сар серебра (1/5 ямбы). Это молодой мальчик, сделавший дорогу от Тибета на Дангнын-Баш 4–5 раз, по-видимому, хорошо с ней ознакомившийся. Проводник говорит, что до Шахидулла-Ходжи доберемся в течение 10–12 дней. 10 сар серебра – это невыносимо дорого, но что делать: без проводника, как без рук. Проводник родом из Сарыкии в прошлом году попал в плен к канджутцам и выкуплен был Беком Куч Махометом. Их вели с Сарыкии по р. Сурковат и дальше, на перевал Шимшаль. В долину Шимшала они добрались только после месяца ходьбы. Другого проводника добыть не удалось потому, что Дангнын-Башские киргизы обвиняются киргизами Сарыкии, что это они навели канджутцев на Сарыкии (желтая тропинка, карниз; этим именем среди местных киргиз именуется верховья р. Кара-Кош близ укрепления Шахидулла Ходжа). Киргизы Сарыкии распустили слух, что англичанин, следующий из Тибета вниз по р. Раскем-Дарье едет на Дангнын-Баш ради разбора претензии киргиз Сарыкии по ограблению их канджутцами и вследствие этого, безусловно, отказались ехать со мною. Я пытался было доказать им, что англичанин едет по своим делам, но безуспешно.

По опыту прошлого года я знаю, насколько труден путь через перевал Илы-су и потому нанял 25 яков для подъема вьюков экспедиции через перевал. Я хотел было направить экспедицию по р. Илы-су, а сам подняться на перевал Упранг и спуститься вниз по этой реке до впадения в р. Раскем, но не достал проводника. Дорогу эту знает только киргиз Махомед из аула Акыл-Джана, но и тот отправился с Акыл-Джаном для подъема вьюков англичанина.

Ак-Суйский Бек Тохта-Махомет-Бек приехал из Ак-Таша проститься со мною и привез с собою своего сына, Джума-бай-бека. Отпустил сегодня обоих, одарив, чем мог.

Вечером явился посланец от Сафдер-Али-Хана (сын Дарвиша из Гильмита) со словесным поручением узнать, где я и скоро-ли прибуду в Канджут. Я ответил словесно, что в Канджуте теперь не буду, но что, может быть, приду туда весною. На два письма Хана я ответил сегодня утром через отправляющегося в Бомбей на поклонение главе секты «муали» ходжи. В письме своем я благодарил Сафдер-Али-Хана за любезное приглашение посетить его и отказался от этого под предлогом, что у него гостят гости из Гилгита и что через несколько дней почетный гость посетит его со стороны Дангнын-Баша. При таком множестве гостей ему вряд-ли приятен был-бы третий гость с таким громадным количеством лошадей, а потому я предпочитаю отложить свое посещение до более свободного времени, причем намекнул, что, если обстоятельства позволят, посету его до весны.

4 октября 1889 г.

Среда 4/16 Октября

Переход до урочища Кара-Таш-Утек по р. сев. Илы-су – [...] верст.

Сегодня, наконец, закончил снаряжения и двинулся в дальнейший путь.

Состав экспедиции увеличился несколько на бывшего моего проводника Абики, которого я нанял на место заболевшего джигита экспедиции Сафара, а также на нового проводника Худай Берды.

Всего теперь, кроме меня и Г. Конрада идет: 7 чел. казаков и пять мусульман, при 15 верховых и 15 вьючных лошадях. Баранов у меня 45 ш., ячменю 30 пудов (по дороге я докупил 10 пудов). Таким образом, мясным довольствием мы обеспечены, но ячменя очень не много. Я решил идти медленно, останавливаясь на местах, где есть корм и проходя по возможности быстрее пространства без корма.

Меня сопровождает Куч Махомед Бек с 8 погонщиками яков, которые завтра подымут тяжести экспедиции на перевал. Для поднятия ячменя хотя-бы до урочища Каинды (недалеко от Раскем-Дарьи) я нанял отдельно 5 яков и погонщика.

По дороге встретили киргиза, шедшего с экспедицией англичанина от Сары-Кии. Он рассказывает, что при экспедиции небольшой конвой из 7 человек солдат, затем начальник экспедиции направил всех вниз по р. Раскем, а сам поднялся вверх по р. Сурковат и хотел спуститься обратно на Раскем-Дарью по р. Упранг (через пер. Агыл Даван на р. Фурзин). Крюк этот сделан им для осмотра перевала Шимшальского. При экспедиции много верблюдов, которые везут все необходимое.

В этих, лишенных корму местах, это лучшее вьючное животное.

Cumberland и Bower спустились с Хунджурабского перевала до устья реки сев. Илы-су единственно с целью посетить меня. Они сделали визит немедленно по остановке экспедиции и пробыли у меня часа два, до совершенной темноты. Cumberland хорошо говорит по-французски. Они рассказывали нам, что охотятся на архаров, но что охота эта плохо им удастся, так как архары очень чутки: за все время им удалось убить только 6 штук. По словам Кумберлянда, Канджут летом нынешнего года посетил капитан Юнгенсбург⁸¹ (известный своей поездкой из Пекина через весь Китай, Кашгарию и Гималай в Кашмире). Он не прошел вверх по течению р. Канджутской, вернулся обратно и идет теперь по р. Раскем-Дарье с тем, чтобы пройти в Канджут через перевал Минг-Теке. Чатрар посетил какой-то англичанин, фамилия которого начинается на букву Д. (rent-inspector)⁸². Через Вахджир проехал в Вахан Dovern; он возвращается

⁸¹ Это первая в *Дневнике* Громбчевского запись, касающаяся капитана Янгхазбенда, хотя фамилия была написана в ошибочной форме: Юнгенсбург. Все последующие записи являются правильными: Янгхазбенд. Сэр Франсис Эдуард Янгхазбенд (1863–1942) был одним из самых выдающихся британских путешественников в Центральной Азии. В дальнейшем он стал президентом Королевского географического общества (Royal Geographical Society).

⁸² Вероятно, речь идет о мисси полковника Алджернона Джорджа Дуранда (1850–1924), который

в Индию через Чатрар. Относительно занятия Кафиристана афганцами Cumberland ничего не знает, но на вопрос мой относительно Шахидулла Ходжи он ответил, что местность эта всегда считалась входящею в состав Кашмира. Господа эти хлопочут о разрешении вернуться им домой через Россию и скоро возвращаются в Яркенд, где будут зимовать, а весной поедут или на Ош и Маргелан, или же обратно через Гималаи. От них я узнал, что в Ладаке резидента Элеаса⁸³ нет, что он уехал в отпуск в Англию, а место его занимает Пундит – туземец. В случае, если нам придется свернуть на Ладак, Cumberland советует обратиться за разрешением к Резиденту в Кашмире. Господа эти не скрывали, что вряд ли мне удастся добыть разрешение на проезд через Ладак, Танкси в Полу. Вообще, они произвели приятное впечатление. На другой день я хотел отдать им визит, но они предложение мое отклонили под предлогом, что лагерь их далеко и что они на рассвете уезжают обратно на Хунджураб на охоту. Оба они одеты были в короткие, не соответствующие сезону и крепким морозам костюмы. Едут они на нанятых лошадях, что, несомненно, значительно практичнее, ибо доставляет меньше забот, но за то стоит дороже. Они посетили Полковника Певцова к югу от Кук-Джара.

На ночлеге снег и большие морозы. Травы нет. Вся съедена прикочевавшими сюда таджиками из Таш-Кургана. Я напрасно торопился запастись баранами. Здесь стад много и достать их можно было значительно дешевле. Но как знать. В прошлом году на тех же местах не было ни живого духа. Таджики, боясь нападения канджутцев, не подымались выше урочища Девдера.

Ночью атаковало нас стадо волков, несмотря на отчаянный лай собак. Бараны наши сорвались с привязи и перемешались со стадами соседнего аула. Я выскочил, но сильная метель не позволила мне ничего видеть. Аулы таджиков значительно беднее киргизских. Юрты дырявые, еле-еле защищают от ветра. Женщины неизменно грязны. Интересно поверье, существующее среди местных таджиков и киргиз, что волк не может перешагнуть через протянутую веревку. По преданию, волк когда-то запутался в веревку и обратился с просьбой к Богу выпутать его из беды, причем поклялся никогда не переходить через веревку. Бог выпутал волка из веревки, а волк клятву передал из поколения в поколение, и потомство его сохраняет клятву свято. Вследствие такого поверья на месте, где ночуют бараны, местные жители растягивают кругом по земле веревки. Нет сомнения, волк, как осторожное животное, видит протянутое что-то на земле и, боясь попасться в капкан, не проходит через веревку. Так или иначе, но волки атаковали сегодня мое стадо и оставили в покое соседнее стадо таджиков, кругом которого растянута была веревка. Это еще усилит веру в только что рассказанное поверье.

в 1888–1889 гг. проводил политические миссии в Чатраре. (Ср.: Georg S. Robertson, *Chitral. The Story of a Minor Siege*, Methuen & Co, London 1899, с. 26, 360–361).

⁸³ Ней Элиас (1844–1897), в октябре 1890 года он принял командование миссии, задачей которой было подготовить рапорт о геополитическом положении бирманского района Шан. (Ср.: Sidney Lee, заглавное слово: *Elias, Ney* [в:] *Dictionary of National Biography*, 1901 supplement, by Smith, Elder & Co., с. 179). В *Дневнике* фамилия записана в форме: *Элеас*.

5 октября 1889 г.

Четверг 5/17

Переход через пер. Илы-су до урочища Шурали-Утек, по р. Южн. Илы-су – [...] верст.

Я сделал очень хорошо, наняв яков для подъема выюков экспедиции. Мы зашли не только перевал, но и ущелье на протяжении 6–7 верст засыпанное глубоким снегом, через который не пробиться бы тяжело нагруженным лошадям. Як – это бесподобное, в этом отношении, животное. Оно прокладывает себе дорогу по невозможным кручам, не скользит на льду, не спотыкается и легко выходит из мягкого снега глубиной 1½–2 аршина, т.е. выше его роста. Единственный недостаток, что як не годится для продолжительного путешествия, быстро худеет, теряет силу и обивает себе на камнях копыта. Я подымался сегодня на перевал верхом на яке впереди экспедиции и, несмотря на то, что приходилось первому пробивать дорогу в очень глубоком снеге; что горный поток, стекающий с перевала, замерз, образуя крутые ледяные скаты; что главный подъем на перевал представляет скалу чрезвычайной крутизны и очень скользкую, покрытую ледяною корой, я ни разу не слез с яка, который ни разу не споткнулся и не поскользнулся.

В прошлом году мы выюки свои внесли на перевал на руках, а в нынешнем все тяжести экспедиции ввезены на перевал яками без посторонней помощи, тогда как в опасных местах приходилось поддерживать лошадей, идущих совсем порожняком. Ущелье к югу от перевала на протяжении 6–7 верст тоже завалено глубоким снегом, тогда как в прошлом году в это время мы снегу к югу от перевала не встретили.

Спустившись с перевала, я встретил стадо уларов и убил пулею две штуки. Уларов вообще здесь очень много.

В глубине ущелья мы встретили большое количество яков с молодыми. Стадо это оставлено здесь с ранней весны без всякого присмотра и на половину одичало. При виде нас оно взобралось на невозможную кручу, сбрасывая целые массы камней.

На ночлеге нашем из земли Дангнын-Башские киргизы вываривают селитру, от чего и место получило свое название. По ущелью повсюду травы масса, но топлива, за исключением кизяку нет.

6 октября 1889 г.

Пятница 6/18

Переход вниз по р. Илы-су до урочища Талдыкульны-Чаты – [...] верст.

Сегодня я расстался с Дангнын-Башским Беком Куч Махометом, который вернулся к себе, а также отпустил нанятых яков и погонщиков. Беку подарил иноходца, 36 аршин разнородного ситцу, 10 кусков маты, зеркало и др. ме-

лочи. Свиту одарил халатами, ситцем, матой и проч. При мне осталось 4 яка под ячмень, погонщик и джигит из Консульства Юидаш-Ходжа.

Я поспешил перевалить в бассейн Раскем-Дарьи, чтобы избежать столкновения с китайскими властями, которые, узнав о пребывании моем на Памирах, очень легко могли воспрепятствовать моему пребыванию. Я не думаю, чтобы Китайцы вздумали преследовать меня здесь за громадным перевалом, но теперь, при полном отсутствии людей и вне китайских караулов, я имею полное право послушаться китайцев, отговариваясь тем, что с занятием англичанами Шахидулла Ходжи, вся эта земля принадлежит им.

Сегодняшний переход, хотя небольшой, очень трудный. Тропа, или вернее проект тропинки, пролегает по невозможным карнизам, перебрасываясь с одного берега реки на другой, по чрезвычайно каменистому руслу. Вода реки покрыта довольно толстым льдом, не выдерживающим однако тяжести лошади, и переход через реку сопряжен с большими трудностями. Лед в кровь поранил лошадям ноги.

На ночлег мы спустились в густые заросли таловых деревьев. Это первые деревья, начиная с Каратегена, т.е. с половины Июля (если не считать двух-трех тополей в Сарезе). Все повеселели, ожили, до того двух с половиною месячное пребывание на холоде, без дров, всем надоело. Здесь тоже тепло только пока солнце греет, затем быстро температура понижается. Так в 12 ч. у. было +13С. в тени, а через $\frac{1}{4}$ часа, когда солнце закатилось за горы, температура понизилась до +2С. В 4 ч. пополудни было уже -1С. Тем не менее, холод не чувствуется. Громадные костры разложены в трех местах, а при них смех, разговоры, давно не слышанная песня.

Горы, окружающие ущелье, безжизненные, высокие скалы. О высоте их можно судить потому, что в 2 ч. д. солнце было уже за горами.

Сегодня по дороге попалось опять стадо уларов и парочка чирков: я убил одного улара и обоих чирков; к сожалению, у меня крупа рисовая почти совсем вышла, а плов из уларов вещь очень вкусная.

В горах здешних водится особый вид диких баранов, среди туземцев известных под названием «папай». Я, впрочем, не видел их ни в прошлом, ни в этом году, хотя рогов встречается много.

Сегодня проводник мой, Худай Берган, рассказывал мне историю своего прошлогоднего плена у канджутцев. Он, в сопровождении еще двух киргизов из Сары-Кии, Ислам Ходжи и Джума Бая, направились из Сары-Кии в Дангнын-Баш; перейдя через перевал Кук-арт, они совершенно нечаянно попали в руки канджутцев, которые в числе 80 чел. по начальством Махомет Саки, эрбоба сел. Пассу по сю сторону перевала, притаились за камнями. В мгновение киргизы были схвачены и связаны, причем побоями заставили их канджутцы ночью проводить себя в ближайший аул. На урочище Кырчин Баши кочевали 4 юрты киргиз. Пойманные проводили канджутцев туда, причем последние на Коране присягали, что они не причинят киргизам зла и что они пришли ради ограбления караванов, следующих в Тибет. В ауле канджутцы прожили два дня и в это время при устье ущелья Сугер остановился караван торговцев, преимущественно, афганцев. Караван этот остановился вблизи места, где торговец-афганец продавал ячмень. Ночью канджутцы скрытно подошли к месту расположения каравана и перевязали 15 чел.

погонщиков. В это время случайно вышел из юрты торговец ячменем, заметил канджутцев и, быстро вернувшись, выстрелил, попав в предводителя Махомед Сахи. На выстрел проснулись другие торговцы и общими силами отразили нападение канджутцев, которые, потеряв предводителя и еще 2–3 чел. убитыми, бежали. Потом канджутцы вернулись обратно и под предлогом, что они потерпели неудачу вследствие измены киргиз, предупредивших караван, захватили с собою весь аул в 21 человек с юртами, домашним скарбом и т.д. При этом было захвачено более 600 шт. баранов, сотни яков и др. скота. Захваченные были в дороге целый месяц. Прибытие их в долину Шимшала совпало с пребыванием моим в Канджуте, причем пленные были по распоряжению Хана задержаны в долине Шимшала до выхода моего из Канджута. Интересен факт, что в числе пленных было несколько молодых киргизок, и на невинность их со стороны канджутцев покушений не было. Пленных Хан разместил по селениям, и они получали пищу поочередно из каждого дома. Худай Берган и товарищи по несчастью прожили в Канджуте 2½ месяца, пока родственники их не выкупили, заплатив 28 ямб. Естественно, что Хан выпустил только пленных, оставив у себя скотину, домашний скарб и вообще все имущество пленных, не исключая одежды.

Вчера близ урочища Шурали я убил горностаю, а сегодня пару крупных кротов.

7 октября 1889 г.

Суббота 7/19

Переход вниз по р. Илы-су до урочища Каиндыны-Аузы – [...] верст. Переход чрезвычайно трудный. Дорога, или вернее, слабый признак тропинки, пролегает все время или по руслу реки, заваленному крупными камнями, или среди совершенно густых и непроходимых зарослей, или же лепится по осыпям, среди крупных валунов. Мы шли безостановочно в течение 8 часов и прошли только [...] верст. Через заросли приходилось прокладывать себе дорогу топором, вырубая толстые деревья, загораживающие путь. Бродов – бесчисленное множество. Дорога на каждой версте перебрасывается с одного берега на другой по несколько раз. Теперь броды неглубокие, но во время половодья едва ли проходимы. Заросли представляют сплошной, девственный лес из деревьев тала, тополя, кустов жимолости, тамариска, облепихи и пр. Тамарикс достигает величины дерева и, вообще, таких крупных размеров, каких я не встречал даже в долине Ферганы. Ущелье поразительно дикое. Горы лишены растительности и состоят из отвесных скал огромной высоты. О глубине ущелья и высоте окружающих гор можно судить потому, что солнце показывается в ущелье только к 12 ч. д. и в 1½ ч. уже закатывается.

Животная жизнь по ущелью очень бедна. Рябчиков и зайцев я встретил только на урочище Каиндыны-Аузы, где ущелье значительно расширяется, образуя места свободные для посева. Повсюду, начиная от урочища Сары-Камыш виднеются развалины домов, следы оросительных канав, полей и т.д. Вообще видно, что в этом совершенно пустынном теперь ущелье недавно еще жил человек,

сравнительно культурный. Ущелье это опустело вследствие непрерывных набегов канджутцев, которые отбирали имущество живущих здесь, а самих уводили в плен и продавали в рабство.

Близ ночлега горячий источник, температура которого достигает +50С. Травы по ущелью очень немного, небольшими полянками и на значительном расстоянии друг от друга. На урочище Этекузды и на ночлеге много камыша, совершенно, впрочем, теперь сухого. Близ ночлега развалины мельницы. Топорик, который я ношу на поясе, вновь сослужил мне службу. Всю дорогу я расчищал им деревья совершенно свободно.

Начиная от урочища Сары-Камыш-Булак посевы пшеницы и ячменя созревают свободно. На урочище Каиндыны-аузы поспевают просо, бобы и репа. Последняя, по рассказу кочевавших здесь киргиз, достигает большой величины. Близ ночлега, по руслу реки Каинды и на левом берегу Илы-су горячие источники. Температура источника на левом берегу р. Каинды +43С, а на левом берегу р. Илы-су +42½С. Кроме сего, по р. Каинды есть источник +50С.

8 октября 1889 г.

Воскресенье 8/20

Дневка на уроч. Каиндыны-аузы. Произвел определение широты и долготы на том же месте, где и в прошлом году, но при определении поправки времени (после полудня) солнце зашло за горы.

Охотился на горных куропатов (кеклик). Убил 5 штук в ½ часа.

Вечером в лагере полное веселье. Люди разложили громадные костры и расположились вокруг. Поют песни. Рассказывают сказки. Дрова и возможность развести огонь придали жизнь лагерю.

Днем все купались в горячем роднике. Я приказал расчистить один из родников и углубить до 2½ аршин. Получилась глубокая, несколько болотистая ванна. Купаться можно в роднике на правом берегу реки Илы-су. Родник на левом берегу реки Каинды слишком горячий и обжигает тело. Вода в роднике жесткая. Мыло растворяется с трудом, а тело после купания чешется до невероятия и покрывается небольшими прыщами. Не от присутствия ли щелочей?

9 октября 1889 г.

Понедельник 9/21

Дневка. Целый день занят был приготовлением почты. Консульский джигит Юлдаш Ходжа сопровождал меня до сего места, а теперь надо его отпустить домой. Это очень хороший человек.

10 октября 1889 г.

Вторник 10/22

Дневка.
Приготовляя почту. Лошадей отправил в Этекузды. Там много камышу, и они не будут голодать. Утром из Дангнын-Баша пришел киргиз и пригнал 5 ш. баранов для английской экспедиции. Он сообщил, что английская экспедиция должна находиться очень близко.

Действительно, к вечеру приехал киргиз из экспедиции за яками, которые были оставлены на Каинды. Он сообщил, что англичанин ночует на уроч. Сары-Камыш, несколько выше устья р. Илы-су в Раскем-Дарье. Я написал письмо, в котором сообщал, что экспедиция стоит по Каинды и выразил удовольствие по поводу свидания.

11 октября 1889 г.

Среда 11/23

Дневка.
Вчера ночью получил ответное письмо на персидском языке, в котором Кап. Янхузбенд выражает свою радость по поводу свидания с таким, «Всемирно известным, как солнце, путешественником».

Около 12 ч. дня он приехал с Киргизским Начальником из Сары-Кии и переводчиком.

Капитан Янхузбенд, на вид молодой человек лет 27, небольшого роста, презентабельной наружности, с интеллигентным энергичным лицом. Вся фигура произвела сразу приятное впечатление, а более близкое знакомство выказало в нем интеллигентного, хорошо воспитанного человека. Капит. Янхузбенд, офицер драгунского гвардейского полка, совершил уже путешествие по Маньчжурии и из Пекина, через Яркенд в Кашмир. Я пригласил его обедать и в приятной беседе провел несколько часов. Г. Янхузбенд едет из Тибета, через Каракорум, Шахидулла Ходжу, вдоль по Раскему (причем им осмотрены притоки Сурковат и Упранг до Шимшала) и направляется через Минг-Тепе в Канджут. Он рассказывал, что Канджутский Хан принял покровительство Англии и субсидию, обещал не производить набегов и согласился на проведение телеграфа до Балтита. Вьюки английской экспедиции тянутся длинною вереницею на верблюдах, яках и лошадях. Экспедицию сопровождает 7 чел. солдат, несколько Бальти, аргун, киргизов и афганцев. Солдаты вступили в парадной форме, имели бравый, молодецкый вид и, несмотря на маленький рост, производили внушительное впечатление. Команды произносились капральным Ун. Оф. на английском языке. Повороты и движения производились стройно, отчетливо, даже несколько резко. Солдаты принадлежат к племени Гурка.

Съемку производит солдат-афганец. Палатка офицерская большая, на подбое из синей материи, плотно прилегает к земле; высока, так что свободно можно стоять

во весь рост, а величиною – что кроме кровати и стола свободно могло поместиться 5–6 стульев. Солдаты вооружены скорострельными ружьями Генри Мартини⁸⁴. Патронная сумка через плечо без гнезд для патронов. За плечами небольшой холщовый мешок. На поясной портупее – штык. Большой кривой нож, два маленьких и проч. Мундиры темно-зеленые с черными воротниками и обшлагами, на голове крошечные кивера, держащиеся на верхушке лба, кокетливо надетые набекрень и подхваченные ремнем, надетым ниже губы. На ногах штилеты и ботинки.

Солдаты говорят на языке «урду», самом распространенном в Индии. Двое из них участвовали в афганской кампании и украшены орденами и большими медалями. Палатки меньше по размерам офицерской, но больше наших Тантабри⁸⁵; тоже двойные, на подбое синей материи; палки из бамбука. Прислуга экспедиции – балти (тибетцы) и аргун (помесь: отец или мать тибетцы, а другая сторона – яркендцы). Они хорошо знают тибетское и тюркское наречие. В большинстве случаев – мусульмане.

Г. Янхузбенд говорит на языке урду и, кроме того, немного знает французский язык, так что мы кое-как понимали друг друга. Он подтвердил слух о занятии Шахидулла Ходжи и постройке укреплений. Относительно намерения проехать через Ладак-Танкси в Полу выразил сомнение, пропустят-ли англичане и советовал написать письмо к Резиденту английскому в Кашмире Полковнику Nisbet⁸⁶, причем обязательно взялся доставить письмо. О поездке моей он знал хорошо, причем показал мне письмо г. Венюкова⁸⁷, напечатанное в Изв. Лонд. Геогр. Общ. за Март с. г.⁸⁸, в котором г. Венюков сообщает все подробности о моей поездке, заимствованные из моего письма к нему. Это большая нескромность со стороны М.И. Венюкова, так как я просил не предавать гласности содержание письма.

Г. Янхузбенд тоже уже около 4-х месяцев в путешествии и, по-видимому, обрадовался встрече с европейцами. Мы условились завтрашний день провести вместе и познакомиться ближе.

12 октября 1889 г.

Четверг 12/24

Дневка.
Янхузбенд рассказывал много об английской армии в Индии. Он в чине капитана получает 700 рупий в месяц. Пенсии в Индии поразительные: за

⁸⁴ В сущности: Мартини-Генри – однозарядная винтовка, заряд задний.

⁸⁵ Тантабри – маленькая дорожная палатка.

⁸⁶ Пэри Нисбет – британский резидент в Кашмире. (Ср.: Saroja Sundararajan, *Kashmir crisis: unholy Anglo-Pak nexus*, Kalpaz Publications, Delhi 2010, с. 48).

⁸⁷ Михаил Иванович Венюков (1832–1901) – русский путешественник и военный географ, с 1877 года проживающий во Франции, Швейцарии и Великобритании, где он был членом местных географических обществ.

⁸⁸ См.: *Explorations in the Pamir' and 'Further News of Grombchevski's Expedition across the Pamir* [в:] Proceedings of the RGS, London, 11–3, March 1889, с. 171–174.

10 лет правительство выдает единовременное пособие в количестве 12/т. рублей (1200 ф. стерл.). Пособие это увеличивается постепенно за каждый лишний год до 15 лет, когда уже начинается выдача пенсии. За 25 лет – пенсия в 7/т. р.; за 38 лет 11/т. р. Отпуска: каждый год – 3 месяца, каждые 3 года – 1 год, причем в течение 3-х месяцев содержание по окладу в Индии, а дальше по окладу в Англии. Для производства в капитаны требуется известная выслуга лет и экзамен, между прочим, из французского. Для производства в майоры – между прочим, знание местного языка (урду). Это очень полезно. Если бы у нас обязательно было знание местных наречий, мы бы тоже знали лучше край. Кроме того, за знание языков правительство выдает известную премию.

Нотович⁸⁹ ужасный проходимец. Он в Кандахаре не был, а среди офицеров выдавал себя за офицера русской армии, ходил со многими орденами и роздал до 700 карточек в униформе русского офицера.

Англичане, живущие на Дангнын-Баше, тоже офицеры. Cumberland – майор, Bower – лейтенант.

В английской армии следующие чины: Су-лейтенант, лейтенант, капитан, майор, Колёнель – лейтенант, Колёнель⁹⁰ и 3 генеральских. В кавалерийском полку – 4 эскадрона; в пехотном два батальона и 16 рот.

Он показывал подарки для Канджутского Хана, состоящие преимущественно из кашмирских тканей и вышивок.

Г. Янхузбенд сегодня производил определения широты и долготы на том же месте, где и я. Интересно будет сравниться. Работы производились маленьким секстантом. Хронометры – плохие. Живет он очень скромно. Путешествует спартанцем.

Люди мои сегодня убили горного барана породы «Папай». Я снял фотографию.

Сегодня один из Тибетцев, часто посещавший Далай-Ламу (они произносят ляма-ляма, а суть верования, как у мусульман: «нет Бога, кроме Бога» – «Мони-Мони – Патьма-Хун»), рассказывал интересную легенду о возникновении религии и святости Далай-Ламы. В Тибет много лет тому назад прибыл из Ирана (Персии) благочестивый человек, по имени Мулла Муни. Он жил подаяниями и в ежедневных молитвах к Богу просил Его устроить жизнь так, чтобы никого не обижать, не пользоваться чужим имуществом и докончить свою жизнь так же благочестиво, как он ее начал. Поселился Мулла Муни на берегу большой реки, в стороне от человеческих поселений и в те дни, когда он не получал подаяния от живущих по соседству людей, он питался тремя корешками моркови, которые ежедневно проплывали мимо него по реке. Мулла Муни мнил, что морковь посылает ему Бог за благочестивую жизнь, вполне довольствовался этим

⁸⁹ Николай (Шулим) Александрович Нотович (1858–?) – русский путешественник, говорящий о себе, что он аристократ и журналист. Всемирной известности добился благодаря своему псевдонаучному революционному тезису, что Иисус получил образование в буддийских монастырях. Нотович описал это в опубликованной в 1894 году книге *Неизвестная жизнь Иисуса Христа*.

⁹⁰ В тогдашней британской армии существовали следующие воинские офицерские звания: Second Lieutenant, Lieutenant, Captain, Major, Lieutenant Colonel, Colonel, Major-General, Lieutenant-General, General.

скудным пропитанием и ежечасно молил Бога, благодаря Его за заботу о доставлении ему пропитания.

Однажды Мулла Муни пошел вверх по течению реки. Шел он долго, сильно проголодался и устал и сел близ одного забора в ожидании ежедневной порции. Вдруг он увидел, что из забора полетела морковь в воду и поплыла вниз по течению реки. Вскоре через забор выброшена была в реку вторая морковь – и тоже последовала за первой. Удивленный Мулла Муни поднялся с места и потихоньку посмотрел через забор и увидел на огороде, засеянном морковью, молодую девушку, которая, держа в руках морковь, занималась онанизмом и окончив – бросила морковь в воду. Он заговорил с нею и заставил ее сознаться, что она одержима несчастною слабостью, ежедневно занималась онанизмом и бросала в воду три моркови, употребляемые ею для этой цели.

Мулла Муни возмутился против Бога и в горячей речи высказал, что он жил всю жизнь благочестиво, что молился Богу усердно и вполне был уверен, что Бог посылает ему пропитание в награду за благочестие; на поверку же оказалось, что он питался морковью, которую выбрасывала молодая девушка. После этого он сказал, что нет Бога на свете и основал новую религию. Последователи его поминают его имя и имя девушки, которая сохранила жизнь его (Фатима-хан). Гроб Мулла Муни находится в Хлассе, в отдельном каменном помещении, где он держится на воздухе.

Сегодня я написал письмо к резиденту Кашмира Полковнику Nisbet, в котором просил исходатайствовать экспедиции разрешение пройти в Полу через Ладак и Танкси. Письмо со своим донесением отправил с нарочным г. Янхузбенд. Письмо было обшито в красную шелковую материю, что по словам отправителя, заставит Кашмирские власти доставить письмо экстренно. Ответ может получиться дней через 40 обратно в Шахидулле, куда я и подойду в это время. От содержания ответа будет зависеть дальнейшее направление экспедиции. Посланец отправляется завтра утром и в 7 дней будет в Шахидулла Ходже.

13 октября 1889 г.

Пятница 13/25

Сегодня Капитан Янхузбенд отправился в дальнейший путь, а я остался еще на сегодняшний день, чтобы еще раз произвести определение географических координат. Таким образом, на урочище Каиндыны аузы произведены астрономические наблюдения 3 раза мною (два раза ныне и раз в прошлом году) и Капитаном Янхузбендом.

Перед выступлением английской экспедиции я снял фотографию с группы

соединенных экспедиций, представля^{}ющую живой интерес вследствие смешения до 20 народностей и всевозможных костюмов. В группе приняли участие представители следующих народностей: Русские, поляк, немец, англичанин, афганец, индейские племена: Гурка, Пэтхан⁹¹ и Беджауры⁹²; Тибетцы: Ладоки⁹³, Балти и аргун (помесь: отец Тибетец, мать Кашгарка и наоборот); Дарвазец, сарт, таджик, Кашгарец и киргизы родов: Кесак, Теит, Наиман и Хыдырша. Чистое смешение народов на фоне навьюченных верблюдов, яков и лошадей.

Перед отъездом Капит. Янхузбенд выстроил свой конвой, который в честь экспедиции русской салютовал на плечо и на караул. Я ответил тою-же военной вежливостью, причем невольно краснел за неловкие движения наших иррегулярных казаков, отвыкших за поход от приемов.

Мы простились, обещав продолжать знакомство, поддерживая переписку. Английская экспедиция, а в особенности бравый начальник ее, оставили самое лучшее впечатление.

Сегодня я отправил почту через Консульского джигита Юлдаш – Ходжу. Я просил управляющего Консульством через месяц прислать почту в Шахидулла Ходжу.

14 октября 1889 г.

Суббота 14/26

Переход до урочища Тюя Тугды – [...] верст.

Дорога невозможно трудная. Мы бесконечное число раз навьючивались и в течение 8 ч. ходу прошли только [...] верст. Дорогу почти на каждом шагу пришлось разрабатывать, употребляя в дело то топор, то лопаты. Две лошади оборвались и покалечились. Ущелье чрезвычайно узкое с очень высокими, совершенно отвесными скалистыми берегами. Дно ущелья, по берегу реки, поросло непроходимо, густыми древесными порослями: тала горного, тополя, облепихи, тамариска (деревья) и т.д. Все это переплетено лианами и, безусловно, непроходимо. Тропинка то лепится по осыпи из крупных валунов, то идет по чрезвычайно каменистому руслу реки. На каждом шагу приходится удивляться, как лошади в состоянии идти по такой дороге, да еще нести тяжелый вьюк.

Движение по р. Илы-су не дешево нам обошлось. У нас не осталось ни одной здоровой лошади.

Сегодня очень теплый день, но солнцем мы пользовались недолго. Оно выглянуло в 11½ ч. из-за скал, а в 2 ч. пополудни спряталось за скалами западными. Температура в 2 ч. дня достигла давно не виденной нами высоты до +21С. в тени, а полчаса спустя, когда солнце спряталось, термометр показывал уже только +13С.

⁹¹ Патан.

⁹² Белуджи.

⁹³ Ладакхи.

По дороге встретил стадо куропаток и убил пару. Собаки затравили зайца. Это первый от р. Ак-Су.

15 октября 1889 г.

Воскресенье 15/24

Переход до урочища Сары-Камыш по р. Раскем-Дарья [...] верст.

Переход небольшой, но очень трудный. Ущелье реки Илы-су постепенно суживается. Дно реки поросло непроходимыми зарослями, переплетенными лианами и вьюнами, образует своды, под которыми проложена тропинка. Дорогу мы прокладывали себе топором. Камышов арослей много. Камыш уже совершенно сухой и лошади едят его с голоду. Во многих местах вьюки проведены были с величайшим трудом, по каменистым карнизам, мимо выступов скалы и камней. Русло Раскем-Дарьи широкое, местами расширяется до 2-х и больше верст. Река течет по очень каменистому руслу и в это время года одним рукавом. Воды сравнительно немного и значительно меньше, чем в прошлом году. Вода лазоревого цвета.

Тропинка поднимается на карниз из мелкой осыпи, уклон которой не менее 75°. Надо иметь очень крепкие нервы, чтобы свободно вынести ходьбу по этому карнизу. Я прошел первым, а затем остановился и выжидал, когда все вьюки пойдут в пропасть.

Спуск в долину Сары-Камыша очень крутой и близко прилегает к отвесной скале, вследствие чего все вьюки пришлось спускать на руках, что заняло около 1½ часа времени.

Урочище Сары-Камыш – это небольшая отмель на левом берегу реки, густо поросшая высокими кустами облепихи, роз и целых деревьев тамариска. Между зарослями – поросли камыша, совершенно сухого в это время года.

Здесь мы нашли два стада куропаток «кеклик»; я убил 4 штуки. Кроме сего, видели 2-х зайцев, но убить не удалось, они проскользнули в густые заросли.

День был очень жаркий, но немедленно после заката солнца за ближайший горный отрог температура быстро понизилась.

Поздно вечером часовой услышал шум и тихие разговоры; окликнул – ответа не получил и выстрелил. Мы все вскочили со сна и быстро начали вооружаться. В стороне раздался женский крик. Когда мы подбежали, то оказалось, что вблизи нашего лагеря была невестка Акыл Джан Бая с братом, матерью и мужем. Киргизы эти едут из Сары-Кии в Дангнын-Баш, сильно запоздали по случаю плохой дороги, подойдя к нашему лагерю струсили и хотели бежать, но были замечены часовым. Это большое счастье, что я успел выскочить и не допустить стрельбы без предварительного расследования. Сегодня ночью в первый раз около палатки разведен был огонь; это прекрасное средство поддерживать температуру, которая в палатке в местах закрытых от прямых лучей огня, не понижалась ниже нуля.

Расспросные сведения.

[...]⁹⁴

Против устья р. Илы-су в р. Раскем по правому берегу реки виднеется тропа, ведущая на пер. Торпу, через который спускаются в ущелье р. Кош-Маму. Устье этой реки имеет большие посевы и носит название Сарай-Джилги. Она впадает в р. Раскем несколько ниже устья р. Илы-су. Ущелье р. Кош-Маму чрезвычайно густо поросло древесными зарослями и труднопроходимо.

Если идти вверх по течению этой реки, то через один из истоков ее можно перевалить на р. Пиль (устье я посетил в прошлом году), а через другой и очень трудный перевал Кокуй-Кочкар по леднику можно перевалить на истоки р. Кулян-арык (один из истоков реки Чуп, также впадающей в р. Раскем). Между устьями речки Кош-Муму (Сарай-Джилга) и р. Пиль, в р. Раскем справа впадает речка Урчель, а затем Пурсель. Устье всех трех речек находится выше устья р. Марьям, впадающей слева в р. Раскем. Только что упомянутые речки соединяются между собою перевалами.

16 октября 1889 г.

Понедельник 16/28

Переход вверх по р. Раскем-Дарья до урочища Чунг-Тукай, расположенного на правом берегу реки, несколько ниже устья р. Упранг [...] верст.

Переход очень трудный, как вследствие тяжелой дороги, так и трудно проходимых бродов, которых на переходе от устья р. Урюк до ночлега на протяжении 27 верст – пять. Особенно задерживали переправу бараны. На первом броде мы провозились с ними около двух часов, а затем пришлось направить их по карнизной дороге правого берега, чтобы избежать бродов. Бараны сегодня к ночлегу не подошли, а мы пришли к 7 ч. вечера в совершенной темноте. Дорога, если молено так назвать крошечную, еле заметную тропинку, на всем протяжении очень плохая. Она пролегает или по очень каменистому руслу реки, или вьется по карнизам. Особенно плохой карниз ниже впадения р. Урюк. Здесь на протяжении около 2-х верст дорога идет по осыпи и буквально висит над пропастью. Ширина тропинки местами меньше $\frac{1}{4}$ аршина. Ноги лошади ежеминутно скользят, что производит на нервы самое удручающее впечатление, а идти пешком невыносимо. Поневоле гнешься к стороне осыпи. Вообще, надо иметь крепкие нервы.

Река Урюк получила свое название от абрикосового дерева, уцелевшего до настоящего времени (урюк – абрикос). По ущелью этой реки многочисленные посевы, а на верховьях обширные пастбища.

По толкованию киргиз р. Раскем получила свое название от обилия металлических месторождений. Она будто-бы называлась раньше Рас-кан (рас или расса употребляется в смысле: действительный, обильный, правдивый, напр. рас айтды – правду сказал; расса урдым – отколотил обильно, настоящим образом. Кем жила, месторождение металла). Действительно по р. Раскем много

⁹⁴ В копии *Дневника* следует пропуск на половину страницы.

меди, железа, свинцу и т.д. Я уже в прошлом году указывал на месторождение меди и свинцу близ сел. Кусараб, нефрита близ устья р. Пиль и т.д. Теперь, по мере движения вперед, буду заносить известные местному населению месторождения, но все они в настоящее время заброшены. Так например, в 6½ в. выше устья р. Урюк в р. Раскем справа впадает речка без названия, по ущелью которой видны следы громадных разработок металла; тут развалины домов, целые кучи выжиг (шлак) от металла и т.д.

Вообще, двигаясь вверх по течению реки, на каждом шагу натываешься на следы культуры и человеческих трудов в этой пустынной в настоящее время местности. Так напр. между 10–17 верстами выше устья р. Урюк в р. Раскем слева впадают 3 речки без названия, а так как в этом месте и ущелье реки повернуло к юго-востоку, то в углу, образуемом поворотом, наносами 3 речек образовались обширные отмели. Здесь на каждом шагу виднеются развалины домов и мельниц; расчищенные от камней под посевами площадки; следы оросительных канав и т.д. То же заметно среди громадных зарослей урочища Караш-Тарыма. В настоящее время здесь пустыня, и даже названия речек и местностей не удержалось в памяти соседнего населения. В пустыню обратили непрерывные набеги канджутцев, спускающихся по р. Упранг через перевал Шимшаль. А между тем, места здесь для поселений удобные. Климат сравнительно мягкий. Древесная растительность богатая. Конечно, большое неудобство составляют разливы реки, во время которых, судя по следам, оставленным водою на берегу, уровень воды подымается на 1½ и больше сажени, и теперь во время разливов сообщение по р. Раскем невыгодно, но в то время, когда ущелье реки было населено – дорога проложена была по высоким берегам. Следы дороги виднеются и сейчас, но, по преданию среди населения, тут существовала даже колесная дорога. Заросли по р. Раскем состоят из горного тополя, туграка⁹⁵, облепихи, ивы, дикой розы и тамариска, который достигает до громадных, не виденных мною размеров. Корни тамариска и высокие пни связывают песок как цементом, образуя высокие песчаные холмы песку, не поддающиеся ни действию ветра, ни воды и погоды. Характерные образцы таких холмов находятся на урочище Караш-Тарыма, где заросли тянутся на протяжении 6 верст неширокою полоскою по берегу, не имея при этом ни кустика травы или камыша. Вообще заросли здесь чрезвычайно густые, переплетенные вьющимися растениями и совершенно непроходимы. В местах, где среди древесных зарослей имеются поросли камыша, посещающие эти места киргизы выжигают заросли, образуя более или менее обширные открытые площадки, которые служат для отдыха путникам и дают корм лошадям. На такой именно выжженной в прошлом году площадке мы остановились на ночлег. Здесь масса сухих обуглившихся пней, а среди них камышовые поросли.

Горы, окружающие реку Раскем, в большинстве отвесные скалы и на всем протяжении лишены всякой растительности. Ее нет и по руслу реки. Так, напр. сегодня на протяжении 40 верст, мы первый корм, в виде скудных порослей камыша, встретили на ночлеге.

Тем не менее, животная жизнь здесь несравненно обильнее. По дороге мы

⁹⁵ Туграк – вид тополя общераспространенного в Центральной Азии.

146

Фотодокументи 38

Фотодокумент 38

**Памирский охотник. № 100.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

Приехало 2 охотника за Памирскими баранами и мы на яках обшарили все соседние ущелья, но ничего не нашли. Яки под верхом идут очень лениво, их подгоняют уда-рами толстой палки по спинному хребту ниже седла. Яки ходят без уздечки и слушаются веревки, продетой сквозь продырявленную ноздреватую перепонку. Они прекрасно ходят по невозможным кручам, где лошадь пройти не может, но езда на них утомительна и неприятна.

*Дневник экспедиции
28 сентября 1889 г.*

Фотодокументи 39

Фотодокумент 39

[без названия]

Путешествие Б.А. Громбчевского.

*Люди мои сегодня убили
горного барана породы «Папай».
Я снял фотографию.*

*Дневник экспедиции
12 октября 1889 г.*

Фотодокумент 40

Фотодокумент 40

**Бенгальские солдаты. № 116.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

Солдаты вооружены скорострельными ружьями Генри Мартини. Патронная сумка через плечо без гнезд для патронов. За плечами небольшой холщовый мешок. На поясной портупее – штык. Большой кривой нож, два маленьких и проч. Мундиры темно-зеленые с черными воротниками и обшлагами, на голове крошечные кивера, держащиеся на вершухе лба, кокетливо надетые набекрень и подхваченные ремнем, надетым ниже губы. На ногах штиблеты и ботинки.

*Дневник экспедиции
11 октября 1889 г.*

Фотодокументи 41

Фотодокумент 41

**Встреча русской и английской
экспедиций в пустыне Раскема.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Перед выступлением английской
экспедиции я снял фотографию
с группы соединенных экспедиций,
представлявшую живой интерес
вследствие смешения до
20 народностей и всевозможных
костюмов. В группе приняли
участие представители следующих
народностей: Русские, поляк, немец,
англичанин, афганец, индейские
племена: Гурка, Пэтхан и Беджауры;
Тибетцы: Ладоки, Балти
и аргуны (помесь: отец
Тибетец, мать Кашгарка
и наоборот); Дарвазцы, сарт,
таджик, Кашгарец и киргизы
родов: Кесак, Теит,
Наиман и Хыдырша.*

*Дневник экспедиции
13 октября 1889 г.*

Фотодокументи 42

Фотодокумент 42

**Конвой русской
и английской экспедиций.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Перед отъездом Капит. Янхузбэнд
выстроил свой конвой, который
в честь экспедиции русской
салютовал на плечо и на караул.*

*Я ответил тою-же военною
вежливостью, причем невольно
краснел за неловкие движения
наших иррегулярных казаков,
отвыкших за поход от приемов.*

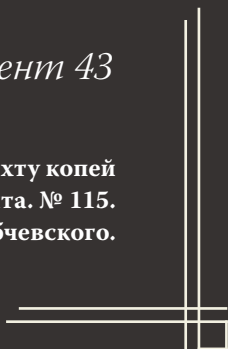
*Дневник экспедиции
13 октября 1889 г.*

Фотодокументи 43

Фотодокумент 43

Вход в шахту копей
нефрита. № 115.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

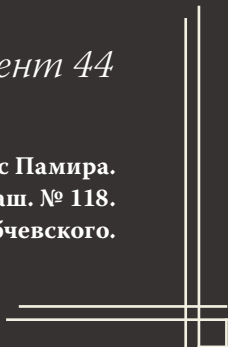

Фотодокумент 44

Фотодокумент 44

Киргизка с Памира.
Дангнын-Баш. № 118.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

встретили небольшое стадо диких ос (куланов), которые, испуганные собакою, с быстротой молнии понеслись по каменистому руслу реки и скрылись из виду. Судя по многочисленным следам диких ослов, они вероятно часто посещают эти места. Затем мы видели зайцев и лису. Горных куропаток (кеклик), уток, голубей, воронов, галок, перепелок и много мелкой пернатой дичи.

17 октября 1889 г.

Вторник 17/29

Дневка на месте. Сегодня производил определение географических координат при хорошей погоде. Затем вычерчивал съемку, а перед вечером отправился на охоту и убил пару зайцев. В зарослях наткнулся на собаку, которая смело подбежала ко мне и приласкалась. Собака эта странной невиданной мною породы, с длинною шерстью, нет сомнения, принадлежит англичанину или прислуге его тибетцам. Это очень кстати, потому что наша маленькая собака, купленная на р. Ак-су, не могла переплыть реки и была брошена.

Шляясь среди зарослей, я наткнулся на целый склад провизии и запасов. Вероятно, их заготовили киргизы, сопровождавшие английскую экспедицию. Тут было сложено мясо двух убитых куланов; рядом кожи с них, штук 20 пустых мешков, столько же кожаных, несколько переметных сум с мукою и т.д. Все это мы оставили в целости, но мукою воспользовались, положив вместо муки в сумы деньги.

Завтра собираюсь отправиться вверх по р. Упранг до пер. Шимшаль. Вся экспедиция останется на месте и будет ожидать здесь моего возвращения.

Очень интересны измерения температуры горных ручьев. К сожалению, я не производил этих измерений раньше. Наблюдений над температурой почвы произвести не удастся. Она замерзла и очень крепкая.

Практика и жизнь на морозах заставила нас примениться. Теперь перед палатками разводим костры, которые согревают нас настолько, что ночью при -15°C . можно писать и работать без шубы и теплых перчаток. Неприятны и опасны резкие порывы непостоянного горного ветра, сразу поднимающегося то с той, то с другой стороны и несущего клубы дыму и искр в палатку. Даже при тщательном наблюдении палатки, а в них и все имущество экспедиции, легко может сгореть дотла.

Разница между температурою дня и ночи – поразительная. Днем в тени температура повышается до $+17,5$, а ночью падает до -15° . Правда, температура высокая держится только до тех пор, пока греет солнце, а затем быстро падает. Сегодня в 2 ч. было $+17,5$, а в $2\frac{3}{4}$ $+15$; когда же солнце закатилось, то в 3 температура была уже только $+7^{\circ}\text{C}$. Ветру почти не было.

18 октября 1889 г.

Среда 18/30

Переход вверх по р. Упранг – 27 верст.

Сегодня я двинулся для осмотра реки Упранг и перевала Шимшаль. Экспедиция и тяжести остались на урочище Чунг-Тукай. Со мной поехало 3 чел. казаков, Мирза Фазыл-Бек и два киргиза при двух вьючных лошадях. На одной палатка и съестные припасы, на другой ячмень. Кроме сего, мы с собою взяли 2-х живых баранов.

Мы пошли без проводника, или вернее, наш проводник видел только верховья р. Упранг, когда он был захвачен в рабство канджутцами. Вследствие чего мы названий местных урочищ не знаем. Да вряд ли их теперь кто-либо знает, так как страх перед канджутцами сделал эти страны не только не обитаемыми, но и не посещаемыми. наших киргиз я насильно заставил сопровождать нас. Они прибегали к всевозможным хитростям, чтобы заставить меня вернуться обратно, отказавшись от мысли исследовать ущелье р. Упранг до пер. Шимшаль, но стремления их привели только к тому, что я отнял у них лошадей и заставил идти пешком, что сопряжено с громадными трудностями, так как мы 10 раз переходили вброд реку. Броды глубокие, до пояса, а вода чрезвычайно холодная.

Ущелье реки Упранг широкое, но поразительно безжизненное. На всем протяжении мы не встретили ни одного кустика травы и ночуем на голой гальке. К счастью, мы захватили с собою ячмень.

При устье реки и верстах в 5 выше мы встретили густые заросли облепихи и тамариска. Дальше – ничего, за исключением кустика растения «чеканды», которое не едят даже верблюды. Река течет извилисто и постоянно ударяется в скалы правого или левого берега реки, заставляя переходить реку вброд. Дорога пролегает все время по сплошной гальке русла реки и для лошадей очень трудна. Броды чрезвычайно глубокие и некоторые даже в настоящее время года достигают до седла, а среди лета, нет сомнения, непроходимы.

При устье реки Упранг в долину Раскема – высокая скала, занимает середину русла реки, образуя два прохода по обеим сторонам скалы. Река устремилась по левому проходу (северному), оставив правый совершенно свободным. По неведению мы пошли именно по левому проходу и вынуждены были два раза перейти глубоким бродом реку. На вершине скалы, занимающей середину русла устья р. Упранг, равно как и на левом (северном) берегу развалины старых укреплений, сложенных, впрочем, очень примитивно из камней. Нет сомнения, укрепления эти построены были бывшими обитателями Раскема для защиты от набегов канджутцев.

По р. Упранг тоже кое-где виднеются следы культуры: так при устье некото-

рых ущелий видны расчищенные от камней площадки, приготовленные под посе-
вы; по склонам горы, по берегу реки видны следы существовавших прежде дорог,
но все это от времени пришло в совершенное разрушение.

Река Упранг несет воды несравненно больше, чем р. Раскем, несмотря на то,
что последняя значительно длиннее.

Сегодняшний день теплый и очень погодный. С утра, впрочем, дул сильный
ветер, подымавший целые столбы пыли.

Так как переправа через первый брод для баранов была очень затруднитель-
ная и требовала много времени, то я хотел напиться чаю и приказал развести
огонь. Мирза Фазыл Бек занялся разведением огня, но по неосторожности зажег
его очень близко от куста. В одно мгновение зажглись вьющиеся растения, пламя
вспыхнуло кверху с необыкновенной силою и обхватило несколько кустов сразу.
Ветер раздувал пламя, которое меньше чем в пять минут охватило пространство
на $\frac{1}{2}$ версты и вынудило нас спастись бегством. Любуясь издали все пожираю-
щей стихией, я, вместе с тем, немало обрадовался, что вьюки наши прошли впе-
ред, а бараны остались на другой стор реки. Иначе не уцелеть бы им от огня,
распространявшегося с необыкновенно сильною быстротой.

19 октября 1889 г.

Четверг 19/31 Октября

Переход до урочища Шимшальны-Аузы – 28 верст.

Сегодняшнее движение было чрезвычайно трудное, как вследствие
большого количества бродов (11 бродов) и необходимости разыскивать их, так
и вследствие чрезвычайно сильного, порывистого встречного ветра, поднимав-
шего не только туманы песку, но и мелкой гальки. Ветер дул с такою необыкновен-
ною силою, что ударами песку ранило, как-бы от удара розги.

Движение наше вновь задержали киргизы, гнавшие баранов. Они на этих
бесконечных бродах сильно отстали и наступившая темнота вынудила нас оста-
новиться на каменистой площади, лишенной всякой растительности.

Поистине – это Богом обиженное ущелье. Мы идем по нему уже 55 верст
и за исключением урочища Упрангны-Аузы (устье Упранга) на 33-ой версте, где по
берегу родника есть поросли камыша, достаточные, может быть, для 10 лошадей,
мы не встретили буквально ни одного кустика кормовой травы. Бедные лошади
наши вторые сутки получают только по 8 ф. ячменю (в два приема: утром и вече-
ром по 4 ф.) и еле передвигают ноги.

Ущелье это доступно для движения только позднею осенью и зимою, когда
вода совершенно спадет, и то только на верблюдах, которые могут питаться по-
рослями тамариска.

В 30 верстах от устья реки Упранг в долину Раскем-Дарьи, мы подошли
к слиянию р. Упранг с р. Шимшаль и направились вверх по этой последней реке.
Ущелье р. Упранг направилось к с. западу и через пер. Упранг повело на Дангнын-
Баш. Вся масса воды течет по р. Шимшаль и отделение р. Упранг не произвело

ни малейшей убыли. Броды по-прежнему глубокие до седла и очень трудные вследствие громадных камней.

Горы, окружающие ущелье реки, голые скалы, при устьях речек встречаются небольшие поросли тамариска, «чеканды» и дикой розы. Животная жизнь тоже чрезвычайно бедна. Видели: несколько уток, воронов, галок и крошечных серых птичек, меньше нашего воробья, следы куланов и лисиц. Да и как жить зверю в местности, лишенной всякой растительности.

Мы ночуем на урочище Шимшальны-Аузы, где сливаются два многоводных истока реки Упранг: Шимшаль и Сипар. Вверх по р. Шимшаль можно пройти через перевал Шимшаль в Канджут, а вверх по р. Сипар ведет дорога на перевал Агыль Даван в ущелье реки Сурковат и через перевал Балти-Даван в Тибет.

К сожалению, мы не могли найти знающего проводника. Эти места хорошо знакомы только канджутцам и Тибетцам, которые когда-то пользовались этой дорогою для сообщения с Яркендом. Теперь уже много лет дорога эта не посещается вследствие набегов канджутцев. Наш проводник посетил эти места в прошлом году, будучи захвачен в плен канджутцами на Сары-кие, и проследовал по р. Сурковат, через пер. Агыль Даван вниз по р. Сипар и дальше вверх по р. Шимшаль в Канджут. Он уверяет, что недалеко от нашего ночлега имеется Канджутское укрепление и передовой пост.

20 октября 1889 г.

Пятница 20 Октября/1 Ноября

Переход вверх по р. Шимшаль, мимо Канджутского укрепления Дарбанд, на 20 верст и обратно до урочища Каинды – всего 39 верст. Сегодня мы двинулись вверх по течению реки Шимшаль для исследования истоков ее и перевала Шимшаль, ведущего в Канджут. В 1-ой версте выше ночлега мы повернули на юго-запад и втянулись в узкое ущелье реки Шимшаль. Дорога перешла вброд на правый берег реки Шимшаль и пошла узенькою тропинкой, часто нависшим над пропастью карнизом, вверх по склону горы.

Река Шимшаль, хотя и многоводна, но содержит в себе значительно менее половины общего количества воды, текущего в реке после слияния с р. Сипар. При устье реки Шимшаль, на левом ее берегу, всего в 1 версте от нашего ночлега, мы встретили на урочище Каинды небольшие заросли камыша. Наши бедные лошади после двухсуточного абсолютного отсутствия травы жадно набросились на корм.

Идти без сведущего проводника по этим местам крайне трудно. Мы уже два дня ночуем без травы только потому, что не знаем, где ее найти. Вчера мы ночевали в 6 в. ниже травы (на урочище Упрангны-Аузы), а сегодня не дошли до нее только версту. Почта против урочища Каинды, на правом берегу реки Шимшаль, по склону горы – залежи соли, которую канджутцы вываривают из земли в котлах

по берегу реки в 4 верстах выше. Как известно, в Канджуте большой недостаток соли, и в прошлом году мы за 3 ф. соли заплатили 5 мет. рублей. Добывание соли производится жителями долины реки юж. Шимшаль и в счет подати доставляется в Канджут к Ханскому столу. Река Шимшаль течет в узкой долине среди обрывистых берегов. По склонам горы проложены тропинки, из коих по левому берегу реки доступна только для пешеходов, а по правому и для лошадей, но не навьюченных.

Зная из рассказов нашего проводника, что дорога вверх по р. Шимшаль очень трудна и что недалеко от устья по ущелью имеется Канджутское укрепление, занятое в осеннее и зимнее время⁹⁶ сильным караулом, мы медленно двинулись вверх по реке, пристально всматриваясь вперед, чтобы не нарваться на засаду, или нечаянное нападение.

Проводник наш, хотя раз уже в качестве пленного прошел эту дорогу, но не умел толково ничего рассказать. Страх его перед канджутцами был выше описания. Он трясся как в лихорадке, пытался отговорить меня от намерения пройти через укрепление Дарбанд, а когда увидел, что мы идем вверх по ущелью – бросился бежать. Пойманный казаками, он прихвачен был на аркан и сопровождал нас связанным.

Дорога наша на протяжении 11 верст от устья пересекла 7 глубоких и очень узких ущелий, по которым весной и летом стремятся горные потоки. Теперь воду мы нашли только в двух последних: остальные были сухи. Спуски и подъемы в эти ущелья невероятно трудны. Тропа пролегает по гудам камней и громадных валунов ступенями, чрезвычайно круто спускается на дно глубокого оврага с тем, чтобы моментально так же круто подняться на противоположный берег.

В 10 верстах от входа в Шимшальское ущелье мы подошли к глубокому ущелью, на противоположном гребне которого увидели из камней уложенную длинную стенку с бойницами. Расстояние между правым гребнем оврага, где мы стояли, и левым, на котором построена была стенка, не превышало 100 шагов. Спуск на дно оврага искусственно высечен был в конгломерате и вел полого под углом на дно ущелья, представляя прекрасное поле для обстрела стрелкам, засевающим за каменную стеною.

Подъем также под пологим углом выводил на противоположный берег, причем тропа так проделана, что люди, следующие по ней, подвергаются не только выстрелам, но и могут быть сброшены в пропасть камнями, сваленными сверху.

Хотя за стенкой мы не видели никого, но так как проводник уверял, что канджутцы притаились за нею, то мы громким голосом вызывали кого-либо для переговоров и, не получив ответа, я оставил 3-х казаков с ружьями наготове на левом берегу за камнями, а сам с мирзою и проводником пешком спустился вниз. Поднявшись на противоположный берег, я за стенкой не нашел никого. Смеху и остротам над растерявшимся проводником не было пределов.

Пройдя несколько больше версты, мы вновь подошли к такому-же оврагу. Здесь левый берег значительно выше правого. На гребне левого берега оврага высился каменный вал с бойницами, сверху заваленный ветвями колючки и пр. На

⁹⁶ БГ: Весною и летом доступ к перевалу защищен разливами реки, едва ли проходимой вброд без приспособлений.

концах вала виднелись две башни с бойницами в два этажа. Так как за валом и в башнях людей не видно было, то мы начали было спускаться по такой-же тропе, как и в предыдущем овраге вниз, но едва я сделал два–три шага, как из-за стенки раздался выстрел и пуля ударилась в камень в 2–3 аршинах ниже меня. Пуля, очевидно, направлена была умышленно ниже, с целью напугать, так как не попасть на таком расстоянии немислимо было. Мы остановились. Люди быстро изготовились к обороне, а я громко по-персидски начал вызывать кого-либо для переговоров. В башне открылось слуховое окно, оттуда высунулась воровская рожа канджутца и начала осведомляться: кто мы, откуда и куда едем и т.д. Мне стоило большого труда удержаться, чтобы не послать пули в высунувшуюся рожу и вместо ответа я начал, сколько сил и умения хватало, поносить и ругать канджутцев за сделанный по мне выстрел. Вскоре на башнях и за стенкой засновали люди. Их оказалось 40–50 человек; все воору^жены шашками и фитильными ружьями. Я потребовал к себе начальника поста и, видя, что он не является, пошел вниз по тропинке и, поднявшись на противоположную сторону, подошел к воротам, запиравшим тропинку. канджутцы отперли ворота и мы вошли за стенку. Нет никакого сомнения, Сафдер Али Хан знал прекрасно о моем намерении посетить Шимшал. Ему донес Дангнын Башский Бек Куч Махомет и посланцы его ко мне во время пребывания на Дангнын-Баше. Столь большой караул, преднамеренно направленный выстрел, – все это не больше как комедия, с целью показать, как прекрасно охраняется страна его и произвести впечатление.

Вскоре мы познакомились с караулом, причем из расспросов выяснилось, что обыкновенно укрепление занимает 5–6 человек, имеющих здесь впереди и сзади небольшие посеы. В нынешнем году Хан, зная о прибытии английской экспедиции, а затем моем, выслал 50 человек. Они живут здесь больше 40 дней, страшно тяготятся караульную службу и несказанно обрадовались моему приходу, предвидя возможность разойтись по домам.

Оказывается, что канджутцы еще вчера узнали о моем приходе. Один из этих проходимцев, посланный на разведки, вчера еще видел нас, пересчитал число людей и лошадей и обо всем доложил своему начальству. О том, что мы служили предметом наблюдения – мы, конечно, не подозревали, считая стоянку нашу абсолютно безлюдной.

Начальник поста, узнав о намерении моем проследовать до перевала, категорически воспротивился, ссылаясь на положительное приказание Хана никого не пропускать без его разрешения. По словам начальника поста, ответ от Хана может получиться не раньше 4–5 дней. Английская экспедиция тоже будто бы прождала ответ 4 дня.

Ждать 4 дня мы не могли, так как у нас продовольствия и припасов могло хватить самое большее дня на три, а впереди, кроме сего, предстояла дорога до лагеря нашего. Хан знал о моем приезде и задержка на передовом посту производилась им исключительно с целью снарядить ко мне целое ответное посольство и получить побольше подарков, а также дать возможность выманить что-либо и посланцам. Так как настоятельной необходимости посетить перевал Шимшал не было, ибо я достоверно знал, что перевал мягкий, травянистый и доступный, а зато дорога из верховьев Шимшала в Канджут чрезвычайно трудна, то я решил

добиться разрешения пройти вперед по ущелью до того места, откуда виден будет перевал, определить положение его и вернуться обратно.

Небольшими подарками я склонил начальника поста позволить нам пройти несколько вперед до первой травы, чтобы покормить лошадей, которые двое суток ничего не ели. Он согласился, но под непременным условием, чтобы мы вернулись к ночи обратно.

Мы двинулись вперед по ущелью и прошли верст 8 по сравнительно удобной дороге. Впереди, верстах в 12, виднелся перевал. Я определил положение его и вернулся обратно, торжественно обещав Начальнику поста дожидаться ответа от Хана на урочище Каинды, при устье р. Шимшал.

На ночлег мы пришли в совершенно темноте. Дни теперь чрезвычайно коротки. В 6 ч. у. начинает светать, а в 5 пополудни темнеет. На урочище Каинды мы вплотную наткнулись на самку кулана с маленьким. Мы открыли беспорядочную стрельбу, но, к нашему позору, все стадо благополучно ушло.

Завтра я направляюсь вверх по ущелью р. Сипар, чтобы определить ее течение. Верховья-же обследую со стороны Сурковата через Агиль-Даван.

Сегодня целый день нестерпимый ветер, поднимающий туманы пыли. Мы все заболели глазами. От пыли пострадали даже лошади, у которых глаза слезятся. Нас не предохранили даже очки с густою сеткой.

21 октября 1889 г.

Суббота 21/2

Переход вверх по р. Сипар – 23 версты и обратно на урочище Каинды – всего 46 верст.

Сегодня я оставил вьюки на урочище Каинды, а сам отправился вверх по течению р. Сипар. Это самый многоводный исток р. Упранг. Река эта течет первые 14 верст довольно узким и извилистым ущельем, часто меняя направление верст на 15. По крайней мере, мы прошли по этому направлению верст 9, и насколько глаз захватывал, ущелье не меняло направления.

Сегодня мы повернули обратно в виду высокого остроконечного, покрытого снегом и ледниками пика, расположенного на левом берегу реки. Место это очень приметно и легко разыщется при исследовании верховьев через р. Сурковат и пер. Агиль-Даван.

Характер ущелья совершенно тождественный с пройденным уже низовьем. Мы прошли 23 версты и не встретили ни одного кустика травы. Горы – голые скалы. Русло покрыто галькою с кое-где встречающимися кустами «чеканды» и тамариска.

Броды через реку извели нас окончательно. Мы прошли их 11 и столько же в обратный путь. Вода выше стремян. При сильном ветре и небольшом морозце моментально застывала на седле, сапогах и т.д.

Я не мог пройти дальше по реке, потому что запасов ячменя и провизии, при самом экономном расходовании, едва хватит, чтобы вернуться в лагерь к Раскему.

Надежда на охоту и подножный корм не оправдалась. Мы за все время встретили одну только самку кулана, да и та позорно ушла, а травы – нигде. Днем дул холодный, пронизывающий насквозь NO. Небо покрыто было густыми тучами, причем мне пришлось наблюдать очень характерное явление: горы по обоим склонам ущелья, на высоте около 1/т. ф. на кою, покрылись снегом, так сказать, на глазах моих, а к нам, на дно ущелья, не выпало ни одной снежинки. То же явление замечено было всеми людьми моими, остававшимися на урочище Каинды, которые немало удивились, увидев все горы кругом стоянки с известной высоты покрытыми снегом, а на стоянке выпадения снега не было. Проводник наш уверяет, что это обыденное явление в бассейне Раскем-Дарьи. Снег здесь выпадает только на горах, а до долины не достигает. Для меня это явление непонятно, ибо в то время, когда горы всего на высоте какой-нибудь 1/т. ф. выше на глазах постепенно покрывались белым покровом, до нас не достигал не только снег, но ни дождь ни даже мокрый туман, т.е. что-либо могущее оправдать появление снега на горах.

К вечеру прояснилось и мороз поднялся до -10 С. Мы вернулись очень поздно, прозябнув, что называется до костей. В холодное время, при сильном ветре, палатка мало защищает от холода.

22 октября 1889 г.

Воскресенье 22/3

Переход до урочища Упрангны-Аузы – 23 версты.

Сегодня с утра я отправил людей своих в обратный путь, а сам остался на месте слияния р. Шимшаль с р. Сипар, чтобы, пользуясь прояснившимся небом, определить географическое положение местности.

Погода прояснилась еще вчера поздно вечером, а мороз поднялся до -14,5, при сильном NO. Было нестерпимо холодно. Ветер пронизывал насквозь. Не помогли шуба и меховые перчатки, и наблюдения я произвел с большим трудом.

Около полудня на место наблюдения явился Канджутец с поста осведомиться о нашем здоровье. Он непомерно удивился, что мы ушли, не дождавшись ответа от Хана, и все порывался сообщить об этом Начальнику поста, но я задержал его при себе до окончания наблюдений, а затем отпустил. Пока он дойдет до укрепления, я вернусь к своим людям. Расстояние между нашим ночлегом и укреплением – больше 40 верст. Допустивши даже, что канджутцы решатся силою задержать нас, они могут подоспеть сюда только утром, а завтра рано утром я снимусь и пойду к Чунг-Тукаю на соединение с остальными людьми экспедиции.

Мне необходимо торопиться, так как запаса ячменя и провизии может хватить только на сегодня, и если завтра к вечеру мы не подойдем к нашему лагерю, все: и люди, и лошади – останемся без еды. Воображаю бешенство Хана, когда он узнает, что я ушел, не дождавшись разрешения, и что он лишился подарков. Несдобровать бедному Начальнику поста! Пожалуй, Хан продаст его с семьей за то, что тот, имея нас в своем укреплении, выпустил.

Зато проводник наш неузнаваем. Он засыпает меня рассказами о своем жи-

тье в качестве пленного в Канджуте и расхрабрился до того, что заявляет о своей готовности отнести письмо мое в Канджут и лично передать его грозному хану. Странная натура у человека. Чуть минует действительная или воображаемая опасность, как она кажется уже маленькою и забывается. На ночлег мы подошли к 10 ч. в., сильно задержанные бродами, которые в ночное время опасны. Громадные камни, лежащие на дне русла, невидны. Лошади спотыкались и падали. Мы пришли на стоянку совершенно мокрыми. Одежда покрыта была ледяною корой. Промерзли жестоко.

Наши люди сильно обеспокоились нашим отсутствием и, вообразив, что нас захватили канджутцы, взобрались на высокий обрыв, приготовившись к обороне и лежали, не разводя огня.

23 октября 1889 г.

Понедельник 23/4

Переход до урочища Чунг-Тукай по р. Раскем-Дарье – 33 версты.

Сегодня мы ночевали на краю необыкновенно густых зарослей, примыкавших к глубоким обрывам. Лошади наши три раза срывались с приколов, производя переполох в лагере. Утром, осмотрев заросли, мы нашли совершенно свежие следы азиатской пантеры, по-видимому, подбиравшейся к лошадям. Дерзость этого животного непостижимая. Он подползал шагов на 10–12 к большому костру, около которого спали люди и привязаны были лошади. Люди, конечно, ничего не слышали, но лошади чуют опасность, срывались с приколов и с храпом теснились к палаткам. Я решил наказ смелое животное и, оцепив насколько возможно лучше людьми заросли, сам занял место над обрывом примыкающем к зарослям. Затем казаки произвели несколько выстрелов по зарослям, в надежде выгнать зверя на меня, но зверя не показывался. Тогда я приказал поджечь заросли. Десятками лет накопившиеся сухие стволы, ветви и высокие вьющиеся растения занялись моментально. Зловещий треск горящего сухого дерева раздавался по зарослям, поднялись клубы густого черного дыма, а за ними взвился огонь высоко над зарослями, захватывая все больше и больше пространства.

Все обитатели зарослей помчались в гору, пробегая мимо меня. Первыми выбежали зайцы (шт.: 6), затем 2 лисицы, два выводка куропаток, а за ними, на дне оврага, крадучись по земле и припадая за камнями, поползла пантера. Она заметила меня издали и, по-видимому, шла в большой нерешительности. Сзади гнал ее огонь, подошедший уже к концу оврага, по бокам отвесные, высокие берега яра, а на верху, в самом узком месте, притаившись за выступом скалы, я выжидал зверя. Пантера поминутно взглядывала на меня, злобно помахивая длинным хво-

стом. Глаза блестели огненно-зеленым цветом. Наконец, зверь подошел ко мне шагов на 20. Я выстрелил разрывную пулю и раздробил ей правую лопатку. Пантера высоко подпрыгнула и грузно шлепнулась на землю. Не доверяя, я выпустил еще одну пулю и раздробил череп⁹⁷. В это же время раздались выстрелы сзади. Это казаки стреляли по удирающим перед огнем куницам и убили 2 штуки. Куницы выбежали было из огня, но, натолкнувшись на людей, быстро повернули обратно в чащу, где подожгли лапки, попортили шкурки и выбежали обратно под казачьи выстрелы полуобгоревшими.

Сняв шкуры с убитых зверей мы пошли в обратный путь к лагерю на Чунг-Тукай, куда и пришли часов в 5 вечера.

Вчерашние принудительные холодные ванны не прошли для меня даром. Я заполучил жестокую лихорадку, которая трясет меня, несмотря на полушубок и громадный костер перед палаткой. Вокруг костра сидят казаки и туземцы, причем вернувшиеся делятся впечатлениями с оставшимися в лагере. То и дело слышатся подробности встречи с канджутцами, посещения укрепления и охоты.

24 октября 1889 г.

Вторник 24/5

Дневка на Чунг-Тукае.
Я весь разбит лихорадкой. Болят все кости и суставы, пошевеливаться трудно и не будь я знаком с последствиями милой нашей маргеланской лихорадки, можно-бы подумать, что я заболел серьезно.

Пользуюсь хорошею погодою, чтобы еще раз определить географическое положение Чунг-Тукая. Несмотря на ширину долины, солнце прячется за горы раньше 3-х часов, вследствие чего и определение времени приходится под углом меньше 3-х часового расстояния.

Осмотрел лошадей наших. Все они, несмотря на 6 дневную стоянку, сильно похудели. Причина – плохой корм в виде сухого камыша. Вся надежда, что лошади несколько поправятся при устье р. Сурковат, где, говорят, корм очень хороший.

25 октября 1889 г.

Среда 25/6

Переход до урочища Азгар (Кук-Таш) вверх по р. Раскем на 26 верст.
Ущелье р. Раскем, сузившееся было выше ночлега, значительно расши-

⁹⁷ Это была пятнистая пантера, т.е. снежный барс или снежная пантера (лат. *Felis irbis*). Кожа после препарирования через российское консульство в Кашгаре была передана цесаревичу Николаю, который поставил чучело в кабинете своего Аничкова дворца в Санкт-Петербурге. (См.: В. Grąbczewski, *W pustyniach...*, ук. соч., с. 125).

ряется в 10 верстах выше, образуя по склонам гор обоих берегов реки обширные площадки, годные для посевов, преимущественно, при устье речек, впадающих в Раскем, из которых удобнее и легче вывести было оросительные каналы.

В настоящее время ущелье Раскема представляет пустыню в полном смысле того слова и, между тем, на каждом шагу мы встречали несомненные следы бывшего когда-то здесь густого поселения. На каждом шагу развалины домов, из коих некоторые такой крепкой постройки, что стены сохранились в целости до настоящего времени. Следы оросительных каналов, прудов, из которых во время засухи поливались поля; следы мельниц; поля расчищенные от камней под посевы; на полях сохранились борозды, по которым можно судить о засеянном здесь хлебе. Так на некоторых полях остались следы грядок в шахматном порядке, свидетельствующих, что здесь засеивались или огородные овощи, или уже злаки: бобы, кукуруза и т.д. Особенной культуры и густоты населения достигло урочище Азгар, где по обеим сторонам реки остались развалины, свидетельствующие о существовавших здесь целых поселениях, что опять-таки наводит на мысль, что ущелье Раскема населено было не исключительно только киргизами, живущими обыкновенно отдельными семьями, а и таджиками, селящимися обыкновенно поселками и селениями. Эту мысль поддерживает также отсутствие пастбищ. Существование киргиза без пастбищ для скота – невысказано; они смотрят на земледелие только как на подспорье к скотоводству и занимаются им настолько, насколько это необходимо для поддержания существования своего в зимнее время, когда скот рстает доиться и отсутствие молока заставляет прибегнуть к муке и хлебу.

Таджики, наоборот, благосостояние свое основывают преимущественно на земледелии, прибегая к скотоводству только при исключительно выгодных условиях жизни, обширных пастбищах и т.д. Оттуда, несмотря на временные распри, постоянная дружба между киргизами и таджиками, основанная на отсутствии причин к ссорам, затрагивающим существенные интересы жизни, на взаимной поддержке. Они обмениваются излишками своих произведений и снабжают друг друга недостающими продуктами: киргизы уступают таджикам излишек шерсти на одежду, меха, кошмы, арканы и т.д., а таджики снабжают киргиз мукою.

Дома, уцелевшие в долине Раскема, все каменные, на глине, скрепляющей камни, как цемент. Постройке правильная, стены прямые, камни тщательно уложены один к другому, что доказывает присутствие известного вкуса. Ибо киргизские, например, зимовки, даже в Фергане, состоят из кое-как уложенных камней, скрепленных глиной. Тоже самое мы видим в большинстве мазанок и сакель оседлого населения в Фергане, не в городах, а в захолустных селениях, с тою разницею, что камни заменены комками глины. На урочище Азгар обширное кладбище; могилы некоторых семейств огорожены высокими каменными заборами и все обложены сверху дощатыми плитами камня.

Название свое урочище Азгар, по-видимому, получило от большого количества дикой розы, которая по-киргизски носит название «азган».

Урочище это называется также Кук-Таш (зеленый камень) от реки, впадающей слева в р. Раскем против урочища. По рассказу проводника, на верховьях реки встречается медный купорос, известный у туземцев под названием Кук-Таш

или Дахан-Фаранг (рот англичанина, очень характерно). Купорос употребляется туземцами как лекарство против язв; этим же средством они лечат баранов, если в курдюках у них заведутся черви.

Вообще, ущелье Раскем-Дарьи изобилует металлами. При устье реки Курук Джильга, в 7 верстах выше Чунг-Тукая, мы встретили несомненные следы разработки какой-то руды. Тут масса сплаву, развалины построек и т.д. По виду сплава я не мог определить, какую руду выплавляли и взял образцы сплава.

Неудивительно поэтому, что удобства жизни привлекли сюда население, которое неохотно уступило насиженные места. Развалины укреплений свидетельствуют, что население делало, что могло, чтобы защитить себя и уступило перед силою. Обращение Раскема в пустыню молва приписывает канджутцам и относит ко времени управления Канджутом Ша Газанфар Ханом (Газанфар по-арабски тигр) и визиром его Абдулла Ханом, умершим лет 30–40 тому назад.

Лично я склонен думать, что обращение Раскема в пустыню совершенно значительно раньше. Предположение свое основываю на том, что события за 30–40 лет тому назад сохранились в памяти местного населения прекрасно. Так, например, нападение того же Абдулла Хана на Бозай-и-Гумбез, нападение его на Таш-Курган, Тагарму, Кингкос и р. Бачу – рассказываются со всеми подробностями, причем упоминаются имена выдающихся деятелей с обеих сторон. Тогда как опустение Раскема молва приписывает канджутцам, но никто из стариков не может указать, кто здесь жил и когда именно Раскем обращен в пустыню. Наконец, некоторые поля поросли громадными зарослями, которые, если даже допустить необыкновенно быстрый рост зарослей, потребует все-таки значительное время.

Дорога на всем переходе проложит о правому берегу реки и вполне удобна. По левому берегу тоже существует дорога.

По дороге мы встретили, кроме галок, воронов, ворон и сорок, много мелкой птицы, гнездящейся в зарослях и питающейся ягодами-облепихи. Тут же мы видели скворцов и несколько выводков горных куронок. Из зверей видели несколько зайцев и следы лисиц, куниц, а также свежие следы куланов.

Убить удалось 4-х куронок и зайца. Воды в р. Раскем немного. Бродов на всем переходе не было. На ночлег камыш встречается только на небольших выжженных полянах. По дороге травы нигде нет. Горы совершенно безжизненны.

Против ночлега в горах к югу высокий вечно снежный пик.

26 октября 1889 г.

Четверг 26/7

Переход до урочища Баш-Балгын вверх по р. Раскем – 14 верст. Ущелье р. Раскем-Дарьи выше урочища Азгар суживается, а выше впадения реки Четки-Бурелик переходит в щель. Таким образом, полоса, годная для культуры тянется на протяжении около 80 верст, не считая притоков реки, где тоже ожидается немало места для культуры.

Весь переход сохраняет характер, свойственный Раскему, т.е. полную безжи-

зненность. Заросли, хотя и встречаются по руслу реки, но травы между зарослями нет, кусты облепихи, тамариска, дикой розы и т.д. растут среди голых камней.

Человек позднее других местностей Раскема, по-видимому, ушел из Азгара. Сообщение поддерживалось с Яркендом вверх по р. Четки-Бурелик и дальше через целый ряд перевалов на истоки р. Базар-Дара, откуда по Кулян-Арыку в Яркенд.

О сообщении этом свидетельствует торная, но очень заброшенная тропа, ведущая вверх по р. Четки-Бурелик.

Наш проводник рассказывает, что на верховьях реки Четки-Бурелик хорошие пастбища, где всегда можно найти много куланов и диких баранов. Таким образом, до настоящего времени много найдено, что скот прежних обитателей Раскема мог пастись на верховьях реки Илы-су, Урюк, Упранг, Шимшаль и Четки-Бурелик. Нет сомнения, найдутся еще и другие пастбища. Сегодня по дороге мы видели совершенно свежие следы азиатской пантеры с двумя маленькими. По-видимому, пантера гнала впереди себя целое стадо куланов, подняв их с логовища вниз устья реки Четки-Бурелик. Кроме этих животных, я убил сегодня зайца, пару горных куропаток, громадного ушастого филина и 2–3 ш. мелкой птицы. Большинство шкурок поступило в коллекцию.

Погода утром – хорошая, около полудня – пасмурная, при сильном NW, поднимающим тучи пыли. Погода холодная, но благодаря заведенному мною обыкновению раскладывать большой костер впереди двери палатки, можно работать в теплом сюртуке.

Киргизы рассказывают, что Али Мордан Ша Ваханский, бежа перед афганцами, обратился к китайцам с просьбой разрешить ему поселиться в Раскеме, обещая заселить эту долину и никогда ни с кем без разрешения Китая не воевать. Китайцы не согласились.

Интересно, с занятием Сары-Кии англичанами, кто устроит себя хозяином Раскема.

На ночлег травы нет. Небольшие камышовые поросли съедены начисто.

Завтра целый переход по узкому карнизу, нависшему над пропастью. Дорога, говорят, очень трудная.

Мы понемногу, но постоянно поднимаемся в гору, приближаясь все ближе и ближе к холоду.

Лошади наши без корму совершенно изнемогают. Камыш сухой и непитаемый, а небольшие запасы ячменя приходится беречь на тот случай, когда корму совсем не будет.

27 октября 1889 г.

Пятница 27/8

Переход до урочища ЯльпАк-Чигир-Канак (пологая, ползучая облепиха) – вверх по р. Раскем – 15 верст.

За урочищем Баш-Балгын (верхний, головной тамариск) ущелье реки Раскем настолько суживается, что местами представляет щель. Дорога на всем переходе

очень трудная, а местами крайне опасная. Особенно опасны пять верст (с 8 по 13) по чрезвычайно высокому карнизу, нависшему над рекою, текущей под ногами и на глубине 150–200 сажень.

Ширина карниза местами достигает $\frac{1}{4}$ аршина, местами пролегает по движущейся осыпи. Трудно себе представить, какое тяжелое впечатление на нервы производит движение по такому карнизу и, в особенности, шум падающих в пропасть камней, щебня и песку. Так и кажется, что вот-вот лошадь полетит вниз. Впечатление это очень сильно даже у людей, свикшихся с такою дорогою, у киргиз и горцев. Они мне рассказывали, что проходя по таким местам, они стараются не смотреть вниз, ибо пропасть невольно тянет к себе, и не смотреть вверх, ибо уклоны горы больше, нежели при естественном заложении, над головою нависла масса громадных обломков скал и валунов, которые так и кажется, ежесекундно готовы низвергнуться вниз. Лучшее средство заставить себя смотреть прямо вперед на дорогу и вообще постараться отвлечь свое внимание в сторону, заняться чем-либо другим.

Броды глубоки и трудны, несмотря на громадную убыль воды за время движения нашего вверх по р. Раскем. Происходит это от того, что ущелье реки значительно суживается. Особенно глубокий верхний брод. Трудность переправы увеличилась льдом по берегу реки и густо плывущею шугой.

На ночлеге мы нашли брошенного киргизами верблюда и вьюк, состоящий из нескольких кошем, одеял, халатов и разного другого скарба. Что стало с владельцем верблюда – неизвестно. По-видимому, верблюд здесь находится уже продолжительное время, так как след человека или лошади не видно. Их замело песком.

В зарослях на ночлеге я встретил и убил пару зайцев. Погода стояла хорошая, хотя дул холодный ветер. Несмотря на то, что мы чрезвычайно полого поднимаемся в гору – разница в температуре замечается ежедневно. Сегодня в 2 ч. дня температура достигла только +8°C.

Горы, окружающие ущелье реки Раскем, лишены снегу, за исключением высоких, вечно снежных пиков с ледниками, спускающимися до самого подножья. Сегодня мы увидели первый ледник, спускающийся почти к руслу реки. Ледник небольшой, в узком ущелье.

У нас кончаются все запасы: мука вышла, крупа тоже, зелени давно и помину нет. Живем исключительно мясом. Охоты никакой. Поддерживают существование экспедиции только бараны. Да и их осталось уже немного, если на верховьях р. Сурковат охота не удастся – будем голодать.

28 октября 1889 г.

Суббота 28/9 Октября

Переход вверх по р. Раскем-Дарье до урочища Кара-Яр-Караул – 8 верст. Сегодняшний переход мы могли бы сделать вчера, если бы проводник не обманул нас расстоянием. По-видимому, он сам не твердо знал его и уверил

нас, что до сегодняшнего ночлега целый переход. Ущелье реки Раскем с начала перехода очень извилистое, затем расширяется. Горы левого берега значительно отступают к югу, образуя обширное плато на левом высоком берегу реки. В прежнее время здесь, повидимому, производились посевы, ибо мы повсюду встречали следы оросительных канав, площадки, расчищенные от камней и, очевидно, приготовленных под посевы и развалины домов. Теперь местность эта также пустынна, как и все ущелья р. Раскем.

Против ночлега, на склоне горы южного берега реки мы увидели родник с небольшими лугами по обоим берегам. Это первое луговое пространство, начиная от верховьев р. Илы-су, а то все время лошади наши питались камышом, питательным раннею весною, но теперь никуда не годным. Ожидания наши, впрочем, относительно травы были обмануты. Когда я проехал на луг, то оказалось, что трава дочиства съедена была куланами, дикими баранами (папай) и даже дикими яками, следы которых я видел в первый раз, не предполагая, что они спускаются так низко по течению реки. Ночлег наш зато, поистине прекрасный. Мы ночуем на левом берегу реки в глубокой котловине, перерезанной несколькими родниками, густо поросшей кустами ивы и прекрасною кормовою травою. Котловина резко ограничена с севера рекою, а с остальных сторон высоким обрывом с отвесною стеною из конгломерата. Обрыв обхватывает котловину в полукруг, примыкая с западного и восточного конца вплотную к реке. По-видимому, место это служит и теперь любимым пристанищем для редких пушковых и разбойничьих ватаг канджутцев, направляющихся для грабежа на большую Тибетскую дорогу. О многочисленных остановках свидетельствуют закоптелые от дыма пещеры в конгломерате. Пещер таких очень много и большинство из них заложены камнями таким образом, что представляют удобные убежища от непогоды.

На ночлеге мы нашли много дичи: зайцев, уток и куропаток. Я в 2–3 часа набил зверья массу. Очень много зайцев на плато выше обрыва, где они прячутся среди камней. Кроме птицы, мы видели многочисленные следы азиатской пантеры. Повидимому, зверь ютится в зарослях, выходя на охоту за куланами и папаями, приходящими на пастбище по берегу родника, над нашим ночлегом. Следы были свежие и я предполагал, что, может быть, зверь притаился в кустах. Но самые тщательные поиски не выгнали зверя.

В поисках за пантерю мы выгнали из кустов лисицу и куницу. Я убил лису, но собака немного попортила шкуру, прежде чем мы успели отнять убитую.

29 октября 1889 г.

Воскресенье 29/10

Дневка на урочище Кара-Яр-Караул. Я производил астрономические определения положения. Погода прекрасная, но холодная. Ночью мороз достиг $-19,5^{\circ}\text{C}$. Это температура, какой мы не имели от Памиров. Мороз был без ветра и потому нечувствительный. Я сидел с вечера у костра, заснул и так и не входил в палатку.

Проводник наш рассказывал, что на верховьях реки Раскем, выше ущелья Кук-Арт (зеленый перевал), по которому отделяется дорога в Шахидулла Ходжу, к юго-западу отделяется широкое ущелье реки Хафалюнг, пользующееся самой дурною репутацией. По широко распространенному лишению среди киргиз Сары-Кии, в ущелье этом поселился леший, всегда умеющий сбить путника с настоящей дороги, вследствие чего путники пропадают без вести. В давнишнее время дорога в Тибет пролегла именно по этому ущелью, но проказы лешего заставили торговые караваны бросить этот путь.

Многочисленные следы диких яков и куланов заставляют предполагать обилие диких зверей в ущелье Хафалюнг, но боязнь встретиться с лешим настолько сильна, что самые смелые охотники не решаются посетить это ущелье, и среди киргиз Сары-Кии нет ни одного, кто бы побывал в Хафалюнге. На памяти проводника из сел. Кук-Яра прибыло 5 человек сартов и направилось в это ущелье в надежде разыскать там залежи драгоценных металлов (молва, как водится, гласит, что в ущелье этом скрыты несметные богатства), но все пять человек пропали без вести. Месяца три спустя из этого селения прибыло 3 человека родственников пропавших без вести кук-ярцев и, несмотря на предостережения киргиз, направились в ущелье Хафалюнг на розыски потерявшихся. Они вернулись только через 15 дней еле живыми и совершенно измороженными. По словам их, когда они прошли по ущелью два дня, то ночью пропали у них лошади без всякого следа. В поисках за лошадьми они углублялись все дальше и дальше в ущелье и окончательно заплутались. Съестные припасы у них вышли. Они видели многочисленные стада яков, куланов, папаев и коз, но, несмотря на самое близкое расстояние, убить им ничего не удавалось, а наоборот, погоня за зверем вводила их дальше и дальше в глубь ущелья. Отчаявшись окончательно найти выход, изнемогая от голода и усталости, они прибегли к горячим молитвам и поклялись никогда больше не являться в ущелье. Тогда им удалось убить маленькую козу, мясом которой они питались и выбрались в Сары-Кию окончательно истощенными. Кур-ярцы вынесли с собою два куска старинного чугуна.

Рассказы эти разожгли мое любопытство, и я непременно попытаюсь проникнуть в это таинственное ущелье в гости к господину лешему, если только удастся справиться с продовольственными припасами.

30 октября 1889 г.

Понедельник 30/11

Переход вверх по р. Сурковат урочища Даванын-Таш – 26 верст. Экспедиция со всеми тяжестями оставлена мною на урочище Кара Яр Караул под начальством Уряд. Козякаева. При вещах остались также г. Конрад и секретарь Мулла Фазыл Бек Мирза. Я же с 3 казаками и в сопровождении джигитов Садыр Ходжи Ишана и с Тюрю Кула, а также проводника Худай Бергана, направился вверх по р. Сурковат с целью пройти через перевал Агиль-Даван на истоки р. Упранг и обследовать хребет Музтаг, а также дорогу, по которой кан-

джутцы производят набеги.

Ущелье р. Сурковат значительно уже ущелья р. Упранг, да и воды в р. Сурковат самое ничтожное количество. Мы сегодня почти подошли к истокам р. Сурковат, но очень вероятно, что мы идем вверх по одному из притоков этой реки и что главное русло отделилось верстах в 5 выше слияния с р. Раскем. По крайней мере, в этом месте к юго-востоку отделилось широкое ущелье, несущее больше воды, чем в р. Сурковат.

Характер пройденного ущелья совершенно тождественный с общим течением р. Раскем. Те же голые скалы, отсутствие всякой растительности, не только по склонам гор, но и по руслу реки, словом, пустыня в полном смысле того слова.

На верховьях своих ущелье реки Сурковат суживается до теснины в 3–4 аршина, вообще же, средняя ширина реки не превышает 30–40 сажень. Древесную растительность в виде невысоких кустов ивы, тамариска и чеканды, мы встречали даже на ночлеге, на высоте 5300 метров. Зато травы – нигде. По рассказу проводника, ущелье реки Сурковат богато куланами и папаями. Лично мы видели следов много, но кулана только одного, да и то на таком расстоянии, что я выстрелил только для очистки совести. Целый переход мы шли без дороги по чрезвычайно каменистому руслу реки, причем нам неоднократно приходилось переходить вброд реку, по количеству воды ничтожную. Но с очень неприятными бродами вследствие того, что река покрыта тонким льдом, образовавшим заторы и разливы, но не выдерживающим лошади. Каждый раз мы тратили много времени, чтобы проложить себе дорогу среди льда.

Несмотря на полное отсутствие травянистой растительности, мы встретили довольно много горных рябчиков и уток. Я мимоходом убил 4-х рябчиков, пару уток и 3 чирка.

По дороге мы во многих местах видели загородки, уложенные из камня, в защиту от ветра. Это логовища канджутцев, ночующих в этих загородках, скрываясь от ветра во время движения на грабеж. Интересно, что как-бы многочисленными ни были канджутские скопища, они не несут с собою котлов, не гонят баранов и, вообще, избегают всякой лишней тяжести. Все продовольствие их состоит из небольшого мешочка поджаренной муки (пшеница или ячмень поджаривается, а затем мелиться), которую они носят за спиною. Горсть такой муки, разбавленная холодной водою, составляет единственную их пищу. Соли и вообще каких-либо приправ, они не употребляют. Гурманы сдабривают эту неприхотливую еду сушеными абрикосами. В случае холодной погоды и необходимости согреться, они прибегают к весьма оригинальному способу варить пищу. В горах отыскивают 7 ш. плоских дощатых камней и два из них ставят ребром на песок, третьим прикрывают сверху (как карточный домик), затем, приняв за основание верхний камень, к нему с 4-х сторон пристраивают 4 камня, образуя как-бы коробку на двух ногах. Вся постройка обмазывается глиной или илом и получается очаг с котлом, не пропускающим воды. Конечно, пища, сваренная в таком котле должна пахнуть глиною и т.д., но канджутцы неприхотливы и вполне довольствуются ею. По дороге такие котлы мы встречали во множестве по р. Шимшаль и Сурковат.

Сегодня ночуем близ перевала. Бедные лошади наши опять совершенно без корму и вынуждены довольствоваться только скудной дачею ячменя. Дров на

ночлег тоже нет и мы мерзнем добросовестно, хотя еще только 10°C, но при очень сильном ветре. На вчерашнем ночлеге температура понизилась до -21°C, но при почти безветренной погоде, вследствие чего я сидел у костра в сюртуке, не надевая шубы. Зима приближается быстрыми шагами и вскоре придется познакомиться с нею основательно.

31 октября 1889 г.

Вторник 31/12

Переход через пер. Агиль-Даван на р. Сипар (исток р. Упранга) до урочища Шаскумбо – 26 верст.

Сегодняшний день для меня, как охотника, будет особенно памятен. Я набил столько дичи, сколько не приходилось настрелять за всю экспедицию.

Только что мы двинулись с ночлега, как наткнулись на стадо баранов, спустившихся с гор на корм. Самка стояла на пригорке и вслушивалась вдаль. Видимо она слышала наше приближение и хотела всмотреться в опасность раньше, чем поднять тревогу. Я только успел соскочить с лошади и выстрелил в момент, когда она бросилась на утек. Пуля попала в зад, разорвалась в животе, произведя жестокие опустошения, а осколки вышли через бок. Забрать с собою убитого зверя не удалось, потому что мы шли с полным вьюком. Пришлось, поэтому, снять с барана кожу, разчетвертовать, мясо промыть, завернуть вновь в кожу и спрятать между камнями. Холодная погода сохранит нам мясо до возвращения, если только пантера, почуяв добычу, не полакомится ею. Впрочем, мясо сверху мы завалили очень большими камнями и потребуетя немало усилия, чтобы сдвинуть их с места.

Только что мы покончили эту операцию, я снял фотографию с убитой самки и мы двинулись дальше, как среди камней быстро мелькнуло что-то желтое и скрылось за выступом скалы. Я последовал за зверьком, догнал в поле горы и выстрелил мелкою дробей (дунстом). Зверек покатился к ногам. Это была прехорошенькая желтая ласочка, которую я припрятал для коллекции.

Занятый зверьком, я не обратил внимания на то, что в 200 шагах от меня паслось громадное стадо папаев, штук в 300. Стадо бросилось наутек, только после выстрела по ласке. Я выстрелил из берданки, нарочно целясь выше бегущих баранов, а когда несколько штук, испуганных пулею, ударившиеся выше, стремглав кинулось вниз, я выстрелил из штуцера и убил великолепного самца. Вторым выстрелом я тяжело ранил другого, поменьше, но он, обливаясь кровью, успел все-таки залезть на такую скалу, где никто из нас не решился за ним последовать. Выпотрошив и спрятав убитого самца, мы пошли дальше, причем я убил из 2-х стад 3 штуки уларов. Птица эта, хотя встречается повсеместно в высоких горах Центральной Азии, но держится только в местах труднодоступных и потому европейцу-охотнику, не привычному к ходьбе по отвесным скалам, стрелять по уларам доводится не часто. Мясо уларов замечательно вкусно. По моему, это лучшее мясо из всех мне известных и уж несравненно вкуснее

фазанов. Затем уже, перевалив через Агыль-Даван и спустившись на р. Сипар, я убил 4 штуки уток.

Перевал. Агыль-Даван самый высокий изо всех доселе мною пройденных, за исключением разве перевала Илы-су. Но подъем на перевал мягкий и чрезвычайно пологий, еле заметный. Самый перевал широкий. Нас преследовал сегодня порывистый ветер, необыкновенной силы. По временам казалось, что ветер сорвет с лошади. Дышать против ветра невозможно было, равно как и идти пешком.

Несколько ниже перевала мы нашли труп убитого человека, совершенно нагого. Вероятно, это канджутцы кого-нибудь отправили *ad patres* и не позаботились похоронить труп. У нас тоже не было времени на это, так как, отвлеченные охотой, мы поднялись на перевал поздно. Мы ограничились тем, что спрятали труп под камни. Спуск с перевала мягкий сначала, но [...] очень каменистый. Перед соединением с р. Сипар ущелье, ведущее с перевала, обратилось в узкую щель, выйдя из которой, мы очутились в широком, до 2½ в., ущелье реки Сипар, которая течет по ровному каменистому ложу шириною до 1½ в. несколькими рукавами с самым незначительным падением. Ущелье реки Сипар направляется прямо на юго-восток и даже несколько на юго – юго-восток. Впереди, верстах в 20, отчетливо виднеется высокий, заваленный снегом, с громадными, спускающимися книзу ледниками, хребет Музтаг (ледяные горы). На верховьях реки Сипар виднеется чрезвычайно высокий пик, резко выделяющийся из общего массива хребта. Вершина пика напоминает крышу домов средневековой постройки. Рядом (южнее) два других пика, несколько ниже. Высота главного пика не менее 27/т. Я все три пика, в честь Августейшего покровителя экспедиции, назвал пиками «Цесаревича».

Весь хребет издали представляет дикую, но величественную картину. Это массивы нагроможденных друг на друга скал, самой причудливой формы. Тут воображение может разыскать и русские терема, и постройки готической архитектуры с бесчисленными остроконечными башнями различной величины, напоминающими Кельнский Собор.

Подойдя к берегу русла реки, мы были остановлены совершенно неожиданно отвесным обрывом, высотой сажен в 15. Оказалось, что правый берег реки Сипар совершенно отвесный и мы находимся выше русла реки сажен на 15, что при ширине русла издали совсем не было заметно. Положение становилось неприятным: темнело, мы целый день провели в дороге, мороз достигал уже -12° при сильном ветре и мы рисковали остаться на ночлег без топлива и воды, но в виду этих необходимых предметов. Это напомнило мне страдания, вынесенные в прошлом году на берегу Раскем-Дарьи близ урочища Пиль.

Я разослал людей искать спуска и один из них наткнулся на глубокую промоину, по которой мы с невероятными усилиями спустили лошадей, а вьюки перенесли на руках и совсем уже впотьмах перешли на другую (левую) сторону р. Сипар и остановились на берегу большого родника, вытекающего из-под скалы. Берега родника густо поросли высокими кустами тамариска, но травы мы не нашли. Небольшое пространство среди кустов выедено было окончательно куланами. Это паразитическое животное. Следы куланов по обеим сторонам перевала

Агыль-Давана; мы видели совершенно свежие следы целых табунов этих животных, но самих их не встретили.

В виду полного отсутствия корма я приказал выдать лошадям по 10 ф. ячменя. К ужасу моему оказалось, что спускаясь с обрыва, повидимому, мешком задели за острый выступ скалы, которым мешок прорвало и мы очутились без фуража. Я отправил ночью же обратно в лагерь одного из джигитов за ячменем, который при самой поспешной доставке может прибыть к нам только через четыре дня. Но прожить эти четыре дня при абсолютном отсутствии корма трудно, если не невозможно.

Я решил завтра спуститься до соединения рек Сипар и Опар и если подножного корму не встречу, вернусь обратно на сегодняшний ночлег с тем, чтобы послезавтра идти с рассвета на встречу ячменю. От исследования р. Сипар и Опар до самых истоков приходится отказаться.

1 ноября 1889 г.

Среда 1/13 Ноября

Переход вниз по р. Сипар (Сальтор) до урочища Кара-Таш-Шивер (луг у черного камня) вверх по р. Гоз до подножья перевала Музтаг (ледяная гора) в Тибет и обратно на урочище Шаскумбо – 114 верст.

Недостаток ячменя и полное отсутствие подножного корма заставили меня сделать сегодня громадный переход. Я выступил из лагеря нашего на урочище Шаскумбо досвету, взяв с собою только одного казака и проводника, а остальных людей и вьюки оставил на ночлеге.

Ущелье р. Сипар (по-канджутски, Сальтор) сохраняет все время одинаковый характер: русло – сплошной камень; река течет преимущественно двумя-тремя неглубокими рукавами; горы – отвесные скалы, лишённые всякой растительности; ущелье шириною от ½ в. до 1-ой в ы, по руслу реки кое-где заросли тамариска и нигде подножного корма.

В 13 верстах от ночлега, по западному склону гор, отделяется узкая тропа по осыпи, по которой в прежнее время следовали бальти через небольшой перевал в ущелье р. Опар (по-канджутски Гоз) и далее через пер. Музтаг или расположенный рядом Балти-Даван в Тибет. Теперь дорога эта заброшена.

В 19 верстах от ночлега мы вышли к селению р. Сипар (Сальтор) с р. Опар (Гоз). Ущелье этой реки еще шире и местами достигает до 2-х верст в ширину.

Горы отступают с обеих сторон и покато спускаются к руслу реки, местами густо поросшему тамариском, но без всяких признаков травы между зарослями.

В месте слияния отдельная горка, как-бы оторванная от горного хребта, разделяющего оба русла. Хребет этот заканчивается одинокою, очень высокою скалою. Повсюду многочисленные следы куланов, но самих зверей за весь переход мы не видели. Попадались следы лисиц, куниц и азиатской пантеры. Мы прошли 8 верст вверх по течению р. Опар (Гоз) до места, где река эта составляется из двух рек: Май-Зур, текущей с юго-востока, и Музтаг, текущей с юго-запада. Впереди вверх по ущелью р. Музтаг верстах в 12 от того места, где мы стояли, виднелся громадный ледник,

спустившийся до самого русла реки, а выше заваленный снегом Гималайский хребет, значительно в этом месте понижающийся и дающий труднодоступный перевал Муз-таг (ледяная гора). Вверх по течению р. Май-Зур, по уверению проводника, существует еще более трудный, но значительно сокращающий путь, перевал Бальти-Даван.

Оба перевала в настоящее время употребляются тибетцами только в крайности, вследствие постоянных набегов канджутцев.

Выйдя из-за пригорка мы совершенно неожиданно впереди, по другую сторону реки, увидели пять-шесть костров. Рассмотрев в бинокль, я увидел человек 50–60. Отсутствие палатки и лошадей заставили предположить, что расположившиеся здесь не европейцы и не торговцы. Трудно допустить также, чтобы это были бальти, так как они такими большими караванами редко ходят. Вернее всего, это канджутцы, вышедшие в набег и ожидающие под перевалом несчастных бальти или посланные ханом на разбой.

Так как я был только с одним казаком Матвеевым (проводник скрылся ментально и раньше, чем я заметил его отсутствие, успел подняться до вершины перевала, ведущего на р. Сальтор), то идти на огонь я счел неблагоприятным и мы с Матвеевым, соблюдая величайшую осторожность и прикрываясь углублениями в русле реки, двинулись в обратный путь и благополучно добрались до места слияния обеих рек (Сальтор и Гоз).

Подождав проводника и видя, что он пропал для нас бесследно, я направился вниз по р. Сипар (Сальтор или Муз-Таг) до урочища Кара-Таш-Шивер. Здесь на протяжении почти 30 верст река с небольшими отклонениями течет в северо-западном направлении. Характер ущелья такой-же. Река течет извилисто и часто главную струей ударяется то в один, то в другой берег, вследствие чего нам пришлось переходить реку вброд бесконечное число раз. Приблизительно на половине перехода мы прошли мимо высокого, вечно снежного пика, видного впрочем с места слияния р. Сальтор с р. Гоз и ста, до которого я доходил с урочища Шимшалны Аузы.

На урочище Кара-Таш-Шивер мы добрались, когда смеркалось. Здесь на левом берегу реки мы нашли очень незначительное количество травы. По-видимому, травы должно бы быть больше, но она вся выедена была куланами.

С этого места хорошо было видно ущелье реки, до которой я доходил в прошлый раз.

Мы дали вздохнуть лошадям, напились чаю и совершенно уже в потемках пошли в обратный путь, соблюдая возможную осторожность, чтобы не наскочить на шайку канджутцев. Между прочим, чтобы уменьшить звон подкованных копыт о камни русла реки, мы проходя вблизи предполагаемого расположения шайки, обвязали копыта кошмою, для чего употреблены были подкладки из-под седел. К лагерю мы добрались только в 4 ч. утра, изнемогая от усталости. Особенно извели нас бесчисленные броды. Ночь была звездная и не особенно темная.

2 ноября 1889 г.

Переход вверх по р. Сипар (Сальтор) на 12 верст и обратно через перевал Агыл-Даван до урочища Агыл-Таш – 40 верст.

С утра мы снялись и поднялись на высокий правый берег реки Сипар, причем вьюки пришлось поднять на руках, что заняло массу времени. Я расположился на краю отвесного, очень высокого обрыва, при слиянии р. Южн. Агыл Даван с р. Сипар (Сальтар), произвел астрономическое определение места, вычертил в промежутки между наблюдениями вчерашнюю съемку и т.д.

Почти в момент, когда я приступил к послеполуденному определению времени, мы вдаль увидели движущиеся черные точки. Я приказал вьючиться и, пользуясь неприступностью местности, на которой мы находились, спокойно закончил работу.

Вскоре в бинокль можно-было разглядеть, что вверх по течению реки идет несколько человек и гонит впереди несколько штук яков. Идущие, по-видимому, тоже заметили нас, так как из толпы два человека отделилось и направилось к нам, а остальные погнались яков на место нашего бывшего ночлега. Возбравшись на высокий правый берег реки, неизвестные люди подошли к нам, причем оказалось, что один из них, Назар Али, родом из сел. Гирчи в Канджуте, а остальные шимшалцы. Они рассказывали, что Сафдер Али Хан послал их в Пахпу и Шахпу для сбора обычной дани, в размер лошади, ружья, девяти халатов, девяти кошом и т.д.

Спрошенные мною относительно огней, виденных накануне, канджутцы заявили, что они ничего не знают и что кроме них никого из канджутцев нет. Но затем в разговоре проговорились, что они были под перевалом Муз Таг, видели след мой и торопились идти по следу, чтобы догнать меня.

Из новостей они сообщили, что Янхузбэнд оставил свои вьюки у Куч Махамет Бека, а сам отправился в Таш-Курган; что на встречу к Янхузбэнду высланы Дервиш из Гильмида и махрамбаши (начальник ханского конвоя) и что Сафдер Али Хан сильно негодует на начальника гарнизона в Дарбанде за то, что тот отпустил меня без разрешения Хана. Этот бедняк вызван уже и, по словам Назар-Алия, быть ему проданным со всей семьей.

Видя, что канджутцев только пять человек, я отправил вьюки свои через перевал, а сам с одним человеком прошел еще 8 верст вверх по течению р. Сипар (Сальтор). Дни теперь так коротки, что сумерки наступают около 6 часов пополудни и я больше 8 верст пройти не успел. Через перевал Агыл-Даван я прошел ночью, причем переход был очень трудный вследствие невозможности в потемках разыскать следы тропинки. Мы шли пешком, постоянно натываясь на груды камней, рывины и промоины, которых мы днем совсем не примечали.

К ночлегу я пришел около полуночи, где застал уже джигита экспедиции Тюрю Кула, доставившего запасы ячменя, в котором мы очень нуждались.

3 ноября 1889 г.

Пятница 3/15

Переход вниз по р. Агиль-Д. до урочища Кара-Джар-Джилыганы-Аузы – 16 верст.

Встали довольно поздно, измученные двухдневными ночными переходами. Лошади, получая только по 5 ф. ячменя, без травы или сена, при усиленной работе, совершенно отощали.

Я остановился на сегодняшнем ночлеге с целью исследовать завтра ущелье р. Кара-Джар и поохотиться на куланов, которые, по словам канджутцев, водятся там в изобилии.

Вечером часовой заметил в зарослях, недалеко от нас, огонь. Я сразу догадался, что это вчерашние канджутцы, но желая убедиться, действительно ли только пять человек, со всеми людьми отправился к их расположению.

Они заметили нас только на самом близком расстоянии и сильно испугались, не ожидая нас здесь и предполагая, что мы уже на Раскеме. Я снабдил их мясом, а они меня мукою, так как мука у нас совсем вышла.

4 ноября 1889 г.

Суббота 4/16

Переход вверх по р. Кара-Джар-Джилыга – 20 верст и обратно вниз по р. Сурковат до урочища Джавай-Джилыганы-Аузы – 45 верст.

В сегодняшней экскурсии сопровождало меня двое канджутцев, знающих местность.

Оказывается, что левый берег реки Сурковат состоит из высокого, совершенно ровного плоскогорья, годного для обработки.

По руслу реки Кара-Джар-Джилыга заросли и небольшие травянистые луга, увеличивающиеся в размерах, по мере движения кверху, к снеговой линии. Река стекает с высоких снеговых гор с ледни и.

По ущелью мы видели несколько сотенных стад баранов и куланов, пасущихся десятками, но подойти к ним на выстрел не удавалось, потому что ветер шел снизу и мы вынуждены были идти по ветру, а не против. Чуткие животные обращались в бегство за версту и более, несмотря на самые тщательные предосторожности. Сила обоняния (может быть, слуха) у них поразительная.

Мы пришли на ночлег поздно ночью, измученные переходом и безуспешными приемами подкрасться к зверю.

В лагере я узнал, что лошадь с сундуками, поскользнувшись на льду, упала, причем разбился минимальный термометр. Это большая потеря, и теперь придется бесконечное число раз днем и ночью делать наблюдения.

Канджутцы оставили своих яков в ущелье реки Кара-Джар-Джилыга. Тоглики (горцы) из Пахпу и Шахпу вынуждены доставить всю дань на себе до этого ущелья, а оттуда уже канджутцы повезут тяжести на своих яках. Кроме 6 яков, которых они пригнали для подъема дани, у них еще три яка. Надо будет попытаться купить их, чтобы сохранить наших баранов, которых всего осталось только 12 штук.

Шимшалцы сильно жалуются на канджутцев и притеснения со стороны Са-

фдер- Али-Хана. Они платят по 4 барана в год, кроме муки, масла и различных повинностей. Таким образом, в Канджуте хорошо живется только канджутцам, а Вахия и Шимшаль жалуются. В Шимшале до 80 дворов. Есть люди богатые. Пастбища обширные и земли под посевы достаточно. Поспевают ячмень, пшеница и мелкий боб. Фруктов нет никаких. Население занимается скотоводством и хлебопашеством. Шимшаль – место ссылки неважных государственных преступников или заслуживших нерасположения на. Ссылных кормит население, причем Хан подробно указывает, сколько и что давать ссыльному.

По типу, религии, одежде, образу жизни и т.д. шимшалцы одинаковы с канджутцами. Они, впрочем, считают себя выходцами из Шугнана. Я снял фотографии шимшалцев.

5 ноября 1889 г.

Воскресенье 5/17

 Переход вверх по р. Джаван-Джилга на 15 в. и обратно до урочища Кара-Джар-Караул, всего 37 верст.

Характер ущелья р. Джаван-Джулга (дикое ущелье) вполне соответствует названию. Это совершенно дикое, безжизненное ущелье значительно уже и извилистее предыдущего.

В 15 верстах от ночлега ущелье это составляется из 3-х. Здесь мы нашли развалины домов, свидетельствующие о том, что и в этой пустыне живет человек. В лагере нашем я нашел все благополучно. За все время моего отсутствия никто из Дангнын-Баша не проезжал в Сары-Кию и обратно. Зато бывшие со мною казаки, спуская вьюки с обрыва, сломали ножку от астрономического инструмента. Замечательные зеваки.

В лагере моем расположились канджутцы. Я купил у них 3-х яков, так что мясом состав экспедиции вновь обеспечен на некоторое время. Зато у нас нет ни муки, ни крупы, ни соли, и за этими продуктами я отправил сегодня джигита Тюрю Кула в Сары-Кию, приказав ему привезти купленное на урочище Туганек.

Сам я решил из Базар-Дарьи, если здоровье позволит (у меня опять сильная лихорадка и понос) и будет подножный корм, направиться на истоки Кулян-Арыка, а также посетить горные общины Пахпу и Шахпу, чтобы ознакомиться с этими интересными горцами, а также узнать от них район действия Тибетской экспедиции⁹⁸. Проводника нашего я застал в лагере и приказал отодрать за побег.

⁹⁸ Тибетская экспедиция полк. Певцова была организована Императорским Русским Географическим Обществом, в то же время, что и экспедиция Громбчевского. Больше на эту тему: М.В. Певцов, *Труды Тибетской Экспедиции 1889–1890 гг.*, ч. 1–2., ИРГО, Санкт Петербург, 1892–1895.

6 ноября 1889 г.

Понедельник 6/18

Дневка на урочище Кара-Джар-Караул. Сегодня я отпустил канджутцев в дальнейший путь, одарив их всех ситцем, платками и т.д. и переслав поклон моему другу Сафдер-Али-Хану.

Днем производил астрономическое наблюдение. Теперь двойные определения произведены на урочищах: Каинды, Чунг-Тукай и Кара-Джар-Караул. Перед началом послеполуночного наблюдения сразу сорвался чрезвычайно сильный ветер, сорвавший палатку г. Конрада и опрокинувший инструмент. К счастью, инструмент упал обернувшись в палатку и, кажется, не особенно пострадал.

Ветер утих, но вечером снова поднялся, не позволяя нам развести огня. Температура вдруг повысилась и в 7 ч. вечера термометр показывал только -2°C , тогда как перед ветром он показывал -7°C , и после того, как ветер утих -12°C . Это очень характерное явление. Небо было заволочено тучами (С 8°).

Я весь день маялся лихорадкой.

7 ноября 1889 г.

Вторник 7/19

Дневка. Здоровье плохо. Спина болит жестоко и весь как-бы разломан. Перед самую палаткой убил пару интересных скворцов и одну водяную курочку. Скворцы очень красивые.

Приводил днем в порядок свои охотничьи принадлежности, сильно пострадавшие за экспедицию.

8 ноября 1889 г.

Среда 8/20

Переход вверх по р. Раскем до урочища Базар-Дараны-Аузы – 20 верст. Сегодняшний переход очень трудный, вследствие неимоверного количества бродов. Нам пришлось 16 раз перейти вброд реку. Броды очень трудны вследствие того, что берега реки замерзли и лошадям приходится со льда спускаться сразу на глубокое место и, наоборот, с глубины прыжком вскакивать на лед.

Весь переход по чрезвычайно узкому ущелью, местами переходящему в теснину. Течение чрезвычайно извилисто. Характер гор одинаковый, но по руслу реки, где оно хоть немного расширяется, густые заросли облепихи, тамариска

и ивы, между которыми повсеместно льшие поросли кормовой травы.

На 13-ой версте от ночлега мы прошли мимо интересного одинокого столба из конгломерата, вышиной около 5 саж. Столб этот находится на правом берегу реки.

Особенно много трудов стоила нам переправа баранов, которые ни за что не хотели идти в воду, а также скользили и падали на льду. Действительно, броды несносные: река сплошь покрыта шугой, а течение настолько быстро, что ледяные глыбы порезали в кровь лошадям ноги. К 15 баранам я назначил 3-х казаков и 1-го туземца, которые только поздно вечером доставили транспорт наш на ночлег. Ущелье реки Раскем на этом переходе замечательно безжизненно. За весь день мы не встретили ни птицы, ни зверя.

Ущелье р. Базар-Дара значительно шире ущелья реки Раскем и последнюю можно различить только по количеству воды.

На ночлеге мы нашли скелет яка, а близ него гильзу от берданки. Это несомненное доказательство, что место это посетили члены Тибетской экспедиции.

Тем не менее, так как неизвестно, через какой перевал они прошли и, вообще, как широк был район их исследований, то я пройду до Пахту.

9 ноября 1889 г.

Четверг 9/21 Ноября

Переход вверх по р. Базар-Дара – 8 верст.

Против нашего ночлега на высокой скале гор правого берега реки Базар-Дара имеются залежи соли. Киргизы на скале близ места залежей сложили каменный столб, хорошо видный снизу. Соль не особенно чистая, но для употребления вполне годная. Киргизы вырубают соль вместе с глиною большими кусками, а затем обжигают ее на огне до тех пор, пока земля не станет совершенно красною. Употребляя в пищу, они соль растворяют вместе с глиною в воде, а затем, когда глина осядет – воду выливают в пищу.

Я сегодня производил астрономические наблюдения. Горы, окружающие ущелье реки, настолько высоки, что солнце показалось только после 10 ч. утра и скрылось около 2 пополудни.

После наблюдений я двинулся в путь для исследования верховьев р. Кулян Арык (Чуп), а также интересных горных общин Пахпу⁹⁹ и Шахпу. Со мною отправилось два казака и два киргиза (Абик и Худай Берган). Все вьюки и люди остались на урочище Базар-Дара.

В 4 верстах выше устья р. Базар-Дара находится перевал Чинушты (Чилишь), по которому переваливают опять в ущ реки Раскем.

Перевал этот почти нависает над ущельем и пролегает через весьма высокий

⁹⁹ В долине реки Пахпу Громбчевский нашел образец нового вида жука *Apatophysis centralis*, см.: Mikhail L. Danilevsky, *Apatophysis Cheverolat*, 1860 (*Coleoptera: Cerambycidae*) of Russia and adjacent regions [в:] „Studies and reports of District Museum Prague-East, Taxonomical Series” 2008, 4 (1–2) с. 18–19, 46–47.

хребет правого берега реки Базар-Дары. Дорога на перевал вьется по осыпи и для непривычного наблюдателя кажется немислимим, чтоб человек мог пройти по этой дороге. Тем не менее, по рассказу проводника, перевалившего этот хребет два раза, дорога на перевал доступна не только для всадников, но и для легко навьюченных лошадей. В 5 верстах выше устья реки Базар-Дары, на левом берегу реки, находятся развалины укрепления и массы небольших домиков. Здесь же следы выплавки какой-то руды, в виде целых холмов сплава. Судя по постройкам и тщательно сложенным стенам надо предположить, что людям, жившим здесь, свойственна была культура. По преданию среди киргиз, на этом месте было большое селение с базаром, от чего и ущелье получило свое название (Базар-Дара, базарное ущелье).

Ущелье дикое. Горы – отвесные черные скалы. Русло очень каменистое, местами поросло прекрасною травой. Видели многочисленные следы куланов, зайцев, куниц. Убили пару рябчиков.

10 ноября 1889 г.

Пятница 10/22

Переход вверх по р. Базар-Дара до урочища [...] – 22 версты.

Переход сегодняшний чрезвычайно трудный. Поистине, приходится удивляться, как навьюченные лошади могли пройти такую дорогу. Ущелье реки в большинстве представляет узкую щель, по которой река стремится горным потоком, водопадами, через валуны и пороги. Дорога идет то по руслу реки, то лепится по карнизам, или по осыпям, все время следуя по сплошному камню, часто по громадным валунам, переход по которым для лошадей очень труден. Переход в 22 версты мы шли 8½ часов.

Сегодня в 6 ч. 32 минуты утра мы испытали сильное землетрясение. Как раз в это время мы кончали вьючиться: послышался сильный подземный гул, а затем волнообразное землетрясение с юго-запада на северо-восток. Землетрясение длилось не больше 5 секунд. Оно предшествовалось чрезвычайно сильным ветром, дувшим порывами в течение целой ночи.

С гор посыпалась масса камней. К счастью, мы стояли под высокою скалою и камни пролетели через голову. В течение около 1½ минуты мы были в настоящем аду, а затем долго ничего невозможно было разглядеть от пыли, производимой падением камней. Настроение духа самое скверное. Гадко подумать, от какой пустой случайности зависит жизнь человека. Остановись мы в 5 саж. впереди, сзади, или дальше от скалы – вряд ли кто-либо уцелел бы от этой адской бомбардировки. Землетрясения в такой узкой щели чрезвычайно опасны. Интересно проявление инстинкта у лошадей. Раньше, чем я мог сообразить, в чем дело и сознательно принять меры к самосохранению, все пять лошадей сбились в кучу и вплотную прислонились к отвесной скале. Нам осталось только последовать примеру животных.

В 7 верстах от ночлега, на берегу большого родника, мы нашли кусочек олова от горлышка бутылки и обрывок бандероли. Теперь сомнения не существует, что члены Тибетской экспедиции посетили Базар-Дару и прошли по той же дороге, по которой идем и мы. Интересен дальнейший район исследований экспедиции.

Сегодня целый день дул чрезвычайно сильный порывистый ветер. Небо пасмурно и очень холодно. На ночлег нет топлива, за исключением самого небольшого количества кизяку, и холод для нас тем чувствительнее, что мы уже успели приучить себя к большим кострам.

По ущелью сегодня мы встретили только рябчиков. Я убил пару, но они так худы, что для еды не годятся. Удивляешься, как эти несчастные проведут зиму.

11 ноября 1889 г.

Суббота 11/23

Переход через перевал Кукалянг на истоки р. Кулян-Арык до урочища Бука-Баши – 27 верст.

В 3-х верстах выше ночлега мы подошли к слиянию двух речек: Тупай и Кукалянг, составляющих р. Базар-Дару. Через верховья обеих речек существуют перевалы на р. Кулян-Арык. Перевал Тупай, более трудный, ведет на р. Ляп Джираф, приток р. Кулян-Арык. На верховьях р. Тупай водятся и по настоящее время дикие яки.

Мы направились по р. Кукалянг на перевал того же названия.

Проводник, посетивший эта места лет 12 тому назад, сбился с истинного пути и вывел нас не на перевал, а к чрезвычайно крутому спуску на р. Кулян-Арык. Спуск был покрыт снегом, обледенелая кора которого не давала возможности удержаться. Я сразу догадался, что это не может быть перевал, но проводник, не желая сознаться в незнании дороги, настойчиво уверял, что это и есть дорога.

Так как спуститься прямо невыносимо было, то мы решились прорубить в снегу ступеньки, спустить вьюки на руках, а лошадей столкнуть, завернув предварительно в кошмы.

Первым пошел с топором в руках опытный горец, джигит экспедиции Абик (наш прошлогодний проводник). Несколько сажень он спустился благополучно, прорубая зигзагами ступеньки, но потом оборвался и полетел вниз.

Я несколько раз видел падение горцев и всегда поражался их замечательному присутствию духа. Абик не потерялся ни на секунду. Он упал на спину и пополз вниз, держа ноги вместе, а руки широко раскинув на крест. Он растопырил полы своего шерстяного халата, шероховатая поверхность которого представляла некоторую задержку. Затем плавно и спокойно цепляясь за незаметные для глаза выступы и шероховатости, он постепенно замедлял быстроту падения и наконец остановился, прокатившись на салазках сажень 20 и не выпустив даже топора из руки. Вскоре, прорубая ступеньки, он выбрался наверх, с несколько разорванной одеждою, но совершенно здоровым.

Идти по этой дороге было невыносимо. Мы отправились разыскивать дорогу и вскоре открыли настоящий перевал в 12 верстах к югу от нас. Перевал совершенно низкий и в летнее время удобопроходимый, но теперь вследствие снега и обледенелой коры, недоступный. Мы поднялись на высокий пик и спустились по невероятной крутой осыпи, обращенной к югу и свободной от снега.

Спускались 3½ часа. Сойдя вниз, глаза не верилось, чтобы человек мог сойти по этому спуску.

Ущелье реки Кулян-Арык (ущелье диких ослов) – широкое, травянистое, но совершенно лишенное топлива.

Здесь мы встретили массу сурковых нор, из коих некоторые были разрыты медведями. Ни сурков, ни медведей в бассейне р. Раскем нет. Горы мягкие, но лишены растительности. Вершины покрыты вечным снегом. Вообще, характер местности напоминает Дангнын-Баш или Сары-Кию.

По ущелью мы встретили папаев, уларов и страшную массу рябчиков.

Выйдя по р. Южный Кукалян на р. Кулян-Арык, мы были в большой нерешительности, идти ли вниз по реке, или же повернуть на верховья и через перевал Атрап выйти на истоки р. Кюйды (Кук-Яр).

Причиной – недостаток провианта и фуража. Проводник нас заверил, что через два дня мы встретим людей. Мы шли три, но людей не встретили и следов их пребывания тоже. Я завтра решил произвести определение места и поиски, а послезавтра, если не разыщем перевала в Пахпу, идти на Кюйды.

12 ноября 1889 г.

Воскресенье 24/12

Переход вверх и вниз по р. Кулян-Арык до урочища Пахпотны Аузы – 42 версты.

Целую ночь дул страшно сильный ветер и с такими порывами, что пришлось снять палатки и остаться без крова. Днем я производил определение положения, а джигиты наткнулись на следы скота и в одном ущелье отыскивали людей, пастухов из Пахпу. Завтра направляемся туда.

Тип этих горцев скорее напоминает таджиков (иранцев), чем сартов или кашгарцев. Говорят они яркендским наречием, проглатывая целые слоги и окончания и не выговаривая буквы «р», вследствие чего говорить с ними довольно трудно. Они считают себя выходцами из Раскема, но времени переселения не запомнят.

Горцы жалуются на канджутцев, которые обижают их жестоко. Оказывается, что Сафдер-Али-Хан ежегодно получает с них 150 шт. баранов и 10 яков, навьюченных халатами, матой, кошмами и т.д. Это, следовательно, бриллиант в воровской короне почтенного Хана. Назар-Али только вчера перевалил в Пахпу, отправится оттуда в Шахпу и Чул и вернется не ранее месяца с добычей.

Горцы рассказывали, что в прошлом году разнесся слух, что русские заняли Канджут, а так как посланцы за данью не являлись ни в прошлом, ни в нынешнем году, то они сильно радовались избавлению от ига¹⁰⁰. А тут явился Назар-Али с грозным требованием уплаты дани за два года. Горцы пробовали отправлять посланцев к китайцам, но те отпускали канджутцев, а горцам потом приходилось жестоко отдуваться перед Сафдер Али Ханом. Словом, та же история, что

¹⁰⁰ Иго – тирания, угнетение.

и по Ак-Су, Дангнын- Башу и т.д.

Два дня тому назад горцы убили дикого яка на верховьях р. Люб-Жираф. Теперь дикие яки здесь редкость, но лет 10 назад они водились целыми табунами. Название Ляп Жираф наводит на мысль, что в былое время места эти населяли Ваханцы (Люб – большое, Жираф – ущелье), или, может быть, сарыкольцы. В предании виденных мною горцев, однако, это не сохранилось. Члены Тибетской экспедиции посетили Кулян-Арык и Пахпу месяца три тому назад. К сожалению, пастухи не могли указать, какие именно места посещены ими. Перевал Тахта-Курум необыкновенно крутой и для навьюченных лошадей не доступен. Я нанял яков и проводника, с которыми завтра направляюсь в сел. Пахпу.

Посещенная мною часть бассейна Кулян-Арыка по характеру местности совершенно одинакова с вчерашнею.

Видел громадные стада баранов. Они малы и преимущественно белы.

13 ноября 1889 г.

Понедельник 25/13

Переход через перевал Тахта-Курган на истоки реки Пахпу (Тизнаф) до урочища Кара-Муйнак – 23 версты.

Ночью лошади не выдержали холода и бежали с лагеря вниз по реке. Мы встали до свету, чтобы засветло перевалить через перевал, но в поисках за лошадьми люди проходили до 9 ч. утра, так что в путь двинулись около десяти.

Я поехал верхом на яке; на этих же животных навьючены все наши вещи, а люди пошли пешком, ведя как верховых, так и вьючных лошадей в поводу. С ночлега мы круто поднялись на высокий правый берег реки и направились к юго-востоку, удаляясь постепенно от берега реки. Взобравшись на высокий берег, мы чрезвычайно полого начали подыматься к стоящему впереди отвесною стеною хребту. Тут оказались мягкие холмы, покрытые редкою, но питательною травкою, перерезанные ложбинами и глубокими балками, по которым струились родники.

Выехав из-за бугра, мы очутились в виду небольшого стада папаев, пасущихся по склону горы. С противоположной стороны, по ветру, засело штук пять волков, выжидая, пока папай, пощипывая траву, не подойдут на расстояние, с которого можно начать охоту. К сожалению, недостаток времени не позволил мне издали наблюдать за этой интересной охотой и борьбой за существование. (Несколько лет тому назад, охотясь на верховьях р. Яссы (Джаксы – прекрасная), исток р. Сыры-Дарьи, мне пришлось наблюдать за охотою семьи тигров за стадом кабанов). Мы выехали из-за скалы и звери, почуяв общего врага, разбежались.

Перевал Тахта-Курум издали, с берегов р. Кулян-Арык, казался весьма труднодоступным. Приближаясь к нему, зрение настолько обманывалось, что перевал казался совсем нетрудным. Но настоящее понятие о его недоступности мы приобрели только подымаясь.

Перевал высится над холмами всего на 1½ версты, но это незначительное расстояние мы подымались 3½ часа. Тропа вьется почти в прямом направлении по груде наваленных один на другой валунов. Лошади подымались с большим трудом только в седлах без всякого вьюка, а тяжести везли на себе яки.

Как верблюд носит справедливо название корабля пустыни, так опять як должен бы заслужить название корабля недоступных гор. Мне неоднократно приходилось взбираться на горы верхом на яке по тропинкам, доступным, казалось бы, только для диких коз, и я всегда не мог надивиться смелости и твердости поступи, с которою идет як по местности, где сердце замирает от сознания опасности, которой подвергаешься. Среди киргиз-горцев, которые постоянно употребляют яков для передвижений, неизвестны примеры, чтобы як оборвался с самым тяжелым вьюком. Теперь мне пришлось убедиться в способности их ходить по скользкой ледяной поверхности. Яки, несмотря на то, что некованные, обладают способностью не скользить на совершенно покатой ледяной поверхности, по которой не пройти лошади, подкованной на острые шипы. Единственное неприятное чувство при езде на этих животных – это невозможная лень их. Они останавливаются через каждые 10–15 ш. и подгонять их нужно ударами здоровенной палки.

Перевал Тахта-Курум оказался не только чрезвычайно трудным, но и более высоким, чем известные мне до сего времени перевалы. Он не только был вне anerоида, но и вне гипсотермометра, приблизительно на 5 делений. Ни я, ни люди не подвергались никаким особенным явлениям, за исключением незначительной головной боли и сильнейшей отдышки при малейшем более или менее резком движении.

Противоположный скат перевала (обращенный к Пахпу) мы нашли заваленным массою снега, обледенелая кора которого сдерживала лошадь. Уклон перевала был настолько значительный, что люди пешком, вооруженные острыми палками, скользили и съезжали на собственных салазках на протяжении версты и более. Особенно насмешил меня джигит Абик, шедший все время около моего яка. Вдруг порывом ветра его опрокинуло и он плавно понесся вниз, вскрикнув на прощание: «Э! Таксыр! Маны Худай-урды, ман тага китфым» (О! Повелитель! Меня Бог наказал (обездолит), я снова лечу).

Такой спуск продолжался на протяжении 5 верст, пока мы не сошли на дно широкого русла реки Хан-Яйляк, истока реки Пахпу. Несмотря на действительную трудность движения по обледенелому снегу, проводник уверял меня, что мы идем в сравнительно удачное время, когда снег покрыл совершенно валуны, идти среди которых еще труднее. Спустившись с перевала, мы встретили громадные стада уларов, штук: по 30 и более. Такого количества я еще в жизни не видел. Мне удалось убить только пару, так как улары, хотя и не улетали при виде человека, но так быстро рысили, что поспеть за ними и подойти на выстрел при чрезвычайно разреженной атмосфере было очень трудно.

Мы спустились с перевала во время заката солнца, за которым быстро наступают густые сумерки. Дно ущелья реки Хан-Яйляк хотя очень широкое и травянистое, но теперь трава была вся стравлена, топлива не было, а холод гнал нас вперед пронизывающим насквозь ветром.

В сумерках мы прошли мимо развалин укрепления, выстроенного горцами в защиту от набегов канджутцев и взятого и разрушенного ими. Канджутцы 32 раза нападали на жителей долины Пахпу, забирая скот и имущество и продавая их семьи в рабство, из которого многие успели выкупиться, вновь вернуться на родину, обзавестись семьей, кое-каким имуществом и вновь попадали в рабство. Есть старики, побывавшие в Канджуте по 3–4 раза. Слушая рассказы их о перенесенном – поистине удивляешься живучести природы и привязанности к родным местам.

По мере движения вниз ущелье реки суживается и превращается в теснину. Мы шли в совершенной темноте, рискуя ежеминутно оборваться в пропасть. Наконец, мы подошли к местам, где жили горцы со стадами баранов и остановившись на ночлег близ первой попавшейся юрты, доставившей нам топливо, а лошадям солому и ячмень.

14 ноября 1889 г.

Вторник 14/26

Переход вниз по р. Пахпу до урочища Кызыл-Куулук – 11 верст.

Ночью холод был очень сильный. Термометр утром показывал -22С при чрезвычайно сильном ветре. Казак по неосторожности свечкою поджег палатку и выжег около $\frac{1}{4}$ кв. аршина. Через отверстие попадала не только струя холодного ветра, но и массы песку.

Я встал около 4 часов утра и отправился в юрту моих соседей, чтоб согреться и присмотреться к их жизни.

Юрта небольшая, вся в дырах, закоптела и так низко поставлена, что головою человек среднего роста доставал до верху. А между тем, это было помещение бая, т.е. человека богатого. Посередине юрты небольшой очаг, в котором горел бараний кизяк, не дающий почти огня, но очень много жару. Для растопки жители употребляют деревянистое растение Тюя-Куйрук¹⁰¹ (верблюжий хвост), растущий в большом изобилии. Кустарники этого растения по формам и обилию колючек напоминают несколько кактус.

Правая (от входа), чистая сторона юрты заслана была кошмою. По бокам, около стены юрты, высоко уложены были кошмы, одеяла и немногочисленный домашний скарб. По левой стороне юрты уставлена посуда, котлы с водою и т.д. В этой юрте, занимавшей всего около 20 кв. аршин помещалась семья, состоящая из больного отца, его жены, взрослого сына с женою и ребенком, двух сыновей-подростков и двух девочек 10–11 лет. Тут же помещалось все более ценное имущество семьи.

Надо пояснить, что это жилище сравнительно богатого человека, имеющего до 200 баранов, несколько десятков коз, 5–6 яков и т.д. Горцы живут совершенно номадами, как киргизы. Более зажиточные имеют небольшие курганчи¹⁰², сложен-

¹⁰¹ БГ: Чушкун – на языке тогликов.

¹⁰² Курганча – хозяйственная постройка в Центральной Азии.

ные из высушенных комков глины, но в них живут редко и не на продолжительное время, предпочитая домам – юрту.

По типу они напоминают кашгарцев и, вообще, жителей юго-западной Кашгарии, хотя встречаются между ними очень красивые, чисто таджикские лица.

Говорят они по-тюркски, гортанным яркендским наречием, самым неприятным из всех известных мне видоизменений тюркского языка. Одеваются часто как киргизы, частью как кашгарцы. На голове баранья шапка, круглая, остроконечная, мехом внутрь. У богатых шапка покрыта цветным сукном, но это редко: в большинстве, кожа ничем не покрывается.

На теле матовая рубашка (яхтаг, т.е. покроя халата, длинная до колена) и матовые штаны. Сверху один или два халата на вате из крашеной маты, или нагольный полушубок; подпоясываются минным куском маты, которым в поясе, как кушаком, окручивают себя несколько раз. На поясе с левой стороны, как и у всех азиатов, небольшой нож, огниво, шило и т.д. На ногах кожаные чарыки (редко, и только у богатых) или лапти, совершенно такого же устройства и покроя, какие носят мужики в Северо-западном крае¹⁰³. Лапти, равно как и чарыки, надеваются поверх длинных, примитивно сшитых из кошмы, чулок.

Тоглики – мусульмане, сунниты, богобоязненны и держатся своей религии крепко, хотя не фанатики. Мечети в Пахпу я не видел, чему, вероятно, служит причиной то, что все они живут довольно далеко друг от друга и для общей молитвы собираться им трудно; но ранним утром призывы на молитву раздаются со всех сторон, а предписанные Кораном намазы¹⁰⁴ совершаются даже женщинами.

Главное занятие и средство к пропитанию среди тогликов – скотоводство и то в очень узком смысле, а именно, овцеводство, так как лошадей они держат мало, а коров и волов совсем не держат, заменив их яками, которые, вместе с тем, служат и для перевозки тяжестей. В долине Пахпу я видел несколько штук верблюдов и ишаков. Домашней птицы не держат: я видел всего 2-х петухов и одну курицу.

Второй год среди яков господствует заразная болезнь в роде сапа, от которой подохло 9/10 всего количества яков. Овцы небольшие, тонкорунные, с маленькими кудряшками и преимущественно белого цвета. Овечье молоко дает масло и творог, сохраняемые впрок на зиму и служащие для окраски пищи зимою, когда овцы перестают доиться. Из шерсти выдвываются кошмы, тонкие и белые, которые находят легкий сбыт на базарах Каргалыка (в 5 днях ходу) и Кук-Яра (3-х днях ходу). Из кошм же этих горцы шьют себе верхние халаты, прочные, теплые и очень оригинальные.

Лапти из кожи яков и верхние халаты из кошмы – вот единственное отличие в одежде тогликов от жителей соседних провинций.

Земледелием тоглики занимаются немного, как вследствие привычки к скотоводству, так небольшого количества земли, годной для обработки, и неблагоприятных климатических условий, позволяющих на имеющейся земле се-

¹⁰³ Северо-Западный край, существующая в 1794–1912 гг. страна в Российской империи, созданная на территории бывшего Великого Литовского княжества, аннексирована Россией после второго и третьего раздела Польши.

¹⁰⁴ Намаз – в турецком и персидском языках мусульманская молитва, которую произносят пять раз в день по-арабски – салат.

Женщины горцев из долины Пахпу.

ять только ячмень.

К молоку и продуктам молочного хозяйства главным подспорьем служит мука из кукурузы (кунак; не надо смешивать с кунаком, т.е. просо), из которой пекут хлеб, делают болтушку, скрашивая ее молоком или разведенным в воде творогом, и т.д. Мясо горцы едят редко, разве только в случае болезни скотины или в торжественные семейные (свадьба, похороны, обрезание) или общественные праздники.

Климат в долине Пахпу очень сухой. В течение года атмосферных осадков выпадает поразительно мало, вследствие чего горы и вообще местность, лишенная искусственного орошения, совершенно безжизненны. Лето жаркое, очень душное, что следует приписать лучеиспусканию накалившихся за день от солнца скал. Зима очень холодная и совершенно бесснежная. Ущелье р. Пахпу чрезвычайно узкое, а горы, составляющие ущелье, настолько высоки, что в течение зимних месяцев солнце заглядывает на дно ущелья не раньше полудня, и то на самое короткое время. Вследствие этого, намерзшие за ночь скалы не успевают согреться солнцем и увеличивают естественный холод зимы.

Растительность очень бедная. В долине р. Пахпу я видел траву только на верховьях р. Хан-Яйляк (ханская летовка). Несколько ниже склоны горы сплошь поросли растением, напоминающем кактус и известным у киргиз под назв. Тюя-Куйрук, а у тогликов – чушкун. Ниже встречал редкие кусты колючки, дикой розы, ивы, по вершинам скал видел поросли арчи. На низовьях р. Пахпу, а также по р. Чукши, Булюнг и Юлунг (по рассказам тогликов) громадные заросли ели, достигающей большой высоты.

Фруктов – решительно никаких, равно как и огородных овощей.

Тоглики – тихого, спокойного нрава, очень честны: при ласковом обращении разговорчивы, но несколько назойливы простительным, впрочем, любопытством. Хотя в каждом доме висит ружье, но тоглики не воинственны и в большинстве даже не охотники.

Недостаток травы в долине р. Пахпу заставляет жителей высылать баранов и кутасов (яков) на пастбища в долину р. Кулян-Арык. По долине р. Пахпу, как я уже говорил, горы совершенно безжизненны, а по руслу реки, хотя и имеется довольно значительное количество чия (род осоки, высоко растущей), но он съедается лошадьми и съедается проходящими мимо стадами баранов.

Вследствие вышеизложенного все бараны и большинство яков высылается на зиму или в долину р. Кулян-Арыка или Кюйды. В нынешнем году 54 стада зимует в долине Кулян-Арыка и 26 в долине Кюйды.

Любовь к спокойной жизни и отсутствие воинственности повели за собою притязания соседей. Канджутцы распоряжаются здесь как дома.

Они ограбили эту долину 32 раза и навели такой страх, что теперь тоглики ежегодно платят дань Канджутскому Хану и только этим окупают свое спокойствие. Они откровенно сознаются, что воевать с канджутцами они не могут.

Естественных богатств здесь немного. По долине реки Пахпу, кажется, их нет, медная руда найдена недавно в долине р. Кюйды и в долине р. Юлунг.

Соль встречается в небольшом количестве во многих местах, но нечистая и с землею.

Тоглики населяют верховья реки Тизнаф и образуют пять общин: Кюйды, Пахпу, Чукши, Булунг и Юлунг. Все эти общины считаются в сродстве между собою.

Тоглики Пахпу рассказывали мне, что по сохранившемуся среди них преданию, предки их переселились в Пахпу из Раскема и Кюйды. Вследствие чего до сего времени жители долины р. Пахпу делятся на два рода: Раскем и Кюйды. Времени переселения они не запомнят, но это было не менее 100 лет тому назад. В прежние времена они управлялись собственными беками-родовичами, жившими в долине Чукши. Теперь китайцы назначили Беком своего ставленника.

Бек живет по р. Гусас; от китайцев жалованья не получает, а только наделен казенною землею, которую частью обрабатывает местное население, частью же отдают исполу.

Кроме Бека, еще есть Минг Баши, один на все пять общин и юзбаши, по одному на каждую общину. Эти чиновники жалованья от китайцев совсем не получают и питаются крохами от населения.

Для сбора пошлины (баджа) в каждой общине живет баджгер, ставленник китайцев. В религиозном отношении они управляются постановлениями Корана. Высшим судьей является казий, один на все пять общин; казий живет в Чукши, жалованья от правительства не получает, а за решенные им дела взимает 1/10 часть, т.е. если спор на 100 тенег – казий получает 10 и т.д.

Все религиозные требы исполняются в общине Имам-Ахуном. Имам венчает, хоронит, решает незначительные споры и т.д.

Имам, выбранный населением, содержания не получает, а довольствуется тем, что дадут жители. Обычаем установлено, что за венчание имам получает 2 аршина ситцу, тушу барана и тарелку хлеба. Тоже за похороны, обрезание и т.д.

Женщины у тогликов не закрываются и не прячутся от посторонних. Они исполняют все домашние работы. Одеваются так же как и мужчины, только головы повязывают платками.

Девушки отдаются замуж по достижению 12 лет и не больше 15. Платить

калым (выкуп) за невесту здесь не в ае. Все расходы жениха заключаются в угощении на свадьбе и одежды для невесты. Самые зажиточные из тогликов, женись, передают родителям невесты: одного яка, девять баранов, 20 чайреков муки, 2 чайрека масла и для невесты: две рубашки и два-три халата. Скот убивается для угощения родственников и знакомых, приглашенных на свадьбу. Более бедные ограничиваются двумя баранами и т.д.

Это очень существенная разница, так как во всей Азии принята уплата калыма за невесту.

Обрезание производится на 8-ом году и сопровождается угощением.

При рождении мужчины уходят из дому, оставляя одних женщин. Имя ребенку дает кто-либо из близких родных, но не родители.

Похороны, свадьба, право наследства и т.д. производятся согласно предписанию Корана.

Налоги и повинности, которые несут тоглики, относятся как к китайцам, так и к канджутцам.

Китайцы взимают поземельный налог, по 3-му разряду, что составляет с 10-ти му – 1 чайрек. (Му – мера земли. Китайцы всю землю, пригодную для культуры, измерили и разделили на три разряда, причем взимают:

- с земли I разр. с кажд. 2-х му – 1 чайрек;
- с земли II разр. с кажд. 5 му – 1 чайрек;
- с земли III разр. с кажд. 10 му – 1 чайрек).

Мой домохозяин имеет, по измер ю китайцев, 140 му земли годной для культуры и засеивает ли он ее или нет – обязан доставить в Каргалык 14 чайреков хлеба. Интересен тот факт, что в Пахпу земля ничего кроме ячменя не родит, между тем, китайцы ячменя не принимают, а заставляют купить пшеницу и кукурузу и сдать ее в продовольственный магазин.

Мой домохозяин отвозит ежегодно по 8 чайреков пшеницы и 6 кукурузы.

В случае переполнения магазинов вместо хлеба китайцы взимают поземельную подать деньгами, по расценке ими самими объявленной.

Общий расход на деньги простирается ежегодно до 75 тенег, т. н. 10 рублей.

Кроме поземельного налога китайцы взимают пошлину за все продаваемое, как с продавца, так и с покупателя, в следующем размере: с яка 8 тенег с продавца и столько же с покупателя; лошади – 14; барана или козы – 1.

Со всякой же другой вещи или продукта, чтобы кто ни продавал, с 50 тенег – 3 теньги. Для сбора этой торговой пошлины в каждой общине живет сборщик (баджир).

Кроме сего, за право пользования пастбищами, которые объявлены казенными, взимается в год один сар серебра со ста баранов. Засим никаких больше денежных налогов тоглики не платят, но зато несут громадные повинности натурою. Так, напр., в нынешнем году разрабатывали медную руду в долине р. Кюйды, причем каждая община должна была в течение 7 месяцев доставлять ежедневно по 100 чел. рабочих на всем своем иждивении. В прошлом году в Каргалыке строились казенные управления и весь материал для постройки, а также топливо для обжигания кирпича, вырублены были тогликами и доставлены в Каргалык и т.д. Натуральная повинность особенно обременительна, так как отрывает население

от полевых работ. Взамен за все это китайское правительство не в состоянии защитить население даже от канджутцев, которые ежегодно взимают с каждой общины или по 20 сар серебра или по 40 баранов и, кроме того, в виде признака подчинения хану, берут по одному ружью, 9 халатов, 9 кусков маты, 9 кошем, 9 чулок, 9 арканов и т.д. Все тоглики доставляют до подножия Агиль-Даванского перевала, оттуда канджутцы увозят все своими средствами.

Тоглики пробовали было ловить посланцев Хана и отправлять их к китайцам, но те отпускали посланцев, а тогликам рекомендовали «ладить» с канджутцами.

Долина Пахпу чрезвычайно богата уларами и рябчиками, которых так много, как мне не приходилось нигде в Азии встречать.

Сегодня чрезвычайно холодный день. Сильный NO пронизывает насквозь, недостаток топлива не дает согреться. Ветер поднимает целые столбы пыли, от которой положительно некуда деться.

15 ноября 1889 г.

Среда 15/27

Дневка на месте.
Встал совершенно больным юсь, как-бы не захворать серьезную болезнью.

Днем производил астрономические работы. Потом пришли ко мне все более богатые и знатные люди Пахпу. Они с детским любопытством осматривали вещи, восхищались оружием и т.д.

Все они громогласно жаловались на канджутцев и выражали надежду, что Бог поможет им перейти под сильную власть Белого Царя.

Я снял несколько более типичных личностей и одарил всех более знатных. Мы расстаемся, по-видимому, большими друзьями. Община произвела на меня самое приятное впечатление.

Купил ячменю, запасся мукою, крупую и т.д.

Расспросные сведения о верховьях реки Тизнафа.

Сюда следуют карты на полулистах 263 и 265. [...] ¹⁰⁵.

16 ноября 1889 г.

Четверг 16/28

Переход через пер. Тюпес в долину реки Кюйды – 30 верст.
Сегодня мы прошли мимо мазара (гробницы) Султана Мурад Бааши, находящегося при впадении Кошля-Хуз в р. Пахпу. Гробница эта украшена множеством хвостов яков, привязанных к высоким жердям, и очень почитаема ме-

¹⁰⁵ В копии *Дневника* следует пропуск.

стными жителями, которые, проезжая мо, творят молитву, слезают с лошади и проводят ее в поводу мимо могилы святого.

Провожал нас почтенный старик, житель урочища Кызыл-Куулак Амырулла Ахун. Это уважаемый старец, редкой обязательности. Он снабдил нас хлебом, ячменем и др. припасами с полной готовностью и предупредительностью, а главное, без жадности, свойственной вообще азиатам. Вообще, тоглики произвели на меня очень приятное впечатление и, расставаясь с ними, я не чувствовал ни презрения к ним, ни омерзения – чувств, нераздельно остающихся в душе при сношении с азиатами, которые пресмыкаются перед силой, а за спиной, в силу религиозной замкнутости, готовы сделать всякую мерзость.

Перевал Тюпес высокий, крутой, но нетрудный. На восточном склоне перевала мы встретили массу уларов бизаля (больших) и куртки (маленьких). Обилие этих птиц поистине изумительно. Кроме сего, видели волков, лисиц и куниц, но стрелять не удавалось. Волки, громадной величины, ходят стадами и нападают не только на баранов, но даже и на яков и лошадей, а по временам атакуют и одиночных людей, что составляет чуть ли не единичный пример в Центральной Азии. При спуске с западных склонов перевала, в одном глубоком ущелье, мы издали увидели стадо диких коз. Я с джигитом Абиком начал подкрадываться и с невероятными усилиями подошли шагов на 400, как вдруг раздался выстрел сверху и все стадо быстро понеслось вниз. Оказалось, что к стаду с другой стороны подкрадывался горец-охотник, который видя наше приближение, выстрелил и, конечно, не попал. Трудно передать мое бешенство и не сдобровать бы тоглику, если бы он попался ко мне в руки. Спустившись по чрезвычайно узкой щели р. Тюпес, мы вышли в долину реки Кюйды (погорелая), где и остановились на ночлег в юрте юзбаши (сотенного начальника) из Пахпу по имени Абдулла.

Это человек богатый, имеет более 1000 баранов, но живет в такой же грязной подранной юрте, как и остальные горцы. Долина реки Кюйды несколько шире долины р. Пахпу, а, главное, по руслу реки много древесных зарослей (кусты: ивы, тамариска, колючки и дикой розы) и недостатка в топливе не встречается.

Жена юзбаши – женщина довольно красивая и очень типичная. Я снял ее фотографию, равно как и других женщин в ауле.

17 ноября 1889 г.

Пятница 17/29

Дневка на урочище Азганликны-Аузы. Ночью я опять заболел желудком настолько сильно, что вынужден был остановиться на месте.

Дурная погода не позволила сделать определения времени и места.

Хозяин мой юзбаши Абдулла, человек, по-видимому, хороший, но истый азиат. Он требует категорических приказаний и исполняет все только ради страха перед наказанием за ослушание. Мы купили у него 20 чайреков муки и крупы. Я заплатил за все втридорога, да еще оделил всех подарками, не исключая женщин.

Фотодокументи 45

Фотодокумент 45

**Канджутское укрепление
Дарбанд. № 120.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Проводник наш, хотя раз уже
в качестве пленного прошел эту
дорогу, но не умел толково ничего
рассказать. Страх его перед
канджутцами был выше описания.
Он трясся как в лихорадке, пытался
отговорить меня от намерения
пройти через укрепление Дарбанд,
а когда увидел, что мы идем вверх
по ущелью – бросился бежать.*

*Пойманный казаками,
он прихвачен был на аркан
и сопровождал нас связанным.*

*Дневник экспедиции
20 октября 1889 г.*

Фотодокументи 46

Фотодокумент 46

Гималайский хребет. № 125.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокументи 47

Фотодокумент 47

**Заброшенное кладбище
в Раскеме. № 126.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*На урочище Азгар обширное
кладбище; могилы некоторых
семейств огорожены
высокими каменными
заборами и все обложены сверху
дощатыми плитами камня.*

*Дневник экспедиции
25 октября 1889 г.*

Фотодокумент 48

Фотодокумент 48

**Житель Канджута. № 130.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

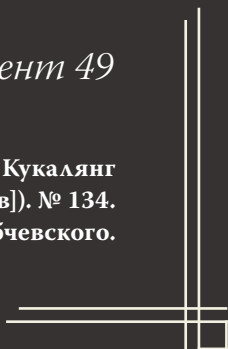

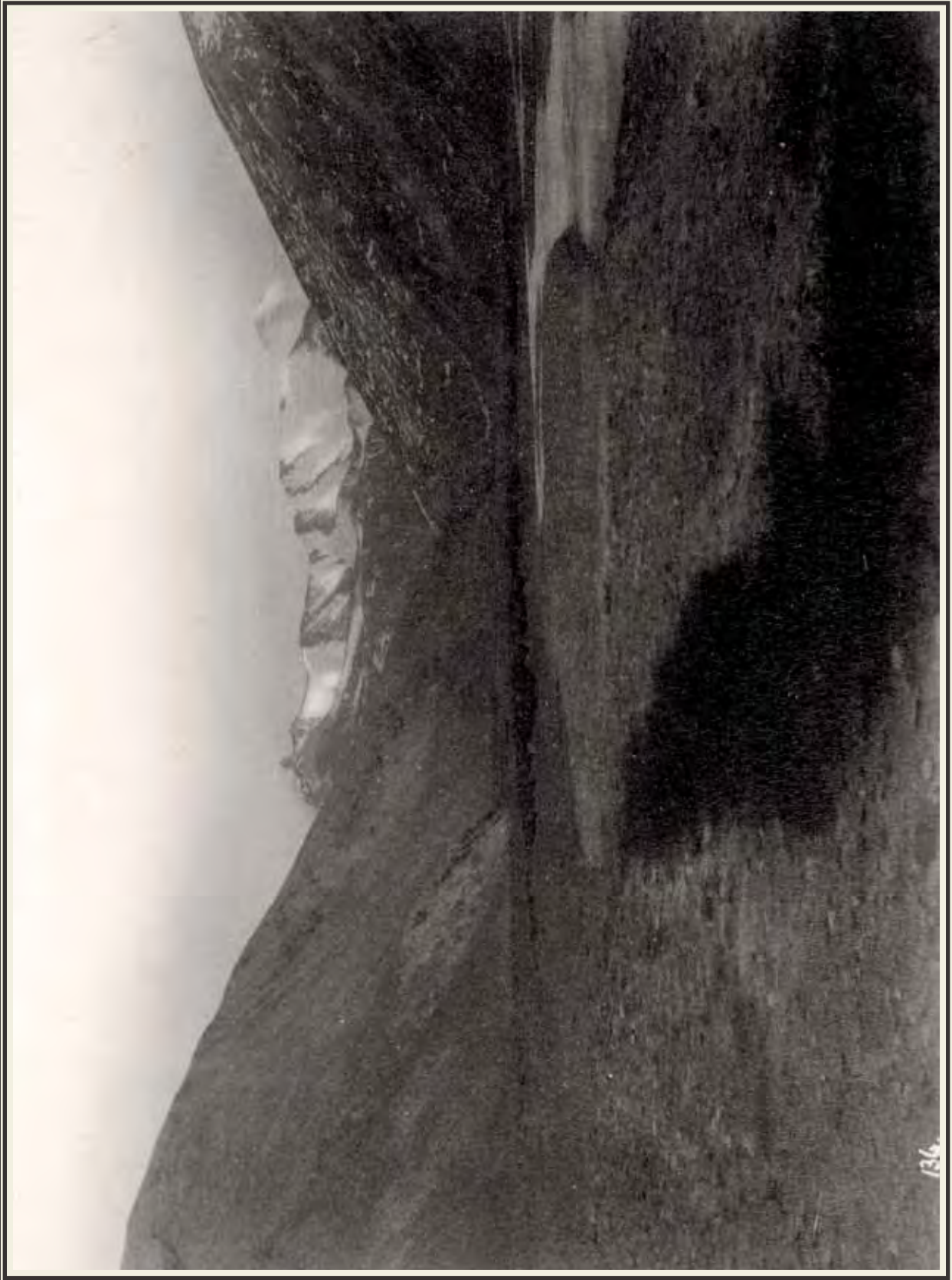
Фотодокументи 49

Фотодокумент 49

Перевал Кукалян
(17,000 ф.[утов]). № 134.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

136

Фотодокументи 50

Фотодокумент 50

**Истоки р.[еки] Кулян-Арык. № 136.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Ущелье реки Кулян-Арык
(ущелье диких ослов) – широкое,
травянистое, но совершенно
лишенное топлива. Здесь мы
встретили массу сурковых нор,
из коих некоторые были разрыты
медведями. Ни сурков, ни медведей
в бассейне р. Раскем нет. Горы
мягкие, но лишены растительности.
Вершины покрыты вечным снегом.*

*Дневник экспедиции
11 ноября 1889 г.*

Фотодокумент 51

Фотодокумент 51

**Жительница верховьев реки
Тизнафа (тогличка). № 142.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*По типу они напоминают
кашгарцев и, вообще, жителей
юго-западной Кашгарии, хотя
встречаются между ними очень
красивые, чисто таджикские лица.*

*Дневник экспедиции
14 ноября 1889 г.*

Фотодокумент 52

Фотодокумент 52

**Жители верховьев р.[еки]
Тизнафа (тоглик-горец). № 144.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Одеваются часто как киргизы,
частью как кашгарцы. На
голове баранья шапка, круглая,
остроконечная, мехом внутрь (...).
На теле матовая рубашка (яхтаг,
т.е. покроя халата, длинная до
колена) и матовые штаны. Сверху
один или два халата на вате из
крашеной маты, или нагольный
полушубок; подпоясываются минным
куском маты, которым в поясе, как
кушаком, окручивают себя несколько
раз. На поясе с левой стороны,
как и у всех азиатов, небольшой
нож, огниво, шило и т.д. На ногах
кожаные чарыки (...) или лапти.*

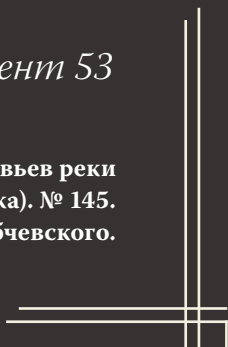
*Дневник экспедиции
14 ноября 1889 г.*

Фотодокумент 53

Фотодокумент 53

**Жительница верховьев реки
Тизнафа (тогличка), № 145.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

Фотодокумент 54

Фотодокумент 54

[без названия].
Путешествие Б.А. Громбчевского.

*Женщины у тогликов не
закрываются и не прячутся от
посторонних. Они исполняют все
домашние работы. Одеваются
так же как и мужчины, только
головы повязывают платками.*

*Дневник экспедиции
14 ноября 1889 г.*

Фотодокумент 55

Фотодокумент 55

**Мазар Кюйды на верховьях
р.[еки] Тизнафа. № 149.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Сегодня мы прошли мимо мазара
(гробницы) Султана Мурад Бааши,
находящегося при впадении Кошля-
Хуз в р. Пахпу. Гробница эта
украшена множеством хвостов
яков, привязанных к высоким
жердям, и очень почитаема
местными жителями, которые,
проезжая мимо, творят молитву,
слезают с лошади и проводят ее
в поводу мимо могилы святого.*

*Дневник экспедиции
16 ноября 1889 г.*

Брат юзбаши хороший стрелок. Не¹лько лет тому назад, во время последнего набега канджутцев на долину реки Кюйды, он еще с двумя-тремя горцами засел в теснине и открыл на самом близком расстоянии такой сильный огонь по канджутцам, что те, предполагая вероятно, что в засаде сидит целый отряд и боясь быть отрезанными от дому, бросили захваченный скот (1800 баранов и 250 яков), а также ясырь (1 [...] чел. людей) и своих раненных и бежали в горы.

С тех пор канджутцы не появлялись больше в ущелье р. Кюйды, но, тем не менее, здесь очень мало (до 20 юрт) горцев живет постоянно, остальные же приходят временно со скотом на пастбища.

Из всех речек, составляющих истоки р. Тизнафа, самое населенное ущелье р. Чухшу, считающее до 600 дворов; вообще же, в пяти ущельях живет около 1/т. горцев. Эти горцы, равно как и в ущелье по р. Гусас, управляются одним Бекком Ходжа Яром.

18 ноября 1889 г.

Суббота 18/30

Переход вверх по р. Кюйды до урочища Пыр-Рох-Раватны-Аузы – 25 в. Ущелье реки Кюйды, хотя тоже узкое, но богато травой, а, в особенности, топливом, которого в ущелье р. Пахпу совершенно нет.

Здесь во многих местах виднеются поля, в этом году незасеянные, вследствие того, что все население занято было выплавкой меди, нужной для китайских властей.

По дороге мы видели во многих местах ямы, в которых обжигались угли, нужные для выплавки. Медь имеется по²му из правых притоков реки Бузвак.

По реке Кюйды имеется мазар – гробница султана Хасамердина, весьма почитаемая как местным населением, так и проходившими в прежнее время караванами. Гробница состоит из простой загородки, сложенной из камня, в которой воткнуто бесчисленное множество высоких шестов с привязанными к ним хвостами яков.

Выше гробницы ущелье реки разделяется и по обоим рукавам ведут дороги через перевал Чирак-Сольды и Янги-Даван в бассейн р. Раскем. Дороги эти, а, в особенности, через пер. Янги-Даван – прежде были в большом употреблении среди торговцев, ведущих торговлю с Индией, но постоянные набеги канджутцев вынудили торговцев искать другого сообщения. Бывали случаи, что банды канджутцев забирали в один раз по 42 торговых каравана. Тогда бедная страна эта переполнялась товарами и запертыми людьми. Товары продавались за бесценок, а люди выменивались на скот.

Теперь китайцы по р. Турагыль, ведущей на пер. Янги-Даван, на урочище Крунч-Гаранк построили крошечное укрепление, якобы в защиту от нападения канджутцев, но укрепление это не достигает цели, так как защищает только дорогу, ведущую с Янги-Давана, а дорогу, ведущую с перевала Чирак-Сольды, оставляет открытой. Кроме сего, в укреплении живет 4 человека безоружных горцев, которые, конечно, никакого сопротивления канджутцам оказать не могут, а, на-

против, сами послужат легкою добыче

По ущелью мы видели следы волков и падаль лошади, растерзанной волками. Встретили стадо папаев, много рябчиков, двух лисиц и следы куниц. На ночлеге, по ущелью П [...] Рават пасется масса баранов, преимущественно, принадлежащих жителям Пахпу. Бараны замечательно малы и почти без курдюков, но все-таки больше баранов канджутских.

Нас провожает юзбаши Абдулла, в юрте которого мы останавливались на ночлег сегодня.

19 ноября 1889 г.

Воскресенье 19/1

Переход до урочища Булак, по реке Чирак-Сольды – 42 версты.

Несмотря на то, что мы выступили до свету, мы пришли на ночлег около 11 часов ночи. В дороге задержал нас переход на протяжении около 1½ версты по льду, покрывающему сплошь русло реки, а также переход через высокий перевал Чирак-Сольды.

С перевала этого открывается вид на пер. Атрап, по которому ведет дорога в Кулян-Арык на пер. Дузах (ад), по которому можно перевалить в ущ. реки Базар-Дара и, наконец, на пер. Саррах (Сары-рох – голова дороги), ведущему в ущелье реки Тур-Агыль.

Перевал Чирак-Сольды не особенно трудный, хотя значительной высоты. Ущелье р. Кюйды довольно богато травой, даже близ перевала. Здесь большие стада папаев.

Ущелье реки Чирак-Сольды замечательно безжизненно. На всем протяжении до самого ночлега мы шли по руслу реки, покрытому сплошь камнями, не встречая ни топлива, ни травы. Если луна, мы не могли бы дойти до урочища Булак (родник), где хотя травы почти не нашли, но зато добрались до топлива. Вьюки подошли только в 1 ч. ночи, причем оказались кастрюля и котелок разбитыми.

Легли спать без обеда. Я жестоко прозяб и чувствую себя очень плохо.

20 ноября 1889 г.

Понедельник 20/2

Переход до урочища Базар-Дара – 29 верст.

Сегодня, наконец, после 12-дневного отсутствия, я добрался до мес-

та расположения нашего обоза. Оказалось, что они перешли вверх по ущелью. Я послал за ними. Приехал только мирза, а люди и вьюки подойдут завтра. В лагере у нас все благополучно. За все время никто к ним не приезжал, хотя, судя по следам, видимым на дороге, несомненно, что киргизы, провожавшие капитана Янхузбенда, вернулись обратно в Сары-Кию. Они не разыскали обоз наш, стоявший в стороне от дороги в глубоком ущелье. Я совсем расхворался. Кашель, боль в груди и т.д. Обставил себя горчичниками. Заболел тоже сопровождавший меня казак Воронин. На этих высотах нельзя безнаказанно делать безостановочно больших переходов.

21 ноября 1889 г.

Вторник 21/3

Дневка в Базар-Даре.
Хотелось сегодня произвести определение места, чтобы закончить астрономический рейс, но пасмурная погода помешала. Завтра иду дальше, чтобы скорее прийти в Сары-Кию; меня сильно беспокоит пропажа джигита Тюрю Кула. Кроме сего, вероятно, есть уже ответ от полковника Нисбета относительно проезда нашего в Кашмир. Я расхворался совершенно. Еле передвигаюсь с места на место.

В отсутствие мое немец опять учинил скандал. Он так надоел казакам, что урядник выругал его с последних слов. Целая история. Жалобы и т.д. Я порешил дело тем, что урядник попросил извинения, а немцу окончательно объявил, что в случае еще одной истории он будет отправлен обратно. Это невыносимый характер. Он переругался со всеми, не исключая джигитов.

Во время моего отсутствия в Базар-Даре дул постоянный ветер, переходивший по временам в шторм. Обе палатки совершенно изорвало.

Юзбаши Абдулла сегодня вернулся обратно. Я одарил его, чем мог. Этот горец восхищался всем-виденным и вероятно мы послужим темою для нескончаемых рассказов.

22 ноября 1889 г.

Среда 22/4

Переход до урочища Чирак-Сольды – 28 верст.
Ущелье реки Раскем, близ Базар-Дары, очень извилисто, узко и характерно по запутанности хребтов. Дальше постепенно расширяется. Характер тот же: полная безжизненность. Я с трудом сделал этот переход.

23 ноября 1889 г.

Четверг 23/5

Переход до урочища Тохонек узы – 21 верста.

Третий день пасмурная погода при очень холодном ветре. Ущелье реки Раскем широкое, каменистое, с большими зарослями тамариска. Травы нигде нет. Небольшие лужайки до конца съедены дикими ослими, следов которых мы видели много, а самих зверей встретили сегодня только пару, да и те прошли мимо вне выстрела.

Почти подойдя к ночлегу, мы увидели джигита экспедиции Тюрю Кула, который выехал к нам на встречу. Оказалось, что он живет здесь уже 11 дней в ожидании нашего приезда. Он получил приказание от меня доставить муку, крупу и ячмень на урочище Тохонек и дожидаться меня и свято выполнил это приказание, дожидаясь меня без крова и пищи. Я никак не мог предвидеть поездки в Пахпу и т.д. и потому рассчитывал быть в Тохонек 10 дней тому назад. Тюрю Кул питался только мукою, из которой пек лепешки в песке. Он сильно зяб, но ночью не разводил огня, опасаясь быть захваченным канджутцами. Это верх беззаветной исполнительности, могущей служить примером для любого солдата.

Предположения мои относительно возвращения киргиз оправдались. Турды Куль Бек проехал обратно и рассказывал Тюрю-Кулу, что капитан Янхузбенд спустился в Канджут, что Сафдер Али Хан выслал отряд для ограбления их, но что они опередили отряд и избежали опасности.

В Сары-Кии дороговизна страшная: ячмень – 5 тенег, мука – 6, крупа – 12 и т.д. Китайцы запретили санджуйцам продавать что-либо киргизам под предлогом, что те приняли английское подданство. Киргизы очутились в самом плачевном положении и просили китайцев поставить гарнизон в Шахидулле. Прибытие гарнизона ожидают со дня на день. Это для меня крайне неприятно. Интересно, что скажут англичане?

Тюрю Кул во время Тохонекского сидения сочинил длинную поэму в стихах, в которой описывает своей возлюбленной все наши странствования. Сегодня он пропел свою песню. Вышло очень мило. Я никак не думал, что среди джигитов экспедиции есть такой талант. На сегодняшнем ночлеге опять травы нет. Приходится расходовать ячмень, который стоит непомерных денег: за 3 пуда мы заплатили 19 рублей. Не поверил бы, если бы сам не убедился горьким опытом.

Близ Кук-Артского перевала (в Сары-Кию) киргизы убили громадного дикого яка. Наконец то мы добрались до мест гельства этих интересных животных.

Ко всем невзгодам припуталась у меня злая лихорадка, изводящая меня ежедневно. Тем не менее, надо подбодриться, чтобы как-нибудь закончить исследование р. Раскем и отправить все добытое в Петербург.

24 ноября 1889 г.

Пятница 24/6

Переход вверх по течению реки Раскем до урочища Кыргыз-Джангал – 29 верст.

Целый день пронизывающий насквозь ветер. Погода пасмурная. Горы, окружающие ущелье, покрылись снегом на глазах наших, но в долину ничего не попало. Явление то же, которое мы наблюдали в долине реки Упранг.

Сегодня 9 раз пришлось переходить вброд реку, что очень затруднило движение. Лошади еле двигаются, а лошадь казака Демина встала и пришлось ее бросить.

Ночлег опять без подножного корма. Если завтра не дойдем до травы, будем в самом критическом положении, так как расходуем сегодня последний запас ячменя.

Целый день меня преследует мысль о новых затруднениях, которые последуют неизбежно, если китайцы заняли укрепление Шахидулла. За эти 1½ месяца, что я не видел людей, я совсем отдохнул душой и, по крайней мере, свободно мог заниматься делом, Дальнейшее движение будет опять подвергнуто многим случайностям. Сегодня убил пару рябчиков, совершенно, впрочем, худых. Удивляешься, поистине, чем живут здесь звери? Раскем – это настоящая пустыня.

25 ноября 1889 г.

Суббота 25/7

Переход через перевал Кугарт до урочища Буз-Биль-Тепе – 36 верст.

Сегодня целый день провели в дороге. Речка Восточный Кугарт разлилась и покрыла во многих местах сплошной ледяной корой целое русло, крайне затрудняя движение.

Перевал Кугарт мягкий и нетрудный. С вершины перевала открывается вид на горы, окружающие реку Хотан-Дарью. Горы эти мягки, песчаные, несколько желтого цвета, отчего, вероятно, и страна получила свое название (Сары-Кия, желтая тропа), но совершенно безжизненны и лишены всякой растительности. Горы к востоку от Хотан-Дарьи чрезвычайно высоки, круто подымаются кверху от русла реки и с вершинами, заваленными снегом.

Главный хребет, разделяющий реки Хотан-Дарью и Раскем-Дарью, южнее перевала Кугарт заметно понижается, давая еще один, довольно удобный перевал через верховья р. Кара-Джилга. Перев гот новый и пока названия не имеет, но доступен даже для верблюдов.

Зато к северу от перевала отделяется высокий, вечно-снежный хребет, который тянется к востоку, через который прорывается Хотан-Дарья.

Спустившись с перевала, мы пошли по липкому берегу реки Халь-Чушкун, которая верстах в 12 ниже делает значительный изгиб, обходя высокий горный отрог. Чтобы избежать излишнего обхода, мы прошли через еще один невысокий перевал Буз-Биль и вновь спустились на русло реки Халь-Чушкун, которая течет по широкому ущелью, образуя по берегу луга с хорошею кормовой травой. По руслу реки большие заросли тамариска. Целый день невыносимый ветер, проду-

вавший, что называется, насквозь. От холодного сухого ветра кожа на лице и руках полопалась. Ветер подымает целые туманы соленой пыли, которая, попадая в ранки, делает жестокую боль. Ветер к вечеру перешел в настоящий шторм, не позволявший разложить огня.

26 ноября 1889 г.

Воскресенье 26/8

Дневка на урочище Буз-Биль-Тоды. Сегодня до свету отправил проводника к местному беку Турды Кулу. Он вернулся поздно вечером и привел с собою одного из почетных местных жителей Сатуальдыя. От этого туземца я узнал следующее. Англичане, построив укрепление, оставили здесь небольшой гарнизон из кашмирцев, но в полной уверенности, что довольствие всегда можно получить на месте, не обеспечили провиантом. Китайцы немедленно распорядились воспретить вывоз хлеба из Санджу в Сары-Кию, вследствие чего не только гарнизон, но и кочующие при укреплении киргизы – поставлены были в безвыходное положение. Наступила зима, подвоз продовольствия через Каракорум сделался немыслимым, да и распорядиться этим было некому, так как Комиссар Ладакский на зиму уезжает из Ладака, и кашмирский гарнизон, опасаясь голодной смерти, очистил укрепление и ушел к себе.

Тогда киргизы отправились в Каргалык с просьбой занять укрепление китайским гарнизоном и разрешить вывоз хлеба. Китайцы согласились, но вместо китайского поставили гарнизон из 20 чел. мусульман. Для принятия крепости явился начальник Каргалыкского гарнизона с большою свитою, прожил день, оставил гарнизон и сегодня утром уехал обратно, увезши с собою и Турды Куль Бека.

Посланец мой явился в момент отъезда и немедленно был представлен китайскому начальнику, который в тот же момент отправил экстренное донесение о прибытии экспедиции к яркендскому амбаню.

Узнавши об этом, я тоже поспешил написать короткое письмо к яркендскому амбаню, извещая его о моем прибытии и, чтобы умиловить грозного бека, послал револьвер с патронами.

Послал я в Сары-Кию в самое неудобное время: вследствие запрещения здесь нет ни ячменя, ни муки, а, между тем, для лошадей травы почти нет. Я немедленно распорядился доставить 100 чариков ячменя, 50 чариков муки, 10 чариков крупы и 60 баранов. На расходы дал две ямбы. На ямбах несу большой убыток. Здесь в цене полные ямбы. Затем по 10 сар продаются на 20 тенег дешевле и, наконец, 5-сарные ямбы идут только по 800 тенег. Дороговизна здесь невозможная: после долгих торгов сторговал, пуд муки по 3 р. 50 коп., пуд ячменя по 3 рубля, пуд крупы по 5 рублей и барана по 4 р. 40 копеек. Прожить здесь со столькими людьми и лошадьми месяц – это все равно, что разориться вконец.

До возвращения посланца к яркендскому амбаню имею дней десять и употреблю это время на исследование перевалов из Сары-Кия до Кара-Корума.

Холодно ужасно – мороз 15°С, но ветер – настоящий шторм, не позволяющий

развести огня. Погода все время пасмурная и, к великому огорчению, мне не удастся произвести определения места, так как нет ни солнца, ни звезд.

27 ноября 1889 г.

Понедельник 27/9

Переход до укрепления Шахи, а Ходжа – 15 верст.

Сегодня оставил людей и все вьюки близ урочища Кырчин-Джилъга, а сам с 2 джигитами прибыл в укрепление, откуда завтра отправляюсь на Кара-Корум.

Укрепление Шахидулла Ходжа крошечное, состоит из каменной весьма непрочной (булыжник на глине) стены с фланкирующими башенками по углам и оборонительной стенкой наверху вала. Укрепление занимает всего около 15 кв. саж. и военного значения никакого не имеет. Вход в укрепление с юго-западной стороны.

Близ укрепления на каменистом русле реки Хотан-Дарьи разбито несколько киргизских юрт, владельцы коих считаются, вместе с тем, и гарнизоном укрепления. Это все бедные киргизы, живущие исключительно только тем, что они зарабатывают от проходящих караванов. Все – торгаши, народ избалованный караванами, вынужденными платить все, что они потребуют. Вообще, народ не симпатичный. В укреплении живет афганец Джаль Махомед Хан. Это, без всякого сомнения, агент Ладакского комиссара, хотя он, вместе с тем, занимается и торговлею. О моем приезде он еще вчера послал экстренное сообщение в Кашмир, откуда все еще не получен ответ относительно пропуска экспедиции. Вообще, англичане поддерживают деятельное сообщение с Яркендом при посредстве киргиз, живущих в Шахидулла Ходже, которые получают за конец от Шахидулла Ходжи до Ладака или Яркенда 20–30 рупий, смотря по времени года. Все казенные пост-пакеты заделываются в шелковую материю красного цвета и киргизы обязаны доставить такие пакеты в 7 дней из Шахидулла Ходжи в Яркенд или Ладак. Идти на моих измученных лошадях на Кара-Корум невыносимо, вследствие чего я нанял 2 верблюдов и одну лошадь с проводником за 6 рупий в день. Верблюды на пастбище, и мне завтра придется прожить здесь, пока не будут пойманы верблюды. Долина реки Хотан-Дарьи чрезвычайно неприветлива. Русло реки каменистое. Укрепление построено прямо на русле реки. Холодно, пасмурно, а ветер ни с чем несравнимый.

Джаль Магомед Хан очистил для меня одну юрту. После продолжительной жизни в палатке юрта кажется дворцом. Я переменял белье, вымылся и, вообще, отогрелся.

Афганец рассказывал мне о причинах, побудивших Дост Махомеда убить Дальглейша¹⁰⁶. По словам его, Дост Махомед, разорившийся купец, старый знакомый Дальглейша. Когда последний приехал в Тибет, то Дост Махомед пригласил его к себе в гости, а на другой день отправился просить, чтобы тот нанял его в во-

¹⁰⁶ Эндрю Далглейш (1853–1888) – шотландский купец, путешественник и британский правительственный агент, действующий на границе Индии и Кашгарии.

зчики. Дальглейш отказал и через человека выслал 10 рупий в вознаграждение за угощение, что чрезвычайно обидело Дост Махомеда. Когда Дальглейш выехал из Тибета, то Ладакский комиссар послал за ним вдогонку с казенным письмом Дост Махомеда. Тот догнал Дальглейша близ Каракорума. Дальглейш нашел нужным дать ответ Ладакскому комиссару и с ответом, несмотря на сопротивление и протест Дост Махомеда, отправил его человека, что опять крайне обидело афганца. Наконец, в дороге Дост Махомед просил Дальглейша взять его к себе в приказчики или ссудить деньгами. Дальглейш отказал, причем советовал Дост Махомеду, если у него нет денег, засесть на дороге и грабить торговые караваны. Дост Махомед ответил, что «попробую» – и на другой день убил Дальглейша. Интересен факт, что после убиения Дальглейша он созвал прислугу его, приказал всем лечь, накрыл кошмою, концы кошмы придавил камнями и продержал их всех (15 чел.) под кошмою целую ночь. Затем прошел с ними еще целый день и только на третьи сутки уехал вперед. Дост Махомед Хана видели весною нынешнею в Балхе. Турды Куль Бек и Джаль Махомед Хан с людьми своими проехали благополучно через Раскем только потому, что в это время здесь находилась экспедиция. Оказывается, что Сафдер Али Хан выслал отряд изловить их. Авангард отряда встретился со мной близ перевала Агылъ Даван и вернулся обратно, зная наперед, что я не дам безнаказанно ограбить и заполнить киргиз. Все они видели следы шайки и шли с большою тревогою, соблюдая возможную осторожность.

28 ноября 1889 г.

Вторник 28/10

Дневка в укреплении Шахидулла Ходжа.

Целый день пасмурная и чрезвычайно ветреная, холодная погода. Я снял фотографии с укрепления, а также с мазара Шахидулла Ходжи, находящегося против укрепления на высоком левом берегу реки Хотан-Дарьи.

Сегодня приехал посланец, отвозивший письмо мое и Янхузбенда в Ладак. Он прожил в Ладаке 15 дней в ожидании ответа, но таковой не получился и он уехал.

Посланец рассказывал, что близ первого тибетского селения выставлен уже два месяца тому назад пост из 20 человек кашмирских солдат с целью задержать мою экспедицию. Солдаты мерзнут в ах и тщательно опрашивают каждого, когда, наконец, явятся русские. Оказалось, что капитан Янхузбенд еще из Шахидулла Ходжи известил резидента в Кашмире о моем движении, и пост выставлен по его распоряжению. Джаль Махомед Хан, ревностный защитник англичан, пытался опровергнуть заявления посланца, но вслед за сим пришел караван и подтвердил все вышеизложенное. Я посмеялся над предупредительностью английского правительства, превысившую даже предупредительность известных своею любезностью китайцев.

Юлдаш Ходжи все нет, как нет. Я совершенно потерял надежду видеть его, не знаю, что делается на свете, как сообщило Консульство китайцам о моем проезде,

не имею подков, а, вместе с тем, не могу никуда двинуться, – словом, нахожусь в самом плачевном положении.

Потеряв всякую надежду на нравственное содействие консульства, я, вместе с тем, отправил письмо к торговцу Мирза Джаль Ходже в Яркенд с просьбою выслать мне подковы. Может быть, к проезду моему из Каракорума я получу их из Яркенда.

Вообще, движение экспедиции сопряжено с величайшими затруднениями. Я иду без паспорта и вследствие этого вынужден избегать не только столкновения, но даже встречи с местными властями. Между тем Консульство, так свято обещавшее мне свое содействие, а главное, поддерживать непрерывную связь – не находит возможным выслать посланцев к заранее определенным срокам, вследствие чего я лишен возможности спокойно работать, будучи в постоянной опасности быть задержанным, захваченным врасплох.

29 ноября 1889 г.

Среда 29/11

Переход вверх по течению реки Хотан-Дарьи до урочища Кош-Ташны-Каны – 22 версты.

Ущелье реки Хотан-Дарьи в 3-х верстах выше укрепления Шахидулла Ходжа поворачивает почти на восток и значительно расширяется, образуя массу отелей, поросших кустами тамариска, ивы, ползучей облепихи и т.д., а также небольшие поляны, поросшие кормовою травою. Мы травы, впрочем, нигде не нашли, так как она дочиста съедена была отчасти скотом местного населения, отчасти же животными проходящих здесь во множестве караванов.

На урочище Балыкчи (рыбное) имеются родники, в которых водится масса рыбы. К сожалению, у меня не было ничего под рукой для определения сорта рыбы.

Мы выступили из укрепления довольно поздно и подошли на урочище Кош-Ташны-Каны почти в сумерки. В стороне от дороги, в предгорьях правого берега виднеются шахты, из которых в прежнее время китайцы добывали нефрит.

Теперь залежи в Шахидулла Ходжа так же не разрабатываются, как и в остальных местностях Кашгарии.

На ночлеге, у самой дороги, по-видимому, обрабатывался нефрит для дальнейшей отправки, так как повсюду валяется масса обломков и осколков этого камня. Тут же выплавлялся свинец, руды коего имеются на верховьях Хотан-Дарьи в местности Кафыр-Дара, ниже урочища Сунгуль и выше Кинг-Шивера. На переходе видел рябчиков и зайца, а также следы крупного волка.

На ночлеге очень холодно. Чернила стоят в кипятке и замерзают на пере после нескольких слов, но, слава Богу, ветер преследовавший нас несколько дней, утих. Мороз без ветру терпеть можно.

Я решил воспользоваться временем пока китайцы соберутся нас беспокоить и обследовать верховья Раскема до Кара-Корума, а также перевалы из бассейна Хотан-Дарьи в Раскем. Все люди оставлены при вещах, со мною только два джигита (Садыр Ходжа и Тюрю Кул). Вещи везутся на двух верблюдах, а сам я верхом

на лошади. Плата за верблюдов и лошадь – 27½ тенег, т.е. 5½ рублей в день. Дорого, не по средствам, но что делать. Мои лошади совсем встали.

30 ноября 1889 г.

Четверг 30/12

Переход вверх по р. Хотан-Дарье до урочища Кавакны-Аузы – 21 верста. ПС утра я отправился для осмотра нефритовых копей. Они находятся в 3-х верстах к северу от реки. Горы, где находится нефрит, совершенно желтого (песочного) цвета, мягки и спускаются к реке полого. Разработка производится в предгорьях, по обоим бокам небольшой лоцины, изрытым, с массою наваленного мусора и многими более или менее глубокими шахтами. По-видимому, нефрит залегает здесь жилами, не целою скалою, как в бассейне Раскем-Дарьи против устья р. Пиль. Я снял фотографии и отправился догонять вьюки.

Сегодняшний мороз поразил нас неожиданностью. После нескольких пасмурных и ветреных дней вчера к вечеру погода прояснилась и термометр в 9 ч. вечера упал до -22, а сегодня утром до -27°C. Тем не менее, мороз несравненно легче переносится, чем ветер. Писать противно, ибо не только руки коченеют, но и чернила замерзают на пере после каждого написанного слова.

Сегодня целый день провели в дороге и прошли только 21 версту. Верблюды идут непомерно тихо. Ущелье реки Хотан-Дарьи на всем переходе держится почти восточного направления и очень широко. Если считать с низенькими предгорьями, то никак не меньше 5 верст.

По дороге мы встретили много пасущихся на свободе яков и верблюдов, но людей нигде.

По рассказам верблюдовожатого, где-то на урочище Кинг-Шивер проживает старик Курбан Бай, который исходил весь западный Тибет и прекрасно знаком с горами Каранги-Тога. Я назначил 10 рупий награды тому, кто приведет мне этого старика. Туземцы еще в Маргелане прозвали меня Узун-Аяк-тюря (длинноногий дворянин). Прозвище это привилось и под этим прозвищем я хорошо известен не только в Фергане, Кашгарии и Бухаре, но и на Сары-Кие, с тою разницею, что стоустая молва прикрасила, что я такого громадного роста, что одна лошадь не может поднять меня, и я езжу на двух лошадях, связанных вместе. Этой басне я обязан огромному любопытству среди местного населения. Посмотреть на меня приезжают за 40–50 верст и уезжают разочарованными, найдя самого обыкновенного человека.

Сегодня по дороге видел рябчиков и следы крупного волка.

Несмотря на морозы, река еще не встала, что следует, кажется, приписать исключительно быстроте течения, так как морозы держаться и днем. Немалое влияние должно иметь и большое количество соли, как в самой реке, так и по берегам ее.

4 декабря 1889 г.

Понедельник 4/16

В течение 1, 2 и 3-го Декабря мною сделано 127 верст при 2-х весьма значительных перевалах Кавак и Сугет, ведущих из бассейна Раскем-Дарьи в бассейн р. Хотан или Кара-Каш-Дарьи (черная [...]). Название Кавак и Сугет означает иву. (Кавак на яркендском наречии означает ползучие кустарники ивы; сугет – ива, по-киргизски).

Морозы, усилившиеся 30-го Ноября, преследовали нас все время, причем 1 Декабря термометр понизился до -32°C , а 2-го Декабря до -35°C . Мороз сопровождался весьма сильным ветром, начинавшимся около 11 ч. утра, и утихавшим только к 9–10 ч. вечера. Было невероятно холодно.

Для того чтобы определить степень холода, перечислю одежду мою: тонкая фуфайка, полотняная рубашка, толстая английская фуфайка, толстая фланелевая рубашка, шведская куртка, толстого сукна сюртук на теплой подкладке, крытый сукном полушубок и кавказская бурка; на голове лисья шапка; ноги одеты были в тонкие шерстяные носки, толстые, выше колена, Дарвазские шерстяные чулки, затем толстые обвертки (портянки) из тибетской шерстяной материи в два раза и сапоги на войлоке.

Несмотря на столь теплую, по-видимому, одежду, я не мог найти места от холода. Одною из главных причин – это почти совершенное отсутствие топлива вблизи Каракорумского перевала, а также отсутствие воды, совершенно вымерзшей. 1-го Декабря я направился к перевалу Кавак из долины реки Хотан-Дарьи. Подъем на перевал не трудный, но абсолютная высота настолько значительна, что надо для этой дороги иметь чрезвычайно привычных и выносливых лошадей. Нанятая мною оказалась непригодною. В половине перевала она начала задыхаться, а затем пошла шатаясь и упала. Я успел соскочить в момент падения. Были приняты меры к спасению лошади (шилом проколота ноздря, надрезан хвост и т.д.) Кровь пошла обильно, но лошадь не поправилась и в какие-нибудь $\frac{1}{2}$ часа сдохла. Пришлось облегчить по возможности вьюк верблюда, бросить одну палатку, кровать, мясо, образцы нефрита и т.д. и продолжать экскурсию верхом на верблюде. Необходимость бросить часть припасов вынудила меня вернуть обратно джигита Тюрю Кула, так что в дальнейший путь я отправился только с проводником и джигитом Садыр Ходжею.

Возня с лошастью и перевьючкой задержала нас часа на $1\frac{1}{2}$ и на вершину перевала мы взобрались только к закату солнца.

По ущелью р. Кавак много травянистых лугов и зарослей ивы. Горных рябчиков несметное количество, а близ перевала много зайцев.

Вершина перевала представляет скорее обширное плато с самым незначительным уклоном к югу, нежели гребень хребта. По мере подъема кверху, горы понижаются и на вершине перевала переходят в невысокие мягкие холмы.

На перевале заболел джигит Садыр Ходжа; появилась сильная рвота, общая слабость и упадок сил. Мы привязали его к верблюду и пошли дальше. Мороз достиг -27°C , а ветер дул с Гималаев с необыкновенной силою, по временам переходил в настоящий шторм. Вся забота наша была в растирании беспрестанно оковеняющих конечностей.

Пока я вскипятил гипсотермометр, наступили сумерки, и мы уже в потемках пошли дальше, стараясь добраться до воды или льду, чтобы согреть себя чаем.

Верблюды идут вообще тихо, а на этой высоте еле двигались и мы достигли дна ущелья Чукур-Джилга только к 10 ч. вечера. Бока ущелья укрыли нас несколько от ветра. Мы зажгли фонари с большим трудом, разыскали несколько корешков бурсы, добыли льду из вымерзшего родника, напились чаю и легли спать. Человек мой чувствовал себя очень плохо и возбуждал серьезные опасения. Лично я переносил удовлетворительно столь большую высоту, но только при совершенном покое. Малейшее более резкое движение, хлопоты по устройству логовища на ночь, все это вызывало сильную головную боль и тошноту. Мороз ночью достиг до -35С. Мы поднялись до света и пошли дальше к Каракоруму.

Езда на верблюде вообще крайне неприятна: качка разламывает человека, но при спуске вниз седок испытывает ое чувство, какое должен испытывать человек, сидящий на вершине каменной лестницы, если его неторопливо потянуть за ноги книзу, заставляя сиденьем измерить расстояние между ступенями лестницы.

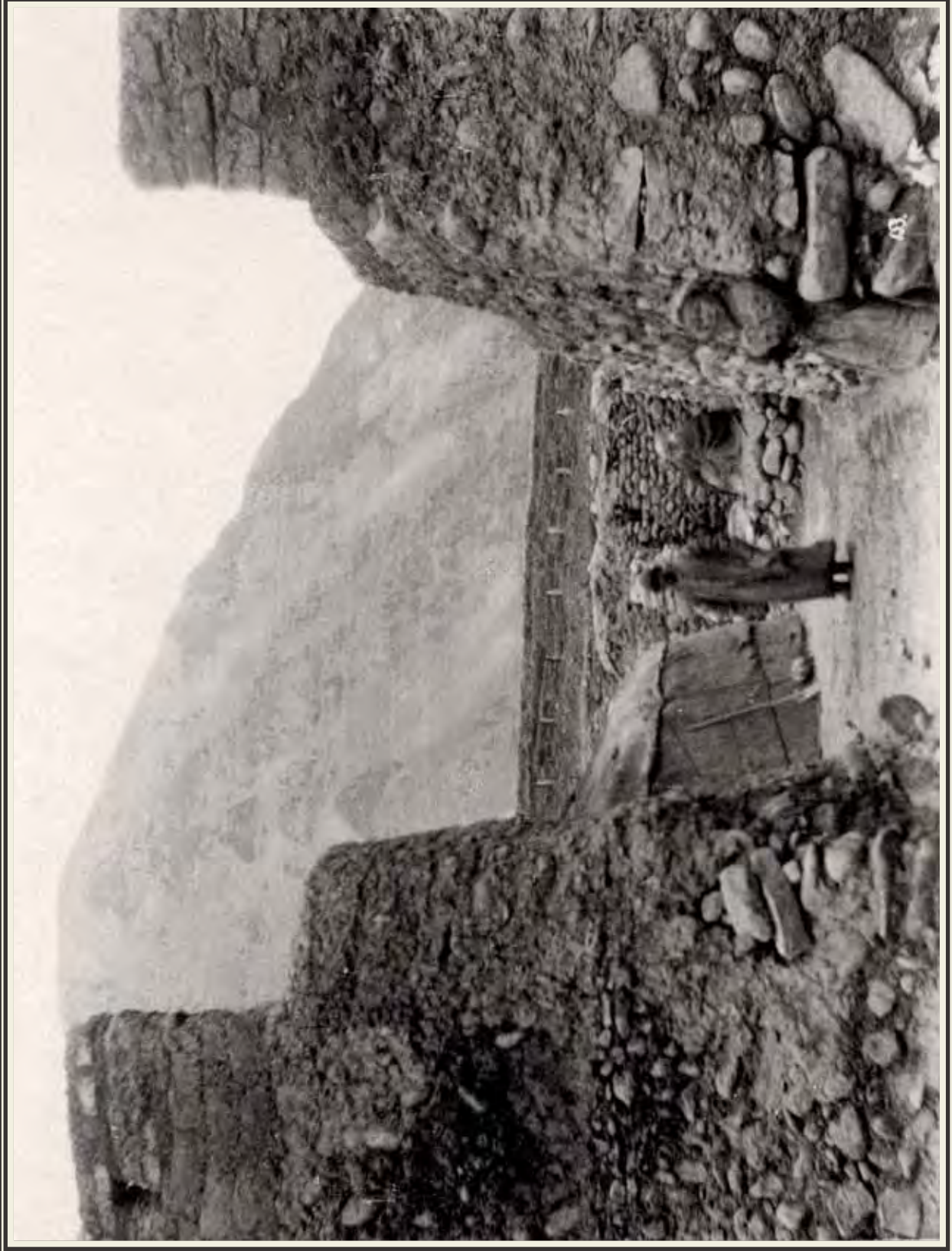
Езда такая, естественно, не помогла к улучшению состояния здоровья джигита Садыр-Ходжи. Мы шли по местности чрезвычайно характерной: ущелье ровное, песчаное, в виде громадного плато с самым незначительным уклоном к виднеющемуся вдали руслу реки Раскем, за которым высился вечно снежный Гималайский хребет, казавшийся совершенно невысоким. Нигде признаков жизни: ни зверей, ни травы.

К 2 часам пополудни мы вышли на вершину невысоких холмов Дарваза-Сарык-Ут. Вдруг верблюд зашатался и упал. В хлопотах по развьючке заболел проводник. Я дал ему понюхать нашатырного спирту, который привел его в сознание. Подняв кое-как верблюда, мы поспешно спустились к руслу реки Раскем, где глазам нашим представилась ужасающая картина: 18 свежих лошадиных трупов, разбросанные повсюду товары и т.д. Я сначала было думал, что торговый караван подвергся нападению разбойничьей шайки, но осмотрев внимательно лошадиные трупы, мы нигде не нашли признаков насилия. Впоследствии вернувшись в Шахидулла Ходжу, я узнал, что караван кашмирца Абду Халых Бая захвачен был вчерашним морозом, причем в ночь замерзло 18 лошадей. Испуганный торговец выбрал что мог поценнее, оставив все на произвол судьбы и бежал в Шахидулла Ходжу.

Вид такого количества трупов произвел на нас всех тяжелое впечатление. Стало ясно, что это места, обездоленные природою, по которым надо двигаться с большими предосторожностями.

Между тем положение мое было далеко не завидным: единственный человек, взятый в качестве прислуги, не только не мог служить, но еще и сам требовал ухода. Проводник, Алиф Бек, чувствовал себя очень плохо; один из верблюдов настолько ослабел, что для облегчения пришлось сбросить здесь почти весь багаж. Взвесив все это, я решил пройти до Каракорума впоследствии, взяв с собою побольше людей, а теперь через перевал Сугет вернуться обратно.

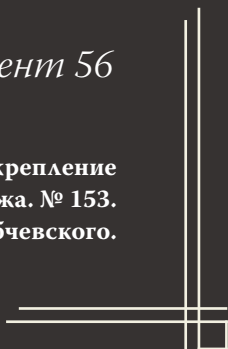
Стараясь, по возможности, скорее выбраться из этой долины смерти, мы шли без дороги и только к 11 ч. вечера добрались до урочища Чибра (около 18 ф.),

Фотодокументи 56

Фотодокумент 56

Кашмирское укрепление
Шахидулла Ходжа. № 153.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

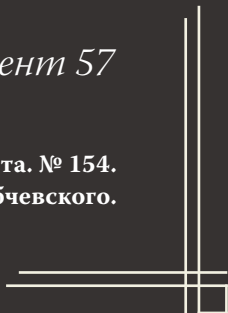

Фотодокументи 57

Фотодокумент 57

**Копи нефрита. № 154.
Путешествие Б.Л. Громбчевского.**

Фотодокументи 58

Фотодокумент 58

**Кашмирское укрепление
Шахидулла Ходжа. № 156.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Целый день пасмурная и чрезвычай-
но ветреная, холодная погода.
Я снял фотографии с укрепления,
а также с мазара Шахидулла
Ходжи, находящегося против
укрепления на высоком левом
берегу реки Хотан-Дарьи.*

*Дневник экспедиции
28 ноября 1889 г.*

Фотодокументи 59

Фотодокумент 59

Движение к пер.[евалу] Кара-
-Коруму (18.550 ф.). № 158.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

*Мы поднялись до свету и пошли
дальше к Каракоруму. Езда
на верблюде вообще крайне
неприятна: качка разламывает
человека, но при спуске вниз седок
испытывает такое чувство, какое
должен испытывать человек,
сидящий на вершине каменной
лестницы, если его неторопливо
потянуть за ноги книзу, заставляя
сиденьем измерить расстояние
между ступенями лестницы.*

*Дневник экспедиции
4 декабря 1889 г.*

где нашли небольшое количество льду безусловное отсутствие какого-нибудь топлива не позволило нам развести огонь и согреть чай. Так и легли без всякой пищи в течение больше сорока восьми часов.

Ночью с 2 на 3 Декабря небо покрылось тучами, температура повысилась до -21°C, пошел снег. Мы поднялись опять до свету и к 8 часам утра были на вершине перевала. Дул нестерпимо холодный ветер, производивший сильнейшую метель.

Абсолютная высота Сугета больше высоты Кавака, но в точности высоты перевала определить не удалось, так как он был выше анероида и гипсотермометра. Поздно вечером вчера мы добрались благополучно до укрепления Шахидулла.

Я чувствую себя чрезвычайно разбитым, но, пользуясь давно не выглянувшим солнцем, произвел определение географического положения места.

К вечеру пришли люди с лагеря. У нас там все благополучно, но ни из Кашгара, ни из Кашмира никаких нет известий.

Ячмень, мука и т.д. тоже еще не доставлены Сатуальды Баем. Джигит Тюрю Кул до сих пор не явился. Завтра придется послать на розыски.

Из перенесенного нами я вывел заключение, что в настоящее суровое время года более или менее безопасно проехать Кара-Корум, запасшись ячменем, с большим количеством людей и лошадей, чтоб в случае болезни было кому помогать. Переход через Каракорум летом, может быть, представляет интересную прогулку, но зимою это подвиг и весьма рискованный.

Интересно, что как лошади, так и верблюды, перевозящие тяжести через Кара-Корум, довольствуются почти исключительно полусырым тестом, испеченным в золе.

Верблюды не получают воды в течение 15 дней.

5 декабря 1889 г.

Вторник 5/17

Переход до урочища Кырчин-Джилыганы-Аузы – 12 верст. Сегодня я произвел вторично определение географического положения места, а к вечеру вернулся к лагерю, чтобы успеть поздравить команду с завтрашним праздником.

После полудня явился джигит Тюрю Куль. Оказалось, что он, не рассчитывая, чтобы я вернулся так скоро, прохлаждался в аулах попутных, за что и наказан 30 ударами плети.

Киргизы доставили 50 пудов ячменя, взяли за это 180 рублей. Ячмень из укрепления в лагерь я перевел на своих лошадях, которые все сильно спали с тела. Травы в лагере почти нет совершенно. Погода сравнительно теплая.

Ко мне обращается много больных за лекарствами. Сегодня в укреплении родила киргизка сына. Население появление нового гражданина приветствовало многочисленными выстрелами. Появление гражданки не приветствуется.

6 декабря 1889 г.

Среда 6/18

Сегодня по случаю Тезоименитства Государя Наследника Цесаревича мы совместно с командою отслужили молебен, а затем казаки получили по 2 чарки водки, плов, по ½ ф. чаю, по 2 ф. сахара и по 2 рупии на человека. Туземцы тоже угощены и одарены.

Погода пасмурная. Окружающие ы покрылись снегом, но в долину, по обыкновению, снег не выпал.

Ветер холодный, но днем термометр показывал – 0.

13 декабря 1889 г.

Среда 13/25

Переход до укрепления Шахидулла Ходжи – 12 верст.

С 6-го по 13-ое Декабря я простоял на урочище Кырчин-Джилыга в ожидании привоза ячменя, муки и др. припасов снаряжения, которые явились только 11 Декабря и притом по невозможной цене. Торговец Сатуальды Бай оказался мерзавцем первостепенным. Между прочим, вместо баранов он доставил ягнят 3–4 месяцев и взял за это по 4 руб. металлическими.

Погода стояла почти все время очень ветреная, бурная, но не особенно холодная. 9-го Декабря пошел снег, продолжавшийся до 2-х часов пополудни сегодня и наваливший в горах целые груды снегу. В долину выпало сравнительно мало снегу, но все-таки около ¼ и лошадям добывать подножный корм сделалось невозможным. Ячмень – по 1 мет. рублю за каждые 8 ф.

9-го Декабря явился, наконец, Консульский посланец с письмом от Я.Я. Лютша, а также подковами. Это родственник кашгарского аксакала, некто Сеид Мурат Хан Тюрю, человек молодой, но из ранних. Он, по слухам, получил от Консула 65 рублей на дорогу, но, вероятно, нашел это недостаточным, потому что, оставив своих лошадей за перевалом, явился ко мне на двух нанятых верблюдах и заявил, что лошади его погибли на перевале, что он сам едва ли не погиб и т.д. Тут же были киргизы, привезшие этого молодца, которые уличили его во лжи. Затем он сторговал за наем двух верблюдов 12 шт. рупий, которые я ему немедленно выдал, но молодец утаил 3 из них и отдал только 9 ш., ссылаясь на меня.

Всего выдано мною наградных 160 тенег, только во внимание, что это посланцы Консульства, ибо его следовало выпороть, а не награждать. Он проехал ко мне 33 дня, тогда как караваны проходят это расстояние в 12–14 дней и, по рассказам киргиз, прожил: в Каргальке – 3 дня, в Санджу – 5 дней и в Кильяне – 2 дня. Сколько он прожил в Яркенде и Янги-Гиссаре – неизвестно. Для характеристики скажу только, что он явился ко мне с палаткой, собственной прислугою, и т.д. Это почтовый джигит!

Из Маргелана и, вообще, из России ни одного письма. Доверенность на получение писем я оставил в Маргелане А.В. Кошиевскому, который ничего не высылает. Я отправил сегодня заявление, чтобы почтовая контора выслала письма прямо в Кашгар. Отсутствие писем после стольких месяцев ожидания – невыносимо тяжело.

Сегодня я отправил отчет о работе экспедиции за последние 2 месяца и убедительно просил П.П. Семенова выхлопотать продление отпуска моего хотя бы еще на 6 месяцев, чтобы иметь возможность проникнуть в Тибет со стороны Полу¹⁰⁷.

Сегодня я предпринял экскурсию по течению р. Хотан-Дарьи, чтобы определить течение этой реки, а также направление перевалов Санджу и Кильян. Экспедиция завтра утром рано должна передвинуться на урочище Балыкчи, а оттуда на урочище Пур-Таш, где и ожидать моего прибытия.

Нанял нового проводника, почтенного старика, Курбан Бая, разорившегося золотоискателя, по рассказу туземцев, хорошо знающего горы между Сары-Киею и Полу.

14 декабря 1889 г.

Четверг 14/26

Переход вниз по р. Хотан-Дарьи до урочища Ир-Назар-Курган – 36 верст.

На сегодняшнем переходе река Кара-Кош сохраняет такой-же характер, как и близ Шахидулла Ходжи, только ущелье еще уже, река течет узким извилистым руслом, местами переходя в щель. По руслу реки почти повсеместно заросли кустарников облепихи, тамариска, иканды, дикой розы и колючки, но травы нигде нет. Небольшие луга на урочищах Уй-Бук, Грунч-Карлик и т.д. дочиستا съедены проходившими караванами, а также с м местных киргиз. В настоящее время трудно бы догадаться, что на этих местах вообще растет трава.

Среди торговцев дорога через Сары-Киею в Тибет носит название «проклятого пути». Поистине, название это совершенно справедливо. Достаточно проехать несколько переходов, чтобы прийти к заключению, что путь этот видел много слез, горя и человеческих страданий. О страданиях животных и говорить нечего. Целый путь устан не только костями, но и полуразложившимися трупами все возможных вьючных животных: верблюда, яка, лошади и ишака.

Горы совершенно безжизненны и, по мере спуска книзу, делаются все больше и больше скалистыми.

Ниже устья реки Тууру-Су река Хотан-Дарья весьма круто поворачивает на восток и описывает на протяжении каких-нибудь 20 верст полукруг. Это редкий

¹⁰⁷ Содержание этого обширного письма-отчета, опубликовали в научном ежеквартальном журнале Императорского Русского Географического Общества, см.: *Вести из экспедиции Б.Л. Громбческаго* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1890, т. XXVI, с. 86–106.

пример среди рек. По руслу реки ниже впадения речки Тууру-Су видны следы человеческого жилья; кое-где попадаются развалины жилых помещений, а также следы посевов. Особенно много ниже устья р. Пилятагач, где довольно значительное кладбище свидетельствует, что местности эти были раньше населены больше.

Вообще, судьба Сары-Кии подвергалась резким изменениям и за последние 60–80 лет она три раза превращалась в пустыню и опять заселялась. Киргизы, населяющие теперь Сары-Кию, сброд со всевозможных сторон и отпрыски всяких родов. Их всего каких-нибудь 40 юрт, из коих половина живет по ту сторону перевала Санджу, да и живущие здесь ожно враждуют между собою.

Вообще, жители здешние напоминают мне живущих здесь во множестве воронов. Птица эта жадными глазами провожает торговые караваны, зорко поглядывая за исхудалыми и обессиленными животными и, чуя падаль, провожает караваны массаами. Люди также зорко следят за караванами, чуя добычу, которая не может миновать их рук. Среди здешних жителей пусть никто не ищет гостеприимства, помощи или сочувствия к несчастью. Наоборот, чем больше несчастье постигнет торговый караван, тем больше радости и прибыли местному населению. Здесь все оценивается на серебро.

Дорога через Кара-Корум представляет серьезные трудности и большой риск. Можно десять раз пройти благополучно и на 11-й лишиться всех вьючных животных и за смелость свою заплатить жизнью. Перевозка торговых караванов довольно прибыльна, но редкий возчик в конце концов не разоряется окончательно. Весь капитал такого возчика состоит из 40–50 лошадей, которые в случае метели или сильной стужи в одну ночь погибают. Товары приходится бросать и спасать жизнь свою и сопровождавших караван. Местные жители берут за все непомерные цены, а при доставке каравана на срок, уплата неустойки и т.д. окончательно разоряет возчика.

После поворота реки к востоку, на протяжении около 20 верст, по трем левым притокам ведут дороги на перевалы: Карелик, Кильян и Санджу, на верховья трех речек, стекающих с противоположных онов.

Перевал Карелик (снеговой) ведет с истоков р. Тууру-Су (прямая вода) на истоки р. Кук-Яр. Перевал очень трудный и доступный только летом и раннею осенью.

Перевал Кильям соединяет истоки р. Кильян. При устье р. Южный Кильян развалины укрепления, построенного бывшим правителем Кашгарии Бадаулетом¹⁰⁸. Укрепления эти были так же недолговечны, как и власть означенного выше Правителя.

Наконец, перевал Санджу соединяет истоки р. Санджу с истоками р. Ир-Назар-Курган.

Китайцы признали перевал этот виновным в том, что через перевал этот подерживалось сообщение во время Бадаулета, и движение через перевал воспретили.

Из этих двух перевалов более трудный, но зато и более близкий – Санджу.

¹⁰⁸ Магомет-Якуб-Бек-Бадаулет (1820–1877) – лидер мусульманского восстания в китайском Туркестане.

15 декабря 1889 г.

Пятница 15/27

Переход обратно до укрепления Шахидулла Ходжа – 36 верст. Из зверей увидели массу кекликов и воронов.

Погода прояснилась и солнце греет, хотя ветер чрезвычайно холодный. От выпавшего в течение последних нескольких дней снега – следов не осталось.

Река Кара-Каш-Дарья в приблизительно 15 верстах ниже урочища Ир-Назар-Курган круто поворачивает на север и, прорываясь через горный хребет, течет в узкой теснине. Сообщение по руслу реки Хотан-Дарья возможно только зимою, по льду реки.

Я сделал большую ошибку, что не взял с собою ячменя и не перешел на урочище Пур-Таш, где стоит экспедиция, через перевал Янги-Даван. По расспросным сведениям, дальнейшее течение р. Хотан-Дарья следующее: (сюда относится карта на полулисте 284—2-я половина)

Течение р. Хотан-Дарья, прорываясь через горы, крайне извилисто. Идя вниз по льду от реки Галямунак, только на 4-й день можно подойти к устью речки Пишня, густо населенной горцами. От устья этой реки до пер. хотанского селения в долине Кашгарии – 4 дня ходу.

16 декабря 1889 г.

Суббота 16/28

Переход от укр. Шахидулла Ходжа вверх по течению р. Кара-Кош до урочища Пур-Таш – 42 версты.

Общая характеристика местности описана 29–30 Октября. К этому надо добавить необыкновенно трудные переходы через реку. Там, где накануне был твердый лед, там вода разлилась, образуя полыньи, через которые перебраться немислимо.

В лагерь подошел поздно вечером. На ночлеге травы нет. Надо идти поспешно вверх. Казаки на урочище Балыкчи наловили две торбы рыбы. Она очень вкусна, но по виду совсем напоминает Памирскую. Сегодня погода пасмурная и очень ветреная. Расстался я, наконец, с киргизами Сары-Кия. Таких утонченных выжиг и проходимцев я в жизни не видел. Это истые мошенники. Получено известие, что Турды Куль Бек заарестован в Каргалыке. Посланец Консула обманул возчика, нанятого им, и не доплатил 3 рупий, причем [...] киргиз, что я будто бы ничего ему не дал. Тогда как я выдал 10 сар серебра. Такие проходимцы только позорят нас русских.

17 декабря 1889 г.

Воскресенье 17/29

Переход до урочища Сеид-Бай-Агыл (Кинг-Шивер) – 26 верст [...].

Характер ущелья реки совершенно одинаков с предыдущими переходами, только ущелье кажется еще более широким. Дорога пролегает большею частью по высокому берегу реки, часто пересекая каменистые широкие русла рек. Попадающиеся по берегу реки небольшие луга, покрытые редкою травой, и представляют сплошные солончаки.

Урочище Кинг-Шивер (обширный луг) представляет площадь в 10 верст длиною, при 3 до 5 верст шириною, размещенную по обоим берегам реки и поросшую травой.

По руслу реки густые заросли древесных кустов тамариска, доставляющего хорошее топливо. Это самое обширное пастбище и здесь живет 9 кибиток киргиз, разбросанных на всей площади и имеющих сравнительно большее количество скота. Обилие соли здесь поразительное. На лугу почти повсеместно попадаются небольшие углубления, в которых весною выступает вода. Соль обильно растворяется в воде, которая к осени высыхает, и на поверхности земли остается толстый слой соли, нередко достигающий до $\frac{1}{4}$ арш. в толщину. Высокое абсолютное положение местности, широкие, прямые ущелья и близость к Каракорумскому плато способствуют необыкновенно сильнейшим ветрам, которые поднимают целые облака пыли, проникающей повсюду. Пыль эта соленая и причиняет жестокие страдания глаз, а также кожи, попадая в поры и трещины. Толстым слоем пыли покрываются также и упомянутые выше ямы с солью, вследствие чего незнающий человек может пройти через соль, не подозревая почему он идет. Но достаточно сгрести верхний слой пыли, чтобы под низом оказался белоснежный, толстый слой кристаллической соли, вполне годной для употребления. На урочище Кинг-Шивер крайние киргизские поселения. Дальше – пустыня вплоть до Полу или Кашмира. Таким образом, все население Сары-Кия состоит из двадцати юрт, из коих 9 близ Шахидулла Ходжи, 9 на урочище Кинг-Шивер, одна между Шахидулла и Кинг-Шивером на урочище Балыкчи и одна близ устья речки Туррик, на низовьях реки Кара-Каш. Населения немного, да и то еле-еле, при помощи заработка от проходящих караванов, сводит концы с концами. Причиной этого явления – необыкновенно малое количество травы, не позволяющей держать более-менее значительные стада, и высокое абсолютное положение местности, не допускающей посевов.

По всему верхнему бассейну р. Кара-Каш, равно как и по бассейну р. Раскем, выпадает в течение года невероятно малое количество атмосферных осадков. Мне пришлось много беседовать с местными жителями, которые единогласно утверждали, что дождя не видели в течение 20–25 лет, а снег в самом незначительном количестве выпадает только на верхушках очень высоких гор и в долину реки или совсем не попадает, или в таком незначительном количестве, что на другой-третий день сгоняется даже зимним солнцем. В связи с таким необыкновенно, невероятно малым количеством атмосферных осадков находится и жизнь растительности. Склоны гор мягки и, будь достаточное количество дождя или снега, покрылись бы хорошою кормовою травой; теперь же состоят частью из лес-

са, частью из песку и мелкого гравия и исключением редких, чахлых кустиков терескена, абсолютно лишены растительности.

Дальше, в связи с атмосферными осадками, находится и необыкновенно малое количество родников. Таким образом, здесь, как и везде в Средней Азии, жизнь растительности, обуславливаясь водой, находится в зависимости от количества орошения.

В бассейне р. Кара-Каш-Дарьи мы растительную жизнь в виде древесных кустов тамариска, колючки, облепихи, дикой розы и др. неприхотливых растений, встречаем исключительно по каменистому руслу реки, а травянистые поляны по берегам редких здесь родников. Но и эти редкие луга на протяжении между развалинами укрепления Ир-Назар и вплоть до урочища Кавак-Джилъганы-Аузы, т.е. от спуска с перевала Санджу до поворота на перевал Кавак дочиста съедаются проходящими во множестве караванами. Затем следы посевов мы встречали, начиная от урочища Грунч-Карлиг, в 12 верстах ниже укрепления Шахидулла Ходжа, причем по мере движения вниз по течению реки, следы посевов увеличивались и, например, на урочище Пилятагач занимали довольно значительную площадь. В настоящее время местные жители уверяют, что даже ячмень не поспевает выше урочища Ир-Назар-Курган. Следует ли такое изменение в культуре этой местности приписать общему охлаждению климата или же неудачному, несчастливому выбору годов, в которые производились пробные посевы, – предугадать трудно. Несомненно только, что в настоящее время линия посевов проходит значительно ниже, чем проходила несколько десятков или сотню лет тому назад.

Лично мне казалось бы, что в такой сравнительно незначительный промежуток времени, при отсутствии каких-либо видимых причин (напр., истребление лесов и пр.) едва ли могло произойти ительное изменение в климате страны и поэтому понижение линии посевов следует приписать лени и невозможной ко-ности нынешнего местного киргизского населения, которое, может быть, попробовало производить посевы в исключительно неблагоприятные, холодные годы и, получив отрицательные результаты, прекратило посевы. Но факт понижения линии посевов имеется, несомненно, налицо.

Скудные пастбища и тяжелые условия жизни преимущественно вьючных животных сильно влияют на слабое расположение животных. Верблюды в большинстве выкладывают недоносков; жеребята, если и рождаются, то почти всегда издыхают через несколько дней; самки яков рожают благополучно, но только при условии, чтобы не употреблять их для перевозки тяжестей; наконец, бараны рожают по два раза в год, но скудные пастбища и недостаток молока не только не дает никакого абсолютного удоя, но самка не в состоянии выкормить своих малых и на помощь приходят им киргизки, которые выкармливают ягнят при помощи рожка. Манипуляцию эту я видел первый раз в жизни. В юрте, где мы остановились, у стены в два ряда привязано было около 20 шт. ягнят. Вошла киргизка с обыкновенным коровьим рогом в руках, на конце которого прикреплена была тряпка. Ягнята, завидя киргизку, начали радостно блеять, высоко подпрыгивая и стараясь сорваться с привязи. По-видимому, ягнята были очень голодны. Киргизка наливала в рожок болтушку из воды и муки и подставляла ягненку, который жадно хватал

соску и сосал. Преуморительные при этом движения ягненка, который инстинктивно проделывал те же движения, как будто он сосет вымя, т.е. падал на колени, не выпуская соска изо рта и, быстро подымаясь, старался ударом головы размягнуть вымя. Порцию болтушки ягнята получают по два раза в день в течение 2-х месяцев и, кроме того, два раза допускаются к матери.

Хозяин наш – человек еще совсем молодой, почти юноша, лет 22, а жена – старая киргизка лет 45. По наведении справок оказалось, что жена досталась ему в наследство после смерти самого старшего брата и перешла к нему с 5 чел. детей, из коих старший сын был старше своего отчима, дочь – девушка лет 18 и т.д. Обычай жениться на вдове старшего брата присущ всему киргизскому населению Средней Азии; в данном случае, жена самого старшего брата досталась самому младшему только потому, что два средних женаты и по старшинству отказались от этого наследства в пользу холостого и самого младшего.

18 декабря 1889 г.

Понедельник 18/30

Переход до урочища Сунгул – 18 верст.

Сегодня с утра невероятный, нестерпимый ветер. Порывы его настолько сильны, что лошадь не в состоянии идти против ветра, а, несмотря на понукание, поворачивается задом, стараясь переждать, пока пройдет порыв. Мы идем почти ощупью среди густого тумана пыли, в котором приходится почти задышаться.

Последние несколько переходов по местности, совершенно лишенной корма, сказались на истощенных животных экспедиции. Несмотря на совершенно ровную дорогу и легкий выюк, одна лошадь встала, а почти все покрыты потом. Я решил остановиться на 3–4 дня на урочище Сунгул. Здесь очень обширный луг, но травы не особенно много. Судя по следам, тут летом паслись яки, или же, может быть, луг посещается дикими яками. Повсюду еды куланов, но самих их не видно.

Я вернулся назад на урочище Кинг-Шивер и уговорил одного из киргиз уступить мне дня на три-четыре юрту. После долгих отнекиваний он согласился за плату в день по 1 металлическому рублю, за перевозку юрты туда и обратно 4 мет. рубля, и, кроме того, за беспокойство – ему халат а жене 8 арш. ситцу. Дорого, а делать нечего. Ветер настолько сильный, что три палатки истрепало и порвало вдребезги. Палатки не могут сдерживать ни приколы, ни крепкие льняные веревки. Порывами ветра перекачивает тяжелые вьючные седла экспедиции на значительное расстояние. Такого шторма мне давно не приходилось быть свидетелем.

22 декабря 1889 г.

Пятница 22/3

Стоянка на урочище Сунгул.

В течение 19-го Декабря ураган продолжался с невероятной силой. Па-

латки: кухонную, казачью и препараторскую уничтожило. Юрту мы удержали с невероятными усилиями, навалив по бокам массу камней и привязав патронные ящики. К вечеру, однако, прояснилось и термометр упал до -20°C , а к утру до -27°C . Было очень холодно.

В течение 20 и 21 я производил астрономические работы. Люди чинили палатки и попорченные бурей вещи. После полуденного определения времени я отправился прямо на юг в ущелье Кафыр-Джилга (ущелье неверных), где имеются значительные залежи свинца. Р. Кафыр-Джилга впадает в р. Кара-Кош слева. Устье ее находится прямо против урочища Сунгул. Речка в это время совершенно пересохла.

Свинцовые залежи находятся верстах в 2–3 выше устья и находятся прямо в предгорьях правого берега ущелья Кафыр-Джилга. В месте залежей видны следы многих разработок, которые велись, однако, без всякого плана. Каждый из работающих рылся в земле по своему усмотрению. Шахт глубоких я не видел. Залежи свинца имеются почти на поверхности земли и самые глубокие углубления не превышают 10 аршин. Разработкой занимаются, преимущественно, местные киргизы, добывающие свинец для своих потребностей. Изредка для разработки являются кашгарцы из селения Санджу, но вообще, вследствие отдаленности от населенных пунктов и трудности перевозки, копи эти, несмотря на богатство металла, разрабатываются мало.

Выплавка металла производится на урочище Чунг-Тукай (большие заросли), верстах в 4 ниже устья р. Кафыр-Джилга. Здесь, на правом берегу реки Кара-Каш, среди зарослей имеется небольшая печь, где производится выплавка свинца.

Мною взяты образцы свинца. От урочища Сунгул прямо на запад виднеется невысокий мягкий перевал Буз Бель, по которому переваливают опять на русло реки Кара-Каш.

Прямо на север виднеется перевал Гинду-Таш. Подъем на перевал крутой, по [...] отступившего ледника. Дальше дорога пролегает по леднику и, по рассказу проводника, очень опасная. Перевал Гинду-Таш ведет на истоки реки Пишния, населенной тогликами, т.е. горцами, которые считают себя выходцами из Пахпу. Течение реки Кара-Кош от истоков р. Пахпу отделяет настолько неширокий хребет, что на хорошей лошади можно с урочища Сунгул перевалить через пер. Гинду-Таш на истоки р. Пишния, дойти до урочища и к вечеру вернуться обратно. На верховьях ущелья Кафыр-Дара имеется перевал Чингильма, по которому можно перевалить на р. Раскем.

По сохранившемуся преданию, в прежнее время кашмирцы поддерживали сношения с Хотаном и Кериею, следуя через перевалы Чангильма и Гинду-Таш. Климат здесь замечательно переменчивый. Достаточно сказать, что вчера утром было -27°C , а вечером в 9 ч. только -1 . Поистине, такие резкие переходы не могут не отозваться вредно не только на здоровье людей, но и лошадей.

23 декабря 1889 г.

Переход до урочища Абду-Гафарны-Томы – 40 верст.

Переход сравнительно небольшой и нетрудный, но для наших истощенных лошадей оказался почти не по силам. Мы прошли это в течение 11 часов и подошли к ночлегу поздно ночью, причем яки, бараны, две лошади, а с ними и двое людей остались на дороге.

На переходе мы встретили несколько небольших табунов диких ослов. Из них один (первый) наткнулся почти вплотную на нас и в недоумении остановился шагах в 200. Я соскочил с лошади и бросился привязывать таза, но пока я справился с собакою, стадо ушло и стрелять не удалось. Будь лошади посвежее, можно было бы преследовать куланов, но с нашими – это немыслимо.

Попадают следы диких яков и рога этих зверей, убитых охотниками. Некоторые рога достигают значительной величины.

Поздно ночью приехал киргиз из Шахидулла Ходжи и доложил, что в укрепление приехало двое военных-кашмирцев с 3-мя тибетцами в качестве прислуги, которые привезли ответное письмо от Английского Резидента. Посланцы эти отказались догонять меня и не захотели отдать письмо ко мне киргизам, а требуют чтобы я вернулся в Шахидулла Ходжу, где они вручат мне письмо.

Требование дикое. И, несмотря на весьма понятное желание получить письмо, я не могу выполнить его не только вследствие непристойного требования кашмирцев, но вследствие физических причин. Я нахожусь уже в переходе выше укрепления Шахидулла Ходжа и пройти этот путь еще раз, при условии полного отсутствия подножного корма – было бы обессилить лошадей настолько, что дальнейшее движение оказалось бы невозможным. В виду вышеизложенного, я написал категорическое письмо посланцам с требованием немедленно или доставить письмо лично, или же передать местному беку для доставления мне, причем обещал 6 дней выждать посланцев, предполагая, что они налегке пройдут в день два раза такое расстояние, какое проходится экспедицией.

На решение мое, кроме того, повлияло еще и следующее соображение. В случае даже благоприятного ответа со стороны англичан, я решил идти дальше по избранному мною пути, как потому, что путь этот совершенно неизвестен, тогда как путь через Кара-Корум пройден многими, так и потому, что продолжительное пребывание в Сары-Кия совершенно расстроило средства экспедиции.

Придя в Полу, я надеюсь получить несколько ямб, о высылке коих заимообразно я просил Я.Я. Лютша. Тогда можно будет направиться из Полу в Танкси, и, если англичане позволят, вернуться на истоки р. Ак-Су через Чатрар. Таким образом, охватится значительно больший район действия, чем при движении только через Кара-Корум.

Впрочем, все эти мечты будут в зависимости не только от того, займет ли мне Я.Я. Лютш немного денег, но и от того, удастся ли Петру Петровичу выхлопотать продление отпуска.

24 декабря 1889 г.

Воскресенье 24/5

Дневка.

Сегодня мороз утром достиг до -21°C , а в полдень, т.е. к 2 ч. $+3^{\circ}$.

С утра преследует нас необыкновенно сильный ветер, от которого нет спасения. Штормом срывает палатки, поднимает облака пыли, набивающейся везде. Дышать невозможно, глаза гноятся. Порывы ветра настолько неожиданные и сильные, что шторм налетает и, ударяясь, производит выстрел, подобно ружейному.

Пришлось палатки снять, вещи сложить и привалить камнями и терпеливо выжидать ночи, в надежде, что погода успокоится. Работать невыносимо.

25 декабря 1889 г.

Понедельник 25/6 Декабря

Дневка.

Сегодня день Св. Рождества.

Сочельник провели у костра, под шум и вой ветра, порывы которого далеко разносили по полю не только угли, но и целые горящие полена.

Часам к 11 ночи ветер утих, термометр начал быстро падать и утром на рассвете показывал -25°C .

Сегодня в 10 ч. у. казачий конвой выстроен был в праздничной одежде для совместной молитвы. Я поздравил с праздником и, после молебна, предложил людям по $\frac{1}{2}$ чарки спирту и хлеб-соль. После завтрака и чаю, причем каждый из казаков получил по 1 тарелке сушеных абрикосов в виде подарка, я устроил стрельбу на призы. Головная мишень была укреплена на палках, и поставлена на 200 шагов. Казаки стреляли неважно, но некоторые из них выбили призы, что доставило всем большое удовольствие.

Третьего дня при переходе с урочища Сунгул на сегодняшнюю стоянку остались на переход бараны, яки, две лошади с ячменем и при них два джигита экспедиции.

Вчера утром один джигит вернулся и пригнал баранов, яков и лошадей с ячменем, причем заявил, что другой джигит остался при двух лошадях, которые будто бы встали. Когда оставшийся джигит не пришел к месту расположения лагеря экспедиции до полудня, то, предполагая, что с джигитом случилось что-либо, я около 2-х часов пополудни, отправил за ним на поиски. Поздно ночью вернулись посланные и доложили, что они дошли до того места, где оставался джигит с лошадьми и нашли только свежие следы, доказывающие, что он уехал вспять. Посланцы проехали по следу верст 10 и пришли к несомненному заключению, что джигит бежал, захватив с собою двух моих лошадей с седлами и другими принадлежностями.

Бежавший – киргиз Абик из Ак-Таша по р. Ак-Су, человек пользующийся полным моим доверием. Он в прошлом году сопровождал меня в качестве про-

водника в Канджут и пользовался, как лично от меня, так и от консульства, постоянными денежными пособиями и подачками. Это за время экспедиции 4-й случай грубого обмана со стороны киргиз, населяющих Памиры. Побег этот вынуждает меня обратиться в Консульство с жалобой и просьбой о примерном наказании, дабы и впредь неповадно было прибегать к кражам.

Вчера по реке и по родникам мы нашли много рыбы, из коей около 2-х пудов наловили при помощи нашего бредня.

Сведения о нефрите.

Лучший нефрит белого (молочного) цвета – добывается в одном переходе выше селения Каранги-Таг (темные, мрачные горы) по р. Кара-Каш-Дарья. Залежи нефрита находятся под ледниками, на верховьях реки Кара-Каш-Дарья, и для разработки недоступны. Камни добываются следующим образом. Китайцы летом, во время самых сильных жаров, присылают в сел. Каранги-Таг правительственного чиновника, который выгоняет всех способных к работе людей на реку Кара-Каш-Дарья. Люди эти днем отдыхают, а на поиски выходят до свету и, ходя по руслу реки в то время, когда вода спадает вследствие прекращения таяния ледников, разыскивают камни, вынесенные водою из-под ледника за день. Река Каранги-Таг впадает в р. Юрун-Каш.

В 4-х днях ходу от сел. Каранги-Таг к стороне гор. Хотана, и в 2-х днях ходу от этого города по направлению к селению Каранги-Таг, по руслу реки Юрун-Каш, на урочище Кумат производятся значительные раскопки нефрита. дело в том, что река Юрун-Кош течет в чрезвычайно узком ущелье, по которому перебраться возможно только зимою по льду. На урочище же Кумат ущелье значительно расширяется, образуя обширные отмели. Поиски нефрита производятся в этих отмелях, причем, естественно, попадаются только куски, принесенные сверху водою.

По рассказу весьма многих лиц, работавших на урочище Кумат, а также смежных: Псас, Туграк, Тура, Буя-Кош, Чачнын-Кош, Ниса-Кош до урочища Купрюк (мост) ежегодно является сюда до 500 чел., которые копаются в ложе реки, в надежде найти нефрит. Выше урочища Купрюк ущелье реки Юрун-Кош настолько суживается, что разработки не производятся.

При разработках количество добытого нефрита зависит совершенно от счастья. Бывали случаи, что люди, имевшие только ½ пуда муки, как единственное достояние, в течение одного месяца зарабатывали по 10 и больше ямб, т.е. около 1000–1200 мет. рублей, что при бедности вообще населения Кашгарии делало счастливец заметным богачом. И наоборот, являлись люди сравнительно богатые, с толпою рабочих, которые, проработав два-три месяца, совершенно разорялись. Нефрит, добываемый здесь и выше сел. Каранги-Таг, ценится весьма дорого и продается на вес серебра, т.е. что, например, за камень в 1 ф. надо заплатить на месте раскопок не менее 1 ф. серебра, а часто и дороже.

По р. Керия-Дарье, хотя в низовьях и попадаются куски нефрита, но месторождение его еще не открыто. По р. Черчен-Дарье, в местности Кук-Муран, имеются значительные залежи нефрита, но зеленоватого и не особенно ценного. Такого же приблизительно качества имеется нефрит по р. Кара-Кош-Дарье, в местности Таш-Кошны-Каны, а также в рр. Караз и Паноз, правом притоке реки Кара-Кош.

Залежи по р. Кара-Кош мною осмотрены и взяты образцы. Самый высший сорт нефрита, ценимый значительно дороже по весу серебра, тот который, будучи

бело-молочного цвета, при быстром де[и]нии дает красный, кровавый отцвет.

Золотые прииски

По р. Раскем-Дарье промывка золота производится весьма в незначительном количестве, только, так сказать, случайными золотоискателями, близ устья р. Упранг, а также на урочище Пиль.

Почти в таких же размерах производится промывка золота по рекам Кара-Кош, ниже устья р. Тулганджи, правого притока реки Кара-Кош, впадающего близ селения Пужия. По р. Юрун-Кош разработка золота производится в весьма обширных размерах, а именно:

1) На урочище Брунджга по р. Юрун-Кош. Урочище это лежит в 4-х днях ходу выше сел. Каранги-Таг. Переходы от селения этого следующие: а) Даван-Тюпе (подножье перевала); б) через перевал Акал-Даш на урочище Кош-Ункур (две пещеры); в) Каваль и г) Брунджга. Дорога очень труднодоступная. Перевал доступен только для навьюченных яков. Ежегодно на этом прииске собирается около 150 золотопромышленников, которые работают около 3-х месяцев, причем средняя выработка около 30 золотников¹⁰⁹ в течение сезона. Добывание золота производится примитивно, при помощи промывки песку на больших плоских деревянных блюдах. Золотоносный песок, раньше промывки на блюде, подвергается предварительной промывке посредством слабой струи воды, для чего на земле настилаются камни, на камни сыплется песок, а сверху пускается слабая струя воды, из нарочно проведенной канавы.

2) Ит-Игак. Речка Ит-Игак впадает в р. Юрун-Кош слева. На прииски рабочие являются со стороны селения Полу, причем переходят в [...] переходов. Переходы следующие: а) верховья р. Полу; б) Калля-Кум; в) Юрун-Кош; г) Утляк; д) Чемак-Кош; е) Булак-Баши; ж) Ит-Игак. Собирается до 500–600 рабочих; работают до 2-х месяцев вследствие крайне трудной доставки продовольствия. Добывают до 30 зол. на брата.

Можно попасть со стороны Шахи, [и]а Ходжи по дороге, по которой пойдем мы и со стороны Каранштока, круглым путем на р. Кара-Кош. Добыча производится промывкой.

3) Калля-Кум. Правый приток р. Юрун-Кош. Добыча производится раскопками. Работает ежегодно до 100 чел. Попадаются самородки значительной величины. Работа очень трудная, вследствие того, что земля не оттаивает даже зимою¹¹⁰. Работы производятся, раскладывая огонь на месте раскопок. Топлива нет. Собирают кизяк. Прииски находятся в 2-х днях от Полу.

4) Кара-Даван. По реке Юрун-Кош, в 2-х переходах ниже Калля-Кума, причем переваливают довольно высокий перевал Кара-Даван. Работают до 100 чел. Добывание производится при посредстве промывки.

5) На верховьях р. Полу. Работает до 50 чел., при помощи промывки. Прииски неприбыльные.

6) Янги-Кон, по берегу реки Юрун-Кош, между урочищами Булак-Баши и Калля-Кум. Работает до 100 чел. промывкой.

Сведения о дороге из бассейна р. Кара-Кош в сел. Каранги-Таг,

¹⁰⁹ Золотник – бывшая единица массы в России (1 золотник = 4,266 г).

¹¹⁰ Ошибка Громбчевского, должно быть: «летом».

пройденной англичанином Джонсоном¹¹¹.

Джонсон прошел лет около 25 тому назад. Яркендом владели дунгане и Джонсон, опасаясь попасть в их руки, прошел следующим путем:

- 1) Урочище Лянгар по р. Кара-Кош.
- 2) Даванын-Таш («подножье перевала»), травы нет. Топлива нет.
- 3) Через перевал Янги-Кон-Даван к подножью перевала Брунджга.
- 4) Через перевал Брунджга на урочище Каваль.
- 5) Урочище Кош-Ункур.
- 6) Через перевал Акыл-даш в сел. Каранги-Таг.

Дорога очень трудная и доступная для вьюков на яках, а для лошадей в поводу.

26 декабря 1889 г.

Вторник 26/7

Переход до урочища Ледяного (Музлик) вверх по течению р. Лянгар-Сай – 36 верст.

Переход нетрудный и сравнительно небольшой, а, между тем, занял у нас целый день. Лошади еле-еле двигаются, а бараны подошли только в полночь, вследствие чего я вынужден завтра остаться здесь на дневку.

Сегодня я расстался с р. Кара-Каш-Дарьей, унося с собой самые безотрадные впечатления как о людях, так и о природе. Не дай Бог никому попасть в эти места. Вместе с тем, распрощался и с дровами. Теперь вплоть до с. Полу, если только доберемся туда живы да здоровы, дровяного топлива не увидим. Придется довольствоваться кизяком, да кое-где корнями терескена (бурсы), т.е. топливом, на котором с трудом можно согреть чай, да кое-что сварить, или, вернее, прокоптить на дыме. Это страшное лишение и его поймет только тот, кто как я на себе испытает.

Теперь 9 ч. в. и уже -28°C морозу; что-то будет к утру?! от чернил пришлось отказаться. Чернила, несмотря на то, что стоят в кипятке, мерзнут на пере моментально. Не удастся написать даже ½ слова.

Сегодня мы прошли мимо перевала Янги-Даван, а также шли по дороге, известной у окрестных жителей под названием Янги-Юл (новая дорога). Подробности об этом изложены в Маршруте¹¹² за сегодняшний день.

По дороге видели массу довольно свежих следов яков и диких коз.

27 декабря 1889 г.

¹¹¹ Уильям Н Джонсон (?–1883) – британский картограф, губернатор Ладака. Автор *Report on His Journey to Ilchi, the Capital of Khotan, in Chinese Tartary* [в:] „Journal of the Royal Geographical Society of London” 1867, т. 37, с. 1–47.

¹¹² В *Маршруте* были представлены топографические исследования, проведенные в течение всей экспедиции Громбческого.

Дневка.
Сегодня производил определение географических координат. Мороз к утру достиг -32°C и было невыносимо холодно. Еще, слава Богу, что ветру не было. Будь ветер – немислимо бы вытерпеть.

Утром, во время наблюдения, только -17°C , но при остром ветре было так холодно, что все время приходилось оттирать льдом окоченевшие пальцы.

Проводником ко мне нанялся разорившийся золотопромышленник. Человек лет 63-х, но еще совершенно бодрый, хотя исковерканный жизнью. Вся жизнь его прошла в непрерывной борьбе, причем он становился то сравнительно богатым человеком, нанимал за свой счет по 200–300 чел. для разработки золота, то опять разорялся окончательно. В последний раз судьба повернулась к нему спиной лет 12 тому назад. Он имел 3 года подряд крайне неудачных и не только разорился совершенно, но и задолжал несколько тысяч тенег. Долги вынудили его бежать и последние 10 лет он провел скитаясь среди горцев верховьев Тизнафа и киргиз Сары-Кии. Погружаясь все глубже и глубже в нищету, он дошел до того, что нанимался у киргиз в пастухи, проводил им оросительные каналы и т.д. О киргизах, впрочем, он самого дурного мнения. Они почта всегда его обманывали, не отдавали условленной платы, не отдавали занятых денег и т.д. Всю жизнь свою он провел в поисках за золотом и исколесил верховья реки Керии, Юрта-Коша и т.д. Судя по рассказам его, ему известны все тропинки и проходы в этих горах, что, естественно, для меня составляет великое счастье. На переходе между верховьями реки Керия и р. Юрунг-Кош, на урочище Калля-Кум старик потерял сына, мальчика лет 18, который задохся от разряженного воздуха. Место это находится на нашем пути и старик вспоминает о нем со слезами. Последний раз проявилась в нем страсть к приключениям летом нынешнего года. На последние крохи он купил такого же старого, как сам, ишака, сделал незначительный запас муки и отправился вверх по р. Кара-Кош отыскивать прямой путь на верховья р. Юрунг-Коша, чтобы попытать счастья на золотых приисках.

Прекрасное знакомство с общим характером местности помогло ему открыть проход на истоки р. Ит-Игаг (левый приток р. Юрун-Коша). Через проход этот он намеревается провести нас. Рассказ его о перенесенном очень интересен.

Подойдя к развалинам Лянгара (на вчерашнем нашем переходе), он оставил $\frac{1}{2}$ чайрека муки (6 ф.), а с остальным запасом, около 1 пуда, он пошел дальше. Подошел он к подножью перевала, ко й, как ему казалось, должен был вывести в бассейн Юргун-Коша, и, несмотря на позднюю пору, решил подняться на вершину, чтобы убедиться, не обманул ли он. Но вершина оказалась выше, чем он предполагал и добрался туда старец в сумерках. Темнота ничего не позволяла видеть впереди. Старец пожалел трудов, потраченных на то, чтобы взобраться на перевал и решил ночевать на перевале. Было очень холодно, старец приютился у большого камня, укрылся своими лохмотьями и заснул. Проснувшись утром, он увидел, что ишак (осел) его задохся и замерз. Таким образом, хотя он с рассветом убедился, что он открыл настоящую дорогу, но открытие это лишило его единственного вьючного животного. Силы изменили старику и поднять всей ноши осла он не мог. Пришлось оставить часть муки и одежды на перевале и идти дальше. В 3-х днях пути он поднялся к другому перевалу Ить-Игак, где и начал про-

мывку золота. Работа шла довольно успешно, но вышел запас муки и надо было идти за оставленною на перевале. В переходах и работе на приисках прошел месяц, в течение которого он выработал золота на 120 тенег т.е. около 19 рублей. Запасы муки вышли и он с невероятным трудом добрался до развалин Лянгара, где оставлен им был мешок с мукою. К ужасу своему он заметил, что лисица прогрызла мешок и муку растрепало ветром. Вытряхнув мешок он собрал около $\frac{1}{2}$ ф. муки, испек себе кумач (лепешки на углях) и пошел дальше. В 3 дня он кое-как добрался до урочища Чунг-Тукай, где обыкновенно работают над выплавкой свинца. Но оказалось, что рабочие ушли. До Шахидулла-Ходжи оставалось еще пять переходов, а силы все были израсходованы. Старик потерял совсем надежду на спасение. Пройдя еще один переход он обрезал голенища от своих чарыков и начал варить их. По словам его он 5 раз наливал воду, кипятил в ней голенища, в надежде размягчить их, но все это оказалось безуспешно. Порезав кожу тонкими ломтиками, он с невыносимым отвращением проглотил несколько ломтиков, – голод как будто сделался менее чувствительным и он ночью пустился в дальнейший путь. Сделав еще один переход, он окончательно обессилел и впал в забытие. Тут его нашли киргизы-охотники, случайно проезжавшие по этому месту, привели в чувство, накормили и доставили в Шахидуллу.

Не безынтересен рассказ его о том, как он чувствуя, что задыхается, близ перевала Ить-Игак, старался всеми силами пустить себе кровь из носу и с этою целью старался ударять себя по носу камнем, но руки отказывались служить ему и удары попадали по голове. Наконец, потеряв сознание, он упал и, падая, разбил себе нос. Кровь хлынула обильно и старик уцелел.

Имя нашего проводника Курбан Бай, он пользуется широкою известностью не только среди киргиз Сары-Кия, но и во всех местностях по склону гор Керийского хребта.

Относительно речки Ить-Игак (собака съедена) Курбан Бай рассказывает следующее.

Лет 12 тому назад здесь работала масса золотопромышленников. Двое из них заработались настолько, что у них осталось провианту только на 4 дня. Тогда они решили возвращаться в долину Кашгарии не через с. Полу, на что потребовалось бы около 8–10 дней, а спуститься вниз по р. Ить-Игак и далее по р. Юрун-Кош и спуститься прямо в сел. Каранги-Таг. Река Ить-Игак оказалась настолько труднодоступною, что они только на 6 день вышли на русло р. Юрун-Коша. Возвращаться обратно невыносимо было и путники продолжали путешествие дальше. Но река Юрун-Кош течет в таком узком ущелье и, притом, часто падает вниз водопадами, что пришлось карабкаться по скалам, делая значительные обходы. Наступил голод. Путники убили сопровождавшую их собаку и, питаясь мясом ее, продолжали подвигаться дальше. Один из путников умер в дороге от истощения, а другой добрался до сел. Каранги-Таг только на 22-й день.

Рассказ этот характерно иллюстрирует среднее течение р. Юрун-Коша.

Вообще, добывание золота в этих неприветливых странах сопряжено с громадными лишениями и, по словам Курбан-Бая, на приисках нет столько камней, сколько погибло здесь человеческих жизней.

28 декабря 1889 г.

Четверг 28/9

Переход до подножия Русского перевала, составляющего водораздел между бассейнами рр. Кара-Кош и Юрун-Кош – 33 версты.

Сегодня с утра дул чрезвычайно сильный, порывистый О при морозе в -25°C . Было нестерпимо холодно. Ветром вышибало из глаз слезы, которые моментально замерзали на лице, и надо было прилагать все старание, чтобы не обморозить конечностей. Часам к 12 дня ветер утало почти тепло, но около 6 ч. в. поднялся замечательно сильный NW, не прекращающийся до настоящего времени.

Мы обвернули и окутали лошадей чем могли, чтобы предохранить их от убийственного ветра, но Бог Един ведает, сколько лошадей уцелеет к завтраму, тем более, что приходится ночевать на голом песке, не только без признаков травы, но и без воды.

Целый день шли по местности, абсолютная высота которой значительно превышает 11/т. ф. И люди, и лошади переносят эту высоту пока счастливо. Завтра предстоит высокий и трудный перевал, названный мною Русским.

Путь наш пролегает через два обширных плато с озерами, разделенных невысоким перевалом, названным мною Междуозерным.

Близ озера Неприветливого мы прошли мимо довольно большого стада диких коз, пасущегося на лугу приблизительно в 1 версте в стороне от дороги. Дикие козы, по-видимому, людей никогда не видели, потому что отнеслись совершенно равнодушно к нашему проходу. Я пожалел лошадь и не попытался подойти к стаду.

Кроме сего, видели следы крупного волка, лисицы и зайца, а также видели один экземпляр ворона. Что делает и чем питается эта птица в этой ужасной пустыне?

Горы, окружающие плато, невысоки, мягки и почти повсеместно проходимы. Растительности абсолютно никакой, что следует приписать исключительно отсутствию влаги, ибо, где влага попадает, хоть изредка, например, по дну ущелья, там уже растут чахлые кусты терескена, а близ озер и трава.

Дорога в Тибет (янги-юл) направилась к юго-востоку, мимо озера Голубаго. По рассказу проводника, между оз. Голубым и перевалом через Гималаи – 5 дней ходу. Он доходил только до урочища Лячин-Тага (Соколиная гора), находящегося в одном переходе к юго-востоку от озера Голубого. На этом переходе он прошел мимо большого озера Танакор-Куль, т.е., кажется, содовое озеро, пресыщенного содою. По берегу озера целые груды соды, служащей предметом вывоза и торговли в Тибет.

29 декабря 1889 г.

Пятница 29/10

Переход через Русский перевал вниз по р. Утляк, истоку р. Ит-Игак, левого притока р. Юрун-Коша – 48 верст.

Переход чрезвычайно трудный, не только вследствие необыкновенной высоты перевала, но и полного отсутствия подножного корма и воды, а также жестокого ветра, преследовавшего нас в течение целого дня.

Вода вымерзла не только в реке, но и в родниках. Река представляет сухое, очень каменистое русло, в котором нет ни капли воды, а между тем, судя по следам, оставленным рекою на берегах, вода летом должна быть очень высокою. Лошади наши не пили уже 2½ суток, и мы употребили все старания, чтобы дойти до воды, но достигли ее только в 12 ч. ночи, потеряв на переходе 4-х лошадей.

Перевал, названный мною Русским, очень высокий. Гипсотермометр при кипении показывал приблизительно на 20 делений ниже предельной точки 82. Несмотря на такую высоту, все члены экспедиции не чувствовали никаких особенных припадков, свойственных столь азраженной атмосфере. Мы обжились на высотах и, даст Бог, дойдем как-нибудь до с. Полу.

Перевал легкодоступный с обеих сторон. Лошади взошли, не задыхаясь с полным выюком в 8 пудов. ~~Мнение, что необходимо облегчать выюки, несправедливо.~~ Надо только лошадей постепенно приучить к высотам.

Характер гор – одинаковый. Близ перевала – горы песчаные, ниже скалисты. Полное отсутствие жизни и растительности, за исключением чахлах кустиков терескена, который попадает почти у вершины перевала.

Видел ворона, перелетающего через перевал.

30 декабря 1889 г.

Суббота 30/11

Дневка на урочище Иссык-Булак.

Поздний приход на ночлег вынудил меня остаться сегодня на месте. Лошади совсем выбились из сил. Со времени выхода из Сунгуля мы потеряли уже 6 лошадей. Что-то будет дальше? Если бы удалось перевалить хотя бы через перевал Ить-Игак! Если лошади погибнут на этой стороне перевала – гибель экспедиции неминуема.

Тяжелое, безвыходное положение экспедиции и масса шансов на несчастье с нами вынудили меня сегодня собрать совет, чтобы прийти к заключению – вернуться ли обратно, или идти дальше в Полу. Положение наше такое: мы находимся на половине расстояния между Полу и Сунгуль. К стороне Сунгуля – один перевал, к стороне Полу – два перевала. Затем количество дней без корму и воды – одинаковы. В совете участвовали: г. Конрад, мирза Фазыл-Бек и старший джигит Садыр-Ходжа, причем все единогласно высказались за то, чтобы идти в Полу. Будь, что будет – завтра идем дальше.

Погода пасмурная и необыкновенно ветреная. В полдень, однако, небо несколько прояснилось и мне удалось произвести определение широты.

Для предпринимающих путешествия по местности очень высокой – реко-

мендую следующее: по возможности меньше есть. Лично я обыкновенно довольствуюсь чаем и самым ограниченным количеством хлеба. Затем избегать не только ходьбы, но и всякого резкого движения, так как таковое неминуемо вызовет тошноту, от которой избавиться очень трудно. Надо постоянно держать себя, что называется, «степенно». Остальное зависит больше всего от полнокровия и личной выносливости путника. Если задыхается лошадь – надо немедленно проколоть шилом ноздри, иначе лошадь сдохнет в течение нескольких минут. Болезнь лошади легко заметить. Она шатается, глаза набегают кровью, часто дрожит и потеет. Кровь, выпущенная из носу, вероятно облегчает дыхание. Впрочем, это средство далеко не радикально, и лошадь, например, на перевале Кавак сдохла, хотя кровь была ей пущена.

Я чувствую себя очень плохо. Постоянное головокружение и тошнота с утра. Это тем удивительнее, что мы спустились очень низко и что на перевале я чувствовал себя совсем бодрым. На сегодняшнем ночлеге сквозь скалы левого берега речки Утляк просачивается родник, из которого осаждается масса соли, покрывшей толстым слоем бок скалы.

Мы находимся теперь в бассейне реки Юрун-Кош-Дарьи, на одном из левых притоков этой реки. Дальнейшее движение в Полу предстоит через перевал Ит-Игак на р. Куня-Кан, впадающую в р. Юрун-Каш. По этой реке спустимся до р. Юрун-Коша, перейдем на правый берег и поднимемся вверх по правому притоку этой реки р. Калия-Кум на высокое плато, с которого спуск на истоки реки Полу. Отсюда до Полу можно дойти в 7 переходов.

Сегодня постигло нас новое несчастье. Сегодня ночью между камнями прорвались два капа с ячменем и, незаметно для вожаков, по дороге высыпались. Это ужасное горе. Ячмень – это сила лошадей, а с ними и наша жизнь.

5 января 1890 г.

Пятница 5/17 Января 1890 года

После невероятных лишений мы добрались обратно до урочища Буз-Чат (близ Сунгуля) по р. Кара-Кош. Экспедиция потерпела полное крушение. Но начну сначала.

30-го Декабря мы на общем совещании порешили «будь, что будет» – идти дальше в Полу, но по пословице «Человек предполагает, а Бог располагает» – решение это пришлось отменить. Началось с того, что к вечеру явился урядник и доложил, что сдохло еще 2 лошади. Таким образом, от выхода из Сунгуля мы потеряли 8 лошадей и уже не могли поднять своих тяжестей.

Погода, было несколько прояснившаяся около полудня, к вечеру совсем испортилась: ветер перешел в настоящий ураган, нагнал массу свинцовых туч, окутавших нас со всех сторон; началась настоящая степная метель, за которой ничего разглядеть невозможно было на расстоянии нескольких десятков шагов. Горы покрылись толстым слоем снега. На дно ущелья выпадало снегу немного, да и тот уносился ветром. Выступление к стороне перевала Ит-Игак назначено

было на рассвете. От выступления из Сунгуля мы потеряли 8 лошадей, т.е. 26,6%; поднять наших тяжестей мы уже не могли и я решил еще раз собрать совет, так как из имеющихся налицо лошадей добрая половина для вьюков не годилась. Все единогласно пришли к заключению, что люди все на перевал подымутся пешком. На слабых лошадях решено было навьючить только седла, а на верховых, как более крепких, навьючить имущество экспедиции, облегчив его предварительно до последней крайности и бросив все, что не составляет существенной необходимости. Против решения этого восстал, однако, проводник, заявив: 1) что, зная хорошо горы, он убежден, что начавшаяся снежная метель продлится не меньше недели, причем, хотя в ущельях выпадает сравнительно немного снега, но перевалы будут им засыпаны и пробиться через снежные заносы при существующем урагане – крайне трудно, если не невозможно; 2) перевал Ит-Игак представляет сочетание многих ущелий, совершенно похожих одно на другое, и в сильную метель отыскать направление очень затруднительно; 3) если по р. Куня-Кан и Юрун-Кош выпадет снег хотя бы на $\frac{1}{2}$ четверти, то разыскать топлива невозможно, и при существующих морозах гибель экспедиции неизбежна; 4) лошади экспедиции совершенно обессилены и есть много вероятия, что они погибнут при переправе через перевал Русский или Ит-Игак, но при этом, перевалив через перевал Русский, мы очутимся на дороге известной, и хотя пешком, и медленно, но доберемся до реки Кара-Коша; тогда как, в случае гибели лошадей на перевале Ит-Игак, впереди имеется высокий перевал Калля-Кум, затем высокое Тибетское плато, длиною около 40 верст, перевал Кызыл-Яр, через который спускаются на истоки реки Керии. Отыскать направление на Тибетском плато без проводника очень трудно, так как оно состоит из многочисленных ущелий, идущих в различном направлении; дороги нет, а неверно избранное ущелье отведет далеко вглубь степи: вещь неприятная летом, но, безусловно, гибельная зимою; 5) в случае необходимости бросить вьюки по сю сторону перевала – киргизы Сары-Кии, привыкшие к горным переходам, за деньги вещи вывезут, но жители с. Полу без инициативы и ни за что не согласятся отправиться за вещами и 6) Проводник наш древний, 60-летний старец чувствовал себя очень плохо и, несмотря на то, что мы укутывали его и ухаживали за ним, ежеминутно мог отправиться *ad patres*; по словам его, он чувствовал себя очень плохо, смерти не боится, ибо отжил свой век, но горюет при мысли, что в случае смерти его между перевалами Ит-Игак и Калля-Кум столько человек неминуемо должны погибнуть, так как через два перевала не хватит людям сил вернуться на истоки р. Кара-Кош, а отыскать настоящее направление на истоки р. Керии вряд ли удастся.

Обстоятельно взвесив все вышеизложенное, я не мог не признать справедливости заявления проводника. Если бы даже удалось кое-кому выбраться в селение Полу, то гибель более слабых и болезненных членов экспедиции становилась более чем вероятною, а смерть товарищей, с таким беззаветным доверием следующих за мною, не вызванная при этом необходимостью, должна была бы лечь тяжелым бременем на моей совести, если бы лично мне и удалось выбраться в Полу. Самым целесообразным было бы прождать несколько дней на месте, пока снежная метель не уляжется и погода не прояснится, и идти вперед дальше при хорошей погоде, но выполнить это мы не могли, вследствие абсолютного

отсутствия подножного корма, а также возможности быть засыпанными снегом в бассейне Юрун-Кош, так как перевалы Русский и Ит-Игак закрываются зимою даже для пешеходов. Я не мог остановиться даже на один день, так как запасы ячменя частью были скормлены, частью просыпаны. Не оставалось ничего больше, как идти вперед или назад, но стоять на месте – значило подписывать себе смертный приговор.

В виду вышеизложенного, я с невероятною болью в сердце, всего в 5–6 переходах от цели экспедиции, отдал приказание выступить обратно к Русскому перевалу. Экспедиция выступила на рассвете, предполагая остановиться на ночлег у подножья Русского перевала, я же спустился версты на 4 вниз по р. Утляк до слияния с р. Ит-Игак, чтобы осмотреть Ит-Игакские золотые прииски и догнал экспедицию к вечеру на урочище Баш-Шивер. Ит-Игакские золотые прииски находятся при слиянии р. Утляк с р. Ит-Игак (вверх по течению которой ведет дорога на перевал Ит-Игак). Здесь же (слева) впадает р. Курумбы. Разработки золота производятся как по р. Ит-Игак, ниже устья р. Курумбы, так и на верховьях р. Ит-Игак. Разработки производятся промывкой золотоносного песка на широких, плоских деревянных блюдах. Все видимые в настоящее время следы разработок заключаются в следующем: как по руслу реки Ит-Игак, так равно и по р. Курумбы во многих местах видны небольшие, около 3 кв. арш., площадки, выстланные плоским камнем: к площадкам этим проведены водопроводные канавки. На каменную настилку сыплется тонкий слой золотоносного песка, поверх которого пускается быстрая струя воды, выносящая с площадки песок и мелкую гальку. В течение дня на площадку насыпается золотоносный песок 15–20 раз. Перед вечером золотопромышленник убирает с площадки более крупные гальки, которых вода не в состоянии была смыть; затем собирает тщательно с площадки песок и промывает его на широком деревянном, плоскодонном блюде. Ежедневная выработка одного рабочего на Ит-Игакских золотых приисках простирается от 15–20 тенег, что составляет от 2–3 руб. кред.

Во многих местах настиляется камнями не вся площадка, приготовленная для промывки, а только укладываются камни по обеим сторонам площадки, а середина заполняется крупным песком.

Золотоносный песок находится не по руслу реки Ит-Игак, а по сторонам нынешнего русла, по местности, составлявшей, по-видимому, старинное русло реки. Теперь место это занесено толстым слоем наносной земли и поросло кустарниками терескена. Золотопромышленники счищают верхний слой земли и добираются до гальки.

К месту расположения экспедиции я подъехал к вечеру. Целый день дул западный ветер с необыкновенною силою, переходящею подчас в ураган. Снежная метель перед вечером несколько приутихла, но ветер не прекращался. Термометр, несмотря на пасмурную погоду, быстро понижался и к 9 ч. вечера показывал -27°C . Было нестерпимо холодно. Лошадей мы свели в кучу, накрыли чем могли и дали последние запасы ячменя. Холод был такой пронизывающий, что никто из нас не питал надежды, чтобы от мороза уцелела хотя бы одна лошадь. Мы все 13 человек сбились в одну палатку, стараясь согреться собственным дыханием. Не знаю, что чувствовали другие – я лежал в углу палатки, имея на себе все, что только было

теплого у меня с собою (а именно: на голове лисья меховая шапка с наушниками; на теле: фуфайку егеровскую, фуфайку толстую английскую, полотняную рубаху, фланелевую рубаху, толстое вязаное джерси, сюртук толстого сукна на фланели, полушубок, крытый сукном и нагольный тулуп; на ногах: тонкие английские носки, две пары толстых чулок выше колена, меховые чулки выше колена и валенки) и, тем не менее, ветер пронизывал меня насквозь и я трясся как в лихорадке, чувствуя, что замерзаю, коченею. Почтенный товарищ мой мирза Фазыл Бек прижался ко мне, стараясь согреть меня собственным телом. В другом углу палатки лежал больной урядник Козьякаев, заболевший «высокою» лихорадкой, появлявшеюся у него на местностях выше 17/т. ф. и прекращающеюся немедленно при спуске на местности более низкие. Тело его горело, как в огне, а между тем, он трясся от холоду. Палатка, еле сдерживаемая железными приколами, вздрагивала и шаталась под бешеными напорами ветра. Ежеминутно казалось, что арканы лопнут и палатку унесет далеко в темень. Идти в такую погоду через перевал – значило идти на верную смерть; вряд ли было лучше оставаться на месте.

Около 10 часов вечера я вышел из палатки проверить состояние погоды. Термометр показывал -31°C , ветер дул с прежнею силою, но сквозь густые черные тучи кое-где просвечивали 2–3 звездочки. Трудно передать тяжелое, безотрадное настроение духа. Я старался шуткой и личным примером поддержать бодрость в товарищах, но все выходило бледно, бесцветно. Безвыходность положения написана была на лице каждого спутника.

Долголетним опытом и многочисленными путешествиями зимою через горы, я пришел к заключению, что самые бурные перевалы в метель удобнее всего переваливать с таким расчетом, чтобы быть на вершине перевала в момент рассвета, или даже несколько раньше. Таким, например, образом в Декабре 85 года и в конце Ноября 86 года я перевалил через перевал Терек во время сильнейших метелей. По непонятной для меня причине перед самым рассветом буря обыкновенно несколько затихает, а с рассветом возобновляется с новой силою. Этот-то момент затишья и есть самое удобное время для перехода через перевал. В 85 году с обоих склонов у подножья перевала Терек я застал по несколько торговых караванов, живущих здесь уже 5–6 дней и не рискующих подняться на перевал вследствие страшной метели. Один из этих караванов, ободренный моим примером, быстро навьючился и пошел за мною. Караван этот прошел благополучно, тогда как спутники его, поднявшиеся всего $1\frac{1}{2}$ ч. позже на вершину перевала, попали под шквал ветра, потеряли всех лошадей и спаслись сами, поморозив, впрочем, погонщиков.

Весь вопрос заключался в том, оправдается ли эта теория в данном случае. Все зависело от принятого мною решения: идти ли сейчас вперед, или же пожертвовать всеми лошадьми, – прожить несколько дней у подножья перевала, выждать хорошей погоды и перевалить перевал пешком.

Я чувствовал всю тяжесть ответственности за принятое решение и внутренне жестоко терзался. Будучи всю жизнь мало верующим, я в эти тяжелые минуты горячо молился Богу и просил заступничества Пресвятой Богородицы, дабы Промысел направил мое решение в надлежащую сторону. Бог мне свидетель – я не боялся смерти лично для себя. Я так много раз в жизни стоял лицом к лицу

со смертью, так часто искал нервных потрясений и опасностей, что и в этот раз спокойно смотрел в будущее. Но меня убивала мысль, что ради моей беспечности и жажды к новым впечатлениям погибнет столько человек, следовавших с беззаветною верою в мою опытность и предусмотрительность; я чувствовал, что умри я в такую трудную минуту – вся экспедиция погибнет безусловно, как не живет тело без души. Мы находились в 14 верстах от вершины перевала. Считая по $2\frac{1}{4}$ – $2\frac{1}{2}$ версты в час, мы могли подняться на перевал в промежуток около 6 часов. Светать начинало несколько позже 6 час. утра и к этому времени мы должны были начать спускаться. Чтобы избавить движение от неожиданных задержек, придать ему возможно большую скорость и избавиться от необходимости отдыхов по дороге в случае, если люди шли пешком, я решил оставить по сю сторону перевала все вьюки и тяжести экспедиции. Из вьючных 12 сундуков экспедиции был составлен 4-х угольник, внутри которого уложены были все мелкие вещи. Сверху все накрыто было войлоками и завалено камнями, чтобы воспрепятствовать урагану разметать оставляемое имущество. С собою взяты были дневники, съемки, хронометры, серебро в слитках, одна палатка и самое необходимое из съестных припасов по расчету на 6 суток. Ровно в 12 ч. ночи, в самый момент начала Нового 1890 года, я поздравил людей с праздником и подал сигнал к выступлению. Люди молча поднялись, начали быстро собираться в путь, а через $\frac{1}{4}$ часа вся экспедиция вытянулась за мною в длинную линию. Термометр понизился еще на 1°C и показывал -32°C . Начал падать снег крупными хлопьями, а ветер, хотя дул с необыкновенною силою, но, казалось, порывы его по временам как будто затихали.

Хотя по календарю ночь должна была быть лунною, но густые тучи настолько закрывали луну, что было совершенно темно и я должен был напрягать все усилия, чтобы не сбиться с пути. По временам мы попадали в высокие сугробы нанесенного бурей снега, и я горячо благодарил Создателя за принятое решение идти без вьюков. С тяжелыми вьюками нам никогда бы не выбраться на вершину перевала. По мере движения вперед ветер все затихал и к 5 ч. у., когда я выбрался на вершину перевала, почти совершенно затих.

Я слез с лошади, в ожидании, пока подтянутся товарищи и, пропуская мимо себя, тщательно осматривал, не обморозили ли себя люди. В 6 ч. у. начало светать. Последними поднялись на перевал казак Матвеев и джигит Тюрю Кул. Ветер уже дул с необыкновенною силою и у казака Матвеева оказались обмороженными нос, правая щека и ухо, а у Тюрю Кула – правая щека. Оттирание снегом на ходу вскоре возвратило кровообращение в обмороженных конечностях. —

В $7\frac{1}{2}$ часов утра мы были у подножья противоположного склона перевала. Буря со снежною метелью свирепствовала с необыкновенною силою, но мы находились уже в $3\frac{1}{2}$ т. ф. ниже перевала и, укрытые несколько окружающими горами, спокойно переносили натиск ветра.

Следуя безостановочно, мы к 2 ч. у. подошли к перевалу Междуозерному, перевалив который, я разрешил людям остановиться на ночлег на траве близ оз. Неприветливого, а сам спустился вниз и к 8 ч. вечера достиг урочища Лянгар.

Мы находились в этот день в движении в течение 20 часов, сделав в это время больше 65 верст. Напряжение нервов дошло до высших пределов, и, не-

смотря на то, что я уже 6 дней питался лько чаем и чувствовал большую слабость, несмотря на отсутствие палатки и мороз в -25°C при чрезвычайно сильном ветре, я укутался в бурку, приютился к стене развалившегося дома и заснул мертвым сном.

Так провели мы канун и первый день 1890 года.

Утром 2-го Января я проснулся до свету от ощущения невыносимого холода. Разбудив г. Конрада, мирзу Фазыл-Бека и Садыр Ходжу, мы отправились за поисками топлива, разыскали немного корней терескена, развели огонь, растопили лед и согрелись чаем.

Около 9 ч. утра подошли остальные люди экспедиции и мы тронулись дальше, а в 2 ч. дня достигли до урочища Саун-Сай, по р. Кара-Каш, где нашли воду и древесное топливо. Несмотря на невероятное истомление, мы не могли сдерживать лошадей, которые рвались к воде и пили ее с невероятным наслаждением. Лошадей мы не поили в течение 3-х д причем сделали около 130 верст. 3-го Января я отправил вперед джигита Тюрю Кула к киргизам Сары-Кии с просьбой доставить на урочище Буз-Чат две юрты и необходимые съестные припасы. Погода все время ветреная и холодно пасмурная. На высотах падает снег.

4-го Января мы подошли на урочище Буз-Чат, потеряв еще 2-х лошадей. Таким образом, движение к Полу стоило экспедиции ровно $\frac{1}{3}$ лошадей, а еще треть еле дотащились сюда без вьюков.

Поздно вечером явились в лагерь киргизы. К чести их надо добавить, что они выставили все нужное по ценам, обыкновенно практикуемым в Сары-Кии.

Погода все время пасмурно-холодная и очень ветреная.

Сегодня, 5 Января, посоветовавшись с киргизами, пришел к следующему решению.

Если удастся нанять не менее 12 верблюдов, то мы вернемся обратно к вьюкам и еще раз попытаемся пройти в с. Полу прямым путем через высокое нагорье. Так как у здешних киргиз можно нанять только 5 верблюдов, то за остальными верблюдами я отправляю немедленно нарочного в Шахидулла Ходжу, поручив ему вместе с тем закупку ячменя, муки, крупы и баранов.

Если бы жители Шахидулла Ходжи не согласились нанять верблюдов до Полу, то местные киргизы за 100 мет. рублей обязались доставить мои вьюки сюда, затем на яках я переправлюсь через перевал Гинду-Таш на истоки реки Пишния, спущусь вниз по р. Кара-Кош до сел Пуджия (в одном дне хода от Хотана), откуда по предгорьям проникну в с. Полу.

Киргизы сообщили мне следующие новости: 1) Укр. Шахидулла Ходжа занято вновь небольшим кашмирским гарнизоном, начальник которого заявляет, что с наступлением весны здесь будет построено большое укрепление из жженого кирпича с гарнизоном в 300–400 человек; 2) Турды Куль Бек все еще томится в заключении в Каргалыке, ожидая решения своей участи; 3) Китайцы весною собираются строить укрепление близ устья р. Кильяши 4) Бежавший джигит экспедиции киргиз Абик заарестован в укреплении Шахидулла Ходжа. Памятуя слова молитвы: «и остави нам долги наша...», я приказал отпустить его на все четыре стороны.

6 января 1890 г.

6/18 Января. Суббота

Сегодня, по случаю Праздника Св. Крещения, мы все собрались для общей молитвы, вознося горячую благодарность Господу Богу за доставление нас в целости и здравии.

Люди все совершенно здоровы, а перенесенные физические труды и лишения выразились только в общем утомлении и какой-то сонливости. Все мы сильно похудели, выглядим как-то «бедно» и как будто не можем выспаться.

Я потерял весу 2 п. 4½ фунта за время экспедиции.

7 января 1890 г.

Воскресенье 7/19 Января

Дневка на ур. Буз-Чат.

Погода прояснилась и, хотя утром было -18°C, но после полудня термометр поднялся до +12°C в тени. Такой теплой погоды мы давно не имели. Старик проводник был совершенно прав, говоря, что скверная погода продлится неделю. Имей мы возможность выждать эту неделю где-либо по р. Юрун-Кош, мы теперь могли бы продолжать путь дальше.

Сегодня убил 3-х зайцев и 2 куропатки.

11 января 1890 г.

Четверг 11/23

Сегодня сделали небольшой переход версты на 4 вниз по р. Кара-Кош до новой травы.

Погода в течение всех 4-х дней стояла превосходная. Термометр в некоторые дни подымался до +9,5 С в тени. Лед быстро тает. Воздух в течение 2–3 часов около полудня совершенно весенний. Зато ветры продолжают нас преследовать, переходя по временам в ураганы. Морозы находятся в совершенной зависимости от того, ясно ли или пасмурно небо. При облачной погоде морозы ночью достигают едва -6°-7°C, при ясной – стоят на -15°-18°C.

Посланец в Шахидулла Ходжа вернулся. Киргизы нанять верблюдов для нового путешествия в Полу не соглашаются, мотивируя отказ свой тем, что худы и не оправились от поездки с кап. Янхузбендом по Раскему, а главное, – трудностью и опасностью пути в зимнее время. Пришлось отправить здешних киргиз за вещами. Они отправились одни и обещали вещи доставить через 7 дней.

Посланец, вернувшийся из Шахидуллы, сообщил, что в укрепление прибыло

5 чел. солдат кашмирских, которые привезли ко мне еще 2 письма от Английского Резидента в Кашмире. Старое письмо тоже лежит в укреплении, а потому на днях все это доставится. Действительно, сегодня явился целый табор: кашмирские солдаты, аргуны, тибетцы, киргизы и т.д. Брат Турды Куль Бека доставил немного ячменю, муки и крупы.

Посланцы от Кашмирского Резидента доставили мне три письма. В одном из них резидент сообщает, что он написал Калькутту, испрашивая разрешение на проезд мой у Мин. Ин. Дел. В остальных двух сообщает, что Ост-Индийское правительство не изъявило согласия на мой проезд. Оба последние письма написаны 26-го Ноября. Страх англичан, чтобы мы не пробрались в Ладак, настолько велик, что они отправили посланцев по двум дорогам и усилили караул в Панамике до 60 чел.

Вместе с тем Кап. Янхузбенд прислал письмо на имя Турды Куль Бека с приказанием донести подробно о том, что я делал на верховьях Кара-Коша, какие посетил местности и куда выехал. Люди мои передавали мне, что киргизы отказались нанять верблюдов до Полу, только в виду категорического приказания из Ладака воспротивиться во чтобы то ни стало моему проходу в Полу. Сведения эти, впрочем, требуют подтверждения, хотя очень вероятно. Турды Куль Беку назначено содержание в 1/т. рупий; киргизам – в 180 рупий. Увеличение укрепления предполагается. В письме к Турды Куль Беку Капит. Янхузбенд обещает вернуться в Шахидулла Ходжу раннею весною.

Турды Куль Бек все еще в заточении в Каргалыке и участь его еще не решена. Некоторые из киргиз, увезенных вместе с ним в Каргалык, после тщательных допросов, отпущены. Один из аргунов, некто Абдулла, по прозвищу пат, проживающий в Ладаке, выказывал полное желание служить и быть полезным. Вообще, думаю, что среди аргунов можно легко найти преданных и способных агентов.

13 января 1890 г.

Суббота 13/25 Января

Сегодня произведена была экскурсия через перевал Гинду-Таш для исследования дороги в ущелье р. Пишния.

Как на зло, еще со вчерашнего числа небо затянулось тучами, подул холодный и очень сильный ветер и подъем на перевал приходилось делать среди густого тумана, по временам прерываемого снежною метелицею. Подъем на перевал очень трудный и на протяжении первых 6 верст перевал возвышается тремя уступами. Дальше необходимо было подниматься по леднику. В нынешнюю зиму снег не выпал и лед был гладкий как стекло, представляя невероятные трудности для подъема. Возбравшись, наконец, на вершину перевала экскурсия, придерживаясь левого (восточного) ската гор, где на ледник скатилось довольно значительное количество крупной гальки и валунов, продвинулась с невероятною опасностью, придерживаясь за валуны, еще шагов на 400. Дальше идти пешком невозможно было. Экскурсия подошла к отвесу, глубиною до 10 сажень, на дне которого зияла громадная трещина. Если бы удалось спуститься с отвеса и переправиться через

широкую щель в леднике, то дальнейшее следование по леднику, с высоты перевала, казалось возможным и вплоть до виднеющейся впереди травы, по руслу реки Пишния, особых затруднений не представляет. Но опуститься даже пешком не представлялось никакой возможности, не говоря о полной невозможности спустить вьюки, бросив хотя бы лошадей.

На вершину перевала спускаются два ледника. Насколько за густым туманом рассмотреть удалось – ледник, спускающийся с восточных склонов горы, покрывает собою вершину перевала и спускается к стороне р. Кара-Каш. Ледник же, спускающийся с западного склона гор, главной массой спускается в сторону р. Пишния. В месте, где оканчивается ледник, ущелье р. Пишния несколько суживается и китайцами построена стена с воротами, а самый перевал воспрещен к проезду. Предосторожность излишня, ибо при существующем состоянии ледника с этой стороны в ущелье р. Пишния попасть может разве птица.

Результаты, добытые сегодняшнею экскурсией, крайне грустны. Так как нанять верблюдов или купить лошадей нет возможности, с тем чтобы на новых подъемных средствах пройти прямо в Полу, и дороги через Гинду-Таш не существует, то экспедиции остается только один путь, идти в Кильянг по караванной дороге, подчинившись всяким придирам со стороны китайцев.

22 января 1890 г.

Понедельник 22/3 Января

Переход до урочища Кара-Джилыганы-Аузы вниз по р. Кара-Кош – 23 версты.

На прежней стоянке мы простояли еще 9 дней, как в ожидании привоза наших тяжестей, брошенных по ту сторону Русского перевала, так равно и подвоза из Санджу ячменя и др. предметов продовольствия, необходимых для прохода бескормного пространства вплоть до китайского поста Кильянг на протяжении 10 переходов. Вещи наши доставлены были только на 10-й день, причем киргизы дошли еле живыми вследствие весьма сильных морозов. Один из них поморозил нос, уши и щеку, другой пальцы у обеих ног. Видя истинно бедственное положение возчиков, я вынужден был увеличить условную плату и выдал, вместо 100, 150 рублей металлич. У возчиков сдох один верблюд. Вещи доставлены все в целостности и исправности. Погода за все время стояла ясная, но очень морозная и ветреная. Я отправил письмо к Я.Я. Лютшу с просьбой оказать все свое влияние на китайские власти и настоять, чтобы нам дозволено было пройти в Полу.

Сегодня мы прошли переход вниз по р. Кара-Каш. Не имея возможности поднять экспедиционные тяжести на собственных лошадях, я нанял пять верблюдов по 2 р. штука в день. Жители оказывают нам сочувствие и расположение, не исключая женщин, конечно, старых. Сегодня я был глубоко тронут, когда, остановившись на ночлег близ киргизского аула, вышла к нам на встречу старушка и пригласила остановиться у ней в юрте.

На ночлеге явился к нам местный «хафиз» (песенник) и целый вечер услаждал

нас песнями. Это молодой юноша, почти мальчик, с приятным, но неустановившимся голосом, и приятною наружностью. Он аккомпанировал себе на 3-х струнной гитаре. Мелодия грустная, но приятная. Содержание песен: восхваление Бога во всех видах, любовная песня к милой сердцу (и, наверное, невыразимо грязной особе) и т.д. после этого явились «ирдачи» из киргиз, которые восхваляли меня на все лады, описывали мое путешествие и перенесенные лишения. Все это импровизация стихами, очень поэтическая, но мелодии никакой. Лежа на койке, я долго слушал песни, и убаюканный монотонными киргизскими мотивами, крепко заснул. Сконфуженные моим храпом, «ирдачи» поспешили убраться из юрты, а я принялся за дневник. Чудная, но очень холодная ночь. Несмотря на свет полного месяца, звезды ярко вырезывались на небе. Особенно характерно положение Большой Медведицы. Ночью мы разбужены были свирепым лаем собак и криком киргизок. Оказалось, что волк вспрыгнул в загон с баранами, находящийся в 3-х шагах от юрты и, несмотря на погоню, унес барашка.

23 января 1890 г.

Вторник 23/4

Переход вниз по р. Кара-Кош до урочища Кавакны-Аузы – 25 верст. Погода ясная, но холодная. С полудня сильный ветер, нагнавший массу туч. Остановился в юрте, в обществе старухи, ее сына и внука, а также штук 20 барашков, бляевших на все лады. Ночью, когда заперли юрту и потушили огонь, вонь была такая невыносимая, что со мною сделалось дурно.

24 января 1890 г.

Среда 24/5

Переход до урочища Балыкчи – 40 верст. В Балыкчи выехал на встречу к нам Турды-Куль-Бек, только что вернувшийся из Каргалыка. Он просидел в кутузке ровно 2 месяца и отпущен на поруки впредь до решения судьбы его высшими властями. Турды-Куль-Бек человек решительный и услужливый; он предложил мне остановиться здесь на 3–4 дня, и отправить посланцев вниз по руслу реки, чтобы убедиться, возможен ли переход в Пишнию и Хотан по руслу реки. Я придал своего человека. Люди подойдут с ответом через 6 дней и тогда решу окончательно, идти ли на Кильянг или Хотан. Турды Куль Бек рассказывал ход своего дела. Голова и шкура его висят все еще на волоске. По словам его Мирза Джан Ходжи состоит также и агентом англичан в Яркенде. Ловкий парень, сумел устроиться у нашего Консула, англичан и китайцев. Я одарил бека дорогим халатом и обещал подарить ружье, если удастся пройти по руслу реки. К сожалению, Турды Куль Бек предан англичанам, и доверять ему нельзя.

1. Ёны тып (у ёны-утуп), ёнытып кунуны олей (по 2 раза)
2. Карчига-даг (качига) – эгрип (учуп) келиб кулунга (на руке) куней (по 2 раза)
3. Иргай (Иргай-кустарник) ликдын тариб булмес сай (пашни) таишны
4. Дард итканде таиб (тохтаб) булмас куз яшины (слезы)
5. Иргайлик-дын кискан таяк камчин булсун
6. Хош, худога топширдыг – юлун булсун
7. Игиз тока чикменг ёрым (дустым) учуп улясых
8. Чирайликнын суйменг (якиш курменг) ёрым кююп улясых
9. Альмалик бака кырыб альманы аргатайлик
10. Альмалик бакден чикыб чауканлярны еглатиглик.
11. Багынга кырыб борсам тафталин аджаб татлик.
12. Кича тшумга кырды михрван гапын татлик.
13. Чауканнын кара коши, бик туля адаши (друзей)
14. Чаукан узыны игсун (подберется), улюмга китадур баши
15. Кошин дейму, кузын-дейму-сиякынг кылды-дивона (красота)
16. Дыхонды (на свете) ихлясам ёк-дур санын даг ёры джонана (душенька)
17. Кошлярин аджаб чирайлик, кузляринга кюйдым манн
18. Аузынга науват солиб-лябляриндид сурдым (высосал) манн
19. Кошнын каралиги санде усма куйгагын ялган
20. Санга манн туля кюйдым, манга куйганын ялган
21. Бакка кырмаглик осанн рахна (дыра) бульган ден киин
22. Ёрны суймаглик (любить) осон кунгли бульган ден киин.
23. Ён тогнын (под горою) оросыде ирымейдур кор
24. Шуньга халкнын оросыде танымейдур ёр.
25. Курмесам, кургим киядур тогдата бустоныны
26. Суймейсам, сугим килляды кеитдеки дустляргимны
27. Ман бордым кича билен, арикнын ичибилян
28. Маны кулюм байлянды ёрымны сузы билен
29. Бардым кича, туну яримиде, ё учун астагине,
30. Ёрым туруп «ким сан диде» накыр, итым оджиз кулюн
31. «Тийса саны иль ульдур, енгин «диды астагена»,
32. Сундым (протянул) кулюш сына-сига (за грудь) «тюймес дыдым астагена».
33. Туктым ёшим-кон егядым кильмеды ёрымны рахмисы
34. Рахмы-айлямей ерым манга киткин дыде астагина.

II. Песня.

Урдак куллярде булюр, лёчын чул е булюр
 Хар кишнын ёры булса, кузы юллярде булюр.
 Кыргый балясы олим (спокойны) лёчын балясы-золим
 Ман сызга кююп-кольдым, кандаг класыз ёрым
 Узы кильсун дып-му-ды, сузы киль сунн дып-му-ды
 Дарынын суи улюг, акип ульсун дап-му-ды
 Ак – тильпак, кара тильпак, кийсам-ку-ярашармы-ды
 Янги туткан дустымны яшь баля таяшармы ды.
 Усны утмесам буляр икан, бу ёны утмесоим буляр-икан

Бишь кунлик бу алямде ёрны суймесам буляр икан
 У катыга утамыс дып, бу катте кунут кольдыг.
 Учъ кунде килялгыс дып, ялганчи булюб кольдыг.
 Уйнаганы кыз якши, тайльганы муз якши.
 Якши – яман чаукандын ярым тенга пуль якши.
 Аккена куйлак кийбсыз, куккена джияк тутуп
 Адашин ёкму ханым, ультрасан ияк тутуп
 Богде сайраган как-ку (кукушка), шахде кунуб ультурсун
 Чауконы слиб кильсам, джуан кюиб ультурсун
 Ман билимны багладым, сым билей, сымляр билен,
 Сан хакынде багласам, бошгим ки саны билен
 Тюям тугадур тайляк, бу тоглер бызнын яйляк
 Чунг сузляме хотынляр, зор ягьямегым кандак.

Ш. Песня.

Стасы ульмеган ким бар, онасы ульмеган ким бар.

(Также можно перевести: Кто не потерял отца? Есть ли (чел.), у которого не умер бы отец? Кто не потерял матери? Есть ли (чел.), у которого не умерла бы мать?)

Кминын гортыга бориб, мусафьгр бульмаган ким бар.

(Очутившись на чужой стороне (т.е. среди чужих людей), кто не почувствует себя несчастным?)

Итым дыйдур, итым дыйдур, итым кылса – худо кылды

(Говорят я сирота, говорят я сирота. Если я сирота, то Бог меня так создал)
 (т.е. по воле Божьей)

Ата биген аналярдын, джыдо кылса – худо кылды

(От отца с матерью если я оторван, то оторван Богом) (т.е. по воле Божьей)

Атан кычкырды-му как-ку, онанг кычкурды-му как-су

Кафасгы кадырнын бильмен учуб киткан нодын как-ку.

Онашнам урмоман, учъ кунгача михмонынгиз.

Уингизны туриде ёндырганы чирогынгиз.

Как-куум сунны тилей дурр, судып каён борей

Джом-де бирсам унамейдур, чиныга – каён борей

Чапанымны енгины топальмедым, сопольпедым

Анакам ёдымга кильса – уйде манн ётальмедым.

Ман бозорга боромесам, хафтаде кильспейдур бозор

Анакам ёдылга кильса, гулюмден (через горло) уттей дурр гызо (птица)

Уён утадур быр гуль, бу ён утадур быр гуль

Козретны мазорыде сайраб ультрур буль буль

Бусайлер – узун сайлер, таши бар пасы ёк

Шу кентдаги ёрышны дарды бар, вофасы ёк.

28 января 1890 г.

Воскресенье 28/9

Переход до укр. Шахидулла Ходжа – 13 верст. Погода прекрасная. Утром мороз достиг до -25°C , днем тепло.

29 января 1890 г.

Понедельник 29/10

Переход до урочища Тууру-Су – 17 верст.

Утром сильный и чрезвычайно холодный ветер при морозе -23°C .

Идем очень медленно, вследствие того, что ожидаю возвращения людей, посланных для осмотра русла реки Кара-.

Присутствовал при гадании на сожженной кости, пользующимся большим доверием среди киргиз. Берется баранья кость от правой лопатки и закапывается в [...], когда же кость обуглится, и даст трещины, то по направлению трещины предсказывают судьбу. Продольная трещина обозначает дорогу; маленькая поперечная с левой стороны – смерть близкого человека; большая с этой же стороны – нападение врага; маленькая с правой стороны – хорошее известие; большая при основании – падеж крупного скота и т.д.

Сегодня упал верблюд с сундуками, в которых находились хронометры [...].

Дороговизна непомерная. За наем верблюдов мы платили 16 рублей в день.

30 января 1890 г.

Вторник 30/11

Переход до урочища Бустон по р. Кильянг (Тегерманлик) – 12 верст.

Сегодня мы передвинулись вниз по р. Кара-Каш-Дарье до развалин бывшего укрепления Кильяняны-Аузы в ожидании прихода людей, посланных вниз по течению реки. Около 2 ч. пополудни люди, наконец, вернулись и доложили, что дороги нет. Река течет ниже впадения р. Галямук в узкой щели, ширина которой местами не превышает 4–5 сажень. Стены совершенно отвесны и выбраться из ущелья реки нет возможности. Посланные люди прошли до впадения справа р. Люси, устье которой находится на половине расстояния между р. Галямук и Пишня. Здесь, в месте впадения р. Люси, льда нет и сообщения с низом не существует. По рассказу посланцев, лед на р. Кара-Кош чрезвычайно капризен. Так, в некоторых местностях, где они в передний путь прошли совершенно беспрепятственно, при обратном движении или поверх льда шла глубокая струя воды, или же лед напором воды поднят был и образовал целые горы, сообщение по которым сделалось чрезвычайно трудным и опасным.

Таким образом, последняя надежда на движение в долину Кашгарии по местности, интересной и неизведанной, – лопнула и мы пошли по большой караванной дороге на Кильянг.

Сегодняшний ночлег на урочище Бустон, близ развалин домика, вокруг которого следы посевов. Оказывается, что здесь жил старик, полуслепой из Кильянга, по имени Биляль, который вывел оросительную канаву и приготовил поле для посева. По словам местных жителей, ячмень здесь не поспевал, а на корню продавался на корм лошадям.

31 января 1890 г.

Среда 31/12

Переход до урочища Тегерманлик – 28 верст.

Переход вверх по течению речки Кильянг или Тегерманлик по узкому ущелью, совершенно безжизненному. Горы, окружающие ущелье, частью мягки, но в большинстве скалисты. Дно ущелья покрыто льдом, а тропинка пробирается посреди камней и громадных валунов, лепясь по узким карнизам, то опять спускается к руслу реки и идет по льду, или же перебрасывается с одного берега речки на другой. Броды очень трудны. В особенности, на урочище Тор-Кичу, где брод пролегает среди громадных валунов и при быстром течении ежегодно здесь топится несколько человек. По дороге масса трупов лошадей. Кое-где одиночные могилы. Это люди, не вынесшие трудов пути и сложившие здесь жизнь. Ущелье совершенно безжизненно. Ни травы, ни оплива, ни даже терескена, встречающегося даже под Каракорумом. Единственные обитатели – рябчики или горные курочки. Весною попадают и дикие бараны.

1 февраля 1890 г.

Четверг 1/13 Февраля

Переход через перевал Кильянг до урочища Курбан-Бай-Агыль – 24 версты (по р. Северный Кильянг).

Сегодняшний переход чрезвычайно трудный. Выступили мы на урочище Тегерманлик в 4 часа утра при морозе -20°C, а добрались на вершину перевала только к 9 ч. утра. Подъем на перевал все время крутой, вниз до урочища Кара-Шагал (черная осыпь) по морене отступившего ледника. Дальше дорога поднимается на ледник и идет частью по ледниковым горам, сплошь покрытым крупными валунами, частью же осыпается к северному склону гор и идет между ледником и горою. На урочище Тор-Бугуз ледник уже совершенно обнаженный. Ледник спускается с южного склона гор ущелья несколько впереди перевала.

Спуск с перевала на протяжении одной версты очень крутой. Мы застали его покрытым тонким слоем снега с обледенелою корой, представлявшею невероятные трудности для спуска. Все вещи экспедиции были подняты и спущены на яках, причем киргизы взяли по 5 рупий за каждого яка, только за один переход, т.е. по 4 руб. мет. Кроме того, яков мы достали почти силою, по прика-

занию местного бека, которому я подарил ружье с 300 патронами и парчовый халат. Таким образом, перевозка вещей через перевал обошлась в 200 рублей металлических. Из 20 оставшихся в живых лошадей экспедиции сорвалась половина, а 3 убили до смерти. Лошади шли без вьюков и все были заново подкованы на острые шипы. Срывались также и люди, но без несчастных случаев. Только казак Калинков расшиб о камень ногу, да один из вожаков ушибся до потери сознания. Яки для таких экстренных случаев – чудные животные. Они спустили вьюки на себе, ни один из них не расшибся и не сорвался. О трудности спуска можно судить потому, что 1 версту мы спускались 2½ часа. Спуск крутой, но неопасный идет на протяжении 13 верст, причем мы спустились на 1000 метров. На каждом шагу валяются трупы лошадей и других вьючных животных, свидетельствующие о том, что путь этот один из самых невозможных. Дорога на всем переходе отвратительная. Китайцы не приводят ее в порядок, а между тем, это единственный путь сообщения с Индией, дающий громадный таможенный доход китайцам. По самому приблизительному расчету через Шахидулла Ходжу ежегодно проходит до 10/т. вьючных лошадей, т.е. провозится до 70/т. пуд. товаров. Интересен факт, что наши ситцы вывозятся через Кашгарию в Кашмир и дальше в Индию и, несмотря на невероятную дороговизну перевозки через Гималаи, находят в Индии выгодный сбыт. Особенно много вывозится тиков полосатых, которые, хотя дороги, но очень прочны и успешно конкурируют с дешевыми, но плохими английскими ситцами.

Ущелье р. Кильянг на верховьях очень каменисто и дорога пересекает несколько ледниковых морен. Ниже же урочища Чатыр-Таша (палатка-камень) ущелье мягко и поросло травой по горам правого берега. Горы же левого берега скалисты. Летом здесь кочуют ваханцы и киргизы, занимающиеся перевозкой тяжестей караванов, следующих из Яркенда. Скот их съел все до основания, так что в настоящее время признаков травы здесь нет. Зато повсюду громадный недостаток в топливе, состоящем из чахлых кустиков терескена (бурса) и куртки (яйчана), растущего на труднодоступной местности. Из животных мы видели много уларов и рябчиков, а также следы папаев. Несмотря на невероятную усталость, я не вытерпел и, подкравшись к стаду, убил пару уларов, мясо которых не имеет себе равного в царстве пернатых и гораздо вкуснее прославленных на весь мир фазанов.

2 февраля 1890 г.

Пятница 2/14 Февраля

Переход до урочища Чизганликны-Аузы вниз по р. Кильянг – 28 верст. Ущелье реки Кильянг на протяжении 17 в. до впадения р. Кытай-том течет в узком, скалистом ущелье, окруженном с обеих сторон высокими скалистыми горами. Ниже р. Кытай-том, хотя ущелье [...], но горы мягкие и песчаные, но лишены всякой растительности. Кустарники в самом ограниченном количестве появляются по руслу реки приблизительно от реки Кытай-том. Виды их сле-

дующие: дикая роза (раньше всех), тамариск и колючка. По склонам гор растут кое-где чахлые кустики терескена, шивака¹¹³ и пр. На ночлеге кусты тамариска и дикой розы достигают значительной величины. Из царства животных видели: горных рябчиков, галок и сорок, а также мелких птичек турумгай¹¹⁴ и черных птичек, живущих постоянно по воде и ныряющих.

Утром погода была прекрасная, но с 10 ч. у. поднялся сильный ветер, подымавший целые тучи соленой лессовой пыли, засыпавшей глаза и въедающейся во все поры. В 12 ч. дня уже солнца не было видно за облаками пыли.

3 февраля 1890 г.

Суббота 3/15 Февраля

Переход вниз по р. Кильянг до урочища Ак-Шур – 18 верст.

Ущелье реки Кильянг – узко до гробницы Таляк-Мазар. Дальше значительно расширяется до ночлега. Ниже Таляк-Мазара начинаются посеы ячменя приблизительно на высоте 3950 метров (495,5 миллиметров). С этого же места начинаются жилища ваханцев. Всего ваханцев здесь около 80 дворов, размещающихся как по руслу реки Кильянг, так и по руслу рр. Тарлюнг и Кара-Таш (черный камень), впадающих слева в р. Кильянг. Немногие из более богатых живут в саклях, имея при этом и юрты. Большинство же живет в крошечных и страшно порванных юртах. Заведует ваханцами Аксакал Нияз-Али, человек достаточный и заслуживающий доверия. Он живет постоянно на большой караванной дороге, знает страну прекрасно, постоянно имеет дела с путешественниками и обладает опытностью, которою рекомендую воспользоваться каждому проезжающему. Жилища и кочевья ваханцев раскинуты в большинстве поодиночке до самого селения Кильянга. Ваханцы – выходцы из Вахана, поселившиеся здесь больше ста лет. Большинство из них уже сунниты, хотя сохранились и шииты (секты муали). Ваханцы занимаются земледелием и скотоводством, но главные доходы к жизни добывают из перевозки тяжестей на перевале. Вследствие этого все, имеющие яков, переселяются летом на урочище Чушкун. Туда же переселяется на два летних месяца и Аксакал Нияз-Али. На урочище Чушкун, кроме того, являются с яками кильянгцы, кук-ярцы и жители др. местностей, а также окрестные киргизы, так что, в общем, в этом пустынном ныне месте живет летом до 400 дворов. По установившемуся обычаю, тяжести подымаются на яках только до вершины перевала и редко спускаются до урочища Тар Бугук (узкое горло), причем за вьюк одной лошади торговцы платят 1 сар серебра, т.е. около 2½ кр. рублей. Прибывший на урочище Чушкун караван обращается к Нияз-Алию, который ведет очередь всем живущим здесь перевозчикам тяжестей и снаряжает караваны в дальнейший путь, пользуясь

¹¹³ Шивак (Мисвак, мисваак, сивак, كياوسل) – ветвь дерева арак (лат. *Salvadora persica*). Служит для производства палочек для чистки зубов.

¹¹⁴ Турумтай – турецкое название пустельги (лат. *Falco naumanni*), мелкий вид соколов.

за свой труд небольшим процентом со сделки, а также подарком от владельцев каравана.

Обыкновенно дело это ведется Таким образом, что караван-башии по приходе в сел. Кильянг закупают все нужное на дорогу количество ячменя и заподряжают местных жителей доставить ячмень до урочища Чушкун. Доставка производится на ишаках, которые поднимают до 4½ пудов. За перевозку платится по одной тенге с чарика (тенга – около 14 кр. коп.); осел подымает 10 чарек, следовательно, доставка 4½ пудов до перевала обходится около 1 р. 40 – 1 р. 50 кр. рублей). Подойдя к перевалу, караван сдает свои вьюки ваханцам для подъема на перевал, а ячмень, рассыпав по мешкам, подымает на своих лошадях.

Живущие здесь ваханцы женятся между собою, а дочерей своих за посторонних не выдают, вследствие чего арийский тип, несмотря на свою обособленность, сохранился между ними в полной чистоте. В такой-же чистоте сохранился и ваханский язык, на котором ваханцы постоянно говорят между собою; кроме того, все они говорят по-тюркски, а большинство говорит и по-персидски.

Из особенностей в местной жизни следует отметить, что ваханцы берут только по одной жене и платят за жену довольно значительный выкуп (калым), составляя в этом резкую противоположность с окружающими туземцами, которые выкупа почти не платят. Калым заключается в большинстве в 81 вещах (9 скотин, 9 халатов, 9 кусков бязи и т.д. 9x9=81). Не менее резкую особенность составляет и то, что ваханцы берут в жены девушек по достижении 16 лет, тогда как туземцы берут по достижении 10–12 лет. Развод – большая редкость. Из семейных празднеств самое большое и дорогое – свадьба, продолжающаяся три дня. На свадьбу приглашаются все близкие и дальние родственники, а также одноквартальцы. Во время празднеств невеста сидит завернутая в кисею настолько густо, что она ничего не видит и если передвигается с одного места на другое, то кто-либо переводит ее за руку. Во время празднеств поются песни, при аккомпанементе 2–3-струнной гитары или балалайки, причем, как мужчины, так и женщины танцуют. Женщины молодые прятались от нас русских и наших людей, но, вообще, ваханки лица не закрывают. Делать скачки или так называемую байгу¹¹⁵ – не в обычае. День для свадьбы определяется местным имамом (священнослужителем), причем вера в хорошие и счастливые дни сильно распространена.

Погребение в общем схоже с погребением у остальных мусульман. Из обычаев различающихся следует отметить, что после смерти кого-либо в доме, первые три дня семья ничего не варит и не спит у себя, а все необходимое доставляется соседями; на четвертые сутки моется вся посуда, выбиваются кошмы и паласы, проветривается и чисто выметается помещение или юрта, приглашаются на поминки все родственники и соседи. Поминки же справляются на 40 день и через год, причем снимается черная одежда, а родственники дарят светлую. Обычая да-

¹¹⁵ Байга – конные скачки на длинном расстоянии, популярные среди тюркских народов, заключающиеся в погоне за одним из участников.

ритель приходящим на поминки одежду

Обрезание совершается на 6–8 году, причем особенно торжественно праздновать этот день не в обычае. Приглашаются только близкие родственники.

Одежда ваханцев схожа с одеждою остальных кашгарцев, но у них выделяются белые шерстяные чекмени (верхние халаты от дождя) необыкновенной доброты и прочности. Халаты щеголевато вышиты по воротнику и бортам, они моются прекрасно.

Сакля Нияз-Али аксакала, как первая крыша после многих месяцев жизни в палатке, встречена была с большою радостью, тем более, что погода испортилась и пошел довольно большой снег. Лошади наши тоже после большой голодовки добрались, наконец, до ячменя и соломы вволю.

Подъезжая к урочищу Ак-Шур, мы встретили китайского чиновника в сопровождении двух слуг, переводчика с проводником, отправляющегося в Шахидулла Ходжу для ревизии. Он ехал, как на прогулку: без палатки, шубы, съестных припасов и т.д. Китаец ехал на лошадях, выставленных народом, причем все они были некованные. Я остановился и в разговоре сообщил ему, что едучи с утра до вечера он только на седьмые сутки доберется до людей и что без снаряжения он и сам замерзнет и людей поморозит. Китаец уверял меня, что по дороге есть люди и что он доедет прекрасно, не поверил и поехал. Я сначала не понимал разъяснения этой загадки, но потом Нияз-Али рассказал, что он, жалея лошадей и проводника, нарочно отпустил китайцев без снаряжения, чтобы они вернулись после одного – двух переходов обратно.

4 февраля 1890 г.

Воскресенье 4/16

Переход до сел. Кильянг – 33 версты.

За уроч. Ак-Шур ущелье реки снова сжимается и местами течет в такой теснине, что через нее переброшен мостик. Урочище это носит название Букум-купрюк. Ущелье несколько расширяется и дает место для посевов на урочищах Юлунг-Кулюк, Сары-Куйрук и Катлиш. Затем в 11 верстах выше селения Кильянг речка Кильянг выходит из гор и течет между холмами, начиная от урочища Пинора – селение Кильянг. Целый переход шла невозможная метель, не позволявшая ничего видеть на расстоянии нескольких шагов. Метель началась еще с вечера и к утру нанесло такую массу снега, что лошади передвигались с большим трудом, а признаков дороги не было видно. Опасаясь, что измученные лошади наши не дойдут до конца перехода, я хотел остановиться на ночь где-нибудь по дороге, но мы нигде не встретили жилья могущего хоть сколько-нибудь прикрыть нас от непогоды. По дороге, правда, в двух местах были курные саклешки ваханцев, но в них такой дым от разведенного огня, что на дворе гораздо лучше. Наняв поэтому еще 2-х проводников и на подмогу 5 ишаков, я двинулся дальше и к вечеру благополучно достиг селения Кильянг. Селение это расположено на правом берегу речки Кильянг и считается до 200 дворов, ра-

зброшенных отдельными курганчами. Мы остановились в доме местного старшины Аксакала Акыль Бая и разместились свободно в обширном его доме.

Китаец, заведующий караульным постом, уехал в Каргалык и, говорят, дальше, в Яркенд, на встречу новому Джи-ле-джу (нач. окр.), который въезжает в Яркенд. Зато явился целый сонм писарей, переводчиков и т.д. переписывать вещи, имена людей и пр. Я отправил письмо к начальнику Каргалыкского района, сообщая о приходе экспедиции.

В Кильянге нашел письмо от консульского агента в Яркенде, в котором последний пишет, что он отправил письма и деньги в Полу, а другая посылка лежит в Каргалыке, так как он не знает, куда ее направить.

6 февраля 1890 г.

Вторник 6/18

Стоим в сел. Кильянг. Снег валит третьи сутки такой, что откапывать приходится дом, в котором живем. Мороз держится -15°C . Вчера и сегодня закупаем клевер, ячмень, дрова и пр. Здесь все хотя не так дорого, как-было, но все-таки недешево. Особенно дороги дрова: за малую связку надо заплатить 50 коп. Китайцы, которых мы встретили по дороге, вернулись обратно и сделали мне визит, осматривая как меня, так и вещи с большим любопытством. Предсказания Нияз-Али-Аксакала сбылись: китайцы проехали один день, людей не встретили и вернулись обратно. Они просидели у меня около часу и наполнили комнату такую специфическою вонью, от которой начало тошнить. Перед уходом началось выпрашивание лекарств и пр. мелочи. Я дал все немедленно, чтобы только избавиться от вонючих гостей.

В Кильянге растет пшеница, ячмень и мелкий горох. Из фруктов грецкие орехи, яблоки и абрикосы. Из овощей – морковь и репа; лук почему-то плохой. Кукуруза, рис и хлопок доставляется из Каргалыка.

Население здесь, как и везде, платит очень большие налоги (с земли обложение такое же, как в Пахпу), но с поземельными налогами население свыклось и платит их безропотно, хотя при замене продуктов на деньги им приходится уплачивать вдвое против действительной стоимости, а то и больше. Зато особенно тяжел «бадж» т.е. пошлина с проданного скота или вещи. По приказанию из Кашгара пошлина эта в размер 6% должна взиматься только с продавца; в действительности взимается и с продавца и с покупателя, причем в размер не 6%, а 12% и больше.

Наконец, остается еще повинность натурою. Тут полный произвол не только высшей администрации, возводящей дорогие постройки и сооружения не только даровым трудом населения и мастеровых, но и из материала, доставляемого населением даром, но и произвол мелких административных сошек, которые ездят, едят и пьют на счет населения и не стыдятся побираться грошами.

Посещая неоднократно Кашгарию, я всегда удивлялся не только отсутствию

единства и подчиненности среди администрации, но и некоторой враждебности между соседними начальниками. Начальники округов не исполняют приказаний Кашгарского Дао-тая, начальники районов делают тоже по отношению к начальникам округов, а к ним, в свою очередь, так же относятся и остальные служащие, живущие в небольших городках и селениях. Происходит это, главным образом, от того, что при назначениях на должности главную роль играют не личные качества, а родство и связи. Так, например, бывший яркендский Жи-ле-джу (ныне сменяемый) служил при Лю-джо-шае, Ген.-Губ. всей страны, и, будучи лично известным этому сановнику, считал себя в праве управлять округом совершенно самостоятельно, не сообразуясь с распоряжениями центральной администрации. Такой порядок длился при 2-х Дао-таях, и только третий осилил и выживает непокорного подчиненного. В свою очередь, начальник Каргалыкского района находится в прямой зависимости от Н-ка Яркендского округа, но, в силу своего родственного отношения к Дао-таю, считает себя совершенно независимым. Для иллюстрации приведу следующие примеры. Каргалыкский амбань, рассердившись за что-то на яркендского Жи-ле-джу, запретил вывоз всякого зерна из Каргалыка в Яркенд, вследствие чего город Яркенд остался без подвоза и все жизненные продукты невероятно вздорожали. Жи-ле-джу предписывал неоднократно отменить это дикое распоряжение, но предписания оставались без исполнения. Тогда Жи-ле-джу сделал распоряжение о воспрещении вывозить из Яркенда рис и хлопок, произрастающие в Каргалыке в недостаточном количестве. Естественно, от этих милых взаимных отношений китайских властей страдают только интересы местного населения.

О произволе мелких сошек молено судить потому, что начальник Кильянгского караула обложил всех проезжающих через Кильянг сбором в 50 коп. (2 тенги) и никто не смеет протестовать или жаловаться. Сбор этот не столько тяжел для караванов, сколько для киргиз, ваханцев и др. лиц, живущих вне караула и вынужденных еженедельно проезжать через караул на базары и т.д. Ко мне тоже явились туземцы и попросили уплатить деньги за проезд. Я потребовал квитанцию в уплате, а когда в выдаче квитанции мне отказали, безусловно, отказался заплатить эти 15 рублей, считая недостойным себя подчиняться такому наглому обдирательству.

Старшина селения содержания от казны не получает, а пользуется 50 «му» казенной земли. То же делается с беками и др. должностными.

Школы, устроенные в больших селениях и городах, в которых набраны были туземные мальчики и в течение нескольких лет обучались китайскому языку и грамоте, дали прекрасные результаты. Теперь уже получилось три-четыре выпуска молодых людей-туземцев, не только хорошо знающих китайский язык, но и достаточно окитаянных. Все они носят косы, ходят в китайском костюме и, имея родню среди населения, успешно культивируют китаизм среди туземцев. Лицами этими замещаются не только должности переводчиков, но и все мелкие должности административные, так что не пройдет и нескольких лет, как в каждом селении будут люди воспитанные и преданные китайцам. Это очень важный шаг, достигнутый китайцами вполне успешно. Шаг этот был бы еще успешнее, если бы содержание переводчиков было несколько больше; теперь они получают только

по 3 до 4 сар серебра в месяц, т.е. от 8 до 11 кр. рублей, что, конечно, очень недостаточно. Школы же процветают вполне. Они имеются в Кашгаре, Яркенде, Янги-Гиссаре, Каргалыке, Файзабаде, Баш-Арыке, Санджу, Гума, Хотане, Керии и Черчене, причем каждая выпускает теперь ежегодно от 20 до 30 учеников, т.е. до 300 чел. в год. Население отдает охотно детей своих на учение ввиду того, что родители освобождаются от уплаты податей с известного количества земли за каждого отданного в школу ребенка. О бесцеремонности китайцев свидетельствует еще следующий факт: приехав в Сары-Кию, я отправил письмо к яркендскому амбаню и послал ему в подарок револьвер с патронами. Посылка и письмо отправлялись через посредство Каргалыкской туземной администрации, которая передала посылку в управление начальника района. Последний письмо и посылку оставил себе, а посланцам объявил, что так как я приехал в его район, то письмо к нему, а не к яркендскому амбаню.

11 февраля 1890 г.

11 Февраля

Импровизация киргиза

- 1) Маргелан-дай шахаридин, тюрям чиккан атляныб
- 2) Боскан юлин хатляныб, бой-бой лядены ат олиб.
- 3) Аминлярдин кишоллиб
- 4) Конгуз соляр шиша олиб
- 5) Тупчака утуб джайляган
- 6) Бидау агилярны байляган
- 7) Аргамак атлярга кошорткап
- 8) Олис-ка караб юл торткап
- 9) Вахия-га борганде бидауды гинга байляган
- 10) Бичара-га таджикны юлга солиб хайдаган
- 11) Вахиянын нариягы кырляб – китыб бораман
- 12) Боскан изьем быр савак ирдаб китыб бораман
- 13) Вахиянын нариягы данги булюб турмейму
- 14) Таджиклерны минганы (англяр) ханги-булюб турмейму.
- 15) Дангисыны аяги – Дарваз булюб турмейму.
- 16) Джигитлярным барисы – сарбаз булюб турмейму.
- 17) Башиндаги кийпаны – тильпак булюб турмейму.
- 18) Барисыны босканы – ильпак (ровно) булюб турмейму.
- 19) Боскан юли таш – итан казык булюб турмейму.
- 20) Хатынлары коп кара, сасык булюб турмейму
- 21) Пишхарфны даваны – биик булюб турмейму.
- 22) Таджиклары барисы киик булюб турмейму
- 23) Узбай – дан юкари – тыкиз булюб турмейму
- 24) Узбай-ны даваны – игиз булюб турмейму.

- 25) Ванчъ диган джайляри – якши юб турмейму.
- 26) Кыр юваткап идыши – тагара булюб турмейму.
- 27) Адамлярны барисы джагары (зобатые) булюб турмейму
- 28) Быз Шугнан-ден утальмай _____
- 29) Кафиристан китайльмай
- 30) Чатрарга – итальмей, кайтыг иды шуль ирде.
- 31) Сытаршнын даванын ятыб киль дыг Ярим-де
- 32) Танг сурумаб отты-иды, кун яилиб чикты-де
- 33) Ботыб кольдык карыга; Вахияга чушканде
- 34) Бидауны кук-ка баилядык, айранга итыб джайрандык
- 35) Тупчак-ка ошиб кильганде, билимга пулины ипроныб

- 36) Мины уюмга бораман дып, ана шунда суюныд
- 37) Дуванага кильганде, тюрям дясуб бирганде
- 38) Бордым идым уюмга, учькун тур дым уюмга
- 39) Кайтармедым куинны (баранов)
- 40) Халкым-дан чиккан ой! килин, быр кумедым буинны (шеи)
- 41) Ой! килин атынг кашкасы
- 42) Аманат уинаб аджраб, атанг! Джаным башкасы (отделены)
- 43) Алтын-Мазарга-кильганде, быр кун шун-де тохтадык
- 44) Ой! килин олис кольды-дыб, анден киин юхлядыгк
- 45) Кудара юлин босканде
- 46) Серезга-караб ошканде
- 47) Серезга келиб сергидык (отдыхали)
- 48) Марджанайде – иргидык (тоже)
- 49) Помиргачикиб ман (задержаны) бульдук
- 50) Коканден тюря кильды дыб – сарыкул юртыга данг бульды
- 51) Ак-Суга-караб-ошиб-мыз,
- 52) Дарьяга окшаб тошиб-мыз
- 53) Аля-тог-игиз Биик-ка
- 54) Ошиб киттык [...]илкисы, киикка
- 55) Раскем-Дарьягыны буйляб – к борамыз
- 56) Кунден-кунга юкари, урляб китыб борамыз
- 57) Минган атым бокмедым
- 58) Мин тюрамден аджраб, ун кун бульды топмедым _____
- 59) Дарьянын буинде, Шурде кольдым килин – джан!
- 60) Раскемнын ичинде, чульде кольдым килин-джан.

1. Маргеландак шахарига, хахим икан буль тюрям
2. Кулян Коканд юртыга, уктам (единств. известие кух-кан) икан буль тюрям.
3. Каттелярпы ичинде – куркам (сильный богатырь) ирды буль тюрям
4. Урушкунляр бульганде икан буль тюрям

5. Джигитнын туг-даг кутарган
 6. Душманын куй-даг бухтарган
 7. Адырмаг токнын-айляган
 8. Алтын киса бай ляган
- Яу-дыганны – шайляган
 Клычин бильга байляган
 Ак-Падшадаг Шахимны хукмин алган имес му
 Тибетден кильган фарангины, суретнын альган имес му
 Тибетка караб – хат бирса
 Уч ой бульды-кильмеды
 Тюбетнын – юлды – бирмеды.

12 февраля 1890 г.

12/24 Февраля. Понедельник

Целую неделю простояли в Кильянге, чтоб хоть сколько-нибудь поправить лошадей, которые настолько истощены, что едят плохо и не переваривают съеденного.

Скука невозможная. За 9 дней стоянки в Кильянге только два мы имели ясные и я воспользовался ими для астрономических наблюдений. От Кильянга начинаю новый астрономический рейс.

Ходим по селению. Жители, как и везде в Кашгарии, очень бедны. Женщины не скрываются, или, вернее, за небольшой подарок сами мужья позволяют снять с них фотографию. Тип, в общем, небезобразный, попадаются и очень красивые. Дети почти все привлекательной наружности. Народ музыкальный. Инструменты те же, что и в Маргелане, т.е. дутар и ситар, со струнами металлическими и обыкновенными. Почти все молодые мужчины поют. Я пригласил в один из вечеров двух известных певцов. Они затянули невозможно длинную песню, восхваляющую Юсуф Бека Ургенчского (Хивинского) и аккомпанировали себе на дутаре и ситаре. Однообразный, унылый мотив странно действует на нервы, и я вскоре крепко заснул. Поразительная способность у певцов петь долго и без отдыха. Приглашенные пели с 8–12 ч. ночи, ни разу не отдыхая. Та же способность замечена мною в танцах. Хотел было устроить народное празднество, но не удалось. Погода помешала. В течение 7 дней из девяти падает снег почти непрерывно.

На днях приезжал Консульский агент из Яркенда торговец Мирза Джан-Ходжи. Он привез письма и газеты, чтение которых доставило истинное удовольствие. Газеты от Ноября, следовательно, 3 месяца тому назад.

Об экспедиции Певцова никаких сведений. Есть, впрочем, слухи, что экспедиция зимует в сел. Ния на золотых приисках.

Каргалыкский амбань прислал вчера посланца с любезным письмом и прислал в подарок немного чаю и китайского печения. Поздравить приехало два бека

из Каргалыка. Это новый и непроизводительный расход.

13 февраля 1890 г.

Вторник 13/25

Переход до поселка Кара-Су – 19 верст.

Сегодня опять с утра снег, падавший, впрочем, и целую ночь. Погода отвратительная, съемка производилась с величайшим трудом. Ущелье, по которому проведен оросительный канал в поселок Карамак, сплошь поросло чием, представляя весной богатые пастбища; холмы, окружающие лог, поросли кустарниками, среди которых пасутся громадные стада баранов.

Близ поселка Кара-Су (ключевая вода) речка Кара-Су составляется из родников, на которых масса болотной птицы, уток и гусей. Убил пару уток и одного гуся. Охота трудная, дичь сидит строго. Видел стадо рябчиков, но промахнулся.

Двигаюсь на Санджу в надежде через Карангитог пройти в сел. Полу. Деньги, письма и газеты отправлены уже два месяца тому назад из Кашгара в Полу, но куда девался посланец – сведений нет. Ночуем в небольшой мельнице. В поселке всего три двора; крошечные запашки и маленький фруктовый сад.

Абрикосы и грецкие орехи растут же в сел. Кильянг на высоте 3000 метров; теперь мы спустились на 200 метров ниже.

14 февраля 1890 г.

Среда 14/26

Переход до оазиса Санджу – 44 версты.

Сегодняшний переход пролегает по предгорьям Яркендского хребта. Предгорья мягки и поросли мелкими кустами колючки и др. Погода отвратительная. Снег падает все время и навалил таким толстым слоем, что прикрыв следы дороги и мы идем, придерживаясь общего направления. Пройденная страна совершенно безжизненна. Ни птиц, ни зверей. Видели следы зайцев, но самих тоже нет. Следы очень мелкие. Долина р. Санджу, по которой раскинулся оазис Санджу, шириною до 4 и больше верст. Несмотря на значительную абсолютную высоту, здесь растут абрикосы, грецкие орехи, яблони, груши, все почта огородные овощи и хлеба, за исключением риса, хлопка и кукурузы. Оазис обилен водою, а следовательно, и запашками. Тип местных жителей довольно красивый. Особенно красивы молодые парни лет до 20; потом черты лица грубеют. Население расположилось по обеим сторонам реки небольшими поселениями дворов в 50–100, из коих каждое носит отдельное название, а все вместе называются Санджу. Поселения расположены близко одно от другого. Дома, в большинстве, окружены садами и запашками и построены на более или менее значительном

расстоянии один от другого.

Население вековыми беззакониями и поборами забито и крайне недоверчиво. Несмотря на богатство естественных произведений, достать жизненных продуктов очень трудно. Население боится, что стоимость продуктов не будет уплачена. Тут не помогает и то обстоятельство, что наличные деньги уплачиваются немедленно, или даже вперед за все заработанное. Гг. Китайцы и их приближенные никогда не платят за забранные припасы и прибегают при этом к самым неблагоприятным приемам обмана и вымогательства, сильно напугали обывателей. Недоверие вкоренилось в плоть и кровь, и отрешиться от него туземцы не могут даже при очевидной уплате за забранное. Доставка, напр., клеверу производится частями по 15–20 снопиков, за которые доставивший получает гроши, увозит их домой, тщательно прячет и привозит следующие 15–20 снопов. Снопы клеверу крайне маленькие. На лошадь нужно не менее 10 снопов, а при 30 лошадях экспедиции закупка одного клевера составляет целое событие. Тоже и с остальными продуктами. Размещение экспедиции в доме тоже сопряжено с затруднениями только потому, что хозяин опасается, что за мелочи, необходимые ежедневно, не будет заплачено. Вечером приехал посланец из Каргалыка, привез халаты и мелкую разменную китайскую монету, без которой здесь шагу ступить нельзя. Между тем, монета эта самая не-

Уличные музыканты в Сандже.

удобная. Посланец привез ее на 60 рублей, и это составило вьюк 2-х лошадей. Монета нанизана на веревки по 20 тенег в одном кружке. Вообще, дело с валютой у китайцев не ладится. Как известно, здесь в ходу серебряные слитки, из которых, по мере надобности, отрубался нужный для уплаты кусок. Помимо неудобства такого способа уплаты вообще, к этому еще присовокупляется отсутствие постоянного курса на серебро; не только в каждом городе, но и в каждом отдельном селении курс на серебро различный и колебание доходит до 2 т. на сар (10 золотников), что на ямбу уже составляет около 15 рублей. Курс серебра китайцы сами умышленно

подымают или понижают, смотря по тому приходит ли время уплаты служащим, или принятия налогов. Ажиотаж ведется в обширных размерах и доставляет громадные прибыли китайцам. Как разменная монета находятся в обращении медные – деньги до-чан (два пуля; в одной тенге 25 до-чанов, или 50 пулей). Эту монету чеканит каждый начальник округа или района и везде она имеет другую ценность, но особенно поразительна разница между, напр., Хотаном и Каргалыком. В Хотане в тенге 100 пулей или 50 дочанов, следовательно, торговец имеющий в Каргалыке 100 тенег, переехав границу Хотана, уже является обладателем только 50 тенег. Все это составляет громадное неудобство. Китайцы выпустили было деньги, отпечатанные на кусках бязи, но эти деньги не пошли окончательно. Кредиток этих, лято-пуль т.е. тряпичных денег, как их характерно окрестило туземное население, подорвали опять-таки сами китайцы, не принимая их ни в уплату казенных податей, ни не допуская их в обращение между собою. Лучше всего идут здесь наши бумажки и курс их с прошлого года держится на 7–7½ теньгах за бумажный рубль. Но они в обращении только среди торговцев русских подданных, которые хотя и очень многочисленны во всех городах Кашгарии, но их нет в селениях, где бумажки совсем не в обращении.

15 февраля 1890 г.

Четверг 15/27

Дневка в Санджу. Население начинает уже привыкать к нам и доставка продуктов не так затруднительна.

Сегодня целый день производили торг лошадей, купили и заменили 8 лошадей, но еще потребуется столько же.

По расспросным сведениям из Санджу есть прямая дорога в сел. Дуа, оттуда в сел. Пуджия и дальше в Каранги-тог. Завтра, следовательно, останусь еще здесь для закупки еще нескольких лошадей, а послезавтра пойду дальше, если, конечно, китайцы не помешают.

Местное население очень музыкально. Песни поются почти всеми. Вечером я пригласил к себе нескольких музыкантов. Особенно благоприятное впечатление произвел благообразный старик, игравший на большом инструменте, составлявшем грубое подобие цитры.

Сегодня узнал о местном скандале. Каргалыкский амбань, предполагая посетить Шахидулла Ходжу, прожил несколько дней в Санджу и натурально потребовал себе девочку. Администрация доставила ему невинную девочку, еще невозмужалую и девочка эта на 3 день после отъезда амбаня умерла. Родители подняли вопль и требуют уплаты «куна» (за кровь); служащие не хотят уплатить их собственности и боятся доложить амбаню. Дело пахнет крупным скандалом.

Не менее интересен новый побор, устроенный китайцами, под названием «за нитку». Как известно, теньги нанизываются на нитку кружками по 20 тенег. Китайцы с каждых 20 тенег за нитку, на которой нанизаны теньги, берут в свою

пользу один до-чан. Таким образом, при выпуске из казны денег, в пользу казначея остается 1/5%, что при массовых выдачах составляет также изрядную сумму. То же делается и при приеме. Китайцы, принимая деньги, тщательно кусок нитки возвращают сдающему, нанизывают до-чаны на свою нитку и за нитку опять взимают.

Есть еще странствующие китайцы, которые ездят из одного селения в другое под видом казенного поручения, останавливаются в домах администрации, из одного селения в другое переезжают на обывательских лошадях и живут на всем готовом у администрации до тех пор, пока не получают какой-либо подачки. Население знает таких чиновников, называет их тиямчи, т.е. попрошайками, и старается спровадить по возможности скорее дальше, в соседнее селение.

16 февраля 1890 г.

Пятница 16/28

Оазис Санджу состоит из пяти крупных селений: Саву, Ара-Кеит (Ханака), Сеидулла-Кеит, Баскак-Ханака и Дунбака-кеит, причем в общей сложности считает до 2000 дворов. Самое большое из этих селений Баскак-Ханака считает до 500 дворов. Кроме того, каждое селение делится на несколько кварталов, имеющих отдельное название, но подчиненных одному юзбаш, т.е. сотенному. Так, например, селение Саву делится на следующие кварталы: Кумгыль, Сай, Саву, Джан-Чакар, Курган и [...]. Также на более или менее значительное количество кварталов делятся и остальные селения.

Население – кашгарцы, не разнящиеся ничем от остальных обитателей Кашгарии.

Налоги взимаются следующие:

Ман-пай-пуль или подушный налог – по 3 тенги с дома.

Поземельный налог: с 1 чайрека посева (12½ джинов) 3 тенги, без различия обложения.

Бадж (торговая пошлина) – 16% с продавца и покупателя.

Это основанная подать. Кроме того, население платит: а) за 20000 баранов по 8 до-чанов на штуку, всего 160000 до-чанов или 6400 тенег. Затем налог с мельниц по 8 сар серебра с мельницы (всего в селении 102 мельницы).

Натуральная повинность. Пример: при постройке [...] потребовано было или 250 рабочих на месяц и столько же ишаков, или же по 60 тенег, т.е. 15000 тенег. Население внесло деньги, не желая отправлять рабочих и скот так далеко на своих харчах. При назначении нарядов на натуральную повинность полнейший произвол. Туземная администрация та же, что и везде: юзбаши и минбаши, равно как и казии живут на счет населения. Бек жалованья не получает, но имеет до 1/т. «му»¹¹⁶ казенной земли, которую обрабатывает население.

¹¹⁶ «Му» – китайская единица измерения площади земли (1 га составляет более 15 му).

За проданную землю взимается тоже громадная пошлина в размер 12%–15%.

В этих поборах и налогах обиднее всего, что нет ничего положительного, ничего постоянного, а все зависит не только от распоряжения начальника района, но и от произвола целого сонма местной туземной и др. администрации.

Сегодня пытался произвести определение географического положения оазиса, но после полудня наступила пасмурная погода, и удалось определить только широту.

Покупка и обмен лошадей почти закончены. Завтра направляюсь в сел. Дуа. Дороговизна необыкновенная.

17 февраля 1890 г.

Суббота 17/1

Переход до сел. Пуски – 16 верст.

Селение это расположено по течению небольшого ручейка, текущего в ущелье, параллельном с ущельем реки Санджу. Обе долины отделяются только невысоким хребтом гор мягких и поросших редким кустарником.

Вчера вечером приехал в Санджу местный Бек, человек молодой и красивый. Он явился по приказанию Каргалыкского амбана и сопровождал меня до ночлега. Целый день пасмурно и туман, застилающий окрестности. С полудня пошел снег.

В оазисе Санджу и на сегодняшнем ночлеге кукуруза растет. Следовательно, не растет здесь только рис и хлопок. Могилы повсюду украшены жердями и отнесены в сторону, на холмы.

18 февраля 1890 г.

Воскресенье 18/2

Переход до сел. Дуа – 36 верст.

Переход идет по северо-восточным склонам Яркендского (Кашгарского) хребта, по невысоким и мягким предгорьям, лишенным травы и растительности, за исключением небольших кустов терескена. Отсутствие растительности обуславливается недостаточным количеством влаги и атмосферных осадков. На всем переходе мы встретили небольшой ручеек, камышник, да и тот соленый. Селение Дуа – 80 дв. – раскинуто по ущелью небольшого ручейка Дуа. Селение, как и везде здесь, состоит из отдельных курганчей, выстроенных на более или менее значительном расстоянии одно от другого. Несмотря на большую абсолютную высоту селения Дуа (около 2500 метров)

здесь растут все фрукты за исключе^н и винограда и особого вида фиников (чиляк), очень распространенного в Хотанском оазисе. Из посевов здесь нет риса и хлопка. Шелководство могло бы по местным условиям достигнуть значительного развития, но население здесь крайне неохотно принимается за что-либо новое в силу предрассудка, что первый, вводящий что-либо новое, должен умереть. Предрассудок этот, впрочем, весьма распространен и среди всех остальных горных селений.

По дороге мною убит весьма интересный экземпляр вороны с длинным, изогнутым, тонким, красным клювом. По рассказу туземцев, ворон этих много в горах, но я до настоящего времени не встречал их.

Навстречу выехал к нам китайский бек, родом из сел. Кума, но совершенно окитаившийся: с длинною косою, в китайском костюме, в парадной шапке с шариком, он совершенно напоминал китайцев. Вообще, последние – мастера окитаивать быстро и начинают со служащих. То ли у нас в Туркестане? На Кавказе, наоборот, русские – окавказились.

Беседовал с населением. Все жалуются на непосильные налоги. Особенно противен и ненавистен бадж, натуральная повинность, и налог с баранов, имеющийся только в одном Каргалыкском районе. Сборщики податей врываются в дома и осматривают все закоулки; новая рубашка; халат или одеяло, сшитое дома, подвергаются не только оплате баджа, но владелец платит большой штраф, если он не предъявит сам этих вещей баджиру, и вещи эти будут найдены без штемпеля. Оплате баджа подвергаются даже бараны зарезанные не на продажу, а для обихода.

По рассказу бека, ниже селений Занг-уя, Пияльма и Гума значительные заросли густых кустарников, в которых много кабанов, фазанов и барсов. Кабаны делают по временам целые нашествия, опустошая совершенно поля. Китайцы воспретили населению иметь оружие, вследствие чего борьба со зверями чисто паллиативная. Строгость в соблюдении этого предписания доходит до смешного. Так населению запрещено вообще носить при себе обыкновенные ножи, без которых среднеазиатец не может обойтись, так как подавать за едой ножи или вилки совсем не в обычае, а каждый пользуется своим ножом. Особенно строго воспрещены ножи с острым концом. Штраф за ножи от 20 до 40 и более тенег. Так как население без ножей обойтись не может, то оно носит их на теле под халатами.

Мы находимся на рубеже, где теньга имеет 25 до-чанов. В сел. Пуджия уже их 50, так что, явившись туда, вы, вмес^т апр., 100 тенег, являетесь обладателем только 50 тенег.

20 февраля 1890 г.

Вторник 20/4

Вчера и сегодня стоим в сел. Дуа.
Погода все время пасмурная, падает снег, кругом туманы, за которыми

ничего не видно. Остановились в сел. Дуа в виду сбережения лошадей. Все равно нам придется прожить несколько дней в сел. Пуджия до приезда ответа из Яркенда. Денежные дела экспедиции плачевные. Все ресурсы составляют около 100 рублей и на них необходимо прожить до получения денег, а когда они получатся – один Господь ведает.

Завтрашний переход очень большой и придется выступить до свету, чтобы добраться до сел. Пуджия. Вчера и сегодня ходил на охоту. Убил пару уток и видел красных морских уток, но всего одну пару.

Лошадей нет совсем здесь. Все купленные нами никуда не годятся. Они порчены на ноги и страшно дороги. Для приобретения лошадей единственным местом может служить только Алай. Больше лошади для экспедиции не годятся. Я свою верховую отправил в Яркенд на поправку.

21 февраля 1890 г.

Среда 21/5

Переход до сел. Пуджия по р. Кара-Кош-Дарье – 45 верст.

Сегодняшний переход по характеру пройденной местности совершенно тождественный с предыдущими. Оазисы Дуа и Пуджия отделяются пустынями. Горы мягкие, песчаные; кое-где жидкие поросли терескена, служащие пастбищами для бараньих стад. Встретили стадо антилоп, которые скрылись на таком расстоянии, что я не мог рассмотреть их.

Весна идет быстрыми шагами. Несмотря на снег, на песчаных холмах появились уже черные жуки. Сто первый сбор нынешнего года.

Долина р. Кара-Каш-Дарьи широкая, но река не переменила своего извилистого характера. Так верстах в 8 ниже селения Пуджия она вдруг поворачивает на восток и делает такую громадную излучину, что местное население поддерживает сообщение с селениями расположенными ниже по течению реки через высокий перевал.

Селение Пуджия раскинулось широко на правом берегу реки. Дома здесь окружены фруктовыми садами и разбросаны на довольно значительное расстояние один от другого. Население prepares поля под посевы. Обработка полей замечательно тщательная, огородная. Все поля разделены на небольшие квадратные площадки для удобства орошения, причем каждый квадратик огорожен бороздою, а площадки, распланированы одна выше другой. Почва мягкая, состоит из толстого слоя лессу. Обработка полей в большинстве ручная. Население вскапывает землю лопатами (кетменями), причем в работе принимают участие не только женщины, но и дети. Некоторые поля вспахиваются, впрочем, волами. Запряжка чрезвычайно своеобразная: в маленькую, необыкновенно легкую деревянную соху в виде плуга впрягается один вол. Хомута, или тягла, на нем нет, а искривленный кусок дерева, в виде дуги, закладывается за горб животного; от концов палки идут постромки к сохе, а вожжи привязываются к рогам. Население по одежде совершенно одинаково с остальными, но вместо чориков все носят лапти из кожи (как у горцев

Пахпу). Женщины в уродливых шапках не закрываются, но от нас бегали, что следовало приписать самым нелепым слухам, распускаемым про нас мужчинами.

22 февраля 1890 г.

Четверг 22/6

Дневка в Пуджия
 Попытался произвести определение географического положения местности, но туман опять помешал. Собрал самые обстоятельные сведения о дороге в Карангитаг. Оказывается, что из сел. Пуджия имеется прямая дорога в сел. Карангитаг, но она, вследствие необыкновенного количества выпавшего недавно снега, совершенно непроходима. Летом и осенью дорога эта хотя и проходима, но очень трудна. Вьюки возможно поднять только на яках.

Переходы следующие:

1) От сел. Пуджия вверх по р. Кара-Кош до ущелья Туманджи (справа). Дорога по ущелью р. Кара-Кош возможна только зимою по льду реки. Летом сообщение поддерживается из сел. Попона через трудный перевал Улук-Арт (громадный перевал). Людей нет.

2) Урочище Метис на верховьях ущелья Туманджи. Здесь живет несколько семейств горцев (тогликов).

3) Через перевал Сым на верховья р. Чашка, впадающей в р. Юрун-Кош слева. Перевал трудный, но проходимый для навьюченных лошадей. Вниз по течению реки Чашка дороги к Юрун-Кашу нет. Людей нет.

4) Через перевал Бурунчак на истоки р. Нисса. Ночлег на урочище Саранг-Уй. Перевал очень трудный: взбираться приходится по леднику. Лошади взбираются без вьюков. Людей нет.

5) Вниз по р. Ниса до поселения горцев.

6) Через перевал Русмачь на русло реки Юрун-Кош и далее в сел. Карангиток.

Вследствие полной невозможности пробраться с этой стороны в сел. Карангиток, приходится идти на Хотан в Полу. Как отнесутся к этому китайцы – предвидеть трудно. Чтобы задобрить их, я написал к начальнику округа самое любезное письмо и отправил несколько подарков.

С весною здоровье мое опять плохует. Постоянный кашель и сильная боль в груди. Кажется, я здоровье свое бесповоротно расстроил.

23 февраля 1890 г.

Пятница 23/7

Переход до сел. Попона – 14 верст.
 Река Кара-Кош на протяжении между селениями Пуджия и Попона делает громадную излучину. По течению реки расположены небольшие поселки.

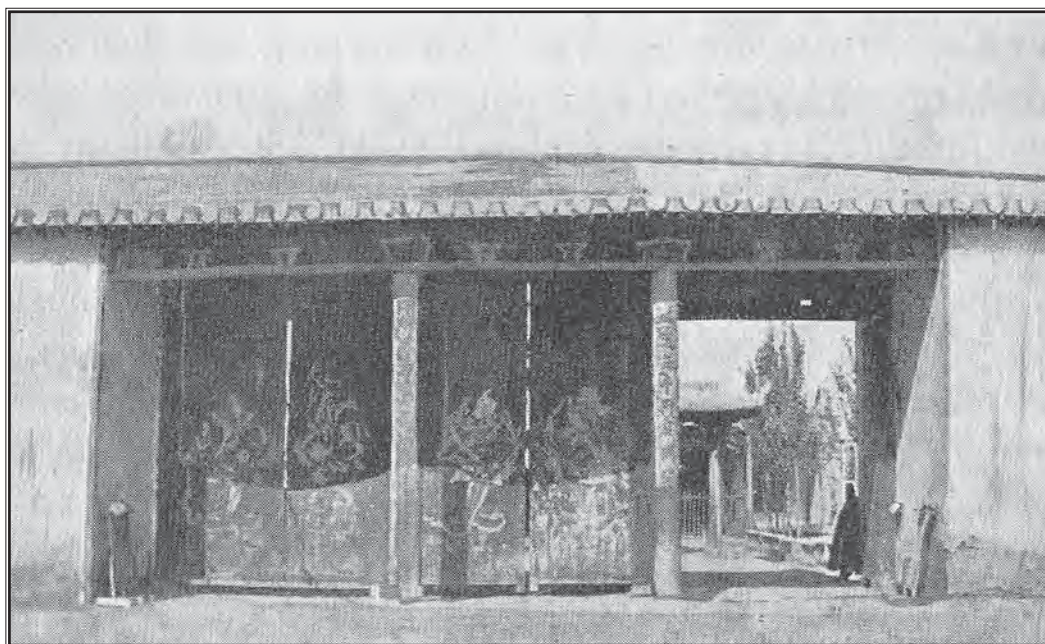
Селение Попона совершенно схожее с прежде описанными. Сегодня Хотанский амбань прислал своего бека и торгового аксакала. От них узнал, что в Хотан приехал один из членов большой Хотанской экспедиции.

24 февраля 1890 г.

Суббота 24/8

Переход до города Хогана (Ильчи) – 41 верста.

Река Кара-Кош ниже селения Попона поворачивает на северо-восток, а ниже селения Файзабад на с. запад, т.е. на протяжении 17 верст делает два поворота, из коих каждый равен почти прямому углу. Таким образом, река эта остается верною себе на всем течение, начиная от истоков и до устья. Ниже селения Файзабад река Юрун-Кош подходит к реке Кара-Кош на расстояние 7–8 верст, т.е. обе реки разделяются нешироким горным хребтом. Река Юрун-Кош течет здесь тоже громадными изгибами. Здесь на урочище Куманг производятся раскопки лучшего в крае нефрита; работает обыкновенно до 100 человек и больше. Между селениями Файзабад и Лямлю – развалины старинной крепости царя Консос-мама. Время его царствования затерялось в памяти народа, но не безынтересная легенда про детей его. В отвесной стене из конгломерата левого берега реки виднеется отверстие в пещеру, в которой жили и воспитывались дети этого царя. Легенда рассказывает, что царю Консос-мама за оскорбление женщин предсказано было, что он при жизни своей потеряет все потомство и что последний из детей умрет от укуса муравья. Консос-мама долго не придавал веры такому предсказанию, но затем дети его действительно начали умирать и вскоре он очутился без потомства. Он женился бесчисленное множество раз, но все безуспешно; наконец, одна из жен подарила его сыном. Вспомнив предсказание ворожеи о том, что последний

Ямынь начальника района в Хотане.

ребенок его умрет от укуса муравья, он приказал вырыть пещеру в отвесной скале конгломерата, омываемого рекою и поместил туда мать с ребенком, поручив их самой тщательной охране. До 7 лет ребенок воспитывался совсем благополучно. Однажды отец прислал матери ребенка корзину с виноградом, в котором попался и муравей, от укуса которого ребенок умер. Консос-мама правил ханством еще много лет, но больше потомства не дождался. После смерти его, ханством завладели кафиры, и воспоминание о царе Консос-мама сохранилось только в памяти народа в виде развалин крепости, да полу-обвалившегося входа в пещеру.

Записав эту легенду, я все-таки не лишним считаю заметить, что она вряд ли что-либо характеризует из действительной жизни мусульман. Само название Консос-мама далеко не мусульманское. Легенду же эту, или в подобном роде, я слышал в прошлом году в ущелье реки Кинг-Кол и, кажется, записал.

Река Кара-Каш-Дарья ниже пос. Файзабад круто поворачивает на с.з. и от места поворота начинаются сплошные поселения. Город Хотан и его окрестности, т.е. весь Хотанский оазис, делится на 3 округа: Все селения, расположенные на левом берегу р. Кара-Каш-Дарья, в общей сложности до 6000 дворов, носят название Кара-Каша; селения между реками Кара-Каш и Юрун-Каш вместе с городом Хотаном носят название Ильчи и тоже считает до 6000 дв. и наконец, селения по правому берегу реки Юрун-Каша носят название Юрун-Каша, считая до 2000 дворов. Раньше оазис этот был значительно больше, но часть его отошла к Керийскому округу. Всего в Хотанском округе теперь 11 мингбашей, т.е. 11/т. дворов, но расчет этот, несомненно, ниже действительного, так как в расчете самой туземной администрации, не получающей никакого жалованья, скрывать действительное количество домов, чтобы излишком пользоваться в свою пользу. Всеми мингбашами заведует Ишкия Бек, проходимец ужасный, содержащий на откупе китайских чиновников и грабящий народ жестоко.

От селения Супсия мы втянулись в сплошные сады и селения, которыми шли до города Хотана. Китайский амбань выслал навстречу экспедиции туземных беков, от которых мы узнали, что большая тибетская экспедиция зимует в Ния и что инженер К.И. Богданович приехал в настоящее время в Хотан. Конечно, мы поспешили в город, чтобы повидаться с соотечественником и узнать о положении экспедиции. От К.И. Богдановича мы узнали, что экспедиция с начала Октября расположилась на зимнее стойбище в сел. Ния, где стоит уже почти 5 месяцев и простоит до половины Апреля. Если же добавить к этому два месяца, проведенных экспедицией в горах Кук-Яра, то окажется, что экспедиция пробыла уже на месте 7 месяцев. Устроились они хорошо, наняв большой дом и приспособив его для жизни европейцев. Завели даже столы и стулья. Да! Не то что мы: в палатках и без них, на морозе в -33С и и на высоте в 19/т. Оказывается, везде есть аристократы и парии – чернорабочие; а в служении чистой науке почетом и известностью пользуется далеко не всегда труженики. В Хотане остановлюсь до получения писем от Консула.

26 февраля 1890 г.

Понедельник 26/10

Вчера и сегодня стоим в Хотане за городом, в саду одного русского подданного.

У амбана с визитом не был. Вчера он сказался больным, сегодня – я. Вчера он прислал за паспортом. Я послал из министерства иностранных дел. Засим явились посланцы и потребовали паспорт из Зунгли-ямыня. Я сказал, что такого у меня нет. Китайцы отказались пропустить меня куда бы то ни было до получения ответа из Кашгара. Я вежливо и решительно ответил, что исполнить не берусь и через два дня направляюсь в Керию и дальше в Нию; при этом пояснил, что уже 8 месяцев путешествую по земле китайской, проходил много караулов, и никто меня не задерживал, – поэтому предполагаемую задержку считаю за каприз и подчиняться ему не намерен.

Сегодня явились посланцы с паспортом и заявили, что паспорт мой вполне их удовлетворяет и что они согласны пропустить меня дальше. Недоразумение уладилось и послезавтра еду дальше в Нию для свидания с экспедицией М.В. Певцова.

Посмотрим, что будет дальше.

1 марта 1890 г.

Четверг 1/13 Марта

Переход до сел. Луп – 20 верст (6½[...]).

Последние два дня мы простояли в Хотане, приготавливая почту в Россию. Погода все время стояла хорошая.

Сегодняшний переход небольшой и нетрудный. Дорога идет все время между садами селений, входящих в состав Юрун-Коша и Чирии. Границею между двумя округами служит речка Кара-Су, на которой мост с воротами. Страна замечательно хорошо и тщательно обрабатывается. Интересен способ посева: муж пашет одним быком легкою сохою, а жена сзади за сохою сыплет рукою зерна пшеницы в борозду посева. Пахарь следующей борозду посева закрывает предыдущую с зернами. Затем вспаханное поле выравнивается ногами. Пример этот ясно характеризует, что обработка полей производится чисто огородным способом. Посев, надо полагать, составляет такой-же праздник, как у киргиз перекочевки, потому что женщины на полях были в лучших своих нарядах. Население здесь приветливое, женщины не бегают, а наоборот, низко кланяясь, здороваются с проезжающими. Несносны только китайские провожатые, которые, по приказанию китайцев, прогоняют народ с дороги и не дают ни с кем поговорить.

Население повсеместно сильно страдает зобами, доходящими до уродливых размеров. Немало видели тоже сифилитиков с провалившимися носами.

Интересно пристрастие населения к голубям, которых почти в каждом доме держат массаами. Голубей здесь едят и это составляет дешевое угощение при приходе гостя. Кроме голубей держат почти везде птиц певчих, которые, вместе с музыкальными инструментами, наглядно доказывают пристрастие населения

к музыке.

Весна уже началась. Днем тепло в тени до +12°C–14°C. Начинается перелет, но еще очень ничтожный. Жуки оживают, хотя еще в самом незначительном количестве.

2 марта 1890 г.

Пятница 2/14

Переход до урочища Уй-Туграк – 25 верст.

Сегодня вышли из Хотанского оазиса и втянулись в пустыню между оазисами Чира и Хотаном. Пустыня аная, барханы, поросшие тамариском. Вдали от дороги тянутся песчаные холмы. В песках при устье рек и речек густые заросли кустарников, в которых водятся кабаны и есть фазаны.

В пустыне много лянгаров, построенных на колодцах, с водой более или менее соленую. Колодцы глубокие.

В лянгарх ночью жгут огонь, чтобы указать направление пути заплутавшимся путникам.

Население по типу и костюму то же, что и в Хотане. Особенностей никаких, только больше приветливости.

К.И. Богданович едет вместе. Он вчера вынужден был приказать отодрать китайца за то, что китаец ударил его человека. Китайцы, вообще, ужасные нахалы.

Погода великолепная, но туман постоянный. Сегодня +16,5С. Весна идет быстрыми шагами, но перелета еще нет.

4 марта 1890 г.

Воскресенье 4/16

Вчера мы сделали переход до оазиса Чира. Погода была прекрасная; температура в тени достигла до +20,5С, а на солнце было даже жарко. Переход утомительный, ибо на протяжении 26 верст тянется среди сплошных холмов сыпучих песков, поросших тамариском, а между лянгарами Ишмэ и Анын и туграковыми деревьями. По дороге на протяжении каждых 10 верст, небольшой лянгар, т.е. заезжий дом. Лянгары эти крошечные, полуразвалившиеся лачужки, лишенные почти всяких запасов продовольствия, но, тем не менее, очень удобные для путников, захваченных песчаным ураганом в дороге. Особенно хороший обычай жечь огонь по ночам. Зарево костра видно на очень большом расстоянии и заблудившиеся путники находят дорогу. При лянгаре колодцы, но вода в них соленая, хотя, и употребляется для питья за неимением другой. Вода расстраиивает желудки.

Оазис Чира расположен по реке Хами (Ами), вытекающей с гор Кара-Таг и составляющейся из трех верховьев: Кара-Таг, Утраг и Сары-Булюнг, сливаю-

щихся в трех днях пути выше по течению реки от оазиса Чира. Оазис этот имеет до 1/т. дворов, состоит из нескольких селений и имеет довольно большой базар с многочисленными лавками, в которых продаются не только предметы первой необходимости, но и предметы мануфактурные. На базаре живет тоже много мастеровых. Из местного производства особенно интересно производство бумаги. Я осмотрел мастерскую, помещающуюся на крошечном грязном дворике. Бумага производится из тутовой коры, тщательно очищенной от верхней шелухи. После этого кора мелко разбивается в ступке, варится в котле и в виде массы (киселя) охлаждается. Затем ложка этого киселя бросается на небольшой кусок очень редкой бязи, натянутой на четырехугольный станок величиною в открытый лист обыкновенной бумаги. Станок опускается в воду, а мастика при помощи особенной палочки равномерно распределяется по всему станку. После этого станок выставляется на солнце, а когда мастика высохнет, то на поверхности станка образуется лист толстой, но очень прочной бумаги, служащей для обертки. Для письма эта же бумага отшлифовывается камнями.

Бекон в Чире переводчик Керийси амбаня, человек молодой, крайне преданный китайцам. Преданность свою он довел до того, что за пять-шесть дней до моего приезда он по всему оазису объявил, чтобы никто из населения не смел выходить на улицу. Распоряжение это особенно относилось до женщин. Действительно, базар и оазис представлял мертвый город: лавки заперты, дома на запорах и т.д. Тип населения (мужского) очень некрасивый. Зобатых масса, не менее и сифилитиков. В городе живет до 10 китайцев и, судя по содержимому ими гарему, нравственность населения не должна быть особенна.

Сегодня погода пасмурная, а ветер подымает целые туманы пыли.

5 марта 1890 г.

Понедельник 5/17

Переход до лянгара Кара-Кыр – 38 верст (11 путайев).
Погода прекрасная, жара донимает. Дорога почти все время пролегает среди холмов, сыпучих песков, уже закрепленных густыми порослями камыша и, отчасти, кустами тамариска, а восточнее селения Дамуки и туграковыми деревьями¹¹⁷, достигающими огромной величины. Мы прошли большое селение Гулякма (гуль-хумар) с базаром по воскресеньям. Здесь местный Бек – человек очень предупредительный.

В Лянгаре Кара-Кыр обошел все дома. Население до крайности бедно и очень безобразно.

6 марта 1890 г.

¹¹⁷ Туграки – полоса кустарников или ивово-тополевых лесов в Центральной Азии.

Рисовые поля в Кашгарии.

Вторник 6/18

Переход до города Керия – 45 в.

Сегодняшний переход большой, но дорога идет по местности живописной и потому путь неустойчивый. Погода очень хорошая. Днем температура в тени была выше +20°C. Горные речки, теряясь в песках, образуют полосу песчано-солончаковую, почти сплошь покрытую густыми порослями камыша, который весной представляет великолепный корм для лошадей. Повсюду редкое в этой местности обилие родников, составляющих речки, пропадающие, впрочем, ниже (севернее) дороги в песках. Зона туграков подходит к самой дороге и пересекает ее между лянгарями Яр и Шивуль.

Оазис Керийский в общем считает до 2500 дв., а город Керия – 500 дв. Керийский амбань выслал на встречу своих беков, которые по дороге приготовили чай. В виду крайне враждебного отношения главного бека к русским и тибетской экспедиции, я не нашел возможным принять угощение и проехал мимо. Беки остались сконфуженные и затем уже приехали поздно на мою квартиру. Старший бек так много говорил и таким возвышенным голосом, что пришлось удалить его из моей комнаты. Бек этот закупил китайского амбаня и распоряжается в округе совершенно бесконтрольно. Под давлением его стонет не только туземное население, но и китайцы. Хуже всего достается однако «андижанцам».

Из последнего ночлега я отправил посланца к китайскому амбаню, отправив ему при этом револьвер с патронами. Подарок произвел свое действие, и снова мы были предметом самых любезных ухаживаний. К сожалению, амбань так запутался в долгах и взятках, что приказания его совсем не исполняются китайскими беками. Так, напр., амбань два раза присылал ко мне своего помощника с просьбой не платить за клевер и ячмень для лошадей дорожке базарной цены, между тем, за доставленные продукты пришлось заплатить в 6 раз дорожке базарной цены.

7 марта 1890 г.

Среда 7/19

Переход до селения Ой-Туграк – 20 верст.

Керийский оазис, равно как и самый город, расположены на левом берегу реки Керии. На правом берегу узкою полосой растянулось небольшое селение Биш-Туграк. Город раскинулся на высоком левом берегу, живописно спускаясь по обрыву. У города река делает громадную отмель, на которой расположена масса полей рисовых и др., требующих большого орошения. Русло реки шириною около версты. Река течет с юга на север, но затем поворачивает постепенно на с.з. По собранным справкам, Керийская река течет в этом направлении на протяжении 20–25 дней ходу, но вода достигает туда только во время половодья, образуя громадные камышовые заросли и многочисленные озера. В зарослях и на озерах масса дичи. По слухам, керийская река не доходит до р. Тарима всего только на 4–5 дней ходу и расстояние это легко можно пройти с небольшим запасом воды. В низовьях Керийской реки пасутся стада баранов и при них имеются пастухи.

Нравственность населения Керии кажется крайне слаба. Сужу об этом потому, что к сараю, в котором мы остановились, подошла целая толпа женщин, предлагая свои услуги. Женщины эти предлагали себя, несмотря на самые строгие приказы местного туземного бека и на то, что женщины отгонялись от нашего дома особо приставленным караулом. Прибытие наше вызвало целое смятение среди населения Керии, которое собралось у ворот дома и требовало, чтоб я вышел, что они имеют принести жалобу на китайцев. Жалобы я не принял, но показался народу.

За Керийским оазисом начинаются сыпучие пески, лишенные всякой растительности. Пески не наносные, а происшедшие от разрушившихся пород и имеют форму правильных грядок, и барханы-гряды бугристы. Они образуются господствующими здесь ветрами с.в. и ю.з.

По дороге мы встречали целые адные караваны с мукою, кукурузою и др. принадлежностями, направляющиеся в Саургак и Капа – на золотые прииски. При караванах шли и партии рабочих, при которых видели не только женщин, но и маленьких, 7–8 лет детей.

Селение Ой-Туграк раскинуто на громадном (до 10 верст) расстоянии и состоит из отдельных домов, расположенных на значительном расстоянии одно от другого. При каждом доме фруктовые сады: виноград, абрикосы, яблоки и пр. Почва песчаная и при малейшем ветре поднимаются целые тучи песку, от которого нигде невозможно спастись. В самом селении громадные барханы сыпучего песку, из коих один достигает до 150 ф. высоты. Интересно, что, несмотря на близость песков и невозможность бороться с ними, пески не наступают и не уничтожают культуры, как, например, это заметно в сел. Пияльма. Явление это можно объяснить разве только действием ветров, дующих попеременно то с с.в., то с ю.з., и взаимно уничтожающих свою работу по передвижению песков. Население же-

стоко страдает от сифилиса, вообще, в Керии, но в сел. Ой-Туграк сифилис перешел пределы возможности. Здесь, кажется, нет ни одной семьи, которую сифилис не поразил бы окончательно.

8 марта 1890 г.

Четверг 8/20

Переход до пос. Ясумун – 24 версты.

Вчерашний ветер дул с такой силой, что все путники, опасаясь заблудиться, ночевали на тех местах, где их захватил буран. Сегодня следы дороги замело совершенно и мы шли наугад, придерживаясь в общем направления. По дороге песчаные барханы образуют целые гряды высоких холмов. Небезынтересен факт, что крутой скат песчаных барханов, кажущийся на глаз до 60 и больше градусов, в действительности еле достигает 30–37°. Пологий же от 10°–15°. Вообще, соотношение крутого склона к пологому обратно пропорциональное.

Поселок Ясумун крошечный, считает около 5 дв. И очень беден. Весь водяной резервуар заключается в одном пруде, переполненном экскрементами животных, которые поются прямо из пруда. Завтра я оставляю здесь всех лошадей и людей и на нанятых лошадях еду в Нию. Лошади за последние несколько дней страшно устали и даже едят лежа. Погода мерзкая; в воздухе целые туманы пыли.

9 марта 1890 г.

Пятница 9/21

Переход до оазиса Ния – 50 верст.

Сегодня целый день дул жестокий ветер, подымавший целые облака пыли, закрывающие весь горизонт и лишаящие возможности видеть что-либо на протяжении нескольких шагов. Ориентироваться в этом сплошном столбе пыли немислимо, а производить съемку – еще труднее. Для производства съемки я отстал от проводников сотни на две шагов и брал [...], когда случайно затихавшие порывы ветра открывали едущих впереди. Съемка крайне трудная и неточная. Весь переход по сплошным пескам и без воды на протяжении 50 верст. Местность абсолютно лишена растительности. Дорога пролегает на протяжении многих верст по высоким песчаным барханам и беспрерывные подъемы и спуски крайне утомительны.

Приехали мы в Нию неожиданно для членов тибетской экспедиции, которые, ввиду жестокой бури, не ожидали нас в этот день совершенно. Действительно, в песках в такой буран ехать возможно только с очень опытными и хорошими проводниками.

14 марта 1890 г.

14 Среда

Все это время мы прожили в Ние, чтобы пристроиться к астрономическому пункту М.В. Певцова и взять отсюда время. Члены тибетской экспедиции приняли нас с полным радушием и сердечностью. Почтенный М.В. Певцов лично в течение этого времени проверил все мои инструменты и сделал сооветствующие поправки. К сожалению, погода все время стояла отвратительная и мне с большим трудом удалось взять отсюда время. Сегодня остался для наблюдения покрытия звезды, но наблюдение опять не удалось вследствие того, что небо покрыто каким-то туманом. Тибетская экспедиция занимает целый обширный дом, который и приспособила на зиму. Имеются здесь 4 чистых жилых комнаты, кроме казарм, кухни и т.д. в комнатах устроены печи, стены обиты плетенками, а окна удачно заменены прорезями в потолке, заклеенными калькою (вощным коленкором). В комнатах столы и стулья. Особенно порадовались мы бане. После 6 месяцев первый раз удалось выкупаться. По рассказу М.В. Певцова, температура у них в комнатах редко в самые сильные морозы понижалась ниже +10°C, а обыкновенно держалась на +13°C. В.И. Роборовский¹¹⁸ в Феврале уехал в Черчен и вернется только к 1 Апрелю. Тибетская экспедиция выступает дальше в половине Апреля. Я всех людей и лошадей своих оставил в Ясулгуне, а сюда приехал на нанятых. Еду завтра для осмотра золотых приисков в Соургаке.

15 марта 1890 г.

15/27 Марта. Четверг

Переход до поселка Соургак (золотые прииски) – 48 верст. Дорога между оазисом Ния и золотыми приисками идет все время по ровной, каменистой степи, подымающейся очень полого к югу и сначала пролегает по широкому руслу реки Ния, сухому в это время года, а затем подымается на правый берег реки, которая, по мере движения кверху, течет все более и более извилисто, то удаляясь от дороги на значительное расстояние, то подходя вплотную. Несмотря на едва заметный подъем местности, уже в 28 верстах от ночлега берега реки возвышаются над руслом приблизительно на 200 ф. и представляют отвесную стену из конгломерата, по которой спуститься на дно реки очень трудно. Степь поросла редкими и чахлыми кустиками растения чеканды (ередча) и по руслу попадают поросли тамариска. Дорога пустынна и безводна. Вода в реке появляется только летом во время таяния снегов и прибывает с такою силою, что переправа через реку становится опасною, а подчас и совершенно невозможною.

¹¹⁸ Всеволод Иванович Роборовский (1856–1910) – участник экспедиций Пржевальского в Центральную Азию. В 1889–1890 гг. он принимал участие в экспедиции Певцова, в ходе которой провел пять самостоятельных путешествий на Тибетском плоскогорье.

В настоящее время года русло реки совершенно сухое. Родниковая вода стекает с гор, но доходит только до зол. приисков Соургак, а ниже совершенно утилизируется отчасти испарениями, но, главным образом, просачиванием в почву.

В 44 в. от ночлега мы подошли к предгорьям, состоящим из бесчисленных рядов горных отрогов – мягких, невысоких, лишенных растительности и разделенных друг от друга более или менее глубокими безводными балками, на дне которых производится добыча золота. Предгорья составляют отроги гор Чекель, ограничивающих в этом месте Кашгарскую котловину с юга. Горы эти, по рассказу туземцев, вечно – снежные, но тучи пыли закрывали весь небосклон и не только гор, но и самих предгорий мы не видели. Золото добывается в предгорьях правого берега р. Ния на протяжении 50 верст к востоку от реки, в поясе шириною с севера на юг до 30 верст. Добыча золота крайне трудна вследствие глубины залегания золотых россыпей, а, главное, абсолютного отсутствия воды. Местность здесь совершенно пустынная: нет не только посевов, но даже топливо доставляется из Нии, равно как и все остальные продукты. Во время нашего посещения в этой местности работало до 3/т. семейств.

Работы производились на значительной глубине и исключительно на местах старого русла речек, так как золото здесь наносное с гор. Для добывания прорываются глубокие скважины шириною около 2 кв. аршин. Глубина скважин различна, смотря по количеству нанесенной сверху земли новейшего наноса. Глубина осмотренных мною скважин колебалась от 45 аршин до 70 аршин, но, по рассказу туземцев, глубина некоторых из них простирается до 200 аршин. Докопавшись до старого русла реки, золотоискатели производят раскопки исключительно вверх и вниз по руслу, нисколько не углубляясь вправо и влево от течения. От скважины работники углубляются вверх и вниз иногда на 200 и больше сажень. Работы производятся при свете обыкновенных ламп туземного образца (чирак)¹¹⁹ и заключаются в добыче золотоносного песку, который насыпается в мешки и выносится к скважине. Над отверстием скважины (шахты) устроен обыкновенный ворот (вал) с намотанными на него двумя веревками надлежащей длины и в обратном порядке, т.е. что когда одна из веревок наматывается на вал, другая, в это же время разматываясь, спускается на дно шахты. Мешки с золотоносным песком при помощи ворота вынимаются наверх, а затем песок выносится на соседний бугор и там сушится. Затем, тут же на бугре, расстилается шерстяная попонка, золотоносный песок набирается в деревянную чашку и, при наступлении сильного ветра, провеивается. Мелкий песок относится ветром в сторону, а более тяжелые частицы золота и крупный песок падают на разостланную на земле попонку. Затем золотоискатель садится на ту же попонку, придвигает к себе по горсточке крупного песку, сдувает его осторожно с ладони и находит крошечные пластинки золота. Изредка попадаются тут небольшие самородки величиною с горошину и больше. В общем, добыча золота производится самым примитивным способом и чрезвычайно малоприбыльна. Как характерный факт малоприбыльности следует заметить, что самые богатые здесь не золотопромышленники, а продавцы продуктов и припасов. Затрата капитала сравнительно довольно большая на прорытие скважины. Над прорытием работают человек 4–10

¹¹⁹ Чирак – вид масляной лампы в Центральной Азии.

в течение дней 15–60, причем стоимость работ определяется от 60–600 рублей, смотря по глубине скважины. Хорошо, если скважина пророется удачно и действительно достигнет дна русла реки, тогда произведенные затраты могут окупиться в большей или меньшей степени. Если же скважина пророется в стороне от русла, то вся затрата, безусловно, пропадает. На работах участвует вся семья: мужчины, женщины и дети, начиная с 7–8-летнего возраста. Несмотря на сравнительно ничтожную добычу золота, на Соургакских приисках, как и на многих других, работает масса народу, что объясняется исключительно бедностью населения, неслыханною дешевизною рабочих рук, которые не находя других заработков, предлагают свой труд поистине за бесценок; тяжестью вообще налогов в Кашгарии и в особенности «налога золотого», которым обложено все население Керийского и, отчасти, Хотанского округа, причем каждая семья вносит в два полугодия от 5–15 тенег, т.е. от 3–9 рублей в год, и, наконец, отчасти свойственному человечеству азарту.

Особенно характерный и своеобразный вид имеет поселок и базарчик Соургак. Он построен на местности пустынной, даже в стороне от воды, но зато среди самих разработок, и состоит из целого ряда шалашей, выстроенных из плетенок, в которых живут торговцы и более богатые золотопромышленники. Шалаша или домики построены чрезвычайно скученно один возле другого, а тоненькие стены не только позволяют слышать все происходящее в соседнем доме или лавке, но и видеть. Большинство же рабочих живет в глубоких пещерах, вырытых в земле. В пещерах проведены отдушины для выхода дыма, а вход запирается дверью, или просто завешивается кошмою, или япкой. За производством работ и земляных раскопок не существует никакого административного присмотра, вследствие чего ежегодно несколько человек падают жертвою обвалов в шахтах. Цена на золото находится в зависимости от добычи и сильно колеблется. Так осенью нынешнего года сар (около 10 золот.) стоит 114–120 тенег, теперь же поднялся до 160 тенег. Вообще, по-видимому, Соургакские золотые прииски выработались. По крайней мере, все без исключения жалуются на малую добычу, говорят, что при мусульманском владычестве добыча была значительно больше и уменьшение добычи, конечно, приписывают уничтожению китайцами предписанного шариадом зякета (1/40 ч.). Факт интересен потому, что жалобы эти совершенно аналогичны с жалобами наших кочевников, которые жалуются, что с уничтожением зякета скоота прирост скоота значительно уменьшился.

В общем, Соургакские прииски интересны, а поселок из шалашей в пустыне и без воды напоминает что-то американское. Мною сняты виды золотых приисков.

16 марта 1890 г.

Пятница 16/28

Дневка в Соургаке для производства астрономического наблюдения. Ночь провели безобразно, вследствие невыносимого соседства маленьких детей, кашляющих субъектов и т.д. Рядом какой-то китаец упрекал свою жену-мусульманку в неверности. Упреки производились самым спокойным голосом, но

в течение 2–3 часов. Женщина отказывалась, сердилась, плакала, потом, кажется, заснула, по крайней мере, не подавала признаков жизни, а китаец все продолжал. Извел меня до слез. Перед вечером густой сухой туман, окутывающий горы, несколько рассеялся, и горы выросли на горизонте совсем вплотную за Соургаком. Горы высокие, из коих многие с вечно-снежными вершинами. Горы носят название Чекель.

17 марта 1890 г.

Суббота 17/29

Переход до урочища Молгун – 33 версты.

Сегодня погода хорошая, но сухой туман держится. Дорога пролегает по самой окраине высокого хребта Чекель с вечно-снежными вершинами. Местность слегка всхолмленная, а дорога пересекает множество крошечных родников и ручейков, из коих только один, а именно Санджа достигает летом, во время таяния ледников, до нижней дороги из Керии в Нию. Остальные теряются в песках немедленно по выходе из гор. Предгорья поросли злаками, известными у туземцев под названием: Курук, Дана-Сейчак, терескен и пр., составляющими прекрасный корм для баранов. Поэтому, по всему предгорью, т.е. на верховьях каждого родника или ручейка, пасутся стада баранов, а при них живут пастухи, возделывающие на берегу некоторых речек, непересыхающих летом, небольшое количество ячменя. Пастухи пасут скот не свой, а купцов из Керии и др. городов, получая за труд еду и одежду. Живут они по большей части или в лессовых пещерах, или же в маленьких пристройках к отвесным стенам конгломерата. Фауна этой местности состоит из: волков, джейранов, лисиц и зайцев; а из птиц видели только галок и ворон. В общем, горы совершенно безжизненны. Редкое население – пришлое из городов Керии, Черчена и т.д. и не составляет какого-либо отдельного рода. Вчера в Соургаке был базар. Воспользовавшись свободным временем, я просидел час времени в лавке мелочного торговца, причем за все время никто не подошел к лавке. Познокомившись с торговцем, я узнал от него, что за весь день он торговал на 3 теньги (около 1 р.), а чистый барыш его равняется 15 коп. Поистине удивляешься способности азиатов жить на такие скромные средства.

18 марта 1890 г.

Воскресенье 18/30

Переход до пос. Тумая – 12 верст.

Дорога пролегает у самых предгорий по местности песчаной и густо поросшей злаками. Горный хребет высится круто и заканчивается виднеющимися вдали снежными вершинами. Хребет носит название Чекель. Собственно чекель – означает на местном наречии голый камень, лишенный всякой растительности, так же, как мягкая часть гор, поросшая травой или злаками, носит название

«Джул». Следовательно, оба эти названия имеют характер имен нарицательных и едва ли справедливо было бы присваивать это название горному хребту, тем более, что хребет этот назван незабвенным Н.М. Пржевальским – Русским.

Дорога на всем переходе пересекает бесконечное количество сухих логов вплоть до речки Тумая, где при самом выходе из гор есть небольшой поселок Тумая, состоящий из 3-х дворов. Жители занимаются овцеводством и, отчасти, земледелием и живут в пещерах. На верховьях речки Тумая (по правому притоку) имеются залежи квасцов, которые по туземному носят название «Зак». Разработкой их занимаются жители сел. Ой-Туграй и продают гарик (12 ф.) на базаре в Керии по 10–13 копеек.

Сегодня получил почту и телеграмму от П.П. Семенова, в которой он сообщает, что успех ходатайства о продлении командировки до 1 Января будущего года обеспечен. К сожалению, Географическое Общество нашло возможным усилить средства мои на 1–2 руб. Как я обойдусь этими средствами – то один Бог знает. Но слава Ему, что хоть отпуск разрешен. Теперь еду в Полу, а затем в Керию и, по получении денег, начну снаряжаться, чтобы не позже Мая выступить в путь.

19 марта 1890 г.

Понедельник 19/31

Переход до урочища Кызыл-Кия – 29 верст.

Переход довольно трудный вследствие 3-х перевалов, из коих каждый превышает 10/т. ф. Мы пересекли речки Кырг-ачин (горько-соленая) и Кара-Булак и спустились на речку Пшка. Из них только последняя довольно большая, а летом во время таяния снегов в горах и очень многоводная; остальные две – крошечные ручейки. Реки Кырг-ачин и Кара-Булак, соединяясь вместе летом, доводят свою воду до Лянгара Уй-Яр между сел. Ой-Туграк и пос. Ясулгун. Речка Пшка орошает селение Ой-Туграк. Мы шли уже через высокие предгорья. Они мягки и поросли злаками, доставляющими корм баранам, вследствие чего, в каждом ущелье, на каждом родничке живут пастухи. Кроме злаков, а на высоких горах и небольшого количества травы, растительности никакой. Из птиц видели горных рябчиков и уларов. Туземцы рассказывали, что в горах имеются козлы и бараны. Видели следы волка, лисицы и зайцев. По речке Пшка живет несколько семейств, занимающихся не только скотоводством, но и хлебопашеством. Центр – поселок Терим, состоящий из 3–4 дворов, но отдельные семьи живут и выше по ущелью. По р. Пшка производится промывка золота в незначительных, впрочем, размерах. Население здесь очень неприветливо. Несмотря на извещение о проезде, мы не застали заготовленными ни фуража ни баранов. Разослав на все стороны, нам тщательно пришлось ожидать подвоза продуктов до 10 часов вечера. Выведенный из терпения, я приказал отодрать одного из самых богатых жителей и оказалось, что солома и ячмень были зарыты в земле в нескольких десятках шагов от нашего ночлега. Естественно, все явилось, как по мановению волшебного жезла. Население здесь на полях не строит амбаров, а зерно и солому зарывает в особо

приготовленные ямы. Способ этот практикуется в Кашгарии почти повсеместно, а также отчасти и в Русском Туркестане.

Относительно Ясулгуна существует следующее предание. Во времена калифа Алиа местность эта была ареною многочисленных кровопролитных войн для вводящих мусульманство. До настоящего времени существует близ Полу гробница Чахар-Имам, т.е. «четырёх имамов», где похоронены убитые сыновья Алиа; затем, верстах в 100 от Нии к югу – гробница Имам-Джафар-Садыка, родного внука Алиа, который, по преданию, взят был на небо. Ясулгун в прежнее время был довольно значительным поселением, населенным последователями Имам-Джафар-Садыка (суфи), поселение достигло высокой степени культуры и представляло цветущий оазис, вследствие чего было названо Суфиляр-Баг (сад последователей), с течением времени недостаток воды и другие причины разрушили цветущую обитель. Новое же название Ясулгун или Яссы-Юлгун, т.е. красивый тамариск, поселение получило в самое недавнее время от нескольких высоких и красивых тамарисков, растущих к северу от поселения. Вообще, взглядываясь пристальнее в пройденную страну, нельзя не признать, что страна эта в прежнее время была несравненно больше населена и культурна, чем теперь. Лучшим свидетельством служат развалины городов, попадающиеся в большом количестве даже в глубине песков, составляющих ныне едва ли проходимую пустыню, а, как свидетельствуют развалины, служивших во времена арабских завоевателей центрами населения. Причиною гибели городов следует считать оскудение рек и родников, продолжающееся постоянно и до настоящего времени, примером чего может служить селение Пияльма, обращающееся в пустыню на глазах уже нынешнего поколения.

Для этнографии края следует отметить обычай женить детей в отроческом возрасте. Так 6–7-летние дети уже подчас обвенчаны и невестки живут в доме родителей мужа – ребенка, воспитываясь наравне с остальными детьми.

По р. Керия-Дарья, в местности, где река поглощается песками, водятся дикие верблюды.

21 марта 1890 г.

Среда 21 Марта/ 2 Апреля

Вчера мы сделали переход до сел. Ачан – 27 верст.

Дорога в общем пролегает по местности одинакового характера. Речку Пшка от речки Ачан отделяют мягкие горы, или, вернее, чрезвычайно волнистое плато, перерезанное бесчисленным множеством более или менее глубоких рытвин и сухих логов. Движение чрезвычайно утомительно. Селение Ачан состоит из 70 дв., раскинутых на значительное расстояние один от другого. Речка Ачан берет начало с очень высокой, вечно снежной группы гор (думаю, что это и есть гора Царя-Освободителя). Теперь русло ее совершенно сухое, но летом, во время половодья, воды такое обилие, что сообщение по временам прекращается. Тем не менее, речка эта не помогает культуре, ибо вода приходит поздно,

когда посевы почти не нуждаются в ней, и скоро прекращается. В сел. Ачане возделывается только ячмень и пшеница, а из плодов растут яблоки и абрикосы. Селение имеет жалкий вид: полное отсутствие зелени и растительности действуют угнетающе. Тип жителей очень некрасивый. Погода стоит все время необыкновенно скверная. Утром еще кое-как хоть солнце видно, но после полудня начинается сильный NW, приносящий из пустыни тучи пыли, покрывающих солнце и обращающих день в неприглядные сумерки. Вообще, зима и весна в нынешнем году – удивительны. Когда во всей Европе, не исключая крайнего севера, зима была необыкновенно теплая, здесь же, наоборот, необыкновенно холодная и суровая. Таких морозов, как в нынешнем году, старожилы не запомнят. Весна тоже необыкновенно поздняя и холодная. Теперь конец Марта, а еще не только не видно нигде признаков растительности, но еще и посевы почти не производятся, а по ночам держатся морозы.

22 марта 1890 г.

Четверг 22/3

Переход до селения Люши – 38 верст.

Переход трудный, вследствие двух высоких перевалов, достигающих до 10/т. ф. абсолютной высоты. Характер местности сходен с предыдущею. Горы мягкие, лессовые, высокие, с весьма крутыми склонами, избородженными потоками дождевой воды. Горы поросли злаками, доставляющими пастбища для баранов. Погода отвратительная. Тучи лессовой пыли закрывают весь небосклон и не позволяют видеть ничего на расстоянии $\frac{1}{2}$ версты. За пылью солнца не видно, а температура при сильном NW понизилась до 7°С днем. Туман не позволил определить, откуда берут начало речки Сухтаяк и Люши, которые мы сегодня пересекли. Обе речки впадают в р. Керия-Дарья. У выхода из гор поселилось по 30 дворов туземцев, занимающихся хлебопашеством и овцеводством. Тип мужчин очень некрасивый. Женщин и детей не видели, так как китайцы, узнав о приходе экспедиции, по всем селениям разослали объявления, рассказывая про нас, что мы убиваем детей, насилуем женщин, и советуя населению спрятать семьи в горах. Деревни действительно кажутся вымершими. Это ужасное безобразие.

По речке Люши приблизительно верстах в 30 выше селения Люши имеется месторождение нефрита. Месторождение это открыто всего 8 лет тому назад и разрабатывается пока немного. Нефрит находит сбыт в Керию и продается по сравнительно высокой цене. Я приобрел кусок нефрита из местных залежей. Между здешним населением попадаются не только блондины, но даже рыжие. Особенность в одежде разве та, что все носят лапти из кожи баранов и пр. мехом наружу. Сегодня Мирза экспедиции заболел оспою. Откуда он заразился – Господь ведает. Болезнь произвела на всех очень тягостное впечатление. Почти нет сомнения, что придется всем нам переболеть непрошенной гостьей. Нефрит добывается на урочище Сары-Курум и залегаёт в местности весьма труднодоступной, почти под вечным снегом. Дорога к нефриту по каменистому руслу реки доступна только для пешеходов.

23 марта 1890 г.

Пятница 23/4

Переход до селения Полу – 32 версты.

От селения Люши в Полу существует две дороги: одна по берегу реки Керия-Дарья, другая – через высокое плато. Первая из этих дорог очень трудна вследствие многочисленных подъемов и спусков, вызванных тем, что р. Керия-Дарья течет в узком и очень глубоком ущелье, загроможденном порогами и местами переходящем в теснину, по которой дорога немислима и требует значительных обходов. Мы направились по дороге через плато, где труден только подъем и спуск, а затем на протяжении 15 верст дорога идет почти по ровному плоскогорью. К сожалению, лессовый туман совершенно закрывал горизонт, и ничего кругом нельзя было рассмотреть. Лессовый туман – истинное горе. За все время пребывания моего в Кашгарии туман преследует нас постоянно, и не было ни одного дня, чтобы туман не закрывал горизонта.

При слиянии р. Керии-Дарьи с р. Кураб производится добыча золота. Способ добычи такой-же, как и в Соургакских золотых приисках. В нынешнем году работает здесь до 15 семейств, но к лету их прибудет больше, а по временам достигает до 50 семейств. Живут рабочие в пещерах, вырытых в лессовой почве.

Селение Полу расположено на высоком узком мысе, отделяющем р. Кураб от правого притока Терекли. Особенность этого селения заключается в том, что все дома селения скучены на пригорке и построены так тесно, что во всем селении мы не нашли достаточно обширного двора, в котором можно-было бы поместить лошадей экспедиции. Теснота постройки обуславливается недостаточностью запашек. Все годные под посевы поля заняты запашками. Другая особенность селения – отсутствие садов. Между тем с. Полу находится на такой высоте, где свободно может расти абрикос, яблоки, грецкий орех и пр. Население Полу очень приветливо. Особенным уважением пользуется здесь Халифа (настоятель), очень почтенный старец. В Полу засеваются ячмень, пшеница и особый вид гороха. Больше ничего здесь не растет, или, вернее, не возделывается жителями.

26 марта 1890 г.

Понедельник 26/7 Марта

Стоим в Полу.

Селение Полу пишется по туземному с буквой «р» на конце, но «р» выговаривается мягко, еле слышно. Более резкое произношение замечается в родительном падеже.

Все эти дни прошли в расспросных сведениях о Тибете. Оказывается, что многие из здешних жителей удалялись на верховья р. Кураб и углублялись даль-

ше на плоскогорье, частью в погоне за зверем, частью же по поручению бывшего хотанского хакима – Нияз-Бека. Все они доходили до первых пастушеских поселений тибетцев. Названий они никаких не знают, но надо полагать, что они выходили где-либо близ Рудока. В собственном Тибете никто из них не бывал. Они рассказывают, что тибетцы приняли их крайне недружелюбно и не позволили идти в Лхассу (Чавадак или Калмак), а направили в Танкси и дальше. Посланцы через Ладак вернулись обратно в Яркенд. Путешествие это совершенно было ими лет 20–25 тому назад. Теперь это все люди в возрасте перешедшем далеко за 60 лет. Проводником моим согласился быть самый молодой из них, а и тому 64 года. Имя его – Султан-чаки. Из расспросных сведений выяснилось, что раньше 2-й половины Мая подыматься на Тибетское плоскогорье невыносимо. Там полное отсутствие корму, холода и снег. Волей-неволей придется просидеть это время в Полу. Между тем, это маленькое селение не в состоянии прокормить всех лошадей экспедиции и нам приходится ячмень и другие припасы выписывать из соседних селений.

Вчера отправил экстренного посланца в Яркенд к Консульскому агенту с просьбой нанять кого-либо знающего монгольское или тибетское наречие. Без переводчика идти очень трудно. Вечером, гуляя по селению, я услышал в одном из домов музыку и увидел громадную толпу народа. Взойдя вовнутрь, я очутился в маленькой комнате, набитой преимущественно женщинами. Посередине комнаты, на площадке около 3-х квадратных аршин, танцевали женщина и мужчина. Оба казались в исступлении. Посередине площадки, от потолка к приколу, вбитому в землю, протянута была веревка, за которую танцующие вокруг веревки схватывались почти непрерывно. Женщина бледная, со страшно болезненным лицом, вертелась быстро около веревки, сзади за ней попевал мужчина, дико вскрикивая и то хлестко стегая ее плеткой, то нанося неизменно быстрые удары кинжалом. Удары наносились с такою быстротой и ловкостью, что казалось, кинжал каждый раз вонзался в тело, тогда как острие кинжала всегда попадало подмышку и проходило между рукою и телом. Когда женщина от быстрого кружения впадала в беспамятство и валилась на пол, или на руки присутствовавших, мужчина кидался на нее с яростью и то теребил ее сильно, то сжимал ей крепко голову ладонями и при этом отплевывался и нашептывал что-то про себя. Когда женщина приходила от боли в себя, то по лицу и телу ее проводили попеременно то совершенно черную курицу, то белого голубя, а женщина по три раза отплевывалась. Отдохнув несколько, причем во время отдыха мужчина пел набожные песни, женщина вскакивала и с ожесточением принималась за пляску; по временам она приходила в ярость и, вырвав плетку у мужчины, наносила ею удары первому попавшемуся из публики, причем стегаемый старался только голову прикрыть руками, а спину подставлял безропотно. Изредка около танцующей женщины вертелся мужчина, окуривая ее каким-то зельем. Когда женщина уставала, мужчина вновь хлестко подстегивал ее плетью, помахивая перед глазами кинжалом, или быстро вонзая его в стену перед каганцом. Трудно передать, какое тяжелое впечатление производило это беснование в полутемной комнате, освещенной только с одного угла красным пламенем каганца. Мужчина постепенно гипнотизировал не только танцующую женщину, но и более слабонервных из присутствующих. Так одна

из женщин с истерическими рыданиями и смехом вскочила с места и пустилась в самый невозможный танец. Наконец, мужчина потребовал себе бритву, повалил танцующую женщину на пол и, открыв рот и высунув свой язык, мелко насекал его бритвою. Кровь с языка мужчины обильно капала на голову женщины, а мужчина размазывал ее по лицу при хоровом пении и хлопании в ладоши всех присутствовавших. Женщина вновь вскочила и пустилась в поистине бешеную пляску, продолжавшуюся до того, пока она в беспамятстве не свалилась на пол. С ней сделалась судорога и рвота. Не будучи в состоянии вынести вида этого душу гнетущего зрелища, я вышел из собрания.

Сначала я предполагал, что танцующие – дервиши, заразившиеся факирством из Индии, но из расспросов выяснилось, что женщина – жена одного богатого жителя с. Полу одержима хронической болезнью, кажется, чахоткой, – а мужчина – врач туземный, нарочно приглашенный из Хотана.

Сегодня вновь явились ко мне все богатые и почетные жители Полу. Они принесли бережно завернутые фотографические портреты Государя, Государыни и Наследника Цесаревича, подаренные им Н.М. Пржевальским. Население сильно жаловалось на китайскую администрацию, которая производит самые удивительные поборы. Так, напр., Керийский амбань объявил все вакуфные¹²⁰ земли уважаемой здесь гробницы Чахр-Имам казенными. Когда же возмущенное население обратилось к нему с просьбою ратить вакуфы почитаемой гробницы 4-х просветителей, то амбань предложил купить населению отобранные в казну земли и подарить их вакуфу. Население, не видя другого исхода, согласилось и купило землю за круглую сумму в 100 ямб (около 12/т. р.). На покрытие расходов по покупке населением селений Полур, Чар-Имам, Сайбак и Чакар – проданы все большие бараны и оставлены молодежь и матки для приплода. Вследствие чего, мы баранов для убоя должны были выписывать за 100 и больше верст. Керийский амбань не постеснялся выдать покупателям документ за своею печатью, в котором, впрочем, глухо сказано, что земли, считаемые казенными в селении Ча(h)р-Имам, проданы им населению таких-то и таких-то местностей по 2 сары серебра за каждый «му».

Я ежедневно хожу на охоту, но добыча чрезвычайно ничтожная. Перелет пока совершенно незаметен, или мы находимся в стороне от главных путей перелета.

Погода все время холодная, а пыльный туман по-прежнему закрывает горизонт.

29 марта 1890 г.

Четверг 29

Стоянка в Полу.

Все эти дни погода стояла совершенно одинаковая: утром небо чистое,

¹²⁰ Вақф – в мусульманском законе фонд (запись) для религиозных, общественных, благотворительных целей.

воздух спокойный, но с полудня начинал дуть NW, усиливающийся постепенно до 3-х ч. дня и приносящий массу пыли, вследствие чего не только весь горизонт заволакивало, но и самого солнца подчас не было видно. Сегодня ночью, по-видимому, дул SSO и унес всю пыль в пустыню, вследствие чего все горы открылись. Я поспешил выехать из селения на окружающие холмы, чтобы осмотреть местность. Холмы, окружающие селение, возвышаются на 400–500 метров над селением и вершины их представляют плато, поросшее крошечною и редкою травкой, доставляющею корм стадам баранов. Баранов местное население имеет очень много. Есть богачи, имеющие до 4–5/т. штук (Хальфа). Горы со снежными вершинами находятся в 20–30 верстах от Полу. Хребет Чекель возвышается над холмами сразу, идет почти правильно с востока на запад. Из вершин особенно выделяется вечно снежная вершина на верховьях р. Люши и вершина к югу – юго-западу от Полу. Обе имеют 23–25/т. ф. Сделав около 18 верст по горам, я не встретил буквально ничего, по чем бы можно-было разрядить ружье. Появились, впрочем, сурки, но в весьма еще ограниченном количестве (мы видели 3-х, хотя очень много), да и те скрывались в ямы за тысячу и более шагов. Пробовал было подстеречь сурка, спрятавшегося в нору, но, просидев больше часу, выхода его не дождался. По рассказу туземцев, в предгорьях, близ основного хребта, держатся дикие козы, улары и рябчики. По-видимому, их, однако, очень немного, так как следов зверя мы нигде не встретили.

Население Полу деятельно занято посевами яровой пшеницы и особого вида ячменя без шелухи. Возделываются и засеваются все годные для культуры поля, т.е. вся земля, где доходит вода или где она могла быть доведена средствами населения. Земля плохая и родит очень неважно, несмотря на значительную примесь лесса и сдабривание полей навозом. Земля засевается каждый год только при условии основательного унавожения. Иначе она засевается раз в 3–4 года. Урожай самый лучший – сам¹²¹ 10–12, средний – сам 4–6, а бывает и так, что и семени не выручишь. Такой именно случай в прошлом году был в сел. Ча(h)р-Имам, где неурожай был полный и население голодает. Обложение населения здесь почти то же, что и в остальных местностях округа: поземельный налог, пошлина, налог с баранов и золотая пошлина.

2 апреля 1890 г.

Понедельник 2/14 Апреля

Стоянка в Полу.

В Субботу явился посланец от Я.Я. Лютша и привез на 1000 рублей серебра, а также некоторые другие вещи. К сожалению, почты нет, следовательно, ни писем, ни газет. Почтенный Яков Яковлевич присылает только китайского сереб-

¹²¹ В XVII-XIX в. в России урожай считали в «самах»: сколько одно семя («сам») дает урожайных зерен. См.: http://www.e-reading.club/chapter.php/1004900/9/Cimbaev_Nikolay_-_Istoriya_Rossii_XVIII-XIX_vekov.html (27.02.2017).

ра на 1/т. руб., т.е. 9 ямб, а не 15, как обещал. Причиной этому крошечный кредит, открытый Географическим Обществом. Как я на эти деньги устроюсь – Господь ведает. А между тем, расходы предстоят громадные: нанял проводника; отправил экстренного посланца в Яркенд за переводчиком; необходимо прикупить 8 шт. лошадей. Я.Я. Лютш пишет, что деньги сам занял.

Вчера по случаю Праздника Св. Пасхи явились все жители селения с поздравлением. Чтобы оставить в памяти их этот день, я приказал зарезать 6 шт. баранов, снабдить их крупую, хлебом, маслом и мукою, нанять музыкантов и устроить праздник для всех жителей селения. Когда все было готово, жители явились ко мне с просьбой почтить празднество своим присутствием. Я отправился со всеми людьми. В доме Халифы весь двор устал был кошмами; для нас на возвышении приготовлено было помещение, покрытое коврами. Во дворе собралось все население Полу, около 250 человек, с женами и детьми. На земле сидело 6 человек музыкантов, неистово бьющих в бубны и поющих; один играл на слабом подобии гитары (3 струны металлич., 3 из кишок). Женщины и мужчины становились почти поочередно и пускались в пляс. Пляска состояла в кружении плавном и не без эффекта в такт музыки, причем производились соответствующие движения руками. Каждый субъект танцевал в одиночку. Всего видел более 100 женщин и ни одной красивой. Одна смазливая, и одна с вызывающим лицом, остальные все уроды. Должно быть, здесь действительно женщины некрасивые, если они показались нам уродами даже после того, что мы 10 месяцев не видели женщин.

Для казаков устроено было особое празднество. В 9 ч. конвой пришел ко мне, мы сообща помолились; затем я похристосовался с людьми и пригласил их к столу. Каждый получил по 3-х фунтовому сладкому куличу, кусок пасхи, курицу и 10 ш. яиц. На всех выдано было 2 бут. крепкой водки. Кроме того, они получили не в счет по 10 рублей и мелкие подарки: кумачу на рубахи и т.д.

Сегодня производил новое определение широты и долготы по солнцу, а завтра собираюсь в Керию, для того чтобы закончить астрономический рейс от Нии и сделать необходимые запасы подков, муки, крупы и т.д. в Пятницу от Керийского амбана приезжал ко мне посланец с письмом, где амбань спрашивает, долго ли я пробуду в Полу, чтобы донести своему начальству.

3 апреля 1890 г.

Вторник 3/15

Переход до поселка Лянгар-Туграк – 50 верст. Сегодня день выдался замечательно жаркий, а мы, как назло, выехали только около 10 ч., потому что происходили замешательства с наймом лошадей и сбором. В 9 ч. вечера еще было 15°C. Все вещи я оставил на попечении Урядника Козьякаева; ему же оставлены и деньги. Переход очень трудный. Первые 30 верст по местности гористой с непрерывными подъемами и спусками; дальше верст 12 по сыпучим пескам. Дорога пролегает все время по левому берегу реки Керия-Дарья, держась все время близ русла реки, которое пролегает на дне глубо-

кого ущелья, настолько узкого, что повсеместно не превышает 5 сажень. Берега реки совершенно отвесны и, несмотря на то, что мы шли по берегу реки, к воде нам удалось спуститься только в 40 верстах от ночлега, против урочища Лайка. Местность совершенно пустынна: жизни никакой; видели хохлатых жаворонков, клушиц и только. На горах растёт терескен, в песках *ephedra*¹²².

Целый день дул жестокий NW, подымавший целые тучи соленой пыли, набивающейся в [...] ноздри, уши, разъедающей поры и причиняющей сильные страдания. Глаз не сохраняли и большие очки. От песку чувствовалась жестокая резь. Поселок Туграк-Лянгар состоит из 2–3 дворов. Здесь весна вступила уже в свои права. Ива зазеленела, абрикосовые деревья расцвели. Близ Туграк-Лянгара видели куропатов (кара-багырь) – они держатся парочками и их немного. В лянгаре замечательно приветливы люди – лянгарчи Худай-Берды с женою. Таких приветливых и веселых я еще не видел.

Вьюки запоздали, между тем стемнело и в песках не только дороги, но и направление разыскать было бы трудно разослал людей на поиски, а сам приказал развести огонь на 2 высоких сопках. Огонь был замечен казаками, тогда как они почти миновали Лянгар и направились к нам; они скоро подошли. Огонь – лучшее средство для заблудившихся в пустыне.

4 апреля 1890 г.

Среда 4/16

Переход до города Керия – 37 верст.

Опять целый день преследовал нас жестокий ветер. Губы и лицо трескаются, а в глазах – начало гнойного воспаления. Дорога между Туграк-Лянгаром и Кериею – живописная и приятная. По дороге почти постоянно попадаются небольшие поселки, а затем и большое селение Бугаз Лянгар, считающее около 1000 дв. В селении мазар Имам Газали, настолько почитаемый местными жителями, что они не решались провести нас мимо мазара и хотели провести окольным путем; я настоял на проведении мимо, желая взглянуть на местную святыню. Гробница имама находится влево (к западу) от дороги, а Ханака¹²³ и медресе – напротив, с другой стороны дороги. В медресе много комнаток для мулл, получавших здесь образование. Теперь комнаты совсем опустели, вследствие того, что китайские власти лишили медресе всех земель и капиталов, пожертвованных благочестивыми людьми на расходы по содержанию этого рассадника мусульманского фанатизма. Вообще, надо отдать справедливость китайцам, что в смысле лишения специфического запаха мусульманства они большие мастера. Первыми проводниками в данном случае являются постепенное, но систематическое упразднение

¹²² *Ephedra* – Эфедра – эфедры, кустарниковые породы, растущие в пустыне и полупустынных районах.

¹²³ Ханака – особняк или группа зданий, которые являются местом суфийского ордена. Слово персидского происхождения.

не самих мусульманских школ, а средства на их содержание, вследствие чего школы эти падают сами собою; затем одновременно открываются школы с обязательным изучением китайского языка и всевозможными льготами для привлечения туда слушателей; наконец, обязательное ношение всеми служащими китайских костюмов, жалованье зауряд-чинов, ношение ими длинных кос, китайских шапок и т.д. Все это мелочи, но мелочи, доказывающие глубокое знание мусульманства, и нам, гуманным и с европейскими взглядами русопетам¹²⁴, не сравниться в этом с китайцами. Мы не только со времени ятия Средней Азии не боролись с мусульманским фанатизмом, а наоборот, введением аульных мусульманских школ и т.д. успели искусственно насадить мусульманство, например, в Киргизской степи, где его совсем не было, и где оно появилось впервые со времен недоброй в этом отношении памяти графа Перовского¹²⁵.

Бугаз-Лянгар, несмотря на свое относительно высокое положение над уровнем моря (1500 метров), отличается обилием виноградников и довольно хорошего качества. Селение Бугаз-Лянгар снабжает своим виноградом весь Керийский оазис. Дорога между селением Тугуз-Лянгар и городом пролегает по пустынной, каменистой степи на протяжении около 14 верст. Дальше же между селениями, сливающимися с городом.

Китайские власти игнорируют нас совершенно: не выслали никого на встречу, не распорядились указанием помещения и т.д. Я, конечно, далеко не в претензии за этакое невнимание. В Керии весна в полной силе. Все цветет и оживает. Жара очень большая.

5 апреля 1890 г.

Четверг 5/17

Дневка в Керии. Мы наняли дом наследников бывшего Керийского бека Махомет-Ша и разместились в нем удобно, только чувствуем большой недостаток в воде, которой не можем допроситься пропустить уже вторые сутки. Пыль везде невообразимая.

Сегодня явился далое от местного амбана с поклонами, ужимками и всевозможными причитаниями приветствовать меня по случаю приезда. Затем он осведомился, куда я намерен дальше ехать, и справедливы ли слухи, что я собираюсь в Кашмир. На ответ мой, что слухи эти совершенно справедливы, далое в пространной и льстивой речи от имени амбана сообщил, что дороги в Кашмир через Полу нет и что он никоим образом согласиться не может пропустить меня на Тибетское плато. Я возразил, что сведения амбана о неимении дороги

¹²⁴ Русопёт и Русопят, русопята, муж. (прост. презр. устар.). Русский с грубо выраженными шовинистическими взглядами, квасной патриот. См.: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-65723.htm> (14.03.2017).

¹²⁵ Василий Алексеевич Перовский (1794–1857) – генерал-адъютант, губернатор Оренбурга, организатор военных экспедиций против Хивы и Коканда.

неверны, что мне положительно известно, что по этой дороге спустился Carey¹²⁶, что наконец, я сам желаю убедиться в этом и поднимусь на плато. Тогда далое сообщил, что дорога в действительности существует, но что по особому распоряжению из Кашгара она считается закрытой и он пропустить экспедицию без согласия Дао-тая не может. Так как холод и отсутствие корма по дороге не позволили мне все равно идти вверх теперь, то я великодушно согласился на то, чтобы в течение 25 дней подождать в Полу ответа от Дао-тая. Попытался произвести астрономическое определение места, но безуспешно. После полудня ветер поднял тучи и закрыли совершенно солнечный диск.

В Керии к моему приезду местный амбань отдал приказ, чтобы женщины не выходили на улицу, а население не входило в сношения с нами. Я хотел было добыть этот любопытный документ, но оказалось, что это словесное распоряжение.

6 апреля 1890 г.

Пятница 6/18

Дневка в Керии.

Сегодня являлся опять Да-лое от имени амбаня справиться о моем здоровье и при случае выпросить 100 шт. патронов для амбаня. Ужасные попрошайки. Да-лое подговаривался и подговаривается к подарку для себя, но я пока делаю вид, что не понимаю.

К 11 ч. у. начался ливень, продолжавшийся до вечера. Выпала масса воды. Это первый дождь в нынешнем году. Если он был и в горах близ Полу, то, несомненно, оживит растительность, которая не подвигается в росте без влаги.

Целый день производил всевозможные закупки для будущего путешествия.

Перед вечером да-лое прислал 2-х баранов, кубышку китайской водки и 4-х музыкантов, из коих один играл на камышовой характерной дудке с 10 отверстиями, как у пастушеской свирели в России, а другой смычком по 9-струнной гитаре. Басы расположены в обратном порядке, чем принято у нас. Инструмент затейливой работы. Особенно любимые песни у здешних туземцев: Сарба-маш, Атина-манны и Атын-Джан. Песен большое количество; есть недурные мотивы, и народ очень музыкальный.

Алтын Джан.

Яр (1 раз) – багда (2 раза) очильган онар гульнынъ (тише 2 раза) норы-ман

Хар тарафка юль сольган

Алтын джан ей кара кузнын ёры ман

¹²⁶ Громбчевский имел в виду Артура Дугласа Кэри, который в 1885 году отправился в продолжающуюся два года экспедицию и дошел до северного Тибета, Хотана, Кучи, озера Лоб-нор, Урумчи и Яркенда (см.: *The Indian Biographical Dictionary* (1915); Julie G. Marshall, *Britain and Tibet 1765–1947*, 2010, с. 179; Sven Hedin, *Southern Tibet*, т. VIII, *History of Exploration in the Kara-Korum Mountains*, Stockholm, с. 353).

Курдынлярму (тоже) шуль ёрны, б ден аяги гульду
 Джаилат бакде очильган.
 Алтын-джан – лябляри кызыл гуль дур
 Ичмедым кумар шартыбы, хам ганимден – аиршгедынаг —
 Ун кулюмга пейляим
 Алтын-джан ей шумкаршндын айрилдым
 Сайранг, буль булюм – сайранг
 Чеморнын (2 раза) ша сынсул
 Яр аирилымак дыйду
 Алтын джан, аирилиб кугульны тынсун
 Аириль ганга уль мей ман
 Алтын джан ей дардымга туля яслайман
 Ушак баля ляр уйнайду
 Тал – чивыкнын ат клиб
 Мусафырляр, я слайду
 Алтын джан ей уз сахарины – ят – клиб
 Ман богынга – чирмейман, бауг бан булюб юрмейма
 Имды кильдым аклимга
 Алтын джан – Нодон билен юрмейнан
 Кызыл – чулюм, кызыл чулюм, яман вахтаде туман (пайдо) бульги
 Ичимга утны салиб куюб
 Алтын джан ей яман вахтынде юльга раван бульдын
 Су айрилиб акмейдур ёр карелиб бокмейдур
 Яр – карлиб бакканде
 Алтын-джан ей быр хыяли якмейдур
 Finis.

8 апреля 1890 г.

Воскресенье 8/20

С^тоянка в Керии.
 Сегодня перекочевал на берег реки Керия-Дарья, на то же место, где производил астрономические наблюдения полковник Певцов и замкнул астрономический рейс от оазиса Ния. После ливня наступила замечательно жаркая погода. Жары продолжают, и в полдень достигают до + 28°С, а в 9 ч. в. еле понижаются до +22°С.

Заняты сборами в предстоящее движение по Тибету. Дороговизна страшная, а курс серебра и русских бумажек падает не по дням, а по часам. Со времени приезда курс рубля и серебра упал на 10 коп. Несем громадные убытки, происходящие отчасти вследствие стачки немногочисленных торговцев Керии, частью от действительного понижения серебра, зависящего от большего или меньшего количества золота, доставленного на продажу. Золотопромышленники требуют для размена и уплаты рабочим медных денег, которые дорожают,

понижая соответствующим образом курс серебра, которое теперь совсем не в спросе.

Несмотря на всякие пакости со стороны китайцев, мы устроились здесь сносно. Оказывается, что любимая и самая популярная из всех песен Алтын-Джан занесена сюда переводчиком койного Н.М. Пржевальского Абдулою. Песня эта в самое короткое время сделалась достоянием всей Кашгарии, только поют ее с небольшими изменениями не только в каждом городе, но и селении. Быстрое распространение свидетельствует о музыкальной способности народа. Сведение это сообщили мне музыканты Керии, которые, выучившись у Абдуллы, занесли ее в Хотан и Яркенд. Музыканты играют у нас каждый день.

11 апреля 1890 г.

Среда 11/23

 Переход до селения Тугуз-Аянгар – 25 верст.

Последние 2–3 дня китайцы оставили меня в совершенном покое, но продолжают распускать самые невероятные слухи, в особенности, про наши мнимые зверства с женщинами. Вообще, женский вопрос – самый жгучий у китайцев и они придают ему громадное значение.

Местный амбань под предлогом болезни уклонился от свидания со мною. Вчера я послал сообщить, что сегодня уезжаю. Немедленно явился Да-лое со всеми беками и переводчиками проститься от имени амбаня. Опять потянулись длинные и скучные разговоры, что амбань не имеет возможности меня удержать, но просит не уезжать раньше срока, т.е. 28 Апреля. Я возразил, что отъезд мой будет зависеть вполне от того, доставит ли амбань достаточное количество корму для моих лошадей. Вследствие этого бекам сделано распоряжение о немедленной доставке корму.

Всем приехавшим пришлось дать ответствующие подарки, на что опять ушло около 100 рублей.

Вчера закончили снаряжение и наняли возчиков для доставки всего закупленного. Переход прошли по дороге пройденной 4-го Марта, но ввиду больших расстояний и жарких дней, разбил дорогу до Полу на три перехода.

Ночуем в доме местного мингбаши Кепака, который устроил музыкальный вечер с песнями и танцами. Танцующих женщин было 4, но все молодые и эффектные. Вечер не прошел без приключения. Приставленный к нам полицейский от Муса-бека подбивал народ не идти на вечер и не пускать жен, угрожая доносом китайцам. Некоторые трусили и уходили, но были и такие, у которых любопытство превозмогло, и женщин с грудными и малыми детьми набилось до сотни. Мужчины держались в стороне. Так как пирушка застала нас врасплох, то угощение собравшихся пришлось ограничить чаем, хлебом и виноградом.

Танцовщицы и музыканты получили небольшие подарки.

Замечательное умение у местных жителей сохранять виноград; несмотря на половину Апреля и необыкновенно жаркое время – виноград совершенно

почти хорошо сохранился, в особенно белые сорта. По расспросам выяснилось, что виноград сохраняется простым подвешиванием к потолку. Свежий виноград теперь продается по 15 коп. 12 ф. Кроме того, население имеет большие запасы сушеного кишмишу¹²⁷ и виноградной патоки. Кишмиш продается теперь по 35 коп. за 12 ф., а патока по 60 коп. за 12 ф. Выделка и возделывание винограда настолько распространены, что большинство домовладельцев сохраняет на зиму до 500 пудов зеленого винограда, 200 пудов кишмишу и соответствующее количество патоки, которая вываривается из виноградного сока, а выжимки идут на корм для скота.

К северу от селения Тугуз-Лянгар имеются развалины города Еты-Тунук. Среди населения не сохранилось никаких преданий относительно происхождения города и эпохи, к которой хотя бы приблизительно относилась жизнь.

12 апреля 1890 г.

Четверг 12/24

Переход до урочища Алиш Баши – 25 верст. Сегодня с утра дует довольно сильный NW, поднявший облака пыли, закрывшей весь горизонт. День самый серый и неприглядный, а необходимость ночевать в пустыне – далеко не привлекательна. Нас посыпает обильно пылью, от которой некуда деться.

13 апреля 1890 г.

Пятница 13/25

Переход до сел. Полу – 39 верст. Целый день опять лессовый туман, не позволяющий решительно ничего видеть. В Полу застал выздоровевшего Мирзу, который только что приехал из Люши. Здесь же ожидал меня посланец от Я.Я. Лютша, доставивший оружие, патроны и т.д., но писем и газет почти нет. Население Полу встретило меня сердечно. Все высыпали на встречу от мала до велика. Особенно, кажется, обрадовались дети, с которыми у меня дружба громадная. В Полу вегетации еще никакой. Листьев нет. Посевы еле начинают выбиваться из-под земли.

17 апреля 1890 г.

Вторник 17/29

¹²⁷ Кишмиш – сорт винограда.

Последние 3 дня погода все время отвратительная. В течение 2-х дней падал снег. Температура держится на +2°C и так холодно, что приходится сидеть в шубе даже в комнате и при огне. 15-го Апреля неожиданно разнесся слух о приезде в Полу русского, у которого есть верблюды. Я думал, что это кто-либо из членов тибетской экспедиции, но оказалось, что это г. Рикбейль¹²⁸, собиратель бабочек. Холодная погода, однако, и отсутствие жизни прогнали г. Рикбейля из негостеприимного Полу. Он сегодня уехал в Керию. Астрономическое определение произвести не удастся.

22 апреля 1890 г.

Воскресенье 22/4

Делал экскурсию в горы, чтобы обрекогносцировать дорогу и, к ужасу своему, убедился, что дорога на Тибетское плоскогорье совершенно непроходима. Нет возможности пройти не только с вьюками, но и пешком, неся вьюки на себе. Оказывается, что Керийский амбань воспользовался моим пребыванием в Керии и экстренно прислал в Полу двух китайцев, которые, при помощи местного населения, сломали балкон и сделали дорогу непроходимой. Население из боязни ответственности молчало и ничего мне о новой китайской мерзости не сообщило. Вернувшись в Полу, я застал посланца с письмом от Керийского амбаня, в котором он требовал от меня назначить срок для выезда из Полу в Хотан или Керию. Посланец привез, кроме того, строгий приказ местному населению безусловно ничего не продавать нам. К счастью, я ожидал такого распоряжения и заготовил раньше нужное количество ячменя, баранов и проч., так что экспедиция ни в чем не нуждается в течение значительного промежутка времени. Чтобы прекратить вредное влияние китайского ставленника на местное население, я вынужден был потребовать выезда его из Полу. Только что мы приступили к формированию рабочей артели для приведения в возможный порядок испорченной китайцами дороги, как приехал новый посланец с письмом от Я.Я. Лютша (с тным на письмо из Керии, где я жаловался на притеснения амбаня). Яков Яковлевич пишет, что «Дао-тай, очевидно, написал керийскому амбаню не мешать Вам», а посланец амбаня энергично протестовал, чтобы я не исправлял дороги на плато, так как китайцы меня не пустят. Он напустил такой страх на население, что артель рабочих разбежалась. Все это заставило меня принять решительные меры и несколько терроризировать население вопреки моим принципам и обыкновению в путешествии. Посланец китайцев был позорно изгнан из Полу, а населению было объявлено, что если они к утру сегодня не доставят рабочих, то будут на работу выгнаны старики, женщины и дети. Действительно, утром команда в сорок человек была доставлена и под руководством казаков отправлена в горы для починки дороги. Ввиду отказа населения продать соломы пришлось лошадей отпустить

¹²⁸ Вальтер Рюкбейль – немец проживающий в Яркенде, известный участник многочисленных энтомологических экспедиций, проведенных в 1882–1914 годы, в труднодоступные районы китайского Туркестана.

на подножный корм. Вообще, мерзости китайцев превосходят всякие пределы. Надо иметь ангельское терпение, чтобы не прибегнуть к каким-нибудь решительным мерам.

27 апреля 1890 г.

Пятница 27

Дорога в Тибет исправлена настолько, что вьюки, неся на себе на протяжении 24 верст, можно будет переправить. Но за эти несколько дней произошло много событий весьма серьезных. Из Хотана вызвана лянза¹²⁹ и размещена в Чире и Чакарте; керийский гарнизон (45 чел. солдат кавалерийского полка) передвинуты в Туграк-Лянгар. Керийский амбань написал очень резкое письмо, требуя немедленного удаления из Полу и угрожая, в противном случае, прибегнуть к вооруженной силе. Население Полу в одну ночь исчезло бесследно. Остались старики и дети, а между тем, без носильщиков у меня нет возможности пройти ущелье. Не говоря уже о почти неодолимой трудности перенести на руках собственные наши тяжести, еще необходимо взять с собою, по крайней мере, на месяц запасы продовольствия и фуража, без которых экспедиции все равно не пройти пустыню. Между тем, стоит нам только начать собираться в дорогу, как керийский гарнизон будет на моей шее, произойдет неизбежно столкновение и, в самом лучшем случае, я уйду без вьюков и тяжестей, которые придется бросить. А если англичане не пропустят в Кашмир – каким путем мне вернуться домой? Ведь после столкновения с китайскими войсками идти по Кашгарии немыслимо! Керийский амбань прислал мне тоже письмо Я.Я. Лютша. Письмо это, по меньшей мере, странное. Лютш советуют мне быть осторожным и т.д. Тут нужно энергическое воздействие на китайцев, чтобы спасти экспедицию, а не платонические советы в осторожности. В довершение всего, погода самая отвратительная: каждый день снег, признаков травы и жизни – никаких.

Все это вместе заставило меня испытать последнее средство: я написал письмо к Кашгарскому Дао-таю с торжественным заявлением, что я отказываюсь от всякой мысли посетить Тибет, а прошу разрешения проехать за своими вещами, брошенными будто бы на урочище Калля-Кум. Письмо это я отправил через Я.Я. Лютша, которого тоже прошу принять все зависящие от него меры к устранению препятствий. Это вызовет новую задержку дней на 12, но при настоящих условиях я не могу двинуться никуда из Полу.

Ниинская экспедиция ушла, отодрав предварительно китайского чиновника в Ние.

4 мая 1890 г.

¹²⁹ Лянза – конница.

4/16 Мая

После отъезда из Полу Насыр-Бека население мало-помалу повывезло из гор. Положение экспедиции критическое. Географическое Общество ассигновало всего 2000 р., на снаряжение же экспедиции по настоящее время израсходовано уже 3800 р. и расходы все продолжают. Я задолжал уже Я.Я. Лютшу на собственный страх 1800 рублей. Хорошо, если Дао-тай изъявит свое согласие на поездку в Тибет. А если нет, тогда предстоит позорное возвращение домой, ибо, нет сомнений, китайцы займут Полу. Теперь Керийского амбана, по-видимому, сдерживает неизвестность, какое окончательно решение примет Дао-тай по отношению к экспедиции. Все эти соображения заставили меня прибегнуть к решительному средству. У меня в руках всего пять ямб серебра, но я решил пожертвовать и ими, чтобы выбраться на Тибетское плато. Сегодня я пригласил к себе Раим Халифу, Диванбеги, Абдуллу Мингбаши и Турсун Мингбаши, главных воротил Полу и предложил им две ямбы за то, чтобы они доставили в распоряжение мое 30 ослов для подъема запасов муки и ячменя, а также нужное количество людей и не сообщили заблаговременно о моем отъезде китайцам. Туземцы эти после долгих торгов поклялись на Коране, что исполнят мое требование, но взамен потребовали 2½ ямбы серебра за услугу, 1½ ямбы за ишаков, а мерзавец Турсун Мингбаши, кроме того, выторговал отдельно для себя ½ ямбы. Таким образом, подъем вещей экспедиции на протяжении 3 дней от Полу обойдется в колоссальную сумму 4½ ямб, т.е. больше 500 рублей. Я остался, буквально, без гроша. В последнем письме Я.Я. Лютш пишет, что через Батыр Хана высылает мне 5 ямб и две посылки. Каторжник Батыр Хан не едет и теперь уже не догонит меня.

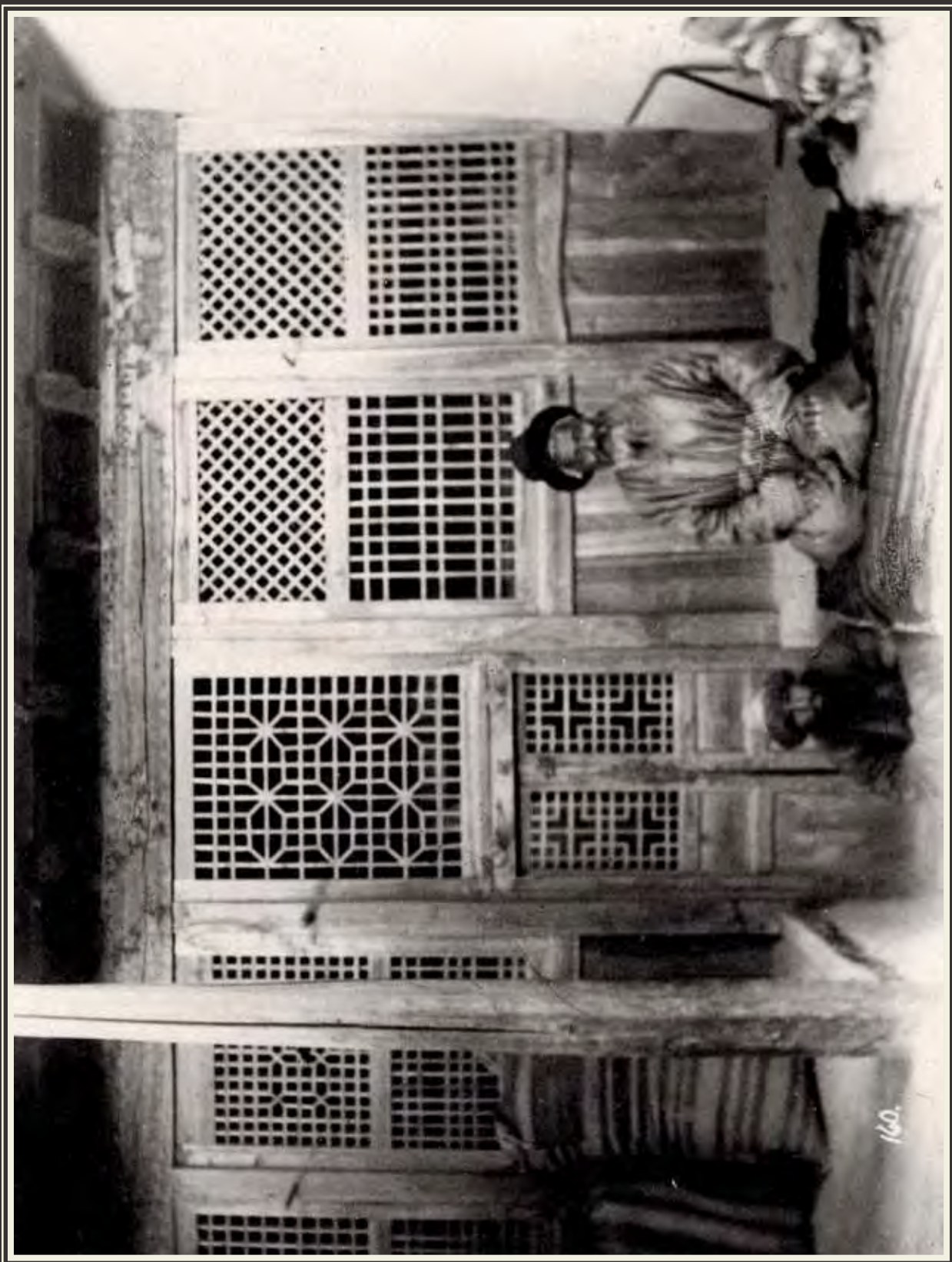
Завтра энергически снаряжаемся в путь, все укладывается и запаковывается, а 6-го Мая на рассвете трогаемся.

6 мая 1890 г.

6/18 Мая. Воскресенье

Переход до урочища Купрюкнын-Кара-Япчанлик – 28 верст. Сегодня на рассвете экспедиция выступила в путь. В момент выступления приехал в Полу посланец из Керии с письмом к населению, но воротилы сделали вид, что они арестованы мною и письма не приняли. По рассказу посланца, письмо это содержит инструкции, как держать себя населению в случае наступления моего двинуться в горы.

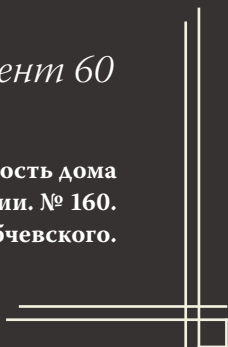
Я написал амбаню письмо, в котором сообщаю, что посланец его Тохта-Мет Бек обещал в течение 8 дней доставить ответ от Дао-тая; что теперь 8 дней, а ответа нет; дальше посланец амбана Носыр-Бек собственными глазами удостоверился, что в Полу подножного корму нет и обещал доставить 200 мешков соломы. Между тем, в течение 3-х дней доставил только 8 мешков. Так как соломы этой недостаточно для 24 лошадей, то я вынужденным оказался не ожидать

Фотодокументи 60

Фотодокумент 60

**Внутренность дома
в Кашгарии. № 160.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

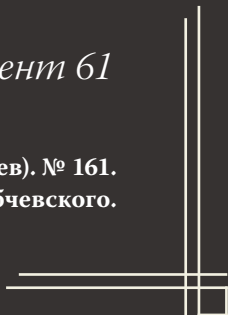

Фотодокументи 61

Фотодокумент 61

Типы тогликов, (горцев). № 161.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокумент 62

Фотодокумент 62

Жительница селения Килянг. № 62.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

*Женщины не скрываются, или,
вернее, за небольшой подарок сами
мужья позволяют снять
с них фотографию. Тип, в общем,
небезобразный, попадаются
и очень красивые.*

Дневник экспедиции
12 февраля 1890 г.

Фотодокумент 63

Фотодокумент 63

Гусяр. № 167.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Местное население очень музыкально. Песни поются почти всеми. Вечером я пригласил к себе нескольких музыкантов. Особенно благоприятное впечатление произвел благообразный старик, игравший на большом инструменте, составлявшем грубое подобие цитры.

*Дневник экспедиции
15 февраля 1890 г.*

Фотодокумент 64

Фотодокумент 64

**Нищие в Кашгарии. № 168.
Путешествие Б.Л. Громбчевского.**

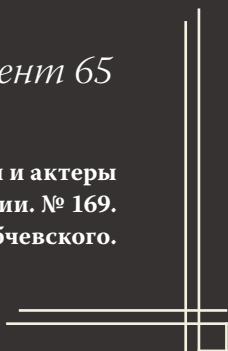

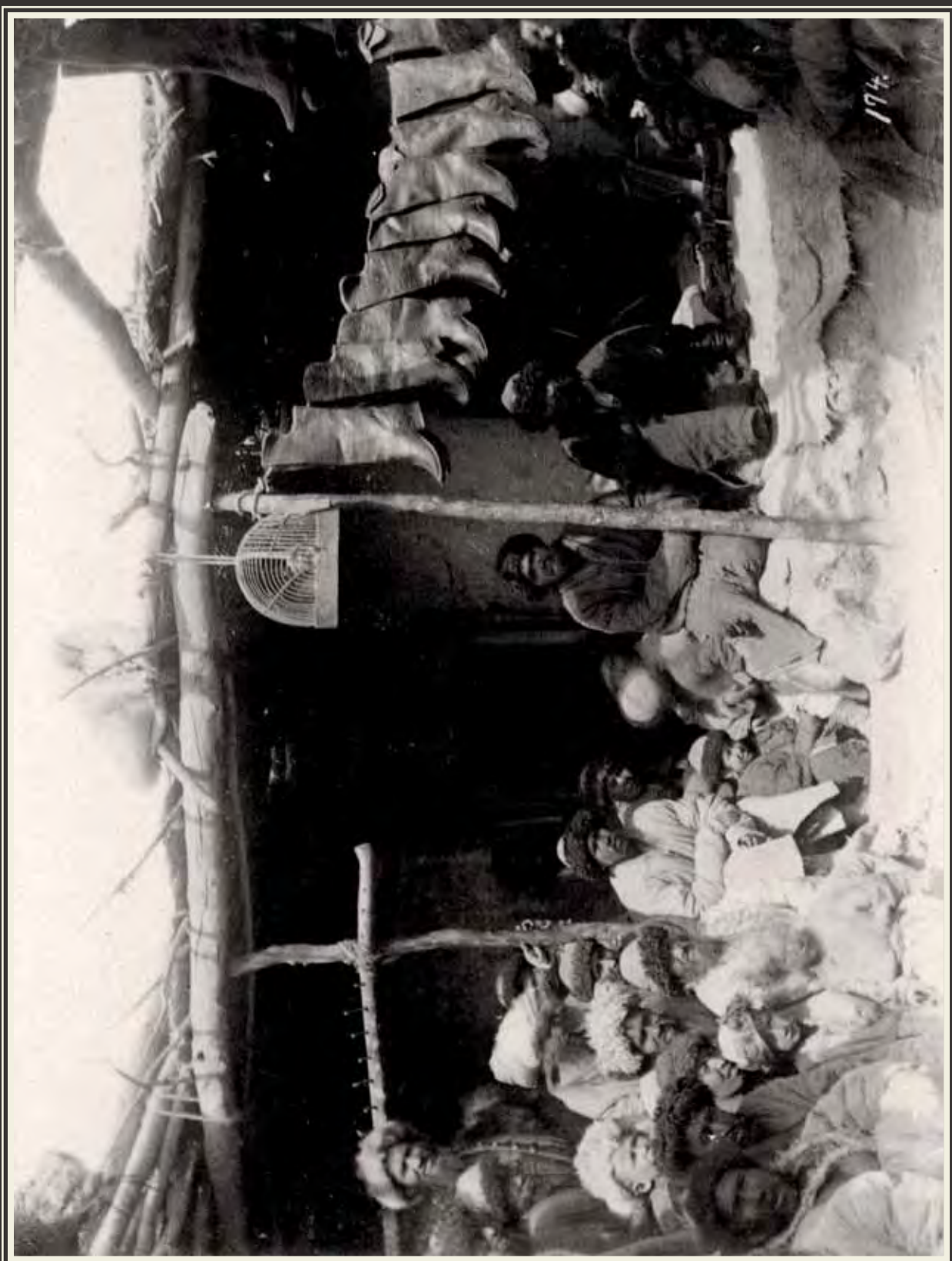

Фотодокументи 65

Фотодокумент 65

**Музыканты и актеры
в Кашгарии. № 169.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

Фотодокументи 66

Фотодокумент 66

**Лавка в Кашгарии. № 174.
Путешествие Б.Л. Громбчевского.**

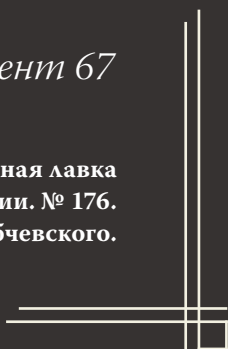

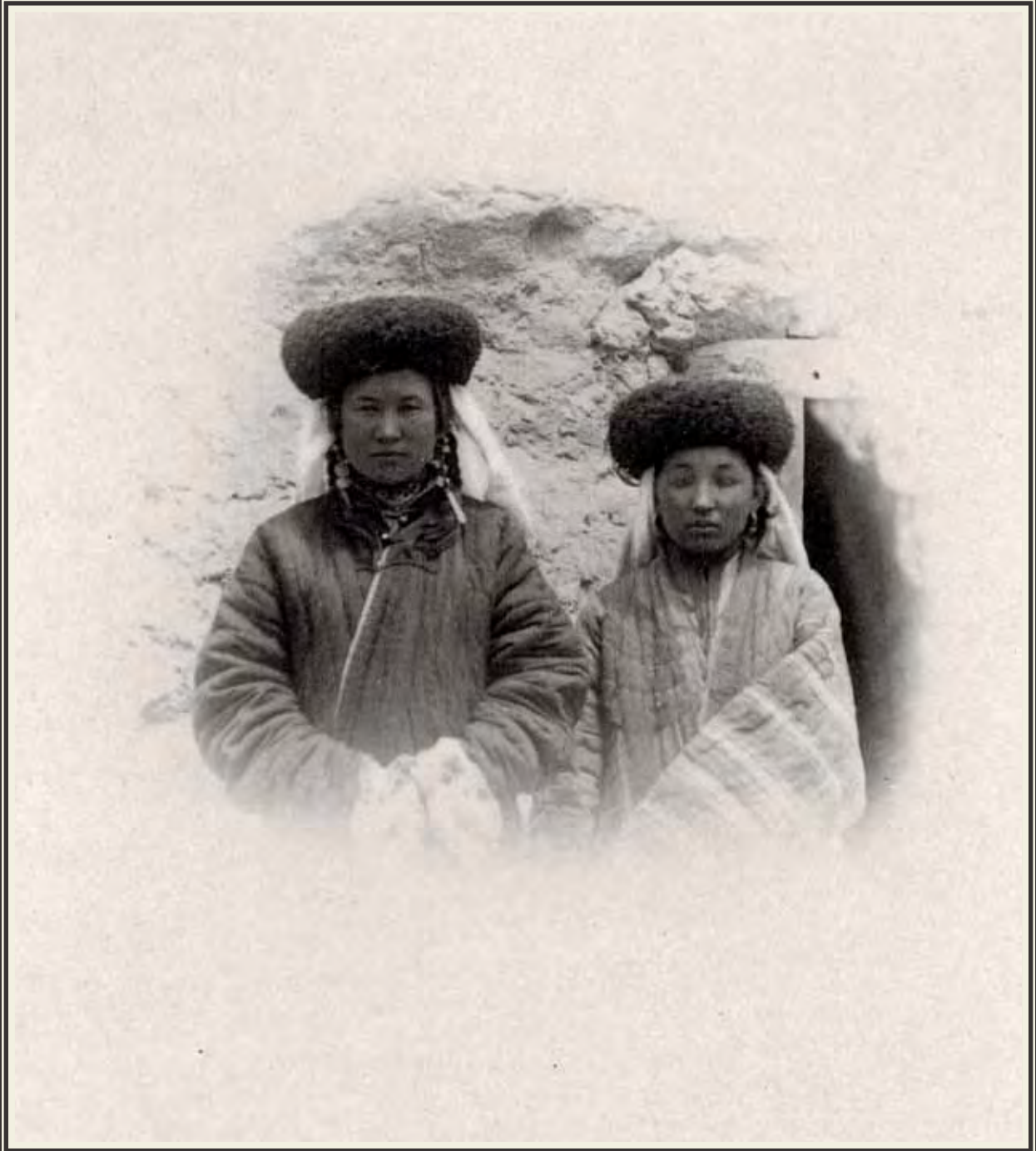

Фотодокументи 67

Фотодокумент 67

Мануфактурная лавка
в Кашгарии. № 176.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокумент 68

Фотодокумент 68

Женщины в сел.[ение] Полу. № 178.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокументи 69

Фотодокумент 69

**Танцы в сел. Полу. № 183.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Пляска состояла в кружении
плавном и не без эффекта в такт
музыки, причем производились
соответствующие движения
руками. Каждый субъект танцевал
в одиночку. Всего видел более 100
женщин и ни одной красивой. Одна
смазливая, и одна с вызывающим
лицом, остальные все уроды.
Должно быть, здесь действительно
женщины некрасивые, если
они показались нам уродами
даже после того, что мы 10
месяцев не видели женщин.*

*Дневник экспедиции
2 апреля 1890 г.*

больше ответа от Дао-тая и двинуться в путь. С населением мы сжились. Проститься с нами высыпало все, но, особенно, женщины, из коих многие навзрыд плакали. Видимо, что в течение 45 дней наши люди успели снискать расположение местных дам.

Дорога самая отвратительная, какую можно себе только представить. Ущелье узкое. Представляет почти повсеместно теснину. Дорога бесконечное число раз пересекает русло реки, перебрасываясь с одного берега на другой. К счастью, день выдался холодный и броды не были глубоки. На карнизе урочища Ишак-Арт (у впадения речки Тамчи) оборвалась в пропасть лошадь с яхтапами со спиртом. Все, конечно, пропало. Мы лишились не только всего запаса спирта, но также всех собранных раньше спиртовых коллекций, между которыми особенно много было мелких и весьма интересных препаратов. Пропала также коробка с жуками. Потеря спирта ничем не заменима. Теперь у нас нет даже на случай болезни ни одной ложки. Весь запас спирта состоит из маленькой фляги со спиртом для гипсотермометра.

Погода пасмурная. Ветер холодный. По дороге видели уларов и кекликов, а также следы коз. Жизни никакой. Сегодня отправил письмо в Консульство через Юлдаш Хана, а также несколько птиц, коробку (60 ш.) с фотографическими пластинками и много других вещей.

7 мая 1890 г.

Понедельник 7/19 Мая

Переход до урочища Хан-Лянгар – 20 верст.

Сегодняшний переход – невозможно трудный. Несмотря на то, что вьюки бы переполовинены, их приходилось постоянно снимать и по целым верстам нести на руках. Несмотря на то, что жители селения Полу выставили 42 носильщика и 40 ослов, рабочих рук оказалось мало и я вынужден был нанять 20 человек рабочих с золотых приисков. Всего же вместе с нами было 75 человек, при 69 вьючных животных, причем мы подняли свои тяжести с невероятным трудом. Река Кураб течет чрезвычайно извилисто, но в общем, сохраняет южное направление. Ущелье узкое; дорога то лепится по головоломным карнизам, то подымается на высокие, и весьма крутые перевалы, чтобы обогнуть водопады, то идет по каменистому руслу реки, бесконечное число раз переходя с одного берега на другой. Горы – почти отвесные скалы. Только на урочище Кар-Ягды горы левого берега реки делаются несколько мягче, образуя довольно ровную площадку, на которой можно было бы остановиться. В общем, горы поражают своею дикостью. Близ урочища Кар-Ягды несколько десятков рабочих занимаются добычею золота. Погода пасмурная и холодная, несмотря на Май месяц. По речке во многих местах лед. Жизни буквально никакой: ни растений ни животных.

Китайцы погони за нами не послали, или, вернее, погоня не настигла нас до настоящего времени. Я все время с ружьями наготове, и двумя казаками следовал

в хвосте колонны, готовясь в случае нападения защищаться. Местность здесь такая на всем переходе, что один человек может задержать целую колонну.

Сегодняшний ночлег на урочище Хан-Лянгар. Здесь ущелье уже значительно шире, а впереди – вместо высоких скал виднеются мягкие горы такого же характера, как и на Тибетском плато к юго-востоку от Шахидулла Ходжи. Проводник уверяет, что завтра уже мы подымимся на Тибетское плато. На урочище Гугутлик (серное) я намерен простоять несколько дней, если только найду хоть немного травы. Хотелось бы очень уехать на соединение со старою дорогою, но боюсь оставить экспедицию на случай погони со стороны китайцев.

8 мая 1890 г.

Вторник 8/20 Мая

Переход до озера Сагыз-Куль – 43 в.

Подъем на перевал Субаши – трудный, а сильная отдышка у людей и лошадей увеличивали трудность подъема. На перевале нас застиг жестокий буран и такой сильный туман, что проводник, побывавший несколько десятков раз на перевале, не мог разыскать дороги. Вследствие этого нам пришлось простоять больше 2 часов на перевале, пока, наконец, туман рассеялся и мы двинулись дальше. Тибетское плато лежит на весьма незначительную высоту ниже вершины перевала. На плато много озер, из коих некоторые с горько-соленой водою. Озера покрыты толстым слоем льда. Воды на ночлег мы нашли. Травы тоже. Вся выедена дикими яками, ослами и баранами, которые водятся здесь в большом количестве. Отсутствие воды привело меня в полное уныние. По заявлению проводника, если воды мы не нашли здесь, то значит на всем плоскогорье ее тоже нет. А без воды невозможно пройти пустыню. Сюда надо было прийти, по крайней мере, месяцем позже.

9 мая 1890 г.

Среда 9/21 Мая

Сегодня я и люди на все стороны производили усиленные рекогносцировки в поисках за водою. Рекогносцировки окончились полнейшим неуспехом. Воды нет. Волей-неволей приходится поспешно возвращаться в Полу, ибо еще один день без воды на такой ужасающей высоте – и все лошади погибнут. Несчастье преследует меня целый год. Я потратил массу сил и энергии на борьбу с препятствиями, но природа сильнее меня. Ее не побороть. Завтра иду обратно.

Сегодняшним утром я воспользовался, чтобы определить широту и долготу. После полудня начался жестокий буран. Ветер дул с необыкновенною силою, подымая даже крупную гальку. Все окружающие горы покрылись толстым слоем снега. Но в долине, где мы стояли, снег совсем не выпал или, вернее, сметался не-

медленно бураном. Вдали виднеются стада диких яков. Одно из них до 18 голов, но яки очень чутки и подобраться к ним на верный выстрел не удалось. Видимо, яки знакомы с охотниками.

12 мая 1890 г.

12/24 Мая 1890 г. Суббота

Вэти три дня мы совершили обратный переход до с. Полу. Так как большинство носильщиков разбежалось и вести лошадей, а также переносить вьюки пришлось собственными средствами, то движение по ущелью р. Кураб сопряжено было с еще большими трудностями. Не имея возможности поднять тяжести, я на урочище Гугутлик бросил все запасы ячменя, муки, крупы и т.д. Из пятидесяти штук баранов сдохло 32 штуки, частью вследствие отсутствия воды на Тибетском плато и отсутствия корма в ущелье р. Кураба, частью утонуло при бесконечных переходах вброд с одного берега на другой. Уцелели самые крепкие бараны, но совершенно исхудали и для корма не годились. Кроме того, лошадь с подарочными вещами оборвалась в опасность и убилась, а вещи пролежали в воде несколько часов и совершенно промокли и попортились. Особенно пострадали цветные халаты, превратившиеся в сплошные пятна. Из остальных лошадей – 6 совершенно не годятся для дальнейшей службы. Все эти потери весьма чувствительны для материального состояния экспедиции.

В Полу я застал посланца от Керийского амбана с письмом, в котором он сообщает, что Дао-тай, по настоянию управляющего Консульством Я.Я. Лютша, изъявил свое согласие на поездку мою в Кашмир через Полу, но требует от меня подписки, что в случае нападения, или какого-либо несчастья со мною, я не буду иметь никаких претензий к китайским властям, которые принимали всевозможные меры, чтобы отговорить меня от этой поездки. Я выдал требуемую подписку, но воспользоваться разрешением не могу, ибо дела экспедиции совершенно расстроены; дорога в Тибет откроется не раньше половины Июля, а если мне провести в Полу в совершенном бездействии еще два месяца, то я не успею к назначенному сроку вернуться обратно к месту служения. В Полу останусь еще дней десять, чтобы дать оправиться лошадям.

20 мая 1890 г.

20/1 Воскресенье

Погода холодная, пасмурная и дождливая. Стоим в Полу ради поправки лошадей. Между тем Керийский амбань сделал строгое распоряжение, чтобы из соседних селений не доставляли нам ни за какие деньги фуража для лошадей. Все запасы с. Полу мы съели. Лошадей пришлось отпустить на подножный корм в горы.

Ехать в дорогу с так попорченными у лошадей спинами – невысказано. Я каждое утро и после полудня провожу в экскурсиях, но жизнь растений и животных настолько бедна, что коллекция пополняется туго. Зато вода в реке Кураб прибывает с невероятной быстротой. Если бы я не убедился собственным опытом – рассказу не поверил бы. Сегодня я отправился вверх по р. Курабу на охоту за рябчиками. Часов около 11 у. я переправился на левый берег реки и, увлеченный охотой, удалился в одно из ущелий, потратив на охоту около 3 ч. времени. Подойдя к берегу реки обратного часов около 2-х пополудни, я увидел, что река, в которой было воды не больше, чем по колено, превратилась в грозный поток, с невероятной быстротой несущий мутные волны. Не подозревая, однако, чрезмерной прибыли воды я смело спустился в воду, но в это же мгновение течением подхватило лошадь и, перевернув на громадных валунах, понесло вниз. К счастью я успел высвободиться из седла и, падая в воду, ухватился за хвост лошади, которая в нескольких саженях дальше выкарабкалась на берег и вытянула меня. Едущий со мною казак, видя мою неудачную попытку, отыскал более широкий брод, но тоже его снесло водою на значительное расстояние и выбраться на противоположный берег ему удалось после невероятных усилий. Пришлось отказаться от мысли вернуться сегодня домой и заночевать на пустынном берегу реки, всего в 2 верстах от Полу и в виду селения. Интересен способ, при помощи которого мне были переданы шуба (ночами здесь температура понижается до +7) и кое-что съестное. Привязав к тонкой бечевке камень, его перебросили на противоположный берег; к другому концу бечевки был привязан длинный, толстый аркан, конец которого тоже таким же образом был переброшен ко мне. Укрепив конец аркана и натянув его струны, мы по ним переправили вещи, не давая им дотронуться до воды. Ширина реки около 12 саженей. В с. Полу появилась инфлюэнца. Нет дома, где-бы не было больного. Болезнь эта раннею весною появилась в Кашгаре, оттуда через Яркенд и Хотан занесена была в Керию и в окрестные селения.

22 мая 1890 г.

3 Июня. Воскресенье

Инфлюэнца не пощадила и нас. Сначала заболел один из моих людей, а затем и я. Эта противная болезнь только теперь оставила меня, хотя еще и не в совершенстве. Несколько погодных дней опять сменились непрерывными и такими обильными дождями, от которых укрыться негде и некуда. Течет даже сквозь крыши. Везде мокро, грязно, а температура понизилась опять до +7°C. Просто мочи нет от этой погоды. Послал за лошадьми в горы. Завтра тщательный осмотр и ковка, а послезавтра в путь к Хотану, навестывать потерянное время. По китайской почте получил ответ от Дао-тая, в котором он сообщает, что не имеет препятствий для отъезда моего в Кашмир, а также, что он предписал властям оказать мне содействие. Все это выглядит жестокою насмешкою. Воспользоваться разрешением я не могу, а от Керийского амбана па-

кости по-прежнему.

1 Июня была первая гроза с сильным дождем и градом. Теперь грозы ежедневно, а сегодня первый действительно жаркий день.

По стечению неблагоприятных обстоятельств мне два раза пришлось прожить в Полу довольно продолжительное время. Живя все время в середине скупленного селения, я имел возможность близко наблюдать жизнь населения. Чтобы высказаться вкратце, скажу следующее. Ленивцы, каких даже на востоке немного; живут ячменным хлебом и болтушкой, но целые дни проводят в сидении на улице, прибегая только к самым необходимым работам. Несмотря на то, что селение состоит из 30 дворов, население разделено на две партии, сильно враждующие между собою. Нет гадости, которой бы не проделали взаимно. Нравственности никакой, в самом широком смысле слова. Жадность, продажность, пронырливость, [...] лживость – все и в самом обширном смысле, но прикрыто личиной внешнего благочестия. Женщины поразительно безнравственны: каждая меняет любовников чаще, чем белье, а подчас имеет их 2–3 и больше сразу. Мужья в качестве любовников ухаживают за чужими женами, а если поймают свою, то все дело оканчивается небольшою колотушкой. Картина жизни далеко неприглядная и ясно, как тяжело было прожить здесь долгое время.

5 ИЮНЯ 1890 Г.

5/17 Июня. Вторник

Переход до урочища Кара-Су-Катлиш (от Полу) – 26 верст.

Дорога пролегает через высокий горный отрог. Подъем крутой, спуск пологий. Горный отрог, как и вся местность вокруг Полу, очень беден растительною и животною жизнью. Я собрал все виды растений, а из животных видел сурков (страшно напуганы и быстро скрываются в норы), рябчиков, зайцев и особый вид жаворонка. Все в очень ограниченном количестве. Ночлег на берегу р. Кара-Су (первая вода на всем переходе) под тенью двух громадных туграков. На туграке я сегодня впервые отметил редкую особенность: листья молодого туграка имеют совершенно листья сходные с листьями ивы. Особенно странный вид имеют туграки 10–12-летние: листья нижних ветвей совершенно напоминают иву, тогда как верхушки уже совершенно сходны с листьями тополя. Для образца я срезал несколько веток с одного и того же дерева.

Вчера, перед отъездом из Полу, я посетил одного местного врача, взял у него 26 образчиков лекарств и отметил их туземными названиями, а также способ лечения и от какой болезни.

Вчера же свел окончательные расчеты с полусцами. Несмотря на свое проходимость, все население высыпало за нами на улицу. Женщины плакали навзрыд, что было тем удобнее, что мужья и братья уехали с моими вещами вперед, и опасаться было некого. Мужчины почти поголовно проводили меня до ночлега, перевезли вещи все на своих лошадях, что было очень кстати, ибо перевал действительно трудный. Зато жители сел. Чахар-Имам на ночлег не выставили решитель-

но ничего, за что и пришлось наказать

В сел. Чахар-Имам (4 имама) находится гробница Захеретдин, Инетдин, Насредин и Кавоветдин имамов (учитель, или, вернее, глава, стоящий впереди), сыновей имама Афтах и внуков хазрети имама Касыма. Этот последний – Сын имама Хасани Аскеры, который приходится прямым потомком Хазрети Алия в 9 поколении.

Все эти 4 имама убиты были в сражении с китайскими военачальниками в 973 г. по Р. Х. (390 г. Геджры). Согласно документов, хранящихся при гробнице, оказывается следующее. В прежнее время страну управляли Чукты Дашкит и Накты Дашкит, по происхождению китайцы. Явилось 7 имамов (внуки в 10 поколении хазрети Алия) и завоевав страну, убили правителей, а в стране водворили мусульманство. Когда же подросли сыновья Чукты Дашкита, по имени Чукты Рашид и Накты Рашид, то, собравши в Китае войска, вновь пришли в Керию и Хотан, завоевали всю страну, а упомянутых выше 4 имамов настигли в горах, убили. Имамы эти были похоронены на том же месте, где и убиты, а вокруг гробницы их возникло нынешнее селение Ча(һ)р-Имам, считающее теперь 70 дворов. Убийство это, однако, возмутило население, которое восстало и прогнало завоевателей.

Мазар этот очень почитается мусульманами, как суннитами, так и шиитами, привлекая ежегодно массу богомольцев. Мазар этот еще недавно владел громадными вакуфами, но вакуфы эти конфискованы китайцами. Впрочем, нынешний Керийский амбань земли ния Ча(һ)р-Имам вновь продал всем тогликам Керийского округа, а эти последние пожертвовали эти земли на содержание гробницы. Долго ли вновь проданные земли останутся в ведении шейхов гробницы — предвидеть трудно.

6 июня 1890 г.

6/18 Среда

Переход до пос. Сулик-Лянгар – 25 в.

Сегодняшний переход вдоль предгорья по самой неприглядной местности. Почва на всем протяжении песчаная, слегка всхолмленная и поросшая травами и кустарниками, растущими на песках повсеместно. Погода самая отвратительная. С утра дует необыкновенно сильный ветер, поднимающий тучи пыли, закрывшей весь горизонт. За пылью ничего не видно на расстоянии нескольких шагов; от этой пыли нигде нет возможности укрыться. О силе и непроницаемости для глаз пыльного тумана можно судить потому, что, имея несколько проводников, мы все-таки сбились с дороги и попали на ночлег после 2-х часового блуждания. Холмы и гряды песку отделены друг от друга каменистыми руслами горных ручейков, в которых в большинстве вода появляется только во время таяния снегов или дождей. Речки эти пропадают в песках, и только при исключительно благоприятных условиях вода их доходит до селений, расположенных по дороге из Хотана в Керию. Жизни животной – ника-

кой. Видел следы антилоп и лисиц, гов т, что попадаются и зайцы. На ночлеге большой и весьма уважаемый населением мазар Хазрети Султан Мансура Уши, сподвижника имамов. При гробнице – громадное кладбище. Селение Чар-Имам и Сайбаг расположены к югу от пройденной нами дороги. —

Сегодня ночью казаки поймали вора, укравшего подушку с бельем и др. принадлежностями. Пришлось наказать мерзавца. Население Чар-Имама самое неприветливое и неисполнительное. Мы добились выставления нужного количества продовольствия только арестовав старшин и 3-х почетных лиц, причем половину из них пришлось выпороть и отправить за продуктами в то время, когда другая была арестована. Продукты дос.

7 июня 1890 г.

Четверг 7/19

Переход до лянгара Юльчин – 27 в.

День жаркий, но очень ветреный. От пыли и удушья деваться некуда. Селение Нура летом многоводное и выглядит весело, составляя разительный контраст с окружающей степью, которая особенно безотраднa дальше, между Нурую и Лянгаром.

Керийский амбань, не имея никакой возможности нагадить нам, вызвал экстренно в Керию всех должностных, как раз ко времени проезда экспедиции, вследствие чего добыча продуктов крайне затруднительна. Пройденная страна производит крайне грустное впечатление. Родников здесь нет совсем, равно как и родниковой воды, вследствие чего вода в речках появляется только во время таяния снегов во время летнего зноя, а в остальное время года население пользуется водою из вонючих, переполненных инфузориями прудов, которые наполняются дождевою водою. Зимой население имеет для питья лед из прудов, или снег.

Несколько в лучшем положении находится только селение Чакар, которое имеет родники.

8 июня 1890 г.

Пятница 8/20

Переход до сел. Чакар – 15 верст.

Переход небольшой, через целый ряд невысоких горных отрогов Артия с 5 перевальчиками. Горы лишены совершенно жизни.

Спустившись в долину речки Чакар, мы сразу очутились в плодородном оазисе, состоящем из целого ряда селений, расположенных по обеим сторонам речки Чакар, которая излишек воды доносит до сел. Гулякша. В общем, Чакар имеет около 300 дворов. Дома в этом селении разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, да и кварталы отстоят на 1–2 и больше верст один от другого. Здесь

имеются родниковая вода, дающая возможность населению пользоваться водою и зимою, не прибегая к переполненным инфузориями прудам и льду из них. Мы остановились на левом берегу реки в квартале Ям-Булак.

Сегодня, наконец, явился посланец от Керийского амбана с письмом от Я.Я. Лютша и газетами, а также письмом от Кошиевского и матери. Лютш вполне одобряет изменение маршрута, находя вполне справедливо, что появление экспедиции в Рудоке, где живет китайско-тибетский амбань, без паспорта из Гунг-Ямыня, могло повести к серьезным осложнениям, а, может быть, и крупному скандалу. Посланец Керийского амбана рассказывает, что большая Тибетская экспедиция возвращается обратно в Нию, не найдя за перевалом Инджелик-Ханым корму и пути дальше в Тибет.

10 июня 1890 г.

Воскресенье 10/22 Июня

Стоянка в Чакаре.

Лето и летняя жара в полном разгаре. Несмотря на то, что мы находимся на высоте 2000 метров, так, температура в тени превышает +32°C. Мошки и москиты искусили нас вдребезги.

Вчера я пытался произвести астрономические наблюдения, но широту по солнцу определить не удалось: солнце так высоко стоит, что моим инструментом определение произвести не удалось. В виду этого я широту определял по полярной звезде.

В Чакарском оазисе уже растут громадные абрикосовые деревья, персики, тут, грецкий орех, яблони и проч. Из посевов, кроме пшеницы, ячменя, бобов, возделывается и кукуруза в очень большом количестве, не только, как еда для людей, но и как фураж для лошадей.

Делал большие экскурсии, но научная добыча – ничтожная. Коллекция почти ничем не пополняется. В Чакаре проживает бывший русско-подданный, выходец из Ходжента – Исматулла. Несмотря на то, что он владеет здесь значительным земельным имуществом, он с редким среди туземцев мужеством явился к экспедиции и продолжает оказывать всякие услуги.

Население здесь жалуется, как и везде, на большие поборы. Кроме поземельного налога, налога с баранов, пастбищ, тяжелого баджа, золотой пошлины, налога с мельниц и т.д., китайская администрация прибегает к всевозможным видам вымогательства. Так, например, посередине оазиса имеется обширный выгон, на котором вследствие солонцеватой почвы посевы не производятся. Выгон этот всегда находился в общинном владении оазиса. Теперь, однако, Керийский амбань объявил выгон казенным и, пользуясь отсутствием пастбищ, отдает его обществу в наем за 2 ямбы (около 260 р.) в год.

О злоупотреблениях туземной администрации, не получающей никакого жалования от правительства и живущей только на счет того, что им удастся сорвать с населения, и говорить нечего. Как характеристику, укажу на примеры Тог-Хаким-бека Насыра, который, управляя горцами в течение 3-х месяцев,

успел сорвать 24/т. тенег. Выведенное из терпения население поголовно отправилось с жалобой в Керию. Амбань начал с того, что из числа жалобщиков в каждом селении приказал жестоко отодрать главных воротил, чтобы заставить их говорить одну только правду. Затем вызван был и Тог Хаким Бек, который, как сам заявлял мне, поднес амбаню 10 ямб (8/т. тенег), да на подарки городничему, писцам и др. приближенным израсходовал около 1600 тенег. Чтобы выказать свое беспристрастие, амбань приказал всыпать 300 ударов и Насыр беку, но на 10-м ударе помиловал его. Все же разбирательство закончилось тем, что Насыр Бек получил влиятельное место переводчика при амбане, а на его место Тог Хаким-Бек назначен был другой, купивший это назначение за 5 сар золота, т.е. 6000 тенег.

11 ИЮНЯ 1890 г.

Понедельник 11/23 Июня

Переход до сел. Хаши – 12 верст.

Речка Хаши течет в глубоком ущелье шириною около 1 версты. Она очень многоводна и доставляет главное количество воды для орошения всего оазиса Чира.

Селение Хаши (60 дв.) состоит из отдельных дворов, расположенных друг от друга на весьма значительном расстоянии, и притом по обеим сторонам реки. Промежуток между рр. Чака и Хаши составляет так называемый «сай», т.е. совершенно безжизненное и безводное плато из мелкого щебня.

Сегодняшний день пасмурный и ветреный. Тучи пыли закрыли совершенно горизонт, не позволяя ничего видеть на протяжении ½ версты. Замечательно при этом понижение температуры: вчера было +32°C в тени, а сегодня только +18°C. Организм так привык за несколько дней к тропической жаре, что становится холодно при температуре ниже +20°C.

Селение Хаши, равно как и все попутные, начиная от Полу, имеют вид вымерших. На улице не видно ни женщин ни детей. Около нас вертится только туземная администрация, доставляя все необходимое. Оказывается, что китайцы прислали вперед полицейских, которые [...] нас за людоедов. Милые друзья!

12 ИЮНЯ 1890 г.

Вторник 12/24 Июня

Переход до лянгара Урта-Кыр – 28 верст.

Весь переход по безводной и совершенно безжизненной пустыне: ни травы, ни птицы, ни зверя. Видели только одного ворона. Дорога пересекает низкие отроги гор Текали, высящихся к югу от дороги. Горы Текали – скалисты и очень высоки.

По дороге мы встречали целые караваны торговцев. Это все мелочники из

Хотана, везущие с собою крупу, дешёвые халаты, мату, а также лекарства. Предметы эти предназначены для сбыта в горных селениях до Полу включительно, причем продажа производится не на деньги, а в обмен на шерсть, кожи, каракуль, масло и т.д. Это время года [...].

Здесь существует между туземцами целый спорт, эксплуатирующий наклонность и любовь горцев «тогликов» к музыке. Собирается компания из 4–6 молодых дармоедов с гитарами и балалайками, которые отправляются из селения в селение, поют песни, восхваляют в песнях гостеприимство и щедрость горцев и собирают в свою пользу шерсть, масло и пр. Сборы достигают таких размеров, что бандуристы гонят с собою десятки ишаков, навьюченных всяким добром, которое и служит единственным средством к жизни зимою. Этот же спорт практикуется в Керии и др. городах, с тою разницею, что в города являются настоящие знатоки туземной музыки, причем эксплуатируют население на религиозной подкладке, прикидываясь богомольцами, юродивыми и т.д. Гитара и музыка – необходимость.

Ишаки в Хотане большого роста и очень сильные. Они легко поднимают до 6 пудов, а по ходу не отстают от лошади. Ишаки такие в цене и продаются по 20 рублей. Ход ишака очень спокойный и особенно удобный для поездок по трудным горным дорогам.

Мы пересекли сухое ущелье Пахталик-Акын, на верховьях которого имеются родники, а также пасется скот. Ночлег у лянгара Урта-Кыр. Лянгар состоит из каменной постройки, имеет обширные конюшни и комнаты для проезжающих. Это не столь великолепные постройки, как, например, в Чуляк-Лянгаре, но все-таки значительно превосходят обыкновенные размеры заезжих домов, и составляет истинное благодеяние в этой пустыне. Лянгар выстроен, конечно, при Нияз-Хаким-Беке. Китайцы заботятся только о собственном кармане, но о лянгаре, дорогах, ирригации и т. п. капитальных постройках, остающихся во владении нескольких поколений, не заботятся. Лянгар построен на правом высоком берегу речки Урта-Кыр, в местности совершенно безжизненной и достигает только одного: в ночную темень и ввремя сильных метелей и буранов огонь, разведенный на крыше лянгара, виден на очень большом расстоянии и привлекает заблудившихся путников. К сожалению, этот прекрасный обычай при китайцах не практикуется.

Вода в речке Урта-Кыр имеется только в течение 3-х летних месяцев. В остальное время года проезжие пользуются водою из громадного пруда, находящегося внизу по берегу реки. При пруде имеется с десятков тутовых деревьев, дающих необходимую тень во время летней жары. К сожалению, во время летнего половодья снесло голову (начало) водопроводной канавы, по которой вода попадала в пруд и орошала деревья. Теперь деревья почти наполовину пересохла, а в пруде вода гнилая. Китайцы не делают распоряжения о восстановлении канала, а работы превосходят силы 2-х семейств, живущих в лянгаре. Если к осени починка произведена не будет, то лянгар опустеет и между с. Сампула и Хаши образуется 80-верстная безводная пустыня, по которой не пройти с ишаками. При мусульманском правительстве лянгары освобождались от уплаты податей, за что обязывались в темные и бурные ночи жечь огонь на крышах лянгаров,

которые, в свою очередь, поддерживались и ремонтировались правительством, равно как и водяные цистерны. В общем можно сказать, что мусульманские правители, за редкими исключениями, управляли страной, как разумный хозяин своим собственным имуществом, а китайцы – как временный и недобросовестный арендатор.

Между р. Пахталик-Акыл и Урта-Кыр, в 20 верстах к югу от лянгара в предгорьях Текелика, имеются довольно богатые залежи свинца. К сожалению, образцов мне не удалось добыть.

На ночлеге найдены крупные ящерицы.

13 июня 1890 г.

Среда 13/25

Переход до сел. Сампула – 43 версты.

Сегодняшний переход по безводной пустыне в очень жаркий день – трудный. Предполагал было остановиться близ лянгара Ачик, но вода в речке Ачик оказалась настолько соленая, что пришлось отказаться от этой мысли и пройти еще 16 верст по нестерпимой жаре. Селение Сампула по китайским записям считает 192 двора, но, по показанию самой туземной администрации, зажиточных дворов не менее 800, а бедных еще 400 наберется. Спускаясь с последнего кряжа пустыни, открывается роскошный вид на оазис бассейна р. Юрун-Коша. Это сплошное сплетение деревень, тонущих в садах. Контраст получается тем более разительный, что последние несколько дней пришлось ехать по совершенно безжизненной пустыне. Селение Сампула очень богато водою. Оно имеет три больших оросительных канала, выведенных из р. Юрун-Коша: Лянгар, Чакмак и Кучкан. Обилие воды дают многоводные родники, орошающие в свою очередь большие площади земли, ниже расположенные. В сел. Сампула имеется базар по субботам. Так как поблизости имеются базары в сел. Луп и Чарбак, то базар этот привлекает население только в базарные дни, а в обыкновенное время зар заперт.

15 июня 1890 г.

Пятница 15/27 Июня

Всел. Сампула нашли новый вид *Cicindella* и потому остановились для улова. Стоянка выпала удачная под тенью громадных тутовых деревьев и на берегу огромного оросительного канала. Купался по несколько раз в день с неопианным наслаждением.

Несмотря на многолюдность селения, мы людей не видим, за исключением должностных. Друзья китайцы продолжают распускать про нас самые небывалые слухи. Нет гадости, которой бы про нас не распускали. Интересно, что этому верят

даже должностные. Так, в Чакаре жена бека, опасаясь мнимого насилия, уехала с детьми в пустыню, где и прожили два дня в строгом секрете. Ей возили воду и пищу.

Сегодня явился посланец от Керийского амбана с письмом, в котором он сообщает, что он слышал, что экспедиция Певцова в Тибет еще не проникла, а живет по сю сторону хребта, но верных сведений не имеет.

Из Хотана явились должностные туземцы приветствовать с приездом. Хотан-

Поля, засеянные хлопком и кукурузой.

ского Джи-ле-джу нет. Он вызван в Кашгар, а должность его исправляет бу-со-джу. На место Керийского амбана едет новый чиновник. Вся туземная администрация Керийского округа проехала встречать нового начальника. Встреча назначена на границе Хотанского округа с Каргалыкским районом. Следовательно, туземная администрация будет провожать даже по Хотанскому округу. Интересны китайские порядки в этом отношении. При появлении первого известия о назначении нового начальника округа, местные беки высылают своих людей навстречу новому начальству до Урумчи. Люди снабжены деньгами на расходы и везут китайца со всею свитою на свой счет. Особенно отличается в этом отношении керийский главный заправила Мусса-бек, которому каждый приезд нового начальника стоит 30–40 ямб (от 4000р.–5000р.). Естественно, это потом все собирается с населения. Иначе и быть не может. Новый начальник назначается из приближенных губернатора Новой линии Лю-джо-шая, причем должность в большинстве случаев покупается, на что идет все имущество назначаемого, да еще он сильно должает. На проезд на расстоянии 2–3/т. верст – казна не дает ничего. Почты нет: приходится ехать целые месяцы. Затем, по обычаю, новый начальник округа получает еще в Урумчи список всем должностям в округе, замещаемым китайцами, и тут же в Урумчи набирает целый штат служащих, причем более доходные места тут же продаются. Новый начальник едет с 20–30 чиновниками и громадным количеством прислуги, что стоит громадных денег. Деньги же эти сторицею возмещаются служащими туземцами, которые от казны никакого содержания не получают, а живут на счет туземного населения. Это, следовательно, целая система «кормления», о которой мы и понятия не имеем. Мне каждый день приходится отмечать замечательное

уменьше китайцев выискивать доходы. Так, например, городничие со всею полицией содержатся на налог с мельниц, а теперь введен еще новый налог на «уезжающих амбаней». Раз в три года производится смена администрации окружной и областной. Как сказано уже выше, расходы по приезду новых светил несут на себе туземные беки. Для того же, чтобы уезжающие чиновники не разорялись при возвращении на родину, принят следующий способ. Уезжающий амбань выдает каждому домовладельцу именной билет (минпай) на право владения домом за своею печатью. За «минпай» взимается только 30 коп., что, при условии, что, по сведениям китайцев, в Керийском округе 12000 домов, составляет 4000 рублей. «Минпай» действителен в течение 3-х лет, т.е. до отъезда нового начальника. Население берет «минпай» и охотно, ибо видит в них ограждение от произвола китайской администрации и как-бы закрепление недвижимого имущества за собою.

16 ИЮНЯ 1890 г.

Суббота 16/28

Переход до города Хотана – 18 верст.

П Сегодняшний переход по у р. Юрун-Коша – замечательно приятный. Это сплошной и очень роскошный сад. Поля возделываются образцово. У нас в России и подгородным огородникам надо бы поучиться возделке огородов. Поля расположены террасками, из коих каждая огорожена небольшим валиком в $\frac{1}{4}$ аршина и расположена выше другой. Посевы производятся на небольших грядках, полются руками. Поистине, удивляешься громадности затраченного на возделку полей труда. Большинство полей засеивается два раза в год: сначала ячмень, или скороспелой пшеницей, а затем кукурузою, хлопком и т.д. В Хотанском оазисе воды ранней весной немного, но с таянием снегов в горах, т.е. с первых дней Июня до конца Августа – масса. Поля два раза в год удобряются навозом или свежим лессом. Урожай средние: сам 6–10. Только пшеница скороспелка дает 20–24, но засеивают ее редко, так как она требует много удобрения и постоянной поливки, что при недостатке воды раннею весною не всегда удается. Пшеница-скороспелка носит здесь название «мека-бугдай».

Из р. Юрун-Коша проведено множество глубоких и многоводных оросительных каналов. Обилие воды настолько большое, что между сетью каналов из родников образовалась целая система довольно многоводных речек, снабжающих водою не только летом, но и зимою и, кроме того, орошающих целые селения, расположенные ниже.

Сегодня я хотел было остановиться на ночлег в Юрун-Каше, но место, отведенное под наш лагерь, на болоте и солнцепеке, заставило меня передвинуться в Хотан. Воды в р. Юрун-Каше было немного. Брод оказался нетрудным, что следует приписать исключительно более холодной погоде за последние несколько дней, так как брод в это время года вообще очень трудно проходим.

С управляющим Хотанским округом мы обменялись визитными карточками, но с визитом я к нему не поехал. Остановился по обыкновению в саду Абду-Джабар-

-Бая, между р. Юрун-Кош и р. Ильчи. Сегодня же найдено было два новых вида *Cicindella*, три «бок-кейфе» и 3 карабидов, что обещает очень богатый улов. Я покупаю це-

Семья «джинна» (сумасшедший), проживающая на кладбище.
Фотография сделана в Хотане между 18 и 23 VI 1890.

лыми массаами жуков. Вчера на покупку жуков израсходовал около 3-х рублей.

17 июня 1890 г.

Воскресенье 17/29

Сегодня пытался произвести определение времени, но пасмурная погода помешала, а взять отсюда время необходимо, чтобы закончить рейс, начатый в Полу и начать новый до Тохтахона. Сегодня целую ночь гремела музыка китайская и раздавались выстрелы. По справке оказалось, что в Хотане имеется китайский театр, который дает представления не только днем, но и ночью. Я имел случай быть в китайском театре по приглашению кашгарского Дао-тая Хуанга в Кашгаре в 85 году. Тогда мы приехали в театр в 11 ч. у., а ушли в 7 ч. вечера, причем в театре обедали и пили чай.

2 раз. Сайде – югурубтуман, бошд ягышга тыкан.

2 раз. Нына дыб югурубман – ёрым манга – бокмейдыган

2 р. Ой булютка дальда бульды, чикмады ой порасы (части)

2 р. Джан чикар холятка – идти (пришло-время) канна ерны фойдасы.

2 р. Хава – де юльдут туля, якка ягона (единственный) быр худо

2 р. Дахли бирменшяр мунга, кунши параишон¹³⁰ дурр мунга

¹³⁰ БГ: слово персидское, означ. растрясти, разбить на части. Слово это удачно заменяется словом тюркским (чачильган).

Ман атамден айрилиб, сынды коснатым кайрилиб
 Ман яглямой, кям яглясун, джоным дадодам – дин айрилиб
 Каляг – нын, канаты – дин – карадур боиш манын
 Тогдашямур суи – дол акадур ёше манын
 Калягач булса киш турфа сусн (во все стороны) учса – кши
 Шакарны быр чургулиб уз юртыга кси кши

18 ИЮНЯ 1890 г.

Понедельник 18/30

Ездил в город осматривать заводы для обделки нефрита. Они поражают своею простотой. В одной крошечной комнатке помещается 4 станка, на которых и производится вся обделка, начиная от распиловки до окончательной шлифовки включительно. Нефрит режут при помощи жестяного колеса, сделанного из жести, или, вернее, из жестяного подноса; колесо проходит по воде, оно постоянно смачивается водою с песком. Я купил все станки, а также оба сорта песку, употребляемого при работе.

Приехал новый амбань в Керию, а вслед за ним возвратился в Хотан и начальник округа. Насколько первого встретили торжественно, настолько второй приехал неожиданно ночью.

Произвел астрономическое определение, т.е. пристроился к пункту Певцова и закончил рейс от Полу. Воды в Юрун-Кош прибыло необыкновенное количество. Из ничтожного потока, который мы благополучно проехали два дня тому назад – образовалась грозная река. Людей переправляют на лодках, лошади несутся вплавь. Переправа не только трудная, но и опасная, а река ежегодно уносит до 50–70 и более жертв. Жара действительно идет за последние дни жестокая. По берегу речки с обеих сторон тысячи людей ждут очереди. Тут же немедленно образовался базарчик: с чаем, лакомствами, чилимом и т.д.

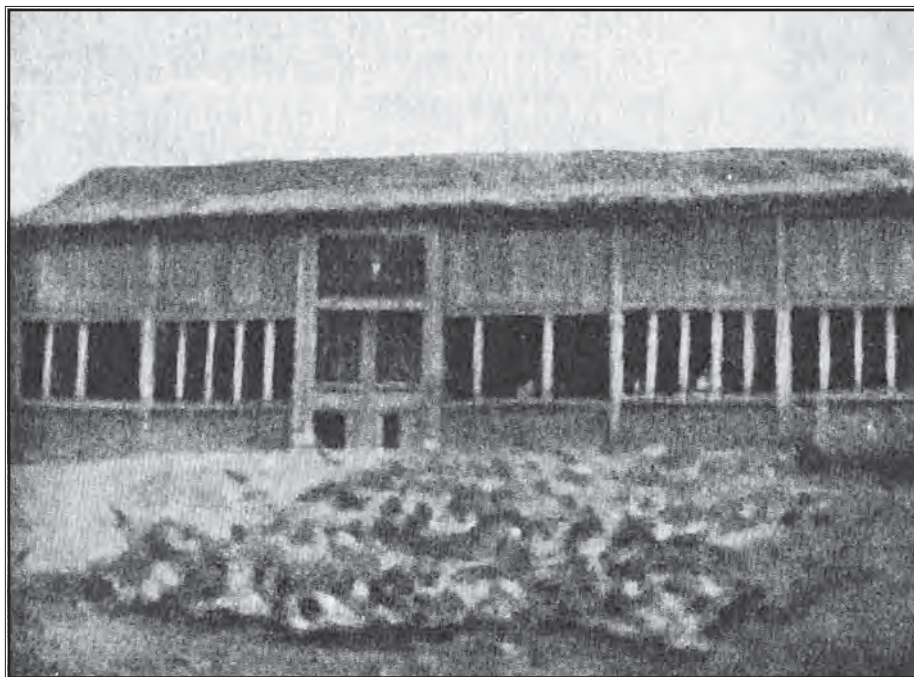
Вечером пригласил к себе музыкантов: их было 15 человек. Стройный хор доставил мне некоторое удовольствие.

22 ИЮНЯ 1890 г.

Пятница 22/4

Все эти дни промучила меня жестокая influenza. Трудно передать те страдания, которые пришлось перенести в течение долгих трех суток. Каждый сустав, каждая косточка казалось вывернутою с места. Подчас начиналась нервная судорога, сводившая руки, к счастью, ненадолго, всего на несколько минут. Затем судороги переходили на грудь, живот, ноги. Ко всему нестерпимая головная боль и полный упадок сил. Оказывается, что теперь болезнь уже слабеет, но месяца 1½ тому назад болел поголовно весь Хотан.

Голубятня возле Кум Рават Падши.

24 июня 1890 г.

Воскресенье 24/6

Переход до сел. Кара-Коша – 24 версты.

Селение Кара-Кош лежит на левом берегу реки Кара-Кош (верстах в 6 от реки) на невысокой горе; под селением масса рисовых полей, вследствие чего воздух в селении очень нездоровый. Переправа через реку Кара-Кош – на двух плоскодонных лодках, в которых помещается только по 7 лошадей и столько же людей, вследствие чего переправа требует очень значительного промежутка времени. Впрочем, выше переправы есть и брод, но глубокий и с топким дном. Дорога от Хотана пролегает частью через селения, частью же через пески и песчаные холмы. По берегам реки – громадные солончаковые равнины, на которых пасется скот из окрестных селений. Сегодня в Кара-Каше базарный день. Базар здесь таких же размеров, что и в Хотане.

26 июня 1890 г.

Вторник 26/8

Переход до сел. Зава-Кургана – 20 в.

Вчера и сегодня мучила меня жестокая лихорадка, причиняя невероятную боль во всех членах. Надо было употребить всю энергию, чтобы выне-

сти переход. К счастью, погода была пасмурная. Возвращение лихорадки приписываю обилью рисовых полей близ Кара-Коша и выделяемым полями миазмам. Инфлюэнца свирепствовала здесь с особенною силою. Масса людей ходит, еще напоминая покойников, и почти нет семьи, где бы не было жертвы. Об упорстве болезни можно судить потому, что у многих она продержалась более 2-х месяцев; смертельные случаи происходили от различных осложнений и, преимущественно, воспаления легких. Дорога пролегает все время по селениям и пересекает множество оросительных каналов, из которых некоторые по глубине и обилию воды напоминают бурные горные реки. Большинство оросительных каналов течет по насыпям.

Уничтожение мостов через оросительные каналы, равно как и прорыв берегов их может причинить серьезные затруднения и затопить всю местность на громадном расстоянии. Базар Кара-Кош громадный, но не так богатый, как в Хотане. Хотанский амбань принимает все меры для того, чтобы экспедиция проследовала беспрепятственно в пределы Каргалыкского района.

27 ИЮНЯ 1890 г.

Среда 27/9 Июня

Переход до Ак-Лянгар – 24 версты.

Ак-Лянгар – большое каменное здание, выстроенное в пустыне. Это – верх совершенства строительного современного мусульманского искусства в смысле прочности и, пожалуй, изящества. В Ак-Лянгаре нет решительно ничего. Даже воду для питья нужно было доставить из Зава-Кургана. Внутри лянгара имеется колодец с соленою водою на 62-аршинной глубине. Вода добывается при помощи ворота; о трудности добыть воду можно судить потому, что в течение 3 ч. времени удалось напоить только 13 лошадей.

Целый день страшный буран, поднимающий тучи и облака пыли.

В такую погоду лянгар в пустыне – истинное благодеяние, и нет путника, который не помянул бы добрым именем строителя лянгара Нияз-Хаким-Бека. К сожалению, китайцы не поддерживают этого полезного учреждения: они уничтожили колокола, в которые били во время бурь и не отпускают денег на заготовление средств на топливо для огня на особо устроенной вышке на крыше. Раньше было еще два колодца, но оба колодца засыпаны Нияз-Хким-Беком. При постройке лянгара не упущена даже такая вещь, которая в мусульманских постройках вообще не принимается в расчет: это отхожее место.

Посетили мазар Кум Рават Падши. Этот святой, по имени Имам Шакир, был пальтар-башием (начальником транспорта) 4-х имамов. Как известно, при могиле содержались десятки тысяч голубей, вылетающих путникам далеко на встречу. Теперь, против виденного мною в 85 г. количества, не осталось и 1/100 доли, да и оставшиеся болеют какой-то заразною болезнью: все худые и почти без перьев. По существующему поверью, каждый путник должен купить кукурузы и покормить голубей, ибо иначе рискует заблудиться и погибнуть в пустыне.

Вот этими-то подачками и живут гол так как шейхи доходы с вакуфа употребляют в свою пользу.

28 июня 1890 г.

Четверг 28/10 Июня

Переход до сел. Пияльма – 26 в.

Посетив в 85 г., я поместил в «Отчете» своем несколько подробностей об этом селении. Странно сложилась жизнь в нем. Здесь, как и везде в Средней Азии, жизнь зависит совершенно от воды, но весь ужас положения заключается в том, что когда жизнь др. культурных оазисов и величина их зависит от количества воды все-таки более или менее известного и как-бы предусмотренного бюджетом населения, который основывается или на количестве родниковой воды, или на количестве тающей воды в ледниковых горах, следовательно, на величине в общем определенной, с незначительными колебаниями в ту или другую сторону, – жизнь селения Пияльмы основана исключительно на количестве дождя, который выпадает в горах выше (южнее) Пияльмы (в селении дождя никогда почти не бывает) и, следовательно, основана на величине вполне неизвестной торую предвидеть, предугадать невозможно. Выпадает летом дождя много – население делает громадные запашки. Нет дождей – нет запашек, все сохнет, пропадает, а, между тем, селение состоит из 300 – 400 дворов. Естественно, что при условии пользования случайною водою – нет возможности завести очередь, соблюсти какой-нибудь порядок в пользовании водою: кто первый завидел приближение воды, кто выше сидит по ней – тот неминуемо захватит ее больше в ущерб другим жителям. Отсюда следовало бы предположить обилие споров, драк и недоразумений по воде. В действительности же споров никогда не бывает только благодаря тому, что согласно установившемуся в селении с давних времен обычаю, если не хватило воды на орошение всех засеянных полей, то лица, которые засеяли поля, но не получили воды для орошения своих полей и вследствие этого потеряли свой урожай, получают соответствующую погибшим посевам часть с урожая тех лиц, которые получили воду и успели оросить ею свои поля. Следовательно, такое бедствие как неурожай – постигает все население равномерно. Поистине идеальная община?!

В с. Пияльма ежегодно засеивается ячмень, пшеница и просо; если же количество воды позволяет, то кукуруза, хлопок и др. виды хлебных злаков. Несмотря на необеспеченное положение населения в главном, т.е. в воде, китайцы обложили это селение ежегодным налогом в 3/т. чариков только прямого налога с земли, т.е. около 900 рублей.

В с. Пияльме – гуси с особенными наростами на носу; здесь же присвоенные красные утки, отличающиеся необыкновенною бойкостью и строптивостью: одна утка успешно отгоняла от зерна целое стадо домашних уток, причем дралась с истинным ожесточением, вырывая с каждым ударом изрядное коли-

чество перьев у противников. Несмотря на совершенную ручность, видно, что это дикое животное по сохранившимся инстинктам: утка ест осторожно, после каждого клевка подымает голову и пытливо осматривается кругом, вместе с тем, чутко прислушиваясь к каждому шороху, к каждому звуку. Делается это совершенно инстинктивно, без всякой боязни людей, которых утка совершенно не боится, подходя даже к руке. Вообще, жители с. Пияльма питают особенную любовь к диким зверям: здесь водятся дикие утки, гуси и антилопы, и все совершенно приручено. Селение Пияльма входит в состав Каргалыкского округа. Мы остановились в доме местного тысячного, который несет эти обязанности в 3-ем уже поколении и бессеменно, несмотря на многократную перемену правительств. Замечательная, наследственная покладистость.

30 июня 1890 г.

Суббота 30/12 Июня

Переход до сел. Занг-Уя – 36 в.

Переход по совершенной пустыне. В 2½ [...] от Пияльмы имеется колодец с соленою водою, а при нем одинокий лянгар, а затем 24-верстный переход без воды и первый пруд в 4 верстах от сел. Занг-Уя (дом на болоте). Воды здесь тоже очень немного, но она получается из р. Санджу, прибывая преимущественно ночью и прекращаясь рано утром. Недостаток воды и неравномерное распределение ее дают повод к жестоким дракам между жителями селения.

Погода стоит все время пасмурная, хотя жара держится на +30°С.

Вчера я вынужден был простоять в с. Пияльма – вследствие жестоких приступов лихорадки, которая все время не покидает меня.

Население с. Пияльма оказалось очень мошенническим: оно без всякого стеснения не только объявило совершенно несообразные цены на все продукты, но и потребовало уплатить денег за количество значительно большее против взятого в действительности.

1 июля 1890 г.

Воскресенье 1/13 Июля

Дневка в сел. Занг-Уя.

Соблазненные рассказами туземцев о стадах кабанов и обилии фазанов в зарослях и камышах ниже селения Занг-Уя, я остался на сегодняшний день и произвел облаву. Для облавы нанято было 50 чел. верховых и соответствующее число пеших, которые захватили с собою до 60 ш. собак, приученных к кабаньей охоте. Казалось, все мелочи были предусмотрены для обеспечения успеха охоты, и мы до свету выехали в камышовые заросли, начинающиеся в 8 в. к западу от селения, несколько ниже (севернее) лянгара Кундаляк. Захватывая облавой все новые и новые тугаи камышовых и тамарисковых зарослей, мы постепенно углублялись

в камыши, которые ростом значительно превышали всадника верхом на лошади и были необыкновенно густы. Естественно, что движение по таким камышам сопряжено было с большими трудностями. Люди, неприученные к облавам, расстраивались, шли гуськом один за другим, а собаки оказались простыми дворняжками и не умели искать кабанов по следу, а, по рассказу, бросались на кабанов, только видя их. После 5-часового шляния по дебрям, совершенно искусанные комарами, мы, не увидели даже ни одного кабана и выгнавши единственный фазаний выводок, повернули обратно в селение, преследуемые дождем и жестоким бураном.

Туземцы неудачу объяснили несвоевременностью охоты, говоря, что охота почти всегда удается осенью, когда кабаньи стада нападают на посевы кукурузы, вынуждая все население жить на полях. Я же убежден, что главная причина неудачи – отсутствие зверя. Не думаю, чтоб туземцы сознательно ввели меня в заблуждение. Вернее всего, здесь рельефно проявилось свойство вообще среднеазиатцев все преувеличивать. Может быть, осенью кабаны и появляются, но, нет сомнения, редко и поодиночке. Молва же из этих единичных случаев делает чуть ли не народное бедствие. Мы видели следы только одного стада в 7 голов.

2 ИЮЛЯ 1890 Г.

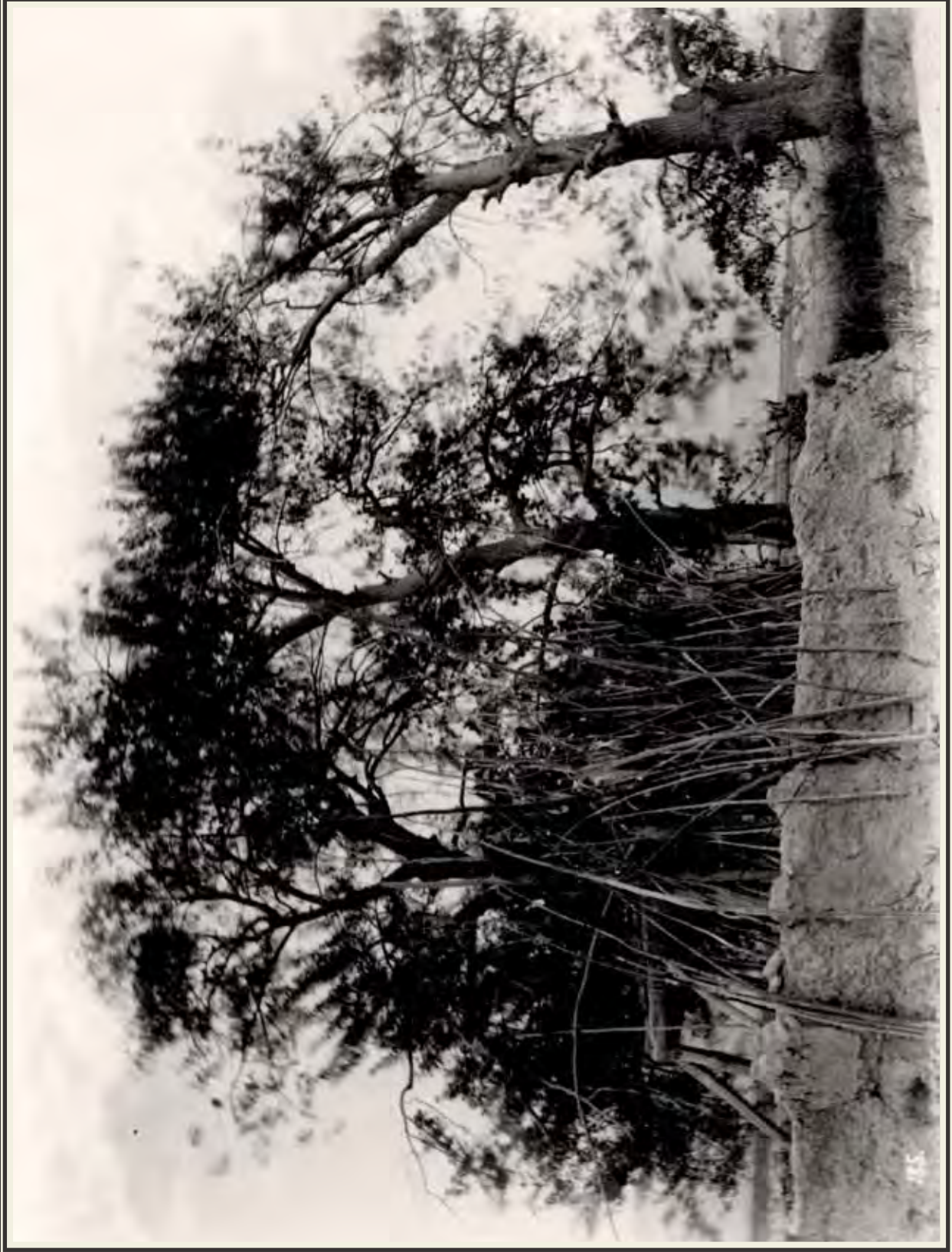
Понедельник 2/14 Июля

Переход до оазиса Санджу 40–44 в.

После несколькодневного пребывания в пустыне с крошечными оазисами, пользующимися водою из прудов, переполненных инфузориями и всякими нечистотами, окруженных песками и ю, от которой укрыться некуда, – оазис Санджу кажется замечательно привлекательным. Обилие воды и древесной растительности поразительно. Разница в температуре тоже весьма чувствительная и, по крайней мере, сегодня днем была на 3°С меньше, чем в Хотане, Пицальме и Занг-Уя, а вечером разница эта увеличилась до 6°С. Несмотря на то, что оазис Санджу всего на 550 метров лежит выше селения Занг-Уя и др., разница в посевах поразительная. В Хотанском округе ячмень снят, пшеница тоже наполовину поспела и снята, а на место этих посевов в большинстве засеяна уже кукуруза, в Санджу же ячмень только-только начинает поспевать, а пшеница еще совершенно зеленая.

В Санджу я застал одного киргиза из Шахидулла-Ходжи, который рассказал мне, что через Шахидулла-Ходжу в Кашмир проехал Габергауэр с консульским джигитом. Нельзя не отнестись сочувственно к стремлению консульства оказать поддержку каждому русскому подданному. К сожалению, поддержка эта делается крайне неразборчиво и ею пользуется много проходимцев. К таким именно следует отнести несомненно Габергауэра¹³¹, а может быть и Рикбейля, встреченного

¹³¹ Возможно, речь идет о Иосифе Габергауэре, который, также как и Вальтер Рюкбейль занимался сбором энтомологических образцов. О его присутствии в это время в Туркестане может свидетельствовать описание на одном из экспонатов-образцов жука класса жесткокрылых (*Syntypus Lethrus furcatus*): «Naberhauer Туркестан 89» (см. Г.В. Николаев, Е.С. Иванова, *Дополнительные данные о фауне и распространение жуков-кравчигов подрода *Furcilethrus Nikolajev*, 1968 рода *Lethrus Scopoli* 1777*

Фотодокументи 70

Фотодокумент 70

Гробница султана Мансура. № 185.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокументи 71

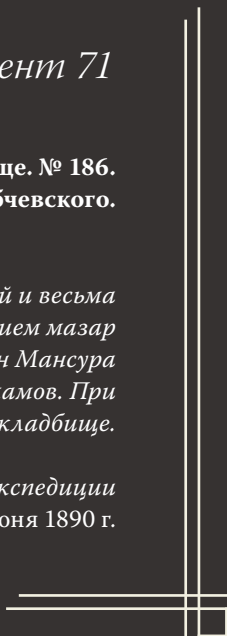

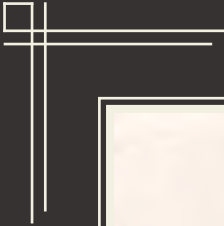
Фотодокумент 71

**Заброшенное кладбище. № 186.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*На ночлеге большой и весьма
уважаемый населением мазар
Хазрети Султан Мансура
Уши, сподвижника имамов. При
гробнице – громадное кладбище.*

*Дневник экспедиции
6 июня 1890 г.*

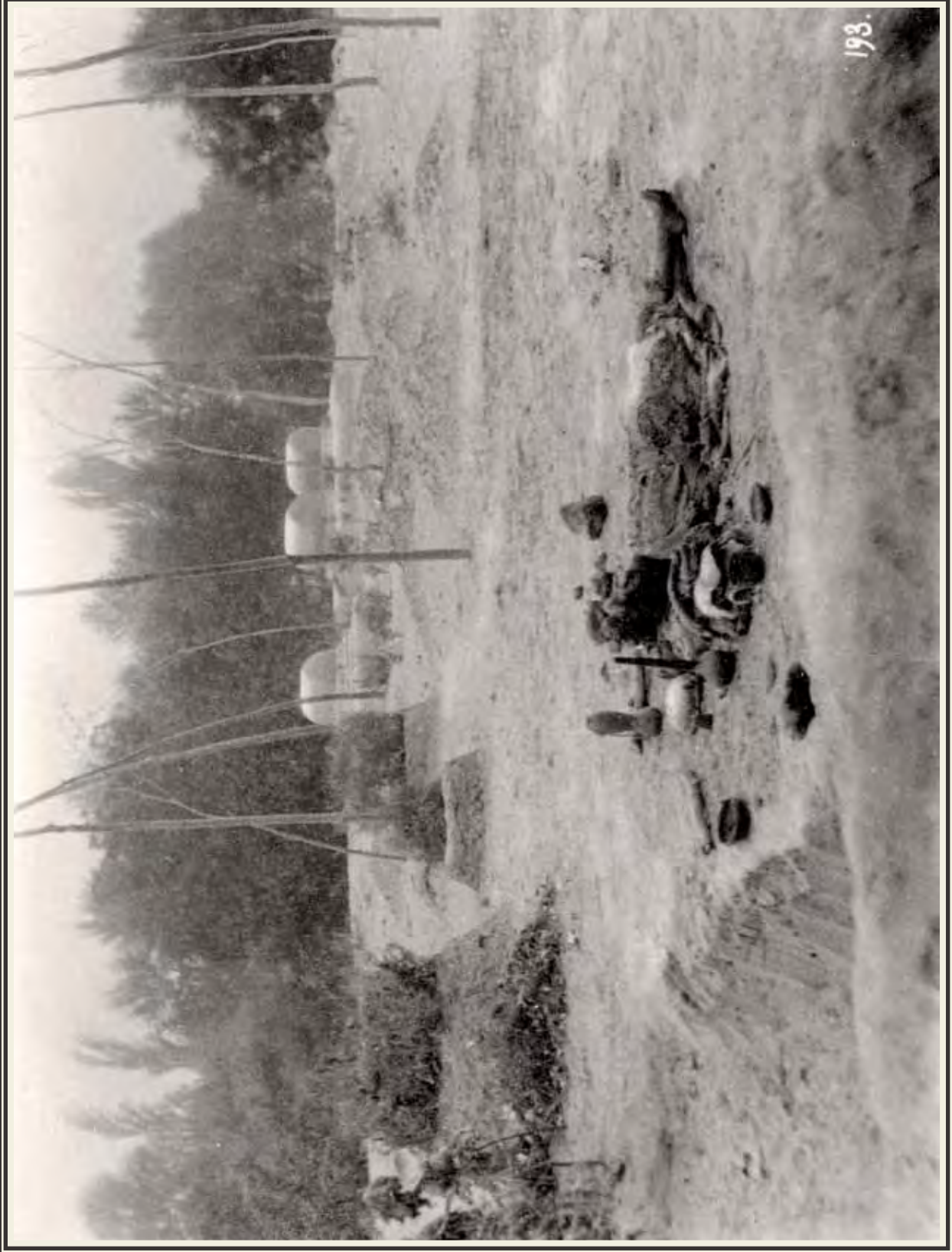
Фотодокументи 72

Фотодокумент 72

Переправа через р.[еку]
Хотан-Дарью. № 192.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

*Воды в Юрун-Кош прибыло
необыкновенное количество. Из
ничтожного потока, который мы
благополучно проехали два дня
тому назад – образовалась грозная
река. Людей переправляют на
лодках, лошади несутся вплавь.
Переправа не только трудная,
но и опасная, а река ежегодно
уносит до 50–70 и более жертв.*

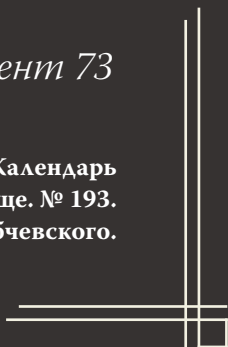
*Дневник экспедиции
18 июня 1890 г.*

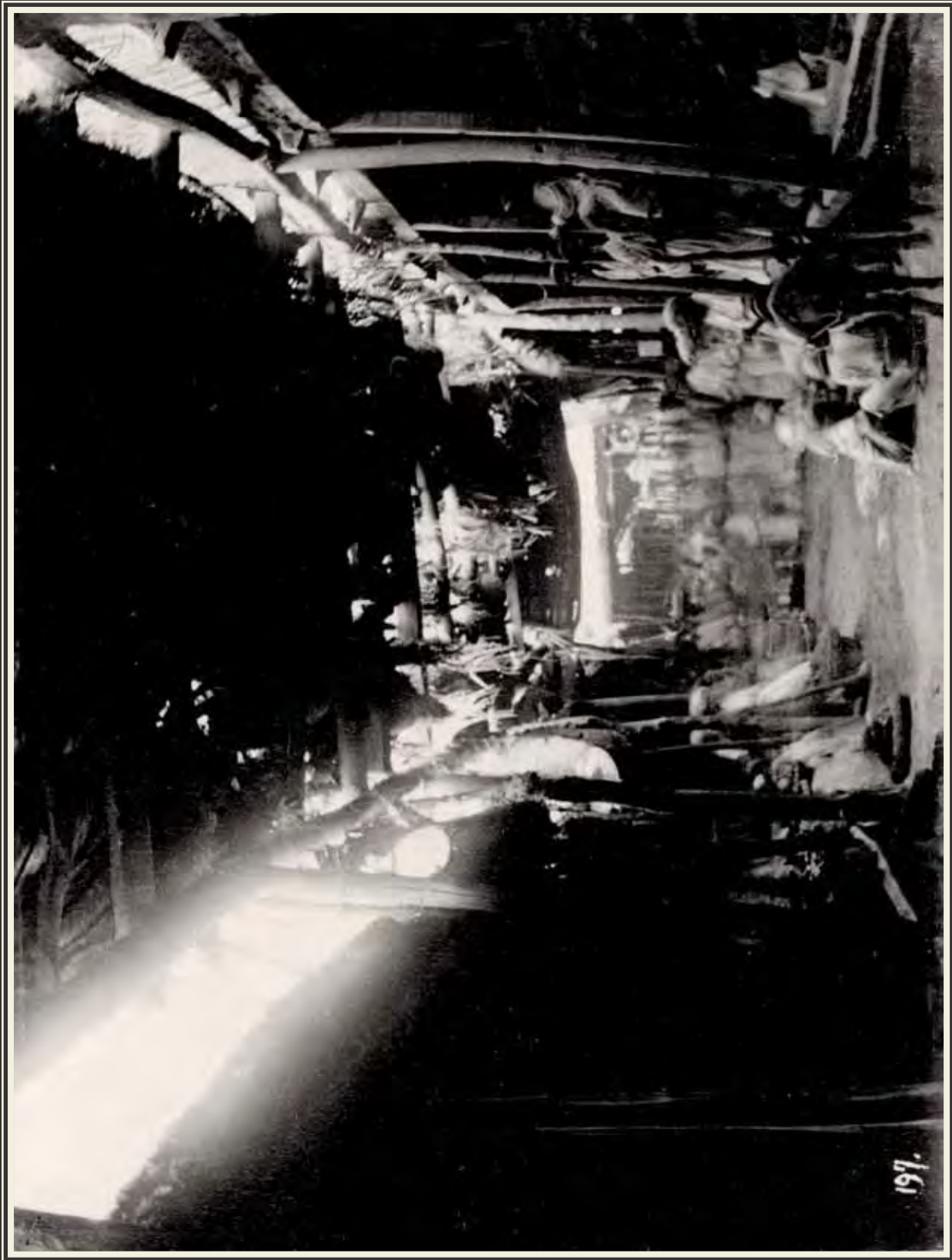

Фотодокументи 73

Фотодокумент 73

Нищий секты Календарь
на кладбище. № 193.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

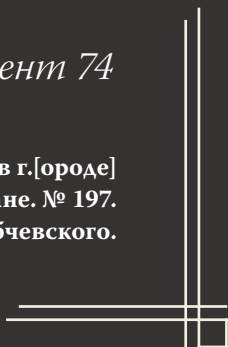

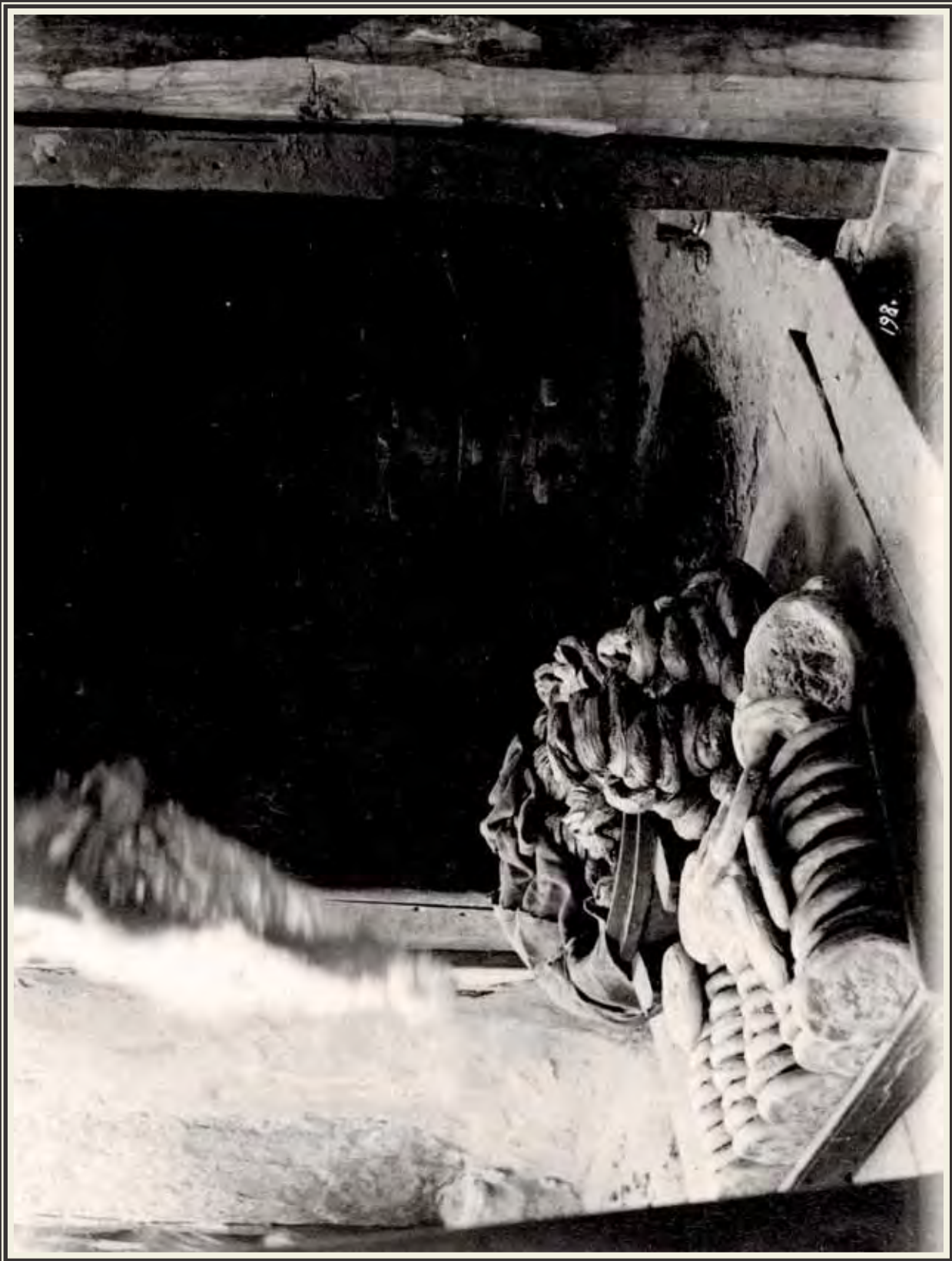

Фотодокументи 74

Фотодокумент 74

Фауктовый базар в г.[ороде]
Хотане. № 197.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

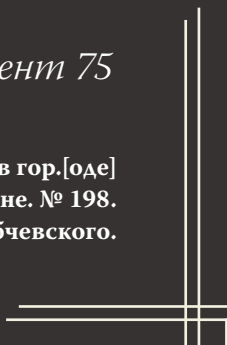

Фотодокументи 75

Фотодокумент 75

Ресторан в гор.[оде]
Хотане. № 198.

Путешествие Б.А. Громбчевского.

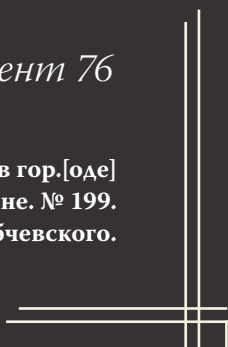

Фотодокумент 76

Фотодокумент 76

Аптека в гор.[оде]
Хогане. № 199.

Путешествие Б.А. Громбчевского.

мною в Полу. Габергауэра я знаю по его поделкам на Алае, где он не только не платил за забранные продукты, требовал даром лошадей и т.д., и все это выдавая себя за русского чиновника, но еще украл у киргизов чекмень, данный ему на ночь укрыться. Обо всем этом я (в 87 г.) тогда же составил (в июле) протокол и отправил к начальнику Ошского уезда. О Рикбейле могу сказать только, что даже в Полу, где находилась экспедиция, он уплатил за забранное им с большими пререканиями. Что же делает такой господин в местностях, где нет русских и где, следовательно, он может не стесняться. Достаточно сказать, что от Каракола до Полу ему дорога, содержание людей и лошадей стоило, по его же словам, меньше 100 р. кредитных.

Из новостей политического характера небезынтересны следующие: англичане прислали своего инженера (кашмирца), который укрепляет торопливо Шахидулла Ходжу, а китайцы отправили в Сары-Кию офицера с 15 чел. китайского конвоя и толпою мусульманского, который занял выход из ущелья [...] в долину Кара-Коша, окопался и строит новое укрепление.

Таким образом, кашмирское укрепление окажется запертым китайским. Интересно, чем вся китайско-кашмирская распря окончится. Вследствие местных условий и полной экономической зависимости Сары-Кии от Санджу и Кильянга, население Сары-Кии, несмотря на симпатии свои к англичанам, должно безусловно подчиниться и всячески содействовать китайцам, которые могут уморить киргиз голодом, не допустив вывоз продуктов и съестных припасов.

Раннею весною Сафдер Али Хан Канджутский выслал отряд войска на Дангнын-Баш Памир, который ночью окружив ставку китайского бека Куч Махомеда и брата его Касыма – увел всех их в плен, вместе с семействами и имуществом. Старший брат угнанных в ясырь китайских ставленников – Джума Бий – отправился было в Кашгар просить содействия Дао-тая. Китайцы не приняли никаких мер для освобождения Куч Махомет Бека и наказания канджутцев, вследствие чего Джума Бий продал скот и собрав 5 ямб, отправился выкупить своих братьев. Китайцы же не только не посмели наказать канджутцев, но даже не назначили нового бека на место увезенного канджутцами. Таким образом, в настоящее время памир Ак-Су и Дангнын-Баш фактически перешли во владение канджутцев, или, вернее, в сферу действий англичан. Предсказания мои, изложенные в письме на имя Управл. Делами Военно-Учен. Комитета оправдались скорее, чем я мог предположить.

4 июля 1890 г.

Среда 4/16 Июля

Вчера производил астрономическое определение пунктов, а сегодня опять встряхнула лихорадка, вынудившая лишний день остаться в Санджу. От лихорадки положительно нет никакого спасения.

Как средств к жизни санджуйцев нельзя не отметить ореха, который достав-

(Coleoptera: Geotrupidae: Lethrinae) [в:] “Кавказский энтомологический бюллетень” Том 10. Выпуск 1. 2014, с. 63).

ляет довольно значительные выгоды. орехов продается здесь 45 коп. Есть деревья, дающие до 20/т. или 9 рублей. Доход с орехов считается постоянным и местными жителями доход этот закладывается или продается за несколько лет вперед, конечно, за половинную цену.

Китайцами изобретен здесь совершенно новый налог, применяющийся весьма успешно. Кроме натуральной повинности для всевозможных построек в Каргалыке, разработки даром медной и др. руды и т.д., каргалыкский амбань потребовал 2/т. рабочих для Марал Баши (по дороге из Кашгара в Ак-Су) и взыскал за каждого рабочего по 60 тенег, т.е. 18000 рублей. Недурно!

Главное, поражаешься изобретательности китайцев. Здесь сбор с домов и минпай производится ежегодно, давая также весьма изрядный доход.

5 июля 1890 г.

Четверг 5/17 Июля

Переход до сел. Кош-Таг – 36—40 в.

Сегодня с утра сильный ветер и сопряженная с ним пыль, от которой буквально укрыться некуда. Дорога пролегает все время по местности гористой, песчаной и безводной, а, следовательно, и безжизненной. По дороге только один небольшой поселок – Лянгар Сулюгаз, состоящий из 2-х дворов. При лянгаре пруд и небольшие посевы ячменя. Вода получается только дождевая из гор, которую немедленно поливаются посевы и пополняется вода в пруды.

Селение Кош-Таг состоит из 270 дв. Воду получает из поселка Кара-Су и из Кильянга. Селение это, хотя лежит всего на 150 метров ниже Санджу, но разница в поспевании посевов громадная. Ячмень здесь сжат, а пшеница совершенно поспела. Селение с узкими улицами, по которым едва верхом проехать можно. Деревьев много, но удобного для остановки места нет. Фруктов обилие, а один вид крупного урюка (абрикоса) очень вкусный. Этот же вид попадает и в Санджу, но там он еще не поспел.

Начиная от Занг-Уя и Пияльмы здесь повсеместно в моде заборы связанные из хворосту. Пыль закрыла солнце, но духота ужасная.

В Санджу довольно распространен сифилис. Следы этой страшной болезни видны во всех селениях.

6 июля 1890 г.

Пятница 6/18 Июля

Переход до сел. Кильянга – 27 верст.

Дорога пролегает сплошь почти по местности орошенной и потому не представляет затруднений. Река Кильянг, почти пересыхающая осенью и зимою, в это время года превратилась в грозную реку с бродами далеко не всегда доступными. В селении Кильянг, несмотря на незначительное, сравнительно,

возвышение, абрикосы еще совершенно зеленые, а пшеница и отчасти ячмень только цветет.

Особенно много здесь полей под посевами гороха. Дороговизна жестокая.

Мы пришли в Кильянг с целью произвести астрономическое определение на том же пункте, с которого производились наблюдения в Феврале месяце. Население приняло нас приветливо.

8 ИЮЛЯ 1890 Г.

Воскресенье 8/20 Июля

С тоянка в Кильянге.

Оба дня погода пасмурная, накрапывает дождик и мне только раз рано утром удалось улучшить $\frac{1}{2}$ часа времени, чтобы произвести определение времени. Стоять дольше бесполезно; теперь начало новолуния, такая погода может продержаться с неделю, а при кильянгской дороговизне – это разорение.

Ко мне опять вернулась какая-то хворость: все болит без исключения и полный упадок сил. Ни сидеть, ни ходить, ни лежать: совсем мат.

Сегодня из Шахидулла Ходжи приехал китайский офицер с 8 солдатами. Из них 4 ворвались ко мне в сад, поймали местного старшину и начали жестоко по-лосовать. Пришлось силою выпроводить нахалов. Я пригласил к себе начальника пограничного караула и объяснил все неприличие поступка приезжего китайца. Забавный обычай у китайцев. Начальник поста, через час после моего приезда, прислал приглашение на чашку чая; я отказался под предлогом болезни и усталости. На другой день местный амбань явился ко мне с визитом и вновь усиленно приглашал к себе. Перед вечером он прислал мне в подарок немного клеверу и [...]. Обезоруженный такою любезностью, я взял с собою микроскоп и пр. мелочи для ответного подарка и, предупредив о своем посещении, поехал отдавать визит. К удивлению моему, прислуга выбежала с красными карточками и сообщила, что хозяина нет дома. Я вернулся домой, а через $\frac{1}{2}$ часа вновь явился ко мне да-лое и сообщил, что он человек маленький, а я важный чиновник и что он не считал себя достойным принять меня у себя в доме. Из этой галиматьи я вывел заключение, что да-лое был дома, но только сказался, что его нет.

Караваны в Тибет начинают двигаться и прибывать в Кильянг. Вспоминая об ужасах моего странствования зимою, я не мог без содрогания смотреть на эти массы лошадей, из коих вернется разве 1/10 часть, а остальные погибнут после ужасных страданий.

Присматриваясь к предметам вывоза в Кашмир и ввоза в Кашгарию я пришел к следующему заключению:

Вывозят в Кашмир.

1. Наша или бане – наркотик, приготовленный из семян конопли. Это самый главный предмет отпуски из Кашгарии, занимающий больше $\frac{1}{2}$ всего количества вывочных лошадей. Наркотик этот составляет продукт, на котором ежегодно тысячи людей приобретают деньги и столько же разоряется. Осенью чарик (24 ф.) наши стоит в Кашгарии 8–10 тенег; летом же, в июне и в июле, т.е. когда настает время вывоза в Кашмир, цена колеблется между 50–60 тенями за чарик, т.е. капитал в течение 7–8 месяцев приносит 500–600%. Факт, ярко характеризующий местную жизнь – отсутствие денег и общую бедность населения. Это факт далеко не единичный. Здесь везде принято, что денежные люди выдают весной деньги землепашцам под зерно с обязательством доставить зерно после сбора, причем в течение 4 месяцев зарабатываются рубль и полтора на рубль. Но возвращаясь к нашей. Наркотик этот в Кашмире ценится очень высоко и один чарик продается при счастье за 200 тенег, т.е. опять-таки дает даже позднейшим скупщикам до 400%. Но весь ужас положения заключается в том, что наша, от совершенно до сих пор необъяснимых причин, очень часто в дороге обращается в пыль и тогда теряет всякую цену. Таким образом, торговец теряет сразу не только весь капитал, затраченный на покупку товара, но громадные расходы на перевозку его через Гималаи, что, при отсутствии солидности в предприятии и незначительности оборотного капитала, сразу разоряет торговца.

2. Тибет – козлиный пух, идущий на выделку тибетских шалей. Козий пух добывается из шерсти тонкорунных коз, разводимых в Кашгарии в большом количестве. Для этого козы стригутся возможно коротко, а пучки шерсти немедленно вычесываются густою гребенкой.

3. Мата, грубая хлопчатобумажная ткань.

4. Чекмень – прочная бумажная материя, окрашенная в серый цвет, употребляемая тибетцами на халаты.

5. Кошмы и джай-намазы, т.е. небольшие кошечки для молитвы.

6. Ковры и коврики: гиялам, чаруза, маруза, зинча и т.д. [...] и т. кожи, чарики и пр. (редко).

Предметы ввоза из Кашмира.

1. Чай. Несмотря на самое строгое воспрещение ввозить индийский чай в пределы Кашгарии с целью возможно большего распространения в стране китайских чаев – это главный предмет ввоза. Для торговых сношений Кашгарии с Кашмиром открыта только одна дорога через перевал Кильянг, а в сел. Кильянг живет китайский чиновник с 15–20 д^л тами, на обязанности которого лежит осмотр торговых караванов. Остальные же все перевалы закрыты. Торговцы обыкновенно или подкупают китайского чиновника, или начальника караула, туземца Акыл Бая, который берет с лошади по 5 сар-серебра, т.е. около 12 рублей; или же входят в соглашение с киргизами Шахидулла Ходжи, которые перевозят чай частями, через перевал Санджу.

2. Дока – кисея, приходящая в громадном количестве и имеющая широкое распространение не только в Кашгарии, но и в русском Туркестане (несмотря на большую пошлину), как необходимая принадлежность головного убора (салля, чалма) каждого уважающего себя мусульманина, а также саван при погребении.

3. Хасса – коленкор и ситцы. Бумажные материи эти успешно вытесняются русскими ситцами, хотя в Яркенде и на базарах к западу от Яркенда имеются зна-

чительные запасы английско-индийской мануфактуры, что следует приписать исключительно меновому характеру торговли с Кашмиром.

4. Ниль и др. краски. Предмет этот успешно заменен дешевыми анилиновыми красками, доставляемыми из России, или подделываемыми в Индии и продаваемыми под видом русских, что, впрочем, привело в совершенный упадок ковровое производство в Кашгарии, так как ковры, окрашенные в яркие, красивые, но быстро линяющие цвета – в самом непродолжительном времени теряют цвет и всякую ценность.

5. Все лекарства, составляющие предмет обширной торговли у десятков тысяч мелочников (аттар). Лекарства имеют обширный сбыт у местного населения, не имеющего никакой медицины и любящего до болезни лечиться.

6. Кораллы, сукна, парча и пр. предметы, не имеющие особенного значения.

К сожалению, русские ситцы, хотя сравнительно дешевы, но линючи и далеко не так прочны, как были несколько лет тому назад. Особенно дискредитированы теперь русские кумачи (шалъпар). Торговцы, чтобы сбыть залежалый товар, прибегают к различным фокусам. Так на базаре в Керии я видел, как торговец наклеил на одном куске кумачу белый ярлык, а на другом зеленый с изображением персидского льва и солнца и крикливым голосом, крепко ударяя себя в грудь, уверял сомневающегося покупателя, что плохой кумач – это с белым ярлыком и он его никому не предлагает, а вот этот с зеленым – это нового образца и очень прочный, причем все время приговаривал: «Да ты посмотри, ведь это кумач с зеленым ярлыком». Некоторым доверием пока пользуются тики, идущие в громадном количестве на халаты, преимущественно, женские и даже вывозимые в Кашмир, но и здесь слышатся общие жалобы на линючесть и непрочность красок.

Встречаемые караваны имели бодрый веселый вид. И тем не менее, посетившие меня в течение двух дней караван-баши, заботливо расспрашивая об ужасах зимы, проведенной южнее Шахидулла-Ходжи, проявляли и сами боязнь к знакомому, привычному пути. Особенно резко эта боязнь проявлялась в невероятных рассказах о сверхъестественных приключениях на пространстве между Шахидулла-Ходжею и пер. Сасыр. Все рассказы вертятся на том, что в местностях этих водятся духи, которые под видом карликов, красивых женщин или близких знакомых, появлялись рассказчикам, преимущественно, ночью (хотя были случаи и днем) и, приглашая следовать за собою, заводили в дикие безжизненные ущелья, где бросали заблудившихся спутников, подвергая их мучительной, голодной смерти. Рассказчики, люди пожилые и почтенные, клялись прахом своих родителей, что с ними лично бывали такие приключения, и что они спасались чудом, в большинстве только потому, что спохватившиеся их спутники шли по следу и отыскивали такого заблудившегося. Не заподозривая искренности рассказчиков, я объясняю эти приключения галлюцинациями от действия разреженного воздуха и тяжелого действия на нервы безжизненной природы на Тибетском плато.

Среди бадахшанских, афганских и др. английско-подданных торговцев распространился слух, что едут из Тибета в Яркенд два англичанина, из коих один займет должность английского Консула.

9 июля 1890 г.

Понедельник 9/21

Переход до пос. Хасан-Бугра-Мазар-Лянгар – 24 версты. Сегодня предполагал пройти до сел. Ушак-Баши, но силы изменили. Пришлось заночевать в крошечном поселке, где трудно достать предметы первой необходимости. У поселка – гробница Султана Хасана Бугра (верблюд от силы) Газали, одного из сподвижников 4 имамов. При гробнице живет семья шейхов.

Караваны двигаются в Тибет непрерывною вереницею. Сегодня встретили около 200 лош., преимущественно, с нашою.

Население поселка горько жалуется на китайцев, которые, обложив их натуральною повинностью, (по одному джину дров и 2 джинам клеверу с каждого мулака земли) всячески обижают при приемке продуктов. Только что вернулись сдатчики, которые рассказывали, что вьюк лошади с клевером принят был за 2 джина (3 ф.), весив не менее 160 джинов т.е. 360 ф. Та же история с дровами и пр.

10 июля 1890 г.

Вторник 10/22

Переход до сел. Кинг-Сай (обширное ущелье) – 30 верст. Дорога идет прямо на запад и все время по совершенно песчаной пустыне. Селение Кинг-Сай считает около 130 дв. и лежит на речке Ушак-Баш (Улуг-Сай). Речка эта стекает с Кильянгского хребта, питается снегами и ледниками и богата водою. Через верховья реки в бассейн Кара-Коша дороги нет. Выше селения Кинг-Сай по течению речки расположено селение Ушак-Баш, считающее до 300 дв., а ниже селения Кинг-Сай – селение Зунг-Нур, считающее до 170 дворов. Кроме того, из р. Ушак-Баш выведена оросительная канава, снабжающая водою сел. Юл-Арык. Остающийся затем излишек воды попадает в сел. Баш-Арык, находящееся несколько восточнее Каргалы

Селение Юл-Арык имеет свои небольшие родники, но их далеко не хватает для орошения полей. Кроме того, по Юл-Арыкскому ущелью проходит вода во время дождей в горах.

Ущелье это не имеет снеговых гор и ледников, а потому вода в нем попадает случайная.

Селения Ушак-Баш, Кинг-Сай, Зунг-Нан, Кук-Яр, Юл-Арык и Баш-терек составляют отдельное бекство. Беком здесь перевозчик амбаня, никогда сюда не приезжающий.

Лето нынешнего года и весна – пасмурны, но не дождливы, вследствие чего воды для орошения полей не хватает. Ни снега не тают в горах, ни дождей нет. Население приписывает это тому обстоятельству, что китайцы разрабатывают медную руду близ Кюйды-Мазара, что не нравится святому, который наказывает.

вает население. Характерное проявление предрассудка. Мнение это настолько распространилось среди населения, что доставить рабочих для работ население отказалось и китайцам пришлось прибегнуть к силе.

11 ИЮЛЯ 1890 г.

Среда 11/23 Июля

Переход до сел. Кук-Яр — 23 в.

Переход нетрудный. Дорога пролегает через сел. Ява-Су и Нель-Ярым. В сел. Кук-Яр воды немного. На полях поражает обилие камышовых порослей и, притом, так густых, что за ними и посевов не видно.

В сел. Кук-Яр я приехал значительно раньше людей своих и в ожидании их сел под деревом. Вскоре собралась кучка туземцев, которые, не подозревая, что я так хорошо знаю тюркское наречие, делали все возможные замечания по поводу меня и Конрада. Самое лучшее было, как один из стариков сказал домохозяину, у ворот которого мы сидели: «Принеси немного урюку, хотя они и собаки, но все-таки гости». Дороговизна здесь страшная, а население просто разбойники. За барана запросили 20 тенег (везде он стоит 4–5); за сноп клеверу 8 коп. (везде он стоит 2) и т.д. Перед вечером приехал посланец от каргалькского амбана и привез огурцов, дынь и прочей зелени в подарок. Посланца я одарил халатом, а амбаню подарил бинокль (подарок генерала Мирковича¹³² — пришлось расстаться: у меня уже ничего не осталось) и сотню патронов. Вечером заатаковали нас комары. Такой массы москитов в нынешнем году не приходилось видеть.

К вечеру пришла вода из гор, чему обрадовались не только жители но и мы, ибо вода в прудах отвратительно грязна и несколько соленая.

12 ИЮЛЯ 1890 г.

Четверг 12/24

Дневка в сел. Кук-Яр.

Сегодня произвел астрономическое определение. Погода пасмурная, но очень душная. Жители сел. Кильянг, несмотря на то, что русские жили здесь долго, выказывают большой страх и бегут стремглав в дома. Если верить рассказам туземцев, женщины здесь особенно нравственны. Население торговое; большинство не избегает даже таких больших путешествий, как в Тибет, что отчасти следует приписать тому, что через селение в давнее время пролегла большая дорога в Тибет, закрытая теперь китайцами из боязни канджутских грабежей.

¹³² Михаил Фёдорович Миркович (1836–1891) — генерал-лейтенант, начальник штаба Виленского военного округа.

13 ИЮЛЯ 1890 Г.

Пятница 13/25

Переход до пос. Псар – 9 в.

Поселок этот расположен при большой дуге, которую образует р. Кук-Яр, собирая воды с 5 ущелий, выходящих в этом месте из гор. Во время существования большой караванной дороги в Тибет поселок этот был значительно больше по размерам и богаче.

Сегодня перед рассветом в течение 2–3 часов падал обильный дождь, промочивший несколько почву и сбивший пыль. По заявлению жителей, это первый дождь в нынешнем году. Погода пасмурная, тучи низко нависли, но дождя нет. Абрикосы в поселке совершенно еще не поспели. Сегодняшний переход небольшой, ибо завтра на значительном расстоянии нет воды.

14 ИЮЛЯ 1890 Г.

Суббота 14/26

Переход до урочища Тахтагон – 37 верст.

Дорога пролегает вверх по ущелью Ягар-Юл. Ущелье безжизненно; вода появляется только во время дождей в горах. Тем не менее, на верховьях ущелья, близ крошечных родников, часто соленых, живут со стадами ваханцы. Ваханцы, выходцы из Вахана, живут уже здесь 3–4 поколения, занимаясь преимущественно скотоводством. Близ кочевков своих они имеют небольшие запашки ячменя, но сеют под дождь и потому ячмень поспевает далеко не каждый год.

Урочище Тахтагон самое неудобное не только для продолжительной стоянки, но и для временной остановки. Здесь нет ни воды ни подножного корму и поистине удивляться приходится, как экспедиция полковника Певцова могла выбрать столь неудобное место для продолжительной стоянки. Достаточно сказать, что воду для питья приходится привозить за целых 8 верст.

16 ИЮЛЯ 1890 Г.

Понедельник 16/28 Июля

Вчера целую ночь, день и сегодняшнюю ночь лил проливной дождь.

К счастью, сегодня через пасмурное небо по временам проглядывало солнышко и мне удалось с грехом пополам пристроиться к астрономическому пункту полковника Певцова.

17 ИЮЛЯ 1890 Г.

Вторник 17/29 Июля

Переход до урочища Арыш – 32 версты.

Переход трудный, вследствие глубины бродов по р. Халястан и необходимости в нескольких местах развьючивать лошадей и переносить вьюки на себе.

Целый день пасмурная погода вперемежку с дождем, который мочит изрядно.

После безжизненного Тахтакона и верховьев р. Кук-Яр приятную картину для глаз представляет долина реки Халястан, образующая массу отмелей, густо поросших зарослями ивы, шиповника, тамариска, ерhedra и др. кустов. Есть здесь немного и кормовой травы, но, в общем, немного. К сожалению, китайцы, требуя много угля для выплавки меди близ Кюйды-Мазара, выжигают безжалостно древесную растительность и, вероятно, недалеко то время, когда и в долине реки Кюйды дерево будет большою редкостью. По ручейку Имак-Арт, на урочище Артыш, мы нашли незапертый маленький домик с полным имуществом. Тут были и кошмы, и котлы, и чайники и все, что нужно для жилья. По ущелью р. Халястан пасется призора целое стадо (шт. 30) верблюдов, а по ущ. Имак-Арт табун лошадей. Людей же нигде нет в районе верст 30, да и то все живут не только разных обществ и различных родов и происхождения, но и просто сброд, как, например, на урочище Кюйды рабочие на медных рудниках. Надо сознаться, что в Кашгарии воровство – редкость. Невольно вспоминается то время, когда, по занятии Ферганы, я поражался, видя, например, во время намаза подряд целые ряды с лавками без хозяев, которые, удаляясь в мечеть для совершения молитвы, не запирали лавок, а опускали кисейную занавеску над входом в знак того, что хозяина нет. И покупатели терпеливо ждали у входа в лавку возвращения хозяина. Случаев кражи не слышно было. Теперь не то. Внеся в страну цивилизацию, мы привили в ней и пороки, неизбежно следующие за нею.

Проводниками моими в Пахпу были ваханцы, живущие около Тахтакона. Их всего восемь семейств, заброшенных среди сплошного тюркского населения и живущих здесь целые столетия. Тем не менее, они не забыли своего языка, не потеряли типа, не переменили веры, обычаев и одежды. Такую народную живучесть, казалось, следовало бы приписать исключительно тому, что, по установившемуся издревле обычаю, они не ют своих дочерей замуж за посторонних, и сами не вводят в семьи свои жен из среды окружающего населения. Таким образом, здесь, как и везде, женщина становится лучшею защитницею и оберегательницею семейного очага и народности. Дети раньше всего выучиваются ваханскому языку, а затем жизнь и неизбежные столкновения с окружающим населением заставляют их выучиться и тюркскому языку. Ваханца легко отличить не только по чистому арийскому типу, но и по выговору.

Живя среди сплошного суннитского населения, несмотря на мусульманский фанатизм и жестокое преследование, которому они должны подвергнуться во времена мусульманского в стране владычества, они сохранили свою веру. Почти

все из них шииты, секты муали.

Кроме ваханцев, живущих выше Кук-Яра и Кильянга, довольно многочисленные колонии их живут в различных селениях близ Каргалыка и Яркенда, а также в самом Яркенде. Из характерных обычаев их следует отметить обычай брать только одну жену. Они женятся вторично только в случае смерти жены. Калым за жен платят небольшой: 6–7 кусков маты, одежду невесте, 7–8 баранов для угощения на свадьбе – вот и все. Все кук-ярские ваханцы зимуют близ урочища Ак-Мечет, причем на верблюдах привозят лед и пьют воду, растапливая лед в котлах. Есть между ними семьи, имеющие до 1/т. баранов, 10–20 верблюдов и столько же лошадей.

18 ИЮЛЯ 1890 Г.

Среда 18/30

Переход до урочища Дутма-Таг на берегу р. Пахпу – 15 в.

Проливной дождь преследовал нас целый переход. Карнизы, нависшие над пропастью, сделались скользкими и невообразимо трудны для перехода. Во многих местах приходилось грязь счищать лопатой и посыпать карнизы землей. Кроме того, в узких ущельях и теснинах приходилось проходить под камнями, падающими с гор, что представляло серьезную опасность, уберечься от которой нет возможности. Камни, подмытые дождевой водой, падают вниз собственной тяжестью. Один из крупных валунов упал всего в 2–3 аршинах впереди меня, забрызгав грязью и обдав снопом воды. И я и лошадь на секунду замерли от страха. Пройди я на мгновение вперед – и от меня и лошади не осталось бы и следа. Река Пахпу так сильно переполнилась водой, что перейти вброд было невыносимо и пришлось ночевать на берегу реки, не дойдя до станции.

19 ИЮЛЯ 1890 Г.

Четверг 19/31

Переход до урочища Кызыл-Куулюк – [...] верст.

Сегодня я поторопился на урочище Кызыл-Куулюк, где мною произведено было астрономическое наблюдение 16/27 Ноября, чтобы привязать этот пункт к Тахтахану. Несмотря на значительную убыль воды, брод оказался настолько глубоким, что представлял серьезные затруднения. Лошадей мы вьючили меньше чем половинным вьюком: один человек вел лошадь под уздцы, а двое поддерживали по сторонам вьюки и, тем не менее, одна лошадь упала, часть вьюка уплыла с водой, а лошадь спасли с большим трудом. Я переправился по пояс мокрый в воде.

Пасмурная погода помешала астрономическим работам. Сегодня собрались ко мне все старшины Пахпу и встретились со мною с видимою радостью.

20 ИЮЛЯ 1890 Г.

Пятница 20/1 Июля/Августа

Переход до урочища Ики-Бильду (по р. Чукши) – 23 версты.

Сегодня опять пасмурно и моросит дождик; пришлось отказаться дожидаться хорошую погоду и ехать дальше. Чтобы захватить возможно больший район, я направляюсь на р. Чукши (Шухши) и далее через два новых перевала в Тахтахон.

Долго беседуя вчера со стариками Пахпу, я узнал от них интересный способ переправы через широкие трещины в леднике. Берется кошма, конечно, длиннее, чем ширина трещины; к четырем углам крепко укрепляются веревки и веревки эти держатся четырьмя людьми; затем на кошму насыпается толстый слой снега, который, по возможности, крепче утрамбовывается ногами; сверху вновь кладется слой снега, вновь утрамбовывается ногами и т.д. пока на кошму не ляжет слой снега аршина в 2–2½. При этом кошма выгнется, образуя узенький мостик, а утрамбованный слой снега крепко вьестся в края трещины. По импровизированному мостику проводятся лошади поодиночке, причем каждый раз, как пройдут 2–3 лошади и снег на кошме ослабнет, подсыпается новый слой снега и вновь крепко утрамбовывается. Когда все пройдут – снег сбрасывается, а кошма служит для дальнейшего употребления. Кошму может успешно заменить палатка, в особенности, если палки от палатки настолько длинны, что их можно перекинуть через трещины.

Предполагая спуститься через перевал Гинду-Таш с урочища Сунгул на р. Пишнию, я для перехода через трещины успешно пользовался деревянным остовом от юрты (керага), сверху которого насыпался толстый слой снега. Остов этот легкий и удобно перевозится и переносится; при этом, конечно, люди подвязывали себе под мышки две длинные палки в горизонтальном к земле положении и, кроме того, перевязывались веревками. Нет сомнения, что по деревянному остову юрты, с толстым слоем снега сверху (хорошо утрамбованному) можно провести и лошадей, но способ проведения лошадей по кошменному мосту еще проще и удобнее, ибо деревянный остов юрты не всегда имеется под руками, а кошмы, наоборот, имеются всегда, как необходимый подстилочный материал.

Перевал Ачик Юткан – мягкий и по обе стороны порос хорошою кормовою травой. У перевала много летующих тогликов, живущих в юртах. Склоны перевала поросли особым видом колючего кустарника (тюя-куйрук или чушкун), служащего здесь топливом. Кроме того, на западных склонах перевала поросли ивы и ели. Еловые рощи довольно больших размеров, по рассказу туземцев, по рр. Булюнг и Юлунг. В долине р. Чукши (Шухши) живет около 100 семейств тогликов, одного происхождения с жителями Пахпу и не отличающиеся от них ни одеждою ни образом жизни. Глинобитные домики также разбросаны на значительном расстоянии один от другого; из посевов – засеивается преимущественно

ячмень, но главное занятие и средство к жизни населения – это овцеводство.

Река Чукши составляется из двух речек: Чунг-Устанга и Кичик-Устанга. В месте слияния имеется на скале гробница Хазрети Султана Махомед-Нура, украшенная бесчисленным множеством жердей с тряпками и хвостами яков; против гробницы мечеть и во дворике ее десятков тополей, единственных на целом верховье реки Тизнафа. При мечети живет шейх. Гробница пользуется большим почетом, и набожные мусульмане шагов за 200 слезают с лошади и проходят мимо гробницы пешком.

Погода положительно преследует меня. С полудня пошел дождь и льет без устали. Нет сомнения, реки взберут, и я буду заперт в каком-нибудь ущелье.

21 ИЮЛЯ 1890 Г.

Суббота 21 Июля/ 2 Августа

Переход до урочища Даваг-Тюбе по р. Чуп – 22 версты.

Целый день проливной дождь, промочивший насквозь. Промокшую палатку не удалось хорошо расставить и дождь протекает со всех концов: ни работать, ни обсушиться, ни согреться.

Узнав, что в течение летних месяцев сообщение по р. Чуп прекращается, я решил посетить теперь верховья этой реки с тем, что если мне удастся посетить устья, то в связи с определением мною главного истока этой реки (Кулян-Арыка), получится в общем течение этого важного притока реки Яркенд-Дарьи. В виду этого, вместо того, чтобы направиться домой, я пошел дальше на запад. Кроме того, меня не оставляет надежда, что, может быть, удастся уловить солнечный день, чтобы произвести здесь астрономическое определение места, и, таким образом, иметь пункт, к которому можно было-бы впоследствии привязаться.

В долине р. Чукши живет около 100 семейств горцев. Все жизненные интересы их сводятся к тому, чтобы как-нибудь откупиться от канджутцев. Они добросовестно сознают, что совершенно достаточно 10 человек канджутцев, чтобы все 100 семейств, со скотом и имуществом угнать в ясырь, так они напуганы непрерывными грабежами и убийствами, продолжающимися вот уже целое столетие. Самый толковый из виденных мною горцев долины Чукши – это Махомед Ша.

Сегодня мы прошли 3 высоких перевала. Слышали крики многочисленных стад уларов, но стрелять не удалось. Улары держатся далеко в стороне от дороги, между очень труднодоступными скала

В долине реки Чуп живет 40 семейств горцев, а дальше, после соединения этой реки с р. Кулян-Арык, еще 60 семейств. Эти горцы совсем не знают своего происхождения, но предполагают, что предки их пришли и поселились здесь из Кашгарии. Затем уже условия жизни, невозможность прокормиться земледелием, заставили их приняться за скотоводство, а необходимость лично присматривать за скотом и приискивать для стад возможно лучшие пастбища обратила их мало-помалу в полукочевое население. Жизненные интересы этих горцев вертятся тоже на вопросе: когда их ограбят канджутцы. Последний набег имел место всего 7 лет тому назад и горцы еще

не оправились от погрома. По-видимому, канджутцы действуют как сибариты-охотники в заповеданных рощах. Они дают несколько лет оправиться, разжиться, а потом одним набегом забирают все, что те нажили в течение этого промежутка времени.

22 ИЮЛЯ 1890 Г.

Воскресенье 22/3

Переход вверх и вниз по р. Чуп и через перевал Чуп в долину реки Булюнг до урочища Арыш – 44 версты.

Сегодня с грехом пополам произвел определение географических координат, а затем предпринял поездку вверх и вниз по р. Чуп. Река эта составляется из речек Чухшунак и Пучаклик, которые образуют реку Чуп. В 16 верстах ниже р. Чуп сливается с рекою Караз и тогда сообщение вниз по реке в течение долгих летних месяцев прекращается. Еще в 16 верстах ниже река Чуп принимает слева реку Кулян-Арык и тогда она принимает название Тир. Здесь есть поселение Тир, но жители летом на посевах оставляют несколько человек для надзора за посевами, а сами со скотом уходят к перевалу Куромат. Они могли бы пасти свой скот на верховьях реки Кулян-Арыка, но не делают этого, боясь канджутцев. Таким образом, канджутцы – это гроза всего населения на протяжении 200–300 верст в округности. Население Чупа держит баранов и кутасов на верховьях Чупа, а лошадей на верховьях Караза. Посевы и зимние стойбища их начинаются близ слияния реки Чуп с рекою Караз. Долина реки Булюнг – самая живописная из всего, что мною доселе видено в Кашгарии. Верховья реки представляют прекрасные луга, несколько ниже – склоны гор поросли густым лесом арчи (артуш) и ели (тит). В долине реки Булюнга живет до 40 семейств горцев, которые имеют громадные запашки исключительно ячменя. Воды в р. Булюнг, вообще, мало. На верховьях ее ледников нет и она питается родниками, которые во время продолжительной засухи высыхают и тогда население страдает безводьем. На низовьях реки растет тополь, туграк, ива и пр. Горцы, так же как и их соседи, платят ежегодный налог канджутцам в размер до 1/т. тенег. Зато дальше, жители долины Юлунга – уже канджутцев знать не хотят, надеясь, что, в случае набега, разбойникам придется перейти много других населенных долин, раньше, чем они доберутся до них и потому они успеют принять меры обороны.

На верховьях Чупа и Булюнга много уларов и диких коз. Кроме того, на верховьях Чупа держатся и папай. На перевалах обилие сурков, но все они дикие и, при виде людей, скрываются издали.

По-видимому, население Булюнга зажиточное; оно излишек ячменя продает жителям соседних ущелий, а для себя покупает из Каргалыка пшеницу и кукурузу.

Сегодня вечером опять начался ливень, сопровождаемый грозою. В несколько минут с каменистых гор, на склонах которых мы остановились, понеслись потоки воды, затопляя палатки и снося мелкие вещи. Неприятное положение увеличивалось темнотой, ибо неизвестно было, куда спастись от расхлывшегося ливня. Ливень продолжался около 2 часов, смыв обед, подмочив все вещи

и скромные наши припасы.

23 ИЮЛЯ 1890 Г.

Понедельник 23/4

Переход до урочища Кальта-Кия (через перевалы: Эдулюнг, Канджу, Саук и Янгар) по р. Пахну – 26 в. и вниз по р. Булюнг 6 в., а всего 32 в.

Остановился в Булюнге, предполагая и здесь иметь астрономический пункт, которому можно-было бы привязаться впоследствии, но дождь начал моросить с утра и пришлось отложить надежду увидеть солнце. Остаться на лишние двое-трое суток невозможно. Я ушел на пять дней: у лошадей, оставленных в Тахтахоне нет ячменя, у людей – продовольствия надо торопиться с возвращением.

Постоянно дурная погода расстраивает не только все планы и предположения, но и здоровье. Сегодня у меня опять начались жестокие боли в животе и приступы лихорадки. Но несколько дней подряд нет не только места, где бы можно было обсушиться, но и переменить промокшее платье, ибо все мокро.

Переход трудный по многочисленности перевалов. К западу от перевала Янгар, на верховьях пройденных ущелий прекрасные пастбища (т.е. в бассейне р. Чукши и Булюнг); к востоку от этого перевала горы резко понижаются, все выжжено солнцем и нигде нет травы. С перевала Янгар мы спускались на р. Пахпу по ущелью Сулюгар. Здесь есть посевы ячменя и при них домики, но людей нет. Зато обилие мазаров большое. На левом берегу реки Пахпу, при устье ущелья Сулюгар есть посевы ячменя и незначительное количество травы; на правом же берегу реки – голые скалы; тем не менее, опасаясь, что ночью вследствие дождей взберет вода в реке, мы переправились с вьюками на правый берег, а ночью отправили лошадей на корм. Дорога, по которой мы теперь возвращаемся, значительно короче пройденной раньше. Но перевалы через хребты, разделяющие одну реку от другой, почти такой же высоты, вследствие чего они очень круты. Так большинство перевалов высится на 1 тысячу метров выше русла реки, а между тем, расстояние от них до русла реки всего 5–6 верст. Несмотря на громадное расстояние, пройденное мною теперь по горам, я дичи не встретил. Уларов и кекликов много, есть даже дикие козы, а папаев горцы называют куку-ман (странное сходство с монгольским куку-яман, которые несомненно составляют одну породу), но все это держится далеко от дороги, в труднодоступных горах. Впрочем, папай (куку-маны) держатся на верховьях р. Чуп и в бассейн р. Тизнафа не переходят, вероятно, вследствие сравнительно густого населения.

24 ИЮЛЯ 1890 Г.

Вторник 24/5

Переход до урочища Ак-Казны-аузы (на берегу реки Халястан) – 11 верст.

Ночью пошел в горах ливень и к утру вода в р. Пахпу поднялась больше чем на 1½ аршина. К счастью, вьюки наши были на этой стороне и, переправив с большою опасностью лошадей, мы пошли дальше в надежде, что к нашему приходу сбудет вода в р. Тизнафе (Халястане) и что мы в состоянии будем добраться до дому, т.е. до расположения экспедиции в Тахтахоне. На протяжении между р. Пахпу и Халястан, через хребет, отделяющий обе реки, пролегает перевал Сакрыгу, с вершины которого хорошо виден перевал Ак-Каз, через хребет отделяющий реку Халястан от верховьев Кук-Яра, и перевалы Кутлюк и Янгар, в хребте, отделяющем р. Пахпу от реки Чукши.

Надеждам нашим, однако, не суждено было оправдаться: вода в р. Халястан, хотя и, судя по береговой линии, значительно сбыла, но все-таки держалась на таком уровне, что рискнуть переправить вьюки я не решался. В ожидании, что вода к вечеру сбудет, мы расположились на берегу реки, но вода до 6 часов вечера сбывала очень медленно, а с 6 ч. неожиданно начала опять прибывать. Пришлось заночевать на берегу при самой неблагоприятной обстановке: для лошадей нет буквально ни соломинки, у нас тоже продовольствия не было бы, если бы вслед за нами не подошел гурт баранов, гонимых на Каргалыкский базар. Вспомнив, что киргизы во время джута (весенней бескормицы) сохраняют скот от голодной смерти, кормя их ветвями тополя, ивы и др. деревьев, я приказал нарубить кучу ветвей. Лошади сначала жадно кинулись на молодые побеги ивы, но потом есть перестали. Если придется просидеть долго на берегу реки это единственное средство спасти лошадей от смерти.

25 ИЮЛЯ 1890 г.

Среда 25/6

Стоим на месте.

СВчера с вечера пошел страшный ливень, продолжавшийся всю ночь и поднявший воду в реке до небывалых, невероятных размеров. Палатка моя стояла аршина на три выше уровня воды и ночью пришлось перебираться с вещами выше, из опасения не быть снесенным водою. От рева воды невозможно переговорить. Целую ночь река ворочала громадные валуны, а гром обваливающихся берегов напоминал залп из батареи. Ночь мы провели под страшным ливнем на ногах и, не зная, где искать в темноте спасения, плотно держались горы, взбираясь все выше и выше. Перед светом буря затихла, прояснилось и только тогда мы рассмотрели, как широко разлилась река и какие произвела по берегу разрушения. Необыкновенную прибыль воды в реке от дождей следует объяснить тем, что горы р. Халястан (Кюйды) в большинстве скалисты, и что, следовательно, вся масса атмосферной влаги, выпадающая на протяжении бассейна реки, возвращается в реку, почти не просачиваясь в почву. К 3 ч. дня вода спала больше, чем на половину, но все-таки не дошла даже до вчерашнего уровня. Таким образом, надежды выбраться отсюда пока нет. Трудно описать это томительное чувство, с ко-

торым мы каждые полчаса занимались ерением реки. Для определения убыли воды, убывающей так медленно, что на глаз и определить трудно, мы забивали колышки, и по ним судили об убыли; все это, однако, мало горю помогло.

26 ИЮЛЯ 1890 Г.

Четверг 26/7

Сегодня третий день Халястанского сидения. Погода пасмурная, горы затаило со всех сторон тучами, вода не сбывает и надежды выбраться отсюда никакой. Выждав терпеливо до полудня, я убедился, что вода не сбует. В течение вчерашнего и сегодняшней я мы провели рекогносцировку реки и убедились, что пешком, с большою опасностью пробираясь по скалам, можно пройти версты на две вверх по реке. Там ущелье расширяется, по берегу реки виднелись древесные заросли и среди них трава; река текла 4 рукавами, на противоположном берегу виднелись посеы, а в зарослях паслась пара верблюдов. Мы не знали, можно ли дальше куда-либо выбраться, но надо было добыть травы для лошадей и я решил сделать перекочевку. Пригласив на помощь семь человек пастухов, застрявших вместе с нами с бараньим гуртом, мы двинулись вперед. Дорога оказалась плохая, но для пешеходов доступная; только в 3-х местах тропа прерывалась отвесными скалами, на которые пастухи взбирались как обезьяны на дерево, но я подымался с большим трудом при помощи арканов. Я поражаюсь в сотый раз за это путешествие спосо стью лошадей проходить по карнизам, где и опытному путнику пройти, только помогая себе руками. Наконец, скала заставила лошадей спустить вниз с карниза. Мы выбрали самое широкое место и выгнали лошадей в воду. В момент их подхватило быстрым течением и понесло вниз. Семь лошадей благополучно пристало к противоположному берегу, но восьмая, видимо, потерялась. Она вместо того, чтобы перерезать реку, стала бороться с течением: повернулась лицом к течению, стараясь вверх плыть. Ее быстро снесло вниз, на минуту мы ее потеряли из виду среди пены и брызг водопада, а затем вода с размаху ударила ее об выступ скалы. Лошадь перевернулась на бок и мгновенно скрылась из глаз в нах реки. Суеверные туземцы вздохнули с облегчением. По их понятиям грозная река получила жертву и теперь всем нам предстоит счастливо переправиться. Вскоре в зарослях мы поймали двух громадных верблюдов и направились искать броду в том месте, где река течет 4 рукавами. Брод был найден, хотя и очень глубокий: вода доходила до половины брюха верблюда, что при быстроте течения и очень каменистому руслу очень опасно. Мы переправлялись поодиночке, навьючивая на верблюда немного вещей, наверх которых садились. Я не знаю ничего неприятнее переправы через воду на верблюде. Верблюд весь качается, ноги ставит неуверенно и как-то ложится набок, в сторону течения, что производит самое невозможное впечатление на нервы. Я переправлялся не раз вплавь. В 1886 году переправлялся через р. Нарын, придерживаясь за узел с вещами, привязанный к хвосту пары лошадей, причем Нарын в месте переправы имеет 100–120 сажень, а нас снесло на 1½ –

2 версты, но кажется, все это ничто в сравнении с переправой через очень быструю реку на верблюде. Я предпочитаю сразу быть сброшенным в пропасть, чем если бы меня кто-нибудь раскачивал на веревке над пропастью.

Тем не менее, переправа закончилась благополучно и к вечеру мы все очутились на правом берегу реки. Здесь в глубине ущелья мы нашли горца, присматривающего за посевом, который объяснил нам, что до устья Ак-Корумского ущелья еще два раза надо переправиться через реку, а что есть перевал, доступный только для пешеходов, по которому можно перевалить в долину Кук-Яра. Так как вода в реке опять прибыла, то я решил оставить часть вьюков, облегчить до минимума лошадей и завтра попытаться перевалить в ущелье р. Кук-Яра.

Сегодня до урочища Тотлик мы прошли 2 версты.

27 ИЮЛЯ 1890 г.

Пятница 27/8

Переход до уроч. Тахтагон – 23 в.

Пробираясь домой и не имея возможности пройти ни вверх ни вниз по реке на более доступные перевалы (А р и Ак-Корум), мы направились через трудный перевал Даван-Басар, который, хотя мягкий, но чрезвычайно, невероятной крутизны. К расположению экспедиции мы подошли после полудня, застав дома всех в добром здравии. Здесь же был джигит с письмами и газетами.

30 ИЮЛЯ 1890 г.

Понедельник 30/11

Стоим в Тахтагоне в ожидании солнечного дня, чтобы закончить астрономический рейс, но солнце кажется совершенно пропало. Дождь, дождь и еще раз дождь. Трава вся съедена. Лошади жестоко похудели, а выбраться отсюда нет никакой надежды. Дождливая погода держится уже больше 20 дней, и конца ей не предвидится.

2 АВГУСТА 1890 г.

Четверг 2/14 Августа

Дождь лил все эти дни непрерывно. Сегодня получил ясную погоду и кое-как произвел определение времени и, наконец, завтра можем идти дальше. Дождь задержал нас на 6 дней.

3 августа 1890 г.

Пятница 3/15 Августа

Переход до сел. Кук-Яра – 44 в.

Вчера около 9 ч. в. начался ливень с грозой, продолжавшийся не больше часу. Вначале 11-го ночью внимание мое привлечено было необыкновенным шумом, постепенно приближающимся и заглушавшим даже шум ливня и непрерывные раскаты грома. Предполагая, что это подходит сильная гроза с градом, я вышел из палатки, чтобы принять меры против крупного града (прикрыть палатки войлоками), но оказалось, что шум и рев быстро приближались по соседнему ущелью. Я догадался, что это идет сила и вместе с людьми бросился выгонять лошадей, из коих некоторые паслись у берега речки. Почти в это же время вода валом вышиной 3 аршин вырвалась из ущелья и с неописанною быстротой хлынула по речке. Вода вырывала берег громадными кусками и ворочала целые скалы весом десятки пудов. Буквально земля дрожала от действия воды и мы думали, что это землетрясение. Вал водяной сносил все на своем пути: дома, юрты горцев, лошадей, верблюдов и сотни коз и баранов. Бедствие длилось не более ¼ часа и в 10 ч. 30 м. вода вернулась в берега речки, а к утру пришла в нормальное состояние и мы могли двинуться в с. Кук-Яр. Описать бедствие нет никакой возможности. Это было что-то стихийное, неподдающееся описанию. Люди, перескочившие через речку, уже не в состоянии были переправиться обратно и остались под дождем до утра в нескольких десятках шагов от лагеря и без платья.

По дороге в Кук-Яр мы на протяжении 40 в. видели следы ночного бедствия в виде валяющихся повсюду мертвых баранов др. скота, а также кошом, обломков юрт, посуды и т.д. Судя по следам, оставленным водою, водяной вал прошел через Кук-Яр высотой до 2¼ аршина. Селение это расположено на высоком берегу и не особенно пострадало.

4 августа 1890 г.

Суббота 4/16 Августа

Переход до сел. Услюш по р. Тизнаф – 19 в.

Дорога пересекает высокий горный отрог, отделяющий долину Кук-Яра от долины р. Тизнафа. Высота отрога до 1/т. метров. Отрог совершенно безжизненный.

Река Тизнаф течет по ущелью, шириною около 1½ в., ограниченному высокими на 300 ф. отвесными стенами конгломерата. Река прибывает то к правому, то к левому берегу, образуя обширные отмели, на которых раскинулись селения: Шихпу на левом берегу и Услюш – на правом берегу реки. Селение Шихпу считает до 150 дв., а Услюш – 50 дв. Селения эти населены тогиками и входят в состав 2 горных бекств Каргалыкского района. Народ замечательно некрасивый и бестолковый.

В селении все виды фруктов: ябл груши, абрикосы, персики и грецкий орех. Виноград есть, но в незначительном количестве. Здесь поспевают дыни и всякие огородные овощи. Во время нашего посещения кукуруза покрывала всадника с лошастью. Не сеют здесь только рису. Население, кроме земледелия, занимается овцеводством. В нынешнем году река Тизнаф страшно разлилась от продолжительных дождей и причинила населению много всякой беды. Между прочим, половина реки пробилась себе новое русло, снося дома, сады и великолепно возделанные поля.

Населением управляет Карим Бек (сюда входят: Усос, Гусос, Азган Саль и др. ущ.).

5 августа 1890 г.

Воскресенье 5/17

Переход вверх по селению Услюш – 3 в.

С утра мы собрались дальше на левый берег реки Тизнаф, чтобы закончить обследование этого бассейна, но, к удивлению нашему, вода в реке сильно прибывала, и брода не было. Вероятно, в горах выпал ночью дождь. Пришлось расположиться лагерем у брода, а когда вода спадет – предвидеть трудно, так как погода опять пасмурная и барометр па г.

6 августа 1890 г.

Понедельник 6/18 Августа

Переход до пос. Дунгзоля – 5 в.

Сегодня с утра отправился на поиски брода через Тизнаф. Брод у сел. Усмош оказался настолько глубоким, что лошади переходили его вплавь и рискнуть идти с вьюками было немислимо. Разосланные вверх и вниз по течению люди вернулись только после полудня и доложили, что брод довольно сносный имеется выше селения Услюш, против поселка Дунгзоля, куда мы и перешли под проливным дождем, а поздно вечером переправились на левый берег реки. Брод оказался все-таки доходящим до седла. Поселок Дунгзоля кокетливо скрылся за выступом берега. Здесь живет всего 8 семейств, но дома их обсажены фруктовыми деревьями и весь поселок представляется каким-то уютным, укромным уголком, где жизнь должна идти совершенно с льною колею, не смешиваясь с общею жизнью страны.

Тоглики, населяющие селения Шихпу, Усмош, Дунгзоля и др. местности левого берега реки Тизнаф, по характеру и неразвитости составляют резкий контраст с горцами Пахпу и Кюйды. Это народ поразительно дикий, скрытный и неприветливый. Добыть самое необходимое для экспедиции можно было только угрозами и самыми суровыми мерами, несмотря на то, что за все мы пла-

тили щедро, считая и перевозку от Каргалыка, хотя селения эти имеют все нужные продукты на месте. Что бы вам ни понадобилось, первый ответ всегда был: «нет» и доставлялось все с большим нежеланием. Каждый из жителей норовил скрыться, убежать в горы, или забиться где-либо в угол дома. Все приходилось добывать положительно с бою. Население не понимало самого обыденного вопроса, не умело рассказать дорогу на протяжении 10–15 в. в сторону, а подчас и не знало, что находится на этом расстоянии. Так как не было ни малейшего основания отнестись к нам враждебно, то я не допускаю мысли, чтоб население прикидывалось или умышленно скрывало. Объясняю же это врожденною дикостью и неприветливостью. Самый тип жителей казался мне более некрасивым, чем у остальных горцев.

7 августа 1890 г.

Вторник 7/19

Переход до урочища Куль по ущелью Кургак – 42 в. Берега р. Тизнафа также украшаются отдельными домиками с небольшим садиком и запашками, выстроенными на каждой отмели.

Население живет отдельно и рекою отделяется на самые долгие промежутки времени, лишаясь сообщества соседей.

Ущелье Кургак (сухое) – совершенно безжизненно и лишено воды. Только самое верховье его поросло еловым лесом, а склоны покрыты травой. На верховьях имеется небольшой родник воды, у которого зимует и летует несколько семейств горцев. Это люди бедные и также неприветливы, как и их сородичи в с. Услюш. Немедленно по приезде нашем кто успел, тот бежал в горы, а оставшиеся не только отказались продать баранов, отговариваясь неимением, но не захотели дать дров, чтобы согреть чайники, хотя лесу у них изобилие. Посланные люди нашли в боковом ущелье стадо баранов в несколько сот голов. И здесь, как в Услюше, все пришлось брать с бою.

В горах слышали протяжный свист уларов и крики рябчиков. Я отправился на охоту, но ничего не убил и видел только одну лисицу.

8 августа 1890 г.

Среда 8/20 Августа

Переход до урочища Тмат по р. Азгансаль – 16 в. Ночью температура неожиданно понизилась до $+1\frac{1}{2}^{\circ}\text{C}$, хотя мы не выше урочища Тахтахона, а вчера вечером имели $+21^{\circ}\text{C}$. С утра я пытался было произвести астрономическое определение, но к полудню небо совершенно покрылось тучами и пришлось дело бросить.

Перевал Куль, отделяющий лагерь наш от ущелья реки Азгансаль, оказался маленьким холмиком, но характер местности по ту сторону перевала оказался совершенно другим. Река Азгансаль течет по ущелью, окруженному скалистыми

горами, с весьма жалкими признаками растительности. Истоками этой реки следует считать рр. Чарулюнг, Урта-Кыр и Хан-Яйляк.

Мы ночевали на летних стойбищах горцев, крайне неприветливых.

9 августа 1890 г.

Четверг 9/21

Переход до сел. Тир по р. Чуп – 36 в.

Сегодня нам пришлось перевалить через пер. Куромат. Перевал этот помимо высоты и сопряженной с нею отдышки, доступен только для яков и пешеходов. Лошадей можно провести только с большим трудом и налегке. Оба склона перевала покрыты громадными валунами и каменной осыпью. Спуск еще круче подъема и по движущейся осыпи, где каждый неосторожный шаг сбрасывает целые лавины камней. Я взобрался на перевал после 6-часового самого утомительного подъема. Трудно описать те страдания, которые приходится испытывать непривычному путнику. Ноги трясутся, ломит во всех членах, а отдышка заставляет ложиться на землю каждые 10–20 шагов. Чтоб спастись от головной боли и рвоты – хорошо что-либо иметь во рту: конфету, сухой абрикос, изюмину и т. п. Туземцы сосут соленый сухой творог. Спускаться хуже, чем подниматься. На перевале много уларов, но поохотиться не удалось, так как путь предстоял длинный.

Спуск чрезвычайно крутой по каменистому ущелью, где нет места поставить ноги не на камень. Кажется, что спускается где-то к центру земли. Горы – голые отвесные скалы без малейших признаков древесной или травянистой растительности. До реки Чуп мы достигли только поздно вечером, пробыв в пути 16 часов.

Селение Тир расположено на левом берегу реки Чуп, брод через которую в это время года невозможен. Ввиду этого мы остановились на ночлег на левом берегу реки, где всего живет два семейства. Дома горцев состоят из одной комнаты, где помещается вся семья, а также мелкий и большой скот (телята, козы, бараны и т.д.) в одной комнате местится 10–15 чел., начиная от дряхлых стариков до грудных детей. Тут же размещаются кто как может и случайные проезжие и гости. Над очагом небольшое отверстие в крыше для выхода дыма, но при ветре или ненастье, т.е. именно тогда, когда нужно укрыться, дым не выходит и наполняет собою всю комнату. Кругом – нечистота ужасная. Люди испражняются тут же, у стены дома, вследствие чего вблизи дома воздух совершенно отравлен. А между тем, издали мазанки горцев, скрытые в густой зелени фруктовых деревьев, выглядят очень приветливо.

В селении Тир засевают: пшеницу, ячмень, просо и горох, а из фруктовых деревьев растут: яблоки, груши, абрикосы, персики и орехи (грецкие). Земли немного, а условия жизни на берегу реки, где целые месяцы нет брода, среди высоких труднодоступных гор, приучили горцев довольствоваться исключительно местными произведениями, не прибегая ни к чему покупному. Недостаток пастбищ не позволяет горцам держать достаточное количество скота. Мясо, как лакомство, доставляется охотой. Вообще же население питается похлебкой из муки, изредка

скрашенной молоком или маслом. Ох промышляет из 40 дворов 15. Ружья имеются почти во всяком доме, но тщательно прячутся не только от канджутцев, но и от китайских ставленников. Характер горцев вообще тихий; в селении Тир, кажется, более мужественным. По крайней мере, они не платят дани канджутцам и, выведенные из терпения поборами китайского сборщика бадж (пошлина со скота), губили его и отняли деньги. Теперь год, как китайцы не являются сюда и не только не принимают мер к наказанию виновных, но и не собирают никакой дани. Чтобы облегчить по возможности вьюки, я по ту сторону перевала оставил свою палатку, предполагая переночевать в доме. Вонь и грязь, несмотря на проливной дождь, выгнали меня на открытый воздух. Так всю ночь я и промаялся под дождем на дворе.

10 августа 1890 г.

Пятница 10/22

Стоянка в Тире.

Погода пасмурная и не удастся произвести астрономического определения места, а пункт этот весьма важен, ибо близость реки Яркенд-Дарьи дала бы возможность определить и положение этой реки. Я отправился пешком вниз по р. Чуп до р. Раскем-Дарьи, которая находится всего в 3½ в. от селения. Река течет в узком ущелье среди отвесных скал и в это время года брода не дает. Кое-как по окрестным скалам я пробрался до места против устья р. Буромсаль, впадающей слева. При устье реки этой расположено селение Буромсаль – 50 дв. Деревья видны, а пробраться невозможно. Устье реки Буромсаль в 1½ в. ниже устья р. Чуп. На верховьях Буромсаля через перевал Кара-Бадрак ведет дорога в ущелье Пчан-Ярта, которое я посетил в прошлом году.

Пиль с нефритовыми копиями тоже близко, несколько вверх по реке, выше впадения реки Чуп.

Вернувшись к лагерю, я застал несколько старшин из селения Тир, которые, узнав о моем приезде, пришли повидаться. Они отсоветовали мне возвращаться через перевал Куромат, а предложили идти через перевал Сандаль, более доступный. Завтра утром попытаюсь произвести астрономические работы, а затем в путь.

11 августа 1890 г.

Суббота 11/23 Августа

Переход до пос. Суткаш – 8 верст.

Опять пасмурная погода помешала астрономическим работам. Переход вверх по р. Чуп в это время года поистине головоломный. Высокая вода не позволяет идти по руслу реки и приходится лепиться по карнизам, чтобы избежать глубоких бродов, так как и неглубокие доходят до седла.

Селение Тир тонет в садах, но очень крошечное. Из посевов я не отметил:

просо и бобы. Ночуем в поселке Суткаш, живописно расположенном у впадения речки Сандаль в р. Чуп. Здесь действительно прекрасные груши и живописная гробница Хазрети Бурха. Поселок состоит из 3-х дворов шейхов при гробнице. Жители селения Тир сегодня вновь рассказывали мне о своем поступке с баджиром, причем на замечание мое, что рано или поздно им придется понести наказание – ответили мне характерно разговоркой: то таяк кутарунча – ормон олейлик, т.е. пока палку подымет – вздохнем, или отдохнем. Они носят лапти, на голове меховые шапки и халаты в большинстве шерстяные или из кошмы. На многих нет рубашки, а исподние штаны изорваны в клочья, что они объясняли не столько бедностью, сколько отсутствием торговцев, которые приезжают сюда только раз в год, осенью.

12 августа 1890 г.

Воскресенье 12/24 Августа

Переход до урочища Музлюк по р. Хан-Яйляк (Азгансаль) – 32 в.

Сегодняшний переход через Раскемский хребет (через перевал Сандаль) совершился значительно благополучнее, чем через перевал Куромат. Перевал Сандаль, хотя тоже трудный, но все-таки на хорошем яке можно переехать не слезая, хотя, признаюсь, надо иметь крепкие нервы.

Ущелье р. Сандаль, хотя узкое, но посевы ячменя занимают все площадки, как-бы они крошечны ни были, почти до подножья перевала. По руслу реки густые древесные поросли: горного тополя, ивы, а ниже тамариск, жимолость, шиповник и колючка. На перевале Сандаль много уларов, попадают и дикие козы, а также папай (кукмак).

Горцы реки Чуп не только более живы по характеру, но занимаются и охотой. Ружья имеются почти в каждом доме, но тщательно скрываются от администрации, так как китайцы воспрещают иметь оружие, а администрация пользуется этим, чтобы сорвать что-либо в свою пользу.

Живость характера проявляется и в речи, которая не только быстрее, но и определеннее. Так, например, горец, говоря о скверной дороге, где можно сорваться со скалы, и пояснит падение жестом и голосом, прибавив «ттрах-туррух», или, говоря о яках, что он идет медленно, но ступает основательно, прибавит непременно: «лям, лям» и т.д.

Интересна легенда, объясняющая название сел. Тир. По преданию, это не Тир, а Тур (назв. горы, на которую восходил будто бы Моисей, так же как и на гору Синай). Согласно легенде, у подошвы горы Тур жил благочестивый старик. Хазрети Бурх, который не знал истинного Бога, но всю жизнь проводил в благочестивых подвигах. Вот Господь приказал Моисею отправиться на гору Тур и просветить Бурха. Когда Моисей подошел к подошве горы, то увидел Хазрети Бурха усердно кладущего земные поклоны. Моисей крикнул Бурху: «Бурх! Бурх! Прозри, уверуй в истинного Бога». На что Хазрети Бурх ответил: «Вернись Моисей к своему делу, я уже прозрел». Моисей спросил: «Откуда ты знаешь мое имя?» на что Бурх ответил: «Тот, Кто послал тебя ко мне, сообщил и мне, что ты идешь».

После этого Бурх научился молиться истинному Богу. Гробница Хазрети Бурха находится близ пос. Суткаш, а на месте подножья горы раскинулось сел. Тур, в последствие переименованное в Тир.

13 августа 1890 г.

Понедельник 13/25 Авг.

Переход до урочища Куль – 25 в.

Выпавший на днях снег покрыл глубоким слоем не только перевал, но и склоны гор на значительном расстоянии. Сегодня солнечный день; вода значительно прибывала от тающего в горах снега и броды даже в такой крошечной речке как Азгансаль сделались труднопроходимыми.

В расположение экспедиции прибыл рано и застал дома все благополучно.

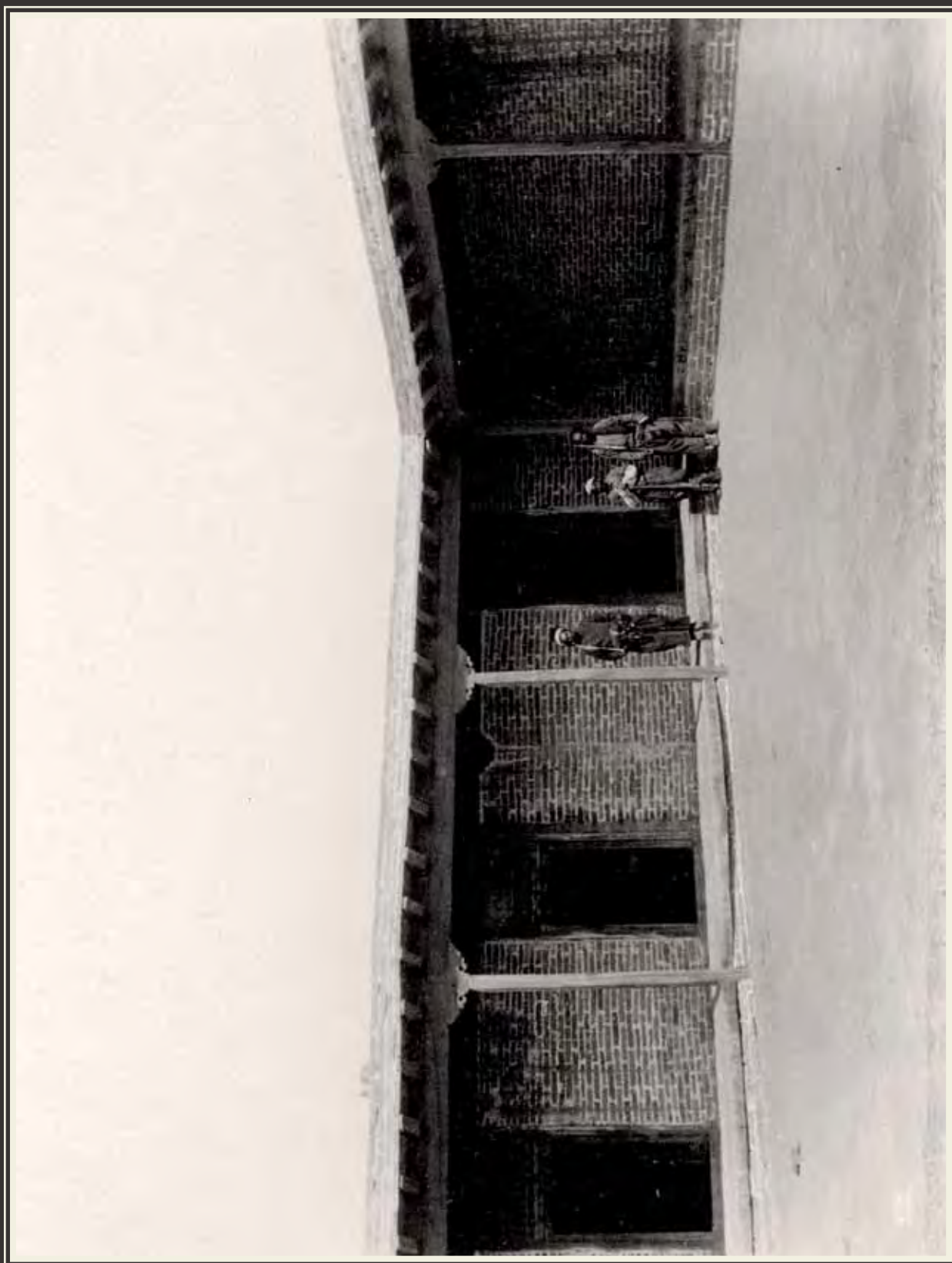
14 августа 1890 г.

Вторник 14/26

Переход через долины рр. Гусоса и Усоса в долину р. Юлунг и обратно в долину р. Усоса на уроч. Очма – 62 в.

Сегодня хотел было произвести астрономическое определение, но погода была пасмурная с утра и я уехал. Затем погода прояснилась.

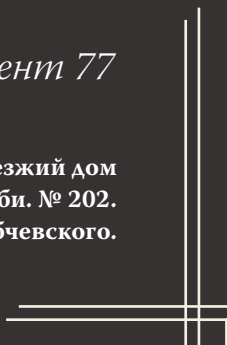
Посещенные мною долины рр. Усоса и Гусоса и Юлунга, левых притоков Ти-знафа, заканчивают работы по исследованию бассейна этой реки. Самая обширная – долина р. Гусоса, где живет до 80 семейств горцев; затем долина р. Юлунга с 40 семействами и р. Усоса с 30 семействами. Население всех этих долин занимается преимущественно овцеводством, хотя земледелие тоже составляет значительное подспорье в местном хозяйстве. На лето все перекочевывают со скотом выше в горы, а для наблюдения за посевами остается незначительное число людей. Возделываются преимущественно ячмень и пшеница; редко просо, бобы и горох, а из огородных овощей только репа и то в самом незначительном количестве. Домики горцев разбросаны отдельно и часто на значительном расстоянии друг от друга. Домики крошечные, преимущественно из одной комнаты, часто без дверей, с очагом посередине комнаты и отверстием в крыше для пропуска дыма. Грязь и бедность ужасные. Единственно, что скрашивает – это абрикосовые сады, разведенные около каждого домика. Других плодовых деревьев я не видел. Вершины гор ближе к основному (Яркендскому хребту) покрыты травой, но травы едва хватает для прокормления больших стад баранов и отчасти яков. Лошадей и рогатой скотины мало. Из домашней птицы держат только кур, которые во время продолжительного в летнее время отсутствия хозяев, оставаясь при доме, полудичают. Питаются горцы летом почти исключительно молоком (катыком) в большинстве без хлеба; зимою – болтушкой из ячменной или пшеничной муки,

Фотодокументи 77

Фотодокумент 77

Заезжий дом
в пустыне Гоби. № 202.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокументи 78

Фотодокумент 78

Наш лагерь у Тахтагона. № 205.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Урочище Тахтагон самое неудобное не только для продолжительной стоянки, но и для временной остановки. Здесь нет ни воды ни подножного корму и поистине удивляться приходится, как экспедиция полковника Певцова могла выбрать столь неудобное место для продолжительной стоянки. Достаточно сказать, что воду для питья приходится привозить за целых 8 верст.

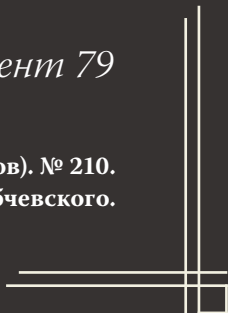
*Дневник экспедиции
14 июля 1890 г.*

Фотодокументи 79

Фотодокумент 79

Типы горцев (тогликов). № 210.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокумент 80

Фотодокумент 80

Типы горцев (тогликов). № 212.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

скрашивая это незавидное кушанье незначительным количеством масла или сухого творогу, разведенного в горячей воде. Масло и творог тщательно собираются за лето. Для сохранения масла от порчи его складывают в сырые бараньи желудки и закапывают в землю, часто подбавляя какую-то пахучую траву, окрашивающую масло в красноватый цвет. Одежда горцев та же, что и в других местностях: на ногах лапти из невыделанной бараньей или другой кожи, вместо портянок высокие чулки из войлока, на голове меховая шапка, на теле матовая рубашка и штаны, сверху матовый халат, а чаще халат, сшитый из войлока. Тип некрасивый: особенно некрасивы и невероятно грязны женщины. Дети в большинстве без обуви и белья, а на голое тело имеют надетые шерстяные или кошомные халаты, подпоясанные веревочкою. Женщины, не соблюдая сами никакой чистоты, не наблюдают и за детьми, которые невероятно грязны. Отсюда масса кожных болезней, а паразитами кишит не только платье вообще у всех, взрослых и детей, но и подстилочные кошмы. Одежд, подушек и пр. самых необходимых предметов, без которых не обходится ни одно самое бедное семейство в долине – горцы не употребляют. Войлок под себя, войлок сверху, старое платье под голову – вот все, что нужно даже зажиточному горцу. Вся домашняя утварь состоит из чугунного котла, одного, много двух медных кувшинов и деревянной посуды. Единственная роскошь – это фитильные ружья. Горцы – мусульмане-сунниты, ревностно придерживаются обрядовой стороны религии, не понимая и не вникая в смысл. Грамотных очень мало, почти нет. Мечетей тоже почти нет. Женятся рано, разводятся редко и еще реже имеют сразу больше одной жены, что следует приписать исключительно бедности. Нравы между собою – далеко небезупречные, но кажется, значительно лучше, чем в горных больших селениях и вообще в долине. Население поголовно жалуется на непосильные налоги и, еще более, на поборы местной администрации, баджиров и проч. Ущелья посещенных рек – бедные растительностью. Горы пониже – совершенно лишены растительности: все выжжено солнцем. Дальше трава хотя и есть, но немного, да и трава не ковыль, непитательная. По склонам очень высоких гор, в местностях труднодоступных уцелели еще лесные заросли ели и арчи. В лесу изредка попадает: ива, береза, рябина, кусты смородины (черной) и пр. Все это, впрочем, жалкое воспоминание о лесе.

Бассейн реки Тизнафа в географическом отношении очень интересен. Такого сплетения чрезвычайно высоких горных хребтов, таких извилистых и глубоких горных долин – мне не приходилось видеть. Особенно интересен вид с перевала Улуг-Арт, у подножья которого сходятся ущелья всех истоков р. Тизнафа. Здесь же заброшенные нефритовые копи. Позднее время дня и необходимость возвращаться в лагерь не позволили мне посетить копи, но образец камня я все-таки добыл. Таким образом, в Кашгарии неизвестных нефритовых залежей не осталось.

К лагерю я вернулся очень поздно.

15 августа 1890 г.

Среда 15/27

Переход вниз по рр. Усос и Гус до урочища Куль – 55 в.

Нынешнее лето – особенно дождливое. Повсеместно стоят неубранные хлеба, во многих местах готовы уже [...], а просушить их и заняться молотьбой – не дает погода. Население несет уже теперь громадные убытки, а если погода не исправится, то голод здесь неминуем, ибо бедствие повсеместное и страдает от него как население в горах, так и в долине. Обилие дождей сделало повсеместно небывалое наводнение. Горные речки вышли из берегов, срывая целые поля с посевами и абрикосовыми садами, снося дома и пр. Русла загромождены громадными валунами и массой валежного лесу с гор. Все это переплетено и образовало целые баррикады и плотины, по которым сообщаться крайне трудно.

В лагере нашли все благополучным.

17 августа 1890 г.

Пятница 17/29

Стоянка на ур. Куль.

Вчера пытался произвести астрономические наблюдения, но безуспешно. Погода пасмурная, а ночью пошел проливной дождь, не прекращающийся и целый день сегодня, вследствие чего пришлось отложить и отъезд дальше в долину р. Азгансая. Это тем более обидно, что вчера было последнее в этом месяце покрытие звезды луною и что за все время с ранней весны мне не удалось наблюдать ни одного покрытия.

Вечером приехал почтовый джигит. Привез газеты, но писем из России и Туркестана нет. Из новостей: Консул вернулся в Кашгар и перестраивает Консульство; Я.Я. Лютш уехал встречать князя Гр. Сер. Голицына¹³³; каргалькский амбань получает другое назначение; в Шахидулла-Ходжу приехал какой-то лорд, в сопровождении большой свиты и пр. .

18 августа 1890 г.

Суббота 18/30

Переход до сел. Тор-Аузы – 28 в.

Сегодня мы спустились вниз по р. Азгансаль. Мы прошли селение Азгансаль – 50 дв. Селение это расположено сравнительно довольно высоко и возделывает только ячмень, просо и яровую пшеницу. При домах, впрочем, имеются абрикосовые деревья. Домики горцев, как и везде, раскинуты отдельно один от другого.

Селение Тор-Аузы значительно ниже. Здесь уже растут персики и кукуруза, возделываются и дыни. Везде здесь возделывается громадное количество льна. К сожалению, население не знает употребления волокон и пользуется только се-

¹³³ Григорий Сергеевич Голицын (1838–1907) – в описанный период был членом 1 Департамента Сената, а затем главно-командующим армией на Кавказе.

менем, из которого выделяется масло. Употребление льняного масла в пищу чрезвычайно распространено в этой части Кашгарии. Это почти невероятный, но верный факт, что фунт льняного масла стоит дороже фунта бараньего сала. Население уверяет, что баранье сало вредит здоровью (от сала будто бы ноги пухнут). Конечно, это вздор и употребление льняного масла столь распространено только потому, что оно спорее (экономнее). Не менее странно, что мука из кукурузы стоит дороже пшеничной. Население находит муку из кукурузы питательнее. Льняное волокно употребляется только как топливо.

По мере того, что мы приближаемся к городу – видна и некоторая культура: мужчины носят белье и вместо лаптей – чарики; женщины, по крайней мере, имеют подобие человека. В садиках везде цветы, вместе с морковью, репою и др. овощами.

19 августа 1890 г.

Воскресенье 19/31 Авг.

Переход до сел. Дамсий – 32 в., (по р. Уч-Бильду) и дальше до поселка Пападжан и обратно в лагерь, а всего 48 в.

Сегодня мы пересекли горный хребет, отделяющий Азгансаль от Уч-Бильду. Ширина хребта 30 верст. Дорога невозможно скучная и утомительная, ибо пролегает по местности безводной.

Селение Дамсий лежит довольно низко (?), возделывает виноград, персики, абрикосы, дыни и арбузы. На полях – кукуруза, озимая пшеница, масса льну, ячмень и клевер. В огородах: морковь, репа и лук. В речке Уч-Бильды воды несравненно меньше, чем в р. Азгансаль, а между тем при устье ее – огромное селение Кушараб в 400 дв. В этой местности два селения с похожими названиями: селение Кусораб, расположенное на левом берегу реки Яркенд-Дарьи при устье р. Чарлюнг, и Кушараб – раскинуто по обоим берегам реки и считается в общем до 900 дв.

На верховьях одного из притоков р. Уч-Бильду – р. Булюнг – живет 9 чел. китайцев, присматривающих за рубкой леса для Яркендского ямыня. Рабочих 350 чел. работает уже 3 месяца, а несчастное население не только даром выставляет рабочих и должно кормить их, но перевозит лес до Яркенда и вдобавок содержит китайских надсмотрщиков. Натуральная повинность отрывает земледельцев от земли в самое нужное, дорогое время, а поля стоят необработанными и вся земля устлана зерном. Если к этому добавить отвратительную погоду нынешнего года, сгноившую $\frac{3}{4}$ посевов, то картина жизни населения получится ужасная.

20 августа 1890 г.

Понедельник 20/1

Переход до укрепления Игиз-Арык-Курган – 32 в.
Дорога идет все время по р. Уч-Бильду, ущелье которой то расширяется

несколько, давая место посевам, то переходит в теснину с отвесными скалами.

По р. раскинуто живописное селение Уч-Бильду – 50 дв., где произрастает еще кукуруза и всякие фрукты. Ночлег у полуразрушившейся крепостцы Игиз-Арык-Курган; построенной еще Шигауль-Датхою при Якуб-Беке. У крепостцы – посевы ячменя. Растет ива и тополь. Тут же многочисленные летние стойбища горцев. В укреплении живет караульщик с семьей. На обязанности его оберегать дорогу и пересылать почту, но китайцы содержания не платят. Жить ему нечем и раз он сбежал, но был пойман и наказан 700 ударов палки. Характерный образец китайского управления.

Погода пасмурная, моросит дождь. Холодно.

По ущелью на юге от укрепления стности Сары-Тах, в 8 в. от укрепления медная руда с очень малым процентом меди. Китайцы разрабатывали в прошлом году, но бросили. Даже при даровом труде не окупается работа.

21 августа 1890 г.

Вторник 21/2

Переход через перевал Арпа-Таля в ущелье Курук-Лянгара, обратно до укрепления Игиз-Арыка и через перевал Тахт на урочище Тахт, всего 58 в.

Я направился в бассейн р. Яркенд-Дарьи, чтобы определить положение ущелья Тунг. Перевалив этот перевал и дойдя до ущелья Сугетлик, я встретил торговцев, которые возвращались обратно, не достигнув ущелья Тунг, так как Раскем-Дарья еще вброд не проходима. Кроме того, погода была самая отвратительная. Целую ночь шел проливной дождь, не перестававший и с утра. В горах выпал снег, сделав слякоть невообразимую. Естественно, от дождей вода в реке прибыла и я, потеряв надежду перебраться на ту сторону р. Яркенд-Дарьи, решил вернуться обратно и идти домой.

Это непонятный год в смысле погоды. В прошлом году Доверн и англичане в это время года благополучно перешли через реку, а в нынешнем вода и не думает падать. На перевале Арпас-Таля лежит бокий снег.

Желая по возможности скорей вернуться к экспедиции, я в укреплении не остановился, а пошел к перевалу Тахт, предполагая ночевать на противоположном его склоне. По расспросным сведениям, до перевала должно было быть близко. Занятый съемкой, я въюки отправил вперед, приказав заночевать на урочище Тахт. Удивлению моему не было границ, когда за первым перевалом оказался второй, затем третий и четвертый; все эти перевалы не очень многим выше один другого, но подъем по проливному дождю был невероятно труден. Лошади скользили, падали и каждый шаг по скользкому, нависшему над пропастью карнизу грозил смертью. Последние 7 в. от перевала Кук-Буйнак (в особенности, 4 версты до перевала Тахт) дорога пролегает по узкому гребню, с которого открывался великолепный вид на расстилающиеся у ног ущелья Эгрим и Кызыл-Ку. Тучи закрывали дно ущелья и увеличивали красоту картины, делая ущелья бездонными.

На перевале Тахт стемнело. Перевал этот порос травой и тропинку в темноте мы потеряли. Между тем, дождь перешел в жестокий снежный буран и ночью на перевале в 14/т. футов без теплого платья, и притом промокнув предварительно до нитки, грозил серьезными последствиями. Зная, что по близости должны быть пастухи, я начал кричать, и услышав отдаленный собачий лай, мы осторожно начали спускаться вниз. Передать перенесенное – нет возможности. Каждый шаг нам грозила опасность сорваться в пропасть. Мы скользили, падали, повисая на поводу лошади, укрепляли свои ноги на прочном месте и спускали лошадей. Так шаг за шагом мы спускались осторожно и после 3-х часов хода достигли дна ущелья. Здесь движение пошло быстрее. Вскоре мы увидели огонек. Оказалось, что люди мои, встревоженные продолжительным моим отсутствием, пошли с фонарем разыскивать меня. К лагерю я вернулся только в 12 ч. ночи изнеможенным от усталости. Близ нашего лагеря летует около 30 кибиток киргиз рода Кара-Садак, перешедших сюда из Паср-Раваты. Я так давно не видел киргиз, что искренно им обрадовался и на чистом киргизском наречии наговорился досыта. Киргизы оказались услужливее и, несомненно, приятнее, развитее горцев, симпатию к которым я давно потерял.

Закончив дневник, я вышел из палатки и глубоко поражен был величественною картиною местности, освещенной продирающейся сквозь черные тучи луною. Такой картины я, кажется, в жизни не видел.

22 августа 1890 г.

Среда 22/3

Переход до сел. Тор-Аузы – 32 версты. Сегодня с утра прекрасная погода, длившаяся до полудня. Вечером дождь. Урочище Тахт (трон) и днем ничего не потеряло на своей дикой прелести. Местность эта около 13/т. ф. и густо поросла еловым лесом. Вид на далекий Каргалык, Яркенд, реку Яркенд-Дарью, блестящую далеко в тумане – поистине волшебный.

Ниже урочища Тахт живет 10 семейств ваханцев. Они живут совершенно обособленно и ничего не потеряли на своей типичности. Ваханцы горько жаловались на непосильные налоги. Особенно донимает их «мин-пай»; налог в пользу «буса-джу», который, мало того, что берет по 3 теньги и не раз в три года, а ежегодно, но и еще со всякого мужчины, не исключая мелких детей.

По р. Шаушир (Шухши) раскинута целое селение из 20 отдельных ферм. Здесь приятно меня поразило, что женщины вместе с мужчинами принимают участие в полевых работах. Так и запахло родиною.

В лагере застал все благополучно, только два казака больны лихорадкой.

23 августа 1890 г.

Четверг 23/4

Переход до сел. Чимду при впадении р. Азгансаль в р. Яркенд-Дарью – 37 верст.

Сегодня целых 20 верст мы шли вниз по течению реки Азгансаль – сплошными селениями. Река и здесь произвела массу опустошений: сорвала целые поля с домами, уничтожила сады и причинила массу убытков.

Селения выглядят весело вследствие массы садов и зелени. При каждом домике садик с массою цветов. По-видимому, здесь такая же любовь к цветам, как в Полу и в Керийском округе к музыке. В одном из попутных селений местный имам (священник) на самой дороге приготовил для нас угощение. Проехать мимо было неудобно; пришлось принять хлеб-соль и отдарить хозяина халатом. После чаю Имам-ахун подошел ко мне и заявил, что в Кашгаре китайцами конфискован у него хороший дом и он просит моего содействия для возвращения дома. Я объяснил ему, что русский Консул заботится только об русских подданных и, вероятно, не захочет вмешиваться во внутренние дела китайского управления. При этом мне сделалось крайне неприятно, что, зная азиатов, я мог быть заранее уверенным, что угощение на дороге сделано им не без задней мысли и что, приняв угощение, я поставил себя в неприятное положение выслушивать просьбы, удовлетворение коих не от меня зависело. Впоследствии, уже в дороге, мирза мой сообщил, что Имам-ахун оказался далеко дальновиднее, чем я предполагал. Он просил мирзу доложить мне, что он прекрасно понимает, что я гость теперь и помочь ему не могу. Но постоянные разъезды русских по Кашгарии и громадные расходы, сопряженные с поездками, привели население к убеждению, что русские зря денег тратить не станут и что последствием этих разъездов будет занятие страны. Так он теперь заявляет о своей претензии, на случай, если край будет занят.

Ниже селения Иныш река Азгансаль на протяжении 14 верст течет в узкой теснине, а дорога идет по правому высокому берегу реки. Меня сопровождал местный Бек, бывший переводчик, а затем и письмоводитель каргалыкского амбана. Человек он разговорчивый, ярый приверженец китайского режима и, по-видимому, хорошо знаком с положением дела. Записываю его рассказ – как противовес жалоб туземцев.

Обложение земли китайцами очень незначительное и, конечно, менее чем у вас в Туркестане, где, насколько мне известно, за норму обложения в казну принята 1/10 дохода. Здесь лучшие земли обложены с одного «му» (2 чарика посева, т.е. зерна) всего 6 джинами т.е. ½ чайреком; земли второго разряда – 3 джинами и земли 3-го разряда – 1½ джинами зерна. Таким образом, если взять самый неудачный год для земель 1-го разряда и считать, что хлеба уродится только сам 6 (случай действительно редкий для земель искусственно орошаемых), то и тогда население уплатит в казну только 1/24 урожая, обыкновенно же оно платит 1/100. Затем у вас принято подати принимать только деньгами и население вынуждено часто за бесценок продавать свои сборы, чтобы сдать подати в срок. У нас и это облегчено, ибо каждый 3-й год вся подать принимается натурою (зерном), которое и хранится в магазинах, а два года население платит деньгами. Конечно,

езде могут быть злоупотребления и у больше чем, может быть, у вас, но система обложения тут ровно ни при чем. Это коренное обложение. Доходы с земли тщательно вычислены, им ведутся записи и они на отчете. Каргалыкский амбань (уезд 3-ей степени). Первой степени – округ (джу). 2 степени – тин (в Марал-баши и Янги-Гиссаре) и третьей степени – шань (в Керии, Каргалыке и Кашгаре) получает всего с доходов 4 ямбы в месяц (около 4500 серебряных рублей), да городничий «бу-са-джу» – 1 ямбу, а остальные деньги полностью отсылаются в Кашгар. Из получаемого содержания он обязан содержать все управление, а при нем писцов, переводчиков, приближенных, личной службы и т.д. 34 человека и, в том числе, 26 китайцев. Это кроме беков, юзбашей и др. чиновников туземной администрации. Естественно, денег этих хватить не может, и нужда заставляет выискивать другие доходы. Вот в пользу амбаня идет бадж, налог с мельниц, налог с баранов, деньги за наем пастбищ, за наем земель, не вошедших в надел селений (курук) и т.д. Все это дает еще 15–20 ямб в месяц, т.е. В общей сложности около 3000 кр. руб.. В пользу «бу-са-джу», как-бы подъемные на дорогу – идет еще раз в три года «мин-пай» по 1 тенге с каждого дома.

Неудовлетворительность местного управления зависит, главным образом, от того, что все высшие служащие, кончая начальниками уездов 3-й степени и городничими, покупают свои должности на три года у Губернатора Новой линии (шунфу). Там ежегодно поступает масса заявлений с точным определением, сколько за каждую должность предлагается и при освобождении места получает такое более предложивший. При этом, однако, обращается внимание на чин и предыдущую службу просителя, так что хотя назначения и идут не по достоинству, но все-таки и не резко бросаются в глаза. Деньги от продажи должностей составляют доход главного управления Новой линии, которое само населением не ведает. Каргалыкский округ обыкновенно оплачивается 70–80 ямбами т.е. 8–9/т. кр. руб. При Лю-джо-ша в Урумчи существуют банкиры, которые прямо снабжают просителей нужною суммою под хорошие проценты, а затем уже получают назначение на должность. Население жалуется на налог с баранов, но упускает из виду, что при мусульманском правительстве оно платило зякот (1/40 стоимости скота). Теперь население платит 12 пульей с барана. Приняв среднюю стоимость барана в 10 тенег, получим ту же 1/40 часть. Деньги за наем пастбищ не превышает закета с лошадей и др. скота. Единственно, что я признаю тяжелым для населения – это бадж. Этот вид сбора введен взамен закета с товаров, причем размер его сразу был выше назначен чем закеты, а именно 1/10 ч. стоимости товаров. Кроме того, сбор баджа представляет много удобств для злоупотреблений, взыскивается особенно беспощадно и ненавистен населению потому, что он взыскивается даже за шкурки сдохших животных. Население не хочет в этом видеть, что правительство смотрит на шкурку, как на товар или свидетельство, что овца была продана; что правительству нет возможности разобраться, шкура ли это с дохлого барана, или же баран был продан на базаре, а владелец сдохшей скотины, понесши потерю, не может примириться с мыслью, что при этом ему приходится еще заплатить пошлину. Единственным средством для избежания недоразумений было бы, если бы население отучилось снимать шкуры с дохлых животных. Наконец, заявление Ваше о вреде для населения, что вся туземная

администрация не получает содержания питается на счет населения, не может служить к обвинению китайского режима. Такой-же порядок существовал здесь при мусульманах, и население сжилося с ним от веков.

В заключение не лишним считаю добавить, что, несмотря на существование откупов, положение всех должностных китайцев крайне непрочно. Достаточно малейшей жалобы, чтобы чиновник потерял место. Это последнее обстоятельство заставляет всех быть очень на стороже.

24 авгу 1890 г.

Пятница 24/5

Переход до сел. Кошараб при впадении р. Уч-Бильду в р. Яркенд-Дарью и обратно – 34 в.

Сегодня пытался произвести астрономическое определение, но погода опять после полудня изменилась, пошел дождь и пришлось бросить.

Вчера целую ночь лил ливень и вода в реке значительно прибыла. Бродов нет.

По берегу реки раскинуты громадные селения по 400–1000 дв., которые общаются между собою при помощи двух «душегубок» скованных вместе. Это придает душегубкам несравненно больше устойчивости и на них свободно садится 5–6 человек. Будь здесь больше душегубок и имей я возможность сковать их 4–5 штук, я решился бы переправить экспедицию на этом импровизированном плоту, на двух душегубках, при необыкновенно быстром течении и частых порогах – опасно. Катастрофа в экспедиции М.В. Певцова, где одного человека похитила река, – стоит живо в памяти.

Пешеходы свободно переправляются через реку при помощи козлиного меха, подвязанного туго к животу. Мех этот носит здесь название не турсук, а «тулум». Мех набивается здесь вещами и чем туже, тем лучше. (Так же как на верховьях р. Нарына). Небезынтересен практикуемый здесь способ переправы следующий. Берется обыкновенная лежалка (широкая скамейка, так наз. Чарпоя), спускается на воду ногами вверх; к ногам привязываются 4 турсука, набитых вещами; пространство между ногами туго набивается соломой; что бы солому не вымыло водою, она снаружи по ногам обвертывается матой. Такой импровизированный плот привязывается к хвосту лошади, которою управляет опытный пловец. Плот такой свободно подымает 4 человек и п. грузу.

Пешеходов, не умеющих плавать, поддерживает пловец за пояс.

В надежде отыскать брод у селения Кошараб я отправился в это селение, но безуспешно.

Селения эти богаты фруктами: здесь растут дыни, виноград, арбузы и проч.

Женщины высоки, крепкого телосложения и красивы. Все носят непомерно длинные косы из чужих волос, которые привозят торговцы из Вахана и Шугнана

и дорого ценятся.

Из вчерашнего рассказа бека забыл записать, что, по словам его, китайцы за «кашар» платят по ½ теньги, что при общей дешевизне труда в Кашгарии – немало.

Я столько раз отмечал злоупотребления китайцев, что возвращаться к этому не буду. Скажу только, что пользы населению, если бы из казны отпускалось не по ½ теньги, а хотя бы по 10, если деньги эти не достаются рабочим, а расползаются по чужим карманам? С 2-х часов пополудни опять пошел проливной дождь, не прекращавшийся до 11 ч. вечера.

25 августа 1890 г.

Суббота 25/6

Переход до сел. Ак-Таш – 29 в.

Сегодня мы вышли в долину, окончательно распростившись с горами. На ночлеге, несмотря на 1200 метров высоты, возделывается рис и хлопок, фрукты: виноград, персики, дыни и арбузы поспели. Словом, благодать. Население встречает приветливо, охотно исполняя все приказания и доставляя нужное. Не бежит и не прячется, как это подчас бывало в горах. Повсюду видна городская культура. Обилие цветов – поразительное.

26 августа 1890 г.

Воскресенье 26/7

Переход до сел. Пускам – 12 в.

Дорога пролегает по местности культурной, где нет клочка необработанного. Сегодняшний небольшой переход не обошелся без весьма неприятного происшествия. Один из казаков повел вьючную лошадь по мостику для пешеходов и лошадь оборвалась с вьюком в глубокий оросительный канал. Пока развязали вьюки, да вытащили их из воды – в сундуки попала масса воды и попортила все вещи. Погибли: весь запас пороху, все бумаги, письма и документы, патроны для охотничьего ружья, спички, сахар и пр. вещи. Вытащив сундуки и вскрыв их, мы тут же на берегу занялись просушкой их, что и задержало нас настолько, что мы только вечером пришли в селение. Кое-что удалось спасти, но документы сильно подмочены, а порох, спички, сахар, бисквиты и пр. пришлось выбросить. Все это мелочи, но очень неприятные, ибо необходимы, а купить их негде.

В сел. Пускам – новая неожиданность. Вчера я написал яркендскому амбаню о своем въезде в город и вместе отправил письмо к нашему торговцу Мирза-Джану, прося его приискать для экспедиции помещение вне города. Амбань не только не сделал никакого распоряжения о размещении экспедиции, но вызвал

рано утром всю туземную администрацию в Яркенд, а письмо мое приказал не передавать Мирза-Джану. Это не обещает ничего хорошего в Яркенде. Я ночью нанял нового посланца и отправил в Яркенд с письмом к агенту.

27 августа 1890 г.

Понедельник 27/8

Переход до города Яркенда – 24 в.
Ночью приехал посланец от его агента с сообщением, что для нас приготовлен амбанем сад за городом «Чины-бак». Целую ночь лил проливной дождь, обратив дорогу в сплошную лужу. Дорога пролегает все время по полосе культурной.

Подъезжая к городу, экспедиция встречена была всеми русскими торговцами, которые и проводили меня в отведенное нам помещение. Чины-бак – это вилла бывшего правителя Хотана Нияз Хаким Бека. Помещение громадное и для лета действительно прекрасное, с обширными конюшнями, садом и массой надворных построек. Все это окружено высоким забором. После смерти Нияз Хаким Бека помещение пришло в значительный упадок и, видимо, не ремонтируется. От Мирза-Джан-Ходжи я узнал, что в Яркенде уже целую неделю живет английская миссия. Начальником миссии мой знакомый по Раскем-Дарье – Капитан Янхузбенд.

Вскоре после моего приезда явился, посланец, от капит. Янхузбенда с любезным письмом, в котором он поздравляет меня с приездом и радуется возможности возобновить знакомство. Я сделал визит. Экспедиция снаряжена поистине великолепно и очень богата. Кроме начальника, Капитана Янхузбенда, в состав экспедиции входят: М. Buch¹³⁴, М. Lennard¹³⁵ и М. Macartney¹³⁶ (в качестве переводчика китайского, манджурского и французского языка), китаец-секретарь, доктор-индеец, три пундита и много прислуги, все в самых разнообразных костюмах. Мы встретились сердечно. Капит. Янхузбенд через 6 дней направляется на Памиры, где пробудет два месяца, а на зиму приедет в Кашгар. Два товарища его направляются через Марал-баши в Юлдуз, где предполагают охотиться.

Я с особенным удовольствием выпил бокал шампанского. Это первый стакан вина почти за два года.

Капитан Янхузбенд отдал мне визит немедленно, и мы весело провели время до позднего вечера. Он очень интересовался Памирами и несколько сконфузился, когда я ему сказал, что в телеграмме сев. агентства¹³⁷ было, что он выехал из Симлы в Яркенд с секретным поручением.

Надо будет разузнать в канцелярии амбаня, в чем заключается эта миссия.

¹³⁴ М. Бич – британский офицер в звании капитана. В *Дневнике* ошибка, должно быть: М. Beech.

¹³⁵ М. Леннард – британский офицер в звании лейтенанта.

¹³⁶ Джордж Макартни (1867–1945) – сын британского дипломата. После прибытия в Кашгар он оставался там в течение следующих 28 лет, выступая в качестве британского генерального консула.

¹³⁷ Громбчевский вероятно, имел в виду Агентство Северо-Запад (North-West Frontier States Agency), одно из агентств Британской Индии.

28 августа 1890 г.

Вторник 28/9

Стоянка в Яркенде.

Сегодня прекрасная погода, и я поспешил произвести астрономическое определение. От амбана явился да-ло клевером, ячменем и пр. У меня подарочных вещей не было и я дал ему 60 тенег. Да-лое делал вид, что отказывается, но принял деньги с большою радостью. Сегодня у Янхузбенда завтракал амбань. По-видимому, дружба между англичанами и китайцами большая. Наши торговцы живут теперь в Яркенде спокойно и никаких притеснений не терпят. Единственно, что властями преследуется – это женитьба на туземках, но и это кажется обходится туземцами удачно. Перед вечером приезжал Янхузбенд и пригласил обедать. Обед был торжественный с массою блюд, шампанским и прислугою разодетою в национальные и очень живописные костюмы. В разговоре я несколько раз возвращался к поездке Янхузбенда на Памиры, но он отвечал очень осторожно, выставляя целью поездки пограничные столкновения афганцев с китайцами.

29 августа 1890 г.

Среда 29/10

Стоянка в Яркенде. Погода пасмурная, накрапывает дождик. Сегодня мы обменялись визитами с амбанем. Это человек недалекий, но добрый. Он очень подробно расспрашивал меня о том, до какого места следует считать владения китайскими и я поспешил уверить его, что афганцы никогда, с самых давних

Парадные ворота в ямынь начальника района в Яркенде.

времен не владели Памирами, а англи¹е или кашмирцы Шахидулла Ходжею, а потому все эти земли, несомненно, собственность китайцев. Все это я подтвердил картами. Амбань горько жаловался, что англичане не дают ему покоя. Видимо, я попал на большое место, но амбань не проговорился о цели приезда Янхузбенда. Перед отъездом амбань просил меня снять копию с нашей карты Памиров. Я отказался снять копию лично, не желая дать повод думать Янхузбенду, что я вмешаюсь в политику, но предложил ему прислать правителя канцелярии, которому обещал помочь снять карту. Перед вечером явился ко мне правитель канцелярии; я заставил его начертить в общих чертах Памиры, указал течение рек, перевалы и пр. Все это китаец украсил своими надписями, причем я твердо вбил ему в голову, что все земли по правую сторону р. Пянджа – неотъемлемая собственность Китая. Закончив работу, я угостил китайца на славу, а затем подарил ему массу письменных принадлежностей, портфель, дорожный письменный прибор и все то, что не составляло для меня настоящей необходимости. Чернильная крыса растаяла от радости и в разговоре сообщила: что цель миссии Янхузбенда – разграничение Памиров. Сведение это очень важно: Памиры составляли всегда собственность Кокана, и занятие их афганцами может² безно нарушить интересы России.

30 августа 1890 г.

Четверг 30/11

Стоянка в Яркенде.

Сегодня по случаю Тезоименитства Государя Императора члены экспедиции собрались на общий молебен, после чего для людей был устроен завтрак.

По случаю праздника наш торговый Аксакал Мирза-Джан-Ходжи пригласил меня и англичан на завтрак, а затем всех отозвал к обеду. На завтрак к Мирза-Джану мы отправились торжественно вместе с англичанами, с громадною смешанною свитою, где папахи казаков эффектно смешивались с цветными чалмами кашмирцев и белоснежными индийцев. Завтрак, а затем обед прошли очень оживленно. Янхузбенд сообщил мне, что он перешел на службу в мин. ин. дел, получает 12000 рублей и что ему предлагали место политического агента в Гилгите.

31 августа 1890 г.

31/12 Августа. Пятница

Переход до сел. Альвакчи – 9 в.

ПСборы из города всегда трудны, а меня, кроме того, задержали церемонии прощания с англичанами и китайцами. Я утром захватил с собою аппарат и снял фотографию с английской миссии и амбулатории. Я изменил направление пути и пойду не прямо в Кашгар, а по предгорьям. Янхузбенд очень интересовался дорогою, а так как мы оба плохи во французском, то я попросил карту. Второ-

пях Янхузбенд подал мне подробную у Памира и Индии, где в общих чертах красными чернилами намечена граница между Афганистаном и Китаем по хребту, вдоль р. Ак-Су. Таким образом, проект разграничения подтверждается.

Переход сегодня леший; день жаркий, а вечер холодный. Амбань прислал открытый лист для следования по Сарыколу. Мы сегодня проехали мимо мазара, где похоронен убитый китайцами посол кокандского Хана Малля Хана со свитой из 30 человек. Вместе погребены и кости, извлеченные из уничтоженного китайцами кладбища в Янги-Шааре. На месте кладбища построен ямынь нового амбана. Войск в Яркенде мало. Всего одна лянза.

1 сентября 1890 г.

1/13 Сентября. Суббота

Переход до сел. Якка-Арык – 22 в.

Переход все время по культурной полосе, через селения: Попал, Ходжа-Арык и Караул-Джаш. В сел. Якка-Арык – китайский караульный пост из туземцев, следящий за дорогою через горы Кызыл-Таг. По дороге встретили мельничные камни, развозимые для продажи по селениям. Камни эти добываются близ Иниз-Яра, в горах выше Янги-Гиссара и продаются по 12–14 р. за штуку. Развозятся остроумно: на толстую палку вдеются два камня, что составляет как-бы передок от повозки, а затем впряжена одна лошадь.

Погода прекрасная, но с закатом солнца быстро наступает холодное время. Ночью температура понизилась до +3°С.

2 сентября 1890 г.

Воскресенье 2/14

Переход до урочища Ялгуз-Туграк – 36 верст.

Весь переход по местности совершенно безжизненной. Ущелье Шайтан-Гум (дьявол потерялся) очень характерно: бока состоят из разноцветного, размытого дождями песчаника самой причудливой формы. Вода в конце ущелья доходит только во время сильных дождей и солоновата на вкус. По дну ущелья, по мере подъема кверху, появляется растительность: кусты, колючки, Ephedra и пр.

Встретили пару антилоп. У китайского поста Яка-Арык-Караул – на краю горного кряжа выстроены две башни, с которых открывается вид на десятки верст впереди. Башни эти выстроены были прежними китайцами для наблюдения за дорогою, так как все горы и киргизы, живущие в горах, принадлежали Кокандским Ханам и делали частые набеги в долину.

По дороге встретил киргиз из Памира Дангнын-Баш, которые рассказывали мне, что все киргизы откочевали к укреплению Таш-Кургану. Кашгарский Дао-тай

выдал Куч Махometу Беку 2 ямбы, 17 ружей, порох, дробь и проч., а также послал начальника пограничной линии Джан-Дарина для осмотра караулов и воздействия на канджутцев, чтобы те возвратили ограбленное имущество. Джан-Дарин явился в Таш-Курган, но дальше не поехал и объявил, что он не в силах воздействовать на канджутцев, обещал продать Канджут англичанам или русским, а пока советовал киргизам жить настороже и держать ухо востро. Это очень характерно!.. Погода ясная, но холодно.

3 сентября 1890 г.

Понедельник 3/15

Переход до урочища Арпалик – 32 версты.

Сегодняшний переход вверх по ущелью Шайтан-Гум, которое на протяжении нескольких верст суживается теснины. На урочище Танги обвалом засыпано ущелье и речка стремится водопадом, а дорога очень трудна.

Начиная с урочища Арпалик, ущелье расширяется, а по обеим сторонам появляются посевы ячменя. Место высотой около 3/4 метров, и ячмень далеко не всегда созревает, в особенности, при ранних морозах, как, например, в нынешнем году. На урочище Арпалик длиной около 15 верст зимует до 50 кибиток киргиз рода Киик-Найман. Столько же зимует между перевалами Кызыл-Даван и Кара-Даван, а также по р. Каюс, приток р. Чарлюнга. Всего в этой местности около 100 кибиток киргиз рода Киик-Найман, под начальством Кут Махомед Бека, на обязанности которого лежит и содержание караула под перевалом Кара-Таш. Летние стойбища этих киргиз на высотах Урман-Туз, находящихся на верховьях р. Арпалик в углу, образуемом рр. Кинг-Кол и Чарлюнг.

Здесь киргизы – часть рода Найманов, живущих в западной части долины Большого Алая. Стойбища здешних киргиз крайне бедны: нет всего, что необходимо для жизни номада, и поистине приходится удивляться, как они устраивают свою жизнь. Я посетил зимние стойбища Киик-Найманов в самое благоприятное время, когда они только что спустились с гор, и все посеы ячменя пропали от мороза, а травы и следов нет. Как скот пробивается зимою – понять трудно. Затем речка Арпалик через месяц иссякнет. Воду при добывать из снега, а топливо привозят из-за двух дней дороги. По рассказу киргиз, лет 20 тому назад местность эта изобиловала травой, но за последние годы количество выпадающих атмосферных осадков из году в год уменьшается, вследствие чего травы все меньше, а киргизы беднеют. Если они до сих пор не бросили насиженных мест, то только в силу привычки.

Киргизы с признательностью вспоминают то время, когда они входили в состав Кокандского ханства. Я встретился с киргизами с большим удовольствием. Их белые, просторные юрты составляют резкую противоположность с юртами тогликов. Женщины – высокие, стройные, в ярких халатах и высоких, белых чалмах – тоже разнятся, как день от ночи, от женщин тогликов: грязных, ободран-

ных, изможденных, полуголодных.

4 сентября 1890 г.

Вторник 4/16 Сентября

Сегодня ночью мороз дошел до -7°C .

Погода прекрасная и я остановился для астрономических наблюдений.

Близ перевала Гендж-Арт – медные копи. Китайцы разрабатывали их в прошлом году, но за малую прибыль даже при даровом труде – бросили. Там же, по ту сторону перевала – богатые свинцовые копи. Года два тому назад копиями заведовали сами китайцы, и весь добытый свинец шел на пополнение магазинов и запасов казны. Теперь копи китайцами брошены, и добыча свинца производится свободно местным населением. Чайрек свинца около 18 ф. продается за 12 тен., т.е. около 1 р. 60 коп. (кредитных). Выплавкой свинца преимущественно занимаются жители сел. Кушараб.

Киргизы не платят китайцам решительно ничего. Все, что им дается, это одного джигита на полном содержании и обязанность содержать караулы. В пользу беков своих киргизы дают 1/20 ч. урожая и 1/100 часть скота в год. Среди киргиз нет ни ханту, ни продажи летних стойб. Если же киргизы пригоняют свой скот на базары, то платят баджа 6%. Полное облегчение киргиз и отказ взимать что-либо в свою пользу – обуславливается политикою замирения. Китайцам в прежнее время пришлось вынести немало смут, поднятых киргизами и теперь они задабривают. Кроме того, киргизы по настоящее время не разграничены. Всегда они принадлежали Коканду и в интересах китайцев привлечь их в свою пользу.

5 сентября 1890 г.

Среда 5/17

Переход до урочища Кумаш аузы – 16 верст.

Переход довольно трудный вследствие того, что дорога испорчена глубокими промоинами.

В горах водятся улары, кеклики и зайцы. Коз нет.

По ущелью Хан-Кул и дальше (Томь, Сарай) кочуют киргизы Мирза-Найман в количестве около 100 кибиток. Вос, на восточных склонах Кашгарского хребта, кроме упомянутых выше Киик-Найманов и Мирза-Найманов кочуют следующие киргизские рода: на верховьях р. Кинг-Куль (Чичиклик, Ямбулак) – Кипчаки в количестве до 100 кибиток; в низовьях р. Кинг-Куль-Кара-Садаки – 100 кибиток; по р. Кара-Таш около 100 кибиток Кара-Теитов и Яман-Теитов.

На сегодняшнем ночлеге ячмень поспел и началась жатва. Поросли ползучей арчи мы встретили на северных склонах перевала Хан-Куль.

6 сентября 1890 г.

Четверг 6/18

Переход до зимовок Чимган – 22 версты.

Переход вниз по ущелью Чимган, почти все время по каменистому руслу. По ущелью посева ячменя и пшеницы. В горах много куропаток.

В зимовках Чимган – абрикосовые деревья и посева кукурузы. Здесь 10 дворов зимних стойбищ киргиз рода Мирза-Найман. День очень жаркий. Теперь я перерезал все горы Кызыл-таг (красные горы). Они дают три небольших ручейка на протяжении между р. Яркенд-Дарьею и р. Кинг-Кол: р. Чимган, орошающую селение Кызыл, р. Томь, орошающую селение Чамалюнг и, отчасти, Кызыл и, наконец, р. Сарай, вода которой теряется в степи и только при сильном дожде доходит до селения Кош-Гумбез.

Из дорог через горы Кызыл-Таг, существуют следующие. Из Яркенда на урочище Арпалик, откуда через пер. Гендж-Арт в сел. Кошараб и через перевалы Кызыл-Даван, Кара-Даван и Секреги Киик на верховья р. Каюс и дальше в долину реки Чарлюнг.

Затем, кроме пройденной нами дороги вниз по течению р. Чимган в сел. Кош-Гумбез, имеются еще две дороги ущелье реки Кинг-Кол. Первая – через летовки Уртанг-Туз и перевал Гурумбы выходит в ущелье р. Кинг-Кола на урочище Ак-Там несколько выше впадения р. Чумбус, а вторая через перевалы Куль, Томь, Сарай и Кукаранг, пересекая верховья речек: Чимган, Томь и Сарай, выходит в самом конце ущелья Кинг-Кол, несколько выше караула Игиз-Яр, известного среди киргиз под названием Урюк-Караул. В горах Кызыл-таг кочует около 100 кибиток киргиз рода Киик-Найман и столько же киргиз рода Мирза-Найман. Оба рода управляются отдельными беками. Первый – Кут Махомед Бек, второй – Карим Бек.

7 сентября 1890 г.

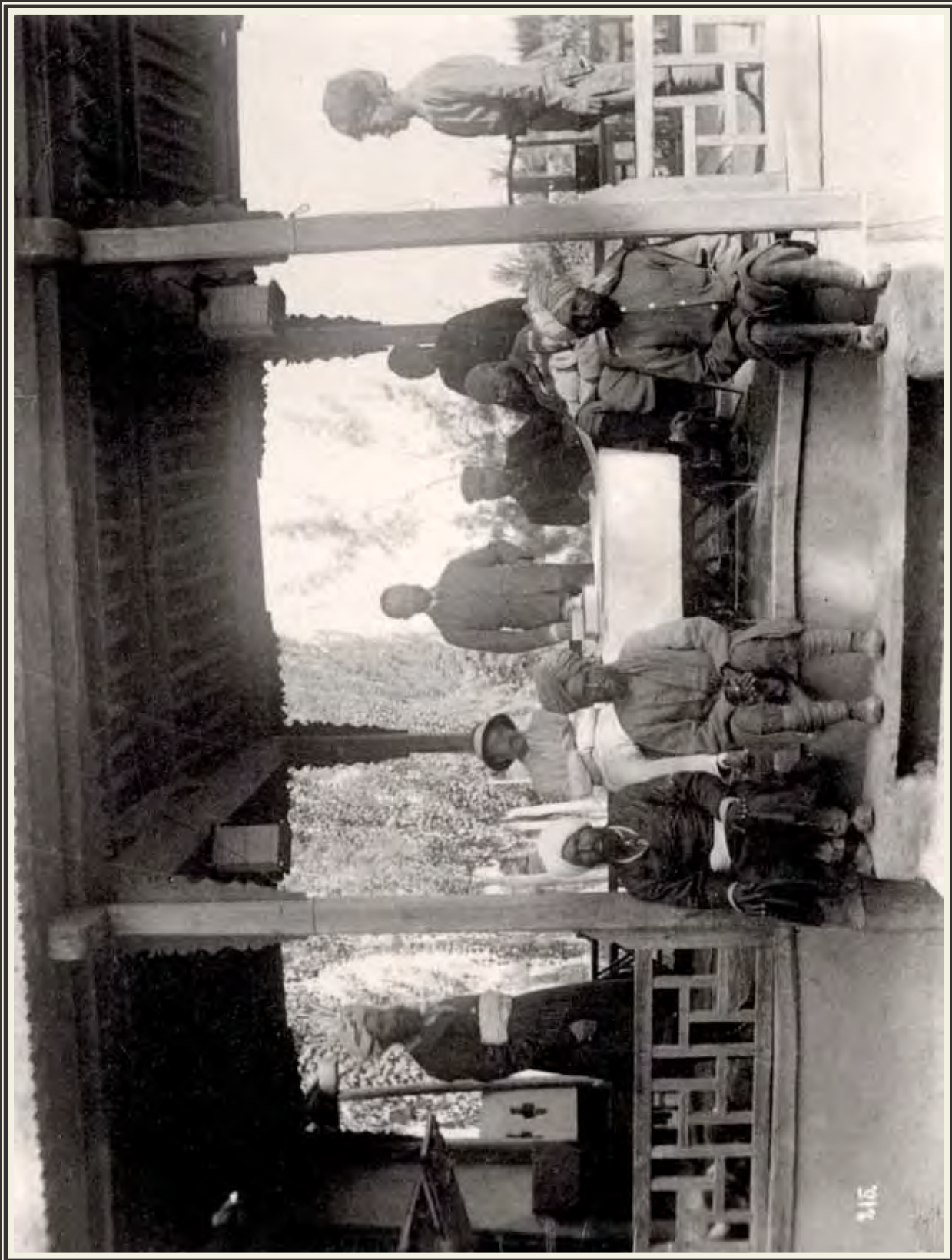
Пятница 7/19

Переход до сел. Кош-Гумбез – 25 в.

Сегодня я направился было вдоль предгорья прямо в Игиз-Яр, но в дороге получил письмо, что секретарь нашего Консульства Яков Яковлевич Лютш выехал мне на встречу вместе с сыном Консула. Ввиду этого я направился в Кош-Гумбез, предполагая встретиться сегодня. Оказалось, однако, что они не дошли до Кош-Гумбеза и заночевали в дороге.

Сегодня мы перерезали систему оросительных каналов из реки Кинг-Кола. Оказывается, что воду из р. Кинг-Кола уже получают селения Чамалюнг, Томь, Кудук и т.д.

От китайского укрепления Терек-Караул видны все селения, как на ладони. За ними горы Кайрак.

Фотодокументи 81

Фотодокумент 81

**Английская экспедиция
в гор.[оде] Яркенд. № 215.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

Вскоре после моего приезда явился, посланец, от капит. Янхузбенда с любезным письмом, в котором он поздравляет меня с приездом и радуется возможности возобновить знакомство. Я сделал визит (...). Кроме начальника, Капитана Янхузбенда, в состав экспедиции входят: М. Вич, М. Леннард и М. Макартней (в качестве переводчика китайского, манджурского и французского языка), китаец-секретарь, доктор-индиец, три пундита и много прислуги, все в самых разнообразных костюмах. Мы встретились сердечно.

*Дневник экспедиции
27 августа 1890 г.*

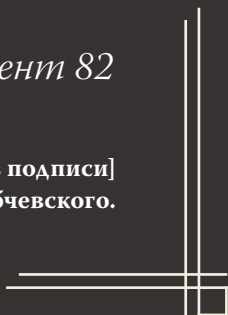

Фотодокумент 82

Фотодокумент 82

[Без подписи]

Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокументи 83

Фотодокумент 83

**Английская амбулатория
в г.[ороде] Яркенд. № 218.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Сборы из города всегда трудны,
а меня, кроме того, задержали
церемонии прощания с англича-
нами и китайцами. Я утром
захватил с собою аппарат
и снял фотографию с английской
миссии и амбулатории.*

*Дневник экспедиции
31 августа 1890 г.*

Фотодокументи 84

Фотодокумент 84

Ткачиха-киргизка. № 219.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокумент 85

Фотодокумент 85

Киргизка с Памира. № 220.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокумент 86

Фотодокумент 86

Киргизская девочка с Памира. № 221.
Путешествие Б.Л. Громбчевского.

Фотодокументи 87

Фотодокумент 87

Типы киргиз Памира. № 223.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Киргизы с признательностью вспоминают то время, когда они входили в состав Кокандского ханства. Я встретился с киргизами с большим удовольствием. Их белые, просторные юрты составляют резкую противоположность с юртами тогликов.

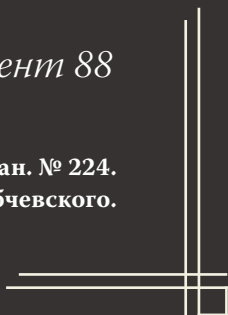
*Дневник экспедиции
3 сентября 1890 г.*

Фотодокумент 88

Фотодокумент 88

Киргизка рода Найман. № 224.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокумент 89

Фотодокумент 89

Костюм киргизки рода Найман. № 225.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокумент 90

Фотодокумент 90

**Типы киргизок рода Киик. № 226.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

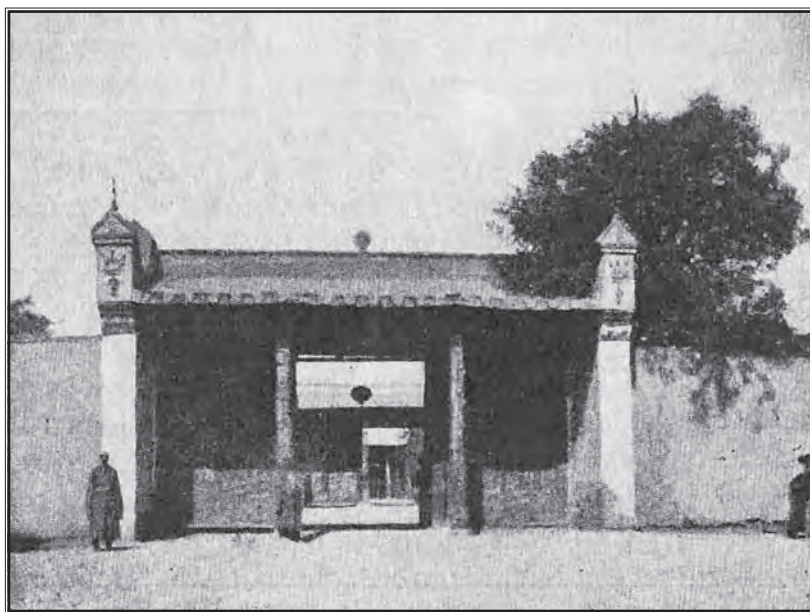
*Женщины – высокие, стройные,
в ярких халатах и высоких,
белых чалмах – тоже разнятся,
как день от ночи, от женщин
тогликов: грязных, ободранных,
изможденных, полуголодных.*

*Дневник экспедиции
3 сентября 1890 г.*

Янги-Гиссарский амбань выслал на речу своего переводчика и караул-бегия.

8 сентября 1890 г.

Суббота 8/20

Въезд в российское консульство в Кашгаре.

Дневка в Кош-Гумбезе.
Сегодня приехал Я.Я. Люти Н.Н. Петровский. Привез почту. Весь день прошел во взаимных рассказах.

9 сентября 1890 г.

Воскресенье 9/21

Переход до сел. Иниз-Ир и дальше по р. Кинг-Кол до урочища Гыджан-Аузы – 50 в.

В 6 верстах к югу от селения Иниз-Ир в предгорьях громадные и совершенно обнаженные залежи железной руды. Залежи тянутся на протяжении десятка верст по предгорьям. Обнаженная часть руды несколько повыветривалась, но на глубине 2 аршин уже руда прекрасная. Добывание свободно производится окрестными жителями, причем шахт исленное множество, но все они совсем неглубоки. Доменные (горны) печи для выплавки самые примитивные. Это обыкновенные трубы, сложенные из [...]. В трубы помещается около 16 пудов угля и 12 пудов руды. Выплавка производится в течение 12 часов. Железо находит себе сбыт в окрестных городах. Железа из одного горна добывается всего на 15–30 тенег. Я взял образцы железной руды.

Местность у Игиз-Ира довольно живописна.

Об ущелье Кинг-Кол рассказано довольно подробно в Маршруте.

10 сентя[■]я 1890 г.

Понедельник 10/22

Переход до сел Тевиз — 24 в. —————
 Название Тевиз произошло от персидского Тавриз. Согласно преданию, из Тавриза пришел в древние времена один благочестивый человек, который основал это селение и назвал его именем своего родного города. На присутствие в этой стране персов указывает и другое название одного из близлежащих селений — Полиз, что означает «дынное поле».

Характер местности крайне интересный. Рядом с безжизненным саем узкою лентою по берегу оросительного кан[■]а тянутся селения, утопающие в садах с фруктовыми деревьями.

По рассказу туземцев, вода р. Кара-Таш, выше селения Кампа, в местности Алиш делится на два главных оросительных канала, разделенных холмами.

Погода жаркая и очень ясная. Температура в тени +27°C.

11 сентября 1890 г.

Вторник 11/23

Переход до города Янги-Гиссара — 16 в.
 Мы остановились лагерем в одной версте к югу от города, в саду Ашур Хаким Бека. Сведения о городе взяты из моего отчета за 1885 год.

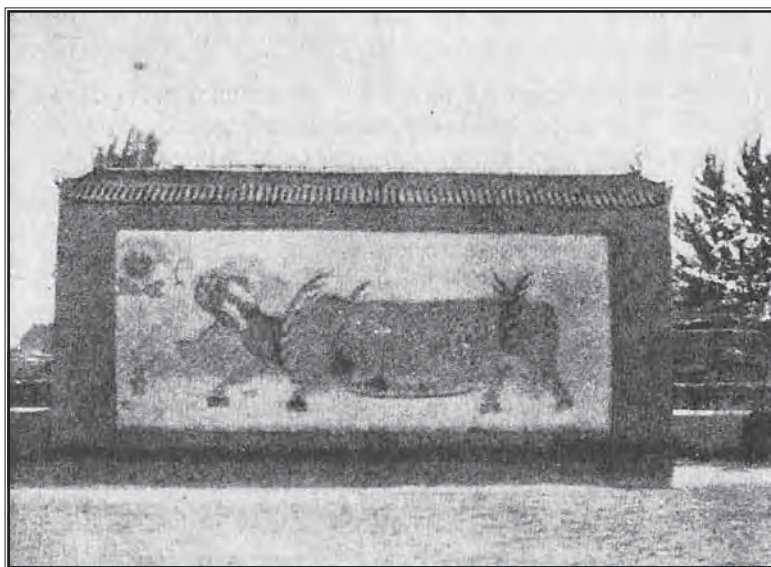

12 сентября 1890 г.

Среда 12/24 Сентября

Дневка в Янги-Гиссаре.
 Сегодня производил астрономические наблюдения. Вечерние наблюдения над лунными покрытиями не удались. В самый интересный момент тучи

закрыли луну. С китайцами мы в большой дружбе. Все – страшные взяточники и попрошайки. То и дело, что выпрашивают все, что увидят. Ор. канал, орошаю-

Юй, на страноводы и спортивасы (город без воды). Пятая рива; по жару и жару солнц-ных червями прудов. Жара страшная.

13 сентября 1890 г.

Четверг 13/25

Переход до сел. Артыш-Бак – 22 в.

Погода отвратительная; все затянуло пылью и на расстоянии $\frac{1}{2}$ в. ничего не видно. Дорога пролегает по каменистому саю. Киргиз-Кипчаки, живущие в с. Параше и др., всего до 3000 дворо вершенно осартились и превратились в оседлое население. Это сородичи знаменитого Садык-Бека.

14 сентября 1890 г.

Пятница 14/26

Переход до сел. Эски – 21 в.

Погода пасмурная. Переход тью по голому саю. Перерезали русло р. Кара-Таш, которая большинство своих каналов выделяет близ мазара Алтынлик, несколько выше брода.

15 сентября 1890 г.

Суббота 15/27

Переход до сел. Урумбасты – 20 в.

Страною управляет Сын Кадыр Бека, который посетил Пекин, прожил там 15 лет и вернулся обратно на родину вместе с китайцами. Это, кажется, единственный туземец, следовавший за китайцами и не изменивший им за все время.

16 сентября 1890 г.

Воскресенье 16/28

Переход до Кашгара – 30 в.

Мы остановились в русском Консульстве. Экспедиция была встречена Консулом Н.Ф. Петровским в 4 в. от города. Русское Консульство перестраивается, но помещение все еще совершенно недостаточное.

27 сентября 1890 г.

Четверг 27/9

Стоим уже 10 дней в Кашгаре. За это время я два раза определил широту и долготу Кашгара по сол[☉] и звездам. посетил кашгарского Дао-тая, который угостил нас обедом. Во время пребывания в Кашгаре приехал туда князь Г.С. Голицын, проживший здесь три дня. Посетил гробницу Хазрети Апака; Дао-тай ответил визитом и остался в Консульстве обедать. Перед отъездом я отправился в ямынь¹³⁸ и снял фотографию с помещения Дао-тая. Завтра выезжаем из Кашгара через Упал и дальше вверх по р. Кызыл-Су.

28 сентября 1890 г.

Пятница 28/10

Переход до сел. Ахтачи – 14 в.

Вчера проводили князя Голицына, а сегодня почтенный Яков Яковлевич Лютш проводил меня до ночлега.

29 сентября 1890 г.

¹³⁸ Ямынь – здание китайского государственного учреждения.

Суббота 29/11

Переход до сел. Упала – 30 верст.

Жара такая сильная, что солнцем у меня обожгло уши. Остановились в доме местного Минг-бегия. Селение раскинуто на берегу живописного обрыва.

30 сентября 1890 г.

Воскресенье 30/12

Дневка в Упале. Производил астрономические определения, но пасмурная погода помешала послеполуденным наблюдениям.

Выезжал за селение. Горы покрыты туманом, сквозь который однако виднеется мощный вечно-снежный хребет гор. За селением, на горе красивый мазар, окруженный вековыми тополями, среди которых гробница Хозрети Маулена Шамсутдин Аллема. Святой этот, вопреки большинству мусульманских святых, прославился не войнами против неверных, а исключительно благочестием. Святой этот родом из местности Да-биб, близ Самарканда.

Селение Упал пользуется почти исключительно родниковой водой и получает только один и то небольшой канал воды из р. Гез. Речки, стекающие с гор, пропадают на сае; до селения доходят только во время дождей, но в 30 верстах по выходе из гор появляются в виде родников. Речки эти следующие (начиная от ущелья р. Гез к северу):

1. Река Сугулюк, на верховьях имеется перевал, ведущий на верховья р. Уйшаг, левого притока р. Гез. По ущелью живет около 100 кибиток киргиз рода Найман.

2. Река Бустон-Арча состоит из 2 речек: Бустон-Арча, вверх по которой через перевал Бустон-Арча ведет дорога на истоки р. Уйтаг и Улуг-Арт, верховья которой раздваиваются и по более южному рукаву ведет дорога на перевал Бурь-Куз, а по более северному на перевал Улуг-Арт. Дороги с обеих этих перевалов выводят на р. Кун-тымпес (верховья Гез). По р. Бустон-Арча много древесных зарослей и кочует около 50 кибиток киргиз родов Турт-айгыр и Кульчак.

3. Р. Бустон-Терек; выхода нет. По реке кочует 50 кибиток киргиз рода Кульчак. Ущелье р. Бустон-Терек проходит через базар селения Упал.

1 октября 1890 г.

Понедельник 1/13

Переход до урочища Булак-Баши – 12 верст.

В сел. Упале в укреплении расположена конная туземная лянза, под начальством бывшего яркендского хакима Ашур-Хаким Бека. Туземец этот известен был между прочим тем, что состоял казначеем у Бадаулета и после смерти последнего бежал к китайцам, захватив с собою всю казну Якуб-бека. Казна передана была начальнику китайских войск Лю-джо-шаю. Всего Ашур Хаким

Беком увезено золота на 6 лошадях. По занятии Кашгарии Ашур Хаким Бек назначен был хакимом в Яркенде, но вскоре смнен с должности и назначен начальником конной лянзы. Теперь он в загоне и есть основание предполагать, что лянза будет от него отнята.

За Упалом имеется два караула: Юдунг-Баш (к юго-западу) и Упалат (к западу). Караулы помещаются в укрепления содержатся туземцами. За Упалом к западу между селением и предгорьями громадная равнина, слегка возвышающаяся к западу. Ширина равнины – верст 20. За равниной стеною возвышается мощный хребет вечно снежный, идущей с севера на юг. Вершины громадные, заваленные снегом, со сплывающими с гор ледниками. Речки, стекающие с гор, просачиваются в землю и выходят родниками на урочище Булак-Баши.

2 октября 1890 г.

Вторник 2/14

Переход до урочища Буры-Тукай – 35 в.

Почти весь переход по громадной равнине Упалат-Даля. Равнина эта замечательна в истории Кашгарии тем, что здесь завершилась последняя попытка Хаким Хана Тюри овладеть Кашгариею в 80 г.

Как известно, Хаким Хан Тюрю, прямой потомок Апака-Ходжи и претендент на владение Кашгарией. Во время столкновения России с Китаем из-за Кульджи, Хаким Хан Тюрю воспользовался негласным соизволением Туркестанского начальства, отправился на Алай, собрал там скопище из киргиз и разных авантюристов и спустился через перевал Аюк-Арт в долину Кашгарии. Здесь при устье р. Бустон-Терек тюрю оставил свой обоз, а сам направился во главе 6000 скопища в Упал. К сожалению, сборы Хаким Х Тюри на Алае были очень продолжительны и слух об них дошел до правителя Кашгарии Лю-джо-шай, который не только двинулся со всеми наличными силами в Упал и там укрепился, но успел стянуть войска из Янги-Гиссара, Яркенда и Хотана, но и вызвать из Марал-Баши и Ак-Су. Придя к устью р. Бустон-Терек, тюрю укрепил свой лагерь, а в Упал отправил несколько человек за сведениями. Люди эти попались в руки китайцам, которые под пыткой вынудили их сознаться о местонахождении Тюри. В это время Хаким Хан Тюрю, не дождавшись посланцев и желая напасть на китайцев врасплох, двинулся ночью в Упал, но, подойдя к укреплениям, встречен был сильным огнем пехоты и отступил с большим уроном. В то же самое время Лю-джо-шай с конницею ночью подошел к Бустон-Арче и завладел лагерем и казною Хаким-Хана. К утру тюрю подошел измученным к своему лагерю ужасу увидел в нем китайцев. Произошла кровопролитная стычка; тюрю потерял около 300 человек и бежал в Фергану.

Интересен следующий факт, как характеризующий преданность мусульман не мусульманам. При отряде Лю-джо-шай было около 3000 киргиз под начальством благодетельствованного им и пользующегося полным его доверием киргиза Ишанкула Датхи. Во время стычки с Хаким Хан Тюрю Ишанкул участия в бое не принял, а увел своих киргиз в сторону и приказал им по данному знаку броситься

на китайцев. Между тем, результат боя выяснился почти в самом начале, победа определилась за китайцами, а Ишанкул остался безучастным свидетелем боя. Поведение его возбудило подозрение Лю-джо-шай. Когда же посланный преследовать тюрю, он упустил самых главных предводителей, то Лю-джо-шай приказал казнить Ишанкула. Узнав об этом, последний среди бела дня бежал со всем имуществом, а посланные вдогонку киргизы ограничились грабежом части имущества.

Речка Чимган, как и все остальные, теряется в сае. По ней кочует около 50 кибиток киргиз рода Тур-Айгыр.

На урочище Буры-Тукай кочует 30 кибиток киргиз рода Тейт. Они охотно и с восторгом вспоминают последний набег Хаким Хана. Местность на ночлег очень живописна. Здесь есть тополи, достигающие громадной величины. Юрты большие и целые, а киргизы зажиточны.

Узнав из расспросных сведений, что вверх по реке Маркан-Су, при устье ее в р. Кызыл-Су, дороги нет, так как река течет в теснине, я решил идти вверх по р. Аик-Арт и через перевал того же имени выйти в ущелье реки Маркан-Су. По мере движения в горы, разница в температуре очень заметна. Днем жарко, ночью холодно.

3 октября 1890 г.

Среда 3/15

Переход до урочища Кинг-Шивер вверх по р. Аик-Арт – 35 верст.

Ущелье реки Аик-Арт по безжизненности напоминает ущелье реки Раскем-Дарьи. Горы лишены всякой растительности, а по руслу реки попадаются местами довольно обширные заросли горного тополя, тала, тамариска, облепихи и пр. По ущелью реки и притокам кочует около 60 кибиток киргиз рода Тейт. Киргизы эти занимаются посевами ячменя, но в очень ограниченном количестве, а главное средство к жизни – овцеводство и верблюды. Последние лето и зиму кормятся листвой и мелким кустарником, а бараньи гурты держатся в горах близ Кара-Арта и озера Кара-Куля; при аулах держатся овцы ради молока.

Киргизы, по-видимому, зажиточны, но среди них много больных сифилисом, а есть даже и прокаженные, которые, к сожалению, не выведены, а живут вместе с остальными родичами. На урочище Ит-боскан-таш (камень со следом собаки) мне показывали интересный отпечаток собачьей лапы на камне. Я хотел было взять его с собою, но камень оказался тяжелым, а отбить отпечаток не удалось.

Киргизы-Тейты – родичи Тейтам Маргеланского уезда, принимали деятельное участие в походе Хаким Хан Тюрю и долгое время скитались на Алае.

4 октября 1890 г.

Четверг 4/16

Дневка на Кинг-Шивере.

Производил астрономическое определение, которое вполне удалось. Погода прекрасная. Днем жарко, а ночью мороз достигает до -10°C . Заготовил ячмень, баранов и пр. для движения через пустыню, отделяющую нас от Ферганы. По ущелью есть кеклики и зайцы.

5 октября 1890 г.

Пятница 5/17

Переход до урочища Кугрым по р. Маркан-Су – 46 верст.

Обвалы на верховьях р. Гушан-Арт произошли лет 20 тому назад, днем, вероятно во время землетрясения, причем погибло 3 чел. пастухов. Интересен факт, что из 3-х гуртов овец не погиб и одной штуки. Овцы, как-бы предчувствуя катастрофу, сбились на верхушке горы. Обвал пронесся с обеих сторон горы, загроздил реку и ущелье в двух местах, но овец не тронул.

Киргизы, как всегда, мерзавцы обманули. Назначили такие переходы, которых в короткие осенние дни не пройти с вьюками. Сегодня наши вьюки подошли только к 10 ч. вечера, выступив в 4 ч. утра. Погода делается пасмурною. Бог весть, удастся ли перевалить перевал Хызыл-Арт.

Река Маркан-Су летом, должно быть, непроходима. Теперь брод против устья Аик-Арта до седла. Или, может быть, мы не нашли брода.

6 октября 1890 г.

Суббота 6/18

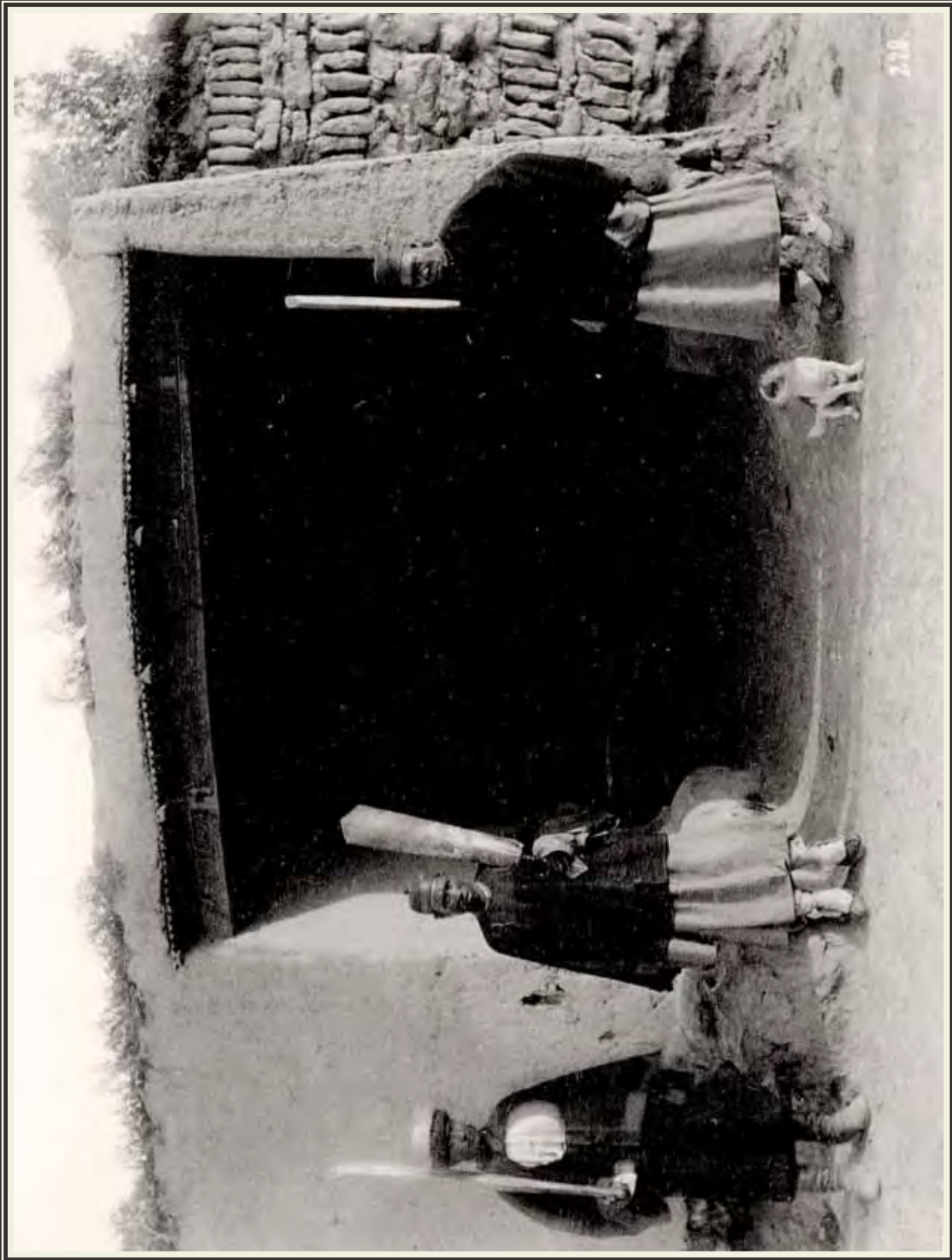
Переход до урочища Башки-Кичик, вверх по р. Маркан-Су – 32 версты.

По р. Маркан-Су много зарослей тамариска, облепихи и тала. Есть зайцы и рябчики. Видели следы волков, лисиц, пантеры и куницы. Погода холодная. Ветер целый день жестокий, совсем обветрил нас.

Сегодня ночью сбежал один киргиз с лошадыю, а днем отстал другой с двумя верблюдами; вьюки бросил, а сам с верблюдами ушел. Положение наше крайне неприятное: не хочется возвращать назад, а приходится идти не только без ячменя, но и без топлива. Погода пасмурная и можно опасаться, что перевал Кызыл-Арт окажется закрытым. Это была бы очень и очень крупная неудача.

Река Маркан-Су совсем напоминает Раскем-Дарью. Те же заросли, фауна и флора, та же безжизненность.

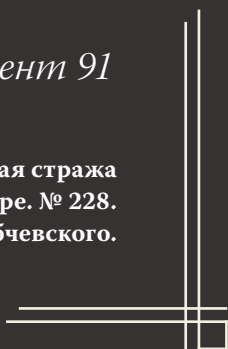
От Мирза Паяза (Алайского волостного) никакого известия, а помощь его была бы очень и очень кстати.

Фотодокументи 91

Фотодокумент 91

Почетная стража
в Янги-Гиссаре. № 228.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

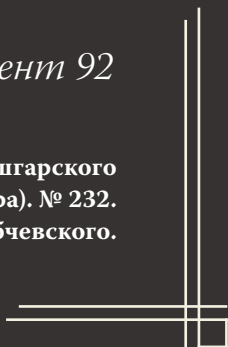

Фотодокументи 92

Фотодокумент 92

Парадный вход в доме Кашгарского
Дао-тая (губернатора). № 232.
Путешествие Б.Л. Громбчевского.

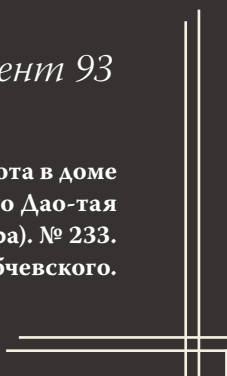

Фотодокументи 93

Фотодокумент 93

Главные ворота в доме
Кашгарского Дао-тая
(губернатора). № 233.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

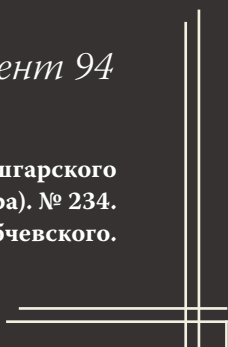

Фотодокументи 94

Фотодокумент 94

**Колымага Кашгарского
Дао-тая (губернатора). № 234.
Путешествие Б.Л. Громбчевского.**

Фотодокументи 95

Фотодокумент 95

**Зимний вид на Памире. № 239.
Путешествие Б.Л. Громбчевского.**

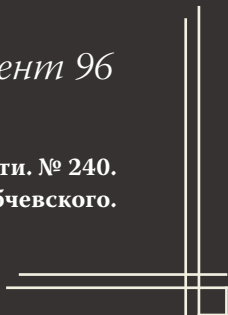

Фотодокумент 96

Фотодокумент 96

Киргизские дети. № 240.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

Фотодокумент 97

Фотодокумент 97

Тип киргизки рода Теит. № 241.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

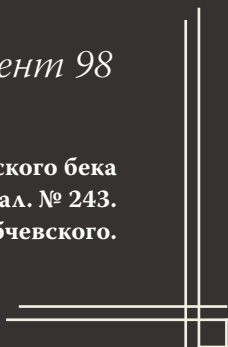

Фотодокумент 98

Фотодокумент 98

Дочь Китайского бека
в сел.[ении] Упал. № 243.
Путешествие Б.Л. Громбчевского.

Фотодокумент 99

Фотодокумент 99

**Китайский бек
в сел.[ении] Упал. № 244.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

В сел. Упале в укреплении расположена конная туземная лянза, под начальством бывшего яркендского хакима Ашуур-Хаким Бека. Туземец этот известен был между прочим тем, что состоял казначеем у Бада-улета и после смерти последнего бежал к китайцам, захватив с собою всю казну Якуб-бека. Казна передана была начальнику китайских войск Лю-джо-шаю.

*Дневник экспедиции
1 октября 1890 г.*

Фотодокументи 100

Фотодокумент 100

**Вид киргизского
стойбища на Алае. № 245.
Путешествие Б.А. Громбчевского.**

*Долина Алая покрыта глубоким
снегом. Идем без дороги. Попадают
громадные гурты баранов. В долине
жизни мало. Изредка попадают
следы волка. Реже лисицы или
зайца. Людей в долине Алая нет,
только при баранах пастухи.*

*Дневник экспедиции
9 октября 1890 г.*

Фотодокумент 101

Фотодокумент 101

Секретарь экспедиции. № 260.
Путешествие Б.Л. Громбчевского.

Фотодокумент 102

Фотодокумент 102

Сартянка. № 261.
Путешествие Б.А. Громбчевского.

7 октября 1890 г.

Воскресенье 7/19

Переход вверх по р. Маркан-Су до урочища Сафар-Кульны-Аузы – 34 версты. День ветреный и очень холодно. По дороге видел архаров, рябчиков и зайцев. Архары водятся близ устья реки Катныш-Хатын. Речек этого названия 3. Все они стекают с горной группы Гурумды (на Алае).

Новый переход, а с Алая никаких вестей. Китайские киргизы тоже, по-видимому, готовы бежать. Сдерживаем их силою. У верблюдов – часовые.

Я вчера вечером опять сильно заболел. Здоровье совсем плохо. Не выдерживаю ни холода ни высот. Ремонт настоятельно необходим: так и кажется, здание рушится. Люди молодцами. Погода пасмурная, ветер бушует, не дай Бог, если завтра подыметесь снежный буран.

8 октября 1890 г.

Понедельник 8/20

Переход до урочища Артыльма на Алае – 42 версты.

ПСегодня ночью выпал снег и началась вьюга. Проводники безусловно отказались вести, уверяя, что дороги на перевал Кызыл-Арт они не найдут. Пришлось заставить вести их силою. Мороз всего достигал до -12°C, но сопровождался снегом, метелью и жестоким ветром. *Конец* Когда мы вышли на верховья Маркан-Су, то внезапно наткнулись на Алайского волостного управителя, который ехал нас разыскивать. При помощи его и его джигитов мы благополучно перевалили перевал и к вечеру вышли на Алай. Ночлег в юрте при огне. Радость большая и отдых.

9 октября 1890 г.

Вторник 9/21

Переход до урочища Хатын-Арт – 23 версты.

ПДолина Алая покрыта глубоким снегом. Идем без дороги. Попадаются громадные гурты баранов. В долине жизни мало. Изредка попадаются следы волка. Реже лисицы или зайца. Людей в долине Алая нет, только при баранах пастухи. Погода ясная. Ветер очень холодный.

10 октября 1890 г.

Среда 10/22

Переход до урочища Кызыл-Булак по р. Гульча – 24 в.

ППеревалы покрыты снегом. с Алая перегоняют табуны лошадей в до-

Адам Плескачиньски

лину Ферганы, опасаясь воров. Перевалы со стороны Ферганы закрыты зимою, а Кызыл-Дар и др. открыты к стороне Памиров. Погода прекрасная; мороз -23°C .

Идентификация названий населенных пунктов и физиографических объектов

11 октября 1890 г.

В настоящей публикации названия населенных пунктов и физиографических объектов мы употребили в соответствии с подлинной записью Бронислава Громбчевского, учитывая орфографические различия, введенные после реформы гражданки в июле 1917 года. Мы идентифицировали их, если была такая возможность, основываясь на трех независимых источниках: списке мест, где Громбчевский проводил измерения высот во время экспедиции 1889-1890 гг. (А.А. Тилло, *Абсолютные высоты определенные Б.А. Громбчевским во время путешествия на Памиры, в Раскем, Каишгарию и северо-западный Тибет в 1889 и 1890 годах* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1892, т. XXVIII, с. 93–100); карте путешествия Громбчевского, которая была разработана туркестанским военно-топографическим отделом (*Карта путешествий Б.А. Громбчевскаго в Дарваз, на Памир, в Джиты-Шаар, в Канджунт, в Раскем и в Северо-Западный Тибет, в 1885, 1888, 1889 и 1890 годах*, Издание Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, (Четыре листа), Санкт-Петербург, 1895), а также на воспоминаниях путешественника, изданных в межвоенный период на польском языке (B. Grabczewski, *W pustyniach Raskemu i Tybetu*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1925).

Нижеприведенный список названий населенных пунктов и физиографических объектов состоит из четырех колонок. В первой находятся формы записи, примененные Громбчевским в *Дневнике* (нередко название одного и того же населенного пункта он записывал по-разному); очередные колонки составлены согласно с их оригинальной записью в статье А.Е. Тилло и на карте, разработанной туркестанским военно-топографическим отделом. В последней мы привели форму записи из польскоязычных воспоминаний Громбчевского.

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Абду-Гафарны-Томы	Абду-Гафарь-Тамь	Абду-Гафарь-томь	Abdu-Gafar-Tom
Абдуль-Кахор Абдуль Кахор	–	Абдуль-кахарь	–
Агыл Даван Агылъ Даван Агылъ-Даван	Агылъ-Даванъ	Агылъ-даванъ	Agył-Dawan
Азганликны-Аузы	Азганликны-Аузы	–	–
Азгансаль	–	Азгансаль	–
Азгар	Азгарь	–	Azgar
Аик-Арт	Аикъ-Артъ	Аикъ-артъ	Aik-Art
Акаль-даш	–	–	–
Акба-Гушон Акба-и-Гушон	Акба-и-Гушанъ	–	Akba-Guszon
Акба-и Сытар	Акба-и-Сытарги	Акбаи-Сытарги	Akba-i-Sytargi
Акба-и-Барасы	–	Пер. Барасы	–
Акба-и-Визхарер	–	Пер. Висхарви	–
Акба-и-Сафид	Акба-и-Сафитъ-Ку	Сафидь-ку	Akba-i-Safid-Ku
Акба-и-Узбай	Акба-и-Узбаи	–	Akba-i-Uzbai
Акба-и-Хырджин	–	–	–
Ак-Белес	–	–	–
Ак-Джилъга	–	–	–
Ак-Казны-аузы	Акъ-казны-аузы	–	–
Ак-Кар	–	Акъ-казъ	–
Ак-Кий	–	–	–
Ак-Корум	Акъ-Корумъ	–	–
Ак-Лянгар	Акъ-Лянгаръ	–	–
Ак-Мечет	–	Акъ-Мачитъ	–
Ак-Су Ак-су	Акъ-су	–	Ak-Su Ak-su
Ак-Там	Акъ-Томъ	Акъ-тамъ	–
Ак-Таш	–	Акъ-таш	–
Ак-Шур	Акъ-Шуръ	Акъ-шуръ	–
Аличур	Аличуръ	–	Aliczur
Алиш Баши	Алишъ-Баши	–	–
Алтын Мазар Алтын-Мазар	Алтынъ-Мазаръ	Алтынъ-мазаръ	Ałtyn-Mazar
Альвакчи	Альвакчи	Алвакчи	–
Аму-Дария	–	–	Amu-Darja
Амырулла Ахун	–	–	–
Андарбак	–	Андербагъ	–
Андеманын	Андеманынъ	–	Andemanyn
Андеманын-Кара- -Таш-Утек	Андеманынъ-Кара- -Ташъ-Утекъ	–	–
Анын	–	Акынъ	–
Ара-Кеит	–	–	–
Араль	–	–	–
Араул	–	–	–

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Арган-Кук	–	Арган-кукъ	–
Арзунг	–	Арзынгъ	–
Арзынчг	–	Арзыгъ	–
Арпалик	Арпаликъ	–	Arpalik
Арпа-Тая	Арпа-Тая	Арпа-тая	–
Артия	–	–	–
Артыльма	Артыльма	–	–
Артыш-Бак	Артышъ-Бакъ	–	Artysz-Bak
Арча-Кепе	–	–	–
Арыш	Арышъ	–	–
Ассаке	–	–	–
Астрахань	–	–	Astrachan
Атрап	–	Пер. Атрапъ	–
Ау-Таш	Ау-Ташъ	Ау-Ташъ	Au-Tasz
Ахли-Сурхан	–	–	–
Ахтаци	–	Ахтаци	–
Ачан	Ачанъ	–	Aczan
Ачик	–	Ачикъ	–
Ачик Альма	Ачикъ-Альма	–	Aczyk-Alma
Ачик Юткан	Ачикъ-Ютканъ	–	–
Бадахшан	–	–	Badachszan
Базар-Дара	Базаръ-Дара	–	Bazar-Dara
Базар-Дараны-Аузы	Базаръ-Дараны-Аузы	–	–
Бай Кара Бай Кра	–	–	–
Бай-Зырак	–	Байзыракъ	–
Бай-краны-сырты	–	–	–
Баку	–	–	Baku
Балти-Даван	–	–	Balti-Dawan
Балх	–	–	–
Балыкчи	Балыкчи	–	Balykczy
Бальдустан	–	–	–
Бальгит	–	Бальгитъ	Baltit
Бараун	–	Бараунъ	–
Бартанг	–	Бортангъ	Bartang
Баскак-Ханака	–	–	–
Басыт-и-Кара-белес	–	–	–
Батуми	–	–	–
Бауд	–	–	–
Баш-Арык	–	Бишъ-арыкъ	–
Баш-Балгын	Балгынъ-Баши	Башъ-балгынъ	Basz-Balgyn
Баш-Гумбез	–	–	–
Башки-Кичик	Башки-Кичик	–	Basz-Kiczu
Баш-терек	–	Бишъ-терекъ	–
Баш-Шивер	Башъ-Шиверъ	–	–
Бейк	Бейкъ	Бейкъ	–
Бейкны-Аузы	Бейкны-Аузы	Бейкны-аузы	Beikny-auzy

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Белены-Киин Киик Белен-Киик	–	–	Beleny-Kiik
Биш-Тал	–	–	–
Биш-Туграк	–	Бишь-тугракъ	–
Богча	–	–	–
Бозай-и-Гумбез	Бозай-и-Гумбезъ	–	Bozaj-i-Gumbez
Болы-Кара-Куль	–	–	–
Большой Алай	–	–	Wielki Ałaj
Большой Памир	Большой Памирь	–	Wielki Pamir
Большой Кара-Куль	–	Кара-куль	Wielki Kara-Kul
Большой Карамук	–	–	Wielki Karamuk
Большой Карамук	Большой Карамукъ	Катга-карамукъ	Wielki Kara-muk
Борогиль	–	–	Borogil Borogilska Przełęcz
Боршут	–	Баршить	–
Брунджга	–	Бринджга	–
Бугаз-Лянгар Бугаз Лянгар	Бугазъ-Лянгаръ	Бугазъ-лянгаръ	–
Бузаля	Бузаля	–	–
Буз-Байтан Байтан	–	Бузь-байталь	–
Буз-Биль Буз Бель	–	Бузь-биль	–
Буз-Биль-Тепе Буз-Биль-Тоды	Бузь-Биль-Тюпе	Бузь-биль-тепе	Buz-bil-tiupe
Бузвак	–	Бузванъ	–
Буз-Чат	Бузь-чатъ	–	–
Бука-Баши	Бука-Баши	–	Buka-Baszy
Букум-Купрюк	–	Букум-купрюк	–
Булак	Булакъ	–	–
Булак-Баши	Булакъ-Баши	Булакъ-баши	–
Булунг	–	Булунгъ	Bulung
Булюн-Куль	Булюонъ-Куль	Булюнъ-куль	Bulun-Kul
Бунай	–	Бунай	–
Бургут-Уясы	–	–	–
Буромсаль	–	Буромсаль	–
Бурунчак	–	–	–
Буры-Куз	–	Бурю-кузь	–
Буры-Тукай	Буры-Тукай	Буры-тукай	Bury-Tukaj
Бустон	Бустонъ	–	–
Бустон-Арча	–	Бустанъ-арча	–
Бустон-Терек	–	Бустанъ-терекъ	–
Бухара	–	–	Buchara
Буя-Кош	–	–	–
Бынига	–	Бинига	–
Бырс	–	Бырсъ	–
Ван-Ван	–	–	–
Ванч	–	Ванчъ	Wańcz

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Вахан	–	Ваханъ	Wachan
Вахан-Дарья	–	Ваханъ-дарья	Wachan-Darja
Вахджир	–	Вахджиръ	–
Вахио-и-Болё	–	–	–
Вахио-и-Поён	–	–	–
Вахия	–	–	Wachja
Визхарер Акба-и-Визхарер	–	Висхарви	–
Виктория, озеро	–	Викторія Оз.	Wiktorki Jezioro Zur-Kul
Вияр (Уяр)	–	–	–
Владикавказ	–	–	–
Вудусун	–	–	–
Вушхарф	–	Вушхарвь	–
Вычхарф	–	Вишхарвь	–
Газ-куль Газ-Куль	–	Газъ-куль	–
Галямунак	–	–	Galamulak
Ганда-Чашма	–	–	–
Гардани-Кафтар	Гардани-Кафтаръ	Гардани-кафтаръ	Gardani Kaftar
Гарм	–	–	–
Гарм	–	–	Harm
Гармо	–	Гармо	–
Гез	–	Гезъ	–
Гендж-Арт	–	Ганджъ-артъ	–
Гильмит	–	Гильмитъ	–
Гиндукуш	–	–	Hindukuszu
Гинду-Таш	–	Гинду-ташь	Hindu-Tasz
Гирча	–	–	–
Гоз	–	Гозъ	–
Голубое Оз.	–	Голубое Оз.	–
Горан	–	Горанъ	Goran
Грунч-Карлик Грунч-Карлиг	–	Грунчкарликъ	–
Гугутлик	–	–	–
Гуджак	–	Гуджакъ	–
Гульча	Гульча	Гульча	Gulcza
Гулякма	–	Гулякма	–
Гума	–	Гума	–
Гун-Дара	Гунъ-Дара	Гунъ-дара	Gun-Dara
Гун-Дара-и-Болё	–	–	–
Гун-Дара-и-Поен	–	–	–
Гунт	–	–	–
Гурзен	–	–	–
Гурзуф	–	–	–
Гурумбы	–	–	–
Гусос	Гусось (Куль)	Гусось	–

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Гушан Гушон	Гушань	Гушонь	Guszon
Гушхан	–	Гушхонь	–
Гыджан-Аузы	–	–	–
Даван-Басар	Давань-Басарь	Давань-босарь	–
Даван-Тюпе	Давань-Тюпе	–	–
Даванын-Таш	Даваны-Таги	Даваны-таги	–
Дамсий	Дамсиль	Дамсиль	–
Дамуки	–	Дамуки	–
Дангнын-Баш Памир Дангнын Баш Дангнын-Баш Памир Дангнын Баш	–	–	Dangnyn-Basz Dang- nyn-Basz Pamir
Дара-и-Каль	–	–	–
Дара-и-Хайран Дара-и-Хайрон	Дара-и-Хайронь	Хайронь	Dara-i-Chajron
Дара-и-Харам	–	–	–
Дараут-Курган	Дарауть-Кургань	Дарауть-кургань	Daraut-Kurgan
Дарахтан	–	Дархарвакь	–
Дарбанд	Дарбандь	Дарбандь	Darband
Дарваз	–	–	Darwaz
Дарваза-Сарык-Ут	–	Сары-уть-дарваза	Darwaza-Saryk-Ut
Даргак	–	–	–
Даркот	–	–	–
Дашты-Бунд	Дашты-Бунь	–	Daszty-Bun
Дашты-Зеры-Замин	–	–	–
Дашты-Минады	Дашты-Минады	Дашты-Минады	Daszty-Minady
Дашты-Узбекон	–	Дашти-узбеконь	–
Дашты-шир	–	Дашты-ширь	–
Девдер	–	–	–
Джавай	–	–	–
Джавай-Джильганы- -Аузы	–	–	–
Джаван-Джильга Джаван-Джулга	Джавай-джильга	–	–
Джайляу Джайляу Куль	–	–	–
Джан-Чакар	–	–	–
Джар-Утек Джар Утек	Джарь-Утекь	Джарь-утекь	Dzar-Utek
Джеканды	Джеканды	Джеканды	Dzekandy
Джилянды	Джилянды	Джиланды	Dzylandy
Джомарч	–	–	–
Джорф Кала-и-Джорф Кала-и-Джорф	Джорфь	Джорфь	Dzorf
Джумарч	–	Джумарчь	Dzumarcz

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Джур	–	Джурь	–
Дуа	Дуа	Дуа	Dua
Дувана	Дувана	Дувана	Duwana
Дузах	–	Дузакъ	–
Думбурачи	Думборачи	Думбурачи	Dumboraczy
Дун Кульдук	–	Дунгъ-кельдыкъ	–
Дунбака-кеит	–	–	–
Дунгзоля	Дунгъ-золя	Дунгзаля	–
Дутма-Таг	Дутма-тагъ	–	–
Евпатория	–	–	–
Евтарчь	–	Евтаргъ	–
Ёдуд (Акба-и-Ёдуд) Ёду	–	–	Akba-i-Jeddu
Еты-Тунук	–	–	–
Зава-Курган	Зава-Курганъ	Зава-курганъ	–
Занг-уя Занг-Уя	Зангъ-уя	Зангъ-уя	–
Зебак	–	Зебакъ	Zebak
Зенкан	–	Зенкан	–
Зери-Замин	Зери-заминъ	Зери-заминъ	Zerizamin
Зулюм-арт	–	Зулюмъ-артъ	–
Зунг-Нур Зунг-Нан	–	–	–
Зыгара	–	Зигора	–
Игиз-Арык-Курган	Игизъ-Арыкъ- -Курганъ	Игизъ-арыкъ-кург.	–
Игиз-Ир Игиз-Яр	Игизъ-Ирь (Ярь)	Игизъ-иръ	Igiz-Jar
Ики-Бильду	Ики-Бильду	Ики-бильду	–
Илы-су	Илы-су	Илы-су	Ily-su
Ильга	–	–	–
Имак-Арт	–	–	–
Инкон	–	–	–
Иныш	–	Инышъ	–
Ир-Кияк	–	–	–
Ир-Назар-Курган	Ирь-Назаръ-Курганъ	–	Ir-Nazar-Kurgan
Иссык-Булак	Горячіе ключи (Иссыкъ-Булакъ)	Иссыкъ-Булакъ	Issyk-Bulak
Истарха	–	Сарха	–
Истык	–	Истыкъ	–
Исфайрам	–	Исфайрамъ	Isfajram-saj
Ит-боскан-таш	–	–	–
Ит-Игак	–	Игъ-игакъ	–
Ишак-Арт	Ишакъ-Артъ	–	–
Ишкашим	–	–	Iszkaszym
Ишмэ	–	Ишме	–
Кавак	Кавакъ	Кавакъ	Kawak

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Кавак-Джилыганы- -Аузы	–	–	–
Кавакны-Аузы	Кавакны-Аузы	–	–
Каваль	–	–	–
Каинды	Каинды	Каинды	Kaindy
Каиндыны-Аузы Каиндыны-аузы	Каиндыны-Аузы	Каиндыны-аузы	Kaindyny-Auzy
Каиндыны-Кунуш	–	–	–
Кайрак	–	–	–
Кала-и-Бар-Пяндж Кала-и-Бар Пяндж	–	Калаи-Баръ-Пянджъ	Kała-i-Bar-Piandź
Кала-и-Вамар	–	Калаи-Вамаръ	Kała-i-Wamar
Кала-и-Ляби-Об Кала-и-ляби-об Кала-и-лябиоб	–	Калаи-ляби-объ	–
Кала-и-Рохарф	–	–	Kała-i-Rocharf
Кала-и-Хум	Кала-и-Хумбъ	–	Kała-i-Chumb
Калёт-Ухыр	–	–	–
Калля-Кум	–	Калля-кум	Kalla-Kum
Кальта-Кия	Кальта-Кія	–	–
Кампа	–	Кампа	–
Камчин	Камчинъ	Камчинъ	–
Канджу	Канджу	Канджу	–
Кара Джильганы Аузы	–	–	Kara-Dżylgany-Auzy
Кара-Бадрак	–	Кара-бадракъ	–
Кара-булак Кара-Булак	Кара-булакъ	Кара-булакъ	Kara-bułak
Кара-Гуджек	Кара-Гуджекъ	–	–
Кара-Даван	–	Кара-даванъ	–
Кара-Джар- -Джилыганы-Аузы	Кара-джильганы- -Аузы	–	–
Кара-Джар-Джилыга	Кара-Джаръ-джильга	–	–
Караз	–	Каразъ	–
Кара-Кош Кара-Каш-Дарья Кара-Каш	Кара-Кошъ	Кара-кашъ Кара-кашъ-дарья	Kara-Kosz Kara-Kosz Darja
Кара-Кульчак	Кара-Кульчакъ	–	Kara-Kulczak
Кара-Кыр	Кара-Кыръ	Кара-кыръ	–
Карамак	–	Караманъ	–
Кара-Муйнак	Кара-Муйнакъ	Кара-муйнакъ-аузы	–
Каранак	–	–	–
Каранги-Таг Карангитаг Карангитог Карангитог Каранги-тог	–	Карангу-тагъ	–
Кара-Садаки	–	–	–
Кара-су Кара-Су	Кара-су	Кара-су	Kara-su
Кара-Су-Катлиш	Кара-су-Катлишъ	Кара-су-катлишъ	–

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Кара-Таш	Кара-Ташъ	Кара-ташъ	–
Кара-Таш-Утек	Кара-Ташъ-Утекъ	–	–
Кара-Таш-Шивер	–	Кара-ташъ-шиверъ	–
Каратегин	–	–	Karategin
Караул-Джаш	–	Караулъ-джашъ	–
Караул-Тепе	–	–	–
Караулчи-Тепе	–	Караулчи-тепе	–
Кара-Чукур	–	Кара-чукуръ	–
Кара-Шагал	–	Кара-шагаль	–
Караш-Тарым	–	–	–
Кара-Шура	–	Кара-шура	–
Кара-Яр-Караул Кара-Джар-Караул	Кара-Яръ-Караулъ	Кара-яръ-караулъ	Kara-Jar-Karauł
Каргалык	–	Каргалыкъ	Kargałyk
Кар-Ягды	–	–	–
Каска-ро	–	–	–
Катлиш	–	Катлишъ	–
Катныш-Хатын	–	Канышъ-хатынь	–
Кафиристан	–	–	Kafiristan
Кафтар хана	–	–	–
Кафыр-Дара	–	–	Kafyr-Dara
Кашгар	Кашгаръ	Кашгаръ	Kaszgar
Кашгария	–	–	Kaszgarja
Каюс	–	–	–
Келендж	–	–	Kielendź
Керия	Керія	Керія	Kerja
Керия-Дарья	–	Керія-дарья	Kerja-Darja
Керч	–	–	–
Киврон	–	Кивранъ	–
Киев	–	–	–
Кильянг Кильям Кильян	Кильянгъ, сел., пер.	Кильянг, пер.	Kiljam
Кильяны-Аузы	Кильямъ-Аузы	–	–
Кильяш	–	–	–
Кинг-Кол	–	Кингъ-коль	–
Кингкос	–	–	–
Кинг-Сай	Кингъ-Сай	Кингъ-сай	–
Кинг-Шивер	Кингъ-Шиверъ	Кингъ-шиверъ	King-Szywer
Кичик-Устанг	–	–	–
Койтезак	–	Кой-тезекъ	–
Кокан Коканд	–	–	Kokand Kokan
Кок-Джар	–	–	–
Кокуй-бель Кокуй-Бель	–	Кокуй-бель	–
Кокуй-Кочкар	–	–	–

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Кошаль-Аяк Кошаль Аяк	–	Кашаль-аякъ	–
Кошараб	–	Кош-араб	–
Кош-Гумбез	Кошъ-Гумбезъ	Кошъ-гумбезъ	Kosz-Gumber
Кошля-Хуз	–	–	–
Кош-Маму Кош-Муму	–	–	–
Кош-Таг	Кошъ-тагъ	Кошъ-тагъ	–
Кош-Ташны-Каны	Кашъ-Ташны-Коны	Кошъ-ташъ-канъ	Kasz-Taszny-Kany
Кош-Ункур	–	–	–
Кугарт Кук-Арт	Кугартъ	–	Kuk-Art
Кугрым	Кугрымъ	Кугрымъ	Kugrym
Кудара	–	–	Ku-dara Kudara
Кудук	–	Кудукъ	–
Куерский перевал	–	–	–
Кукалянг	Кукалянгъ	Кукалянгъ	Kukalang
Кукаранг	–	–	–
Кук-Белес	Кукъ-Белесъ	Кукъ-белесъ (Кулянды)	–
Кук-Буйнак	Кукъ-Буйнакъ	–	–
Кук-Джара	–	–	–
Кук-Муран	–	–	–
Кук-Яр	Кукъ-Яръ	Кукъ-яръ	Kok-Jar
Куленка-Тукай	Куленка-Тукай	–	–
Кулика	Кулика	Кулика	Kulika
Куль	Куль	Куль	–
Кульджа	–	–	–
Куляб	–	–	Kulab
Кулян-арык Кулян-Арык	Кулянъ-Арыкъ	Кулянъ-арыкъ	Kulan-Aryk
Кум Рават Падша	–	Кумъ-рабатъ-падша	–
Кума	–	–	–
Кумат	–	Куматъ	–
Кумаш-аузы	–	Кумашъ-аузы	–
Кумгъль	–	–	–
Кумыш Джинга	–	Кумышъ-джилга	–
Кунгтей	–	–	–
Кунгур	–	–	–
Кундаляк	–	Гундаликъ-лян.	–
Кун-тымпес	–	–	–
Куня-Кан	–	Куня-кан	–
Куня-Тупхана Куня-тупхана	–	–	–
Купрюк	–	–	–
Купрюкнын-Кара- -Япчанлик	Купрюкнынъ-Кара- -Япчанликъ	–	–
Кураб	–	Куръ-абъ	Kur-Ob

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Курабъ	Курабъ	Куръ-абъ	–
Курбан-Бай-Агыль	Курбанъ-бай-Агыль	Курбанъ-бай-агыль	–
Кургак	–	Кургакъ	–
Курган	–	–	–
Куркентай	–	–	–
Куромат	Куроматъ	Куроматъ	–
Курук Джильга	–	–	–
Курук-Лянгар	–	Курукъ-лянгаръ	–
Курумбы	–	–	–
Курумды	–	Г. Курумды	–
Куруми-Рыхта	–	–	–
Кусараб	–	–	–
Кусораб	–	Косараб	–
Кутлюк	–	Кутлюкъ	–
Куф	–	Калаи-куф	–
Куфау	–	Оби-Куфау	Kufau
Кухи-Пушты-Кулё	–	–	–
Кух-Мамыр	–	–	–
Кучкан	–	–	–
Кызыл	–	Кызыль	–
Кызыл Арт Кызыл-Арт	Кызыль-Артъ	Кызыль-артъ	Kyzyl-Art
Кызыл-Булак	Кызыль-Булакъ	–	–
Кызыл-Даван	–	Кызыль-даванъ	–
Кызыл-Ишманы-Гаты	Чаты-Кызыль-Ишма	–	–
Кызыл-Кия	Кызыль-Кія	Кызыль-Кія	Kyzyl-Kija
Кызыл-Ку	–	–	–
Кызыл-Кунгей Шивыр	Кызыль-Кунгей- -Шиверь	–	Kyzyl-Kungej-Szywer
Кызыл-Куулук	Кызыль-Куулукъ	Кызыль-куулукъ	–
Кызыл-Куулюк	Кызыль-Куулюкъ	Кызыль-куулукъ	–
Кызыл-Рабат	–	Кызыль-рабатъ	–
Кызыл-су Кызыл-Су	–	Кызыль-су	Kyzyl-su
Кызыл-Таг Кызыл-таг	–	–	–
Кызыл-Тепе	–	–	–
Кызыл-Яр	–	–	–
Кырг-ачин	–	Кырк-ачик	–
Кырговат	Кырговатъ	Кырговатъ	Kyrgowat
Кыргыз-Джангал	Кыргызъ-Джангаль	Кыргызъ-джангаль	Kirgiz Dzangal
Кырчетъ-Булак	–	–	–
Кырчин Баши	–	–	–
Кырчин- Джильга	–	–	Kyrczyn-Džylgany
Кырчин-Джильганы- -Аузы	Кырчинъ- -Джильганы-Аузы	–	Kyrczyn-Džylgany- -Auzy
Кытай-том	–	Китай там	–
Кюйды	Кюйды	–	–

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Кюйды-Мазар	–	–	–
Л...-Джанган	–	–	Lub-Dzangał
Ладак	–	–	Ladak
Лайка	–	Лайка	–
Лёджурк Лёджирк Лёджира Кала-и-Лёджира	Леджуркъ	Леджуркъ	Ledźurk
Ливадия	–	–	–
Луп	Лупъ	Лупъ	–
Люли-Харби	–	–	–
Люси	–	–	–
Люши	Люши	Люши	Luszy
Ляйран-и-Боле	–	Лаиранъ	–
Ляйран-и-Поен	–	Лаиранъ	–
Лямлю	–	Лямлю	–
Лянгар	Лянгаръ	Лянгаръ	Langar
Лянгар Сулюгаз	–	Сулюгазъ	–
Лянгар-и-Гиркон	–	–	–
Лянгар-Сай	–	Лянгаръ-сай	–
Лянгар-Туграк Туграк-Лянгар	Лянгаръ-Тугракъ	Лянг Тугракъ	Langar-Tugrak
Лянгар-Чиль- -Микроби	Лянгаръ-Чиль- -Микроби	Лянгаръ	Langar-Czil-Mikrobi
Ляп Джираф	–	–	–
Лятар-ро	–	–	–
Ляхши	–	–	–
Лячин-Таг	–	–	–
Мазар	–	Мазаръ	–
Мазар-Хазрети-Бурк	–	–	–
Май-Зур	–	Май-зуръ	Maj-Zur
Маймай	–	Май-май	–
Малый Кара-Куль	–	–	–
Малый Карамук	Малый Карамукъ	Катта-карамукъ	Mały Karamuk
Мамыр-Куль	Мамыръ-Куль	–	Mamyr-Kul
Манас Гумбез	Манась-Гумбезъ	–	–
Марал-Баши Марал Баши Марал-баши	–	–	–
Марга-и-Болё	–	Маргакъ	–
Марга-и-Поен	–	Маргакъ	–
Маргелан	Новый Маргеланъ	–	Margelan
Марджанай	Марджанай	–	Mardżanaj
Маркан-Су	–	Марканъ-су	Markan-su
Марьям	–	–	–
Мастудж	–	–	Mastudź
Матран	–	Матраунъ	–

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Междуозерный Пер.	Междуозерный Пер.	Междуозерный Пер.	Międzyjeziorna Przełęcz
Метис	–	–	–
Минаду	–	Міонаду	–
Минг-Тепе	–	–	–
Минг-Тепи	–	Мынь-тэке	–
Мирза-Мурат	–	–	–
Михман Юлы	–	Михманъ-юлы	–
Молгун	Малунъ (Малгунъ)	Молгунъ	Małgun
Мочка	Мочка	Мочка	–
Муджан	–	–	–
Музлик	–	Музликъ	–
Музлюк	Музлюкъ	Музлюкъ	–
Муз-Таг Муз Таг Музтаг	–	Музь-тагъ	Muz-Tag
Муйнак	Муйнакъ	Муйнакъ	–
Мук-Су Мук-су Муксу	–	Мукъ-су	Muk-su
Мургаб Мург-об Мург-Об	Мургаби	Мургабъ	Murg-ob
Муштыу	–	–	–
Мыскар	–	–	–
Найгуф	–	Найгуфъ	–
Нарын	–	–	–
Наурду	–	–	–
Неприветливое Оз.	–	Непривѣтливое Оз.	–
Нижний [Новгород]	–	–	–
Ниса-Кош	–	–	–
Нисоны	–	–	–
Нисса	–	–	–
Ния	Нія	Нія	Nija
Нуджхоля	–	–	–
Нура	–	Нура	–
Нуссай	–	Нисай	–
Нухра-Ку	–	–	–
Оби-Даргобы	–	–	–
Оби-Кабуд (Уйкаш-су)	–	Уй-таль	–
Оби-Равнау	–	Оби-Рагноу	–
Оби-Хингау	–	Хингоу	–
Овринги Буни Сулю	–	–	–
Овринги-Пиши- -Моймай	–	–	–
Одесса	–	–	–
Ой-Туграк	Ой-Тугракъ	–	–
Опар	Опаръ (Гозъ)	–	Opar

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Ореанда	–	–	–
Орошар	–	Орошоръ	–
Осай	–	–	–
Осиобы-Худоирак	–	–	–
Очма	Очма	Очма	–
Ош	Ошъ	Ошъ	Osz
Памир	Памиръ	–	Pamir
Панамик	–	–	Panamik
Паноз	–	–	–
Параш	–	Патанъ	–
Паср-Рават	–	–	–
Пасры-рох	–	–	–
Пассу	–	–	–
Пасты-ро Пасты Рох	–	Пасты-Рохъ	–
Паткинау	–	–	–
Пахпотны Аузы	–	–	–
Пахпу	Пахпу	Пахпу	Pachpu
Пахталик-Акын	–	–	–
Пашм-Гарм	–	Пашммъ-гармъ	–
Пиль	–	Пиль	Pil
Пилятагач	–	–	–
Пинора	–	Пинара	–
Пис	–	–	–
Пишихарви	Пшихарфъ	Пшихарвъ	Psycharf
Пишния	–	Пишнія	Piszpja
Пияльма	Пьяльма	Піяльма	–
Полиз	–	Пализъ	–
Полу	Полу	Полу	Połu
Попал	–	Попанъ	–
Попона	Попонакъ	Попонакъ	–
Поти	–	–	–
Пошхарф	–	Пашхарвъ	–
Пошхорф	–	–	–
Псар	Псаръ	Псаръ	–
Псас	–	–	–
Псода	–	Псода	–
Пуджия Пужия	Пуджія	Пуджія	Pudzja
Пуль-и-Саиг	–	–	–
Пуль-и-санг	Пуль-и-сангинъ	–	Pul-i-Songin
Пур	–	–	–
Пурсель	–	–	–
Пур-Таш	–	Пуръ-Ташъ	–
Пускам	Пускамъ	Пускамъ	–
Пуски	Пуски	Пуски	Puski
Пучаклик	–	–	–

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Пчан-Ярта	–	Пчанъ-яртъ	–
Пшка	–	Пшка	–
Пынарво	–	–	–
Пыр-Рох-Раватны- -Аузы	–	Пирь-рохны-аузы	–
Пыштар-ро	–	–	–
Пяндж	–	Пянджъ	Piandż
Ранг-Куль	–	–	–
Раскем Раскем-Дарья	Раскемъ	Раскемъ-дарья	Raskem Raskem-Darja
Ривак	–	–	–
Ривак	–	Ровва	–
Рован	–	Равноу	–
Рох	–	–	–
Роха	–	Роха	–
Рошан	–	Рушанъ	Roszan
Рудок	–	–	Rudok
Русмач	–	–	–
Русский Пер.	Русскій Пер.	Русскій Пер.	–
Рыхч	–	Рыхчъ	–
Сабз-Хар	–	Саузы-харъ	–
Саву	–	Саву	–
Сагры-Дашт	–	–	–
Сагыз-Куль	Сагызъ-куль	Сагызъ-куль	–
Саёт	–	Саятъ	–
Сай	–	–	–
Сайбак Сайбаг	–	Сай-багъ	–
Сакрыгу	Сакрыгу	Сакрыгу	–
Сальвар	–	–	–
Сальвар Джайляу	–	–	–
Самарканд	–	–	Samarkanda
Сампула	Сампула	Сампула	–
Сангвар Санг-Вор	–	Сангваръ	–
Сандалъ	Сандалъ	Сандалъ	–
Санджа	Санджа	Санджа	–
Санджу	Санджу	Санджу	Sandzu
Сарай	–	Сарай	–
Сарай-Джильга	–	–	–
Саранг-Уй	–	–	–
Сарез	–	Сарезъ	Sarez
Саррах	–	–	–
Сархад	–	–	Sarchad
Сары-Булюнг	–	–	–
Сары-Кала	–	–	–
Сары-Камыш	Сары-Камышъ	Сары-камышъ	Sary-Kamysz

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Сары-Камыш-Булак	–	–	–
Сары-Кии Сары-кии	–	–	Sary-Kii
Сары-кол	–	–	Sary-Kol
Сары-Куйрук	–	Сары-куйрюкь	–
Сары-Курум	Сары-Курумь	–	–
Сасык-Булак	–	–	–
Сасыр	–	–	–
Саук	Саукь	Саукь	–
Саук-Сай Саук-сай	Саукь-Сай	Саукь-сай	–
Сафар-Кульны-Аузы	Сафарь-Кульны-Аузы	–	Safar-Kulny-Auzy
Сафид-Ку	–	–	–
сафид-хырс	–	Сафиди-Хырсь	–
Сафы Дашт	–	–	–
Севастополь	–	–	–
Сеид-Бай-Агыл	–	–	–
Сеидулла-Кеит	–	Сейдула-кенть	–
Секки Булак (Керсен-Булак)	–	Керсень-булакь	–
Секреги Киик	–	–	–
Силь-Дара	–	–	–
Симла	–	–	–
Сипар (Сальтар)	Сихпарь (Сальторь)	Сипарь (Сальтарь)	Sipar
Соургак	Соургакь	Соургакь	Sourgak
Субаши	Су-Баши	Су-баши	Su-Baszy
Сугер	–	–	–
Сугет	Сугеть	Сугеть	Sugiet
Сугетлик	–	–	–
Сугулюк	–	Сугулюкь	–
Сулик-Лянгар	Суликь-Лянгарь	Суликь-лянгарь	–
Сулы-кишлак	–	–	–
Сулюгар	–	–	–
Сумма-Таш	Сумма-Тать	Сумма-ташь	Summa-Tasz
Сунгуль Сунгул	Сунгуль	Сунгуль	Sungul
Супсия	–	Супсия	–
Сурковат	–	Сурковать	Surkawat
Сурх-Обак	–	Сурхь-обакь	Surch-ob
Суткаш	Суткашь	Суткашь	–
Сухсурават Сухсуроват	–	–	Suchsurawat (Hudargurt)
Сухтаяк	–	Сухт-аяк	–
Сухум Кале	–	–	–
Суяк Мазар	Суякь-Мазарь	Суякь-мазарь	Sujak-Mazar
Сыкат	–	Сыкабь	–
Сым	–	–	–

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Сымыс-Баур	–	–	–
Сытар	Сытаргъ	Сытаргъ	Sytarg
Сытарги	Акба-и-Сытарги	Акбаи-Сытарги	Akba-i-Sytargi
Та Мурунский пер.	–	Пер. Таунъ-мурунь	–
Тавиль-Дара Кома-и-Тавиль-Дара	–	Таби-дара Таби Дара	–
Тагар-Какты	–	Тагаръ-какры	–
Тагарм	–	–	–
Тагдум-Баш	–	–	–
Талдыкульны-Чаты	Талдыкульны-чаты	–	Taldykulny-czaty
Там	–	Тамъ	–
Тамчи	–	Тамчи	–
Танакор-Куль	–	–	–
Танги	–	Танги	–
Танкси	–	–	Tanksi
Танымес	–	Танымасъ	–
Тар Бугук	–	–	–
Тарим	–	–	–
Тарлюнг	–	Тарлюнгъ	–
Тахт	–	Тахтъ	–
Тахта Ку	–	–	–
Тахта-Корум	Тахта-Корумъ	Тахта-курумъ	–
Тахта-Курум	Тахта-Курумъ	Тахта-курумъ	Tachta-Kurum
Тахтахон	Тахтахонъ	Тахтахонъ	Tachtachon
Таш купрюк	–	–	–
Ташкент	–	–	Taszkient
Таш-Курган	–	Ташъ-курганъ	Tasz-Kurgan
Тевиз	Тевизъ	Тевизъ	–
Тегерманлик	Тегерманликъ	Тегерманликъ	–
Тегерман-Су	Тегерманъ-су	Тегерманъ-су	Tegerman-su
Текали	–	Тэкеликъ-тагъ	–
Тенгиз-Бай Тенгиз Бай	Тенгизъ-Бай	Тенгизъ-бай	Tengiz-baj
Тепе-Мазар	Тепе-Мазаръ	Тепе-мазаръ	Mazar-Tepe
Терек	–	Терекъ	–
Терек-Караул	–	–	–
Терекли	–	Терекли	–
Терим	–	Теримъ	–
Терс-Агар	–	Терсъ-акаръ	–
Техарф	Техарфъ	Техарвъ	Techarf
Тизнаф	–	Тизнафъ	Tiznaf
Тир	Тиръ (Чупъ)	Тиръ	–
Тифлис	–	–	–
Тмат	Томатъ	Таматъ	–
Тогмай	Тогмай	Тогмай	Togmaj
Токуз-Булак	–	Тогузь-булакъ	Tokuz-Bulak
Том	–	Томи	–

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Тор-Аузы	Торь-Аузы	Торь-аузы	–
Тор-Бугуз	–	Торь-бугусь	–
Тор-Кичу	–	–	–
Торпу	–	–	–
Тохонекны-Аузы Тохонек	Тоханекны-Аузы	Тохонекны-аузы	–
Туганек	–	–	–
Туграк	–	–	–
Туда-Макия	–	–	–
Туз Туз-Дара	–	Тузь-дара	–
Туз-Бель	–	Тузь-бель	–
Тукай-Баши	–	–	–
Тулганджи	–	–	–
Туманджи	–	–	–
Тумая	Тумая	Тумая	–
Туменги-Кок Дунг	Туменги-Кукъ-Дунгъ	–	–
Тунг	–	–	–
Тун-Куюк	–	Тунгуюкъ	–
Тупай	–	–	–
Тупчак	Дашты-Тупчакъ	Дашты-Тупчакъ	Daszty-Tupczak
Тура	–	–	–
Тур-Агылъ	–	Турь-агылъ	–
Турик	–	Турукъ	–
Тууру-Су	Туру-су	Туру-су	–
Тымыр-Утек	Тимырь-Утекъ	Тимирь-утекъ	–
Тюпес	Тюпесъ	Тюпесъ	–
Тюя Тугды	Тюя-Тугды	Тюя-Тугды	–
Тянь-Шань	–	–	Tian-Szan
Убах Убаг	–	Убагынъ	–
Узбои Узбой	Узбаи	Узбаи	Uzbai
Узук-Куль	–	–	–
Узун-Ада	–	–	Uzun-Ada
Уй-Бук	–	Уй-букъ	–
Уй-Суйды	Уй-Суйды	Уй-суйды	–
Уйтаг	–	Уй-тагъ	–
Уй-Туграк	–	–	–
Улуг-Арт	Улугъ-Артъ	Улугъ-артъ	–
Улуг-Сай	–	Улугъ-сай	–
Упал	Упаль	Упаль	Upał
Упалат	–	Упалатъ	–
Упалат-Даля	–	Упалатъ-дала	–
Упранг	Упрангъ	Упрангъ	Uprang
Упрангны-Аузы	Упрангны-Аузы	–	–
Урман-Туз	–	Урмангъ-тузь	–

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Уртабельское ущелье	–	–	–
Урта-Кыр	Урта-Кырь	Лянг. Урта-кырь	–
Уртанг-Туз	–	–	–
Урумбасты	Урумбасты	Урумбасы	Urumbasty
Урумчи	–	–	–
Урус булак	–	–	–
Урфар	–	Урфатъ	–
Урчель	–	–	–
Урюк	–	Урюкъ	–
Урюк-Караул	–	–	–
Услюш	–	Услюшь	Uslusz
Усос	–	Усосъ	–
Утляк	–	Утляк	–
Утраг	–	–	–
Уч-Бильду	–	Учь-бильду	–
Уч-Курган	Учь-Курганъ	–	Ucz-Kurgan
Ушак-Баш	–	Ушакъ-башъ	–
Уштыюн	–	–	–
Файзабад	–	–	Fajzabad
Феодосия	–	–	–
Фулак	–	–	–
Фурзин	–	–	–
Хазрети-Бурк	–	Хазрети-Бурхъ	–
Халь-Чушкун	–	Халь-чушкунъ	–
Ханабад	–	–	–
Ханака	Ханака	Ханака	–
Хан-Куль	Ханъ-куль	Ханъ-куль	Chan-Kul
Хан-Лянгар	Ханъ-Лянгаръ	Ханъ-лянгаръ	Chan-Langar
Харам-Дара	–	–	–
Харгуш	Харгушь	Харгушь	–
Хасан-Бугра-Мазар-Лянгар	Хасанъ-Бугра-Лянгаръ	Хасанъ-бугра-лянгаръ	–
Хатс-Рабар	–	Хость-рабать	–
Хатын-Арт	Хатынь-Арт	Хатынь-артъ	–
Хауд-и-Балё	–	–	–
Хауд-и-Миона	–	–	–
Хауд-и-Поен	Хаудъ-и-Поёнъ	–	Chaud-i-Pojan
Хаус-Ша (Ишау)	–	–	–
Хафалюнг	–	Хафалунг	–
Хаши	Хоши	Хаши	–
Хинг-Об	–	Хингоу	Ching-Ob Ching-ob Obi-Chingau
Ходжа Тогоб	–	–	–
Ходжа-Арык	–	Ходжа-арыкъ	–
Ходжа-Куль	–	–	–
Ходжент	–	–	–
Хой-Дара	–	–	–

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Хотан	Хотанъ (Ильчи)	Хотанъ	Chotan
Хотан-Дарья	–	Хотанъ-дарья	Chotan-Darja
Хохан (Холдыск)	–	–	–
Хунджураб	–	–	–
Хур	–	Грумъ	–
Хуш-куляк	–	Хушъ-кулякъ	–
Хыбшон	–	–	–
Хыджоувас	–	–	–
Хырд	–	Хыръ	–
Чавар-су	–	–	–
Чакар	Чакаръ	Чакаръ	Czakar
Чакмак	–	–	–
Чакмактын-Куль	–	–	Czaktakty-Kul
Чамалюнг	–	Чумалик	–
Чангильма	–	Чангильма	–
Чапрут	–	–	Czaprut
Чарбак	–	Чаръ-багъ	–
Чар-Имам	–	Чаръ-имамъ	–
Чарлюнг	–	Чарлунгъ	–
Чатрар	–	–	Czatrar (Czital)
Чатыр-Таш	–	Чатыръ-ташъ	–
Чашка	–	–	–
Чекель	–	–	–
Чемак-Кош	–	–	–
Чёрное море	–	–	–
Черчен-Дарья	–	–	Czerczeń
Четки-Бурелик	–	–	–
Чибра	Чибра	Чибра	Czybra
Чизганликны-Аузы	Чизганликны-Аузы	–	–
Чиль-Дара	–	–	–
Чиль-об Чиль-Об	Чиль-Объ	–	–
Чимган	Чимганъ	Чимганъ	Czymgan
Чимду	Чимду	Чимду	–
Чинушты (Чилишь)	–	–	–
Чипурисан	–	–	–
Чира	Чира	Чира	Czyra
Чирак-Сольды	Чиракъ-Сальды	Чиракъ-сольды	–
Чирзак	Чирзакъ	Чирзакъ	Czyrzak
Чичиклик	–	–	–
Чукур-Джилыга	Чукуръ-Джилыга	Чукуръ-джилыга	Czukur-Dzylga
Чукур-Куль Чукур-куль	–	Чукуръ-куль	–
Чукши	–	Чукши	Czukszy
Чумбус	–	Чумбусъ	–
Чунг-Тукай	Чунгъ-Тукай	Чунгъ-тукай	Czung-Tukaj
Чунг-Устанг	–	–	–

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Чуп	Чупь	Чупь	–
Чурсан	–	–	–
Чухшунак	–	–	–
Чушкун	–	–	–
Ша урли-куль	–	–	–
Шаар Хан	–	–	–
Шавар	–	–	–
Шайтан-Гум	–	–	–
Шаскумбо	–	Шаскумбо	Szaskumbo
Шауд	–	–	–
Шаушир	–	–	–
Шах-Дара	–	Шахь-дара	–
Шахидулла Ходжа Шахидулла-Ходжа	Шахидулла-Ходжа	Шахидулла-Ходжа	Szachidułła-Chodża
Шахри-сабз	–	–	–
Шива Оз.	–	Шива Оз.	Sziwa Jezioro
Шивуль	–	Шивуль	–
Шидвуч	–	Шидвуджъ	–
Шикай	–	Калаи-Шикай	–
Шикомаль	–	–	–
Шил-бели	Шильбели	Шильбели	–
Шимшаль	–	Шимшаль	Szyszał
Шимшальны-Аузы	Шимшальны-Аузы	Шимшальны-аузы	–
Шихпу	Шихпу	Шихпу	–
Шорах	–	–	–
Шугнан	–	Шугнань	Szugnan
Шурали-Утек Шурали	Шурали-Утекъ	–	–
Шуриан	–	–	–
Шур-Куль Шур-куль	–	–	–
Шухши	–	–	–
Шуш	–	–	–
Эгрим	–	–	–
Эдулюнг	Эдулюнгъ	Эдулюнгъ	–
Эски	Эски	Эски	–
Этекузды	–	Этэкузды	–
Юдунг-Баш	–	Юлук-баш	–
Юкареш-Кун-Дунг	Юкареш-Кукъ-Дунгъ	Кукъ-дунгъ	–
Юкареш-Урта-Бель	–	–	–
Юл-Арык	–	Юль-арыкъ	–
Юлдуз	–	–	–
Юлунг	–	Юлунгъ	Julung
Юлунг-Кулюк	–	Юлуть-кулукъ	–
Юльчин	Юльчинь	Юльчинь	–
Юмчъ	–	Емчъ	–
Юрунг-Кош	–	Юрунгъ-кашь- дарья	Jurung-Kosz
Юфон	–	Юфань	–

<i>Дневник...</i>	<i>Абсолютные высоты...</i>	<i>Карта путешествий...</i>	<i>W pustyniach Raskemu...</i>
Яван	–	–	–
Ява-Су	–	Ява-су	–
Ягар-Юль	–	Юль-ягарь	–
Язгулян Язгулён Язгулем	–	Язгулемь	Jazgulom Jazgulam Jazgulem
Якка-Арык	Якка-Арыкъ	Якка-арыкъ	–
Як-су	–	–	–
Ялгуз-Туграк	Ялгузь-Тугракъ	Ялгузь-тугракъ	–
Ялта	–	–	–
Яльнах Чичиркакак	Яльпакъ- -Чичирканакъ	Яльпакъ- -чичирканакъ	Jalpak-Czyczykanak
Ям-Булак	–	Ямь-булакъ	–
Янгар	Янгать	Янгать	–
Янги-Гиссар Янги-Гисар	Янги-Гиссарь	Янги-гиссарь	Jangi-Hisar
Янги-Даван	–	Янги-давань	–
Янги-Даваны-Аузы	Янги-Даваины-аузы	Янги-Даваины-аузы	–
Янги-Ир	–	–	–
Янги-Кон Янги-Кон-Даван	–	–	–
Янги-Шаар	–	–	–
Яр	–	Ярь-лянг.	–
Яркенд	Яркендь	Яркендь	Jarkend
Яркенд-Дарья	–	Яркендь-дарья	Jarkend Darja
Яр-уй-лянгар	–	Яр-уй-лянгар	–
Ярхуна	–	–	–
Ясин (Шикоман)	–	–	–
Яссы	–	–	–
Ясулгун	Ясулгунь	Ясулгунь	–
Яшиль-Куль Яшиль Куль	–	Яшиль-куль	Jaszyl-Kul

Библиография

Архивные источники

Архив Русского географического общества в Петербурге (АРГО)

Ф. 45. Б.Л. Громбчевский

Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ)

Ф. Среднеазиатский стол

Archiwum Polskiej Akademii Nauk w Warszawie (APAN)

Zespół Bolesław Olszewicz (1893-1972; historia geografii), sygn. III-184, teka Bronisław Grąbczewski

Опубликованные источники

Grąbczewski B., *List z podróży kapitana Grąbczewskiego w Środkowej Azji do pana Wł.S. w Petersburgu* [в:] „Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego”, Poznań 1891, т. 18.

Бухерт В.Г., *Вступительная статья: Туркестанские письма Н.Ф. Петровского*, Рос. Архив, Москва 2003, т. 12.

Вести из экспедиции Б.Л. Громбчевского [в:] „Известия Императорского Русского географического общества” (далее: „Известия ИРГО”), Санкт-Петербург 1890.

Громбчевский Б.Л., *Дневник экспедиции в Канджунт и Раскем в 1888 г.* [в:] Басханов М.К., Колесников А.А., Матвеева М.Ф., *Дервиш Гиндукуша. Путевые дневники Центральноазиатских экспедиций генерала Б.Л. Громбчевского*, Нестор-История, Санкт-Петербург 2015.

Письмо д. члена Б.Л. Громбчевского отъ 12 августа 1896 г. изъ Ташкента [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1896, т. XXXII.

Экспедиция капитана Б.Л. Громбчевского на Памиры [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1889, т. XXV.

Картографические источники

Карта путешествий Б.Л. Громбчевского в Дарваз, на Памир, в Джиты-Шаар, в Канджунт, в Раскем и в Северо-Западный Тибет, в 1885, 1888, 1889 и 1890 годах, Издание Императорского Русского Географического Общества, (Четыре листа), Санкт-Петербург, 1895.

Мемуары и воспоминания

Bonvalot G., *Przez Kaukaz i Pamir do Indii*, tłum. A. Kotalska, Wydawnictwo Łódzkie, Łódź 1986.

Cumberland C.S., *Sport On The Pamirs And Turkistan Steppes*, Wiliam Blackwood and Sons, Edinburgh and London 1895.

Grąbczewski B., *Kaszgarja. Kraj i ludzie. Podróż do Azji Środkowej*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1924.

Grąbczewski B., *Na służbie rosyjskiej. Fragmenty wspomnień*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1925.

Grąbczewski B., *Przez Pamiry i Hindukusz do źródeł rzeki Indus*, Wyd. Gebethner i Wolf, Warszawa 1924.

Grąbczewski B., *W pustyniach Raskemu i Tybetu*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1925.

Grąbczewski B., *Wspomnienia myśliwskie*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1925.

Lasocki W., *Wspomnienia z mojego życia*, т. 2, *Na Syberji*, Gmina Stoł. Król. Miasta Krakowa, Kraków 1934.

Youngusband F., *The Heart of a Continent*, John Murray, London 1896.

Научные труды

- Becker S., *Russias Protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva 1865–1924*, Routledge Curzon, London and New York 2005.
- Burzyńska A., Markowski M.P., *Teorie literatury XX wieku*, Kraków 2006.
- Eksperyta kryminalistyczna dokumentów na zlecenie Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu z dnia 18.10.2016 sporządzona przez mgr. R. Iwanka*, Żywiec 2.11.2016.
- French P., *Younghusband. The Last Great Imperial Adventurer*, Harper Collins 1995.
- Hedin S., *Southern Tibet. Discoveries in former times compared with my own researches in 1906–1908*, Institute of the General Staff of the Swedish Army, Stockholm 1917.
- Heyden L. von, *Catalog der Coleopteren von Sibirien mit Einschluss derjenigen der Turanischen Laender, Turkestans und der chinesischen Grenzgebiete*, Deutschen Entomologischen Gesellschaft, Berlin 1880–1881.
- Нопкirk P., *Obce diabły na Jedwabnym Szlaku. W poszukiwaniu zaginionych miast i skarbów w chińskiej części Azji Środkowej*, tłum. Anna Bezpiańska-Ogłęcka, Dialog, Warszawa 2008.
- Нопкirk P., *Wielka Gra. Sekretna wojna o Azję Środkową*, tłum. J. Skowroński, Zys i S-ka, Poznań 2011.
- Marshall J.G., *Britain and Tibet: A Select Annotated Bibliography of British Relations with Tibet and the Himalayan States Including Nepal, Sikkim and Bhutan*, Routledge Curzon, London and New York, 2005.
- Olszewicz B., *General Bronisław Grąbczewski. Polski badacz Azji Środkowej (1855–1926)*, Gebethner i Wolf, Poznań 1927.
- Robertson G.S., *Chitral. The Story of a Minor Siege*, Methuen & Co, London 1899.
- Ruskin J., *The Seven Lamps of Architecture*, Smith, Elder and Corporation, London 1855.
- Sundararajan S., *Kashmir crisis: unholy Anglo-Pak nexus*, Kalpaz Publications, Delhi 2010.
- Абдураимов М.А., *Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI-первой половине XIX века*, Фан, Ташкент 1966.
- Акрамов Н.М., *Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского*, ИРФОН, Душанбе 1974.
- Арандаренко Г.А., *Досуги в Туркестане*, Санкт-Петербург 1889.
- Басханов М.К., Колесников А.А., Матвеева М.Ф., *Дервиш Гиндукуша. Путевые дневники Центральноазиатских экспедиций генерала Б.Л. Громбчевского*, Нестор-История, Санкт-Петербург 2015.
- Громбчевский Б.Л., *Доклад подполковника Громбчевского, читанный в Николаевской Академии Генерального Штаба 14 марта 1891 г.*, [без места издания, на правах рукописи], 1891.
- Громбчевский Б.Л., *Наши интересы на Памире. Военно-политический очерк*, Новый Маргелан, 1891.
- Громбчевский Б.Л., *Отчет о поездке в Каишгар и Южную Каишгарию в 1885 г. старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области поручика Б.Л. Громбчевского*, Новый Маргелан [без даты издания].
- Куропаткин А.Н., *Каишгария. Историко-Географический Очеркъ Страны, ея военныя силы, промышленность и торговля*, Издание ИРГО, Санкт-Петербург 1879.
- Певцов М.В., *Труды Тибетской Экспедиции 1889–1890 гг.*, ч. 1–2., ИРГО, Санкт-Петербург, 1892–1895.
- Постников А.В., *Схватка на „Крыше Мира“. Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке*, Российская Академия Наук, Москва 2001.
- Рудницкий А.Ю., *Этот грозный Громбчевский... Большая игра на границах империи*, Алтейя, Санкт-Петербург 2013.

Сайнаков С.П., *Вклад дореволюционных русских исследователей в изучение этнографии Горного Бадахшана (Памира)*, Диссертация на соискание учёной степени кандидата наук на правах рукописи, Душанбе 2015.

Сергеев Е.Ю., *Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*, Товарищество научных изданий КМК, Москва 2016.

Тагеев Б.Л. (Рустам-Бек), *Памирские походы 1892-1895 г. Десятилетие присоединения Памира к России*, Варшава 1902.

Статьи

Black C.E.D., *M. Henri Dauvergne's explorations in the Pamirs* [в:] „Scottish Geographical Magazine”, 1892, vol. 8.

Błachowski S., *Instynkt czy inteligencja* [в:] „Kurjer Poznański”, 29.VII.1926, № 344.

Caban W., *Stanowisko Polaków z carskiego korpusu oficerskiego wobec powstania styczniowego* [в:] *Między irredentą a kolaboracją. Postawy społeczeństwa polskiego w latach niewoli – „W obcym mundurze”*, pod red. L. Michalskiej-Brachy i M. Korybut-Marciniak, Wyd. DiG, Warszawa 2013.

Danilevsky M.L., *Apatophysis Cheverolat, 1860 (Coleoptera: Cerambycidae) of Russia and adjacent regions* [в:] „Studies and reports of District Museum Prague-East, Taxonomical Series” 2008, 4 (1–2).

Daszkiewicz P., *L'expédition zoologique polonaise en Algérie d'après la correspondance de Władysław Taczanowski a Konstanty Jelski* [в:] „Organon” 2009, t. 41.

Dauvergne H., *Exploration dans l'Asie centrale*, [в:] „Bulletin de la Société de géographie”, 1892.

Diariusz [в:] *Słownik literatury staropolskiej. Średniowiecze – Renesans – Barok*, pod red. T. Michałowskiej, перевод – А. Б., Wrocław 1998.

Dziennik podróży [в:] *Słownik terminów literackich*, pod red. J. Sławińskiego, Wrocław-Warszawa-Kraków 1988.

Ejmond J., *Odyseja nieznanego Wschodu* [в:] „Wiadomości Literackie” 1925, № 4.

Explorations in the Pamir' and 'Further News of Grombchevski's Expedition across the Pamir [в:] „Proceedings of the Royal Geographical Society”, London, 11–3, March 1889.

Fleszar M., *Rękopisy Br. Grąbczewskiego w Towarzystwie Geograficznym ZSRR* [в:] „Przegląd Geograficzny” 1962, t. 34.

Geografischer Monatsbericht. Indien. Tibet [в:] „Petermanns Geographische Mitteilungen” 1886, nr 32.

Karolczak K., *Dzienniki z podróży ziemian polskich* [в:] *Pamiętniki, dzienniki i relacje jako źródła do badań historycznych (XVIII-XX wiek)*, pod red. tegoż, Kraków 2011

Kulik M., *Motywacje Polaków wstępujących do rosyjskich szkół wojskowych (1865–1914)* [в:] *Między irredentą a kolaboracją. Postawy społeczeństwa polskiego w latach niewoli – „W obcym mundurze”*, pod red. L. Michalskiej-Brachy i M. Korybut-Marciniak, Wyd. DiG, Warszawa 2013.

Lee S., *Elias, Ney* [в:] *Dictionary of National Biography*, 1901 supplement, by Smith, Elder & Co.

Massalski W., *W czeluściach Azji. (Z powodu książki gen. Grąbczewskiego pt. „Kaszgaria”; nakł. Gebethnera i Wolffa)* [в:] „Tygodnik Ilustrowany” 1924, nr 17.

Stevani W. Barnes, *Colonel Grambcheffsky's Expeditions in Central Asia, and The Recent Events on The Pamirs* [в:] „The Asiatic Quarterly Review” 1892, t. 3, January–April.

The rising of Ishaq Khan in southern Turkestan (1888) [в:] „Central Asian Review” 1958, t. 6, nr 5.

Walker J.T., *Notes on M. Dauvergne's Travels in Chinese Turkestan* [в:] „Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography”, 1892, vol. 14, No. 11.

Witosz B., *Gatunki podróżnicze w typologicznym ujęciu genologii lingwistycznej* [в:] *Wokół reportażu podróżniczego*, pod red. D. Rotta, Katowice 2007, t. 2.

- Войков А., *Экспедиция Б. Громбчевскаго в Центральную Азию* [в:] „Метеорологический Вестник” 1891, № 3.
- Геденов Д.Д., *Барометрическая опеределения капитана Б.Л. Громбчевскаго во время путешествия в Канджут и Раскем* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1889, т. XXV.
- Громбчевский Б.Л., *Доклад капитана Б.Л. Громбчевскаго о путешествии в 1889–1890 гг.* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1891, т. XXVII.
- Журнал заседания Совета Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 2 Октября 1889 г.* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1889, т. XXV.
- Заметки по климатологии капитана Б.Л. Громбчевскаго во время путешествия в Канджут и Раскем* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1889, т. XXV.
- Заседание № 4 27 февраля 1891 г. Протоколы заседаний ФМО § 84* (копия источника получена из Зоологического института Российской академии наук в Санкт-Петербурге).
- Карта Канджута, Раскема и Сарыкола* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1889, т. XXV.
- Косяков И.Е., *Путевые заметки по Каратегину и Дарвазу в 1882 г.* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1884, т. XX.
- Малоземова Е.И., *Холодное оружие и защитное вооружение иранцев в коллекции МАЭ РАН (Кунсткамера)* [в:] „Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена” 2008, № 55.
- Мушкетов И.В., *Заметка о нефрите и жадеите с восточнаго Памира* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1889, т. XXV.
- Николаев Г.В., Иванова Е.С., *Дополнительные данные о фауне и распространение жуков-крапчигов подрода *Furcilethrus Nikolajev*, 1968 рода *Lethrus Scopoli 1777 (Coleoptera: Geotrupidae: Lethrinae)** [в:] „Кавказский энтомологический бюллетень”, Том 10. Выпуск 1. 2014.
- Ошанин В.Ф., *Каратегин и Дарваз* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1881, т. XVII.
- Плескачински А., Попель-Махницки В., *Рецепция Бронислава Громбчевскаго в Польше* [w:] „Диалог цивилизаций. Проблемы истории и культуры Кыргызстана XX века”, Бишкек 2015, № 20-21.
- Путята Д.В., *Очерк экспедиции ГШ капитана Путята в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан в 1883 г.* [в:] „Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии”, Военно-ученый комитет Главного штаба, Санкт-Петербург 1884.
- Регель А.Э., *Поездка в Каратегин и Дарваз* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1882, т. XV.
- Регель А.Э., *Путешествие в Шугнан* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1884, т. XX.
- Семенов А.А., *Бухарский трактат о чинах и званиях и об их обязанностях носителей их в средневековой Бухаре* [в:] „Советское востоковедение” 1948, т. V.
- Тилло А.А., *Абсолютные высоты определенные Б.Л. Громбчевским во время путешествия на Памиры, в Раскем, Кашгарию и северо-западный Тибет в 1889 и 1890 годах* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1892, т. XXVIII.
- Шарнгорст К.В., *Астрономическая опеределения капитана Б.Л. Громбчевскаго во время путешествия в Канджут и Раскем* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1889, т. XXV.
- Штудендорф О., *Астрономические определения подполковника Б.Л. Громбчевским во время путешествия на Памир, в Раскем, Кашгарию и северо-западный Тибет в 1889 и 1890 годах* [в:] „Известия ИРГО”, Санкт-Петербург 1895, т. XXXI.

Список фотографий и фотодокументов

- **Фотодокументы 1-102, а также фотографии на страницах: LVI, LX (с правой стороны), LXI (внизу), LXII (с правой стороны) и на странице 2** (*Альбом видов и типов снятых Брониславом Людвиговичем Громбчевским во время путешествия в северо-западный Тибет по поручению Императорского Русского Географического Общества*, из коллекции Научного архива Русского географического общества в Санкт-Петербурге);
- **фотография на странице XXXVII** (*Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет. 1889–1890 гг.*, из коллекции Научного архива Русского географического общества в Санкт-Петербурге);
- **фотография на странице XX** (*Альбом видов и типов снятых Брониславом Людвиговичем Громбчевским во время путешествия в Канджунт и Раскем по поручению Императорского Русского Географического Общества*, из коллекции Научного архива Русского географического общества в Санкт-Петербурге);
- **фотография на странице XXXVI** (*Дневник экспедиции капитана Громбчевского*, из коллекции архива внешней политики Российской империи в Москве);
- **фотография на странице XXIV** (*Телеграмма Б.Л. Громбчевского директору Азиатского департамента И.А. Зиновьеву о результатах работы его экспедиции и прибытии в Ош*, из коллекции архива внешней политики Российской империи в Москве);
- **фотографии на страницах: LXI (вверху), 383, 390, 395, 450, 454, 515, 541 и 543** (B. Grąbczewski, *Kaszgarja. Kraj i ludzie. Podróż do Azji Środkowej*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1924);
- **фотографии на страницах: LIX (с левой стороны), LXII (с левой стороны), 194 и 294** (B. Grąbczewski, *Przez Pamiry i Hindukusz do źródeł rzeki Indus*, Wyd. Gebethner i Wolf, Warszawa 1924);
- **фотографии на страницах: LI, LIX (с правой стороны), LX (с левой стороны), 9, 10, 12, 16, 19, 25, 29, 32, 39, 58, 61, 63, 99, 122, 125, 225, 452** (B. Grąbczewski, *W pustyniach Raskemu i Tybetu*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1925);
- **фотография на странице XXVI** („Roczniki Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego”, 1891, tom XVIII, z. 1, из коллекции Познаньского общества друзей науки);
- **фотография на странице XXVIII** („Naokoło Świata: ilustrowany miesięcznik: dodatek do Tygodnika Ilustrowanego”, 1926, Nr 25, из коллекции Университетской библиотеки в Познани);
- **фотография на странице XXXI** (собственная коллекция Бартоша Громбчевского);
- **фотография на странице XXXIX** (R. Iwanek, *Ekspertyza kryminalistyczna dokumentów*, Centrum Ekspertyz Grafologicznych w Żywcu, Żywiec 2016);
- **фотография на странице XLI** (*Prosto w paszczę smoka. O Bronisławie Grąbczewskim*, tekst Stefan Wejnfeld, opracowanie graficzne Marek Szyszko, Wydawnictwo Sport i Turystyka, Warszawa 1987).

Об авторах

Вавжинец Попель-Махницки – доктор гуманитарных наук, профессор Университета им. Адама Мицкевича в Познани. Научный сотрудник и преподаватель, профессионально связан с Институтом русской и украинской филологии, где занимает должность заместителя директора по науке. Является также заведующим кафедрой русской литературы. Автор двух монографий и нескольких десятков научных статей, посвященных русской литературе XX и XXI веков. Главный редактор научного журнала „Kultury Wschodniosłowiańskie – Oblicza i Dialog”.

Адам Плескачиньски – кандидат исторических наук, исследователь Азии, автор многочисленных научно-популярных и научных публикаций, режиссер и консультант ряда исторических документальных фильмов. Специализируется в области польско-русских отношений в XIX и XX веках и истории Второй мировой войны, в том числе исследует боевую деятельность Красной Армии.

Констанция Плескачиньска – доктор художественных наук, профессор Университета искусств в Познани, заведующая Кафедрой дизайна общественного пространства на Факультете архитектуры интерьера и сценографии. В сфере художественной деятельности занимается проектированием общественных мест и выставок, а также графическим дизайном. В научной деятельности сосредоточилась на вопросах, связанных как с историческими, так и современными тенденциями в создании общественного пространства.

СБОРНЫЙ ЛИСТЪ

КАРТЫ

путешествій подполковника Громбчевскаго

въ Дарвазъ, на Намиръ, въ Джиты-шааръ, въ Канджунтъ, въ Раскель и въ С.З. Тибетъ,

въ 1885, 1888, 1889 и 1890 г.

Załącznik 1 do książki *Podróże nieodkryte. Dziennik ekspedycji Bronisława Grabczewskiego 1889–1890 jako świadectwo historii i elementu dziedzictwa kulturowego*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2017.
Reprodukcja Mapy podróży B.L. Grabczewskiego do Darwazu, w Pamir, Dżyty-Szaar, do Kandżuntu, w Raskem i do północno-zachodniego Tybetu w latach 1885, 1888, 1889 i 1890 wydanej przez Cesarskie Rosyjskie Towarzystwo Geograficzne w 1895 roku.

Приложение 1 к книге *Неоткрытые путешествия. Дневник экспедиции Bronisława Grombčevskogo 1889–1890 как свидетельство истории и элемент культурного наследия*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2017.
Репродукция Карты путешествия Б.Л. Громбчевского в Дарваз, Памиры, Джиты-Шаар, Канджунт, Раскел и в северно-западный Тибет в 1885, 1888, 1889 и 1890 годах, изданная Императорским Русским Географическим Обществом в 1895 году.

30° 41° 30° 42° 30° 43° 30° 44° 30° 45° 30° 46° 30°

Отъ Пискава

КАРТА ПУТЕШЕСТВІЙ ПОДПОЛКОВНИКА ГРОМБЧЕВСКАГО

ВЪ ДАРВАЗѢ, НА ПАМИРѢ, ВЪ ДЖИТЫ-ШААРѢ, ВЪ КАНДУТѢ,
ВЪ РАСКЕМѢ И ВЪ СѢВ. ЗАП. ТИБЕТѢ,
ВЪ 1885, 1888, 1889 и 1890 ГОДАХЪ.

МАСШТАБЪ
въ англійскомъ дюймѣ 20 вер.

Составлена и литографирована при Турк. Воен. Топогр. Отдѣлѣ въ 1895 году.

Подъ редакціей Подполк. Родионова.

Составъ картъ топогр. Руднева въ 1895 г.

Град. выс. лит. Олѣвѣвскій и воен. лит. Каземъ.

Załącznik 2 do książki Podróż nieodkryte. Dziennik ekspedycji Bronisława Grabczewskiego 1889-1890 jako świadectwo historii i element dziedzictwa kulturowego, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2017. Reprodukacja Mapy podróży B.L. Grabczewskiego do Darwazu, Pamiru, Dżyty-Szar, Kandyżutu, Raskemu i do północno-zachodniego Tybetu w latach 1885, 1888, 1889 i 1890 wydana przez Cesarskie Rosyjskie Towarzystwo Geograficzne w 1895 roku.

Приложение 2 к книге Неоткрытые путешествия. Дневник экспедиции Бронислава Громбчевского 1889-1890 как свидетельство истории и элемент культурного наследия, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2017. Reprodukacja Mapy podróży B.L. Grabczewskiego o Darwaz, Pamir, Dżyty-Szar, Kandyżut, Raskem i w północno-zachodnim Tybecie w latach 1885, 1888, 1889 i 1890 wydana przez Imperatorskim Russkimi Geograficznym Obščestvom w 1895 roku.

Р. I.	Л. 1.	СБОРНЫЙ ЛИСТЪ	
Р. II.	Л. 1.	Л. 2.	Л. 3.

Приложение 3 к книге Неокрытые путешествия. Личные экспедиции Бронислава Граболевского 1889-1890 как свидетельство истории и элемент культурного наследия. Издательство Науконе УАМ, Познань 2017.

Репродукция карты путешествия Б.Л. Граболевского в Дарваз, Памиры, Джамши-Памир, Калаикхан, в Ракем и в северо-западный Тибет в 1885, 1888, 1889 и 1890 годах, изданная Императорским Русским Географическим Обществом в 1895 году.

Załącznik 3 do książki Nieotryte podróże. Dziennik ekspedycji Bronisława Grabowskiego 1889-1890 jako świadectwo historii i element dziedzictwa kulturowego. Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2017.

Reprodukcja Mapy podróży B.L. Grabowskiego do Darwazu, Pamirów, Dżamshi-Pamir, Kalaikhan, w Rakem i do północno-zachodniego Tybetu w latach 1885, 1888, 1889 i 1890 wydana przez Cesarskie Rosyjskie Towarzystwo Geograficzne w 1895 roku.

Составл. карт. топогр. Рундьева в. 1895 г.

Грав. карт. лит. Оливцевой и волеи. лит. Казуинь.

Załącznik 4 do książki *Podróż nieodkryte. Dziennik ekspedycji Bronisława Grabiecowskiego 1889-1890 jako świadectwo historii i element dziedzictwa kulturowego*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2017.
 Reprodukacja Mapy podróży B.L. Grabiecowskiego do Darwazi, Pamir, Dżyuty-Szar, do Kandżutu, w Raskem i do północno-zachodniego Tybetu w latach 1885, 1888, 1889 i 1890 wydanej przez Cesarskie Rosyjskie Towarzystwo Geograficzne w 1895 roku.

Приложение 4 к книге *Неоткрытые путешествия. Дневник экспедиции Бронислава Граболевского 1889-1890 как свидетельство истории и элемент культурного наследия*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2017.
 Репродукция Карты путешествия Б.Л. Граболевского в Дарваз, Памиры, Джыты-Шар, Канджут, Раскем и в северо-западный Тибет в 1885, 1888, 1889 и 1890 годах, изданная Императорским Русским Географическим Обществом в 1895 году.

Приложение 5 к книге *Исторические путешествия. Древние источники Бронислава Громбчевского 1889-1890* как свидетельства истории и элементов культурного наследия. Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2017.
 Reprodukcia Mapy podręcznej B.L. Grombčovskiego do Darwacza, w Pamięć Dęczy-Szwarz do Kamdżutu, w Roskiem i do północno-zachodniego Tybeta w latach 1885, 1888, 1889 i 1890 roku, opublikowana w wydawnictwie Geograficznym w 1895 roku.

Załącznik 5 do książki *Podróże nieodbyte. Dzieńnik ekspedycji Bronisława Grombčovskiego 1889-1890* jako świadectwo historii i elementów kulturowego dziedzictwa. Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2017.
 Reprodukcia Mapy podręcznej B.L. Grombčovskiego do Darwacza, w Pamięć Dęczy-Szwarz do Kamdżutu, w Roskiem i do północno-zachodniego Tybeta w latach 1885, 1888, 1889 i 1890 roku, opublikowana w wydawnictwie Geograficzne w 1895 roku.

Составил кав. полков. Рудневъ въ 1895 г.

Путь подполковника Громбчевскаго.
 Площадь обсерваториального имъ пространства.

Грав. кав. лит. Олещевскій и волн. лит. Калужинъ.